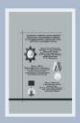
КОВЧЕГ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

литературно-художественный альманах 2021



11 КОВЧЕГ 2021 11

ЧЛЕНЫ СОЮЗОВ ПИСАТЕЛЕЙ:

Союза писателей России, Союза российских писателей и Российского союза писателей

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРАВОСЛАВИЕ В НАШИХ ДУШАХ

КОВЧЕГ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

ВСЕРОССИЙСКОГО ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

11-Й ВЫПУСК

«НОВЫЕ ВИТРАЖИ»
2021

УДК 882
ББК 84 2
К 25

Альманах «Ковчег»: духовная страница, материалы к 10-летнему юбилею альманаха, проза, поэзия, критика и литературоведение, публицистика, родословие и произведения о детях и для детей. Выпуск 11-й.— М.: «Новые Витражи», 2021.— 280 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

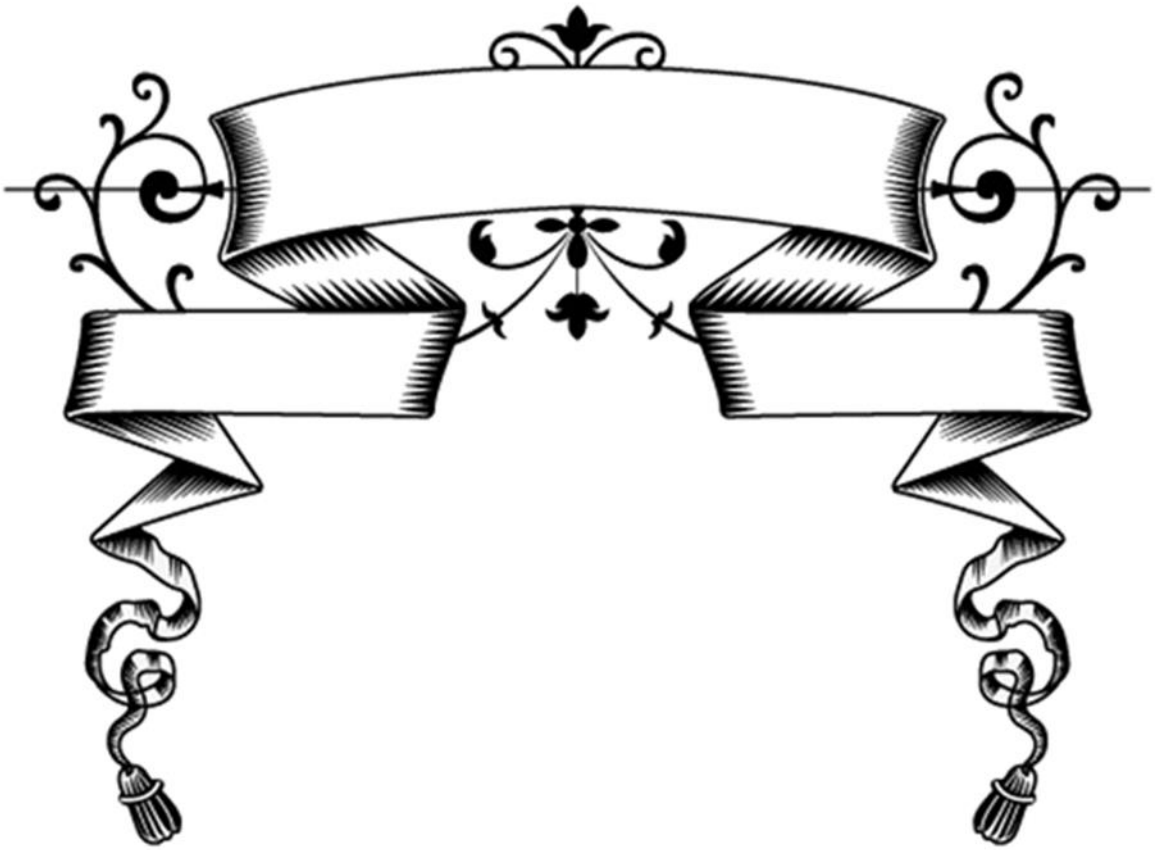
В альманах «Ковчег», выходящий под девизом «Православие в наших душах», вошли духовные произведения, рассказы, поэмы и стихотворения, эссе и миниатюры, статьи и воспоминания, литературоведческие работы и рецензии, а также произведения о детях и для детей для чтения им родителями. Участники альманаха — это и самодеятельные писатели, и профессионалы — члены Союза писателей России, Российского союза писателей, Союза российских писателей и других писательских союзов. Широк и возрастной диапазон авторов, он охватывает три поколения. В «Ковчеге» представлены авторы из Эль-Кувейта (Государство Кувейт), Бобруйска (Белоруссия), Свердловска (ЛНР), Баку (Азербайджан), Семипалатинска и Талгара Алма-Атинской обл. (Казахстан), Симферополя (Крым), Санкт-Петербурга, Сокола Вологодской обл., Брянска и Сельца Брянской обл., Белгорода, Азова Ростовской обл., Краснодара, Ярославля, Москвы, Серпухова и Каширы Московской обл., Тулы и Алексина, п. Заокского и Заокского р-на, Венева, Щекино, Новомосковска, Архангельского и Яблонево Тульской обл., Орла, Медвенки Курской обл., Нижнего Новгорода и д. Истомино Балахнинского р-на Нижегородской обл., Перми, Пензы, Салавата (Башкирия), Самары и Отрадного Самарской обл., Екатеринбурга, Тюмени, Омска, Барнаула, Красноярска и Кодинска Красноярского края. Объединяет же всех — любовь к России, духовности, православию, русской культуре и обеспокоенность судьбами страны, русского и всех российских народов, будущим наших детей.

Мнение редакционного совета не всегда совпадает с мнениями авторов.
За публикуемые в альманахе произведения ответственность несут авторы.

Все сокращения см. на стр. 273

ISBN 978-5-6045542-4-1

© Шафран Яков Наумович, идея, составление, 2021
© Авторы, 2021
© Шафран Яков Наумович, оригинал-макет, 2021
© Шафран Яков Наумович, Радько Виктория Владимировна, оформление, 2021
© «Новые Витражи», 2021



ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА

СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ. ДУША РОССИИ*

Владимир Николаевич КРУПИН

г. Москва

Ярославский вокзал столицы. Электричка на Сергиев Посад. Всего час езды — и вы в Лавре преподобного Сергия. Это счастье, что вы сюда приехали. И уже всегда будете вспоминать золотые купола Лавры, ее колокольные звоны, солнечные блики от горящих свечей в окладах икон, пение молитв. И не только вспоминать, но и снова приезжать, потому что поймете: без святого Сергия Радонежского не было бы нашей любимой России. Без него и России не понять.

Здесь всегда много людей. Конечно, прежде всего православные. Они принесли святому свои заботы, тревоги и печали. Молятся, чтобы преподобный помог им, и уходят от него утешенные. Приезжают и те, кто пытается понять, почему человек, живший семь веков назад, до сих пор имеет такую притягательную силу? Почему он так знаменит, как никто из земных царей, военачальников, любых знаменитостей?

«Ангел земли Русской», «заступник за землю Русскую перед Престолом Божиим» — так называют преподобного Сергия. А он никогда не был никаким повелителем людей, бежал от любых знаков отличия. Одевался так, что однажды приехавший к нему вельможа принял его за нищего. Митрополит Московский Киприан пытался возложить на Сергия золотой крест, но преподобный отказался, ему предлагали стать митрополитом, он ушел в келью и закрылся. Так что же он такого сделал, свершил за свою жизнь?

Он спас Россию. И спасает ее. Как? Своими молитвами. Но разве он один молится за Россию? Нет, но его молитвы доходят до Престола, до Царя Небесного, а наши, по грехам нашим, поднимаются невысоко.

Он из простой семьи. Родился в селе Варницы, недалеко от Ростова Великого. Родители трудились, ходили в Божий храм. То, что родится необыкновенный ребенок, его матери было дано знать еще до его рождения. Во время церковной службы, когда мать носила мальчика под сердцем, он трижды вскрикнул, да так громко, что слышали все молящиеся. А после рождения сразу же явилось другое чудо: младенец отказывался пить молочко из материнской груди в постные дни — в среду и пятницу. Ведь среда — это день, когда Иуда предал Христа, а пятница — день Распятия. Варфоломей, таково было его имя, рос ласковым, послушным, ничем не выделялся среди сверстников. Но вот только грамота и чтение давались ему с трудом, и мальчик сильно переживал.

И однажды в жизни мальчика произошел замечательный случай. В один из дней он пас коров, и к нему подошел старец. Заговорил с отроком, угостил кусочком просфоры. Мальчик пожаловался дедушке, что плохо понимает грамоту. (Эта сцена встречи Варфоломея и старца знакома нам по картине Нестерова «Видение отроку Варфоломею».)

Старец утешил мальчика, благословил, проводил до дома. Сели за стол. Старец сказал Варфоломею: «Читай Псалтырь». Мальчик, к своему изумлению и к радости родителей, стал ясно и громко читать. По всем описаниям выходило, что старцем был святитель Николай — любимый святой в русских семьях.

Чем была Русь XIV столетия? Она изнывала под ордынским игом. Но Северная Русь — край озер, болотных топей, рек и непроходимых лесов, и туда не дошла татарская конница. Деточки учились в школах, читали книги Священного Писания, особенно Псалтырь. И очень любили былины о богатырях Древней Руси, хотели подражать Илье Муромцу, Добрыне Никитичу, Алеше Поповичу.

Варфоломей отличался от сверстников тем, что сторонился забав, игр. От него редко можно было услышать шутку или смех. Первый описатель его жизни блаженный Епифаний Премудрый говорил, что еще в детстве преподобный полюбил ночные молитвы.

Но, конечно же, он продолжал помогать по хозяйству, рос крепким, сильным, много умеющим, знал кузнечное дело, любил плотничать, выращивать овощи, растить хлеб. Все это пригодилось ему впоследствии.

Совсем молодым он высказал родителям свое желание посвятить всю жизнь Господу, уйти в монастырь. Родители, любящие его, просили об одном: «Мы уже немолоды, становимся немощными, нам тяжело жить без сыновней помощи. Подожди нашей кончины и тогда иди».

Их семья переехала в маленькое село Московского княжества Радонеж, расположенное в двенадцати верстах от будущей Лавры. Но тогда никакой Лавры не было: вокруг шумел глухой и плотный лес, на редкие его поляны и перелески лишь иногда падали лучи нежного среднерусского солнца. А недалеко от Радонежа, верстах в трех, уже был в ту пору Хотьковский Покровский монастырь. Там родители Варфоломея приняли ангельский образ (так называется посвящение в монашеское звание), там и скончались. Теперь мы их поминаем как схимонаха Кирилла и схимонахиню Марию. Они покоятся в правом притворе монастырской церк-

* Русский Дом. Для тех, кто любит Россию! Владимир Крупин http://www.russdom.ru/node/7793

ви, в одной раке. И всегда, отправляясь в Сергиев Посад, мы должны помнить завет преподобного о том, что он просил навещать его родителей.

Варфоломей справил богатые поминки по родителям. А какие богатые? Можно подумать, что было роскошное застолье с едой и выпивкой. Нет, все богатство заключалось в том, что Варфоломей раздал нищим все, что к тому времени было накоплено в семье. И это очень по-православному: чем больше раздает человек, тем богаче он становится. Такие поминки одобрил и старший брат Варфоломея Стефан.

ХРАМ НАД МИРСКОЙ СУЕТОЙ

Еще при жизни родителей Варфоломей бывал к северу от Радонежа, на Маковце — пологой, невысокой горе, омываемой с двух сторон речками.

На Маковце братья в два топора поставили церковь, которую по благословению тогдашнего митрополита Феогноста освятили во имя Живоначальной Троицы. Это было в 1340 году. Этот год можно считать годом основания Троице-Сергиевой Лавры.

Вскоре молодой монах остается один, брат его Стефан уходит в Москву, в Богоявленский монастырь.

Приходили к преподобному звери лесные, и птицы небесные прилетали к нему. И однажды было такое видение преподобному: все небо над Лаврой заполнили голуби, и был к нему глас с небес: «Как много птиц в небе над монастырем, так много будет твоих учеников».

Всего 23 года было Варфоломею, когда игумен Митрофан постриг его в монашество с именем Сергий. А сколько ему пришлось вынести трудностей, выдержать борьбу с отчаянием, опасениями, наветами нечистых духов! Жил один среди темного леса. Выли метели, гремели грозы, рядом бродили дикие звери, рыскали свирепые хищники. К отшельнику приближались волки, обнюхивали его и удалялись прочь. В житии Сергия говорится, что Сергий долгое время помогал медведю: отдавал ему свой хлеб. Когда еды не было, зверь жалобно выл, и Сергий начинал ласково уговаривать его. Ночами видения чудовищ и гадов, врывавшихся в его келью, преследовали молодого монаха. Какое у него было оружие против них? Только Слово Божие, молитва, держание поста, причащение Святых Христовых Тайн. И Сергий выдержал, победил нашествие сатанинской силы. Конечно, она не успокоилась, продолжала нападать, но уже понимала, что здесь, в этой земле Русской, не иметь ей воли над людьми, ибо воцарился здесь человек, наделенный по своим молитвам такой силой, какой не бывало от века на Руси.

Не скрыть света, он и во тьме светит и зовет к себе. Так и Сергий, слава о его строгой, чистой жизни привлекала к нему. Приходили и оставались с ним новые люди, вначале трудники, послушники, затем выдержавшие испытания становились монахами.

СКОРБИ И НАГРАДЫ

«Люты скорби, но сладок рай, тяжелы труды, но велика награда», — такие слова произносил преподобный, утешая братию монастыря. А утешать было нужно: голод и холод испытывали их на прочность. Не хватало муки для выпечки не только хлеба, но даже просфор — преподобный молился, и приходил вдруг обоз от неведомого купца с хлебом, еще теплым от свежей выпечки. Не было воды — преподобный шел к месту, одному ему известному по его молитвам, и из земли начинал течь источник сладкой воды. Не было свечей — служили, зажигая березовую или сосновую лучину. Монахи сами возводили кельи, готовили пищу и пекли хлеб, шили одежду и благоустраивали обитель, заготавливали дрова и хворост. Трудно жилось. Посуда была деревянная, богослужебные книги писались на бересте. Но крепкая вера и благочестие спасали. Преподобный утешал братию: «Воззрите на птицы небесные, яко не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и Отец Небесный питает их».

Но не всех монахов утешали такие слова. Началось недовольство руководством Сергия. Тогда преподобный, не сказав никому ни слова, покинул Лавру и основал на реке Киржач новую обитель. Но не смогли сами монахи жить дружно. Некоторые стали уходить к Сергию. А оставшиеся пошли с поклоном к митрополиту Алексию, чтобы он благословил Сергия вернуться в обитель. Преподобный возвратился и, никого ни в чем не упрекнув, вновь возглавил братию.

ГЛАВНОЕ СОБЫТИЕ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Какое это главное событие? А это Куликовская битва. И сейчас горделивая Европа не понимает, что было бы с ней, если бы в 1380 году на поле Куликовом, меж Непрядвой и Доном, русские войска не остановили полчища Мамая. В сентябре, в день Рождества Пресвятой Богородицы. Именно преподобный Сергий вдохновил русских воинов и благословил эту битву.

Молодой князь Московский Димитрий Донской рвался на битву с татарами.

Просил благословения у преподобного Сергия. Сергий долго удерживал горячность князя, говоря: «Нет ничего дороже крови русской. Откупайся золотом, мехами, камнями драгоценными, береги русских людей».

Но пришло время, когда стало невыносимым ордынское иго. Великий князь Московский собрал войско. Кликнул лучшие русские силы по Святой Руси. Собрались под знамена московские войска князей новгородских, суздальских, костромских, брянских, вятских, курских, вологодских, ростовских, владимирских... Все бывало до тех пор в их отношениях — и вражда, и ссоры, но общая великая беда сплотила русских людей. Сплотило слово преподобного Сергия. Именно к нему, созвав войско, поехал Димитрий Московский за благословением.

Отслужили литургию, напутный молебен. Преподобный благословил своих лучших монахов, бывших воинов Александра Пересвета и Родиона Ослябю, идти с войском Димитрия на битву. Решение это было судьбоносное. Ведь монахи не берут в руки оружия. Преподобный Сергий сказал: «Господь осеняет русское воинство и одушевляет его присутствием в войске священников».

Именно Пересвет начал Куликовскую битву. В одной монашеской рясе, с крестом на груди, он выехал навстречу гиганту ордынского войска Челубею. Они сшиблись и упали замертво. В первых рядах бился великий князь Димитрий, надевший на себя доспехи простого ратника. После битвы его, всего израненного, но живого, нашли под деревом.

В это время в Лавре преподобного шла непрерывная молитва о победе русского оружия. Шло поминовение погибших. Преподобный Сергий видел весь ход битвы своими духовными очами и называл имена тех, кто погиб в эту самую минуту.

ДИМИТРИЕВСКАЯ СУББОТА

Уменьшенное, обескровленное русское войско возвратилось в Москву, но не сразу. Похоронили погибших. В Лавре служили благодарственные молебны и свершали панихиду по убиенным, возглашали им и их подвигу вечную память. Панихида выпала на субботу — день поминовения и на день памяти великомученика Димитрия Солунского, небесного покровителя князя Димитрия Донского. Московский князь и преподобный Сергий установили обычай молиться в Димитриевскую субботу об убиенных в Куликовскую битву. Этот обычай сохраняется и по сей день. В Димитриевскую субботу мы молимся уже не только о погибших на поле Куликовом, но и вообще о всех воинах, «на поле брани душу за Отечество положивших» во все войны, которые вела Россия за свою историю. Вспоминаем и поле Куликово, и лед Чудского озера, и Полтавскую битву, и поле Бородина, и Прохоровское поле Великой Отечественной. И более близкие по времени к нам жертвы афганской войны, среднеазиатских конфликтов, борцов с преступниками в Чечне и других.

И еще один памятник, уже архитектурный, напоминает нам о битве — это церковь Всех Святых на Славянской площади в Москве, около станции метро «Китай-город». Ее заложил лично великий князь Димитрий, получивший навсегда название Донской.

ШКОЛА МОЛИТВЫ И СПАСЕНИЯ

Так можно назвать Лавру преподобного Сергия. Ученики преподобного по его благословению уходили и в людные, и в глухие места тогдашней Руси, создавали монастыри. Монастыри были центрами просвещения — местом, где люди учатся жить и поступать по совести, по-божески. Там детей учили грамоте, благословляли на совместную жизнь полюбивших друг друга юношей и девушек, крестили, отпевали, провожая в жизнь вечную. В монастырях тогда и доныне спасались и спасаются человеческие души — самое дорогое, что у нас есть. Все эти монастыри жили по уставу обители преподобного Сергия.

Сергий, вступая в преклонные годы, продолжал служить, помогать братии точно так же, как и в начале монашества, стараясь всем помочь и угодить. Он был на вершине горы человеческих добродетелей, а с такой горы ближе до неба. Не раз и не два монахи видели, как огненные ангелы помогали преподобному служить. Более того, во время литургии небесный огонь входил в чашу для причастия, которую преподобный выносил из алтаря к молящимся. Именно Сергию, сопровождаемая святыми, явилась Божия Матерь, именно Она, Царица Небесная, предсказала, что у преподобного будет множество учеников. А предсказание это было ночью, когда небо осветилось неземным светом и все заполнилось летящими к рассвету птицами.

СВЯТОЙ СЕРГИЙ ВСЕГДА С НАМИ

Семь веков, семьсот лет со дня земной кончины преподобного Сергия. Но мы всегда, во всякое время чувствуем его молитвенную помощь. И думаешь: простой земной человек смог достичь при жизни такой святости, что воочию видел ангелов, Царицу Небесную, совершал чудеса исцелений. Значит, это возможно?

Мы вспоминаем христианскую кончину старца Сергия. За полгода до нее Господь открыл ему время ухода с земли. Преподобный собрал братию, говорил им о любви друг к другу, об умеренности в пище, о соблюдении постов, о хранении в чистоте души и тела. Назначил своим преемником игумена Никона, а сам ушел в безмолвие. В день кончины причастился Святых Христовых Тайн и впервые после долгого молчания сказал: «В руце Твои предаю дух мой, Господи», — и умер, как уснул. Лицо его просияло неведомым нам

светом. Благоухание дивных райских цветов разлилось по келье и по обители.

Это было 25 сентября 1392 года. Через тридцать лет мощи его были открыты нетленными и по-прежнему благоуханными. Чудеса, происходящие все эти годы, и доныне подобны, как писали раньше, многоводной реке, то есть неиссякаемы. Никакой самой толстой книги не хватит, чтобы рассказать о них. Но о двух случаях спасения преподобным Русской земли хочется поведать.

В Смутное время начала XVII века польско-литовские войска, вдохновляемые Ватиканом, захватили Москву, многие русские города. Дворяне и бояре бежали в стан врага, присягали польскому королю. Казалось, конец России. Но держалась Лавра. Понимая ее значение, интервенты решили ее взять и сжечь. Отборные войска полководцев Сапеги и Лисовского окружили Лавру и осаждали ее, обстреливали. Полтора года! И ушли ни с чем. А подумать только, кто противостоял отборным войскам? Монахи, крестьяне, ополченцы. Выстояла Лавра. И выдержала только по силе заступничества преподобного Сергия. Его видели на монастырских стенах, его присутствие сказывалось в том, что припасы еды и воды не уменьшались, а главное — духом не падали защитники.

Сапега и Лисовский поехали в Ростов Великий, к преподобному Иринарху, в его обитель — Борисо-Глебский монастырь. Как известно, место Иринарху указал сам преподобный Сергий. Так вот, преподобный Иринарх сказал захватчикам: «Уходите из России. Все равно вы потерпите поражение и уйдете с позором». Они не поверили. «Как это так? У нас такое войско, как это мы уйдем? Кто нас может победить?» — «Преподобный Сергий»,— отвечал старец Иринарх.

Именно преподобный явился нижегородскому купцу Козьме Минину и повелел собирать народное ополчение.

Другой случай явного заступничества святого Сергия за Россию был в 1812 году, когда новые захватчики, теперь уже французы, и вся Европа с ними вошли в Россию, хозяйничали в Кремле. Москва, зажженная самими москвичами, горела. «Что это за победа,— растерянно говорил Наполеон,— если нет побежденных?»

Он вышел на площадь перед Успенским собором и вздрогнул: со стороны Воробьевых гор шли три несметных войска. Они как будто шли по воздуху. «Я вижу их вождя! — в страхе закричал Наполеон.— Он весь в черном. Он монах, он с крестом. Седые волосы, седая борода. Кто он?»

Привели к императору пойманного русского старика. Старик, услышав о небесном войске, сразу сказал: «Это преподобный Сергий» — «А можно видеть его изображение?» — «Да. В каждой русской церкви». Наполеон тут же пошел в Благовещенский собор. Ему указали на икону преподобного. «Да, это он! — в страхе закричал император.— Что же это за народ, если их армию водят святые! Коня мне, коня!»

Привели коня. Император вскочил и в страхе бежал из Москвы. И из России. К своему безславному концу.

«Дивен Бог во святых Своих! — восклицаем мы. — Дивен в преподобном Сергии». Какое счастье, что у нас такой небесный заступник, ангел Русской земли, нашей любимой России.

ДВЕНАДЦАТЬ ДУХОВНЫХ НАСТАВЛЕНИЙ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО*

Преобразователь монашества на Руси не оставил после себя письменного наследия. Известно лишь о том, что он не любил длинных речей, говорил кратко, иногда притчами. Его любимым словом, было слово «дерзайте», а заповедью — «глазами сердца смотри».

В память о преподобном Сергие Радонежском публикуем подборку его духовных наставлений и заветов, сохранившихся в сказаниях и в церковном предании.

1. «Имея пищу и одежду, тем довольны будем...».

2. «А ни о чем бесполезном не нужно заботиться, но следует уповать и взирать на Бога, который может кормить нас и одевать, и обо всех наших делах заботиться: и от Него следует ожидать всего, что нужно доброго и полезного душам и телам нашим».

3. «Без испытаний и бед не проходит жизнь человеческая и не бывает спасения души. Испытания посылаются за грехи в назидание, их надо мужественно и терпеливо переживать».

4. «...Смирением украшать себя, единомыслие друг с другом хранить, ни во что ставить честь и славу жизни этой, но вместо этого от Бога воздаяния ожидать, небесных вечных благ наслаждения».

5. «Желал бы лучше повиноваться, чем начальствовать, но страшусь суда Божия и предаю себя в волю Господню».

6. «От юности своей я не носил на себе золото, в старости же тем более хочу пребыть в нищете».

---

* http://stsl.ru/news/all/12-dukhovnykh-nastavleniy-prepodobnogo-sergiya-radonezhskogo СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГИЕВА ЛАВРА

7. «Основанием всякого доброго дела, всякого доброго намерения, по учению слова Божия, должна быть вера; без веры угодить Богу невозможно. Но вера православная, основанная на учении апостолов и отцов, чуждая высокомудрствования, которое часто ведет к маловерию и неверию и сбивает с пути спасения».

8. «Любовью и единением спасемся».

9. «Кто хочет быть меж нами первым, да будет всем слугой».

10. «Приемлю Вас, но да будет известно каждому, что если пришли работать Богу и хотите здесь со мной безмолвствовать, то уготовайте себе претерпеть беды и печали, нужды и недостаток, ибо многими скорбями подобает нам войти в Царство Небесное».

11. «Как же мы не страшимся отбирать чужое, обижать ближнего и творить всякое зло. Разве мы не видим, что творящие неправду становятся неимущими, дома их пустеют, и память о них исчезает навсегда. И в будущем веке их ждет мучение бесконечное».

12. «Внимайте себе, братия, всех молю, прежде имейте страх Божий и чистоту душевную и телесную, и любовь нелицемерную; к сим же и страннолюбие, и смирение с покорением, пост и молитву. Пища и питие в меру; чести и славы не любите, паче же всего бойтеся и поминайте час смертный и Второе пришествие».

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ*
Н. ЯРОВСКАЯ
(Дано в сокращении)

«Прости мне, великая Лавра Сергиева, если мысль моя с особенным желанием устремляется в древнюю пу́стыню Сергиеву. Чту и в красующихся ныне храмах твоих дела Святых, обиталища Святыни, свидетелей праотеческого благочестия; люблю чин твоих Богослужений, и ныне с непосредственным благословением Преподобного Сергия совершаемых; с уважением взираю на твои столпостены, не поколебавшиеся и тогда, когда поколебалась было Россия; знаю, что и Лавра Сергиева и пустыня Сергиева есть одна и та же, и тем же богата сокровищем, то есть Божией Благодатию, которая обитала в Преподобном Сергии, в Его пустыне, и еще обитает в Нем и в Его мощах, в Его Лавре; но при всем том желал бы я узреть пустыню, которая обрела и стяжала сокровище, наследованное потом Лаврою.

Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятой Троицы? Вошел бы я в него на всенощное бдение, когда в нем с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению, но сердца молящихся горят тише и яснее свечи, и пламень их достигает до неба, и Ангелы их восходят и нисходят в пламени их жертвы духовной.

Отворите мне дверь тесной келии, чтобы я мог вздохнуть ее воздухом, который трепетал от гласа молитв и воздыханий Преподобного Сергия, который орошен дождем слез Его, в котором впечатлено столько глаголов духовных, пророчественных, чудодейственных.

Дайте мне облобызать праг ее сеней, который истерт ногами Святых и через который однажды переступили стопы Царицы Небесной... Ведь это все здесь: только закрыто временем, или заключено в сих величественных зданиях, как высокой цены сокровище в великолепном ковчеге»... Таковы слова, произнесенные митрополитом Московским Филаретом, бывшим сорок лет настоятелем Сергиевой Лавры.

Да, «это все здесь», и Преподобный Сергий неотступно бодрствует над своей Обителью и над любимою им Россиею.

… Кто перечтет все испытания страхом, пустынною жутью, голодом, подчас и унынием и, главным образом, борьбу с невидимыми темными силами?

... К этой борьбе с темными искушениями, к этому закалу, необходимому для Высшего Общения, в полной мере приобщился и Сергий.

Епифаний передает, как Преподобный сам рассказывал своим ученикам о мучивших его видениях. Как однажды он в «церквице» своей стоял на всенощном бдении, и вот раздался треск, и стена церковная расступилась, и через расселину вошел сам сатана, а с ним «полчище бесовское», в остроконечных шапках, и с угрозами как бы устремились на него. Они гнали, наступали на него и грозили ему, но он молился и продолжал начатое им бдение, повторяя: «Да воскреснет Бог и да расточатся враги Его». И бесы так же внезапно исчезли, как и появились.

В другой раз Сергий был в келье своей, и вот раздался сильный шум от несущихся сил бесовских, и наполнилась келья его змеями, а полчища бесовские окружили хижину его, и слышен был крик: «Отыди, отыди скорее от места сего! Что хочешь обрести здесь... или не боишься умереть здесь от голода? Вот и звери плотоядные рыщут вокруг тебя, алчущие растерзать тебя, беги немедленно!» Но Сергий и на этот раз остался тверд и мужественно отражал их молитвою. Внезапно проявившийся необычайный свет рассеял

* Наши Учителя и Вдохновители. Книги. Н. Яровская. Преподобный Сергий Радонежский. https://sibro.ru/teacher/books/813/24334

полчища темных.

Видимо, он более всего подвергался искушению «страхованиями», другие искушения чужды были его чистоте душевной. Но, как мы видим, и с этими «страхованиями» он скоро совладал ясностью духа и великою верою в Силы Высшие, хранившие его; об этом свидетельствует вскоре начавшийся появляться, вслед за натиском темных, необычайный свет, который и рассеивал полчища бесовские.

Но и в эту пору жутких испытаний и закалений духа были у Сергия и светлые явления; не все они были записаны, но сохранилось предание об одном, весьма характерном и связанном уже с Богоматерью. «Так, однажды Сергий хотел прочесть о житии Богородицы, но порыв ветра потушил лампаду. Тогда Сергий настолько воспылал духом, что книга просияла Светом Небесным, и он мог прочесть и без лампады».

Совладал он и со страхом перед дикими зверьми. Так, по Никоновской летописи, у него был лесной друг. Однажды Сергий увидел у порога кельи своей огромного медведя, ослабевшего от голода. Пожалел его и принес из кельи краюшку хлеба. Мохнатый пришелец мирно съел, и потом часто стал навещать его. Сергий делился с ним скудным запасом своим, и медведь стал ручным; так закалялся Дух Преподобного к предстоящему ему подвигу Воспитателя духа народного и Строителя Земли Русской. …

Самая высшая из молитв — это непрестанное удивление Творцу — больше всего наполняла душу Преподобного Сергия. Но была у него еще одна молитва.

«Бог и Родина» — вот то, что двигало жизнью и судьбою Преподобного Сергия... и эта любовь дала ему возможность так совершенно, до конца, исполнить заповедь Господню о любви к людям». …

По-видимому, не долго пробыл Сергий в полном одиночестве… Слухи о его подвижническом житии скоро разнеслись по окрестности, и стали навещать его люди, прося назидания и совета во всех делах своих; и никого не отпускал юный подвижник без утешения, без слова ободрения и вразумления.

Наконец пришли к нему и желавшие подражать ему в подвиге жизни и просили принять их в число учеников его. Сергий проницательно разбирался в их побуждении и душевном складе. Никогда не отказывал искренно искавшим подвига, лишь предупреждал их о трудности пустынного жития и о страхах, оборевавших новичков … ибо многими скорбями подобает нам внити в Царствие Небесное...

Замечательно, как часто мы встречаем в его словах, обращенных к ученикам и приходящим к нему, слово радость. Она звучит и в наставлении к труду, и в молитве, исполненной радости духа, и в радости несения подвига. Не этот ли призыв к радости, не эта ли радость, полагаемая им в основание всякого действия, и привлекала к нему столько сердец и впоследствии сделала его Обитель средоточием духовной культуры, опорою и прибежищем во все тяжкие минуты жизни Земли Русской?

… Будучи основоположником нового иноческого пути, Преподобный Сергий не изменил основному типу русского монашества, как он сложился в Киеве XI века, но в его облике проступают еще более утонченные и одухотворенные черты. Кротость, духовная ясность, величайшая простота являются основными чертами его духовного склада. При непрестанном труде, мы нигде не видим поощрения суровости аскезы, нигде нет указаний на ношение вериг или истязание плоти, но лишь непрестанный, радостный труд, как духовный, так и физический.

Так из пустынника, созерцателя Сергий вырастал в общественного деятеля и готовился неисповедимыми путями к роли государственной. Росла с ним и его Обитель, которой было суждено сыграть огромную историческую роль по распространению духовной культуры и укреплению Государства Русского.

… Приняв игуменство, Сергий ничего не изменил в обращении своем с братией, ни в своей труженической жизни, лишь принял еще большую ответственность. Так же, как и раньше, нес он все работы и служил братии «как раб купленный», и одежду носил ветхую и покрытую заплатами, так что трудно было различить, кто был старший из них и кто младший, ибо Преподобный с самых первых дней воплотил в образе своем завет первенства, указанный Христом: «Кто хочет между вами быть первым, да будет всем слугою».

… Преподобный соблюдал установленные им правила — не просить подаяния, но пользоваться лишь плодами рук своих, трудом заработанными… Простота, великая сердечность Преподобного, отзывчивость на всякое горе и, более всего, его ничем несломимая вера в заступничество Сил Превышних, и отсюда ясная, радостная бодрость, не оставлявшая его в самые тяжкие минуты, привлекали к нему всех и каждого.

… Он умел пользоваться каждым случаем, чтобы заложить в сознание народа зерно нравственного учения … И зерна его благостного учения дали чудесные всходы. Окрепла нравственность, окреп дух, поднялись силы народа, и подвиг освобождения Земли Русской, на который благословил его Преподобный, стал возможным. …

Итак, в лице Сергия-игумена мы имеем образ истинного Вождя, входящего как во внутреннюю, так и во внешнюю жизнь доверившихся ему. Он мог быть снисходительным, но нигде не видно попустительства. Есть свидетельство, что при всей своей мягкости он бывал суров на исповеди. Именно, присущая ему великая справедливость покоряла ему все сердца.

Смирение, которое так часто упоминается в связи с обликом Преподобного, имеет совершенно другое значение, нежели в современном смысле слова. Преподобный был, прежде всего, строителем, строитель же не может быть смиренником, ибо он знает ответственность. Многие черты древних событий преломляются совершенно иначе для нас, прежде всего, по причине разного понимания слов. Смирение его было самоотречением, но не самоуничижением, ибо иначе разве мог он явиться духовным наставником столь выдающейся паствы и создать такую мощную духовную твердыню? Разве мог бы он принять ответственность перед всем

народом, благословив воинство на страшный бой с вековым врагом Земли Русской? Он знал силу духа своего, он знал Волю Сил Высших. Мерилом величия духа всегда будет сознательно принятая тяжесть ответственности. И, как мы видим, Преподобный знал эту меру и принял полную чашу.

Мудрый Сергий-Строитель понимал, что без сотрудничества не только ничего нельзя построить, но ничто и жить не может, и потому своим личным примером хотел запечатлеть в сознании учеников и приходящих к нему великое значение сотрудничества как в большом, так и в малом. Подтверждением этому служит введенный им впоследствии в Обители порядок общежитный, при котором каждый трудился не для себя только, но прежде всего для общей пользы. Так было заложено Преподобным начало понимания сотрудничества.

… Можно сказать, что подвижническая жизнь Сергия, своим личным примером введя в жизнь высокое нравственное учение, отметила Новую Эру в жизни Земли Русской. Благодаря широкому установлению им и учениками его новых обителей, школ суровой подвижнической жизни, сильно поднялась нравственность народа.

… Народ обрел в Преподобном отца, наставника, судью справедливого, целителя как духовных, так и телесных немощей своих, и заступника перед всякого рода утеснителями. Истинно, никто более него не подходил под характеристику Святого древней Руси — «Земной Ангел и Небесный Человек».

… Слава о святости и мудрости Сергия распространилась по всей Руси и помимо воли выдвинула его и на поприще государственной деятельности.

К этому времени устанавливается и его великая дружба со Святителем Алексием, утвержденным в звании Митрополита всея Руси. Святитель Алексий часто приезжал в Троицкую Обитель отдохнуть и посоветоваться с мудрым Старцем. Эти два великих подвижника, духовно соединенные узами любви и понимания, в полном единении работали на благо народа русского, всячески помогая духовному просвещению и строительству Земли Русской.

… Митрополит Алексий неоднократно возлагал на Преподобного труднейшие политические поручения словом и убеждением усмирить распри удельных князей и привести их к признанию верховной власти князя Московского. И настолько было велико обаяние личности Преподобного, что самые упорные смирялись перед силою и мудростью его слов.

Также около этого времени совершается величайшее дело по распространению и насаждению новых обителей учениками Преподобного. По разным направлениям, широко наметились эти ячейки духовной культуры. … Пустынное житие широко распространилось в Московской Руси. … Святой Сергий явился отцом северного русского монашества, основоположником Святой Руси и также предтечею будущих старцев. … Апофеозом деятельности Преподобного было его историческое благословение на страшную битву великого князя Дмитрия. Он знал, какое следствие будет иметь его слово, и принял на себя эту ответственность. И следствием этого вдохновения и ободрения была великая победа над вековыми утеснителями. Победа эта явилась поворотным пунктом в истории молодого Московского Государства; … подняла дух его, что Московское Государство смогло укрепиться, чтобы с течением времени развиться в Великую Державу Всероссийскую.

… Среди сознательного и священного труда … совершалось это любовное раскрытие, и в сердце устанавливался постоянный престол во имя Высшего. В познании сердца, этого великого и единственного двигателя и мерила духовности, Преподобный опередил многих духовных путников.

… К концу жизни Преподобному Сергию явлено было чудесное видение, неразрывно связанное впоследствии со многими его посмертными чудесами.

Несомненно, у Сергия было глубокое почитание Богоматери; тому свидетельствует и второй основанный им монастырь на Киржаче во имя Благовещения, также и его последние слова, обращенные к братии, в которых он вверял любимую паству и Обитель Покровительству и Заступничеству Пречистой. Но более всего, конечно, подтверждает это чудесное видение Пречистой на закате дней его. Это благодатное видение явилось как бы завершением всего пройденного им пути Огненного Служения и утвердило созданное им дело. Некоторые относят его к 1387 году, в одну из пятниц Рождественского поста. В эту незабвенную ночь для Троицкой Обители, когда вся братия спала мирным сном, Святой же Сергий горячо молился перед иконою Божьей Матери; совершив обычное свое правило, он сел немного отдохнуть. Тут же находился его келейник Михей. Внезапно Преподобный воспрянул и сказал ему: «Чадо, трезвись и бодрствуй, сейчас имеет быть нам чудесное посещение», — и едва произнес он, как услышан был голос: «Се Пречистая грядет».

Святой Сергий поспешил в сени, и тут осенил его ослепительный свет, ярче солнечного, и он телесными глазами увидел Царицу Небесную с Апостолами Петром и Иоанном, блиставшими светом несказанным. Преподобный, не будучи в силах вынести объявшего его трепета, пал на землю. Пречистая прикоснулась к нему рукою и сказала: «Не ужасайся, избранник мой. Услышана молитва твоя, не скорби больше об учениках твоих, и об Обители своей не скорби более. Ибо отныне она всем будет изобиловать, и при жизни твоей и по смерти твоей неотступна буду Я от Обители твоей». Сказав это, Пречистая стала невидима.

Преподобный, исполненный великого потрясения, пребывал как бы в исступлении ума. Придя в себя, он нашел Михея, лежащего замертво. Очнувшись, Михей стал спрашивать: «Отче, что значит это ужасное и чудное видение, ибо душа моя от ужаса едва не разрешилась от тела?» Но Преподобный и сам еще не мог говорить от великого трепета, охватившего его, и так стояли они друг против друга, в безмолвии и в удивле-

нии. По истечении некоторого времени, придя окончательно в себя, Преподобный послал Михея позвать иноков Исаака и Симона и передал им все подробности благодатного Посещения. После радостных духовных и сердечных восхищений было совершено молебствие, иноки разошлись по кельям. Но Преподобный всю ночь провел без сна, слишком полна была его душа восторгом неизреченным.

… После этого Посещения и той духовной высоты, которой достиг Преподобный, он уже недолго жил. За полгода до своей кончины Преподобный получил откровение о своем исходе. Призвав братию, он вручил управление Обителью своему ученику преподобному Никону, сам же удалился в келью, в полный затвор, пребывая в безмолвии.

25 сентября 1392 года, на семьдесят восьмом году от рождения, приобщившись Святых Даров, принесенных в его келью, Святой Сергий благословил собравшуюся вокруг него братию, сказав: «Вот я отхожу к Богу, меня призывающему, вас же предаю Господу и Его Матери.

Она да будет вам прибежищем и стеною крепкою от сетей вражеских».

После чего мирно отошел. По свидетельству братии, в момент преставления лик Преподобного озарился светом и необыкновенное благоухание наполнило келью.

… Почему облик Преподобного так мощно запечатлелся в народном сознании?

Почему народ так возлюбил его и поставил превыше других Подвижников?

Народ инстинктивно чуял, что вся жизнь Преподобного была самоотверженным служением во благо ближних. Народ чуял, что в сердце его звучала боль мира, что он всего себя полагал на пользу мира и тем зажигал свое прозрение.

… Может быть, ничто так неприложимо к облику Преподобного, как определение Духотворца. Именно, вся жизнь его была непрестанным духотворением. Народ чуял этот священный дар и стекался к нему со всех сторон, чтобы приобщиться и почерпнуть этой незримой и несказуемой мощи. Чем же иначе объяснить то живительное действие, то высоко ободряющее и возносящее влияние, то чувство духовной крепости, которое ощущали и уносили с собою все окружавшие и приходившие к нему?

… Как Пламень неугасимый и неисчерпаемый, стоит он и сейчас на дозоре, сердцу и духовным очам доступный и зримый.

Множество светильников Земли Русской зажглось около Огня его, еще больше, может, предстоит... Неисповедимы пути духа...

Из статьи Николая Рериха «Душа народов»: «Как бы ни болело сердце русское, где бы ни искало оно решение правды, но Имя Святого Сергия Радонежского всегда останется тем прибежищем, на которое опирается душа народа. Будет ли это великое Имя в соборе, будет ли оно в музее, будет ли оно в книгохранилище, оно неизменно пребудет в глубинах души народной.

… Строительное и просветительное Имя Святого Сергия хранится в сердцах как драгоценнейший Ковчег Духа. Хранится оно как прибежище народного сознания в трудные минуты мировых перепутий. Не затемнится в существе своем Имя Святого Сергия, не затемнится во множестве других имен — сокровищах души народной, от древних и до многих современных. Тогда, когда нужно, народ опять обращается к выразителю своей сущности»...

… Вот и страница из прекрасной книги Бориса Зайцева о Преподобном: «… Он враг всем ненавистникам Христа, всем утверждающим себя и забывающим об Истине. Их очень много в наше время, когда "раздрание" мира зашло так далеко…»

И еще страница: «... Сергий глубочайше русский, глубочайше православный. … В тяжелые времена крови, насилия, свирепости, предательств, подлости — неземной облик Сергия утоляет и поддерживает. Не оставив по себе писаний, Сергий будто бы ничему не учит. Но он учит именно всем обликом своим — одним он утешение и освежение, другим немой укор. Безмолвно Сергий учит самому простому: правде, прямоте, мужественности, труду, благоговению и вере».

Поистине, замечательные страницы русских писаний посвящены Радонежскому Заступнику Земли Русской.

Отойдя в Обитель Света, истинную родину свою, Преподобный не оставил заступничеством своим любимую им паству и Землю Русскую. …

… Необычайные видения, всегда связанные с обликом Преподобного Сергия, начавшиеся проявляться повсеместно среди людей самого различного положения, вызвали в народе подъем религиозного чувства, величайшего напряжения, при котором чудо освобождения и очищения Московского Государства сделалось возможным. Так, один из главных героев освобождения Козьма Минин указывал, что источник его решимости поднять ополчение таился в чудесном троекратном ему видении Преподобного. В сонном видении явился ему великий Чудотворец и велел собирать казну для ратных людей и идти с ними очищать Государство Московское от разбойников. Пробудившись, Козьма в страхе стал размышлять о видении, но, полагая, что собирание войска не его дело, не знал, на что решиться. Спустя немного времени Преподобный вторично явился ему, но и после того Козьма пребывал в нерешительности. Тогда Преподобный в третий раз явился ему и сказал: «Не говорил ли я тебе, чтобы ты собирал ратных людей! Чтобы ты шел на освобождение Земли Русской от врагов! Не бойся того, что старшие не пойдут за тобою, младшие охотно исполнят это, и благое дело будет иметь добрый конец».

Последнее видение повергло Козьму в такой трепет, что он даже занемог, но больше сомневаться уже не мог и ревностно принялся за указанное великое дело.

Так рассказывается знаменательный момент Русской Истории.

… Дело, сложенное им, есть дело строения Государства Русского. На всех поворотных пунктах истории России, при всех потрясениях, обрушивавшихся на Землю Русскую, неизреченная мощь Преподобного и твердыня духовной культуры, им заложенная, стоят нерушимым оплотом сил духовных.

Мы видели, как на протяжении столетий мощь Преподобного неотступно питала и хранила любимую им Землю Русскую.

… «Одним из отличительных признаков великого народа,— говорит Ключевский,— служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжко его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу».

Через многие тяжкие испытания прошла Земля Русская, но все они лишь послужили к ее очищению и возвеличению — т а к б ы л о, т а к б у д е т. Сильна Россия мощью Светоносного Вождя и Хранителя своего! Кто может сказать, что Мощь его, неотступно стоящая на дозоре, не ждет срока, записанного в Скрижалях Небесных?

Уже неизреченные касания Его достигают многие сердца, и трепещут они в радостном предчувствии Новой Зари. Вновь, как в грозное время очищения Московского Государства от разбойников, повсюду встают видения Преподобного. Разнообразны они: вот Он в Вихре Огненном; вот Один в сиянии серебряном, с поднятой чашей; вот в сопровождении двух сподвижников, низко опущены схимы на лики их; вот стан, во мгле серебристой, не видать конца-края его, и стяг Преподобного реет высоко над ним; вот благовесть несется незримая, толпы народа спешат, праздничны одежды; вот слышен призыв Его пламенный, звучит в нем радость победы великой, радость грядущему мощному Строительству!

Пробьет час, Свыше предуказанный, и народ Земли Русской в порыве любви пламенной к Родине своей, в подвиге духа, подымется под стягом Преподобного против безбожных за Святыню отечества, за достоинство свое, за благо народов!

Отче Сергие, Дивный, с Тобою идем, с Тобою ПОБЕДИМ!

«Жизнь бесталанна без героя» — так гласит устами народа древняя мудрость. Так утверждает закон эволюции. В дни разрушений, в дни неслыханных озлоблений и всякого надругания и кощунства, когда высшей культуре духа, а следовательно, и эволюции всего человечества грозит гибель, не должно ли понятие это зажечь сознание и сердца не только лучших умов человечества, но захватить все лучшие силы народов?

Уже во многих странах встают облики вождей и героев, ибо душа народов тоскует о Вожде Светлого Будущего. Но темные в ярости саморазрушения продолжают восставать, кощунствовать и скрежетать против всякого понятия героя и вождя.

Свет и тьма! Резко обозначилась грань между Светом и тьмою!

Неприемлем вождь и герой для темного сознания, ибо вождь идет за Светом Высшим, за Светом, влекущим в Будущее.

Истинный вождь есть воплощение Указа Высшего. В таком вожде, как в фокусе, сходятся Веления Света и чаяния народа. Такой вождь идет осененный знанием высшим, и милосердие и строительство доспехи его.

Таким Вождем был Преподобный Сергий; вдохнув героический дух в народ, Он устремил его в будущее. Таким Вождем остается Он и сейчас, ибо нерасторжима связь Великих Духов с делом и подвигом их жизни.

Осиянный Светом Несказуемым стоит Он, невидимо Видимый, на ступенях великой Лестницы Иерархии Света, готовый в указанный час устремить легионы Светлых Сил, готовый благословить народ свой и Вождя его земного на новый подвиг.

Свет и тьма! Свирепствует предуказанная битва! Грозен Армагеддон! Но час решительный наступает, и Свет побеждает тьму!

К Сергию пришел Святитель Алексий с вопросом: что делать?

Сергий ответил: «Помоги земле Русской».

Когда Сергия спросили крестьяне: что делать? — он ответил: «Помогите земле Русской».

Когда Минин обратился к Сергию, тогда пришел ответ: «Помоги земле Русской!»

КАК ТЕРПЕЛИ СКОРБИ ОПТИНСКИЕ СТАРЦЫ*
Ольга РОЖНЕВА

Оптинские старцы являли собой пример того, как правильно относиться к скорбям и искушениям, которых было очень много в их жизни.

… Врагу ненавистно духовное руководство, старчество, которое обессиливает его козни, так же как ненавистна умносердечная непрестанная молитва, без которой нельзя стяжать даров духовного рассуждения и самого старчества. Поэтому так ополчается враг на старцев.

Схимонаха Феодора, учителя преподобного Оптинского старца Льва, всю жизнь преследовала страшная клевета и зависть. Такая же участь постигла и его ученика. Много лет пришлось им вести жизнь скитальческую, переходить из одной обители в другую, терпя от людской злобы, возбуждаемой врагом нашего спасения.

Все двенадцать лет старчества первого Оптинского старца Льва в монастыре были наполнены скорбями: гонениями, доносами, интригами, клеветой, непониманием и осуждением. Старца переселяли из скита в монастырь, из одной кельи в другую, запрещали принимать страждущих, носить схиму, в которую он был пострижен келейно. Все это преподобный Лев принимал с полным благодушием и переходил на новое место с любимой иконой — Владимирским образом Божией Матери (когда-то им благословил его наставника, схимонаха Феодора, старец Паисий Величковский) и пением «Достойно есть».

Преподобный Макарий также претерпел множество скорбей. Не раз, особенно в последние годы своей жизни, старец выражал близким ученикам свою душевную скорбь о том, что не знает, куда бы и как уклониться от множества народа. Не раз, чувствуя крайнее изнеможение и упадок физических сил, решался он прекратить вовсе умножавшуюся ежегодно свою духовную переписку; но, по примеру своего учителя, преподобного Льва, побеждаемый силой и горячностью любви к страждущим, а более всего — по смирению, не посмел сам сойти с креста пастыря.

Примером терпеливого перенесения скорбей был и преподобный Моисей, о котором вспоминали следующее:

«Одну из главнейших причин всегда мирного устроения отца архимандрита Моисея и вместе с тем одну из отличительнейших и замечательнейших черт его составляло то, что он никогда не желал настойчиво, чтобы исполнялась его воля, но, напротив, с совершенною покорностью и в малом, и в великом предавался воле Божией. Как и что ни случись, никогда он ничем не возмущался.

Случалось, что дает он кому-либо из братии поручение, а по обстоятельствам оно исполнится не так, как он предполагал. “Видно, не было на то воли Божией”,— говорил он в подобных случаях и спокойно отказывался от прежнего своего предположения. “На все потребно иметь готовое терпение,— еще говорил старец,— и хотеть не иначе, как будет, дабы не нарушалось спокойствие духа”. И сам среди труднейших обстоятельств в исполнении этого правила находил себе спокойствие духа».

Все случавшееся с ним старец принимал как от Господа: скорбное — как посланное для пользы душевной, утешительное — как знак Отеческого милостивого Промышления.

Его родной брат преподобный Антоний также терпел большие скорби. В 1836 году у старца от утомительных трудов открылась тяжелая болезнь ног, которая причиняла ему жестокие страдания до самой кончины. Ноги до колен были покрыты ранами и порой сильно истекали кровью. Сокровенным монашеским подвигом преподобного Антония было несение через всю жизнь этого креста тяжелого, продолжительного недуга. Многие, видя всегда светлое его лицо и слыша его оживленную беседу, не понимали, какой страдалец находится перед ними.

Очень тяжело болел в конце жизни преподобный Иларион. В последние недели он уже не мог ложиться в постель, не мог сам двигаться и до самой кончины своей сидел в кресле. Скорбные страдания старец переносил терпеливо: «Еще время терпит,— говорил он,— я еще несколько недель проживу в кресле; в водяной болезни недели по четыре сидят». Этими словами старец, как впоследствии оказалось, как бы предназначил время своего сидения с 21 августа по 18 сентября, то есть четыре недели и один день.

Несмотря на чрезмерную болезненную слабость, бессонницу, постоянную одышку, переходившую по ночам в удушье, на чрезвычайные боли, появлявшиеся в последние дни от некоторых болезненных припадков, старец до последнего утра своей жизни ни разу не оставил исполнения положенных в скиту молитвенных правил.

… Великий Оптинский старец преподобный Амвросий также терпел тяжелые скорби. Преподобным Льву и Макарию, вводившим в монастыре традиции старчества, умной молитвы, пришлось столкнуться с непониманием, клеветой, гонениями. У преподобного Амвросия не было подобных внешних скорбей, но,

---

* ПРАВОСЛАВИЕ. РУ https://pravoslavie.ru/61847.html

пожалуй, никто из Оптинских старцев не нес такого тяжелого креста болезни. На нем сбывались слова: «Сила Божия в немощи совершается».

Святые отцы перечисляют около семи духовных причин болезней. Об одной из причин они говорят: «Став праведными, святые претерпевали искушения или по причине каких-то недостатков, или чтобы получить большую славу, потому что обладали великим терпением. И Бог, не желая, чтобы излишек их терпения оставался неиспользованным, попускал им искушения и болезни».

Еще в молодости, во время поездки в Калугу для рукоположения в иеромонахи, преподобный Амвросий, изнуренный постом, схватил сильную простуду и тяжело заболел. С тех пор старец уже никогда не мог поправиться. Здоровье у него оставалось настолько слабым, что в 1846 году его по болезни вывели за штат. Всю оставшуюся жизнь он еле передвигался, страдал от испарины так, что переодевался по несколько раз в сутки, не выносил холода и сквозняков, пищу употреблял только жидкую, в количестве, которого едва бы хватило трехлетнему ребенку.

Несколько раз он бывал при смерти, но каждый раз чудесным образом, при помощи благодати Божией, возвращался к жизни. Находясь в такой немощи, старец нес подвиг духовного окормления многочисленных чад и паломников, исцелял больных, молился за страждущих, наставлял и помогал духовным советом.

Старец принимал у себя в келье толпы людей, никому не отказывал — народ стекался к нему со всех концов страны. Вставал он в четыре-пять часов утра, звал к себе келейников, и читалось утреннее правило. Затем старец молился один. С девяти часов утра начинался прием посетителей. Часа в два преподобному приносили скудную еду, после которой он час-полтора оставался один. Затем читалась вечерня и возобновлялся прием страждущих, который длился до самой ночи. Часов в одиннадцать совершалось длинное вечернее правило, и не раньше полуночи старец оставался наконец один. Так в течение более тридцати лет, изо дня в день, преподобный Амвросий совершал свой подвиг служения ближним.

Преподобный Анатолий (Зерцалов) также пережил много скорбей. Будучи иноком, он жил в угловой башне монастыря. От непривычки мало спать, от неудобных помещений и непривычных трудов в обители у молодого человека стала очень болеть голова. Иногда целыми днями лежал он с больной головой, и некому было подать ему воды; часто оставался и без пищи, когда на трапезу ходить не мог. А внизу в башне было место, где кололи дрова. Этот стук еще более отягощал положение больного.

После тяжелых физических трудов ему дали клиросное послушание, но оно скоро закончилось. Регент выгонял за клирос высокого инока, чтобы не закрывал нот, требовал оттуда смотреть и петь, и он слушался. Затем регент-простец осердился на нового певчего, что тот порой, как знаток пения, делал ему деловые указания, и пожаловался на него отцу настоятелю.

Будущего старца и отправили на кузницу. Тяжело было ему на этом послушании; спать приходилось здесь же, скамеечка — маленькая, узкая и короткая, а он был высокого роста. Ляжет, закроет голову свиткою — ногам холодно; ноги накроет — голове холодно. Путем этих мелких, по-видимому, но очень тяжелых огорчений вырабатывался в молодом послушнике, будущем старце, дух смирения и терпения, кротости и твердости.

Преподобный Иосиф, в миру Иван, келейник и сотаинник преподобного Амвросия, о том, что такое скорби, узнал с детства. Когда он был ребенком, любимая сестра ушла в монастырь, и он тосковал по ней. В четыре года остался без отца, а в одиннадцать лет — без матери.

Старший брат стал полным хозяином имущества. Был он человеком неплохим, но страдал слабостью винопития. И когда через год после смерти матери старшая сестра приехала из монастыря навестить братьев, дом и родительское имущество были спущены до нитки.

Так Господь вел Ивана путем скорбей и испытаний. Ему пришлось работать и в трактире, и в бакалейной лавке, таскать пятипудовые мешки и прочие тяжести, сопровождать обозы с товаром. Воры снимали с него сапоги, он тонул, перенося доски с плотов, падал в обморок от голода, скитался, бывал бит жестоким хозяином, подвергался многочисленным опасностям и искушениям.

Господь привел Ивана в Оптину. По Оптинским обычаям, новоначальных для смирения отправляли на трудное и хлопотливое послушание в трапезную. Юноша стал помощником повара в скиту. Но молодой послушник, хлебнувший горя в миру, только радовался, что оказался в тихой обители, далеко от искушений и суеты.

Когда Иван стал келейником старца Амвросия, ему пришлось терпеть многочисленные столкновения, искушения, происходящие случайно и намеренно, «для испытания». Старший келейник, суровый и угрюмый, часто делал ему выговоры, иногда несправедливо. У Ивана не было даже своего угла, где бы мог он почитать, помолиться, отдохнуть. Спал в приемной, чуть не до полуночи полной посетителями, а в час ночи надо было уже идти к утрени.

И это было школой смирения, когда учился молодой послушник терпению и самоукорению, которые так сладостны и благодатны. Несправедливость раздражает обычного человека, но если он учится принимать все как из руки Господа и считает себя достойным всякого осуждения, то становится духовно опытным подвижником и обретает мир и покой, радость о Господе.

В 1877 году молодой монах был рукоположен в иеродиакона. Жизнь его оставалась все такой же многотрудной, полной дел и забот. По-прежнему он не имел своей кельи и спал в приемной, которая была занята посетителями с утра и до ночи. Однажды, изнемогая от трудов, отец Иосиф дожидался в темном проходном

коридорчике, пока старец Амвросий закончит прием посетителей, и заснул, сидя на пороге. Старец по дороге в свою спальню споткнулся о келейника. Разбуженный отец Иосиф только кротко улыбнулся, а его великий наставник, несомненно, вознес молитву за своего преданного ученика, чтобы Господь укрепил его в подвиге смирения и терпения.

10 октября 1891 года преподобный Амвросий скончался, оставив по себе великое множество плачущих. Но скорбь его ближайшего ученика и чада была, несомненно, самой тяжелой. И вот в эти скорбные минуты обнаружилась во всем величии его мужественная крепкая душа. В то время как многие весьма духовные люди были потрясены этой преждевременной, как казалось, кончиной, один преподобный Иосиф ни на минуту не потерялся, не упал духом, но нашел в себе силы утешать и успокаивать других. В нем все увидели надежное пристанище и оплот среди скорбей и жизненных бурь, нашли поддержку духовную.

… Много скорбей было и у преподобного Варсонофия. Несмотря на великие духовные дарования старца, нашлись недовольные его деятельностью: путем доносов, интриг и жалоб в 1912 году он был удален из Оптиной и назначен настоятелем Старо-Голутвина Богоявленского монастыря, крайне расстроенного и запущенного. Смиренно просил старец оставить его в Оптинском скиту для жительства на покое, просил позволить ему остаться хотя бы и в качестве простого послушника. Но просьба его осталась без ответа.

Сборы старца, не имевшего почти никакого имущества, были недолгими. Он говорил духовным чадам: «Немного вещей беру я с собою: образа все остаются, а из картин возьму только портрет великого старца и духовного благодетеля моего отца Анатолия и батюшку отца Амвросия. Остальное останется так, как было». Мужественно перенося скорбь от разлуки с любимой Оптиной, старец принялся за благоустройство вверенной ему обители. В скорбях преподобный Варсонофий не падал духом, а переносил их мужественно и стойко.

Духовное чадо старца, отец Феодосий, писал о последних месяцах его жизни — феврале и марте 1913 года: «Между тем как православный верующий народ стекался к старцу за получением облегчения не только душевных, но и телесных недугов, самого батюшку подтачивал в это время лютый недуг. Давно уже, свыше двадцати лет, напал он на батюшку и с тех пор не оставлял его до гроба. Непрестанные батюшкины заботы о Голутвине, многочисленные огорчения, переутомление и часто совершенное изнеможение в непосильных трудах с каждым днем усиливали его недуг…

Батюшка не прекратил приема народа, хотя силы его с каждым днем заметно падали. Народ он принимал до тринадцатого марта, а жить ему оставалось чуть более двух недель. Уже умирающий, изнемогавший от боли, он не мог отказать страждущим и ищущим старческого окормления и утешения».

Преподобному Анатолию (Потапову) суждено было стать свидетелем исполнения грозных пророчеств Оптинских старцев. Монахов ссылали, арестовывали, издевались над ними. Во второй половине 1918 года в монастыре стало не хватать хлеба, недоставало вина для Божественной Литургии. Братия терпели голод, научились делать хлеб из гречневой мякины. После службы из церкви выходили в большой физической слабости.

Когда духовные чада предложили преподобному Анатолию на время оставить Оптину, он ответил решительным отказом: «Что же, в такое время я оставлю святую обитель? Меня всякий сочтет за труса, скажет: когда жилось хорошо, то говорил: терпите — Бог не оставит; а когда пришло испытание, первый удрал. Если и погонят, то тогда оставлю святую обитель, когда никого не будет. Последний выйду и помолюсь и останкам святых старцев поклонюсь, тогда и пойду».

После закрытия монастыря и реорганизации его в сельхозартель старец был арестован. По дороге в тюрьму он тяжело заболел, и ему, ошибочно приняв старца за тифозного, остригли волосы и бороду. Вернулся он в обитель совсем измученный, еле живой, но со светлой улыбкой и благодарением Господу. Когда его увидели остриженным, многие не узнали батюшку, а потом очень опечалились. Старец же веселый вошел в келью и сказал, перекрестившись: «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!» — и, осмотрев всех, добавил: — «Посмотрите, каков я молодчик!»

Потом сел пить чай и весело рассказывал о своей поездке в Калугу: «Как там хорошо! Какие люди хорошие! Когда мы ехали в поезде, у меня была рвота. Дошли пешком, а там владыка Михей почему-то стал требовать лошадь. И зачем это он выдумал? Все братья пошли, а мы сидели в “чеке”. Там курили, было душно. У меня поднялась рвота, и меня отправили в больницу, подумали, что у меня тиф. Там меня остригли, но это ничего — так гораздо легче. Доктор, такой хороший, сказал, что по ошибке счел меня за тифозного и велел остричь,— очень извинялся. Такой хороший! Сторож в больнице тоже очень хороший… Сестра — тоже очень хорошая — была у отца Амвросия… Да, хорошие люди, хорошие… Знаешь, тот, кто меня арестовал, после сказал, что по ошибке меня арестовал, и просил простить его и даже руку у меня поцеловал. Я сказал, что это ничего, что я очень рад, что съездил в Калугу».

Свою «арестантскую» поездку … и тяжкие страдания старец описывал с детским беззлобием и райским благодушием — как духовное паломничество. Старец никого не осудил. В тяжких испытаниях он явил правду Божию, исполнил заповедь Господню о любви … благословлял … прощал … молился за обижающих.

29 июля 1922 года в монастырь приехала … комиссия. Старца долго допрашивали и хотели увезти.

Преподобный Анатолий сохранял мирное расположение духа и смиренно просил отсрочить … на один день, чтобы ему можно было приготовиться в путь. … После этого преподобный уединился у себя в келье и в молитве предал свою душу Богу.

На другой день утром приехала комиссия. Спросили келейника: «Старец готов?» «Да,— ответил он,— готов» — и открыл перед посетителями дверь кельи, посреди которой уже стоял гроб с телом почившего старца. Так Господь чудно призвал к Себе Своего верного раба, исполнившего все Его повеления и заповеди, сподобив Своего угодника в последнюю ночь молитвенно приготовиться «в путь всея земли» и не попустив надругаться над Своим избранным сосудом.

… Ярким примером терпения скорбей, смирения, кротости являлся преподобный Нектарий. После закрытия монастыря, в Вербное воскресенье 1923 года преподобного Нектария арестовали. Старца повели в монастырский хлебный корпус, превращенный в тюрьму. Он шел по мартовской обледеневшей дорожке и падал. Комната, куда его посадили, была перегорожена не до самого верха, а во второй половине сидели конвоиры и курили. Старец задыхался от дыма. В Страстной четверг его увезли в тюрьму в Козельск. Позднее из-за болезни глаз старца перевели в больницу, но поставили часовых. Все истязания преподобный переносил безропотно.

После тюрьмы власти потребовали, чтобы преподобный Нектарий покинул Калужскую область. Без монастыря, без братии, в ссылке он пребывал в великой борьбе душевной, был глубоко потрясен и печален. Все утешение его было в молитве. Однажды уходящий от него обернулся и увидел, как преподобный, с руками, простертыми, как у ребенка, зовущего мать, весь обратился к иконам.

Преподобный Нектарий рассказал своим духовным детям, что к нему явились все Оптинские почившие старцы и сказали ему: «Если хочешь быть с нами, не оставляй своих духовных чад». И он вернулся к старчеству. Жившие с ним уверяют, что духовный перелом был явен: к ним вышел прежний старец во всей силе духа.

В годы тяжелых искушений, страшных испытаний для Русской Православной Церкви, для всей России преподобный Нектарий брал на себя бремя людских грехов, нес крест старческого служения. Почил он в ссылке, в изгнании.

Преподобный Никон был великим образцом терпения, всегда, с дней юности и до кончины своей, благодушно переносил все ниспосланное ему Богом. Душа его, горевшая твердой верой и любовью к Богу, все случающееся с ним принимала с благоговением как от Самого Господа.

Изгнанный из Оптиной Пустыни в июне 1924 года … он в последний раз отслужил всенощное бдение, покинул монастырь и переселился в город Козельск, где служил в Успенском соборе, окормлял уцелевших шамординских монахинь и паломников, принимал народ, выполняя свой пастырский долг.

Его арестовали в июне 1927 года. Около года преподобный Никон пробыл в тюрьме в Калуге, три страшных года провел в лагере … По окончании срока его приговорили к ссылке в Архангельскую область. В августе 1930 года преподобного Никона отправили на Пинегу, в деревню Воспола.

Это было его последнее земное пристанище, последний этап земного страдания. Он нашел квартиру в доме одной женщины, которая поставила условием своему квартиранту выполнять все тяжелые физические работы по дому. Состояние здоровья старца ухудшалось с каждым днем, он недоедал.

Хозяйка с характером исключительно сварливым, злым и жестоким помыкала им, как своим рабом. Казалось, что сам бес вселился в нее, заставляя мучить больного. Жестокая старуха не давала ему ни покоя, ни отдыха. Изнемогая от слабости, он беспрекословно выполнял все при постоянно повышенной температуре и с больной ногой.

Однажды от непосильного труда страдалец не смог встать. В конце концов, узнав, что он неизлечимо болен туберкулезом, хозяйка в зимнюю стужу выгнала постояльца из дома, выбросив на улицу все его вещи. Тогда товарищ по несчастью бывший насельник Оптиной Пустыни иеродиакон Петр перевез умирающего отца Никона в деревню Валдокурье, где жил и сам.

Во время предсмертной болезни, несмотря на все усиливающиеся страдания, а под конец и полную беспомощность, он оставался верным данному им обету терпеть все и не только почти не жаловался никому на свою болезнь, но и не требовал и не просил ничего для облегчения своих мук, не выказывая ни делом, ни словом, ни даже взглядом своего неудовольствия чем-либо, смиренно принимая все ниспосланное ему как должное. До последних минут преподобный Никон продолжал выполнять свое молитвенное правило, читал Священное Писание, заботился о духовных чадах и писал им записки слабеющей рукой.

Преподобный Исаакий Оптинский II был последним настоятелем старой Оптиной. Он управлял монастырем в самое тяжелое для обители время — с 1914 по 1923 годы: Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции и гонения на Церковь. Архимандрит Исаакий вместе с братией испытал все скорби … Не отступая ни на шаг, не прячась от гонителей, преподобный Исаакий показывал пример исповедничества. Он был достойным преемником Оптинских старцев. Венцом его многотрудного и неуклонного восхождения по лестнице духовной и свидетельством пламенной любви к Богу стала его мученическая кончина за Христа в 1938 году.

Преподобные отцы наши, старцы Оптинские, молите Бога о нас, грешных!

ПОУЧЕНИЯ ПРЕПОДОБНОГО АМВРОСИЯ ОПТИНСКОГО*

66. Болезни и неприятные случаи посылаются нам к пользе нашей душевной и, прежде всего, к смирению нашему, и к тому, чтобы вели жизнь свою осмотрительнее и рассудительнее.

67. Скорбь и болезнь жгут иногда, как огонь; а испарина и пот после жару в болезни и слезы от скорби омывают человека, как вода. Благодушно и благодарно терпящим все это обещает там (в будущей жизни) покой. ...

69. Неудовлетворительность наша душевная и духовная происходит от нас самих, от нашего искусства и от неправильно составленного мнения, с которым никак не хотим расстаться. А оно-то и наводит на нас и смущение, и сомнение, и разное недоумение; а все это нас томит и отягощает, и приводит в безотрадное состояние.

70. У вас много скорбей и домашних неприятностей; но говорите себе и вразумляйте себя тем, что в аде хуже и томительнее, и безотраднее, и оттуда уже нет надежды избавиться. А если человек терпит свои скорби с покорностью воле Божией, исповедуясь во грехах своих, то чрез это избавляет от тяготы вечных мучений.

71. Полезнее нам всегда радоваться, а не унывать при встречающихся неудачах; радоваться же можем только тогда, когда будем благодарить Бога за то, что случающимися неудачами смиряет нас и как бы невольно заставляет нас прибегать к Нему, и со смирением просить Его помощи и заступления.

72. Болезни телесные потребны для очищения плоти, а болезни душевные чрез обиды и поношения потребны для очищения души.

73. Не много таких людей, которые терпят скорби и гонения за одну благочестивую жизнь, по сказанному апостолом: «Все, хотящие благочестно жити, гоними будут» (2 Тим. 3:12). Все же остальные терпят скорби и болезни для очищения прежних грехов или для смирения горделивого мудрования и для получения спасения.

74. Во всяком неприятном, скорбном случае или обстоятельстве должно возлагать вину на себя, а не на других,— что мы не умели поступить как следует и от этого вышла такая неприятность и скорбь, которой достойны мы попущением Божиим за наше нерадение, за наше возношение и за грехи прежние и новые. …

78. Благочестиво живущему человеку, ежели он не имеет скорбей, считается год за день, а если благочестивый человек переносит большие скорби, тогда вменяется ему день за год.

79. Прежде всего, Господь попускает искушения, чтобы отделить боголюбивых от миролюбивых, сластолюбивых от воздержных и целомудренных, смиренномудренных от горделивых и самолюбивых, как сказано в Евангелии: «Не приидох воврещи мир на землю, но меч».

80. Где бы ты ни жил, нигде нельзя прожить без искушений или чрез бесов, или чрез людей, или от собственных привычек, или от неукрощенного самолюбия.

81. Вся жизнь человека, где бы он ни жил, есть не что иное, как искушение.

82. Скорбные искушения во всяком случае полезны.

83. На всякое искушение победа — смирение с терпением.

* ПРАВМИР https://www.pravmir.ru/skorbi-i-iskusheniya-poucheniya-prepodobnogo-amvrosiya-optinskogo/

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И ДЕЯТЕЛИ НАУКИ И ИСКУССТВА О КУЛЬТУРЕ И НРАВСТВЕННОСТИ

Сергей Тимофеевич АКСАКОВ*

• Ум человеческий все растолкует так, как ему хочется. («Семейная хроника»)

• В человеческом существе скрыто много эгоизму; он действует часто без нашего ведома, и никто не изъят от него; честные и добрые люди, не признавая в себе эгоистических побуждений, искренне приписывают их иным, благовидным причинам: обманывают себя и других без умысла. В натурах недобрых, грубых и невежественных обнаруживаются признаки эгоизма ярче и бесцеремоннее. («Семейная хроника»)

• Да, есть нравственная сила правого дела, перед которою уступает мужество неправого человека. («Семейная хроника»)

• Мне богатства твои ненадобны; богатство дело наживное, а открой ты мне свое горе сердешное. («Аленький цветочек»)

• Все хорошо, да есть нечего. («Аленький цветочек»).

• «...Слова ничего не значат: все зависит от чувства, которое мы придаем им». («Воспоминания»).

• «Человек добрый, тихий и терпеливый бывает страшен в гневе». («Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука»)

Федор Иванович ТЮТЧЕВ**

• Чему бы жизнь нас ни учила, / Но сердце верит в чудеса. («Лирика»)

• Молчи, скрывайся и таи / И чувства и мечты свои — / Пускай в душевной глубине / Встают и заходя́т оне / Безмолвно, как звезды́ в ночи,— / Любуйся ими — и молчи. / Как сердцу высказать себя? / Другому как понять тебя? / Поймет ли он, чем ты живешь? / Мысль изрече́нная есть ложь. / Взрывая, возмутишь ключи, / Питайся ими — и молчи. / Лишь жить в себе самом умей — / Есть целый мир в душе твоей / Таинственно-волшебных дум; / Их оглуши́т наружный шум, / Дневные разгоня́т лучи,— / Внимай их пенью — и молчи!.. («Стихотворения»)

• Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется,— / И нам сочувствие дается, / Как нам дается благодать... («Стихотворения»)

• Как сердцу высказать себя? / Другому как понять тебя? / Поймет ли он, чем ты живешь? / Мысль изреченная есть ложь. («Избранное»)

• Не плоть, а дух растлился в наши дни, / И человек отчаянно тоскует... / Он к свету рвется из ночной тени / И, свет обретши, ропщет и бунтует. / Безверием палим и иссушен, / Невыносимое он днесь выносит... / И сознает свою погибель он, / И жаждет веры... но о ней не просит. / Не скажет ввек, с молитвой и слезой, / Как ни скорбит перед замкнутой дверью: / «Впусти меня! — Я верю, Боже мой! / Приди на помощь моему неверью!..» (Юбилейное издание. В 3 томах. Том 1)

• О, как убийственно мы любим, / Как в буйной слепоте страстей / Мы то всего вернее губим, / Что сердцу нашему милей! (Сочинения в двух томах. Том 1. «Стихотворения»)

• Спасенья нет в насильи и во лжи, / Как ни орудуй ими смело, / Для человеческой души, / Для человеческого тела. («Лирика»)

• Напрасный труд — нет, их не вразумишь,— / Чем либеральней, тем они пошлее, / Цивилизация — для них фетиш, / Но недоступна им ее идея. / Как перед ней ни гнитесь, господа, / Вам не снискать признанья от Европы: / В ее глазах вы будете всегда / Не слуги просвещенья, а холопы. (Алексей Толстой, Федор Тютчев, Яков Полонский, Алексей Апухтин «Избранное»)

• ...В наш век отчаянных сомнений, / В наш век, неверием больной, / Когда все гуще сходят тени / На одичалый мир земной... («Стихотворения»)

---

* «LIVELIB» https://www.livelib.ru/author/16416/quotes-sergej-aksakov

** «LIVELIB» https://www.livelib.ru/author/7097/quotes-fedor-tyutchev

• Молчи, прошу, не смей меня будить. / О, в этот век преступный и постыдный / Не жить, не чувствовать — удел завидный... / Отрадно спать, отрадней камнем быть. («Люблю глаза твои, мой друг…»)

• Чему бы жизнь нас ни учила, / Но сердце верит в чудеса: / Есть нескудеющая сила, / Есть и нетленная краса. / И увядание земное / Цветов не тронет неземных, / И от полуденного зноя / Роса не высохнет на них. / И эта вера не обманет / Того, кто ею лишь живет, / Не все, что здесь цвело, увянет, / Не все, что было здесь, пройдет! / Но этой веры для немногих / Лишь тем доступна благодать, / Кто в искушеньях жизни строгих, / Как вы, умел, любя, страдать, / Чужие врачевать недуги / Своим страданием умел, / Кто душу положил за други / И до конца все претерпел. (Юбилейное издание. В 3 томах. Том 1)

• Не Богу ты служил и не России, / Служил лишь суете своей, / И все дела твои, и добрые и злые,— / Все было ложь в тебе, все призраки пустые: / Ты был не царь, а лицедей. («О, как убийственно мы любим...» Сборник)

Николай Васильевич ГОГОЛЬ*

• Я знаю, что есть иные из нас, которые от души готовы посмеяться над кривым носом человека и не имеют духа посмеяться над кривою душою человека. (Ревизор. Пьесы)

• Довольно из десяти сторон иметь одну глупую, чтобы быть признану дураком мимо девяти хороших. (Мертвые души)

• Вот, подлинно, если Бог хочет наказать, так отнимет прежде разум. (Ревизор)

• Все мы имеем маленькую слабость немножко пощадить себя, а постараемся лучше приискать какого-нибудь ближнего, на ком бы выместить свою досаду. (Мертвые души)

• Бесчисленны, как морские пески, человеческие страсти, и все не похожи одна на другую, и все они, низкие и прекрасные, вначале покорны человеку и потом уже становятся страшными властелинами его. (Мертвые души)

• Человеку, который вышел из дому в светлой праздничной одежде, стоит только быть обрызнуту одним пятном грязи из-под колеса, и уже весь народ обступил его и указывает на него пальцем и толкует об его неряшестве, тогда как тот же народ не замечает множества пятен на других проходящих, одетых в будничные одежды. Ибо на будничных одеждах не замечаются пятна. (Портрет)

• Но неизвестно будущее, и стоит оно пред человеком, подобно осеннему туману, поднявшемуся из болот. Безумно летают в нем вверх и вниз, черкая крыльями, птицы, не распознавая в очи друг друга, голубка — не видя ястреба, ястреб — не видя голубки, и никто не знает, как далеко летает он от своей погибели. (Тарас Бульба)

• Часто сквозь видимый миру смех льются невидимые миру слезы. (Мертвые души)

• «...Легкомысленно не проницательны люди, и человек в другом кафтане кажется им другим человеком». (Мертвые души)

• Надобно сказать, что у нас на Руси, если не угнались еще кой в чем другом за иностранцами, то далеко перегнали их в умении обращаться. Пересчитать нельзя всех оттенков и тонкостей нашего обращения. Француз или немец век не смекнет и не поймет всех его особенностей и различий; он почти тем же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионщиком, и с мелким табачным торгашом, хотя, конечно, в душе поподличает в меру перед первым. У нас не то: у нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого триста, а с тем, у которого их триста, будут говорить опять не так, как с тем, у которого их пятьсот, а с тем, у которого их пятьсот, опять не так, как с тем, у которого их восемьсот,— словом, хоть восходи до миллиона, все найдутся оттенки. (Мертвые души)

• К чести нашей народной гордости надобно заметить, что в русском сердце всегда обитает прекрасное чувство взять сторону угнетенного. (Портрет)

• Видит теперь все ясно текущее поколение, дивится заблужденьям, смеется над неразумием своих предков, не зря, что небесным огнем исчерчена сия летопись, что кричит в ней каждая буква, что отовсюду устремлен пронзительный перст на него же, на него, на текущее поколение; но смеется текущее поколение и самонадеянно, гордо начинает ряд новых заблуждений, над которыми также потом посмеются потомки. (Мертвые души)

* «LIVELIB» https://www.livelib.ru/author/13161/quotes-nikolaj-gogol

Наталия СПИРИНА
О КУЛЬТУРЕ*
Николай Константинович РЕРИХ
(Дано в сокращении)

«Культура есть почитание Света»,— говорит Рерих. Что есть Свет? Прежде всего — антипод тьмы. Значит, почитая Свет, мы отходим, отделяемся от всего темного, злого, невежественного, разрушительного, что губит нашу жизнь и доводит человечество до края пропасти.

Все лучшие качества в человеке светоносны. … Совершенствуясь, он умножает свет в себе и распространяет его вокруг. Святые подвижники — краса и гордость планеты — были представителями Культуры в высочайшем смысле этого слова. Культура их духа так велика, так светоносна, что оставляет на века свет на темном пути человеческом для томимых духовной жаждою. …

И совсем не случайно изображают этих Светоносцев в нимбах и сияниях. Культура есть почитание Света и возжжение этого Света. Мало только почитать Свет. Надо и самим стремиться стать, каждому в своей мере, носителями его, пособниками Культуры. …

Следующее положение — «Культура есть любовь к человеку» — дает понять, что без любви к ближнему, без сочувствия к нему, без понимания его нужд и бед, без стремления помочь ему нет Культуры.

Далее: «Культура есть благоухание, сочетание жизни и красоты». … Положение о Культуре как о благоухании расширяет наши восприятия и заставляет задуматься. Мы слышим запах цветов, но не обоняем наших мыслей, чувств, поступков и их взаимодействий. Ведь не случайны благовония в храмах, они способствуют возношению духа. Это знали с древнейших времен. Для того, кто сказал: «Добро есть благоухание, зло есть ядовитое зловоние»,— это изречение отнюдь не было метафорой.

«Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений»,— утверждает Рерих. Значит, все лучшее, что достигнуто человечеством на протяжении его истории, содержится в понятии Культуры.

За Свет надо сражаться, Свет в нашей жизни надо отстаивать, и оружием в этой борьбе является Культура, как определяет ее Рерих: «Культура есть оружие Света».

Культура и этика, Культура и нравственность едины. Экология, движение высоконравственное, возникла как ветвь на великом древе Культуры. Она не только формальный свод законов по охране природы, она включает в себя и любовь ко всем творениям Великой Матери, каждое из которых живет своей, непредставимой нами жизнью, в каждом из которых пульсирует и бьется единая жизнь. …

«Культура есть двигатель»,— продолжает Рерих. Двигатель к подвигам, к созидательному, творческому труду, к добрым делам, к борьбе за достойную жизнь. Все это входит в понятие Культуры.

И заканчивает эти утверждения Рерих словами «Культура есть Сердце», и пишет слово «Сердце» с заглавной буквы. Бессердечие — антипод Культуры. … Сказано: «...Без сердца мы шелуха погибшая».

… В нашей стране возродилось светлое слово «милосердие». В сердце лежит основа любви. Какое благое созидание может быть без любви? Что хорошее создает бессердечие? Оно может только разрушать.

Потому Культура, которая основана на сердце, определяется Рерихом как спасение. …

И заканчивает Рерих эти определения, как бы подводя им итог, словами: «Если соберем все определения Культуры, мы найдем синтез действенного Блага, очаг просвещения и созидательной красоты».

Рерих подчеркивает особое значение Культуры в эпоху кризисного состояния человечества. В эти эпохи крайнего нравственного разложения, человеческого разъединения, засилья механического, технократического мышления Культура является единственной опорой, тем противовесом хаосу и разрушению, который позволяет удержать человечество в состоянии равновесия. Именно Культура — то объединяющее понятие, которое стоит поверх национальных, расовых, религиозных различий. Ведь «средоточие Культуры», «Держава Света», по словам Рериха,— сердце. И если интеллект разъединяет, то сердце объединяет человечество.

… Понятие Культуры включает и вмещение разнообразия ее проявлений как у сотрудников культурных организаций, так и в отдельных людях, народностях и странах.

Н. К. Рерих пишет в статье «Разнообразие»: «Широкообъятность понятия Культуры уже предполагает в самом себе необыкновенное разнообразие. (...) Будут единообразные сердечные устремления. Будет единоподобное ощущение достоинства человеческого, но внешние формы, конечно, будут разнообразны.

Научиться ценить разнообразие есть уже верный подступ к Культуре».

Что противостоит этому? Такие акультурные проявления, как ссоры, тирания, деспотизм, стремление заставить других мыслить по-своему, подавление творческий инициативы в угоду своим стандартам, канонам и вкусам; неуважение к верованиям и традициям своих близких. Все это ведет к разъединению со всеми вытекающими отсюда жестокими и разрушительными последствиями.

---

* Спирина Наталия Дмитриевна. Отблески. 1990. Из радиопередачи (цикл «Беседы о Живой Этике»)

Но «стремление к высокому качеству, сердечная преданность ко всему эволюционно-строительному, творческий труд, преклонение перед Красотою и почитание Знания — вот что свяжет всех этих светлых путников духа... (…) Сердечная искренность является... одним из первых знамен Культуры»,— пишет Рерих.

«Не мечтать во снах, но выявлять в жизни обязывает нас ответственность перед Культурою»,— призывает нас Николай Константинович Рерих. И продолжает: «Пока Культура лишь роскошь, лишь пирог праздничный, она еще не перестроит жизнь. (...)

Культура должна войти в ближайший, каждодневный обиход как хижины, так и дворца».

«Благородное стремление создает и неиссякаемость сил и растит тот светлый энтузиазм, о котором горят глаза и звучит сердце человеческое. Во имя бездонной Красоты сердца человеческого и сойдемся, и укрепимся в светлой победе Культуры». Свет — один. Внесение Света рассеивает тьму.

Александр Иванович СУБЕТТО*

г. Санкт-Петербург

РУССКАЯ КУЛЬТУРА КАК СЛОВО РУССКОГО НАРОДА, ОБРАЩЕННОЕ К МИРУ

• РУССКАЯ КУЛЬТУРА — ЗОВ ЧЕЛОВЕКА К СОВЕРШЕНСТВУ

Народ и культура едины. Народ творит культуру, культура творит народ.

Поэтому русская культура — это образ русского народа, его историческая память, это культуротворчество на базе русского языка русского народа.

Можно сказать и по другому: русская культура — это историческое выражение и самовыражение русского народа, это его Слово, с которым он постоянно обращается ко всему миру, ко всему человечеству.

Богатство русской культуры — богатство содержания, богатство идей и образов, духовно-нравственное ее измерение, ее напряженный поиск духовно-нравственного пути подъема русского человека к совершенству и к гармонии — к гармонии внутри человеческой жизни и к гармонии с природой, землей, небом, ее постоянный поиск правды и справедливости, идеала жизни «по совести», то есть выражение духовного богатства русского народа, понимания им смысла жизни и предназначения человека.

В величии русской культуры отразилось величие русской истории, напряженным «нервом» которой … выраженное через систему ценностей представление о справедливом обществе и правде жизни, культ бессеребренничества, приоритета духовного начала жизни над материальным.

Русская культура — это океан русской духовной жизни, со всеми ее подъемами и провалами, со всеми страданиями и преодолениями: в ней запечатлены все войны, бунты, революции и годы мирной жизни, низость предательства и высота духа воинского подвига ради жизни на русской земле и мира во всем мире.

В. И. Белов, наш известный вологодский писатель, недавно ушедший из жизни, в работе «Тяжесть креста»** посвященной В. М. Шукшину, указывал на «стыдливость страданий у русского человека». Он писал: «В дневниках за 1817 год Василий Андреевич Жуковский оставил нам вполне загадочную, если судить с марксистских позиций, фразу: «Счастье не цель жизни». Александр Пушкин вслед побежденному своему учителю говорит, что «на свете счастья нет, но есть покой и воля». Наконец, и Федор Тютчев однажды вскользь обмолвился о стыдливости страданий русского человека, называя эту стыдливость божественной. Стыдливость страдания, иначе говоря, терпение, нежелание жаловаться и мстить за личные обиды — вот главные христианские свойства. Кажется, лишь эти свойства и отличают русских от обитателей протестантской Европы, а может, и от мусульман великого азиатского континента. Конечно, русский характер вовсе не ограничивается упомянутыми свойствами. Когда иссякает народное терпение или грозит опасность Родине, он, русский человек, становится суров и грозен до непредсказуемости».

Русская культура!... — это ведь и запечатленный в ней русский характер во всю свою мощь и ширь — от князя Игоря в «Слове о полке Игореве», гоголевского Тараса Бульбы, горьковской Вассы Железновой до Павки Корчагина Николая Островского, рабочего и крестьянки в гениальном памятнике Мухиной и Алексея Мересьева в «Повести о настоящем человеке» Бориса Полевого.

---

* Субетто Александр Иванович. Слово о русском народе и русском человеке: Научное издание/ Под научн. ред. проф., д.ф.н. А. В. Воронцова.— СПб.: Астерион, 2013.— 280 с.

** Белов В., Заболоцкий А. Тяжесть креста. Шукшин в кадре и за кадром.— М.: «Советский писатель, 2002.— 176 с.; с.11

В русской культуре, как на кольцах спила ствола дерева, запечатлены все прошлые «слои» исторической памяти, начиная от дохристианской Руси, «Руси до Руси» в определении П. М. Золина, затем — принятия православного христианства Киевской Русью в 988 году, всей истории православной Руси и России, проходящей через Киевскую Русь и Новгородскую республику, Московскую Русь, российское царство и Российскую империю, и кончая советской эпохой, советской цивилизацией, и, наконец,— эпохой современной России начала XXI века.

Любая национальная культура есть культура самобытная. Такой же самобытной культурой является русская культура. Русская культура по своим глубинным основаниям, как она сложилась к началу XXI века, есть евразийская культура, в том числе что она не есть ни европейская, ни азиатская культура, а культура самостоятельная, несущая в себе уникальной исторический синтез европейского и азиатского начал. На это указывал еще в 70-х годах XIX века Н. Я. Данилевский в своем капитальном исследовании «Россия и Европа», подчеркивая множественность культурно-исторических (цивилизационных) типов развития и тем самым отрицая европоцентризм в трактовке мировой истории, а затем князь Н. С. Трубецкой, который подчеркивал, что освобождение от иностранного ига возможно лишь при условии, «если в сознании всего русского общества произойдет резкий перелом в сторону духовного отмежевания себя от Европы, утверждение национальной самобытности».

Культура — основа самостоянья народа, его исторического призвания, как он это осознает и понимает. Через культуру один этнос определяет себя в своем самосознании от другого этноса.

Русская культура и есть форма самоопределения русского народа и соответственно русского человека. И русский народ, как народ-созидатель и народ-собиратель российской цивилизации, России как державы, в которой сложилась кооперация более ста сорока народов, национальностей и племен, не мог не отразить в своей культуре эту великую ее народообъединяющую функцию. Русская литература, русское искусство, русская музыка, русская живопись эту свою народообъединяющую функцию, доброе отношение ко всем народам — братьям русского народа — отразила в себе и продолжает нести эту свою функцию. Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Чехов, Горький… — и список этот огромен, в своем творчестве несли свое дружеское расположение к представителям других народов, и не только дружеское расположение, но и любовь.

Исследователь феномена русской литературы Н. Я. Берковский так писал в 1985 году: «Пушкин сам с величайшей ясностью сознавал, что он поэт многонародного мира,— об этом прямо сказано в «Памятнике». Русские современники Пушкина тоже указывали, что русская поэзия и может, и должна обратиться к народам России, проникнуться их жизнью и сознанием. У нас чужие народы не были народами зарубежными, они принадлежали к тому же государству и к той же культуре, что и главенствующая нация, и делили с ней политическую судьбу… Для русского сознания народы России были живой силой, носителями человеческих прав, поэтому общение с ними питало нашу литературу и искусство наше. Перед историками литературы еще стоит задача — показать, как русская литература, оставаясь русской, становилась также и всероссийской, органом великого собрания народов, населяющих нашу страну».

Пушкин в работе «Послесловие к «Долине Ажитугай» писал: «Вот явление неожиданное в нашей литературе! — восклицал издатель (именно так он и подписался) по поводу представленного читателям произведения.— Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших читателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке…»

• МИРОВОЙ МАСШТАБ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Русская культура — это мировая культура, она бытийствует постоянно в диалоге, во взаимообогащении со всей мировой культурой, с европейской, арабской, англо-американской, индийской, китайской, японской и другими культурами, и в то же время — она есть постоянный диалог и синтез культур народов России.

Академик В. П. Казначеев, наш современный крупный ученый-космист, поэт и мыслитель, заметил в одном из интервью в 1993 году: «…Русскую культуру отличает, на мой взгляд, несколько особенностей.

Уже сам наш ренессанс, начавшийся где-то в середине XIX в. и длившийся вплоть до начала века XX, — явление мирового масштаба. В его рамках состоялась плодотворная встреча восточной и западноевропейской культур. Он сопровождался яркими событиями в области и языка, и этики, и культуры, и науки. У меня такое ощущение, будто над Россией в этот период возник некий купол. Произошел необычный взлет культуры, к сожалению, до сих пор по достоинству неоцененный. Характерным для этого взлета было то, что здесь гармонично переплелись, поддерживая друг друга, теософия, философия, естественные науки и искусства. Такого ренессанса мир еще не знал.

Достояние отечественного ренессанса — достояние мировой культуры, всего мирового интеллекта. И мы несем ответственность перед всем человечеством за сохранение этого ренессансного движения. Сегодня мы этой своей ответственности еще не понимаем.

Вторая особенность нашей культуры состоит в том, что в итоге этот ренессанс должен был привести к новому пониманию происхождения живого вещества и человека с точки зрения космологии. Недаром он получил название «русский космизм». Последующие работы Шардена представляют собой лишь небольшой

фрагмент понимания человека, как оно сложилось в русском космизме. Да и сам антропный принцип, который к нам теперь пришел с Запада, по существу был сформулирован тоже в русском космизме, причем сформулирован в более емкой форме, чем он сегодня представлен в естествознании и астрофизике».

В представлении автора этого «Слова» ренессанс, о котором говорил Казначеев,— только момент явления более крупного и всемирномасштабного — Эпохи Великого Русского Возрождения, трактовка которой была дана выше, с ее тремя циклами — петровско-ломоносовским («романтическим»), пушкинским («универсалистским») и вернадскианским («ноосферно-космическим») — и с ее ноосферно-космическим вектором своей устремленности. Русский Космизм, русская философия, русское человековедение, которые мною рассматривались выше,— моменты ее проявления.

Русская культура проникнута пафосом гуманизма, пафосом возвышения человека, его духа и его самосознания до подлинной человечности, пронизанной любовью ко всему живому на Земле и к мирозданию, называемому нами или Космосом, или Вселенной, как, выражаясь языком С. Н. Булгакова, к «живому телу», «метафизическому коммунизму мироздания», частью которого мы, человечество, коллективный человеческий Разум на Земле, являемся. При этом, всегда, когда заходила речь о разуме, о науке, подчеркивался приоритет духовно-нравственных оснований, отрицающих чистую пользу, холодный, расчетливый прагматизм, исходящий из принципа прибыли, наживы, собственного обогащения. Федор Михайлович Достоевский, воззрения которого на проблемы человека есть яркий пример русского человековедения, предупреждал: «…один разум, наука и реализации могут создать лишь муравейник, а не социальную «гармонию», в которой бы можно было ужиться человеку… основа всему — начала нравственные».

Сама ноосферно-космическая устремленность Эпохи Русского Возрождения уже по своему смыслу несла в себе отрицание рыночно-капиталистического устроения жизни, ставшего сущностью культуры Европы и англо-американского мира, т.е. западной культуры,— то отрицание, которое отлилось … в советскую цивилизацию, в Русский Прорыв человечества … и в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы, которая породила императив XXI века — императив выживаемости человечества, выхода его из Экологического Тупика Истории…

Анатоль Франс в свое время заметил, «что человечество должно быть принуждено к добродетели». В XXI веке такое «принуждение» обрело ноосферно-экологическое содержание. И русская культура несла в себе это ноосферно-космическое призвание к такому «принуждению» человечества к добродетели.

Русский поэт К. Д. Бальмонт в 1904 году в своей «записной книжке» так выразил эту ноосферно-космическую устремленность, свойственную русскому чувствованию: «Я отдаюсь мировому, и мир входит в меня. Мне близки звезды и волны, и горы. Мне близки звери и герои. Мне близки красивые и некрасивые. Я говорю с другом, а сам в это время далеко от него, за преградой веков, где-то в древнем Риме, где-то в вечной Индии, где-то в той стране, чье имя — Майя…

…Я знаю полную свободу. Безмерность может замкнуться в малое. Песчинка может превратиться в систему звездных миров. И слабыми руками будут воздвигнуты безмерные зданья во имя Красоты.

…Мир вошел в меня. Прощай, мое Вчера. Скорей к неизвестному Завтра!».

Андрей Тарковский передал это чувствование другими словами (вспомним державинского «Бога», которого автор цитировал выше): «Я раб, а не пуп Земли»,— утверждал Тарковский. И если свободный человек говорит о себе «я раб», значит, он себя обязывает служению. Служить другому человеку, служить Добру, служить человечеству — без этого невозможно быть человеком. Человек в себе и человек в миру людей, сознающий свою ответственность за себя и за жизнь,— такова его концепция личности».

А известный советский ученый-физик, академик АН СССР Аркадий Мигдал сказал так:

«Канта больше всего на свете удивляло звездное небо над его головой и нравственный закон внутри нас. Сегодня нравственный закон внутри нас стал вопросом жизни и смерти человечества. Мы начинаем понимать, как отстала общественная мораль от развития науки, и долг литературы — уменьшить этот разрыв, утверждая нравственные ценности».

Свобода в русском смысловом измерении — русская свобода — это свобода, соединенная с долгом, служением, причем долг, служение выше свободы, а вернее — именно они придают свободе истинный смысл, потому что они — долг, служение — позволяют человеку преодолеть свой эгоцентризм, свой «пупизм», раздвинуть границы пространства сознания до космо-планетарных масштабов, почувствовать себя частью Биосферы, Земли, Космоса, Вселенной, но частью особой — разумной, благодаря чему человек поднимается до высоты ответственности за все, что он творит на Земле и в Космосе, перед Вселенной, как живым суперорганизмом, возможно — разумным, перед творящей самое себя через Эволюцию Природой…

Русская культура пронизана таким ноосферно-космическим самочувствованием, пронизана духовно-нравственными исканиями и вопросами, потому что она — и основание, и одновременно результат развития российской цивилизации как целостности,— самой холодной, с суровым климатом, с самой большой территорией на Севере Евразийского Континента, общинной цивилизации, являющей собой пример той межэтнической кооперации, в которой нуждается весь мир человечества.

Русская культура величественна по всем «измерениям», какие мы ни возьмем: литература, поэзия, живопись, музыкальное искусство, песенное творчество, танцевальное искусство, хоровое искусство, балет, театр, скульптура, архитектура, ландшафтное строительство, наука, философия, образование, педагогика, музейное дело, фольклор, киноискусство и т.д.

Русская литература!... Ее всемирно-историческое значение признано всем миром.

Бернард Шоу, вспоминаю по памяти, в одном из интервью, когда его попросили назвать двенадцать самых знаменитых писателей мира, после Шекспира, Диккенса, Голсуорси, назвал девять русских писателей, в том числе, насколько мне не изменяет память, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Л. Н. Толстого, Чехова, Горького, Маяковского.

Продолжим этот ряд и вспомним Ломоносова, Радищева, Крылова, Державина, Батюшкова, Чаадаева, Одоевского, Гончарова, Лескова, Белинского, Чернышевского, Писарева, Добролюбова, Ершова, Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Никитина, К. Толстого, Фета, Тютчева, Брюсова, А. Блока, А. Белого, Есенина, Шолохова, Леонова, Пастернака, Твардовского, В. Хлебникова, Н. Гумилева, М. Волошина, А. Ахматову, М. Цветаеву, Розанова, Вяч. Иванова, М. Булгакова, В. С. Вишневского, А. Платонова, Пришвина, Фурмонова, А. Фадеева, Б. Полевого, Парфенова, Исаковского, В. Белова, Н. Рубцова, В. Чивилихина, В. Шукшина, К. Симонова, Суркова, Абрамова, Д. Балашова, В. Распутина, В. Астафьева, А. Проханова, Е. Исаева, А. Вознесенского, М. Вишнякова и др.

Василий Макарович Шукшин, один из русских гениев XX века, говорил: «Русский народ за свою историю отобрал, возвел в степень уважения такие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совестливость, доброту…»

И «возвел в степень уважения» русский народ эти качества через свою культуру, в том числе с помощью великой русской литературы. Академик Петровской академии наук и искусств, ученый-математик и поэт, сибиряк А. Сычев (из Новосибирска) так написал о Шукшине:

«Душа и Совесть русского народа,
Был он кристально чистым родником,
Что возвышал усталый дух в невзгоду,
Что очищал и исцелял добром.
На Ниве Правды и Труда взращенный,
Впитал он жадно мир простых людей
И возвратил стократ обогащенным
Теплом, талантом и огнем идей.
Со злом, бедой, запущенною нашей,
Боролся с сердцем, рьяно…
Но невмочь…
И, надорвавшись непосильной ношей,
Ушел безвременно в глухую ночь…
И как березкой белою кудрявой,
Сергей Есенин виден в дали лет,
Окрасил имя Шукшина багряный
Калины красной безутешный цвет.
Грустит Пикет. Катунь раздольно льется.
Шумит окрест студеная вода…
И едут люди в Сростки поклониться
Святой земле, взрастившей Шукшина»

«Душа и Совесть русского народа» — эти слова А. Сычева можно приложить не только к творчеству В. М. Шукшина, но и ко всем великим русским писателям, ко всей русской литературе, и в целом — ко всей русской культуре.

• РУССКАЯ КУЛЬТУРА — ОБРАЗ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Русская литература, особенно русская поэзия, послужила живородящим родником для других видов русского искусства, таких как музыка, живопись, театр.

Один только взлет на космические высоты русской музыки, русской оперы и русского балета в XIX и в XX веке поражает: Глинка, Балакирев, Даргомыжский, Мусоргский, Бородин, Серов, Чайковский, Римский-Корсаков, Рахманинов, Танеев, Лядов, Скрябин, Глазунов, Шостакович, Ковалевский, Глиэр, Свиридов, Гаврилин, А. Петров, В. Чистяков, Соловьев-Седой, А. Пахмутова, Щедрин и др.

Одна только опера Модеста Петровича Мусоргского, этого великана Эпохи Русского Возрождения, «Борис Годунов» стала своеобразной «революцией» в мировом оперном искусстве, внеся в него особого типа драматизм — на пересечении «линий» личной драмы и драмы исторической в трагической фигуре русского царя Бориса Годунова. А опера «Князь Игорь» Бородина с ее знаменитой музыкой, в которой буйство стихии половецких танцев контрастирует с переживаниями лирического героя князя Игоря, томящегося в плену у половецкого хана Кончака!... — Какое величие! А как же не вспомнить знаменитую шестую симфонию Шостаковича, написанную в блокадном Ленинграде и передающую дух сопротивления советского народа злой,

холодной, бессердечно-механистической силе немецко-фашистских орд, устремившихся захватить русскую землю и кого уничтожить, а кого превратить в своих рабов,— из советских людей! А бессмертный балет «Лебединое озеро» Петра Ильича Чайковского, который продолжает волновать зрителя на всех театральных подмостках стран мира, вызывая у людей творческий импульс в их движении к прекрасному, к высокому в любви и в жизни. А музыкальные песенные циклы на стихи Блока и Есенина Свиридова, а гаврилинские «Перезвоны»?! — Все это — поющая душа русского народа, все это — та скрытая красота русского человека, которую призвана раскрыть русская культура — раскрыть и приумножить, превратить в «свет культуры», который освещает будущее! И русская культура, русская литература и русская музыка, в которой русская литература гениально зазвучала, заговорила песенным языком, эту функцию выполнила, выполняет и будет выполнять, пока жива русская культура и пока жив русский человек на Земле.

К какому виду русского искусства мы не обратимся, сразу же перед нашим взором встанет целая галерея образов Титанов Эпохи Русского Возрождения.

Например, каким и мощным творческим полем поиска и находок предстает русское искусство живописи и скульптуры? — Ломоносов, Рокотов, Боровиковский, Васильев, Иванов, Саврасов, Венецианов, Верещагин, Поленов, Суриков, Перов, Репин, Нестеров, Айвазовский, Антакольский, Ге, Крамской, Васнецов, Врубель, Левитан, Опекушин, Серов, Кустодиев, Н. Рерих, Мухина, Пластов, Дейнеко, Клыков, Аникушин и многие-многие другие.

Советская культура, советская литература, советская музыка, советская живопись и архитектура, советский балет и советский театр, советская песня — могут рассматриваться как часть истории русской культуры, как вершина ее развития в XX веке. По мере того, как советская эпоха все больше и больше становится достоянием истории, тем все больше приходит осознание величия и уникальности советской литературы, советской культуры, ядром и носителем которой была русская культура, в ее советско-социалистической форме воплощения.

Одним из тестов качества культуры и образования выступает испытание войной. Так было всегда — и в Отечественную войну 1812 года, на которую Лермонтов откликнулся стихотворением «Бородино», а Лев Николаевич Толстой, сорок лет спустя, романом «Война и мир», и в Отечественную войну 1941— 1945 гг., героика которой запечатлена во множестве романов, повестей, стихов, песен. Советская и русская культура прошла свое испытание достойно, продемонстрировав величайший гуманизм, ту всечеловечность и всемирную отзывчивость, о которых как о свойствах русского характера говорил Ф. М. Достоевский, которые ее — советскую и русскую культуру — поставили выше немецко-фашистской культуры, замешанной на расовом превосходстве немецкого народа над другими народами, как низшими.

Использованная литература:

Соловьев А. Футурология евразийцев // «Завтра».— 1993.— №3 — Декабрь, с.5

Усольцев В. А. Русь изначальная, русский космизм и столетие падения России.— Екатеринбург: УГПТУ, 2012.— 600с.; с. 163; ссылка на: Берковский Н. Я. О русской литературе: сб. статей.— Л.: 1985, с. 340 — 376 (http://www.ka2.ru/nauka/berkovsky.html).

Кожемяко В. Тень беловежья. Современным взглядам Пушкина// «Советская Россия».— 1999.— 18 марта.— №30 (11773), с. 5

Казначеев В. П. Саморазрушение? (беседа с действительным членом АМН СССР В. Казначеевым) // Вестник высшей школы. — 1993.— №3, с. 81 — 86

Достоевский Ф. М. Дневник писателя.— М.: Современник, 1989.— 557 с.; с. 41

Субетто А. И. Манифест ноосферного социализма — СПб.: Астерион, 2011.— 108с.

Розов В. Увидеть своими глазами // «Смена» — 1987.— №18.— Сентябрь.— с. 6

Бальмонт К. Стихи.— М.: Худ. лит., 1990, с. 35, 36, 397

Возвращение Тарковского // «Известия».— 1990 — 9 января.

Мигдал А. Что я читаю сегодня (анкета «ЛГ»). // «Литературная газета».— 1989.— №1.— 4 января.— с. 3

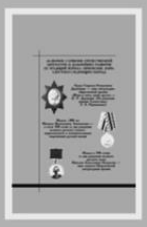
Каплин В., Брюхов В. С высоты шукшинского Пикета.— Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 1998.— 248с.; с. 185

АКАДЕМИЯ
РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

КОВЧЕГ

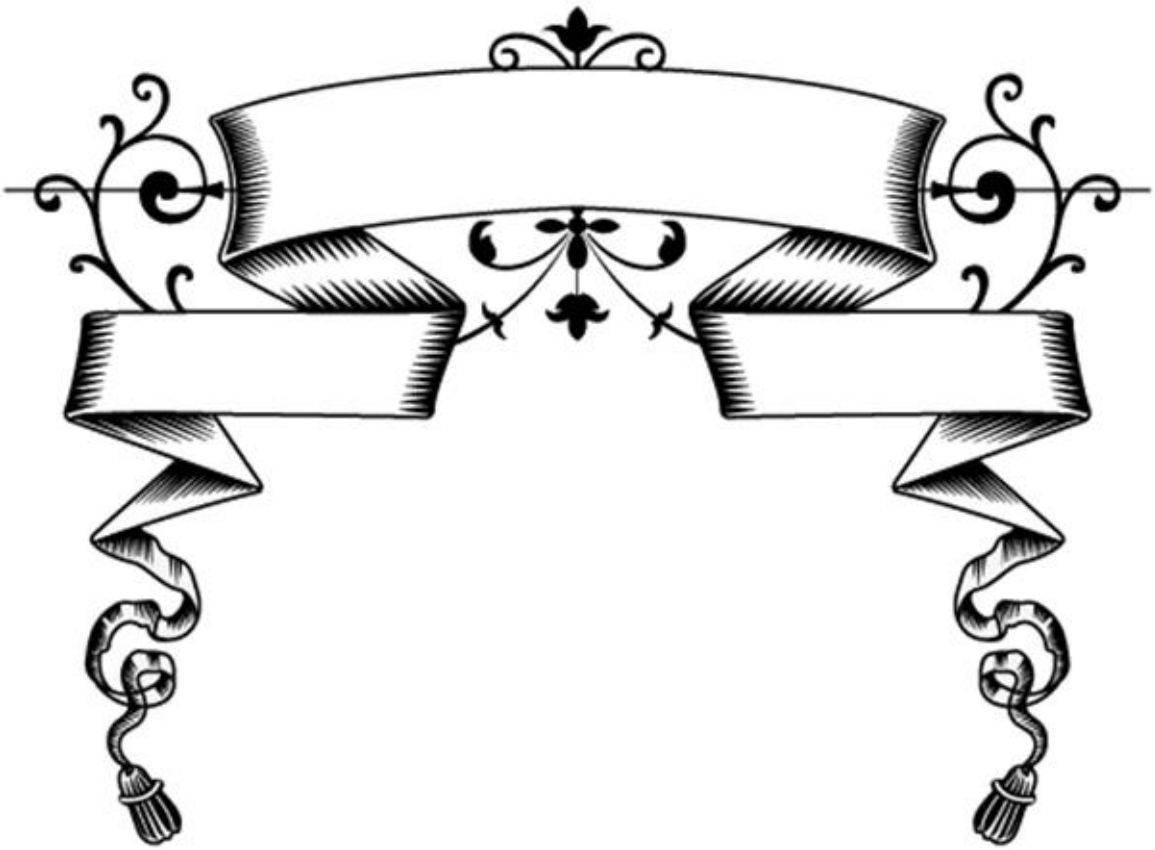
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСК



2020

10



К 10-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ «КОВЧЕГА»

ОЛЬГА ВОСТРИКОВА
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА
ЕЛЕНА ГАДЕНОВА
ИГОРЬ КАРЛОВ
ЕВГЕНИЙ ТРЕЩЕВ
ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА

ТУЛЬСКИЕ БРЕНДЫ*

28/07/2020

Увидел свет юбилейный, десятый номер альманаха «Ковчег». Издание, заявленное всероссийским, де факто уже стало международным. Наряду с представителями отечественного литературного цеха в новом выпуске опубликованы работы авторов из США, Кувейта, Беларуси, Азербайджана и Казахстана.

В альманах, выходящий под девизом «Православие в наших душах», вошли духовные произведения, рассказы и стихотворения, эссе и миниатюры, статьи и воспоминания, литературоведческие работы и рецензии, а также произведения о детях и для детей. Ряд публикаций посвящен 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Учредителем альманаха «Ковчег» является литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори». Его главный редактор Алексей Яшин в преддверии 15-летия издания дал интервью, которое тоже опубликовано в юбилейном «Ковчеге».

«Тульские, окские корни — это и есть составная часть равнины русской словесности, как мы ее определили. Поэтому вовсе не география, в том числе тульских писателей, которых мы очень даже жалуем… по талантам естественно, определяет авторский состав журнала, но та их, авторов, сопричастность к традициям русской литературы с учетом современных тенденций и трансформаций»,— подчеркивает Алексей Афанасьевич.

На страницах «Ковчега» неизменно находится место для авторов, живущих и творящих на тульской земле.

Жасминовый куст на усадьбе Смидовичей.
Расцвел он недавно, а может, давно…

Эти строки из стихотворения Вячеслава Ивановича Ботя вошли в художественно-биографический очерк прозаика Елены Гаденовой. Более тридцати лет В. И. Боть возглавлял Тульский краеведческий музей, а последние годы жизни был ведущим научным сотрудником Дома-музея В. В. Вересаева. Жасминовый куст, восхитивший Вячеслава Ивановича, ежегодно дарит свою красоту всем гостям музея, а поэтам — вдохновение.

Словно отвечая на слова своего коллеги, заведующая Домом-музеем В. В. Вересаева Виктория Ткач пишет:

И не жалей минут, чей бег молниеносен.
За вечным не гонись, довольствуясь судьбой —
Все то, что рождено, останется собой,
Что жаждет перемен, о том тебя не спросит…
Так дерево цветет…

Организованное Викторией Юрьевной музейно-литературное объединение «Муза» широко известно в нашем городе. И, конечно, в юбилейный выпуск «Ковчега» тоже вошли произведения музовцев: Олеси Маматкуловой, Анастасии Демидовой, Елизаветы Весиной (Барановой) и других.

Мало кого оставляют равнодушными тульские достопримечательности. В этот раз Эдуард Георгиевский воспел Белоусовский парк. В разделе, посвященном 500-летию Тульского кремля, можно прочитать произведения Валерия Ходулина, Валерия Савостьянов и главного редактора альманаха Якова Шафрана.

Создатель и бессменный руководитель Дома творчества и Фонда поддержки творческой интеллигенции Валерий Маслов обратился к мемуарному жанру и рассказал читателям об авторе «Легенды о мастере Тычке».

«С Иваном Федоровичем Панькиным, известным тульским литератором, я вместе состоял в тульском отделении Союза писателей,— пишет Валерий Яковлевич.— Для меня, тогда еще молодого прозаика, он представлялся могучим корифеем русской литературы».

---

* Проект «Тульские бренды» — это виртуальная площадка для объединения людей, помнящих, знающих и желающих знать историю Тульского края, интересующихся его культурным наследием, стремящихся рассказать другим о тех местах в нашем городе, которые любят сами.

Кроме того, в «Ковчеге» представлены авторские притчи Маслова. Одна из них повествует о чуде, случившемся в церкви Николы на Ржавце. Там есть удивительно мощная по энергетике и силе воздействия тульская икона Святителя Николая Чудотворца.

В разделе произведений для детей — сказки народного мастера РФ Ольги Андреевой и писателя, драматурга Рагима Мусаева.

Из номера в номер альманах «Ковчег» пополняется новыми именами, что говорит о его важности, профессионализме и содержательности. Для авторов — это возможность раскрыть и показать свой талант, для читателей — большое путешествие в мир современной литературной гармонии.

Ольга Вострикова,
главный редактор проекта «Тульские бренды»,
г. Тула

И «КОВЧЕГ» ПЛЫВЕТ…

Приветствие к выходу в свет десятого юбилейного номера альманаха «Ковчег»

Нас было много на челне…
А. С. Пушкин

Нас много — тех, кто однажды ступили на борт «Ковчега», как на палубу яхты, сняв обувь. И ни один не плюнет под ноги, не затопчет окурка. Нас много, тех, кто пустился в плавание. Тех, кто вышел в море, вверив судьбу свою Всевышнему.

Каждый номер альманаха на форзацах своих содержит фотографии авторов. Как бы смотр экипажа, выстроенного во фрунт при подъеме по трапу его превосходительства читателя. Я иногда всматриваюсь в лица команды: «А почему все здесь?» Люди разных поколений, мужчины и женщины, земляки и уроженцы совсем дальних краев, гражданские и под погонами, застенчивые и подчеркнуто артистичные, лукавые и серьезные, задумчивые и романтичные… Не могу избавиться от ощущения, что у всех есть что-то общее во взгляде.

На вымпеле «Ковчега» начертано: «Православие в наших душах». И трижды глуп будет тот, кто станет делить команду на «чистых» и «нечистых», определять степень, так сказать, православности каждого. Трижды глуп будет тот, кто станет в каждом стихотворении, рассказе, очерке искать куполов да свечечек. Не эмблемы, но дух православия объединяет авторов альманаха. А дух нашей веры издавна является благодатной основой всей жизни смиренного и смятенного, живущего своим мирком и рассеянного по лицу земли, богобоязненного и богоборческого, умиротворенного и ярящегося русского народа. Дух православия явил в нашем народе примеры непостижимой святости, самоотречения, верности долгу, героизма. Но сколь разнообразно на Руси проявление самых возвышенных черт! Полководцы не уступят молитвенникам, иноки становятся воинами, миряне уходят в затвор, юродивые идут в мир…

Нам ли, грешным, равняться с подвижниками? Мы всего лишь торим свою привычную тропу, длим обыденное бытование, изредка взлетая подранками на крыльях творчества… Но как тысячелетнее давление горных пород углерод прессует в алмаз, так под напором лет повседневная жизнь обычной семьи, теплящей огонек любви вопреки житейским бурям, простая и такая знакомая всем жизнь с ее радостями и горестями, с ее противостоянием соблазну, с ее сбережением друг друга обнаруживает со всей очевидностью суть православного духа. А человек, мыкающий дни свои в небогатом или даже скудном обиходе, но не теряющий облика человеческого… Такой человек не ближе ли к духу православия, чем причастные отправлению треб во храме, но остающиеся теплохладными? Тот, кто делится с ближним нажитым добром, тот, кто не забывает больных и сирых, тот, кто помогает узникам, тот следует духу православия. Так, может быть, и те, кто в меру скромных сил своих и талантов частичку сердца дарят читателям «Ковчега», уже тем помогают утверждению духа православия, что не дают искре Божьей угаснуть в себе?

Хотелось бы здесь сказать, что авторы «Ковчега» знают жизнь... Не совсем точно. Да, конечно, знают. Доподлинно. Житейский опыт трудно живущего нашего народа впитан ими самым сокровенным нутром, изведан на собственной шкуре. Только это не то знание, за которым отправляют в творческие командировки литераторов, засевших в башне из слоновой кости. Про «Ковчег» не скажешь: издание, повествующее о современности. Скорее, наоборот. Через авторов «Ковчега» сама современность обращается со словом правды к литераторам. Да не только к литераторам. Ко всем, кто от жизни прячется в разнообразных башнях (из слоновой ли они кости, из дурного ли «бабла», из чиновного ли чванства, из компьютерных сетей, из водочных бутылок или еще из чего...) И вот они, авторы «Ковчега», заветное свое слово доверчиво предлагают нам.

А слово, как известно,— великое дело. Особенно доброе слово. Кто-то словом врачует болезненный разлад в собственной душе. И только ради этого одного уже стоит браться за перо. Другой умеет словом согреть души близких людей, преодолеть разлад в семье, в дружеском кругу, среди сослуживцев. И это тоже важно. Иной незлым своим словом забавляет народ, и это тоже людям идет во благо, особенно когда смех не

превращают в пустое зубоскальство, в ржание, в хрюканье, в вой. А кому-то дано сказать столь значимое слово, что отзовется оно благодарным эхом в родном народе, сплотит его, сделает сильнее, мудрее, выносливее. А кому-то предначертано свое слово адресовать всему человечеству, напомнить современникам о высоких и вечных истинах.

И каждое такое доброе слово надо искать. Ежедневно. Как приметливый старатель, промывать в лотке души своей мутные потоки льющихся в уши обывательских разговорчиков, выискивая среди грязи, сора и пустой породы золотые крупицы. Как рачительный садовник, осматривать сыплющиеся на наши головы бесчисленные плоды из интернет-дендрария, не пропуская ни ядовитых зелепух, ни переспелок с подгнившими бочками. Как заботящийся о желудках своих столовников повар, тщательно смывать липкую слизь с лапши, наваренной на всю нашу страну в радио- и телекастрюлях, будь то постоянно пригорающие алюминиевые котлы казенного угодливого верноподданичества или импортные скороварки со склизким либеральным покрытием.

Упорным неотступным трудом даются человеку важные слова. Приветствуя выход юбилейного номера «Ковчега», хочется об этом напомнить всему экипажу. И пожелать долгого плавания. Может быть, посчастливится нам дождаться голубка со свежим листиком в клюве? Как знать…

Игорь Карлов,
г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт

«КОВЧЕГУ» — 10
ВИВАТ! ЖИВИ И ЗДРАВСТВУЙ!

Специалисты утверждают: чтобы убедиться в жизнеспособности и стабильности любого начатого дела, организации, фирмы и т. п., поинтересуйтесь сроком их отлаженного функционирования. Если этот срок не менее восьми лет, можно доверять: стабильность и перспектива есть. А нашему «Ковчегу», детищу общему,— десять лет!

Десять лет… А, казалось, было будто вчера… А «вчера» было создание при Тульской духовной семинарии Православного клуба литераторов «Ковчег», активным организатором и соруководителем которого стал Яков Наумович Шафран, который и организовал одноименный альманах и все эти годы возглавляет его. Помнится, в ту, десятилетней давности бытность мной было предложено издавать при творческом нашем клубе литературный альманах или сборники стихов и прозы авторов — членов клуба «Ковчег», а их тогда было более четырех десятков. Когда на литературных гостиных собиралось много людей, мест свободных не было в довольно большом помещении в семинарии. Безусловно, мы понимали, как замечательно было бы издавать свои сборники или альманах. Но осуществимо ли это? Конечно, достойно пишущих в клубе немало, но на какие средства мы это будем делать?! Да и кто конкретно согласится заняться безвозмездно этим хлопотным и ответственным делом?

Однако Яков Наумович, серьезно задумавшись над весьма заманчивой перспективой, хотя и хлопотной, требующей вложения не только денежных средств, но и времени, и сил, и знаний, решил все эти хлопоты взвалить на свои плечи. И взвалил! И несет по сей день! Как ныне нам известно, в альманахе он и составитель, и его главный редактор, и корректор, и дизайнер, и верстальщик, и соавтор, и прочая, прочая. Вообще, надо отдать должное его неугомонной личности. Я. Н. Шафран не только взвалил на себя «Ковчег», но и довольно серьезно заявил о себе, как об авторе, пишущем стихи и прозу, и среди тульской, а теперь уже и российской пишущей братии, став в короткие сроки известным в ее кругах, лауреатом престижных литпремий. Его имя занесено в «Тульский биографический словарь» и в биографический словарь «Писатели земли Тульской». Кроме того в сети Интернет шафрановские стихи и проза набирают все больше читателей и на общепризнанных литературных сайтах, и на его личных страничках. Причем Я. Н. Шафран довольно успешно выступает в разных литературных жанрах: не только стихи и малая проза — эссе, рассказы,— но пишет и романы, и повести. Все это можно найти и в библиотеках Тулы и других регионов.

И финансовые вопросы по изданию альманаха решились за счет самих же публикующихся. Ведь каждый хочет быть изданным, если даже автор говорит, что пишет «в стол», и читательское мнение его не интересует. А в Туле немного изданий, стабильно выходящих, где можно поместить свои творения: всероссийский ордена Г. Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори», отметивший, кстати, в этом году свое пятнадцатилетие (гл. ред. — известный писатель А. А. Яшин), литературный альманах «Тула» (С. М. Овчинников), литературный сборник известного писателя В. Я. Маслова «Тульское слово», альманахи «День тульской поэзии», «На крыльях Пегаса», «На лирической волне», «Тульская сторонка», «Отчизне посвятим», «Среда» и издание «Крылья души». Достойное место и свою нишу в этом ряду занял и «Ковчег». Одно то, что авторы (и среди них — какие авторы!) публикуются на его страницах постоянно, свидетельствует о многом: значит, издание стоит того. Оно действительно стоит того, о чем говорят и читатели.

И наш «Ковчег» на всех своих парусах под капитанским водительством своего главного редактора — составителя уверенно устремляется вперед, под девизом «Православие в наших душах», под надежным крылом старшего брата — всероссийского журнала «Приокские зори» (где Я. Н. Шафран — зам. гл. редактора — ответственный секретарь), под солидным патронажем Академии российской литературы. Само понятие «тульские», если говорить о «Приокских зорях» и «Ковчеге» весьма относительное. Они давно уже перешагнули местные рамки и приобрели статус всероссийских с международным участием. Именно круг освещаемых тем, многообразие литературных жанров, широта географии проживания авторов, как говорится, от Москвы до самых до окраин и далее, захватывая ближнее и даже дальнее зарубежье, отличают оба эти издания. На страницах «Приокских зорь» выходил даже журнал в журнале, например, творческой братии из Беларуси — белорусский литсоюз «Полоцкая ветвь», с которым туляки поддерживают тесные творческие связи. И белорусские авторы — нередкие гости на страницах «ПЗ» и «Ковчега». Думаю, не будет преувеличением сказать, что творческий костяк альманаха во многом составляют, оставаясь верными своему изданию на протяжении всех этих десяти лет, те, самые первые, авторы,— члены клуба «Ковчег». Среди активных авторов альманаха с ходу можно назвать членов Союза писателей России Вячеслава Алтунина, Геннадия Маркина, Сергея Крестьянкина, Алексея Яшина, Валерия Маслова, Валерия Ходулина, Валерия Савостьянова, Евгения Трещева, Ольгу Бугримову, Татьяну Шелепину; членов Союза Российских писателей Татьяну Леонову, Елену Гаденову, Викторию Ткач; еще многих авторов из Тулы и области как членов союзов, так и непрофессиональных писателей: Эдуарда Георгиевского, Валерия Демидова, Рагима Мусаева, Николая Макарова, Елизавету Баранову, Сергея Никулова, Людмилу Пенькову, Валентину Пинаевскую, Владимира Гудкова, Сергея Одинокова, Светлану Люкшину, Сергея Овчинникова, Галину Лялину, Олесю Маматкулову, Любовь Самойленко, Виктора Мызникова, Елену Хафизову, Татьяну Рогожину, Ирину Мацневу, Ирину Полынкину, Игоря Мельникова, Ольгу Андрееву, Владимира Пашутина, пишущего в том числе и музыку на стихи наших поэтов. Активны и наши коллеги из Москвы и области, а также других регионов России: Евгений Скоблов, Алла Новикова-Строганова, Игорь Карлов, Нина Попова, Олег Севрюков, Ольга Карагодина, Рудольф Артамонов, Антонина Маркова, Ольга Борисова, Вадимир Трусов, Ольга и Наталья Артемовы, Виктор Афоничев, Владимир Герасимов, Вячеслав Михайлов, Галина Зеленкина, Галина Солонова, Евгений Шепеленко, Петр Любестовский, Сергей Лебедев, Сергей Носов, Сергей Филиппов, Лариса Семенищенкова, Магдалина Гросс, Михаил Смирнов, Натали Силаева, Наталья Шестакова, Нина Гаврикова, Тамара Харитонова, Ольга Понамарева-Шаховская, Елена Семенова, Андрей Можаев, Галина Клинкова, Галина Мамыко, Ольга Приступенко, Людмила Авдеева и другие. Среди постоянных можно назвать многих авторов из ближнего и дальнего зарубежья: Николай Тимохин (Казахстан), Аркадий Мар (США), Любовь Бондаренко (Украина), Ляман Багирова (Азербайджан), Павел Подзоров (Белорусия) и другие. Эти списки можно продолжать, называя еще многих и многих авторов, публикующихся в «Ковчеге». Да простят меня коллеги, кого не назвала за ограниченностью места. И автор этих строк не пропустила за десять лет существования «Ковчега» ни одного его выпуска, публикуя на его страницах свою прозу и публицистику.

Что характерно, для «Ковчега», как, впрочем, и для его старшего брата — «Приокских зорь» на их страницах в равной степени представлены как профессиональные литераторы, члены российских и международных творческих союзов; лауреаты и победители литконкурсов различных уровней, включая всероссийские и международные, удостоенные международной премии «Славянские традиции», всероссийской премии «Левша» им Н. С. Лескова, областной премии имени Л. Н. Толстого и др., так и непрофессиональные пишущие люди, так называемые самодеятельные авторы, причем разных возрастов, охватывая три поколения, широкой географии проживания — от Тулы, Москвы до Юга России, Поволжья, Сибири, Севера и зарубежья, ближнего и дальнего (Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Украина, США, Израиль и др.), о чем выше уже упоминалось,— и самых разных профессий: от рабочих, учителей, инженеров, врачей, строителей, библиотекарей до профессоров и академиков, многого добившихся в разных научных областях знаний.

Это удивительно, как в столь короткие сроки, в первые же годы существования «Ковчега», его составителю и главному редактору удалось привлечь на страницы своего альманаха такое количество творческих людей из разных уголков России и зарубежья — уже почти под сотню, причем среди них немало постоянных авторов. А выходит альманах один раз в год солидным изданием — более чем на трехстах страницах и тематика его весьма разнопланова, а не только православие, хотя ему уделяется значительное место. Каждое издание начинается с духовной страницы, на которой нередко с пасторским словом к читателям обращаются известные российские священнослужители и прежде всего сам Святейший патриарх Московский и Всея Руси Кирилл, а также писатели, такие, например, как Юрий Бондарев, известный своими книгами о войне, кстати, удостоенный Патриаршей литературной премии.

Альманах, что характерно, охватывает почти все литературно-публицистические жанры: поэзия и проза; публицистика, литературоведение, критика, литературная публицистика — синтез литературы и публицистики; целый раздел посвящен детям и о детях. На его страницах мирно соседствуют друг с другом рассказы, стихи — и даже сонеты, баллады и басни,— очерки, статьи, новеллы, эссе, миниатюры, воспоминания-мемуары, рецензии и литературоведческие работы, песни; фрагменты из повестей, романов и поэтических поэм. Внушительный перечень, неправда ли?! Но это еще — не все…

Тематика «Ковчега» тоже весьма разнообразна, ограничений в ее выборе нет: православие, произведения — проза, поэзия и публицистика,— носящие ярко выраженную гражданско-патриотическую и философ-

ско-нравственную направленность; любовная, пейзажная лирика и т.д. На страницах «Ковчега» нашлось место и нечасто поднимаемым в обычных,— имею ввиду в неспециализированных изданиях,— историко-гражданским темам, связанным с отечественным российским родословием, привлекающим все большее внимание россиян, а также темам широкого краеведческого характера.

Один мой знакомый, профессиональный литератор, сказал, что он «пробегает» «Ковчег» от корки до корки. Справедливости ради не могу сказать, что он взахлеб хвалил бы издание, отметив, что уровень публикаций на его страницах встречается разный, поскольку, как выше уже отмечалось, авторы разные,— есть и начинающие непрофессионалы,— но главное, по его словам, присутствует именно эта тематическая широта охвата российской действительности и искренность тех, кто пишет, разных по возрасту, социальному положению. Широко представлены авторы из российской глубинки, а не только жители столиц, областных центров и крупных городов. Это, на его взгляд, очень ценно, поскольку они чаще пишут именно о том, что видели и пережили сами, что их взволновало и не оставило равнодушными, значит, и читателя это заденет за живое, ибо отвлеченно-холодное повествование, как известно, и читателя оставит безучастным — не заденет.

…В этом моем, своего рода поздравительном адресе,— во всяком случае, побудительным мотивом к написанию данного материала стало десятилетие альманаха,— не стану говорить о достоинствах или недостатках в творчестве его авторов, рецензировать чьи-то произведения,— не в этом моя цель,— читатель сам выносит каждому автору свой вердикт. Ясно одно: если он читает данное серьезное издание, значит, оно ему нужно и полезно.

Как-то, несколько лет назад, говоря в статье о «Ковчеге», назвала его народным альманахом. И сейчас могу это повторить. Народным в том, что он ориентирован не на некую элитарную читательскую аудиторию и авторов своих подбирает не из богемной, этакой вознесшейся над бытом литературной элиты, на что нередко претендуют глянцевые журналы. Наш «Ковчег» рассчитан и пишет для обычных людей и об обычных людях, коих мы и именуем «народ», и тематику поднимает, близкую ему по духу и по жизни; ту, что характерна и типична для наших российских буден, но… Но при этом он в стихах и прозе со своих страниц ненавязчиво дает понять читателю, что хоть и с хлебом,— а куда и кто мы без хлеба насущного?! — однако «не хлебом единым жив человек». Жив русским нашим духом, непреходящими духовно-нравственными ценностями: совесть, честь, патриотизм, справедливость, любовь в самой широкой ее трактовке, милосердие и добро, которые и пропагандируются исподволь с его страниц. Умеющий слышать да услышит! И люди слышат! Иначе не интересовались бы читатели этим изданием, не публиковались бы на страницах этого альманаха уважаемые признанные прозаики и поэты, которых вместе с самодеятельными авторами объединяет «любовь к России, православию, русской культуре и обеспокоенность судьбами страны и народа, будущим наших детей», как пишет в аннотации к выпускам альманаха его создатель и главный редактор Я. Н. Шафран. На том и стоим, и будем стоять мы, российские пишущие люди!

Хотелось бы привести слова известного писателя, создавшего прекрасные правдивые книги о войне и не только, Юрия Бондарева, о предназначении и духовной сути литературного творчества, приведенные в одном из выпусков «Ковчега», отражающего это и на своих страницах:

«Писатель должен быть действенной памятью своего общества и его душевным опытом.

Искусство — это память народа. Очень многое было бы потеряно в нашем душевном опыте, если бы не были написаны книги, не были созданы фильмы… …Главное же для писателя и сценариста — объект его наблюдения, объект его исследования — люди, их страсти, их поступки. Люди живут, объединенные в общество. Толчки к творчеству идут извне. Это социальные и моральные импульсы общества».

Как верно! Ни добавить, ни убавить. Да, творчество — это память народа, которую мы запечатлеваем и оставляем грядущим поколениям, жить коим суждено на земле после нас.

…Десять лет для человека — детский возраст, для человечества — миг; для альманаха — вполне солидный возраст зрелости, обретения своей твердой стабильной почвы, своей ниши, а главное,— своего автора и своего читателя. Все это есть у нашего «Ковчега». Что ж, пожелаем ему под патронажем старшего брата и друга — «Приокских зорь», которые мы также поздравляем с пятнадцатилетием, в дружбе со словом, нашим русским словом, развернув тугие паруса и дальше смело, уверенно и бодро идти в океане отечественных буден, нередко штормящих, и держаться на плаву, как бы ни штормило, запечатлевая эти людские миги современности — характеры, поступки, движения душ. «Семь футов под килем», «Ковчег»!

Людмила Алтунина,
г. Тула.

К ЮБИЛЕЮ АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»

Уважаемые авторы и читатели, поздравляю вас с первым десятилетним юбилеем литературно-художественного альманаха «Ковчег»!

Казалось бы, что десять лет — это мгновение с исторической точки зрения. Однако, с другой стороны, десятилетие — это огромный срок, за который было сделано очень многое.

За истекший период альманах стал одним из центров литературной жизни не только Тульской области, но и России, и стран ближнего зарубежья — Белоруссии, Украины и Казахстана, то есть де-факто стал всероссийским и международным, приобрел совершенно определенный облик и направление, вырос до серьезного издания. И с каждым годом становится все солиднее.

Он нацелен на определенную аудиторию, а именно на «своего читателя», который может понять дух и направление издания.

Это можно заметить и по его внешнему оформлению. На обложке изображен православный храм на берегу реки, заросшем кустарником и деревьями. Окружающая природа навевает думы о бренности земной жизни, о православной вере. Для многих из нас очень важно, чтобы вера в Бога присутствовала в нашей жизни.

Необходимо сохранить веру и память. Они как цемент, скрепляют нас в одно целое — русский народ! Для возрождения России необходимо возрождение русского национального самосознания, национальной идеи.

Альманах с самого начала задумывался как духовно цельное собрание произведений, где каждое дополняет и углубляет другие. Это литература о нашей жизни, в которой отражены психологические портреты наших современников, их взаимоотношения с обществом. Он отличается зрелостью, придает живую достоверность событиям, представленным в разнообразии проявлений и оттенков, ориентирован на высокие жизненные ценности: любовь, доброту, истину, красоту и патриотизм.

«Ковчег» издается в городе Туле с периодичностью один раз в год. Он довольно быстро встал на ноги и сумел собрать вокруг себя литературные силы.

Говорят, что «самые главные вещи — совсем не вещи». И это не только семья, любовь, дружба, а еще и творческое, интеллектуальное и духовное развитие. В альманахе мы находим и эту пищу для души и ума. Он заставляет задуматься о духовных ценностях, о смысле жизни, патриотизме, рассказывая о красоте земли, сердечных переживаниях, особенностях быта людей, их нравах и обычаях.

А чувство патриотизма многогранно: это и любовь к нашей великой Родине, гордость за нее, желание защитить и сохранить, приумножить славу и силу страны. Быть патриотом — значит ощущать себя неотъемлемой частью земли, на которой рожден и вырос.

Перелистывая страницы этого сборника, невольно восстанавливаешь в памяти всю историю создания и развития альманаха. В большинстве повествований чувствуется такая концентрация искреннего оптимизма, что беспрекословно начинаешь верить им.

У меня абсолютно нет никаких сомнений, что своей жизнеспособностью «Ковчег» обязан в первую очередь личности его главного редактора и составителя Якова Наумовича Шафрана — известного тульского поэта и прозаика, члена Академии российской литературы, члена Российского союза писателей, члена Союза писателей и переводчиков МГО СПР, лауреата многочисленных литературных премий и конкурсов. Его великая трудоспособность и энтузиазм лежат в основе издания альманаха, который выдержал, как мы видим сегодня, проверку временем. Большая роль в издании принадлежит зав. отделом прозы Крестьянкину Сергею Олеговичу и зав. отделом публицистики и литературоведения Алтуниной Людмиле Дмитриевне — известным тульским прозаикам, а также зав. отделом поэзии, известному поэту Тимохину Николаю Николаевичу из Семипалатинска (Казахстан) и бывшему его зав. отделом поэзии, также известному поэту Резцову Владимиру Вадимовичу.

Десять лет они, неравнодушные и творческие люди, делали «Ковчег» все лучше и лучше. На его страницах публиковались и публикуются лучшие произведения литераторов России, Тульской области, ближнего и дальнего зарубежья.

Хорошая проза и поэзия всегда находят ключ к сердцу человека, надолго закрепляясь в его памяти.

Многим произведениям свойственна романтическая приподнятость и эмоциональная обостренность, которая придает им яркость, окрашенность и глубину.

Здесь много прекрасных стихотворений о любви, дружбе, природе, Родине, которые воспитывают в людях добрые чувства, помогают глубже познать и понять жизнь. Стихи искренние, щемящие, способные тронуть струны сердца, пропитанные очарованием, полнотой жизни. Живая энергия поэзии в них искренна и притягательна для человеческой души.

Поэзия — вечный, пронзительный и все проясняющий свет, песня души и сердца, сочетающая в себе силы всех четырех стихий. Она противостоит жестокости, злу и распаду.

«Прекрасный стих подобен смычку, проводимому по звучным фибрам нашего существа»,— писал Анатоль Франс.

Часть стихотворений, напечатанных в альманахе, положена на музыку местными композиторами, и песни исполняются. Это соединение поэзии и музыки очень многогранно. Но у каждой песни своя судьба.

Я не хотел бы перечислять те или иные публикации. Их очень много! Главное состоит в позиции альманаха, который быстро обрел свое неповторимое лицо, освещая проблемы человеческой личности, общества, бытия. Без этого невозможна культурная жизнь, воспитывающая в людях уважение к окружающему миру, к прошлому и заботу о будущем.

В разные годы постоянными авторами альманаха стали Алексей Яшин, Валерий Ходулин, Виктор Пахомов, Валерий Маслов, Геннадий Маркин и многие другие писатели, поэты, публицисты, составляющие

славу и гордость нашей тульской и российской словесности. Публикация их произведений на страницах «Ковчега» задавала высокую планку для развития альманаха.

«Ковчег» всегда был открыт и для молодых авторов. Приоритетным направлением альманаха являлось и сейчас является удовлетворение интересов читателей и самореализация авторов, как творческих личностей.

И надо понимать, что имена писателей и поэтов остаются в памяти народной гораздо дольше, чем людей других профессий. Забываются фамилии политиков, руководителей, когда-то решавших судьбы сотен и тысяч людей. А писатели и поэты еще живут в своих произведениях, пока их читают люди.

На страницах альманаха публикуются материалы на различные темы, так что читатель всегда может найти для себя что-то интересное и познавательное: стихотворения и рассказы, миниатюры и эссе, сказки для детей. Здесь постоянно находят отражение все актуальные темы в области литературного творчества.

Эта возможность и серьезно поразмыслить, и улыбнуться, и погрустить над текстом придают альманаху духовную полноту, объемность и многозначность.

В «Ковчеге» семь разделов: «Духовная страница», «Поэзия», «Проза», «Публицистика», «Литературоведение, литературная критика, рецензии», «Российское родословие», «О детях и для детей».

Альманах твердо стоит на позициях патриотизма, духовности, справедливости, сохранения и продолжения национальных традиций в литературе и культуре, сберегает в умах и сердцах людей многовековой непобедимый духовно-нравственный код народа.

Юбиляр отличается молодым и энергичным характером, пользуется авторитетом и нацелен на серьезную перспективу развития.

Отрадно, что альманах не забывает и об истории Тульской области и других регионов России. Ведь можно с уверенностью смотреть в будущее, только уважая прошлое.

Альманах издается при всесторонней поддержке главного редактора журнала «Приокские зори» Алексея Афанасьевича Яшина.

Алексей Афанасьевич Яшин — человек известный. Его деятельность поражает своей многогранностью: он сильный прозаик, философ, поэт, ученый, издатель, главный редактор журнала. Писатель нестандартного мышления. Ему свойственно стремление к широкому охвату разнообразных жизненных явлений, а отличительной особенностью является дар предвидения. Он дает четкий и глубокий анализ исторических и современных событий, поднимая на рассмотрение и для обсуждения острые проблемы политической жизни страны, экономики, военного строительства, образования. И все это благодаря способности охватывать мысленно всю ситуацию целиком.

Надо иметь в виду, что русская литература никогда не замыкалась в области чисто художественных интересов. Писатели всегда были учителями жизни. Они помогают человеку постичь самого себя и окружающий мир, прививают любовь к Родине, истории своего народа. Дают понятия о добре и зле, правде и кривде. Литература формирует нравственные принципы, идеалы поведения. Кроме того литература является главным хранителем языка. А ведь сбережение языка равноценно сбережению народа, его истории, характера и памяти. Она мощный источник воспитания личности. Роль литературы трудно переоценить.

Желаю редколлегии и авторам не останавливаться на достигнутом, добиваться дальнейших творческих успехов, сохранить популярность и высокий авторитет альманаха у читателей. Творческого поиска вам, острого пера, реализации новых планов и благополучия! А читателям — радости соприкосновения с качественной русской поэзией и прозой!

Евгений Трещев,
г. Щекино

С ЮБИЛЕЕМ «КОВЧЕГ»!

С огромной радостью держу в руках «Ковчег», литературно-художественный альманах, его юбилейный выпуск. Десять лет с искренним интересом читаю в нем публикации тех, кто любит литературу, пишет прозу, поэзию, талантов не сосчитать... и на душе тепло, велик тульский край, могуч силой животворящего Слова! Отрадно, что слава «Ковчега» обрела своих читателей не только на тульской земле, но и далеко за ее пределами, а то, что альманах пополняется новыми именами из других регионов России, говорит о его важности, профессионализме, содержательности, возможности раскрыть и показать свои литературные произведения миру.

Я искренне поздравляю всех коллег по перу с этой замечательной датой, пусть все ваши задуманные планы исполнятся, а книжные магазины и библиотеки с радостью принимают ваши новые книги, чтобы к вам летели Небесные Музы и вдохновляли вас при свете звезд, свечей, утреннего неба, солнца, красоты природы и нежности нескончаемой любви, Божественного дыхания и восторга радости от ощущения прекрасного, которое всегда рядом с вами... Пусть «Ковчег» продолжает идти по бескрайним просторам добра и разума, справедливости и душевности, рождений новых открытий, где в каждой строке стучат ваши благородные ные сердца... Счастья и здоровья, верного пути, который освещает великая планида — Дружба!

От всего сердца поздравляю с юбилеем «Ковчега» Якова Наумовича Шафрана, который подарил нам эту замечательную идею, создал альманах, плоды его великого труда объединили всех, кто публикуется в альманахе. Яков Наумович, огромнейшее спасибо лично вам, и всем, кто причастен в создании « Ковчега»! Для России — это очень важно, для ее народа, который любит читать книги, читает, и будет читать, вопреки тяготам и прочим причинам, ведь Слово и есть Хлеб Неба, он дорог всем нам и необходим как Бог, Любовь и Жизнь!

Елена Гаденова,
г. Тула

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ «КОВЧЕГ» — ЮБИЛЯР!

Всем известно значение слова ковчег — судно-спаситель, ларец для хранения особо важных ценностей. Оба смысловых варианта идеальны для понимания роли нашего юбиляра в современной жизни скоростного 21-го века.

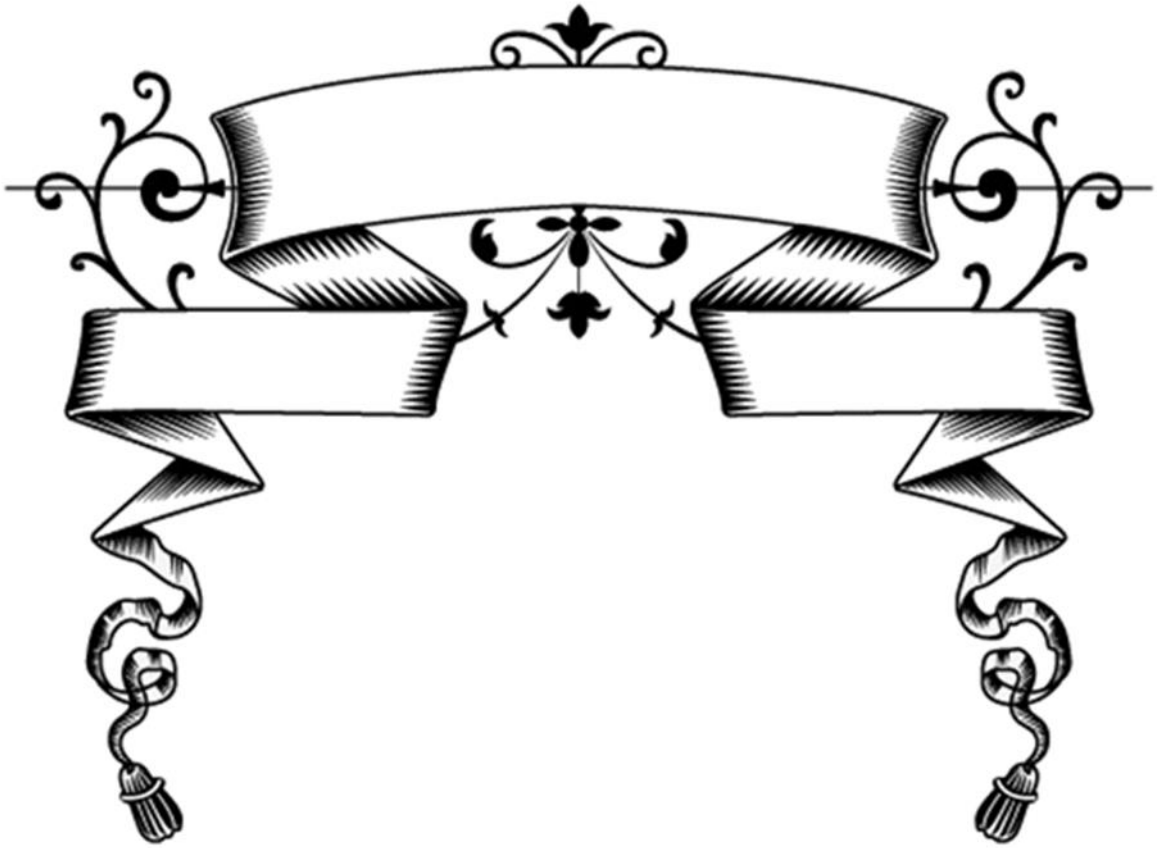
Неутомимо, с искренней радостью на протяжении десяти лет наш «Ковчег» приглашает читателей в незабываемые увлекательные путешествия по творческому океану художественного слова за сокровищами удивительных островов: «Духовная страница», «Поэзия», «Проза», «Публицистика», «Российское родословие», «Литературоведение» и «Произведения о детях и для детей». Сокровища этих островов поистине бесценны, ибо, являясь духовными, они не подвластны разрушению временем, не подвержены коррозии, не ломаются, не теряются. Однажды став их обладателем, человек остается с ними навсегда.

Находясь постоянно наплаву, «Ковчег» несет свет, надежду, радость, любовь, добро и веру в мир, делая его тем самым ярче и гармоничнее.

От всей души поздравляю с юбилеем всех авторов «Ковчега» и его главного редактора Якова Наумовича Шафрана, который, без преувеличения, является главной движущей силой, ритмом, пульсом, то есть сердцем литературно-художественного альманаха!

«Ковчегу» — успешно идти по волнам времени во благо окружающего мира!

Людмила Пенькова,
г. Тула



ПРОЗА

ЯКОВ ШАФРАН
МАГДАЛИНА ГРОСС
МИХАИЛ СМИРНОВ
ЛЯМАН БАГИРОВА
ГЕННАДИЙ МАРКИН
ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВ
ГАЛИНА СОЛОНОВА
ОЛЕСЯ МАМАТКУЛОВА
ОЛЕГ СЕВРЮКОВ
ВЛАДИМИР ВЕЩУНОВ
ГАЛИНА МАМЫКО
ИГОРЬ КАРЛОВ

ВЛАДИМИР ГУЛЯЕВ
ПАВЕЛ ПОДЗОРОВ
ВЛАДИМИР ГЕРАСИМОВ
ЕВГЕНИЙ СКОБЛОВ
АЛЕКСЕЙ ЯШИН
НАТАЛЬЯ ШЕСТАКОВА
ЛАРИСА СЕМЕНИЩЕНКОВА
НИКОЛАЙ ЗАЙЦЕВ
ЛЮДМИЛА ПОПОВА
ПЕТР ЛЮБЕСТОВСКИЙ
ВАЛЕНТИНА МАЦНЕВА
НИКОЛАЙ МАКАРОВ

Яков ШАФРАН

г. Тула

Член Академии российской литературы, Российского Союза писателей, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Лауреат всероссийских литературных премий: им. Н. С. Лескова «Левша» и «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного, номинант на премию «Поэт года — 2019». Его имя занесено в «Тульский биографический словарь. Новая реальность» и в биографический словарь «Писатели земли тульской». Заместитель главного редактора — ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори», член редакционных советов: Вестника Академии российской литературы «Московский Парнас», музыкально-поэтического альманаха «На лирической волне» (Тула, журнал «Приокские зори») и музыкально-литературного альманаха «Тульская сторонка». Награжден многими медалями, дипломами и грамотами.

ТОРТ

Сидя в стареньком кресле, она один за другим переключает говорливо новостные, громко музыкальные и настырно рекламные каналы телевизора. Вот немного задержалась на том, где бывшая великая балерина примерно ее же возраста хвалится своими апартаментами, их убранством, драгоценностями и нарядами. И только на канале «Культура» она находит старый милый сердцу фильм «Три тополя на Плющихе» с Татьяной Дорониной и Олегом Ефремовым. Жаль только смотреть его уже некогда, так как нужно идти по записи на прием к депутату…

На газонах и лужайках улицы, после ночного дождя, буйно зеленеет сочная трава. Бездонное голубое небо наполнено солнцем. Земля, в тени еще прохладная и чуть сыроватая, на освещенных местах уже дышит зноем, чувствуются запахи согретой почвы. В это ясное летнее утро вокруг разлит покой, вот только автомобили нарушают эту идиллию. Тяжелый от их множества воздух не позволяет насладиться дыханием — центр города дает о себе знать.

Пожилая женщина, на вид — божий одуванчик,— пенсионерка, бывшая рядовая учительница идет к остановке трамвая. Груз сорока с небольшим лет работы в школе учителем русского языка и литературы, маленькая пенсия, жизнь почти впроголодь, когда ЖКХ и лекарства съедают все. Вот и решилась записаться на прием к депутату, «клявшемуся-божившемуся» перед выборами, что добьется увеличения пенсий…

Депутат принял ее, но на встрече, кроме разговоров на общие темы и новых обещаний, ничего конкретного она не услышала… Выйдя из задания администрации, от слабости в ногах женщина села на стоящую около скамейку. Рядом сел молодой человек с коробкой торта, разговаривавший по телефону. Как поняла, он говорил со своей девушкой. Оказывается, парень купил совершенно не тот торт — у нее аллергия на что-то там… Девушка его ругает, женщина слышит гневные и даже ругательные слова ее. Молодой человек в раздражении встал, швырнул торт в рядом стоящую урну и ушел, видимо, покупать другой. Старая учительница не ела торт уже лет пятнадцать, наверное. Да и сегодня попила только пустой чай. Она подходит к урне и запускает руку, чтобы достать торт, и вдруг слышит: «Ты что тут, старушенция, в мусоре копаешься?! Не положено! Давай уходи отсюда, нищебродка!» Женщина в испуге распрямилась и, оправляя старенький, штопанный-перештопанный плащ, оглянулась на голос. Смотрит — полицейский лейтенант лет сорока. «Да я, вот тут… торт свежий, только из магазина, парень в коробке выбросил. Достать хочу, сынок…» — «Что?! Да я тебя счас в участок!» А она глядит на него, глаз оторвать не может, и удивленно так говорит: «Сереженька… Лавров, ты ли это?!» Тот ошарашен. И вдруг делает шаг навстречу. «Галина Павловна, вы?! — спрашивает он, приглядываясь к ее глазам и такой знакомой улыбке любимой учительницы русского языка и литературы.— Да как же вы, да что?..» — «Да вот… живу на пенсию. А ты как?» — «Окончил институт, историко-филологический факультет, работал учителем… безденежье, знаете, семья… ну, и ушел в милицию, теперь в полиции… Жена второго рожать собралась. Хочет дома сидеть, детей воспитывать, считает это идеалом жены-матери. А зарплата моя на четверых… Начальник сказал: “Кормись с земли!” А что он еще мог сказать, если ему его начальник то же самое говорит? А тому — его начальник: “Земля прокормит!”» — «Сережа, но вам же хорошие деньги сейчас платят, я слышала?» — «Ох, Галина Павловна, денег всегда не хватает… А у вас какая пенсия?» Она называет размер своей пенсии и видит на лице Сергея непомерное удивление. «Сережа, как же ты можешь так грубо… с людьми?..» — «Галина Павловна, простите меня не только за то, что не узнал вас, но и за грубость мою!..— Он хотел достать из урны торт, но вовремя опомнился.— Пойдемте в магазин. Я хочу сделать вам приятное» — «А что же жена, Сережа?» — «Ей мои премии не подотчетны…»

Сергей сбегал в рядом находящийся супермаркет и купил торт, фрукты и деликатесы, взял такси, подвез ее до дома и, напрочь отказавшись, зная о ее бедности, зайти, простился. А когда шел обратно, думал: «Как же в людях все так перевернулось? Вот и я ведь раньше не был таким. Наверное, она была очень пора-

жена, услышав от меня такое…»

А Галина Павловна уже, было, открыла дверь подъезда и сделала шаг в предвкушении пиршества, но, услышав громкие детские возгласы, остановилась и снова вышла на улицу. Рядом с ее домом была огороженная металлическим забором площадка детского дома для детей младшего возраста. Они в серых, бледно-розовых и одинакового фасона курточках бегали, лопотали что-то свое, на ходу придумывали игры и играли в них, бросали и начинали новые. Воспитательница скучала, предоставив детям самостоятельно веселиться на прогулке.

Галина Павловна направилась к калитке в ограде детского дома и, поскольку та была закрыта, подозвала воспитательницу. «Вот, угостите ребят,— сказала она, протягивая торт.— Свежий, только что из магазина».— «А вы сами-то?» — спросила та, осматривая коробку. «Что я? Я в своей жизни, в нашем светлом прошлом, достаточно поела и тортов и пирожных,— ответила она, сдерживая слюноотделение и силясь не смотреть на торт.— А у них этого сейчас нет, да и доведется ли?» — «Спасибо»,— произнесла воспитательница и приняла подарок. «Не за что».— Учительница повернулась и пошла к своему подъезду, стараясь не думать, достанется ли торт детям.

Владимир ГУЛЯЕВ

г. Барнаул, Алтайский край

Владимир Георгиевич Гуляев — поэт, прозаик. Родился в 1957 г. в с. Шелаболиха Алтайского края. До 1972 г. проживал в г. Норильске. После обучения в НВИИ СТФ получил распределение в г. Барнаул. Работал в проектном институте, главным архитектором р-на, в 1986 г. окончил Алтайский политехнический институт. Автор книг: «Председатель» — 2017г., «Вовкины истории» —2019 г., «Сборник рассказов и стихов» — 2019 г., «Солдатская Любань.1942» —2020 г. Отдельные рассказы и стихи публиковались в сборниках: «Книжным детям», «Держава 2019», «Сердцевина», «Non/fiction» (г .Волгоград), «Золотое перо Алтая 2018», «Деревенские чудики» (г. Бийск). Повесть «Солдатская Любань.1942» напечатана в журнале «Север» №5-6 2020 г. (г. Петрозаводск), очерк «Помнить и не забыть, что это наша история» вышел в журнале «На русских просторах» №2 (41) 2020 г. (Санкт-Петербург).

КАМЕНЬ НА РАСПУТЬЕ
(рас-сказ-ка)

«…Едучи путем-дорогою, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, наконец, приехал богатырь в чистое поле, в зеленые луга. А в чистом поле на распутье дорог стоит мрачный седой камень, поросший мохом. На нем — зловещая надпись: «Кто поедет от камня сего прямо, тот будет голоден и холоден; кто поедет в правую сторону, тот будет здрав и жив, а конь его будет мертв; а кто поедет в левую сторону, тот сам будет убит, а конь его жив и здрав останется».

Испокон веков стою я на этом перепутье, с тех самых пор как откололся от глыбы Познания, летящей в бесконечном пространстве Великого Космоса, и упал на эту планету. Стою каменным истуканом, беседую сам с собой и указываю путь-дорогу путникам. Ко мне подходит всего одна дорога, а от меня уходят в разные стороны — три. Вначале я просто наблюдал за тем, что происходит вокруг, смотрел и изучал непонятных для меня существ на двух ногах, проходивших мимо и останавливавшихся ненадолго рядом. Я хорошо понимал их мысли, потому что они тоже были частью Космоса, но понимать их слова научился не сразу. Волновые колебания и импульсы у них были тех же диапазонов и частот, что и во Вселенной, но вот мысли имели противоположное значение и не совпадали с тем, что они произносили вслух, и это было мне не понятно, так как не укладывалось в прямолинейность космического бытия. Позже я узнал, что это была неискренность и обман. Люди не понимали или не хотели понимать того, что обманывая другого, они и сами оставались обманутыми. А затем они уходили по разным дорогам, кто-то возвращался, а некоторых я больше и не видел, скорее всего, они погибали, выбрав неверный путь.

И вот однажды появился Он — высокий и худой старец с белой бородой и синими глазами, одетый в длинную и светлую одежду. Он остановился возле меня и, укрывшись в моей тени от палящих лучей солнца, просидел в молчании с вечера до утра. Прижавшись ко мне спиной, Он молча смотрел на ночное небо и яркие звезды, а я слушал его мысли: они наполняли меня чистотой Вселенского разума. В этом старце чувствовалась огромная сила знаний и большая мудрость. Я ясно понимал его мысли и переживания о происходящем в мире: о человеческой жадности и предательстве, о лжи, поедающей человека, о вечном поиске людьми птицы счастья и справедливости. Его думы поведали мне многое о том, что видел Он на своем жизненном пути, а я мысленно поделился с ним частью своих знаний. Так мы подошли к «разговору» о трех дорогах, лежащих за мной и уходящих вдаль за горизонт.

— А разве люди не могут жить в дружбе и любви друг к другу? — спросил я у него, стараясь придать своему вопросу вид собственной мысли старца.

— Могут,— как бы сам себе ответил старец.— Только для этого они должны изучить законы Мироздания и верить в них, и они должны понять суть своего существования и предназначения.

— Но, это, же так просто!

— Нет, это не просто, этому нужно учиться постоянно и постоянно работать над собой и своим сознанием, а люди не хотят долго учиться, им нужно все сразу и сейчас. В них много зависти и мало добродетели, поэтому они даже на своих ошибках не хотят учиться! Не говоря о Вере!

— А что если попытаться указать им Путь? Да, указать дорогу, которую они должны будут выбрать сами, вот хотя бы из этих трех, идущих от этого камня. Он будет как «камень преткновения» — начальный камень на Пути к Созиданию! Может тогда верующие и неверующие в Добро, соблюдающие и не соблюдающие Вселенский Закон, выберут свой, правильный или нет, путь. И пройдут его. А если нет, то значит и не Судьба.

— Да будет так! А на камне я напишу пожелания для желающих и ищущих!

И взял старец обломок от меня и начал свое Великое и праведное дело — писать на моем каменном теле СЛОВА. Это был наш с ним совместный труд — воплощение человеческого желания и небесного сознания. В течение нескольких дней и ночей, под лучами Солнца и при свете Луны высекал Он истину, подсказываемую ему его разумом и мной. И уже через несколько дней на мне красовалась надпись:

«— Как пряму ехати —
живу не бывати —
нет пути ни прохожему,
ни проезжему,
ни пролетному…
— Направу ехати —
женату бытии…
— Налеву ехати —
богату бытии…»

А потом Он ушел, опираясь на свой посох, и его высокая чуть сутулая фигура еще долго была видна на фоне чистого голубого неба, пока не скрылся странник за горизонтом. Навсегда.

Много людей с тех пор пешими и конными останавливались предо мной, читали надпись, а потом уходили дальше. Многие счастья пытали да не многие его нашли: одни не туда пошли, другие не с тем пришли, третьи не то искали. Сколько их, богатырей и проходимцев разных, стояло возле меня, голову склонив да вчитываясь в заветные слова. Много, ох много! Слова-то читали, а смысла не отыскивали и уходили в разные стороны, да в основном не туда, куда следовало бы! И помочь я им ничем не мог: говорить не умею, рук-ног не имею, одно могу — изнутри на себе, снаружи, слова-подсказки писать, а уж путнику самому и выбирать.

Сколько воды с неба пролилось, сколько травы вокруг меня выросло и полегло. Врос я уже в землю чуть не вполовину, и сколько раз уже ветра и дожди стирали мои надписи совсем, а я их снова подновлял. Дней много уходит на их восстановление, но что такое эти дни по сравнению с Мирозданием. Так, малость... Только те слова в надписи, что в землю ушли с веками, не обновляются более, так что последние две строчки уже и не видно. Никому.

А копать вглубь никто не хочет. Все поверху читают, вглубь не заглядывают. Наклоняться же надо. Видимо Старец прав был тогда, сказав:

«…Этому нужно учиться постоянно, и постоянно работать над собой и своим сознанием, а люди не хотят долго учиться, им нужно все сразу и сейчас. В них много зависти и мало добродетели, поэтому они даже на своих ошибках не хотят учиться! Не говоря о Вере!»

Магдалина ГРОСС

д. Истомино Балахнинского района Нижегородской области

Гросс Магдалина Вячеславовна родилась в г. Горьком (ныне Нижний Новгород). В 1991 г. окончила Нижегородский госпединститут иностранных языков (в настоящее время — Лингвистический университет). Репетитор английского и немецкого языков, пишет переводы. Литературным творчеством занимается с 2006 г. Дипломант и победитель областных и всероссийских конкурсов. Имеет Благодарность Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское» за участие во всероссийском конкурсе «Наперсница волшебной старины», посвященном 200-летию со дня памяти Марии Алексеевны Ганнибал (2018 г.). Постоянный автор альманаха «Ковчег».

КОРСАР

(Написано по реальным событиям)

Два второкурсника из политехнического — Никита и Ромка — появились в кирпичном доме по улице Генерала Маргелова случайно и, как они планировали, ненадолго. Впрочем, видно уж была у этого дома такая судьба: почти все, кто приезжал и заселялся в расположенную около трамвайных путей желтую трехэтажку, больше были похожи не на постоянных жильцов, а на случайных гостей, которые дальнейшую свою судьбу с этим кирпичным домом никак не связывали. Кто-то, прожив недолгое время, самостоятельно покупал жилье дороже и солиднее и затем уезжал в неизвестном направлении. Кому-то родители делали подарок на свадьбу в виде элитной квартиры… Люди женились, разводились — в общем, жили своей жизнью. А дом жил своей, словно был отделен от постоянно меняющихся жильцов какой-то невидимой стеной. Вот и Никита с Ромкой сняли здесь однокомнатную квартиру на полгода, надеясь в перспективе на то, что место в общежитии к Новому году все же освободится, и они переедут жить к своим институтским товарищам.

Однако, был в этом доме небольшой контингент, состоящий в основном из стариков, про которых говорят, что «они много перевидали на своем веку». В это слово «много», по всей вероятности, входило и количество жильцов дома, меняющихся с завидной регулярностью.

Вот и парни, не успев заехать в квартиру, которая сдавалась по доступной для их студенческих карманов цене, через несколько дней уже знали, что тетя Глаша, проживающая на первом этаже, живет здесь чуть ли не с тех пор, как дом был построен. А на третьем этаже, как стало известно от разговорчивой почтальонши Танечки, доживала свой век какая-то древняя старушка, у которой поблизости жила внучатая племянница. Правда, по какой-то неизвестной причине молодая женщина не слишком часто баловала посещениями свою престарелую родственницу, которая, опять же со слов почтового работника, еще и сильно болела, отчего на улицу не выходила.

В том, что соседка с третьего этажа ограничивается «прогулками», выходя только на балкон, ребята убедились немного позже. Мало того, что октябрь в этом году был расцвечен всеми красками, на какие только была способна волшебница-осень, так он еще выдался на редкость теплым и безветренным. И вот, в одно прекрасное воскресенье во двор высыпали детишки всех возрастов.

Все было хорошо, от подъездов и лавочек то и дело доносился смех, как вдруг у малыша, гуляющего со своей мамой, вырвался из рук большой воздушный шар. Будучи накачанным гелием, и почувствовав свободу, ярко-зеленый красавец стал незамедлительно подниматься наверх. Удивленный карапуз широко раскрыл и глаза, и рот, когда увидел, что его шар был на самом деле «живым»! Никита с Ромкой, которые как раз возвращались домой с занятий, тоже подняли глаза наверх и совершенно неожиданно для себя увидели, что на балконе третьего этажа кто-то стоит.

Этот «кто-то» оказался плохо расчесанной худощавой седой женщиной, которая, оперлась на перила балкона и тоже смотрела на зеленый шар, поднимающийся все выше и выше.

То, что эта седая женщина была болезненно худа, не испорченные жизнью и временем молодые глаза студентов определили безошибочно, несмотря на то, что их разделяло внушительное расстояние. Но еще больше удивились ребята, когда разглядели у ног старушки черно-белого спаниеля, который периодически принимался лаять на все, что вызывало его собачий интерес. Не преминул залаять он и на невесть откуда-то взявшийся шар, который, хоть и был величественно хорош, но все же по его, собачьим меркам, не должен был очутиться на уровне их балкона ни под каким видом.

Никита, который никогда не прогуливал ни лекций, ни семинарских занятий, а, стало быть, частенько выходил из дома раньше своего друга, уже видел несколько раз этого симпатичного спаниеля. Правда, он никак не мог подумать, что песик мог жить у женщины, которая не могла его даже выгуливать должным образом. Несмотря на то, что Никита никогда не держал собак, он где-то внутри догадывался, что «должный образ» состоял из прогулок два, а то и три раза в день.

— Прикинь, Никитос,— говорил на следующий вечер Ромка, жуя на кухне бутерброд и запивая его

горячим чаем,— оказывается, бабулька-то не одна живет. Собаку видел у нее? Симпатичная, между прочим, собачка!

— Видел,— отозвался Никита, погруженный в свои мысли и казавшийся от этого рассеянным,— я эту собаку частенько по утрам вижу, пока ты дрыхнешь вместо того, чтобы вместе со всеми на занятиях сидеть.

— Ой, ой, ой,— насмешливо парировал Ромка,— тоже мне, чтец моралей нашелся! — Можно подумать, я один эти лекции пропускаю.

— Не один,— продолжал Никита, находящийся в мыслях далеко от своего приятеля,— но вот останешься без стипендии, и как мы за квартиру платить будем?

— Ну, во-первых…— Ромка поерзал на табуретке,— мне родители немного помогают.

— А во-вторых? — Никита наконец-то поднял на Ромку свои серые глаза.

— А во-вторых,— совершенно легкомысленно ответил тот,— если меня и оставят без стипендии, это будет уже в следующем семестре.

— Ну, и что? — не понял Никита Ромку, на которого непонятно откуда свалилось веселое настроение.

— А то,— и тут Ромка совсем разулыбался,— жить-то мы после Нового Года здесь не будем. В общагу переедем!

— Ну, это еще бабушка надвое сказала,— с долей сомнения в голосе произнес Никита, и продолжил: «Общагу-то ведь тоже исходя из успеваемости дают. А тебе…»

Он не договорил. В раскрытую форточку донеслись звуки сирены «Скорой помощи». Потом на лестнице кто-то затопал, раздались какие-то непонятные то ли щелчки, то ли несильные удары, затем послышались чьи-то голоса, все это перемешалось с собачьим лаем и визгом.

Через какое-то время все стихло.

Потом молодые люди услышали, как около подъезда завелся мотор, и, судя по тому, что сирена включилась снова, поняли, что «Скорая помощь» отъезжает от их дома.

— Наверное, ту старушку в больницу забрали,— вздохнув, произнес Ромка, который хоть и был смешливым малым, но иногда проявлял чуткость по отношению к совершенно чужим людям.

— Наверно,— отозвался Никита, остывший чай которого так и продолжал стоять на кухонном столе.

На этом разговор закончился. Ромка ушел в комнату и, как всегда, завалился спать, а Никита еще долго сидел на кухне, обхватив голову руками и обдумывая план курсовой работы, которую ему, как отличнику, разрешили писать не на третьем курсе, а уже на втором.

***

— Пошла, пошла! Кыш, тебе говорят! — с этими словами ярко-накрашенная молодая женщина в светло-серой мутоновой шубе пыталась отогнать от себя черно-белого спаниеля и даже затопала на него ногами. Однако тот упорно не хотел уходить, а когда женщина открыла дверь в подъезд, пес попытался прошмыгнуть в «предбанник», с двух сторон которого находились две двери — одна деревянная, другая — железная, что вела на улицу.

Но не тут-то было! Женщина быстро проскользнула через деревянную дверь, оставив собаку скулить и царапать дверь когтями.

— А ну, пшел вон! — И с другой стороны в «предбанник» ввалился долговязый парень с девушкой. При этом молодой человек довольно бесцеремонно оттолкнул собаку ногой.

Спутнице его жест явно не понравился, но спорить с претендентом на свое сердце она не стала. Только спросила коротко:

— Зачем ты его гонишь?

— Да ну его, этого пса! — Замахал парень руками.— Хозяйка умерла, он теперь в подъезде ошивается. Ладно бы жил спокойно — так нет! — поднимается на третий этаж, где раньше его хозяйка жила, и выть принимается! Да так, что ни музыку послушать, ни уснуть.

— Бедненький.— И девушка наклонилась к черно-белому спаниелю.— Значит, у тебя даже хозяев теперь нет…

— Бедненький… — насмешливо передразнил ее кавалер и, взяв за рукав пальто, оттащил от спаниеля.— Да его, по-моему, весь двор кормит. С чего ему бедным-то быть?

Однако правды в этих словах было не так уж и много. Ставшего бесхозным черно-белого песика действительно пытались накормить. Но он ничего не ел, поднимая морду по направлению к балкону на третьем этаже, который сравнительно недавно был его собственностью, и при этом жалобно скулил.

Отощал он неимоверно, а спешащие на работу или по своим делам жители подъезда, словно не замечали его. В лучшем случае псу удавалось миновать пинков и отшвыривания в сторону. В худшем — он оставался один на улице, где при минусовой температуре мог провести целую ночь, надеясь на то, что его пустят ночевать обратно в подъезд. Как он еще не умер от голода и холода — оставалось большим вопросом.

***

Мест в общежитии после зимней сессии для ребят пока не нашлось, поэтому им пришлось остаться в трехэтажке до лета.

Никита, который для поддержания здоровья начал ходить в бассейн и бегать по утрам, все чаще заме-

чал знакомую черно-белую собаку, которая до неузнаваемости изменилась. Худая и никому не нужная, она отбегала от Никиты, как только он появлялся на ступеньках подъезда, и парню даже казалось, что он видел слезы, которые вытекали из небольших коричневых глаз спаниеля.

Как-то он попробовал его покормить, но пес, как ни странно, не подошел к нему. То ли был научен не брать еду из чужих рук, то ли научился бояться того, кого не считал «своим», а может, постоянные пинки и тычки сделали свое недоброе дело — но как бы то ни было, все попытки Никиты увенчались не то что неуспехом, а полным провалом. Кусок вареной колбасы, оставленный на ставшем уже грязным снегу, моментально был утащен какой-то, так некстати забежавшей в их двор большой собакой.

Тем не менее черно-белый спаниель ни за что не хотел уйти со двора дома, где прожил всю свою собачью жизнь. Приближалась весна, люди стали чаще открывать форточки, пуская в свои квартиры солнечный свет и тепло. И вместе с желанными гостями — солнечными лучами — через открытые форточки ясно был слышен вой собаки, прогнать которую со двора не представлялось возможным.

И как-то раз Никита не выдержал.

Ромка в это время как раз пересдавал свои бесчисленные «неуды», которые грозились вскорости превратиться в самые настоящие «двойки» на экзаменах. Выскочив на улицу прямо в рубашке, Никита подбежал к собаке, имени которой никто не знал (а может, не стремился узнать?), и, схватив ее в охапку, потащил домой.

Обессилевший пес, который в последнее время даже выть и скулить стал совсем тихо, в этот раз даже не дернулся в сильных руках человека.

Притащив спаниеля домой и уложив его прямо в коридоре на сорванную впопыхах с вешалки куртку-ветровку, Никита впервые внимательно разглядел собаку.

Шерсть у нее свалялась, и в некоторых местах образовались колтуны, обратив внимание на которые, парень сразу решил, что расчесывать их — бесполезное дело. Пока он искал в комнате ножницы, пес встал и, шатаясь, побрел за ним, но слабость сделала свое дело: спаниель упал прямо на пороге комнаты.

— Ах, какой я дурак! — хлопнул Никита себя по лбу,— ведь тебя же надо сначала накормить!

Но, вспомнив о том, как собака ни под каким видом не брала у него ни печенье, ни кости, парень тут же засомневался: «А будешь ли ты, дружище, вообще что-нибудь есть, а?»

Правда, в этот раз вопрос оказался совершенно излишним. Поднесенный к самому носу кусок докторской булки, был проглочен незамедлительно.

Поглаживая обессилевшего песика по голове, Никита внезапно подумал, что неплохо было бы сходить к той женщине, которая приехала жить в квартиру своей умершей то ли тетки, то ли какой другой родственницы.

— Имя-то у этого бедняги должно быть,— раздумывал Никита, пока поднимался на третий этаж.

Но поход его успехом не увенчался. Светловолосая женщина, открывшая дверь, посмотрела на Никиту с такой неприязнью, будто он был вокзальным бомжем, а не студентом. На вопрос, как зовут собаку, которая раньше жила в этой квартире, блондинка, наморщив лоб, брезгливо ответила:

— Мне-то откуда знать? Ну, жила тут какая-то псина с бабкой.

И после короткой паузы прибавила: «Что я, всех ее собак должна по имени-отчеству знать что ли?»

Никита хотел было возразить, что собака была всего одна, да и отчества у нее никакого не было (обучаясь на факультете прикладной математики, Никита иногда мыслил совершенно прямолинейно). Но со всей силы захлопнувшаяся перед самым носом студента дверь не оставила ему никаких шансов на то, что он вообще что-нибудь узнает о собаке, которая в это время лежала на куртке в коридоре квартиры, которую они с Ромкой снимали вот уже больше полугода.

— Сама ты псина,— со злостью произнес Никита и, пнув по новой железной двери ногой, стал спускаться к себе на первый этаж.

Вернувшийся к вечеру Ромка был несказанно удивлен, когда увидел, что кровать его занята. Причем не одним только Никитой. В ногах друга тихонько лежал дворовый спаниель, который, как показалось Ромке, периодически тихонько вздыхал и вздрагивал.

Наконец-то подтянувший все свои «хвосты» Ромка, который явился домой сразу с тремя оценками «удовлетворительно», пребывал по этому поводу в не менее удовлетворительном настроении. В рюкзаке у него погромыхивали бутылки с пивом, которым он и намеревался угостить своего друга Никитоса. Но еще больше он удивился тому, когда, зайдя в туалет, увидел в мусорном ведре клочья черной шерсти. Это Никита, которому никогда не приходилось стричь собак, сделал своему новоявленному питомцу «стильную прическу» на свой вкус, а говоря проще — срезал всю свалявшуюся шерсть большими ножницами. После стрижки Никита хотел было еще и помыть Корсара — такое имя он придумал своему лохматому другу,— но одумался. «Вот вечером придет Ромик — с ним будет сподручнее»,— подумал Никита и, взяв тетрадь с лекциями, улегся прямо на Ромкину кровать. Спустя какое-то время, он незаметно задремал, а затем и вообще «отрубился». А Корсар незаметно примостился у него в ногах, что и увидел возвратившийся из института Ромка.

Подходил к концу май. Парни купили Корсару ошейник и по очереди выходили с ним на прогулку во двор.

Ребятишки, завидев Никиту или Ромку, которые вели на поводке знакомого им спаниеля, стремитель-

но бежали им навстречу.

Корсар снова изменился, но теперь уже в лучшую сторону. Шерсть у него стала пушистая и блестящая, а то, что она когда-то была подрезана неумелой рукой Никиты, теперь уже было незаметно. Да и выглядел он не исхудавшим заморышем, а очень приличным и довольным псом, глядя на которого, можно было сразу понять, что в еде этому черно-белому красавцу не то что не отказывают, а — наоборот — безмерно балуют! Но кроме этого, и это было самым главным, он снова начал доверять людям и как только видел малышей, бегущих по направлению к нему, тут же начинал вырываться из ошейника и охотно давался детским рукам, которые наперебой старались погладить его по шелковистой шерсти.

И Никите, и Ромке несколько раз доводилось столкнуться с «племянницей», которая бесцеремонно выгнала умирающего от голода пса из квартиры, которая по всем документам теперь принадлежала лично ей. Но каждый раз дамочка отворачивалась от ребят и один раз даже презрительно фыркнула, изобразив на своем лице то ли недоумение, то ли презрение…

Впрочем, ни отличнику Никите, ни относившемуся к учебе весьма халатно Ромке, не было до нее никакого дела. А Корсар — тот и подавно выражал блондинке в кожаном пальто полное равнодушие. По крайней мере, он ни разу не сделал попытки хоть как-то приблизиться к ней, как он каждый раз, пытаясь подбежать к ребятишкам, рвался с поводка все сильнее и сильнее.

К концу года место в общежитии предложили только Никите. Кроме общежития ему предложили еще и тему для научной работы, намекнув, что если начать писать ее на третьем курсе, к концу обучения студенческий труд станет весьма фундаментальным. И уж тогда Никите можно будет смело претендовать на поступление в аспирантуру.

Второе известие Никиту обрадовало и, хотя он очень туманно представлял себе то, что с ним будет через три года, за написание научной работы он решил взяться уже летом. «Вот только съезжу домой, повидаюсь с родителями — и тут же начну»,— обрадовано думал молодой человек.

А вот жить в общежитии без Ромки он наотрез отказался. И хотя он понимал, что если бы он периодически не помогал своему приятелю решать сложные математические задачи, того бы уже давным-давно отчислили. Но Никита никогда не гордился тем, что знал намного больше и учился намного лучше своего дружка-шалопая. Наоборот, как только Ромка «заваливал» очередной экзамен то по высшей, то по прикладной математике, Никита брал инициативу в свои руки, и тогда соседи могли видеть, что свет в квартире, где жили ребята, выключался с появлением на востоке первых лучей солнца. Объяснив то, что для Ромки являлось «камнем преткновения», Никита начинал нещадно гонять своего друга по пройденному материалу. Но этим, как правило, дело не заканчивалось. Задачи, одна сложнее другой, сыпались на Ромку до утра, а на следующий день «неуд» из его зачетки исчезал, словно по волшебству.

Правда, была у Никиты еще одна причина, из-за которой со съемной квартиры он уже не съехал бы ни за что.

Корсар — этот преданный друг, который всегда встречал их с Ромкой в коридоре радостным лаем и повизгиванием, и был этой второй причиной. В общежитие их с собакой жить бы не пустили, но Никита уже был далек в мыслях от того, что им надо куда-то уезжать.

Вот и в этот раз, сойдя с автобуса на конечной остановке, Никита оторвался от своих мыслей и забежал в супермаркет. Первым, куда он направился, был отдел с кормами для животных. Накормить четвероногого друга — это стало для Никиты первостепенной задачей. А покупку пива, которым он обещал угостить Ромку по поводу сдачи экзаменов, предусмотрительный Никита решил отодвинуть на день позже.

— Вот покажет зачетку без «неудов»,— думал он, подходя к подъезду,— будет ему пиво. А пока что баловство полагается только Корсару! Он-то, слава Богу, «двоек» не получает.

Ведь для Никиты было теперь очень важно знать, что дома его ждет любящий всем своим, может быть не таким уж и большим, но тем не менее очень верным и благодарным, сердцем лохматый черно-белый спаниель.

Павел ПОДЗОРОВ

г. Бобруйск, Беларусь

Родился в 1975 г. в Белоруссии, в г. Бобруйске. Образование высшее. С детства увлекается научной фантастикой. Рассказы переведены на ряд языков. Победитель и лауреат международных конкурсов. Имеет сертификат творческого работника Министерства культуры Республики Беларусь. Наш постоянный автор.

БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ

ФАНТАСТИКА

Под низкими закругленными сводами мастерской слышалось потрескивание разрядов и гудение механизмов. Стражник с трудом протиснул свое крупное тело сквозь узкое отверстие входа. Мастер Глор был поглощен работой. Он возился у необычного механизма и гостя заметил не сразу.

— Приветствую тебя, страж!.. Что привело столь высокого гостя к скромному исследователю?

— И тебе привет, мастер.— Стражник с интересом оглядел мастерскую Глора.— Я пришел предупредить тебя.

— О чем?

— О твоих исследованиях. Ты же знаешь — Отцы не одобряют этого. Всем доподлинно известно, что наша раса одна во вселенной. А ты все никак не можешь успокоиться.

Страж помолчал.

— Поговаривают, что сама Царица хочет перевести тебя в касту рабочих.— Он сочувственно покачал головой.— Если ты не прекратишь свои бессмысленные опыты и не вернешься на службу.

Страж, пятясь задом, покинул мастерскую.

«Даже так?» — подумал мастер, не прекращая работы.

Перевод в касту рабочих не по рождению был самым суровым из наказаний. Впрочем, нет, было еще Изгнание…

***

Глор работал, как одержимый. Прибор почти готов. Он должен успеть.

Несмотря на авторитетное мнение Отцов, Глор верил, что они не одни в безграничных просторах за пределами Дома. Во внешнем мире могут быть и другие разумные расы, пусть и не похожие на них. Но они есть. Должны быть!

Глор пошлет сигналы во внешний мир и их обязательно услышат. Иначе — все напрасно. Иначе пропадет дело всей его жизни…

Он коснулся выключателя прибора. Гудение усилилось, и сигналы мощнейшего передатчика помчались в пространство…

Он будет посылать их непрерывно, день за днем. И ответ обязательно придет.

***

Петр Петрович любил вечерами послушать радио. Несмотря на обилие технических новинок, он предпочитал старенький радиоприемник, принадлежавший еще его деду. Здесь, в тихом уголке сада, в тени дуба между пихтой и березой он облюбовал себе местечко, смастерил скамейку, неказистый столик и наслаждался отдыхом.

Воздух тут был особенно чист, свеж и насыщен запахами близкого леса. В таком месте не хотелось ни о чем думать, умиротворение и покой наступали сами собой. И Петр Петрович не променял бы его ни на какой иной.

Однако с недавнего времени в трансляцию стали вмешиваться какие-то шумы. Причем помехи были только в этом месте, что очень раздражало Петра Петровича. Как только он удалялся от своей излюбленной скамейки, помехи ослабевали и постепенно исчезали.

В этом деле мог бы помочь разобраться сосед Николай, работавший в НИИ радиоэлектроники и космических средств связи. Сосед был одержим идеей контакта с иными цивилизациями и частенько рассказывал Петру Петровичу о перспективах таких связей. Но сейчас он находился в отпуске и отдыхал с семьей в Крыму.

Петр Петрович промучился еще два дня, а затем решил самостоятельно установить источник помех. Сделал он это простейшим способом. Держа в руках приемник, он двигался в ту сторону, где помехи усиливались. Через полтора часа, к своему удивлению, он установил, что помехи идут… от муравейника. Тот стоял на дальней границе участка, примыкавшего к лесу.

Глор с нетерпением ждал ответа. Он понимал, что это не может произойти быстро, но продолжал на-

деяться. Запустив передатчик, он выбирался на вершину их большого Дома и, не обращая внимания на недовольных стражей и снующих рабочих, устремлял свои помыслы к иным мирам.

Убедившись, что это действительно муравейник, Петр Петрович, не любивший докапываться до непонятного и предпочитающий спокойный отдых с радиоприемником на своем привычном месте, решил вопрос кардинально. Он связался с лесником и, задобрив того «жидкой валютой», с его помощью переместил муравейник подальше в лес….

Катастрофа пришла неожиданно. Дом начал трястись и осыпаться. Проходы завалило, стены рушились. Рабочие бестолково сновали, усиливая суету. Стражи охраняли Отцов и спасали Царицу. Часть их мобилизовала рабочих на спасение кладки Наследников. Глор бегал вместе со всеми. Подчиняясь инстинкту, он спасал личинок из разваливающейся кладки. В какой-то момент дом начал подниматься вверх. Он не удержался и, размахивая лапками, полетел в траву. Последнее, что он увидел — это опускающаяся огромная плита…

***

Во время транспортировки, несмотря на максимальную осторожность, пропало несколько десятков муравьев. Еще несколько нашли смерть под подошвами лесника. В их числе был и Мастер Глор, от мастерской и фантазий которого не осталось и следа…

Через несколько недель муравейник полностью восстановился.

А Петр Петрович вновь наслаждался чистыми звуками радио на своей любимой скамейке.

Михаил СМИРНОВ

г. Салават, Башкирия

Смирнов Михаил Иванович, родился в г. Салавате 27.09.1958 г. Действительный член МСП «Новый Современник». Печатался в «Литературной газете» и «Литературной России», во многих центральных и региональных литературных журналах. Автор нескольких книг. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова и ряда других литературных премий и конкурсов. Постоянный автор нашего альманаха.

СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ

Дороги в колдобинах, по обочинам лебеда и крапива. Кое-где побеги ивняка. Заброшены здешние края, забыты жители. С десяток дворов в деревне, но и те скоро опустеют. Вот отнесут на погост последних пожилых, и наступит раздолье для сорняков да кустарников. Заполонят округу, затянут паутиной-порослью и деревушка исчезнет. Холмики да древний погост с крестами напомнят прохожему, что в этом месте люди жили…

— Грунь, Грунь,— позвал пожилой мужчина, укрытый лоскутным одеялом.— Включи тарелку. Сводку послушаю.

— Ополоумел, старый.— Бабка Груня, опираясь на видавшую виды клюку, подошла и присела на табуретку.— Какая сводка, ежели давно тарелки нет?

— Видать, приснилась,— прошамкал дед, рукой провел по лицу и взглянул из-под кустистых бровей.— Кто-нить заходил?

— Лекарка заезжала. Кучу пузырьков и таблеток привезла. Хотела тебя послушать, но я не разрешила будить. Она вздумала в больницу увезти тебя. Велела бельишко собрать. Сказала, в следующий раз заберет. Глядишь, поправишься. Архип Сифилитик заглянул, но я не пустила,— сложив руки на коленях, сказала она.— Он обещал вечером зайти, баламут этакий.

— Гони его в шею,— булькнул дед Корней.— Покоя нет...

— Сам выгонишь,— перебивая, сказала бабка Груня.— Твой дружочек.

— Нутро горит,— он показал на грудь.— Вот туточки. Помру я, Грунь.

Взглянув поблекшими глазами, баба Груша задумалась, потом проворчала:

— Не болтай, Корнейка.— Она посмотрела на худое лицо деда.— Всех отнесут на погост, когда время подойдет. Никто еще не задержался на этом свете больше, чем ему положено. Чуток погоди, отвар налью.

Баба Груша вышла из горницы, загремела посудой и появилась, держа старую кружку. Пришептывая, она придержала голову Корнея и поднесла отвар.

— Пей, Корнеюшка,— сказала она.— Свежий заварила. Глотни маленько, полегчает.

Дед закашлялся. Тонкая коричневатая струйка потекла по щеке.

— Все, больше не влезает.— Он нащупал полотенчик, вытер лицо.— Видать, лишку глотнул. Оставь.

Потом допью. Батяня приснился. Будто сено возили с ним. Стог сметали. Батя подавал навильником, а я утаптывал. А маманька внизу ругалася, что могу под вилы попасть.

— Значит, трава уродится — это хорошо,— прошамкала Груша.— Правда, некого кормить. Скотинку продали. Вон, Клавка Лещиха козу отводит за огороды, а весенняя травка махонькая, сочная, вечером молочка надоит и разносит по дворам. Куда одной-то столько выпить? Нам кружечку принесла. Скусно — страсть! — бабка Груня причмокнула.— Я чаек разбелила и с хлебушком повечеряла.

Бабка Груша замолчала. Опершись на клюку, она сидела, о чем-то думала, качала головой, взглядывала на деда и опять задумывалась. Изредка проводила сухонькой ладошкой по морщинистому лицу, поправляла седую прядь волос, разглаживала складки на залатанной юбке и опять — думы, думы, думы…

Пестрая кошка запрыгнула на кровать. Потерлась мордашкой об руку деда, прижалась к нему и замурчала: громко и протяжно.

Прикрытый одеялом дед Корней лежал, в груди побулькивало, когда старался вдохнуть поглубже, но получалось мелко и редко. Он приподнимал руку, смотрел и не узнавал ее. Казалось, недавно дрова готовил, возился по хозяйству, а потом расхворался, и сейчас была не рука, а сухая палка, обтянутая кожей. Ушла силушка-то, ушла. Скоро и сам уйдет. Не зря батя с мамакой приснились. Наверное, зовут…

— Дед, уснул, штоль? — похлопала по одеялу баба Груня.— Что-то притих…

— Нет,— завозился тот.— Смотрю, ты сидишь и не шевельнешься. Посчитал, ты задремала. Я належался, аж бока болят. До весны дожили. Наверное, хорошо на дворе. Весна, тепло…

Бабка махнула рукой.

— На улице хорошо. Давеча к Борзунихе бегала, гляжу, деревца листочки вовсю пустили. Страсть, какой дух!

— Груш, а ты сообщила нашим, что я помираю? — Дед Корней заерзал на койке.— Приедут, аль как? Ну, попрощаться…

— Опять за свое взялся — помру да помру,— прошамкала та.— Зимой отправляла письмишко, когда расхворался, до сей поры молчат. Наверное, сгинуло в дороге. Шутка ли, до них тыщу верст, может поболее. Недолго и затеряться.

— Нет, Грунь, не приедут,— мотнул головой старик.— Далеко добираться. Умотали на край земли и живут, в ус не дуют. Много они бывали в деревне? Три весточки прислали и два разочка приезжали, недельку отлеживались, а больше ни ногой сюда. Заняты! Слышь, а кому избу оставишь?

Бабка Груня нахмурилась. Сидела, постукивая клюкой по щелястому полу, смотрела в оконце, за которым вовсю зеленели кусты, окинула взглядом старую избу и махнула рукой.

— Да никому изба не нужна,— сказала она.— Вон в деревне, кто-нить отдаст Богу душу, отвезли на погост, заколотили избу и стоит она, покуда не рассыплется, пока на дрова не растащат, ежли зима суровая. Много сюда вернулись из городов-то? Да ни один не появился. Отвыкли от нашенской жизни, далеко от землицы ушли.

— Грунь, домовину приготовили? — забулькал дед Корней.— Долго не держи меня в избе — спорчусь, завоняю. Сразу отнесите на погост, сразу.

— Тьфу, чертяка болтливый,— бабка Груня поджала губы и перекрестилась.— Типун тебе на язык! Завоняет… Ишь, какой выискался! Да чему вонять-то — кожа да кости остались. Ты бы кушал, Корней…

— Не хочу.— Дед заелозил по одеялу.

— А я щи из молодой крапивки сготовлю,— сказала Груша.— Страсть, какие вкусные! Сметанки нет, но молочком забелю. У Клавки Лещихи возьму. Похлебаешь.

— Ладно, похлебаю,— прошамкал дед Корней, надолго закашлялся.— Все плохо, все…

— Что — плохо? — не поняла бабка.— Что городишь, старый?

Тот молчал, прикрыв глаза, потом сказал:

— Плохо, ребятки не приедут. На внука бы взглянуть. Наверное, большенький стал.

Задумавшись, Груша шевелила губами, что-то шептала и покачала головой.

— Дед,— Она стала загибать скрюченные пальцы,— неужто у трех сыновей всего один малец родился? Сколько нашему младшенькому, Витяньке? О, ты не помнишь! Почитай, за тридцать перевалило. А старший, Валерка, поболее всех прожил. Получается, у каждого сынка есть детишки, а может и внучатки бегают.

— Видать, забыл,— булькнул Корней.— Фотография-то одна. Другие не присылали. Вот и получается, внук один, а про остальных и слыхом не слыхивали. Ладно, когда Валерка уехал на заработки, других переманил. В одном городе живут — скучковались. А сюда не приезжают… Может, заняты, может, далеко — не ведаю.

— В каком городе? — Бабка Груня махнула рукой.— Они на краю земли в поселке живут, у черта на куличках. Господи, прости мою душу грешную! Занесло, где Макар телят не пас. Вот тебе и длинный рупь! Сказывали, там люди возле моря живут, а ездиют отдыхать на другое море. Зачем — не понимаю, будто своей воды мало. Вот и хмыздают с моря на море, и получается, что времени не хватает, чтобы до нас добраться. Поэтому носа не кажут. Ну, ничего, ничего… Когда-нить образумятся и навестят.

Корней вскинулся, и зашарил рукой по одеялу.

— Грунь, дай-ка отвару испить. Душа не на месте, поджилочки трясутся.

Баба Груня засуетилась. Схватила ковшичек, налила отвара, наклонилась над стариком и, пришептывая, стала поить. Потом забрякала пузырьками на комоде, накапала капли и заставила старика выпить.

Дед поморщился, поворочал языком и опять шевельнул рукой.

— Полегчало? — спросила бабка.— Может, покушаешь?

— Не хочу,— сказал он.

Заскрипела дверь. В избу ввалился крепкий сутуловатый старик. Сбросив галоши, он снял замурзанную фуражку и протянул пакет.

— Накось, Грушка, рыбку,— прогудел он, подошел к кровати и уселся на расшатанную табуретку.— Здорово, Корней! Свеженьких линьков принес. Пусть бабка заварит юшку. Дюже полезна для организма.— И прихлопнул по коленям заскорузлыми ладонями.— Скажи мне, друг ситный, почему я такой здоровый? Ни одна хвороба не берет. Не знаешь? А я скажу… Лучок с чесночком да рыбки побольше — вот и здоровье будет. А ты вредный, ехидный и желчью харкаешься, поэтому все болячки собрал. Понял, старый хрыч?

— Ты, Сифилитик, каким был трепачом, таким остался,— прошамкал Корней и заелозил на койке — все же обрадовался, что сосед зашел проведать, но привычно заворчал: — Марш из моей избы, покуда оглоблю не испробовал!

— О, ругается, шельмец, значит, будет жить.— Дед Архип шлепнул свернутой фуражкой по ладони.— Подыму тебя на ноги, подыму! Ну, а ежели не поставлю, рядом улягусь. Пущай вместе закапывают на мазарках. Так и знай, друг ситный!

— Уйди с глаз моих, ирод,— забеспокоился дед Корней.— Всю жизнь плешь проедал. Угораздило на фронте встретиться — там житья не давал, в деревню вернулись, ни одного дня спокойно не пожил, а теперь еще на тот свет со мной собрался. Грунька, выгони Сифилитика. Марш отселева, ирод!

— Грушка,— хохотнул дед Архип.— Лучше налей по стопарику! Мы за завтрашний праздник выпьем.

Бабка выглянула из кухоньки и намахнулась на соседа грязной тряпкой.

— Я дам — стопарик! — она нахмурилась.— Ты, Архипка, башкой думай, что городишь. Корней хворает, а ты — выпьем! Что за праздник? — старуха подошла к календарю, оторвала несколько листочков и охнула.— И взаправду, праздник. Корнейка, завтра же День Победы. Твой день, старый, твой!

— Вот говорю, что нужно выпить,— прогудел дед Архип.— Помнишь, как вернулись? Шли по деревне — медали сверкают, а девки стреляют глазками, стреляют. А не забыл, как после войны всей деревней отмечали? О, как гуляли! Да, были времена… Столы расставим в осиннике, хозяюшки хлопочут, запасы приносят, на столы расставляют, а потом садились, и начинался праздник. Да, были времена… — И он задумался.

— Разве такое забывается,— неожиданно рассыпалась смешком баба Груня.— Помню, как девки от тебя шарахались. Ни одна не хотела с тобой гулять. Вот уж привез подарочек с войны, Сифилитик!

Дернув себя за клочкастую бороду, дед Архип хохотнул.

— Эть, припаяли прозвище на всю жизнюшку! — Опять хлопнул по колену.— С финской войны дома не был. Вернулся, организм не выдержал. Весь покрылся чиряками, весь! По улице вышагиваю, вся грудь в орденах, а от меня, как от прокаженного шарахались. Все — сифилис привез! А потом не то что выйти, сидеть не мог. Одежку натяну, а снять не получается — прилипла. Батя глядел на меня, а потом раскусил, отчего чиряки повыскакивали. Поставил настойку из яичек с медом да молочком. Когда выспела, вечерком привел меня на конный двор, одежонку содрал, раскопал конский навоз, который горел, и велел ложиться. Я в яму улегся, он засыпал меня, только лицо из дерьма торчало. Сказал, чтобы до утра лежал и не двигался, сам пошел баню готовить. Вся деревня сбежалась, чтобы на меня поглазеть. И Корнейка, мой друг ситный, стоял и посмеивался. А я лежал и чуял, как по телу букашки и червяки ползали. Щикотно, а шевельнуться нельзя! Ох, кое-как дотерпел до утра. Батьку дождался, он разгреб навоз, и я, как был голышом, так и сиганул по деревне. Утро, все на работу идут, бабки возле домов сидят, а я, жердина двухметровая, нагишом несусь. Вся деревня в лежку лежала! Да были времена…— Старик замолчал, потом опять в который раз принялся рассказывать.— Ох, как батя веником парил — страх! Отольет холодной водой, в чувство приведет, плеснет на каменку и снова за веник берется. В общем, я на карачках оттуда выполз. А батянька холстину обвязал на поясе и заставил стоять голышом на солнце, чтобы раны покрылись коркой. О, друг ситный, легче в атаку сходить, чем такие мучения принимать! Едва вечер наступил, он заставил выпить стакан самогонки, привел на конный двор и снова меня закопал. А утром в баню. И так три дня гонял. Потом достал эту настойку, и заставил пить. Вонючая, зараза! Недели не прошло, я стал поправляться. Новые чиряки не вылазили, раны затягивались и я ожил. С той поры ни разу к лекарям не обращался. Едва начинаю хворать, делаю настойку из яичек с молочком, как батя научил, и принимаю. Все болезни, как рукой снимает. Вот, о чем говорю, Корней, что тебе надо настойку попить. Мертвого на ноги поднимет, а тебя и подавно. Я утречком принесу. Настоялася. Солью, себе оставлю, тебе притащу и начнешь принимать. Слово даю, еще побегаешь, друг ситный! — Дед Архип шлепнул ладонью по колену и поднялся.— Все, пора домой — вечереет. А ты, Грунь, юшку приготовь из линьков. От нее нутро заработает. На себе проверял. Ну, Корней, до завтрева! Утречком заскочу, праздник отметим. А ты, бабка, не ругайся.— Он оглянулся.— Забыл спросить… Ваши пишут? Ага, понятно… Вот и мои разгильдяи помалкивают. Значит, нормально живут. А ежели плохо, давно бы примчались. Ну ладно, пойду.— И, наклоняясь, чтобы не удариться лбом, вышел.

На улице смерклось. Баба Груня зашла в горницу. Старик лежал, укрытый одеялом. Изредка заходился в кашле и начинал елозить рукой по одеялке, словно хотел скинуть, чтобы вздохнуть глубоко и спокойно.

— Корней, просыпайся,— затормошила старуха.— Ушицей покормлю тебя.

— А? — встрепенулся дед Корней.

— Ушицу похлебай.— Баба Груня присела на табуретку, зачерпнула и осторожно поднесла ложку.— Кушай. Вкусная юшка, сладкая. Хотела щи сварить с крапивкой, но Сифилитик велел ушицу сделать. Рыбка полезная для нутра. Размяла ее, чтобы легче глоталось. Хлебай…

Дед давился ушицей, затяжно кашлял, подолгу жевал беззубыми деснами юшку, острый кадык дергался и опять открывал рот, словно птенец. Баба Груня зачерпывала, понемногу вливала в рот наваристую уху и шептала, посматривая, как Корней кушал.

— Вот и, слава Богу, наелся,— сказала она, заметив, что дед плотно сжал губы.— Вкусная ушица? Я тоже похлебала. Чуток осталось. Позавтракаешь.

— Вкусно,— булькнул дед Корней.— Внутрях затеплело.

— Значит, поправишься и будем жить,— закивала головой баба Груня.— Глянь, сколько выхлебал — ложек десять, не менее. Архипка же обещал, что поставит тебя на ноги. Ежели Сифилитик сказал, значит так и будет. Настырный — страсть!

Поднявшись, она поправила подушку, старенькое одеяло, чтобы дед не замерз. Прошаркала на кухоньку. Погремела посудой. Взглянула на ходики. Протяжно зевнула и мелко перекрестила рот. Налила немного отвара, и вернулась в горницу. Опять присела на табуретку, посмотрела на старика и чуть приподняла голову.

— На, глотни,— сказала она.— Немного поспишь. А утречком Архипка придет. Искупаем тебя. Пиджачок с медалями достану, рубаху чистую. Посидим, праздник отметим. Так и быть, налью по рюмочке и сама опрокину с вами.

Корней забеспокоился.

— Дай,— зашамкал он и задвигал рукой.— Дай пиджак.

— Эть, неугомонный,— заворчала Груня.— Спи! Завтра вытащу, завтра. О-хо-хо, глазоньки слипаются. Что-то умаялась.

— Дай,— затревожился дед и стал тянуть одеяло.

Баба Груша поднялась, задернула занавески на окнах — сразу в горнице потемнело, подошла к кровати и зашуршала, снимая покрывало.

— Спи, старый,— она заворчала.— Ночь на дворе. Никуда твой пиджак не денется. Спи, сказала…— заскрипели пружины, и наступила тишина.

Светало, дед Корней заметался, стараясь сбросить одеяло.

— Дай,— забулькал он и закашлялся.— Грунь, Грунька…

Позевывая, баба Груня приподнялась, прислушалась к тишине, перекрестилась и, укрывшись одеяльцем, вскоре засопела.

…Едва взошло солнце, донеслись тяжелые шаги. Распахнулась дверь, в избу ввалился дед Архип, с подстриженной ровной бородой, в рубахе, брюки заправлены в сапоги и в пиджаке, сплошь в наградах.

— Корней Петрович, Аграфена Васильевна, с праздником! — забасил он, держа банку с белесой жидкостью и бутылку.— С Победой, солдат! Ну-ка, поднимайся. Сейчас наши фронтовые выпьем. Что притихли? — он направился в горницу.

Дед Корней лежал на кровати, на груди пиджак, на котором были потемневшие от времени медали. Рядом сидела баба Груня и неслышно плакала, вытирая слезы платком.

— Корней, как же так, неужто не дождался меня? — банка выскользнула и грохнулась на щелястый пол, резко запахло лечебной настойкой, дед Архип резко дернул себя за бороду и присел на табуретку.— Я пообещал, что поставлю на ноги, а ты взял и помер…

— Когда же покой будет? С грехом пополам задремал, а его принесло — чертяку безрукого,— дернувшись, пробулькал старый Корней.— Грушка, гони этого охламона. Ишь, чего удумал — помер. Всю жизнюшку ждешь, чтобы меня первым снесли…

— А я же взаправду решил, что ты того… Бабка плачет, а ты лежишь и не шевелишься, только нос из подушки торчит, а оказалось — дрыхнешь, зараза такая… Значит, будешь жить! Чуток подожди. Вернусь, гулять будем.— Дед Архип засуетился и затопал к выходу.— Сейчас приволоку настоечку. Свою банку отдам. Да я для тебя… Да я тебя с того света живым верну. Эх, дружочек мой.— И выскочил, хлопнув дверью.

— Вернешь, Сифилитик,— вслед пробулькал дед Корней и взглянул на жену.— Где моя стопка? Не ворчи — грех. Сегодня праздник. Светлый день.

И дед Корней медленно заелозил, стараясь прислониться к спинке кровати.

А за окном была весна, и вовсю заливались птицы.

Владимир ГЕРАСИМОВ

г. Тюмень

Коренной сибиряк. Родился 7.11.1955 г. в Омской обл. Окончил филологический факультет пединститута им. П. П. Ершова и Омский университет марксизма-ленинизма. Более четверти века трудился в родной области. Учительствовал, был директором сельских школ, был на партийной работе и в структурах потребительской кооперации. Пишет стихи и прозу. Издано несколько сборников. Печатался в журналах и периодической печати. Победитель и лауреат литературных конкурсов. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

НЕ СГОРАЮТ, ПАДАЯ, ЗВЕЗДЫ…
(повесть о времени ушедшем)

Василек, (так впоследствии, до самой смерти, звала голубоглазого парнишку его любимая бабушка), был ребенком послевоенным, плодом истосковавшейся за войну плоти, дитем желанным и долгожданным. Его отец, Семен Завьялов с войны задержался, домой пришел только глубокой осенью победного года. Задержался из-за тяжелого ранения и контузии, что получил в апреле сорок пятого на подступах к Кенигсбергу в Восточной Пруссии. В конце лета сорок шестого, в самую сенокосную страду, появился на свет божий, сын, наследник. Правда, это был не первый ребенок в семье солдата. Был у Семена уже сын, он родился перед самой войной и умер в четыре года от скарлатины, когда отец его бил врага на фронте. Жена Наталка долго не сообщала мужу горестную весть, тяжело и так было солдату в военное лихо. Поэтому рождение мальчонки в семье и во всей родове завьяловской было встречено с огромной радостью. Семен принес жене с покоса целую охапку полевых цветов и, став у кровати супруги на колени, расплакался. За столом в субботний день, когда, управившись с делами, родня собралась по обычаю отметить прибавку в роду, Семен тихо сказал:

— Василием назовем сына в честь солдата — героя, брата моего младшего, что голову сложил под Сталинградом. Пусть парень гордо носит имя защитника родины. Память опять же!

Время послевоенное, известно, не мед. Всем тяжело было. Хрустели порой косточки от работы, но дюжили люди, верой жили. Несладко было и ребятне. Васятка рос толковым, рукастым мальчишкой. Подрастая, становился хорошим помощником родителям, которым больше не дал Бог детей. Надорвалась Наталка на работах тяжелых сельских, часто болела.

1.

Сразу после школы Вася по направлению военкомата отучился в ДОСААФе на водителя. По окончании курсов ему довелось поработать в родном хозяйстве на току — пора горячая, уборка. Часто потом на службе ему снились эти горячие деньки, смех сельских девчат, редкие минуты отдыха. К ноябрьским праздникам его и друзей-односельчан призвали в армию. Василий был уверен — служить будет военным водителем, но судьба распорядилась по-своему. Его и еще трех друзей-земляков направили на Дальний Восток, и служить ребятам посчастливилось на Тихоокеанском флоте. Правда, проходили школу жизни ребята в разных местах. Васе довелось служить на противолодочном корабле. «Посудина», как называли с любовью моряки свой корабль, была из разряда дизельных «старичков», что были спущены на воду до войны. Прослужил парень на этом корабле около трех лет. В БЧ-5, где проходил службу сибиряк, во время больших флотских учений, из-за серьезных перегрузок, возникла нештатная ситуация, случился пожар в машинном отделении. Он мог привести к трагическим последствиям. Но Василий с друзьями смогли ликвидировать его. Двое друзей получили значительные ожоги. Вася серьезно повредил ногу, и его стало беспокоить сердце. Потом два месяца госпиталя. Награда и списание с флота « под чистую». К майским праздникам, с тростью и боевой медалью на груди, моряк был уже дома.

Нежился на домашних перинах Василек недолго. Через три недели, уладив все формальности в военкомате, навестив друзей-студентов в городе, моряк в хорошем настроении по полной выкладке пришел на прием к директору совхоза Гурову. Встретил руководитель хозяйства парня приветливо, по-свойски, так как сам в прошлом был моряком-подводником.

— Проходи, морская душа. Проходи! Дай обнять героя и вдохнуть запах формы родной! Да ты, сынок, не скромничай! Наслышан о тебе! Да и из военкомата звонили, поведали немного, посодействовать просили.— А что меня просить! Я брат сам эту школу прошел и знаю, что боевые награды в мирное время просто так не раздают. Так что поздравляю, Василий. Теперь давай поправляйся. А трость ты напрасно в приемной оставил. Не надо этого стесняться, ты выполнил свой солдатский долг.

— Как планируешь дальше жить-поживать, моряк,— тихо спросил директор.

— Да я собственно с этим и пришел, Петр Алексеевич! Поработать бы надо, а там видно будет.

— А не рановато, сынок. Ты с этим не спеши. Здоровье дело нешуточное, ты сил наберись, на пироги-

шаньги налегай. Я ведь помню, какая у Натальи Петровны стряпня знатная. Батьке по хозяйству подмогни. В город прокатись, в цирк, на футбол сходи. С девчатами погуляй! Моряк, какие у нас девчонки! Пока тебя не было, тут их столько подтянулось. Залюбуешься,— с улыбкой говорил директор.

— Знаю, Петр Алексеевич, заметил. Действительно, выросли и похорошели девчонки. Некоторых и не признать. Но не могу я дома сидеть, работать хочу, в люди,— горячо стал возражать Василий. Директор некоторое время стоял у окна и молчал, потом сказал:

— Да, моряк, видна в тебе отцовская кровь. Он тоже после ранений серьезных дома долго не усидел, на работу рвался… Хорошо, Василий. Давай поступим так. Я дам команду главному инженеру — возьмем тебя на месяц-другой в моторный цех автопарка. Я знаю, парень ты рукастый, с железом возиться любишь. Поработаешь там, притрешься. Скоро мы должны получить спецмашину, вот ты ее и примешь. Будешь водителем пока. И об учебе думай, парень, сейчас без нее никуда. Как тебе такой расклад? — улыбаясь, спросил директор.

— А вы знаете, Петр Алексеевич. Нормально. Я согласен.

— Ну, вот и славно. Доброго плавания тебе, моряк. Василий, а про девчат не забывай. И на свадьбу не забудь, пригласи.

Из кабинета моряк вышел в добром настроении и сразу направился в отдел кадров, где работала его одноклассница Любашка, чтобы уточнить детали трудоустройства.

2.

В автопарке Васю встретили как своего. По-другому быть и не должно. Знали и парня, знали его отца и всю родову — от земли все, работящие, простые и душевные. Работалось парню легко. Это было его, все ему здесь нравилось. В начале июля в моторный цех зашел главный инженер хозяйства Забродин. Недолго пообщавшись со старшим мотористом Егоровичем, он подошел к Васе. Поздоровавшись, он сказал:

— Я, моряк, собственно к тебе. Знаю, хорошо работаешь. Как Егорович говорит — башковитый парень. Хвалит тебя. Да и молодежь поактивнее стала. Потянул ты ребят за собой. Молодец! Так и держи, служба. А теперь к делу. Завтра, Василий, тебе нужно с механиком ехать в районную «Сельхозтехнику». Подошла спецмашина, мы ее планируем пока поставить на развоз воды по мехбригадам, на отгонные выпаса, в летний трудовой лагерь и на обеспечение дальних улиц, где нет водопровода. Одним словом, работы на лето хватит. Директор сказал однозначно: «Эта машина только для Василия-моряка и никого другого не планируйте».

Спецмашина, что получил Вася, была полностью голубого цвета и с его подачи была сразу наречена «Морячкой». К ней он привязался, души в ней не чаял. Внутри кабины поместил красивые вырезки из журналов с морскими видами и кораблями. Парень стремился успевать и сильно переживал, если куда-то приезжал с задержкой. Его везде с нетерпением ждали, расспрашивали о последних сельских новостях, иногда просили что-то захватить по пути в магазине. Особенно сильно ждали его на окраинной улице Дальней, где проживали в основном пенсионеры. Бабушки непременно норовили угостить Василька стряпанным, парень не отказывался, брал понемногу из того, что давали. Он знал, что угощают от души и не хотел обидеть заботливых женщин. Мужчин в возрасте на улице было немного, забрала война проклятая, подчистила. Особые отношения у парня сложились с дедом Тимошиным. Макар Степанович был, несмотря на возраст, человеком энергичным и интересным. Он прошел три войны и не имел серьезных ранений. А вот два сына остались на полях сражений. Жил Степанович с женой, на лето приезжали внуки из города. Соскучившись по общению, он с нетерпением ждал моряка. Василий раз в неделю привозил ему небольшую канистру с бензином для его ИЖ-49. Парень неторопливо наполнял емкости водой, а дед терпеливо ждал его на лавочке у палисадника. Закончив работу, Вася брал канистру и подходил к Степановичу. Они крепко, по-мужски здоровались и закуривали. Пока старший внук Степан по указанию деда освобождал канистру, мужики говорили:

— Вот ты, Василий, парень грамотный, страну всю проехал, на Тихом океане служил. Да и воопче, не чита мне. Я-то имею за плечами церковно- приходскую школу и все. Хотя вру, мир-то я повидал тоже. Може даже поболе твоего. Ну, в мою бытность-то многого не было — какой тогда прогресс мы видели. Энто сейчас все летат, шумит, спасу нет. А тогда и рожались тихо, жили безголосо и покидали свет божий скромненько, без шумов лишних. Так, разве колокол звякнет, когда вдогонку и все.

— Ты ответь мне на один вопрос. Вот уже цельну пятилетку талдычат о космосе. Летают туда, как моя Марья в мага́зин ходит. Аппараты опять же забрасывают всяки туда. Говорят, для дела, для науки.

— А кака-така польза от того, что они там болтаются. Видел ли кто-нибудь там Создателя нашего. Где-то об этом пишут? Нет. Почему молчат, народу верущему очень даже это антиресно. Что скажешь старику?

Василий, притушив сигарету в банке с водой, что стояла предусмотрительно у скамейки, тихо сказал:

— Ну, ты, Степанович, и вывалил вопросище. У меня что, по-твоему, эти самые…. университеты за плечами, где всему учат и все растолковывают за жизнь, в том числе и за космос? Конечно, все эти полеты для пользы человечества, для будущего нашего. Да и вообще.

— Вот пользы я от ентого космосу и летунов покуда не чувствую. Вот смотри — как в соседних деревушках был свет от дизеля, так и до сих пор гоняют, и после десяти — потемки гольные.

— А телевизеров в той же Сосновке, раз-два на всю деревню. Прогресс, говоришь, а сам вот воду развозишь. Где водопроводы? Я энту хреновину в Европах когда еще видывал. А мы все с коромыслом тягаемся. А вреда то эти летуны много наделали, небо дырявят. Холод пускают. Смотри, что с погодой-то нонча стало! То засушит, то зальет, то горит все вокругом. Когда тако было? — горячо говорил старый солдат.

— Ну, ты, Степанович, даешь, при чем тут космос и полеты? Разве раньше такого не было. Я вот послевоенный и то помню, как Косматое озеро пересыхало, траву там бригады косили. А помнишь, хлеба погорели, овцы дохли поголовно? Тогда ведь в космос еще не летали.

— А это кара Божья была за грехи наши,— уже менее настойчиво стал говорить дед.

— Степанович, какие грехи наши? Ты о чем? Что вражину страшную победили, что люди сгорели в пламени войны, что сирот не счесть по стране — это грехи? Что сыновья твои сгинули и не радуют вас с бабкой на старости лет? — уже горячился моряк.

— Можа ты и прав, Василек,— тихо стал говорить старик.— А все одно, за грехи это нам воздается, за братоубийство кровавое, за то, что церковь порушили и надругались над верой. Скажи, кому мешала наша церковь? — А ведь разрушили красавицу-матушку. Да, что я говорю. Ты же ее не видел, ее в тридцатых годах сничтожили нехристи — перерожденцы.

Василий понимал, что деду хотелось выговориться, излить кому-то душу, выплеснуть то, что наболело, накопилось за долгие годы в душе и на сердце. И что он был тем человеком, который подходил для этого лучше других.

3.

Теплым вечером, обеспечив водой полевые станы и закачав воды, Вася возвращался в хорошем расположении духа проселочными дорогами в родное село. Стекла были наполовину приоткрыты, в кабину врывался ласковый летний ветерок, приносящий чудесные ароматы с полей. Рядом на сидении лежал простенький транзисторный приемник, из которого звучал голос Валерия Ободзинского. Популярный певец душевно пел о любви, о глазах напротив… Эта песня усилила душевный подъем моряка и насвистывая мелодию из какого-то фильма, он подкатил к селу. Сегодня в порядке очередности его ждали на улице Зеленой. Ждали с нетерпением. Жара не особо еще донимала, но дождей не было уже две недели и без живительной влаги было тяжеловато и на огородах и скоту. У домика с красивыми наличниками, где жила Дарья Ерофеева, он с большим удовольствием останавливался всегда. Приветливая и словоохотливая Дарья Марковна зачастую выходила за ограду, чтобы встретить парня, поговорить, расспросить о новостях сельских. Иногда женщина выносила в свертке стряпанное. Обычно это были пирожки с различной начинкой — грибами, яйцом, капустой. Емкостей у Дарьи было немного. Набирала в основном, как она говорила, «на варево, да на чаек, да раз в неделю для баньки, на щелок». Скот после того, как осталась одна, она не держала. Так — поросеночек, да куры. Для огорода и нужд хозяйственных обходилась солоноватой водой из колодца.

На этот раз Дарья Марковна не вышла встречать парня, а вот емкостей под воду добавилось. Василий уже заканчивал заполнять пустующую тару, как из калитки вышла, нет, выпорхнула с ведрами девушка. От неожиданного появления этой русоволосой русалки парень оторопел, и вода стала бежать мимо емкостей. Взяв себя в руки, Вася продолжал работу. Он с трудом признал в этой красавице Галинку, внучку Дарьи Марковны. Вася помнит, как еще до службы, она часто летом приезжала на каникулы к бабушке из райцентра. Да и мудрено было не признать — прошло три года. Он помнит ее девчушкой — подростком, с короткой стрижкой. А сейчас перед ним появилась улыбающаяся красивая девушка, с падающими на плечи волнистыми волосами. У Василия загорелось в груди и он весело сказал:

— Боги мои морские! Что за очарование я вижу в наших краях! А тебя, Галчонок, и не признать!

— Был Галчонок! А теперь я Лебедушка! Разве не так? Привет, герой! Тебя тоже не признать. Возмужал! Крепким мужиком становишься. В тебя, моряк, сразу и влюбиться можно,— улыбаясь, ответила девушка.

— Точно, лебедь! И выплыла с ведрами как пава, и как волной морскою сразу плеснуло в сердце. Покорила! Галина, ты влюбляйся срочно! Меня ты в плен уже взяла навсегда. И искать больше никого не буду.

— А что, уже искал? Эх, моряк, не там видно искал!

— Да нет, не искал! Не до этого пока было! А теперь точно, не буду! Нашел, другой и не надо,— уже серьезно отвечал Василий.

— Смотри, моряк, ловлю на слове. Я девушка молодая, доверчивая. А за тобой пойду, вижу надежный ты. И бабушка тебя любит. Как я приехала, так только о тебе и говорит,— не то в шутку, не то всерьез сказала девушка.

Вот так с шуткой и улыбкой лучистой зарождалось чувство большое между Васильком-моряком и Галинкой. И поплыла их настоящая и светлая любовь лебедушкой-павой над землей отчей, радуя своей чистотой близких и односельчан.

С этого дня они старались быть вместе. Вечерами иногда бывали на сельской танцплощадке, но находились обычно там недолго. Так, два-три танца, и ребята уходили. Оказывается, они оба не любили громкую современную музыку, эти шумовые эффекты. Им была по душе песня под гармонь или баян — простая напевно-душевная. Песня, что входила в душу, волновала ее и звала за собой, уплывая к берегу озера, за околицу. Туда и уходили влюбленные. Они подолгу бродили по песчаному берегу. В тихую ночную пору озеро

завораживало, тянуло к себе и не отпускало. Серебристая дорожка, что появлялась на озере от лунного света, покрываясь мелкой рябью, оживала и зачаровывала, будила фантазии и звала. Звала в неведомое.

Иногда Василий заезжал за девушкой и тогда они вместе ездили по бригадам и по тем местам, куда была занаряжена на этот день машина. Им было хорошо вдвоем, они были счастливы. Однажды Галина спросила:

— Вася! Бабушка говорит, что ты под настроение иногда напеваешь какую-то песню. Что это твоя песня, особенная.

—Да ну, скажешь тоже — песня. Не песня это, Галчонок, а так. Было настроение, переделал несколько строк из песенки, что услышал в кино. Теперь вот не отстает, иногда, сам того не замечая, напеваю. Немного помолчав, нараспев продекламировал несколько строк, а потом весело пропел:

Вот ведь, братцы, парадокс!
Был моряк — стал водовоз!
И куда мне без воды,
И не туды и не сюды!

Девушка тихо засмеялась.

— Что правда, то правда. Ну, куда ты, моряк, без воды! А теперь и без меня. Правда, Василек? — нежно спросила девушка и, помолчав, сказала: — Слушай, моряк, открывайся до конца. Может, ты и стихи пишешь? Про любовь, про меня. А я ничего не знаю.

Василий некоторое время молча вел машину, глядя на проселочную дорогу. Потом улыбнулся и тихо сказал:

— Ты знаешь, немного пытаюсь. На флоте еще начал пробовать. Ну, накатило однажды. Вот с того времени не отпускает. Я знаю, это баловство, трата времени. Но стихи хорошие люблю. Люблю, когда слова правдой в стихах искрятся, завораживают. Так тепло и благостно на душе. Не могу я тебе свое состояние передать словами. Но так легко и чисто становится, что летать хочется и совершать только хорошее.

Парень говорил это так искренне и доверчиво, а Галя смотрела на него и думала: «А ведь я еще совершенно не знаю этого человека. С каждым днем он раскрывается для меня чем-то новым, удивляет своей чистотой и надежностью».

Василий тихо сказал:

— Посмотри в бардачке, под путевыми листами, тетрадка общая, в ней мои наброски. Только не критикуй. Ты первая, кто эту тетрадь откроет. Он стал насвистывать и смотреть в окно. Галя осторожно достала тетрадь со стихами и стала читать. Она увлеченно читала, иногда отрывалась на мгновение и смотрела влюбленно на парня. Через несколько минут она откинулась на сидении и закрыла глаза. Потом тихо сказала:

— Василек! Мой дорогой моряк. Я очень люблю стихи. Поверь мне, я кое-что в них понимаю. Или мне кажется, что понимаю. Но меня всегда волнует яркая образная строка. Отдельными строками я просто дышу. Вася, но это все стихи признанных поэтов. А вот сейчас, твои стихи меня буквально заворожили, я в них влюбилась сразу. Дорогой, веришь, это мое! Ты словно прочел мои мысли, увидел то, что дорого мне. Да, где-то они еще несовершенны, простоваты. Вася, но они волнуют, они душевны, это — правда жизни. Милый, ты просто замечательно пишешь. Я горжусь тобой. И я люблю тебя все сильнее и сильнее,— горячо говорила девушка. Галя склонила голову на плечо моряка и закрыла глаза. Он притормозил и остановился у цветущего луга. По нему пробегал, волнуя траву, легкий летний ветерок. Так они сидели и молчали какое-то время. Потом парень сказал:

— Знаешь, мне очень дороги слова, что ты сейчас сказала. Именно твои слова. Они окрыляют меня. Мне радостно, что ты что-то нашла в моих простых строчках, что они тебе понравились. Спасибо тебе.

— Васенька, дорогой, это тебе спасибо. За то, что ты пишешь. Хорошо пишешь,— горячо стала говорить девушка, листая тетрадь. Найдя нужное, она стала читать понравившееся ей стихотворение:

Мои рассветы пахнут земляникой,
Полынью пахнет ветер озорной.
И сны еще малиной пахнут дикой
Да серебристой утренней росой.

— Вася, а вот это. Это же здорово:

Смотрит в синеву печально лес,
Слезы свои золотом роняя.
А гортанный клич летит с небес,
Душу на прощанье обнимая.

— Слушай, а это мог прочувствовать только поэт, влюбленный в свой отчий край:

С сеновала спущусь вместе с алой зарею
И босыми ногами пройдусь по земле,
Красотой надышусь,
Сердце настежь открою,
Поклонюсь я с любовью родной стороне.

Галя снова откинула голову на спинку сидения и закрыла глаза. Василий от добрых слов любимой и от того, что впервые услышал, как звучат его стихи, разволновавшись, положил голову на руль и молчал.

Галя, выпрямившись, смотрела на окружающий лес и луга, и вдруг снова тихо зазвучал ее голос:

Пропахла память лунными ночами
И яркими кострами у озер,
И нашей юностью,
И дерзкими мечтами,
Что не дают покоя до сих пор!

— Все именно так, дорогой мой моряк! А теперь, «Морячка», вперед! — весело скомандовала девушка и хлопнула ладошкой по панели кабины.

4.

Василий закачивал воду в основном из котлована, что соединялся с озером Лебяжьим, так как вода здесь была вкусной и пригодной для питья и приготовления пищи. Вода никогда не «цвела» и не застаивалось, по причине того, что в нем «жили» родники, как говорили на селе. Здесь негласно запрещалось купаться, рядом мыть технику. Единственное, что разрешалось — это рыбачить. Карась в нем был отменный. Парень иногда ставил пару сетей и через день — другой проверял их. В дальнем северном углу озера, где берег вплотную соприкасался с большим непроходимым болотом, ежегодно селились лебеди. Вася, пока работал насос, подавая воду в цистерну, закуривал, садился на капот машины и любовался красотами и водной гладью. Иногда он видел грациозно плавающих лебедей, особенно чудно смотрелась пара в период восхода и заката.

Моряк однажды не поленился и после того, как поставил сети, сплавал в дальний угол. Ему было интересно. К гнездовью он подплыл осторожно. Недалеко от уреза воды, прикрытая просматриваемой стеной камыша, виднелась довольно приличная площадка, и на ней возвышалось гнездовье. Видимо давно облюбовали это место лебеди, не одно поколение белых красавцев встали отсюда на крыло,— подумал тогда парень. Он услышал за стеной камыша возню и голоса взрослеющих птенцов. Родителей, скорее всего в это время не было, и парень сразу же отплыл подальше от гнездовья.

Однажды летним вечером, приехав за водой очередным рейсом, Василий услышал над озером тревожный крик лебедя. Заглушив машину, он торопливо прошелся по насыпи ближе к берегу, где котлован подходил вплотную к озеру и соединялся с ним. На воде, недалеко от берега, парень увидел беспокойно плавающую самку. Рядом с ней плавали трое приличных уже малышей. Еще двое запутались в чьих-то сетях, что и было причиной беспокойства родителей. Немного постояв, парень отбросил сигарету и решительно пошел в сторону лодки. Он через узкий короткий проход быстро выплыл на водную гладь и направился к попавшим в беду малышам. К его удивлению лебеди-родители спокойно восприняли приближение человека. Гортанный крик в небе прекратился. Самец кружил над озером молча. Самка-мать, чуть отплыв с выводком, наблюдала за действием человека. Вася быстро освободил из плена птенцов, что не успели еще сильно запутаться в сетевом полотне. И они, лихорадочно махая крылышками, практически побежали по воде в сторону матери и братьев. А самец несколько раз пролетел над лодкой и опять прокричал. Но это уже был крик не отчаяния, это был голос благодарности.

Впоследствии они подружились. Вася иногда привозил вареную картошку, которую разминал и разбрасывал на воду. Иногда он просил у бригадных поварих немного черствых кусочков хлеба и ими баловал белых красавцев и их подрастающее племя. Они уже безбоязненно подплывали близко к берегу и лакомились дарами.

5.

Знойно-жарким выдалась вторая половина лета. Конец июля и начало августа «жарило» так, что пересохли небольшие водоемы и котлованы. Ушла вода и из колодцев на улицах, что находились в отдалении от деревенского озера. Вода в нем хоть и горько-солоноватая, но спасала в такую жару табуны личного скота. Трава повсюду пожухла, загрубела. Крупные стебли ломались с треском, как сухие палки. Порывы поднимающегося ветра-суховея гоняли пыль по большакам и улицам. После машин шлейф пыли растягивался на сотни метров и долго не оседал. Все живое тянулось к воде, нуждалось в живительной влаге. Но дождя не предвиделось. В жару да под горячими ветрами быстро подошли озимые. Уборку начали раньше на две недели. Работы для Василия значительно прибавилось. Тракторы-колесники, что с прицепными бочками вес-

ной и летом обеспечивали нужды животноводства и части деревень, были сняты на заготовку силоса и сенажа, на вывозку сена. Техника требовалась в строительных бригадах — шел ремонт и строительство животноводческих помещений. А тут следом подошли и яровые. Одним словом — «наступление по всем фронтам». Вася стал уставать, в такую жару чаще беспокоило сердце. Хорошо, что Галка на две недели уехала по своим делам в город. Он сильно скучал по девушке. Они за это время стали близки во всех отношениях, их чувства стали еще ярче и прочнее.

Однажды Василий возвращался с дальних отгонных пастбищ и попутно завернул к стоящим неподалеку комбайнам. Это было самое удаленное поле не только от стана, но и от села. У комбайнеров был небольшой технологический перерыв — шла дозаправка горючим, смазка основных узлов, натяжка ремней. Отсюда они двинутся на соседние поля. Жаркая погода и висевшая духота никак не отразились на настроении комбайнеров. Мужики курили, шутили, подначивали молодежь. Некоторые устроили перекус. Когда Вася на «Морячке» остановился, у комбайнеров был один вопрос:

— Как у тебя с водой, моряк?

Он весело отвечал:

— Воды море, ребята. Специально оставил побольше для вас, так что заполняйте по полной и корабли свои и все емкости. Даже освежиться можете, только смотрите, чтобы всем хватило. Эти слова моряка были встречены возгласами одобрения. Комбайнеры понесли к водовозке «лагушки», термоса, ведра, а некоторые стали стягивать на ходу просоленные потом рубашки.

Вася прилег в сторонке и наблюдал, как взрослые, уже седые мужики, ведут себя и резвятся словно дети. И парень улыбнулся от того, что он доставил своим землякам радость. Тепло простившись с мужиками, снова вырулил на большак. Он стал что-то насвистывать, настроение было замечательное. А все от того, что дело нужное делает, что услышал скупые, но искренние слова благодарности в свой адрес. И что все складывается сейчас как нельзя лучше. Он ехал и думал о девушке, что полюбил и без которой уже не мыслил своей дальнейшей жизни. Неделю назад они договорились, что после уборки поставят в известность родителей о предстоящей свадьбе, а на Новый год поженятся.

Проехав по большаку лесом несколько километров, машина выехала на простор. И Василий сразу заметил в отдалении клубы седого дыма. Шлейф его поднимался и стелился над изнывающей от жары окрестностью.

— Горит где-то в районе «Митрофановых штанов»,— подумал парень и прибавил скорость. Посмотрел в зеркало заднего вида, но там из-за огромного хвоста пыли ничего не было видно. «Митрофановы штаны» — так земляки называли место, где до революции была заимка и земли купца Митрофанова. Место было дивное. Рядом под рукой небольшое озерцо, которое, правда, сейчас практически заросло, превратилось в болото. Осталось два копеечных блюдца воды. Почему «штаны»? Да потому, что от места, где стояла когда-то заимка, примыкающая к небольшому березовому лесочку и озерцу, расходились две проселочные дороги, две «штанины», как образно их окрестили селяне. А между ними были пахотные наделы купца. Впоследствии земли эти обрабатывал совхоз. Но вот уже года четыре-пять, после поднятия залежных земель, клочок этот забросили, бригады ушли на большие площади. Правда, полевой стан, что был здесь разбит в период коллективизации, оставили. Место-то удобное. И до села рукой подать, поля и отгонные выпаса под боком. А главное — вода. Пусть и немного ее, зато все лето рядом. Вот там, в стороне стана и горело.

У парня пульсировало в голове:

— А ведь там техника, сеялки, горючка, постройки. И стан вроде как с весны не опахан, а через дорогу поле хлебное. К полевому стану моряк буквально подлетел. Выскочив из кабины, Вася торопливо взобрался на бочку и стал оценивать обстановку. К нему, сжирая на своем пути сухую траву, расширяясь, катился мощный огненный вал. Он уже приближался к стоящим в траве технике, сеялкам. Рядом с большой емкостью, что возвышалась на невысоком рубленом срубе, стояла тракторная телега, на которой находилось несколько бочек с горюче-смазочными материалами. Видимо поставили ее недавно, еще неделю назад Вася не видел телеги. И кругом сухая примятая трава и тоже бочки. Земля вокруг была пропитана отработкой и соляркой.

— Если все это полыхнет, беды не миновать! И хлеба рядом! А огонь, подгоняемый ветром, катил именно сюда. Моряк, не разворачиваясь, быстро подъехал к телеге. На крюк переднего бампера ему удалось надеть ее дышло. Он быстро оттянул телегу с опасным грузом на чистое место к основной дороге. Огонь подступил к стану вплотную. Уже горел летний навес, пламя лизало своими жадными языками большой обеденный стол и скамейки. По траве и пропитанной земле юркими змейками огонь настойчиво полз к бригадному деревянному дому, где во время полевых работ жили люди. Делать что-то одновременно везде парень был не в силах. Он знал, что в его цистерне есть еще немного воды. Задним ходом он подъехал к постройке, скинул на землю шланг и стал поливать землю рядом с домиком и его стену. Ему удалось в этом месте усмирить огонь. Огрызаясь, огонь медленно умирал, пожирая остатки пропитанной травы.

Не поднимая с земли шланг, моряк медленно поехал по краю травы в сторону хлебов, разливая остатки воды на землю. Ему удалось дважды проехать по одному и тому же месту. Василий знал, что огонь споткнется на этой преграде, а рядом дорога, она не пустит его дальше. Он отогнал машину к самому большаку. Выскочив из кабины, увидел, что со стороны дальних полей поднялась пыль, это мужики-комбайнеры спешили на помощь.

Василий снова бросился к полевому стану. Там огонь хозяйничал уже вокруг сеялок, жадно лизал бочки с горючим, изрыгая черный едкий дым. Увидев около летнего погребка две фляги с водой, парень бросился к ним, торопливо налил в стоящее рядом ведро воды, опрокинул на себя, на ходу поднял обрезок железной трубки и подбежал к горящим бочкам. Он стал быстро их простукивать, они почти все были с горючим. Вася стал лихорадочно ронять бочки. Обжигая руки, он старался откатить их. Вот одна, вторая… Когда он подбежал в очередной раз, бочка, что была закрыта деревянным кляпом, выплеснула на моряка гремучую смесь. Рубашка на нем загорелась мгновенно. Превозмогая боль, уже плохо соображая, ему удалось откатить еще одну полную бочку. Когда подъехали механизаторы, моряк с обгоревшими руками катался по земле недалеко от потухших и почерневших бочек и стонал.

Его не довезли даже до села. Моряк умер, не приходя в сознание. Как потом сделали заключение медики — остановилось сердце.

6.

Прощались земляки с Васильком в новом Доме культуры, который был набит до отказа. Здесь были и взрослые и дети, пришло много стариков. Гроб находился в большом фойе здания. У стены стоял небольшой стол, покрытый красной тканью. С портрета на собравшихся смотрел улыбающийся Вася в морской форме. Рядом с портретом лежала коробочка с боевой наградой, его бескозырка и несколько медалей и значков, что парень получил за победу в спортивных соревнованиях еще на гражданке и на флоте. Вдоль стен и у стола было множество венков с траурными черными и красными лентами. Почетный караул из числа учеников школы и солдат, прибывших на прощание под началом военного комиссара, менялся через десять минут. Висела гнетуще-давящая тишина. Взрослые мужики-селяне стояли, опустив головы, словно винили себя за гибель этого замечательного парня, их земляка.

В этой повисшей давящей тишине присутствующие услышали приглушенный, словно треснувший, голос директора совхоза:

— Земляки мои дорогие! Друзья и соратники! Последний раз я плакал давно, когда мы с мамой получили похоронку во время войны на старшего брата, которого я сильно любил, он был мне за отца. Но тогда моих слез не видел никто. Я уходил за поскотину и там давал волю своим чувствам и слезам. Сегодня я не стесняюсь своих слез. Я потерял не только замечательного работника, комсомольского вожака крупного производственного подразделения. Я потерял близкого по духу мне человека, надежного младшего товарища. Спасибо вам, дорогие Семен Григорьевич и Наталья Петровна, за такого сына — героя. Ваше горе ничем не утешить. Но мы в этом горе с вами. Спасибо! — И Гуров поклонился родителям. Потом подошел к гробу, тихо сказал:

— Прощай, моряк! Прости, что не смогли предотвратить беды, не спасли тебя! Прости! И все увидели, как у директора по посеревшему за эти дни лицу, потекли слезы. Говорили о Василии школьные учителя, его одноклассники и друзья. Скорбь и боль, любовь и преклонение перед подвигом — это объединяло выступающих.

Перед выносом гроба школьный духовой оркестр тихо заиграл траурную мелодию. Постаревшая Наталья Петровна склонила седую голову к гробу и плача шептала:

— Василек, мой Василек! Сыночек! Кровинушка моя единственная. Ну за что нас судьба покарала так жестоко? Почему отняла тебя? Кого спросить, кого винить! Почему мы не испытали полного родительского счастья. Не порадовались твоей жизни, не покахали внуков! Потом она обняла Галину, что будто раздавленная, сидела рядом с ней и своей матерью и тихо сказала:

— Ну вот, Лебедушка, ты наша ненаглядная. И остались мы одни, совсем одни на земле этой. Нет больше моего соколика, а твоего голубоглазого любимого. Сгорел наш цветочек. Нет больше Василька! Как с этим жить,— и она на мгновение замолчала. Потом так же тихо, но твердо сказала: — А ты живи, Галочка. Живи! Все пройдет! Живи и радуйся жизни. Памятью живи. Нас навещай. Все нам с отцом легче будет.— И она погладила девушку по черному платку, что был у нее на голове

Галина так же тихо сказала:

— Да, жить надо. И мы будем жить. И не одни мы, мама, остались. У нас с Васей будет ребенок. Его сын, ваш внук. Он будет носить вашу фамилию, а имя — отца-героя. И по-другому не будет!

Лицо Натальи Петровны на мгновение словно озарилось светом. И, грустно улыбнувшись, она обняла девушку и сказала:

— Спасибо, дочка! Спасибо, родная! Теперь нам легче будет жить!

Когда печальная процессия приближалась к сельскому кладбищу, с озера поднялась стая лебедей. Конечно, это были не Васины лебеди-друзья, это были лебеди с северов. Здесь они сделали остановку на короткий отдых. А сейчас, поднявшись навстречу стоявшему в зените солнцу, они торопились на просторы Северного Казахстана, где сделают длительную остановку, чтобы подкормиться на обширных целинных полях, набраться силы на степных озерах, чтобы потом большими дружными косяками лететь к теплым местам зимовки. Земляки Василька, кто знал его историю с лебедями и их дружбе, поднимали головы и тихо со слезами говорили:

— Смотрите! Смотрите! Василька лебеди проститься прилетели!

А лебеди с клекотом, низко пролетев над людьми, стали набирать высоту. Потом сделали разворот и

вернулись еще раз к озеру. Затем стройным клином проплыли над кладбищем, куда втягивалась траурная колонна. Лебеди словно действительно прощались с героем-моряком.

Ляман БАГИРОВА

г. Баку, Азербайджан

Багирова Ляман Сархадовна родилась 6.08.1969 г. в Баку. Филолог-русист. Заведующая сектором новых книг в отделе национальной библиографии Национальной библиотеки Азербайджана. Член СП Азербайджана и РСП. Издано четыре книги рассказов. Публикуется в журналах, альманахах и газетах. Лауреат, дипломант и финалист ряда известных конкурсов. Постоянный автор нашего альманаха.

МАМА, ЧЕХОВ, И ЧЕТЫРЕ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ

Я вижу все. Я все запоминаю,
Любовно-кротко в сердце берегу.
Лишь одного я никогда не знаю
И даже вспомнить больше не могу.
Я не прошу ни мудрости, ни силы.
О, только дайте греться у огня!
А. Ахматова

Нашу улицу нельзя было назвать большой. Но нельзя было назвать и маленькой. Она не была особо выдающейся, и знаменитости на ней не жили. Но она не была и незаметной. Одним словом — среднестатистическая улица южного города, обсаженная тополями и вязами, пыльная, асфальтированная, поросшая бурьяном и репейником и с домами в два ряда.

Примечательна улица была следующим: ржавой трубой, пересекавшей ее около магазина «Тысяча мелочей», рыжим котом Жоржем, с видом городового обходившего свои владения, бельевой веревкой, натянутой от окна третьего этажа дома № 55 к тополю напротив и самим магазином «Тысяча мелочей». Но о каждой примечательности по порядку.

Ржавая труба была на нашей улице с незапамятных времен. Вполне вероятно, что вначале притащили трубу, а потом вокруг нее проложили улицу и построили магазин. Тот, кто приволок этот уродливый обломок металла, был, в своем роде, творец. Железная Квазимода, украшенная по всему периметру и диаметру ржавыми бородавками, была очень живописна. А пыльные островки осота, вросшие в нее, придавали изысканно древний вид.

Изначальные функции трубы оставались загадкой. Некоторые старожилы говорили, что когда-то это была водопроводная конструкция, другие, что — канализационная. Третьи, почему-то понизив голос, вообще утверждали, что этот уродец ничто иное, как обломок немецкого самолета, сбитого хромым Гасаном. И что хромой Гасан, вернувшись с фронта, захватил и его с собой в качестве трофея. При этом никто не сообщал, зачем это Гасану понадобилось, и, самое главное, как он дотащил до дома ржавый символ поверженного фашизма? А спросить было не у кого, ибо Гасан вот уже лет сорок как отошел в мир иной. Как бы то ни было, с трубой наша улица дышала очарованием старины. Это наполняло нас гордостью. Не у каждых была такая металло-архитектурная достопримечательность.

Рыжий кот Жорж родился во вполне интеллигентной семье бывшей балерины Майи Кудриной от домашней кошки Саломеи и домашнего кота Варлаама. Помимо родителей, Жорж с младенчества обладал добрым десятком братьев, сестер, теть, дядь и племянников. Родоначальником пушистого клана были дедушка и бабушка Жоржа. В отличие от своих потомков, они именовались просто — Мурка и Васька. Майя взяла их с улицы, и позволила основать колонию. Несмотря на суровое спартанское детство, Мурка и Васька быстро освоились в квартире бездетной балерины. Ко времени смерти старушки по ее дому бегало больше тридцати котов. Воздуха в округе это не озонировало. Новые жильцы быстро разогнали мохнатую братию: кого-то взяли сердобольные знакомые и друзья, кто-то просто сбежал. Но Жорж оставался верен своей улице, и жители привыкли к его массивной фигуре, степенно фланирующей вдоль тротуара. Жалкие остатки еды он не брал, а требовал полноценного обеда — супа, кусочков мяса или рыбы. При этом вид у него был явно разочарованный: «Что ж вы, люди, делаете, а? Я же мзду не беру, мне за державу обидно!» Надо сказать, что жильцы уважали хвостатого таможенника и поддерживали честь державы, то есть улицы. Жорж никогда не голодал, и лоснился год от году.

Бельевая веревка, натянутая от окна третьего этажа дома № 55 к тополю напротив, сама по себе ника-

кой ценности не представляла. Обыкновенная серая веревка с витой нитью для прочности. Но вот белье, вывешиваемое на ней… Тоже, в принципе, заурядное, кроме оранжевых панталон с черными кружевами.

О!!! Эти проклятые панталоны будили непристойные мысли и принадлежали Лизе Мельник — даме необъятных размеров и большой души. В отличие от трубы, происхождение панталон сомнений не вызывало — они были трофейными немецкими, и их привез Лизе муж. К счастью, габариты Лизы за долгие годы не изменились — мощная и широкая в кости, она стойко оставалась в привычном весе. Панталоны были сделаны на совесть и явно не без участия дьявола — они не выцветали, не рвались и не усаживались от частой стирки. Вечная молодость панталон, вкупе с неизменными габаритами Лизы, могла бы навеять мысли о некоем портрете Дориана Грея, но на нашей улице тогда и слыхом не слыхивали об Оскаре Уайльде. Зато когда оранжевый стяг с черными кокетливыми кружевами эротически-победно развевался на уровне третьего этажа дома № 55, то в соседних квартирах разом издавался завистливый женский вздох, и начинался традиционный пилеж:

— У других мужья как мужья, своих жен как куколок одевают, а у меня чурбан чурбаном, пентюх пентюхом, нюня нюней (определений никчемности было много). Лучше бы мать моя вместо меня черный камень родила! Чем я провинилась перед тобой, Господи, что колода Лиза, как королева одевается, а я, как чернушка?

Мужья реагировали на это вяло:

— Извини, на войне не были и миллионы не режу! А у спекулянтов покупать ничего не буду!

— Конечно, мы же бедные, но честные! Зато жена и дети пусть в отрепьях ходят!

— Хватит, женщина! Занимайся своими делами!

— Зачем я только замуж выходила, дурья моя башка?!

На это мужья синхронно разводили руками, мол, сама подтверждаешь, а я этого не говорил!

Ну, и, наконец, магазин «Тысяча мелочей». Последняя и самая яркая достопримечательность нашей улицы.

В общем-то, в самом магазине ничего примечательного не было. Обыкновенный набор хозяйственных принадлежностей: гвозди, крючки, кастрюльки, стаканы, коврики для ванной и прихожей, кашпо для цветов, шланги, средства для чистки мебели, ведра, термосы, а в другой стороне — почему-то картошка, капуста и зелень. Жильцы вначале дивились странному набору товаров, но потом свыклись.

Заведовал всем этим богатством Лев Захарович. Большего оригинала трудно было найти. Он был продавцом и главным украшением магазина.

Забежишь к нему бывало утром:

— Лев Захарович, мне бы картошки килограмма два.

— Какой? — с деланным безразличием вопрошает Лев Захарович, но лысина предательски наливается кровью.

— Как, какой? Картошки просто!!!

— Я не глухой! Тебя мама не учила не кричать особенно на старших? Какой картошки, я спрашиваю? Для чего?

— ?!!

— Боже мой! — Лев Захарович всплескивал коротенькими ручками.— Боже мой! Что вырастет из этого ребенка, я Тебя спрашиваю? Он даже не знает, какая картошка ему нужна! Как он будет помогать родителям, каким он будет хозяином? Ничему не учат детей, только собой занимаются. Беги, спроси у мамы, для чего ей нужна картошка?

Мама реагировала не менее бурно.

— Что он умничает? Тоже мне — старый болтун! Скажи, для супа!

Услышав ответ, Лев Захарович медленно остывал.

— Ну, хоть какая-то определенность! Запомни, деточка (в хорошем расположении духа он всех называл деточками), белая картошка для супа, она аккуратная и не разваливается. Если для пюре, нужны желтые сорта — они рассыпчатые и пюре будет красивым и воздушным. А вот если хочешь жареную, тогда непременно розовую. В ней много декстрина — картошечка будет с румяной корочкой, целенькая, да еще с луком и на сливочном масле — это еда богов!

Он складывал пальцы щепотью, подносил их ко рту и причмокивал. И по лицу его, словно лучи от солнца, во все стороны шли морщины.

Та же участь ждала и капусту. Не дай Бог было не определить, для чего она нужна — для борща или голубцов. Лев Захарович приходил в отчаяние!

— Запомни, пока я жив, потому как ваши родители жизни, я смотрю, вообще вас не учат: плотные, сочные кочаны на борщ, чтобы наваристее был, а вот легкую, пустую капусту на голубцы, чтобы «раздевать» было легко, и листья бы не поломались. Запомни, все в жизни пригодится!

Окончательно приходя в благодушное настроение, Лев Захарович усаживался на табурет с лоскутной подушкой и начинал разговоры «за жизнь».

Они были пестрые и так беспорядочно перескакивали с темы на тему, что казалось, будто кружишься на огромной карусели и на ходу пересаживаешься с оленя на лошадь, а потом снова на оленя. Познания у Льва Захаровича были огромные, но совершенно бессистемные.

Разговор рождался со… вздохов. Вначале редких, потом, как капли дождя, учащавшихся. Повздыхав вволю, Лев Захарович останавливал свой взгляд на рисунке какой-нибудь чашки. Это, к примеру, мог быть греческий узор из ломаных линий. Глаза старика оживлялись.

— Древняя Греция, прекрасная Эллада,— произносил он единым духом. — Родина философов и поэтов. Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына. Ты мифы в школе изучаешь? И какой самый любимый? Боже, у этого ребенка нет даже любимого древнегреческого мифа! Эти дети неучи! Господи, куда ты смотришь?! А миф о Дедале и Икаре? Тоже не слышал? Боже, вложи в голову этим детям хоть каплю ума!

Продолжая ворчать и сокрушаться, Лев Захарович рассказывал нам миф за мифом. Герои и боги оживали в его пересказах. Эгейское море шумело и переливалось всеми красками, нимфы плясали на берегу, а скромный продавец «Тысячи мелочей» представал новым Гомером. Рассказы Льва Захаровича были куда интереснее школьных уроков истории! Но волшебство разом прерывалось, если вдруг, к примеру, начинал накрапывать дождь. Прекрасная Эллада гасла в надвигающихся тучах, и Лев Захарович перескакивал на тему о круговороте воды в природе и свойствах дождевых осадков. А далее перечислялись виды дождя и примет с ним связанных.

Если после дождя в воздухе пахло нагретой пылью от асфальта, то мгновенно заводился разговор о происхождении пыли как таковой. Если ветер доносил легкий запах прели и грибов, то на два часа был гарантирован феерический рассказ о грибах.

Лев Захарович мог говорить обо всем: музыке, вине, живописи, литературе, географии, физике, керамике, выделке кожи, звездах и лечебной физкультуре. От него мы узнали, что такое гляциология и глиптика. Все было изумительно интересно и беспорядочно. Одновременно с рассказами Лев Захарович умудрялся еще и отпускать товар, и яростно просвещать необразованных покупателей. Его любили и не мыслили улицы без него.

В подсобной комнате у Льва Захаровича было множество неожиданных вещей. Помимо ведер с отбитой эмалью, рыболовных крючков, сеток для москитов, ящиков с гвоздями и разнокалиберных кранов, на стене красовалась «Лунная ночь на Днепре» Куинджи, а пыльный стол украшал портрет Чехова. Краны и трубы валялись на столе тоже, отчего казалось, что портрет окружают завороженные жестяные змеи.

Любой смертный, допущенный в эту пещеру Али-Бабы, застывал на пороге и, обретя, наконец, дар речи, спрашивал к чему же портрет Чехова и «Лунная ночь»? Лев Захарович, словно предвкушал этот вопрос! Ему было наслаждением отвечать на него! Он глубоко вздыхал, распускал морщинки-лучики на лице и начинал вещать!

— Вы спрашиваете, почему у меня, среди этого бедлама Куинджи и Чехов? Я бы мог вам ответить стихами Вознесенского «Небом единым жив человек!» Но я не буду этого делать. А почему? Спросите меня — почему?!

— Почему?

— Потому, что это и так ясно! Это как дважды два четыре! Не хлебом единым жив человек, но и хлебом тоже. Не небом единым жив человек, но и небом тоже! Вся наша жизнь — канатная веревка, по которой мы балансируем между дольним и горним. И надо удержаться на этой веревке, между физикой и метафизикой, тогда ты гармоничный человек. Вы понимаете меня? Впрочем, это не важно, потом поймете.

Понять было нелегко, но мы согласно кивали, что, да, мол, потом уразумеем!

Такие речи продолжались минут двадцать. После чего Лев Захарович уставал и начинал говорить тише, будто вглядывался в дно души. И речь его менялась, становилась проще и задушевнее, исчезало все выспреннее.

— Моя мама была святая женщина. Берегите мам, дети, вторых мам не будет никогда. Только я не понимал, что она святая. А сейчас понимаю и мне стыдно. Она в двадцать девять лет осталась с тремя маленькими детьми на руках. Отца не стало еще до войны. А нас у мамы пятеро было, но двое умерли в младенчестве. И вот остались мы у нее — я, брат младший и сестра. Я у нее любимчиком был, она всегда меня больше жалела, Львеночком рыжим и солнышком называла. Это я сейчас лысый, а раньше был рыжим, волосы густые, кудрявые! Эх…

А сколько ее сватали, после отца, мамочку мою. А что не сватать: и красавица, коса в руку толщиной, глаза как огонь, а талия тоненькая, и это после пяти детей! И работница — золотые руки. Все в доме делала сама, любое дело спорилось. А я в штыки встречал, когда кто-то к нам свататься приходил. Мама из-за меня всем отказывала. Так замуж и не вышла. А сейчас я жалею, Бог мой, как жалею! Она ведь молодая была, жить бы да радоваться! А всю себя в нас вбила, так и состарилась. А что мы? Разлетелись каждый в свою жизнь, меня вот вообще в другой город, сюда занесло. А мамочка в семье сестры доживала. А при зяте какое житье? Да еще если и его мама с ними вместе живет? Вот, и получается, что мамочка моя ни одного дня не пожила как душе хочется.— Лев Захарович замолкал и теребил уголок грязного платка.— А когда отдыхала, любила смотреть на эту картину,— продолжал он и взмахивал рукой на стену.— Вырезала из какого-то журнала, поставила за стеклом и все наглядеться не могла. Бумага журнальная совсем истрепалась, выцвела, а она не разрешала никому дотрагиваться. Это я уже потом купил хорошую репродукцию и вставил в рамку.

А Чехов? Это, считайте, ему я обязан всем, что знаю. Только Антон Павлович здесь как бы ни при чем. Все мама. Она хоть и грамотная была, но просила, чтобы ей читали вслух. Да и то сказать, когда ей было читать: все время в работе, дома дела не кончаются.

И очень любила рассказ Чехова «Скрипка Ротшильда». Уже наизусть его знала, а все равно, затаив дыхание слушала. И всякий раз нам повторяла: «Вот, смотрите, как человек только под старость понял, что всю жизнь прожил в убытках. Никому доброго слова не сказал, жену истязал, попрекал куском хлеба, даже чай пить запретил, потому что считал — чай дорогой, и пила жена только горячую воду. А сам пил горькую, скандалил, кидался на всех с кулаками, а жизнь так и прошла и ничего уже не поправишь, и так много потеряно. А все потому, что человек делает не то, что нужно. Вместо того чтобы сказать другому доброе слово, норовит обидеть, обмануть. Вместо того чтобы учиться и приносить пользу, мусолит злобные сплетни, ненавидит и злится. Кому нужна такая жизнь? Одни сплошные убытки. Вот живите так, чтобы у вас их не было».

И так часто она нам это повторяла, что я понял: «А ведь правда, есть потери, которые ничем не поправишь».

Мы — народ практичный, добро на ветер швырять не привыкли. Так зачем я буду трепать свое сердце на злобу и ненависть, если можно его с пользой употребить? Зачем мне пустота и темнота, если я могу зажечь свет в храме своей души? — снова съезжал на выспренний тон Лев Захарович.— Зачем мне глупые разговоры, если всякий раз можно узнать что-то новое? Я вас спрашиваю — зачем? Есть в этом какой-то смысл? Нет?! А зачем же тратить свое время на бессмыслицу?! Никакой экономии в этом я не вижу! Нет, вы мне возразите, если имеете что возразить! Я рад вас выслушать. Но, если не имеете, так сидите и слушайте старого человека, который все ж таки, что-то понял в этой жизни!

Лев Захарович расходился не на шутку, и здесь надо было поймать тот нужный момент, когда он еще не дошел до стадии кипения. Именно в этот момент надо было вставить робкое: «Простите, Лев Захарович, мама ждет» и ретироваться. Слово «мама» было для него священным, он сразу же обмякал и торопливо говорил: «Да, беги, беги, что же ты раньше не сказал? Мама же волнуется! Вот я старый осел!»

Но если точка кипения была пройдена, то никакая мама не помогала. Лев Захарович произносил свои филиппики о том, что ученье — свет, а неученье — тьма с таким пылом и жаром, что сам Цицерон ему в подметки не годился! Тут уже, не то что фразу вставить, пискнуть бы не получилось! Старик блистал красноречием и пауз в речи не допускал.

— Память человеческая, как затонувшая Атлантида,— гремел он и был похож в эти минуты на библейского Саваофа,— все глубоко под толщей лет, и все живо, стоит только вглядеться получше…

…Мы вспомнили эти слова, когда наша улица с ее четырьмя достопримечательностями тоже стала затонувшей Атлантидой. Глубоко-глубоко на дне нашей памяти или любви колыхалась она. Робко всплывала в наших снах в предрассветные часы так ясно, так живо. Наша родная улица с ржавой трубой, пересекавшей ее около магазина «Тысяча мелочей», рыжим котом Жоржем, бельевой веревкой с пикантным трофеем и самим магазином «Тысяча мелочей».

И бессменным его продавцом Львом Захаровичем, влюбленным в Чехова и Куинджи и научившего нас не размениваться на убытки в этой жизни.

«Потому как убытки — зряшное дело, никакой экономии в этом нет и быть не может…»

Евгений СКОБЛОВ

г. Москва

Прозаик, член МГО СПР. Заместитель президента АРЛ. Автор восьми книг прозы. Участник многих периодических литературных изданий, сборников и альманахов. Три книги Евгения Скоблова включены в действующий фонд ФГУ Российская государственная библиотека. Лауреат литературных премий, дипломант конкурсов МГО СПР. Наш постоянный автор.

ШВЕЙЦАРСКИЙ НОЖ

Я оказался в частном магазине военной одежды «Полигон дяди Васи» не потому, что мне что-то понадобилось из предметов военного обмундирования, камуфлированное белье или суровые армейские ботинки. Один из моих старых приятелей попросил достать куртку военного покроя, чтобы на специальной подкладке, с воротником, который отстегивается, и накладными пристежками для погон. Таково его желание. Что ж, камуфляж — знак нашего неспокойного времени, камуфлированные люди встречаются то тут, то там, а также в интернете, на телевидении, в кино, на страницах книг и журналов.

Я стою в торговом зале и разглядываю форменную одежду различных фасонов и покроя, комбинезоны, жилеты с кучей карманов, тельняшки, ремни, ботинки — все что угодно, кроме того, что мне нужно. В магазине, кроме меня, две девчонки-продавцы, пожилая пара (выбирают тельняшку), и кто-то, видимо из хозяев магазина — обсуждает с одной из продавцов, как идут дела.

Вот витрина — часы «Командирские», фляжки, нарукавные знаки, другая мелочь. А вот и швейцарс-

кий армейский нож. Красный с серебряным крестом. Швейцария. Я давно мечтал о таком. У него много разных лезвий и приспособлений, он очень надежен, удобен в пользовании и красив на вид. Вот он, лежит на коробочке, рядом с витриной, за стойкой с одеждой. Наверное, продавщица протирала пыль на витрине и забыла положить его на место.

Я смотрю на нож, нож смотрит на меня. У его лезвия очень хорошая сталь — не какая-нибудь китайская поделка, а настоящая — «маде ин Свитзерланд». Многофункциональность и уйма возможностей, которыми обладает нож, кружит голову, и еще то обстоятельство, что его совершенно спокойно можно тихонько взять и положить в карман. В мою сторону никто не смотрит... Одна из девушек разбирается с тельняшками, другая вместе с хозяином удалились в кладовую, отгороженную маскировочной сетью. Они обсуждают вопросы максимального использования помещений для нужд магазина.

Я люблю этот нож. Я хочу иметь этот нож. Конечно, его можно просто купить и дело с концом, но у меня нет с собой денег. А тут, вот он просто лежит за стойкой с одеждой рядом с витриной. Я посмотрел на потолок и по углам — камер наблюдения не видно (магазин недавно открылся, видимо еще не успели установить), я — невидимка. Я есть, и меня нет, я слился с интерьером магазина, как манекен. Желание взять нож усиливается с каждой секундой. От возбуждения немного кружится голова и бешено колотится сердце. В голову кто-то долбится, а потом тихий, вкрадчивый голос говорит: «Бери и уходи. Никто ничего не видит, а штрих-код с ценником приклеен к упаковке... Ты давно его хотел. Бери, и ты ощутишь ни с чем не сравнимое чувство, самый настоящий драйв оттого, что провернул дело и не попался. Это же просто песня, это даже лучше, чем твоя первая женщина. Он не просто тебе нужен, этот швейцарский нож. Вопрос стоит принципиально. Пойми, что твоя рутинная, неинтересная и, в общем-то, безрадостная жизнь (за какие-нибудь две минуты, пока ты не спеша покидаешь этот подвал) круто изменится. Ты ощутишь свое превосходство и еще раз убедишься, что тебя, среди прочих, окружает целая толпа посредственных никчемностей. И только ты один способен совершить что-то незаурядное. Это — кроме всего прочего, хорошая порция энергии, и потом, каждый раз проходя мимо магазина «Полигон дяди Васи», ты будешь с улыбкой вспоминать это свое маленькое приключение. А может, это послужит началом новой карьеры — довольно прибыльной деятельности, а также рисковой, интересной и по-настоящему крутой жизни. Решайся!»

Тихий, вкрадчивый голос умолк. А я представил, как сделав вид, что копаюсь в куртках на стойке, незаметно кладу нож в карман, потом, сделав разочарованное выражение лица, выхожу на улицу (продавцы, все еще занимаются своими делами). Хватятся не сразу. Она забыла про нож — витрина закрыта, так что пропажа обнаружится, самое раннее, может через час, а то и два, и я в это время буду уже далеко, например, где-нибудь на Курском вокзале пить пиво.

Я пью пиво, поглаживаю нож в кармане куртки. А там, в магазине, замученная и расстроенная девушка сбилась с ног в поисках товара. Она что-то вспомнила, и у нее перед глазами швейцарский армейский нож, рядом с витриной, который, впрочем, уже час как у меня в кармане. Ее настроение испорчено на две тысячи шестьсот пятьдесят рублей, и две недели минимум возможны слезы. Она еще не верит, что нож украли, и ищет его по всем углам и под витриной. Подруга, которая освободилась, продав тельняшку пенсионерам, сопереживает и сокрушается (ей не хочется оплачивать половину пропажи, да и подругу жалко). Они пытаются в деталях вспомнить весь сегодняшний день, и это им удается, покупателей было не так уж много. Возможно, они вспомнили и меня, но все равно теряются в догадках, потому что под подозрение попадают все, кто сегодня заходил в магазин, включая одного из хозяев. День не задался, но мне нет до этого никакого дела, поскольку уже получил, что хотел.

В это время я слышу другой тихий, но настойчивый голос, в сопровождении мелодии из фильма «Криминальное чтиво», на мобильнике у хозяина магазина, который все еще что-то выясняет в кладовке: «Брат (голос становится громче), ты не прав, брат. Ты хочешь взять чужое. Твоя дорога свернет в другую сторону, и ты окажешься в непроходимой чаще, и никакой нож, даже швейцарский, даже армейский тебе не поможет. Ты попадешь в болото, а когда засасывает трясина, нож нужен меньше всего. Вот соломинка — да. Нож нет. А потом, ведь даже когда дарят такие вещи, то берут символическую плату, а ты хочешь просто взять и ничего взамен не отдать. Подумай брат».

Мысленно я еще на вокзале, но думаю о том, что все пошло не так. Все в жизни пошло НЕ ТАК — из-за меня пострадали другие, невинные. И еще неизвестно, какую службу сослужит нож мне в будущем, далеком или близком... Он бездействовать не будет, и как-нибудь проявит себя. И обязательно так, чтобы мне все-таки пришлось расплатиться за него. А вот размер платы в этом случае не может рассчитать никто.

Как это всегда и бывает в таких случаях, когда непоправимое уже свершилось, я начинаю искать выход из ситуации, в которую сам и влез. Я прошу вернуть все на час назад и знаю, что это невозможно. И что вернуться в магазин «Полигон дяди Васи», подойти к девчушке и сказать: «Видите ли, тут у меня проблемка организовалась. Я украл в вашем магазине этот нож, и теперь мне очень стыдно — заела совесть, я решил его вернуть и попросить прощения. Простите, пожалуйста».

Ну и как все это будет выглядеть? Взрослый, интеллигентный и хорошо одетый мужчина тырит по магазинам ножички. Кому же, в таком случае, можно верить в это нелегкое время? На кого рассчитывать, если кругом одни подонки? Кто нас защитит, если, не дай Бог война? Нет, не годится. Можно, конечно, зайти и сказать: мадемуазель, это случайно не то, что вы ищете? Потом загадочно улыбнуться и не ответить на

естественный вопрос, каким, собственно, образом у меня оказался пропавший полтора часа назад швейцарский нож. Изобразить эдакого Робин-Гуся — якобы защитника обездоленных. Но девушка может оказаться не дурой (что, скорее всего) и подумать: мол, сам украл и теперь строит из себя порядочного… Сволочь. Она, конечно, ничего такого не скажет, а только подумает, но мне хватит и мысли, чтобы провалиться от стыда на месте.

В это время, хозяин отдал все необходимые указания, понюхал воздух торгового зала, громко рассмеялся и покинул магазин. Я подошел к продавщице. Посмотрел ей в глаза и сказал: «Извините, пожалуйста, у вас не бывает камуфлированных армейских курток, удлиненных, на синтепоне, с отстегивающимся воротником. А то, мне друг заказал». Мне показалось, что она что-то прочитала в моем взгляде. Да, это только показалось. «Курток сейчас таких нет, но заходите на неделе, должны подвезти. Спасибо, что посетили наш магазин».

Я шел к метро, и мне постепенно становилось легче. По дороге домой я думал о том, что был очень близок к тому, чтобы перейти невидимую грань, оказавшись за которой уже не вернуться обратно в свой привычный мир. Где тихий вкрадчивый голос будет руководить моими поступками, и я не в силах буду принять собственное решение. И так без конца.

Дома я заварил себе кофе, включил поздних Битлов на кухне, закурил папиросу и записал все это в дневник.

Геннадий МАРКИН

г. Щекино Тульской области

Зам. главного редактора журнала «Приокские зори», лауреат тульской областной литературной премии им. Л. Н. Толстого, литературных премий им. Н. С. Лескова «Левша» и им. Г. Д. Гребенщикова «Белуха», член СПР. Постоянный автор альманаха Ковчег».

СКОМКАННОЕ ПИСЬМО
глава из повести

Долго шли по улице и наконец-то зашли в маленький с низкими оконцами деревянный дом. В доме пахло вареной картошкой, хлебным квасом и затхлостью подгнившей древесины. Дом был разделен на две половинки шторкой, образуя две небольшие комнатушки. В дальней комнатушке у окна стояла кровать, рядом деревянный со спинкой стул. В этой комнате жил Николай, а в другой жила хозяйка дома — семидесятилетняя Анна Тарасовна. Она находилась дома и, увидев вошедшего Николая с незнакомой ей девушкой, вышла им навстречу.

— Баба Нюр, это Софья,— с порога произнес Николай, указывая на Софью.— Она пока поживет на моей половинке,— тоном, не терпящим возражения, продолжил он.

Баба Нюра, маленького роста старушка со сморщенным лицом, покивала головой.

— А мне-то что, пущай живеть. Сам-то спать с ею будешь ай нет? — спросила она, пожевав губами.

— Я пока в сенцах посплю,— подумав несколько секунд, ответил Николай и повернулся к Софье.

— Я у бабы Нюры на квартире стою, так что вы, Софья, особливо ни о чем не переживайте, живите тут сколь нужно. А как мы Елец у белых отобьем, так вы сразу и уедете к своему дяде,— сказал Николай.

Увидев пришедшего Николая, Анна Тарасовна засобиралась.

— Куда ты, баба Нюр, собралась? — спросил тот у нее.

— Пойду к суседке схожу, у ей и заночую нынче, а ты ложись на мою постелю, неча в сенцах спать, чай не скотина ты.

— Опять на картах гадать будете?

— А чего же нам? Можа, и погадаем малость.

— Гадание — это, баба Нюр, все поповские предрассудки,— нахмурив брови, проговорил Николай, но Анна Тарасовна только улыбнулась его словам. Она постояла какое-то время у двери, пожевала губами и вышла из дома. Николай и Софья остались вдвоем.

После ухода Анны Тарасовны Николай молчал, и молчание то затянулось.

— А церковь, между прочим, тоже не поощряет гадания, считает это грехом,— наконец-то первой заговорила Софья.

— А? Что? Какая церковь? Вы это о чем говорите? — не понял Николай.

— Вы сказали, что гадание — это поповские предрассудки…

— А вы что же, не согласны со мною? Считаете, что гадание это не предрассудки?

— Я согласна с вами, Николай, что гадание — это предрассудки, но не поповские.

— А чьи же тогда?

— Церковь, она тоже против всякого гадания и считает гадание — грехом, идущим от лукавого.

— Вы, Софья, прямо, как моя маманя рассуждаете, — улыбнулся Николай. — Она тоже всегда гово-

рила про грехи и про лукавого. Я-то ее особливо не слушал, а вот Акимка тот, бывало, любил ее послушать…— Вспомнив о погибшем брате, Николай замолчал, его глаза повлажнели, и он отвернулся от Софьи.— Идите, Софья, ложитесь спать. Шторку занавесьте и не переживайте, я в вашу половину не пойду,— сказал он.

Софье не хотелось уходить от Николая, ей хотелось еще поговорить с ним, но ослушаться она его не могла, а потому поднялась со стула и пошла в выделенную ей половину дома.

— Спокойно ночи,— пожелала она ему, но тот не ответил ей.

В эту ночь ей долго не спалось. Она слышала, как Николай еще какое-то время ходил по дому взад и вперед, как разбирал постель, затем задул лампу, и за шторкой стало темно, услышала, как он впотьмах лег в постель, вздыхал какое-то время, а потом наступила тишина. Спал ли Николай или не спал, Софья не знала, но догадывалась, что он тоже, как и она, не спал. Незаметно для себя она провалилась в сон, но сон ее был неглубоким и чутким. Она то и дело просыпалась, вновь пытаясь уснуть, ворочалась с боку на бок, переживала от навалившегося на нее тревожного чувства, наконец, проснулась окончательно. В комнате было блекло от лунного света и тихо. За шторкой в другой половине избы во сне сопел Николай. Софья лежала с открытыми глазами и глядела в окно. Вдруг она услышала, как за окном что-то хрустнуло, словно сломали ветку дерева, и в тот же миг Софья отчетливо увидела в оконном проеме заслонившие лунный свет две мужские фигуры, причем одна фигура была высокая, а другая — низкорослая. Фигуры подняли к лохматым головам руки, приставили их ко лбу козырьком и начали пристально всматриваться в глубину избы. Софья сразу узнала своих грабителей, и ее охватил ужас. Не помня себя от страха, она закричала что было силы. Фигуры моментально исчезли, а на ее крик проснулся Николай. Он вскочил с кровати и опрометью бросился к кричавшей Софье, с силой сдернул штору. Софья сидела на кровати, натянув одеяло до подбородка, и продолжала кричать.

— Там… там за окном… они… те самые разбойники, что отняли у меня деньги и перстень… они там… за окном…— наконец-то выговорила она, указывая рукой в сторону окна.

Николай бросился на свою половину избы, где у него на кроватной спинке висел ремень, выхватил из висевшей на ремне кобуры револьвер и в одном нижнем белье выбежал из дома. На улице заливалась лаем хозяйская собака, ее лай подхватили собаки соседних дворов, и в тот же миг вся улица наполнилась собачьим разноголосьем. У окна никого не было, и Николай вернулся в избу. Лампу зажигать не стал, в темноте убрал револьвер, подошел к Софье, та продолжала плакать.

— Николай, они там за окном, я их видела, наверное, они хотят меня убить, я их очень боюсь,— захлебываясь слезами, тараторила Софья.— Николай, защити меня от них,— попросила она.

— Нет там никого, тебе, наверно, показалось,— произнес Николай, бросая взгляд на бледно-лунный свет в проеме окна. — Спи и не бойся никого, я рядом, — сказал он и попытался задернуть штору, но Софья не дала ему это сделать. Она вскочила с кровати и бросилась к Николаю, дрожа всем телом, прижалась к нему, со страхом взирая на окно.

— Коленька, миленький, они там, не оставляй меня одну, прошу тебя, спаси меня от них, они меня хотят убить! — кричала она, от страха трепеща всем телом и называя Николая уменьшительно-ласкательным именем.

Тот растерялся. Не зная, как нужно поступить в сложившейся ситуации, он машинально поднял руки на уровне груди и прижал Софью к себе.

— Хорошо, хорошо, я никуда не уйду, не плачь только,— проговорил он, тоже перейдя на «ты».

Незаметно для себя они присели на кровать. Продолжая плакать и трястись, Софья еще сильнее прижалась к Николаю, и ему в этот момент вдруг стало жалко Софью. Жалко до такой степени, что он, не ожидая от себя самого подобных действий, прижал ее к себе и, успокаивая, начал гладить ей волосы, лицо, шею, коснулся плеча ее и, словно боясь раздавить его, нежно провел по нему ладонью. Ощутив в своих объятиях горячее и трепещущее тело Софьи, уловив тонкий запах ее тела, ее волос, у Николая откуда-то из глубины души возникло чувство то ли жалости, то ли сострадания, то ли еще чего-то таинственного, неизведанного им доселе и влекущего к ней. Это чувство Николаю вскружило голову, забило молоточками в висках, сдавило горло и залихорадило тело. Оно заставляло прикоснуться к сокрытому, запретному и таинственному.

— Не плачь, Софья, и не бойся никого, я не дам тебя в обиду, я буду всегда рядом с тобою,— прерывисто и тяжело дыша, тихим голосом сказал он и еще крепче прижал Софью к себе.

Та успокоилась, перестала всхлипывать и, находясь в объятиях Николая, тоже почувствовала изменение своего душевного состояния. Ей уже не хотелось утешать Николая, как когда-то ей хотелось это сделать при первой их встрече на вокзале. Сейчас, напуганная до полусмерти, она увидела другого Николая, не плачущего из-за погибшего брата и вытирающего слезы, а — большого, сильного и смелого, готового в любую минуту прийти к ней на помощь и защитить ее не только от разбойников, но и от всех других жизненных невзгод. А потому, ощущая у своего уха его тяжелое и хриплое дыхание, слыша его тихий, словно колдовством обволакивающий ее сознание голос, ощущая на своем теле его руки, ей захотелось еще сильнее прижаться к нему, чтобы просить у него защиты и помощи. Просить его вырвать из ее души все пережитые ею за эти дни горести и печали, и поселить в ее сердце успокоение и веру, надежду и любовь. Будучи в объятиях Николая, Софья продолжала дрожать всем телом, но дрожала она уже не от страха, а от других, нахлынувших на нее и заставивших трепетать ее душу и сердце чувств.

— Ты не бросишь меня? — шепотом спросила она.

— Нет, я буду всегда рядом с тобою,— также шепотом ответил он ей. В темноте при разговоре они почувствовали тяжелое и горячее дыхание друг друга и соприкоснулись губами.

Ночь была спокойной, безветренной. В Ефремовских садах уже созрели яблоки. Налившиеся соком, они отрывались от яблонь и, прошелестев по листьям веток, падали к подножиям деревьев, а падая, лопались, обдавая округу своими ароматными запахами. Собаки уже угомонились. Они улеглись возле своих будок на прохладной земле и, высунув из пастей языки и часто дыша, спали одним глазом, другим не переставая охранять хозяйские территории. В росистых травах пели свои ночные серенады сверчки, было тихо, город спал. И в этой тишине Николаю и Софье стало казаться, что во всей Вселенной они остались вдвоем, что во всем белом свете никого нет и ничего не существует, и их священнодействию никто и ничто не сможет помешать; да и не было в этот момент той силы, способной помешать им, и лишь одна бессовестно заглядывающая в небольшое окошко бледноликая луна стала свидетельницей их сокровенной тайны — тайны соединения двух молодых и горячих сердец.

Время пролетело незаметно. Не успели и глаз сомкнуть, как на востоке уже занялась заря. Николай едва задремал под утро, но тут же встрепенулся, встал с кровати, взглянул на Софью. Она лежала, подперев голову рукой, и смотрела на него.

— Выходит дело, мы с тобою теперь вроде как муж и жена? — спросил он, и Софья слегка смутилась от сказанного им. И в тот же миг приподнялась на кровати и, обняв Николая, притянула его к себе.— Пусти, Софья… ну не дури, слышишь? Пусти, мне некогда, мы нынче выходим в поход на Елец,— заговорил Николай, освобождаясь от объятий Софьи.

— Коля, а нельзя тебе остаться и не ходить в этот поход? — спросила она, освобождая Николая из своих объятий и поднимаясь с кровати.

— Нельзя. Я же командир, а потом, ты же знаешь… я должен отомстить за Акимку,— ответил ей Николай, тоже поднимаясь с кровати.

— Будь осторожным, прошу тебя.

— Не волнуйся за меня. Вышибем белых гадов, и я вернусь.

— Я буду ждать тебя.

— Не провожай меня,— приказал Николай, выйдя за порог, Софья остановилась. Николай развернулся, обнял ее за плечи и притянул к себе. Они поцеловались.

Через два часа из Ефремова вышел сводный в несколько сотен штыков, вооруженный ружьями и пулеметами, конно-пеший отряд красноармейцев. Поднимая сапогами, ботинками и конскими копытами еще дремавшую дорожную пыль, он направился вдоль железнодорожного полотна в сторону станции Бабарыкино…

Алексей ЯШИН

г. Тула

Алексей Афанасьевич Яшин — главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член СП СССР, СПР и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления АРЛ, лауреат многих литературных премий, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора. Окончил Литературный институт СП СССР им. А. М. Горького. Постоянный автор нашего альманаха».

БЕЛАЯ ВОРОНА

Заматерелость в преданиях, и никакой идеи. В. О. Ключевский «Боярская дума древней Руси»

Нынче тоскует лишь тот, кто не украл миллиона. Н. А. Некрасов

Читатель вправе назидательно заметить нам: что это вы, любезнейший, взявшись сочинять о молодой поросли народа российского, все пишете* или об окончивших «свои университеты», а то и о собирающихся в оные поступать. А где же самые студенты — многочисленнейшая группа, то есть миллионная масса современной молодежи! Как говорится, была бы честь предложена. Вот вам и о студенте, одной из фигур вселенского gaudeamus igitur.

* Данное предуведомление для той категории читателей, которые читают не этот, отдельно взятый рассказ, но весь цикл таковых в последовательности их размещения. – Прим авт.

◆ Игорь Редькин, нимало не обижавшийся на свою сельскохозяйственную фамилию, завершил четвертый курс без усилий и напрягов, но и равнодушно не стремясь к высшим баллам — никакого смысла в этом не видел. И матерый доцентище Николай Андреянович, читавший им в весеннем семестре аэродинамику крылатых ракет, что относилась по программе к спецкурсам, в отличие от общей аэродинамики летательных аппаратов, выслушав на экзамене очень даже здравые рассуждения Игоря о флаттере, то есть резонансном дрожании специфических крыльев этих ракет, спросил его: «Может тебе сто баллов поставить, как сейчас по-американски принято, а по-советски — пятерку?»

— А зачем, Николай Андреянович? На пятерку Господь Бог все знает. И вы, как практик ракетостроения, не один десяток лет проработавший в военном конструкторском бюро, приближаетесь к такой оценке. А мне и четверки, по американско-нижегородски восемьдесяти баллов, достаточно…

Пораженный логически выстроенной иерархией знаний, тот все же поставил умному и здраво мыслящему студенту в зачетку и ведомость девяносто баллов. Примерно так же Игорь сдавал и остальные зачеты и экзамены за четвертый курс. К обоюдному удовольствию его и преподов.

Студенческое прозвище Редька к нему еще с первого курса не приклеилось, поскольку на вопросы однокашников, нагловатых бывших старшеклассников, он отвечал серьезно, что его дед, Трофим Епифанович, доживший до миллениума и даже до начала «мирового кризиса империализма две тысячи восьмого года», из тех солдат первого послевоенного призыва, что был отправлен в обезлюдевшую Курскую область солдатом-землепашцем одного из военных совхозов, в части организации которых Иосиф Виссарионович использовал опыт Аракчеевых военных поселений в бедных людьми северных губерниях Российской империи. А в Курской и в соседних Орловской, Белгородской и ряде других областей села совсем опустели: слишком долго там немцы хозяйничали, а потом мудрый Вождь принял стратегически верное решение: заселить исконно русским народом, тем более оставшимся на погорелом месте, очищенный от татар Крым, а от пруссаков — Калининградскую область. В военкоматах по всей стране тогда комиссарами находились боевые офицеры, списанные еще в войну по ранениям и инвалидностям, то есть люди многоопытные в жизненных познаниях. Поэтому заполняя разнарядки призывников по роду войск, они мудро отбирали ребят с исконно крестьянскими фамилиями по спискам в военные совхозы Средней России: пахать землю и убирать урожай в гимнастерках и галифе… пока не обрастет людьми убитая в войну земля от оставшегося местного крестьянского населения. «Вот и мой дед, Трофим Епифанович Редькин, призванный с Вологодчины, прослужил положенное трактористом, женился на местной курской, там и остался. А уже отец, потом выписав деда с бабкой, был переведен в Тулуповск по своей работе — хотя и не номенклатурной особо, но специалисты тогда приказу подчинялись». После такого пространного объяснения все замолкали и прозвище овощное напрочь забывали. Не приклеилось.

Отец, успешно начавший в самые молодые годы, после окончания института, работу (слово карьера он и посейчас полагал паскудным) в части геодезии и картографии, и сейчас успешно продолжал ее в Тулуповске по государственному ведомству в полном расцвете сил, заматеревши, воспитав трех детей, Игорь младший — последыш, как любовно называл его дед Трофим Епифанович. Мать успела в последний год «ухватить» пенсию еще по советским меркам, сейчас вела домашнее хозяйство в собственном доме на ближней окраине города. Не вынося многоквартирных муравейников, в самом конце восьмидесятых глава семьи, Василий Трофимович, с еще бодрым Трофимом Епифановичем соорудили для семьи поместительный дом. Благо в Тулуповске с его двумя металлургическими заводами стройматериала для добротных и теплых зимой, прохладных летом литых шлакоблочных зданий имелось предостаточно — плата только за вывозящие с отвалов шлак самосвалы.

В девяностые и нулевые годы разгула мелочного частнособственничества — подготовки субординированного олигархата — в «пентагон», по принятому во всем городе наименованию корпуса, в котором базировались военно-технические специальности, шел, причем без всякого, даже символического конкурса, самый захудалый, троечный абитуриент с совершенно безлошадными родичами. А после окончания через пень-колоду обучения все эти безлошадные тройбанисты шли в магазинные приказчики и офисные креветки. В «пентагоне» обучение бесплатное…

Когда же в начале второй половины две тысячи десятых годов на специальность ракетостроения поступал Игорь, то ситуация в «пентагоне» заметно изменилась. В стране, где почти четверть века целенаправленно — с подачи кого надо через агентов влияния — разрушался и добивался бывший мощнейший в мире военно-промышленный потенциал, вдруг вспомнили слова Александра Третьего про единственных союзников России: ее армию и флот. Ну-у, флот дело долгое и очень дорогое, а вот в части сухопутной армии, авиации и ракетных войск можно было и спохватиться не на пустом еще месте. Во-первых, героическими усилиями крупнейших генеральных конструкторов удалось спасти значительную часть крупнейших оборонных исследовательских и серийных промышленных предприятий. Во-вторых и в главных, в архивах этих предприятий сохранилась — с запасом опережения натовцев до двадцатых — тридцатых годов — техническая документация, а в испытательных цехах опытные образцы потенциальных новейших разработок.

Поскольку же за минувшую четверть века разрухи прежние, матерые оружейные кадры исследователей и разработчиков поизносились, на пенсию с отвращением ушли, а в основном не пожелали оцифровываться, переходить от карандашей и кульманов с ватманскими листами к компьютерным «автокадам», «маткадам» и прочему, то в значительном числе потребовались и новые, не с кондачка подготовленные кадры.

…И в Тулуповске усилиями неимоверными, благо характеры сформировались в прямой временнóй связи со сталинскими установками, академиком Гусаковым сохранилось в рабочем состоянии одно из первейших в стране ракетно-пушечное исследовательско-конструкторское объединение, а другим всесоюзно, потом всероссийски известным начальником и главным конструктором — того же ранга предприятие по более специализированному типу оружия. Для пополнения их инженерными кадрами скоренько подтянули «пентагон»: вместо тройбанистов с офисно-торговым прицелом начали привлекать — гарантированным трудоустройством на серьезных предприятиях с вполне реальной оплатой — более серьезных ребят. И родители абитуриентов вспомнили те, не столь уж далекие времена, когда весь Тулуповск трудился на оборону, да и сами они, в практическом плане ныне рано взрослеющие, соображали: время мелких лавочек и офисов «купи-продай» проходит стремительно — власти для своей поддержки они уже в массовости своей не потребны. Значит, есть смысл ориентироваться на восстанавливаемую военную промышленность, хотя бы в «пентагоне» учиться шесть лет, а базовые дисциплины там в основном физико-математические.

Отчасти и по таковым соображениям Игорь Редькин, учась в школе изрядно, как по-гимназически говорили персонажи русских классических романов, поступил на «пентагоновскую» специальность; но он и самоличный, не зависящий от общественных веяний, пунктик имел: словно в генетическую компенсацию деду Трофиму Епифановичу, служившему солдатом-пахарем в курском военном совхозе, и отцу, вообще не служившему (кафедра военной геодезии и картографии не в счет) по причине учебы в институте, его с детских лет тянуло к оружию. Не в смысле стрелять-фехтовать, но изготавливать его. Рогатки, луки детства, а затем появившееся изобилие китайской игрушечной милитаризации — все это занимало Игорька, затем Игорехи по-дворовому, в части устройства и принципов работы.

Поэтому выбору факультета и специальности никто не удивился в доме — родители и брат-аспирант — и вне его, то есть замужняя сестра, самая старшая из детей Василия Трофимовича и его супруги, жившая отдельно, и весь круг знакомых Игоря, включая школьных одноклассников.

◆ Память Игорь — потому в школе и в университете учился не напрягаясь, но хорошо,— имел отменную с детско-отроческих годов. Поэтому, когда в узком пацановском кругу, еще не до конца отмененном компом, кто-то затевал бренчать на гитаре и подпевать из вечного дворового навроде «В кейптаунском порту, с пробоиной в борту, «Жаннета» поправляла такелаж», то Игорь, занятый чем-то совершенно иным, мимоходом поправлял: «С какао на борту». И никто не возражал. А если иной Фома неверующий просил разъяснить, тот охотно и рассудительно это делал: «Речь в песенке идет о судах явно торговых, поэтому с пробоиной не вяжется никак. А парусные суда имели сложное, даже капризное хозяйство, поэтому требовали поправки такелажа перед каждым длительным переходом — здесь же везти груз какао-бобов из Кейптауна в Европу в огиб всей Африки. Это не фунт изюма!»

Доцент Николай Андреянович, ставший с четвертого курса, с которого собственно и начинались его дисциплины у студентов-ракетчиков, особо примечать Игоря Редькина, как-то заметил ему: «Ты вот просто Игорь сейчас, а у меня имеется давний, еще со времен «Меткости», друг, тоже Игорь, но с обязательным отчеством Васильевич, ибо всевозможный заслуженный и почетный, обладатель неоднократных ученых степеней и званий. И память у него абсолютная, то есть он все помнит с пятилетнего возраста: слышанное, самим сказанное и увиденное. Даже осязательная и вкусовая память у него в абсолюте! Например, он помнит вкус советского производства пива, которое делали естественным брожением с циклом шестьдесят дней. А потому уже почти тридцать лет, с кончины нашей родной и так далее, не берет в рот ни единой капли того скороспелого, в шесть дней забурлыживаемого, напитка, что именуют пивом. На самом деле — это недоброженный солод с добавлением химически произведенного спирта, всяких ароматизаторов и консервантов, а также закачанного — для пены — углекислого газа. … Впрочем, по той же вкусовой памяти твой тезка по имени не употребляет вин. Все они порошковые, какие бы цены и этикетки к бутылке не были приставлены. Это как в «Бесприданнице» Островского, что вашему поколению более известна как «Жестокий романс» михалковский: дескать, сударь, по восемьдесят копеек бутылки кругом, а наклейки какие пожелаете сделаем. Ну-у, это все к слову, к примеру, а у тебя, не берусь по твоей молодости судить о винно-пивной памяти, но в научном плане таковая отменна!»

Игорь, конечно, уловил в похвальном его памяти монологе, что случился в преподавательской, куда он, как староста группы с прошлого курса, за пятнадцать минут до начала занятия зашел за семинарскими методичками, причину своеобразной трактовки абсолютной памяти: от матерого ракетного доцента слегка попахивало. Да он и сам ненароком оговорился, что с утра заходил к профессору Скородумову поздравить того с лауреатством почти безденежной, но ценимой в узких научных кругах премии…

Другая, уже обоюдная, не монологичная, беседа интересующегося мыслями и нравами современного юношества доцента с запомнившимся ему неординарным мышлением студентом состоялась на предэкзаменационном зачете. По не писанным, еще с советских времен, правилам студенческой жизни староста группы завершал зачеты и экзамены. Здесь сочетались и армейские традиции, созвучные с военной спецификой «пентагона» (по-чапаевски: в обороне командир с биноклем в тылу дивизии), и статский либерализм: все равны, староста не выпячивается своими знаниями … равно и незнаниями. Худо-бедно, со скупыми поощрениями Николая Андреяновича, чаще с необидными его смешками и словесными подковырками, группа «зачлась». Игорю он подмахнул роспись в зачетке после пары вопросов на смекалку.

— Смекалка, дорогой мой,— благодушествовал доцент, явно не торопящийся, в два часа пополудни заседание кафедры, домой на обед, хотя и рядом живет, особого смысла идти нет,— в нашем с тобой инженерном деле суть интуиция мышления, на которое накладывается вся громада приобретаемого годами и десятилетиями конструкторского опыта. Но вот с твоей точки зрения: осталось ли место этой смекалке-интуиции в современной инженерной практике?

— Можно говорить, Николай Андреянович, без казенных словосочетаний?

— Конечно, конечно. Я ведь не советский парторг и не нынешний чиновник на официальном приеме у губернатора. Опять же всем в «пентагоне» известно, что я не профессиональный, как говорится, преподаватель, а пришел, по словам классика «пора на пенсию, в сенат», из военной промышленности. Так сказать, от кульмана и испытательного стенда… еще от язвительных неудовольств сурового, но справедливого академика Гусакова, в своем роде морального садиста, и отборной матерщины — в качестве обыденного разговорного языка — цеховых начальников и знающих себе цену работяг-уникумов…

— Я вас понял, Николай Андреянович. Вы имеете в виду стремительное оцифровывание всех инженерных работ и интернет?

— Во-во, Игорь Васильевич гордится изобретением нового слова цифрофрения — метко, по-нашему, по-оружейному! Так сказать, новая версия доброго старого русского мата. Итак?

— За себя могу сказать: всячески сопротивляюсь возможной утрате интуиции. Не хочется стать приложением к интернету, в смысле — брать уже готовые решения, а еще, проще говоря — совсем отказаться от использования своей памяти, как оперативной, так и основной, подсознательной.

— Это сейчас в школьной биологии про виды памяти так просвещают?

— Нет, там все на тестовую зубодолбежку переведено. Читаю много. И брат аспирант в педуниверситете, диссертацию сочиняет по психолингвистике. Вообще-то он сугубый современный практик. Степень нужна для карьеры чиновника. Он это вовсе не скрывает. Но — далеко не дурак. Таковых у нас в семействе не наблюдается.

— И как соотносятся эти два вида памяти — я-то от Игоря Васильевича, это его конек, все знаю, в интернетовском оцифровывании?

— Очень просто, Николай Андреянович, соотносится. Оперативная память замещается справками из интернета, вплоть до мелочей: от правильного написания слова до формулы квадрата суммы двух чисел. То есть этот вид памяти в итоге суживается для указания пальцам рук нужных клавиш клавиатуры. Творческая же, подсознательная память и вовсе уходит в виртуальную реальность уже готовых компьютерных программ.

— Ну-у, батенька, как вы радикально с живым-то человеком разделываетесь! — восхитился Николай Андреянович, но в том же ключе еще минут двадцать побеседовал с оригинально мыслящим студентом, посоветовав тому стать читателем журнала, редактируемого профессором Скородумовым.

◆ Оба живших в семье брата Редькины, аспирант и студент, понятно дело, работали. Аспиранту по нынешним временам было бы дико на шее у родителей сидеть. Игорю же отец, как значимый в области специалист, преимущественно по кадастровой части, необижаемый по окладу и иным легальным источникам, неоднократно предлагал «не отвлекаться от учебы, что у нас на прокорм и даже определенные карманные не хватит?», но и сам понимал: времена совершенно отличные от его студенческих бытований. Если в его студенчестве подработка являлась «поддержанием штанов» и совестливостью напрягать, будучи здоровенным лбом, родителей — то есть отягчающим, всего лишь сопутствующим основной учебе занятием, то на примере своих уже детей в годы их студенчества четко осознавал, что это уже поколенный образ жизни, когда работа заменила труд. Василий Трофимович в недурственной своей памяти (было в кого Игорю с его «абсолютом» пойти!) как-то не зафиксировал времени и ситуации, когда он, глядя на своих детей и молодых сотрудников по своей службе, пришел к открытию для себя разницы между трудом и работой. Толчком же послужила… рыбалка, основное и, пожалуй, единственное его увлечение-отдохновение. Благостное («ее же и монаси приемлют», в смысле вкушают рыбу вместо мяса) это занятие дарует человеку уйму времени для неторопких размышлений, в которых прошлое наслаивается на будущее, усредняясь в настоящем. Во время священного акта ужения плотвичек, что шли на баловство домовому коту, и задумался Василий Трофимович на тему сопоставления: почему в советское время слово труд заметно теснило вроде бы аналогичную по сути работу? Что и в официальных документах присутствует. Супруга его, как любая женщина, серьезно относящаяся к своему здоровью — дай, Бог, и дальше вовсе не хлипкому! — тоже заметила, случайно заинтересовавшись: А что это, Вась, раньше в больничных писали «Приступить к труду (с такого-то числа)», а сейчас ставят слово «к работе»?

И на очередной субботней рыбалке сам-один, компаний здесь с обязательными «выпили-закусили», хотя бы в жизни стопку мимо рта не проносил, Василий Трофимович не терпел, его озарило, как открывателя-самоучку. Ведь работа — от слова раб, а труд есть осмысленное, в чем-то всегда творческое содержание жизни? — Получалось, что так оно и есть.

Игорь, став подрабатывать, как и все его сокурсники, с самого начала университетской жизни, вряд ли оттенил в памяти слова отца, в какой-то семейный праздник под тост сказанные. Именно — не оттенил, то есть не обратил нарочитого внимания. Да и не требовалась ему такая подсказка — осознание содержания вспомогательного к учебе занятия само собой и понималось именно как кем-то и чем-то незнаемым установ-

ленное, необходимое по определению «вычеркивание» из своей жизни стольких-то часов в день. А поскольку это привносило усталость, то, значит, такое же «вычеркивание» организменных сил. И далее он развивал мысль: удовольствие эта самая работа (в интернете, с компьютером — как у всех), какого-то удовлетворения не приносит; от денег, конечно, никто не отказывается, но особо они им и не востребованы. Деньги, как самоцель, под иной, нежели у него, да и всех его семейных, характер «деланы». Даже иной чем у Остапа Бендера — для сына турецкоподданного таковые тоже являлись не самоцелью, но всего лишь средством. И нынешняя реклама в телеящике клевещет на Остапа Ибрагимовича, заявляя в ролике, что-де Бендер являлся первым продюсером гениальных проектов, и в наши дни его имя возглавляло бы списки журнала «Форбс»… Нет, деньги для Игоря не самоцель, а по большому счету даже и не средство. Получается, что именно сейчас в самой полной мере сбывается библейское проклятие первочеловеку: работа (а не творческий труд!) есть немотивированное ярмо человеческое. Первые две книги Ветхого Завета он со вниманием прочел, еще учась в девятом классе — в доме имелась старойзданная библия; как оттиснуто на титульном листе: «В русском переводе. 2-е Синодальное издание». Ее дед Трофим Епифанович, призванный и направленный в курский военный совхоз, обнаружил на чердаке пустого дома, в котором поначалу расквартировали его отделение…

До одиннадцатого класса Игорь пользовался интернетом и «гаджиками» — с язвительного языка Василия Трофимовича — как и все остальные, не задумываясь, не восторгаясь, но и не порицая все более и более новые разработки Силиконовой долины и их китайскую штамповку. Полагал: так надо, но кому надо? — не задумывался. Тот же поплевизм. Но в выпускном классе, когда его невидимая глазу белая ворона, пролетая по своим орнитологическим делам, слегка задела крылом, и задумчивость пришла: конечно, научно-технический прогресс со времен средневековых мануфактур (а на втором курсе уже с наслаждением читал в первом томе «Капитала» любовное описание Марксом таковых) неотменим и до появления радио, телевидения, вычислительных машин вроде бы никаких возражений и сомнений не вызывал. Бабушка с антресолей с керосиновой лампой из сочинения одесских классиков не в счет.

Но ужасающее ускорение последних лет в оцифровывании человечества, причем глобального, вызвала в голове старшего школьника Игоря Редькина какой-то ступор, что продлился до второго университетского курса. Здесь на него напала — после окончательной размолвки со Светкой, первой юношеской любовью — читательская лихорадка по естественным наукам. Благо он напал в интернете на каталог московского научного издательства, что специализировалось в последние двадцать лет на издании книг западных, преимущественно английских и американских, современных или почти современных, светил этих наук. Самое главное, все эти нобелисты и близкие (по своей относительной молодости) к ним ученые умели замечательно писать для широко образованного читателя ясным, но объективно научным языком. Наши высоколобые только начали осваивать такую манеру изложения. Часть таких книг он нашел в университетской библиотеке, иные, насколько позволяли «стукнешь по карману — не звенит», покупал через книгу-почтой. В Тулуповске все книжные магазины закрылись ввиду полной утраты спроса «на бумагу», а Москву с недавних пор стал полагать совсем другим государством, неуютным даже для дневного пребывания в «городе желтого дьявола».

Результатом такой целенаправленной читательской лихорадки и стало преодоление затянувшегося на годы ступора. Игорь пришел к точным по формулировкам выводам, сам-для-себя рекомендациям. А именно: традиционный человек обречен на перевоплощение в электронную, цифровую копию. А раз так, то в своей жизни, в которой с керосиновой лампой на антресолях не отсидишься — Василий Трофимович из того времени, когда последние поколения студентов наизусть цитировали страницы книги об Остапе Бендере, изустно в хорошем настроении пересказывал ее своим детям,— то следует усилиями воли сохранять человеческое, творческое мышление, хотя бы оно и есть «архитектурное излишество» для современного бытия; «человек — это звучит гордо!» в то же время, хотя бы и с брезгливостью, по необходимости нести на себе оцифрованное бремя.

…Через благоволящего к нему Николая Андреяновича Игорь был представлен своему тезке — по имени — профессору Скородумову и стал его молодым научным коллегой. А главное, на первом году инженерной работы встретил основную в своей жизни, уже непреходящую любовь. Сказке ли конец? — но для его возраста это стало ее началом.

Вячеслав МИХАЙЛОВ

г. Москва

Вячеслав Викторович Михайлов родился и вырос на южной окраине СССР, живет и работает в Москве. Кандидат экономических наук. Ph.D in Economics. Печатался в «Литературной газете», газете и журнале «День литературы», литературном сборнике «Иван-озеро», журнале «Приокские зори», альманахе «Ковчег». Автор сборника прозы «Вызов». Наш постоянный автор.

«АФГАНЕЦ»

Кирилл выкроил наконец несколько дней, взял билет на удобный экспресс в сидячий вагон, прихватил в день отъезда гостинцы из вкусной кондитерской и прискакал прямо с работы на Курский вокзал минут за десять до отправления. Упав на кресло и переведя дух, осматривался. Как-то сразу взор споткнулся о соседа, крепкого поджарого мужчину. Он сидел в ближнем ряду через проход, читал книгу. Вяло блуждая по объемному полупустому салону, глаза несколько раз еще возвращались к этому крепышу. «Знакомое очень лицо, мой ровесник примерно,— отметил Кирилл.— Где-то пересекался с ним, причем в юности, при Союзе. Но где?.. Жаль глаз не видно почти». Понаблюдав еще немного, понял, кого он напоминает: «На того самого “афганца” очень похож». «А что, спрошу,— решил Кирилл, не раздумывая.— Рядом с ним никого. Ошибся — невелика беда». Дождавшись, пока поезд тронется, наберет скорость, встал и сделал несколько шагов к соседу.

— Простите, мне кажется мы встречались давным-давно. Вы не служили в Афгане в восемьдесят втором году?

Крепыш нехотя оторвал глаза от книги, оглядел пытливо обратившегося и, не узнав, скупо бросил: «Было дело».

— В середине лета вы прибыли с колонной машин на нашу сторону Амударьи, в пограничный Термез,— настырно напоминал Кирилл, почти уверенный уже, что не обознался.— Что-то привезли, чем-то загрузиться должны были. И перед дорогой обратной заглянули на местное водохранилище покупаться. С сослуживцем… На ГАЗ-66.

— …Был, был такой эпизод,— подтвердил крепыш, морщиня лоб, прищуривая глаза, и через мгновение встрепенулся: «А-а, вы тот студент, что с приятелем, кажется тоже студентом, отдыхали там… Точнее от жары спасались… Да-да. На каникулы приехали домой… Угощали нас пирожками домашними, арбузом, чаем. Беседовали о том о сем… Я про себя, кажется, рассказывал: выговорился по случаю… Хорошо так окунулся в мир, разомлел».

— Все старались угодить вам,— продолжал вспоминать подробности довольный Кирилл.— А то мы балдеем, гладь да тишь вокруг, а вам не сегодня-завтра встреча с духами* маячит... и неизвестно еще, как все обернется. Само собой, узнать хотелось из первых уст, что там «за речкой».

— Да-да, так и было,— закивал оживленно крепыш, откладывая книгу.— Рад, рад увидеть... Вы далеко едете?

— В Нижний Новгород — маму навестить. А вы?

— Во Владимир.

— Так у нас времени полно,— обрадовался Кирилл.— Может я пересяду, поговорим? Как?

— Да-да, конечно,— согласился сразу «афганец», закрывая книгу.— Простите, не помню имени вашего.

Кирилл назвался, перетащил свою дорожную сумку со старого места на новое и присел.

— А я ваше помню,— похвалился он.— Степан. Так?

— Точно,— улыбнулся тепло крепыш.

— Да-а, тесен мир,— покачал головой Кирилл.— Больше тридцати пяти лет прошло — надо же… Я потом еще долго возвращался к той случайной встрече, к истории вашей… тогда уже необычной. Думал, живы — нет? Мысль даже была разыскать вас в Москве, когда доучивался в вузе. Вы же москвич?

— С девяти лет.

— Но фамилию забыл, адресами мы не обменялись… Отец ваш, помнится, генерал. И брат у вас был. Вы с ним двойняшки. Поступали оба в МИФИ да провалились. Откосить хотели от армии, отец не дал… и после призыва от Афгана не отвел… Служили с братом вместе, где-то на передке. Брата ранили тяжко и в плен захватили — погиб… жутко погиб. Я даже под впечатлением пару четверостиший написал — баловал-

---

* Духи – жаргонное слово, производное от «душманы» – враги (пушту). Советские военные, служившие в Афганистане, так называли зачастую бойцов афганских формирований, противостоящих правительственным вооруженным силам и советским войсковым соединениям.

ся тогда. Задело ваше настроение.

— Вот как,— глухо удивился Степан.— Может, прочтете… если не забыли, конечно.

— Не забыл. Сейчас, повторю про себя… Да, такие вот строки:

Он вновь и вновь перед глазами
Живой, веселый и лихой солдат,
Но чаще — труп, изрезанный ножами,
Не всеми узнан был мой брат.
Афганский зной не замечаю,
На мины, пули наплевать.
Зачем я здесь, теперь я знаю —
За муки брата убивать.

Степан отвел голову к пролетающей за окном густо-зеленой стене июньского придорожного леса, с полминуты молчал, потом неровным голосом оценил:

— Не Симонов, но это точно было у меня на сердце… На бумаге мне черкните пока едем, не забудьте. Бумага, ручка есть. И будем на «ты».

— Конечно, черкну,— пообещал Кирилл.— Я, кстати, после той встречи не раз еще расспрашивал наших военных-«афганцев»: что там и как. Неоднозначная картина выходила по рассказам, как и у тебя. А прежде официальную версию целиком разделял… Только вошли в Афган, от души вполне выскочило пафосное такое четверостишие. Прочесть? Для контраста. И не буду больше докучать своими старыми виршами.

— Ну-ну, интересно.

В походе далеком советский солдат
Надежно свой долг исполняет.
Опять боевыми его автомат
Чужая беда заряжает.

— Неплохо,— кивнул из вежливости Степан.— В русле советского интернационализма. И я так думал поначалу… Со временем, когда вгляделся в местных по обе стороны баррикад, стало доходить мало-помалу, в какое болото раннефеодальное и многоплеменное мы влезли со своей военной машиной. Свой у них интернационализм… А мы уже увязли — на радость янки… Вроде опытом обросли, контакт какой-никакой есть с афганскими армейцами, придавливаем духов. Но сопротивление не слабеет. Чуем на своей шкуре — растет их поддержка извне: оружием, деньгами. Конца-краю не видно… Нужны мы здесь с огнем и мечем? Иных забот что ли нет? Донимали вопросы… Потом брата… Вопросы исчезли. Ротный все пытался меня придержать. «Не лезь на рожон,— орал.— Семью пожалей, дурак!» …И насчет долга солдатского: краснеть нам не за что по большому счету.

— Теперь как думаешь: стоило входить в Афганистан, нет? Спорят все.

— Зря влезли с армией. Даже если бы Бог миловал и не рулил событиями Горбачев, а потом Ельцин, и сохранился бы Союз, цвел и рос — все равно зря… Напрасное дело — чужбину наставлять на путь истинный. Легче недруга нажить, чем друга — жизнь показала... О каких только диковинных странах ни хлопотали. А свою необъятную ослабляли и проворонили, в конце концов. На века она думали. Ее надо было беречь, крепить, лелеять — банально звучит да верно.

— С армией зря. А что надо было?

— Что надо?.. Да по-соседски исключительно, тайно помогать симпатичной стороне: советами, оружием, ресурсами кое-какими. Скромненько так помогать. И кто победит, тот победит. С теми и ладить, если не дружить. Мы же это умели… Столько лет ладили с шахами афганскими. Торговали тихо-тихо, объекты хозяйственные строили к выгоде взаимной. Самая спокойная граница была в Союзе. Ты же вырос там, лучше меня знаешь.

Кирилл задумался немного и тотчас заулыбался:

— Конечно спокойная… Помню такой случай. На окраине нашего города был зоопарк — и поныне он живой. Амударья там рукой подать. Сразу от зоопарка в сторону реки шла в несколько рядов ограда из колючей проволоки — отсекала город от приграничной запретной зоны. Для обитателей зоопарка воду подавали из Амударьи по каналу, довольно широкому. На его входе в зоопарк стояла мощная стальная решетка. Но мы проныры — лет по двенадцать-тринадцать было — нашли ходы, пробирались из зоопарка в охраняемую зону и рыбачили на канале. Рыба непуганая, клевала как бешеная: усачи, сазаны, сомята, змееголовы некрупные попадались. С вышки наблюдательной — неподалеку торчала — пограничники нас засекали, как ни старались мы затеряться в камышах. Наблюдали за нами в бинокль. Поначалу мы поглядывали нет-нет в их сторону — вдруг нагрянут, успеть надо дать деру, в зоопарк вернуться — на вольную землю. Но нас не трогали, давали рыбачить. Пока не попались однажды юнцы-погранцы, что покуражиться решили — со скуки. Подкрались двое скрытно, наставили грозно автоматы. Пленили. На заставе, говорят, тревога, нарушение

границы, и вы, если не нарушители, то пособники их. Сейчас вас под арест и раскалывать, пока не очухались. Бежать вздумаете — огонь на поражение. Мы им: «Не первый раз здесь рыбачим, свои, местные. Хорош пугать». А они: «Рыбалку придумали ваши хозяева для отвода глаз. Решили прикрыться рыбалкой и пробраться скрытно в город, диверсию совершить в стране Советов. Почем продались плохиши?!» И, главное, сыграли так здорово, что купились мы, перетрухали не на шутку. Артисты эти не удержались, принялись ржать. Еще и порыбачили вместе. Такое приключение вышло… Спокойная была граница, неприметная… Была-то была, да смута пришла. А если бы американцы вместо нас в Афгане оказались? На нашей южной границе? С военными базами, ракетами?

— Это вряд ли… Во-первых, далеко. Афганистан далеко от Америки, от Афганистана далеко до наших центров силы — накладно там обустраиваться всерьез и резона нет стратегического… Во-вторых, американцы командовать горазды, корысть свою не скрывают, гонора навалом. Афганцы этого не любят. Не ладить им, не дружить тем паче… Оказались вот янки в Афгане со своей войной, лет семнадцать уже — и что? Все больше за стенами крепкими хоронятся. Под угрозой нападения беспрерывной. Контролируют с подшефным правительством кусочки страны. Уйдут, тут же падет оно. Как во Вьетнаме.

— Может и так,— не стал возражать Кирилл и неожиданно переключился.— Но что же было после Афгана?.. Прости за нахальство — больно любопытно.

Степан чуть помолчал, соображая, о чем стоит говорить, о чем нет. Улыбнулся понятливо, снисходительно и стал рассказывать:

— Окончил я свой МИФИ после возвращения — факультет автоматики и электроники. Попал в Курчатовский институт ядерной энергии. Перестройка уже в экономику вкатилась: кооперативы, челночный бум, частные магазины, рестораны, банки, дух коммерции, легких денег повсюду, цены ползут вверх, а зарплаты стоят — помнишь, конечно. Год выдержал в институте. Потом стал искать денежные варианты. По случаю пристроился в частный банк — в управление по эксплуатации и развитию информационной системы. Освоился быстро — МИФИ заслуга. Скоро уже рулил управлением… Банк оказался очень даже прибыльным — влиятельный политик опекал. Без проблем брали деньги у Госбанка Союза ССР под малый процент и под большой кредитовали крупные краткосрочные проекты. Деньги давали только солидным, проверенным заемщикам. Отсюда главный навар. Ума большого не надо, риск ничтожный. Депозитов, счетов предприятий было у нас с гулькин нос — так, для виду. Оклад шикарный плюс премии квартальные, годовая премия в десять окладов и никакого напряга. Женился долго не думая. Новый мерс, квартиру купил и много еще чего. Экономисток хорошеньких к себе в управление набрал. Пошло-поехало — пир горой. Как говорится, я не могу не тратить — есть доход, из года в год «хочу» мое растет.

Размышлял не раз: могло быть по-другому, нет? Всякий раз приходил к выводу: не могло. Не в банк, на другое доходное место ушел бы… Не знаю, как у тебя, а у меня железная была уверенность, что эта вольница суетливая быстро сойдет на нет. Так же стремительно, как возникла. Не сама сойдет — ясно. Погасят ее, прикроют, как НЭП* когда-то… Не хотел момент упускать.

Тут ГКЧП**, провал его скорый, Союз на грани краха. Отец в то время уже в отставку вышел, но по гражданке работал с Ахромеевым***. После самоубийства маршала, крушения Союза в депрессию впал кромешную. Высох весь, ослаб. Кое-как из комнаты в комнату передвигался. Все стволы из квартиры вымели. Еле уберегли его тогда… Помню, шумел иной раз: «Не успели поставить Варенникова**** вместо Язова*****. С ним и Ахромеевым армия спасла бы Союз». А я, дрянь бессердечная, ему: «Какая армия, батя! Что было после Баку, Тбилиси, Вильнюса? После этих акций по принуждению к порядку? Все жертвы немногие на армию повесили. А Верховный отмолчался трусливо: я не я, армия не моя. СМИ ошалевшие ее в кровавого монстра превратили. И сдулась твоя армия. Глянуть хмуро боялась в сторону бунтовщиков, не то, что силу применить».

Что дальше?.. Цветочки перестроечные отцвели, пошли ягодки — шоковая терапия. Тотальная рыночнизация, ценовая либерализация, гиперинфляция, приватизация, производство валится, заводы встают, бюджет худой, государство драпает из здравоохранения, образования, системы правопорядка, армии и оборонки, культуры — отовсюду. Бандиты наступают, штурмуют предприятия, идут во власть, разборки, перестрелки. Безработица, нищета, смертность прут вверх. Народ ошарашен, в толк не возьмет, почему такое, не за то ратовал, хотел обновленного социализма или чего-то вроде скандинавского капитализма, где рыночная экономика есть, а бедных нет, и на тебе! …Я рассказываю, словно ты за бугром где был, мимо тебя это прошло. Или был?

— Здесь я был, здесь,— усмехнулся Кирилл.

---

* НЭП – новая экономическая политика, проводившаяся советским государством в 1920-ые годы.

** ГКЧП — Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР.

***Ахромеев Сергей Федорович — маршал Советского Союза, начальник Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР в 1984—1988 гг., советник М. С. Горбачева по военным делам с 1988 г. Из-за разногласий с Горбачевым подал в отставку в 1991 г., но тот медлил, не принимал решения. Ахромеев поддержал ГКЧП.

**** Варенников Валентин Иванович – генерал армии, Главнокомандующий Сухопутными войсками — заместитель Министра обороны СССР в 1989—1991 гг. Поддержал ГКЧП.

*****Язов Дмитрий Тимофеевич — маршал Советского Союза, Министр обороны СССР в 1987—1991 гг., член ГКЧП.

— Но, ты знаешь,— продолжил «афганец»,— меня все эти напасти несколько лет вовсе не занимали. Банк мой перешел «под крышу» ельцинского сподвижника, жил прежним макаром, бандиты не трогали, разжирел еще больше, меня не забывал поощрять. И продолжал я пировать-жуировать.

— А что случилось через несколько лет? — не удержался Кирилл.

— Батя! — грохнул кулаком о подлокотник кресла Степан.— Он встряхнул, растолкал… Дорогой ценой…

Общались мы редко с тех пор, как я перебрался на свою квартиру. Образовался явный холодок между нами и шел он изначально от отца. Когда я заезжал изредка — повидаться, денег подкинуть,— больше с матерью беседовал. И деньги мать тайком брала от бати — против был… Жил он в общем тихо, размеренно, по-пенсионерски. Но встречался частенько с бывшими сослуживцами и советскими управленцами отставными (в доме их немало жило). Громили политику властей: и внутреннюю, и внешнюю — мать рассказывала.

В один из моих приездов он, к моему изумлению, позвал к себе в комнату — побалакаем, говорит. Побалакали. В своем стиле он «взял быка за рога». Гляжу, говорит, на тебя, жизнь твою веселую, привольную и любопытно мне, долго еще будешь обслуживать новых буржуев, в холуях ходить? Ты, кавалер ордена Красной Звезды!

Смешался я от неожиданности, обиды. Отнекиваться стал: не прав ты, батя, ни у кого в холуях не хожу, наемный я работник, сложным направлением в банке рулю, неплохо получается, потому ценят, платят хорошо.

А он своим громовым гласом: «Ты матери лапшу вешай. Доят госказну хозяева твои, спекулируют народными деньгами и тебя используют в своих аферах. За пособничество и лояльность тебе платят хорошо! Ты не видишь, что у нас в стране идет форменный грабеж?! Государством организованный грабеж!»

Вижу, заводится он, краснеет — наверняка от давления. Пытаюсь отшутиться. Экспроприация, говорю,— наша традиция, революционная.

А он: «Дурень, после октября 1917 перераспределялись материальные ценности от явного меньшинства к большинству народа. К большинству, которое и создавало эти ценности на протяжении веков. А теперь плоды трудов большинства уходят к явному меньшинству. Какой-то сотне тысяч ловкачей, близких к шокотерапевтам кремлевским и местным. Под флагом рыночных реформ и возврата на столбовой путь развития. При активной поддержке Запада во главе с американцами. Он и подсунул сумасбродному, недалекому Кремлю разорительную шоковую терапию. Потому что это путь гарантированного, крайнего ослабления России. То Западу и нужно: истощить, взять под контроль главного конкурента. То и выходит: мы чахнем, вязнем в зависимости от Запада. Повезло ему крупно два раза кряду. Первый раз с Горбачевым, теперь вот с Ельциным… Ты представляешь, какой дичайший проект осуществляется в стране, если в результате каждый год небывало падает национальный доход и притом резво растет его доля, достающаяся сотне тысяч ловкачей. Низость несусветная: для создания российских миллионеров и миллиардеров долларовых средства отбираются у школ и учителей, важных технических систем и инженеров, науки и ученых, армии и военных, пенсионеров, детей… Как это могло произойти?! Уму непостижимо!»

Отец тяжело дышал, но был я раздражен его оскорбительными эпитетами и не утерпел. Устал, говорю, народ от нескончаемого дефицита обычных бытовых вещей, пустых обещаний повышать «благосостояние каждого советского человека». От гордости за танки и ракеты, за музейно-балетную, колбасно-конфетную Москву, за «ведущую роль СССР в мировом коммунистическом движении». От компартийного идеологического маразма устал. От унизительной участи быть запертым в своей стране. От тухлой морали советских властей: вместо того, чтобы сокращать дефицит для всех, они себя любимых избавляли от него через персональные закрытые прилавки. Народ жаждал перемен, реального решения застарелых проблем. И поверил Ельцину, который взялся за них.

Батя перешел на нервный шепот: «Да ты прямо рупор шокотерапевтов махонький. Слово в слово повторяешь их доводы — горстка правды и гора лжи... И что! — загремел он опять.— Все путем идет, не прогадал народ, не обманулся?! Я в отличие от тебя выхожу в люди, знаю настроения трудовых масс. Частушка одна их метко передает — недавно услышал… Вечер. Возвращаемся с соседом на электричке с его дачи — рыбачили на Оке. Кстати, это бывший директор станкостроительного завода; треть станков шла на экспорт, а теперь в цехах торговые ряды. Так вот, по полным вагонам ходит куплетист с баяном — кто сколько подаст. Он и спел ту частушку — легко запоминается:

Боря, Боря, патриот,
За народ пластался.
Дал венец ему народ,
В жопе оказался.

Ни ха-ха тебе в вагоне, ни хи-хи, щедрые горькие аплодисменты».

— Я продолжаю обороняться,— усмехнулся грустно Степан.— Вспомнил афоризм, забыл чей: «Жаждущие перемен приступают к ним, мало задумываясь о последствиях, словно путники, изнывающие от жары и без колебаний бросающиеся к первому встречному источнику воды». Довели, говорю, людей до жажды,

немудрено было им ошибиться.

Отец дернулся раздраженно в кресле. Какая, зашумел, жажда, скажи еще про угрозу голода, которой пугали шокотерапевты, начиная свое черное дело — подлое вранье… А правда в том, продолжил он, немного отдышавшись и понизив голос, что мы не вперед двинулись осторожно, как китайцы к примеру, а бросились сломя голову назад, в прошлое, теряя массу полезного, потом и кровью оплаченного. В мир шарахнулись, где малость богатых и тьма бедных, где правят богатые в интересах богатых. Народ это кажется понял. Ты уж точно, прикидываешься только… Понял-то народ, понял, а терпеть будет долго, как водится.

На том мы и расстались. А рано утром звонит мать, плачет: обширный инфаркт у отца. К вечеру умер батя в реанимации. Я помог — факт…

«Афганец» умолк, прикрыл глаза. Молчал задумчиво и Кирилл, боясь ляпнуть что-либо невпопад.

— Прав был батя,— прервал, наконец, молчание Степан.— И по поводу наших рыночных реформ, последствий их мрачных… И по поводу меня: обслуживал своих банковских нуворишей за хорошее бабло, обирал людей да понимал к тому же, что к чему. А возражал ему с досады, по злобе.

— Не сгущаешь краски? — встрял Кирилл.— С работой повезло — да. Но платили тебе хорошо все же за квалификацию, умение головой работать, управлять. Как ты обирал? Кого?

— Не сгущаю. Давай возьмем, скажем, главного врача больницы или университетского профессора, полковника генштаба или главного инженера электростанции. С квалификацией, умением головой работать и управлять у них порядок. Только заработок был раз в десять-двадцать меньше моего. Еле ведь сводили концы с концами. А я понимал, что им явно недоплачивают, мне явно переплачивают, и чтобы мне переплатить, им нужно было недоплатить. Кто так устроил — другой вопрос. Важно, я понимал это и принимал. Значит, обирал их по сути. И не только их. Так-то…

В общем, сошлось все одно к одному: и смерть отца, и его презрение ко мне нескрываемое… и сознание собственной неспособности изменить свою изобильно-разгульную жизнь. Последнее просто приводило в бешенство. На сотрудников бросался по пустякам, с шефом банка поцапался. На жену и дочь рычал: боялись на глаза мне попадаться.

Выручал стадион полузаброшенный, рядом с домом. Бегал там часто по вечерам до дрожи в коленях, до из неможения. Что-то ел потом и отрубался. Назавтра хандра, желчь возвращались. Зато высыпался и бухал меньше…

Да-а, стадион мой, стадион. Он и поправил мне жизнь.

— Как это? — спросил Кирилл с предчувствием нового поворота.

— Однажды, когда я бегал, занесло на стадион парня лет восемнадцати — на мопеде. Рослый такой, акселерат. Дал один круг — понравилось. Продолжает кататься. Народу на беговых дорожках немного: пара мамочек молоденьких с колясками, несколько пенсионеров гуляли, тройка бегунов, помимо меня. Люди отдыхают, физкультурой занимаются, а он чадит, тарахтит вовсю, малышей пугает. Нашел место! Начинаю закипать. Сейчас, думаю, доедешь до меня, направлю мигом отсюда. Опередил дедок-пенсионер: преградил парню дорогу, выговаривает. Тот бесцеремонно отстраняет дедка рукой — не мешай, мол, старче. Но ветеран упорный, встает на пути. Детина этот невозмутимо слезает с мопеда и бьет старика кулаком в лицо. Тот грохнулся ничком, еле шевелится. Я бегу навстречу и все это вижу. Рванул вперед, врезал пару раз что было сил. Соображать толком начинаю, когда уже вижу парня лежащим без движения: голова на бетонном бордюре, кровь на ней. Беда. Пульс проверил — живой. Вызвали скорую. Медики парня привели в чувство кое-как, забрали в больницу. Менты — вслед за скорой появились — опросили свидетелей, повезли меня в отделение. Дедок тот стойкий все повторял: «Не беспокойтесь, товарищ, где надо я скажу, что он первый напал, а вы за меня вступились». В общем завертелось дело.

— Ну и ну,— покачал головой Кирилл.— Трагичный случай. А как парень?

— Сотрясение мозга у него было и гематома, оперировали. Где-то месяц лежал в больнице, оклемался. А еще до его выписки меня осудили по статье 112 УК: три года колонии-поселения.

— Ни хрена себе! — возмутился Кирилл.— У тебя же аффект был натуральный. Учесть должны были. И что ветеран афганской кампании.

— Аффекта моего свидетели не приметили, даже дедок тот. Я не настаивал… А Афган учли: обвинение упирало на жестокость «афганцев».

— Апелляцию подавали? Можно было на условный срок выйти или вовсе без наказания обойтись, если договориться с потерпевшим.

— Не хотел я апелляции, не хотел договариваться, ничего не хотел…

— Недалеко от Москвы отбывал?

— Просил куда подальше. Оказался в глуши Вологодской области.

— И как там?

— В колонии все почти были первоходы, за незначительные преступления. Отморозки мне не попадались. Жили в стареньких двухэтажных общагах, по четыре-пять человек в комнате. Обычно в будние дни, иногда и в выходные — кто на сельхозработах, кто плотничать по-простому: ящики, штакетники всякие делали, табуретки…

Первый месяц помучился, конечно, пока привык к режиму, стряпне пресной, к соседям по комнате притерся. Овощей и фруктов почти не давали. Караул! Я ж фруктово-овощная душа. Не успокоился, пока не

сыскал к ним дорожку…

А вообще повезло мне — попал в подмастерье к столяру-краснодеревщику. Резьбе незатейливой обучился. Страсть как это дело понравилось. Скоро уже сам мастерил стулья с резными спинками для поселковой администрации, офицеров колонии, охранников. Придумывал узоры, вставки из можжевельника — чудный дух дают. Акции мои вверх пошли. Запросто стали отпускать в поселок: в библиотеку, магазин продуктовый, прошвырнуться так просто на воле… Какие там места, Кирилл! Лес вокруг дремучий, никаких вырубок близко. Воздух чистейший, ароматами лесными сдобренный. Особенно зимой сказка, когда гнус не донимает…

Неподалеку от нас был монастырь мужской. Эконом монастырский прознал про мои художества и поступил заказ. В трапезную сделал скамьи с резными ножками, потом наличники для монастырских построек, еще кое-чего. Долго нет заказа из монастыря, сам его сочиню и подкину эконому. Так и мастырил что-нибудь монахам пока срок мотал. Тянуло в монастырь… Покойно там было, душевно… Тогда же стал вчитываться в Евангелия; прежде по верхам отдельные куски пробегал…

— И что? — понимающе улыбнулся Кирилл.

— Ты знаешь,— заволновался вдруг Степан,— обнаружил исключительную актуальность ключевых Христовых заветов: не стремиться к богатству, росту материального благосостояния, довольствоваться малым, самым необходимым. Как же образно Он припечатал обогащение материальное!

— Прямо-таки припечатал.

— Именно. Жестко и недвусмысленно. «Удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Небесное». Эти слова Христа о чем? Не о том ли, что путь к материальному богатству и обладание им усеяны неисчислимыми искушениями, перед массой которых невозможно устоять, что обогащение тянет за собой букет греховный: гордыню, жадность, криминал всякий, блуд и распутство, праздность, прочее. Недосуг над прегрешениями поразмыслить, о покаянии подумать или вовсе потребности в этом нет… Вероятность попадания богатого в рай близка к нулю — вот что утверждал Иисус Христос! И еще от Христа: «Не собирайте себе сокровищ на земле… ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Это вообще слова твердого материалиста, все равно как сказать «бытие определяет сознание». И точно, если человек обладает материальным богатством, занят его накоплением, то думы, заботы, переживания сосредоточены на сбережении, преумножении, рачительном использовании своего состояния, нет места высоким чувствам либо мало его совсем для них. Будь он хоть самым примерным внешне христианином, а сердце его с богатством.

— А если богатый живет с семьей очень скромно, все свои свободные средства расходует на нуждающихся, что и он не достоин рая?

— За такого я проголосую, если понадобится,— ухмыльнулся Степан.— Только назови хотя бы одного.

— …Не припомню,— замялся Кирилл.— Как-то не интересовался этим.

— То-то и оно. Если и есть подобные, такая они редкость…

— Но почему ты решил, что заветы эти прямо-таки исключительно актуальны? — скептически спросил Кирилл.— Всегда они были важны для христиан настоящих и мыслящих нехристиан. И во времена, когда Иисус Христос проповедовал, и тысячу лет назад, и теперь. И завтра будут.

— Да потому, что теперь глобальное значение материального обогащения совсем не то, что в прошлые времена. Прежде счет богатых на Земле шел на тысячи. Сегодня они исчисляются не одним десятком миллионов и на пятки им наступает еще сотня-другая миллионов с солидным материальным благосостоянием. Это авангард высокого потребления, о котором мечтают все почти остальные, которое пропагандируют богатые настойчиво и изобретательно: им нужен рост продаж у их компаний, преумножение богатства. И они наращивают объемы производства. В итоге имеем колоссальные, беспрерывно растущие отходы производства и потребления, загаженную донельзя Землю: сушу, воды, воздух. Многие серьезные эксперты давно уже предсказывают скорое катастрофическое будущее… Земля долго выдерживала тысячи, но не выдержит десятки миллионов обжор.

— Итак, культура материального обогащения — главная на сегодня беда человечества, способная его погубить?

— Да! И Христос предвидел губительную ее сущность задолго до пришествия капитализма, когда богатство стало доступно многим, задолго до ее сегодняшнего триумфа, когда она победно шагает по планете, утопающей в человеческих отходах… И только большевики смогли поставить ее вне закона, загнать в подполье, подобно тому как потеряв терпение Иисус бичом изгнал торговцев и менял из храма. Советские люди были изолированы от возможности обогащения, как монахи от мирских соблазнов. Большевики добивались социальной справедливости и притушили заодно этот рассадник грехов… большое богоугодное дело сотворили. Эти атеисты оказались воинами Христовыми! А советский проект доказал, что избавленные от возможности обогащения люди более счастливы, открыты высокому, способны многого достичь во всех сферах жизни и без тысячелетнего мотиватора человеческой активности.

— По Христу, у богатого все шансы загреметь в ад, а духовенство открыто благоволит к богатым. Как тебе такое?

— Церковь живет на пожертвования… Надо сказать, спрашивал я об этом в монастыре самого игуме-

на, в осторожной очень форме.

— И что он?

— Напомнил, как фарисеи упрекали Иисуса Христа, что ест и пьет с мытарями и грешниками, а Он сказал: «…Не здоровые имеют нужду во враче, но больные… Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию».

— Не сообщил монахам, что большевики — воины Христовы? — озорно поинтересовался Кирилл.

— Предложил одному подумать над этим; бывало, беседовали с ним по душам. Он сказал «не богохульствуй»… Немногословные они. Я думал, на севере монахи такие. А они и в моем монастыре под Владимиром скупы на слова.

— Что значит, в моем? — опешил Кирилл.

— Лет двадцать уже провожу в этом монастыре два-три летних месяца, иногда сентябрь прихватываю. Трудовым паломником. По своему вологодскому профилю работаю. Туда и еду.

«Афганец» кивнул на багажную полку, где громоздилась его внушительная дорожная сумка:

— Вон инструмент мой столярный.

— А как на жизнь зарабатываешь?

— Фрилансер ваш покорный слуга. Прикладным программированием занимаюсь, когда приличный проект подворачивается, или делаю резные стулья, столы, комоды, тумбочки — это уже на дачке, там мастерская. Иногда удается сочетать.

— И давно так?

— Как освободился из колонии, так в свободном плавании.

— В банк не пытался вернуться?

— Звали, не пошел.

Тут объявили, что поезд прибывает на станцию Владимир.

Кирилл расстроился:

— Ну вот, столько всего не рассказал. Про семью ничего.

Степан улыбнулся сдержанно, встал, стал складывать в сумку книгу, газеты, оправляться:

— Мама жива, слава Богу, жена и дочь рядом. Кстати, дочка отличный стоматолог… Мы с тобой можем встретиться как-нибудь после лета, тем более должок за тобой — история твоя и текст стиха того про брата и меня.

Они обменялись номерами телефонов, попрощались и «афганец» заспешил к выходу.

Наталья ШЕСТАКОВА

г. Брянск

Член ЛитО при Брянском отделении СПР. Публикуется в ряде российских альманахов и сборников. Дипломант международных и российских литературных конкурсов. Автор двух книг стихов. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ИСТОРИЯ ОДНОГО НАГРАЖДЕНИЯ

На стенде в холле нашего областного статуправления появилось объявление о собрании коллектива. Первым вопросом был отчет о работе отдела по статистике цен и финансов, а вот второй — обещал очень приятные вещи: грамоты и материальное поощрение лучших сотрудников. И еще одна маленькая греющая душу деталь: собрание будет проводиться сразу после обеденного перерыва, а не по окончании рабочего дня, чему коллектив статуправления был очень рад.

История эта случилась во времена, когда родная руководящая партия активно внедряла в жизнь свою очередную заморочку: никаких дел в рабочее время, не относящихся к трудовому процессу. Но в этот раз коллективу вышло послабление, потому что была пятница, и директор собирался к друзьям на дачу, а выезжать туда нужно было именно в пятницу. В общем, все складывалось удачно.

Николай Петрович Волченков работал в отделе по статистике населения. Он на секунду задержался возле объявления и одним взглядом охватил текст. Радостная мысль закружилась в голове: «Грамоты! Должны мне сегодня грамоту дать, должны! Начальство ко мне благоволит. Ведь сколько я для него делаю! А к грамоте, глядишь, и конвертик приложат». Волченков был абсолютно уверен, что моральное поощрение, не говоря уже о материальном носителе благодарности, ему непременно обеспечено, потому что несколько дней назад он выполнил конфиденциальную просьбу заместителя директора, на что тот пообещал услуги не забыть.

Николай Петрович работником, что уж греха таить, был посредственным. Он не совсем хорошо понимал суть своих должностных обязанностей, вследствие чего часто совершал ляпы в работе, однако всегда держал себя очень уверенно и выглядел большим знатоком своего дела. К тому же, он находился на хорошем

счету у начальства, потому что в общении с ним всегда выражал глубокую почтительность.

Маленький, толстенький, лысенький, приходя на работу, он незаметно проскальзывал на свое место в отделе, а если не было особой занятости, тихонько заходил в соседние кабинеты, молча пристраивался за последними столами и внимательно вслушивался в бесшабашные и озорные разговоры сотрудников.

Коллектив отдела по статистике населения был давно устоявшимся и, как говорят, устаканившимся. Все хорошо знали друг друга и, когда обсуждали дела насущные, бывало, не всегда стеснялись давать оценку происходящему, правда, потом удивлялись, почему начальство, вызывая к себе для поисков решения нерешаемого вопроса, проявляло эмоции, не совсем соответствующие текущему моменту.

Любил наш герой тусоваться на территории руководства и все время пытался просочиться к директору, но старая мудрая секретарша (старая по паспорту, а не по внешнему виду), пережившая трех начальников и знавшая о деятельности статуправления все и даже больше, его не пускала, ссылаясь на занятость шефа. Этот пробел он компенсировал постоянными посиделками либо у его замов, либо у заведующего отделом, в котором работал, выражая том свой восторг и восхищение и ненавязчиво рассказывая, что творится в кабинетах, какие разговоры ведут между собой коллеги, как оценивают стиль руководства и вообще…

А еще Николай Петрович имел массу полезных знакомств. И для нужных людей с их помощью ему удавалось уладить почти любую проблему. Решать щекотливые вопросы он старался незаметно, так, чтобы об этой стороне его бытия знало как можно меньше народу. Объясняя свое отсутствие на рабочем месте, он прикидывался несчастной жертвой обстоятельств, которой необходимо было находиться в данный момент в суде, поликлинике, районном отделении милиции... А для красного словца не брезговал и художественным вымыслом. Народ у нас сердобольный, жалостливый, глядишь — проникнется к тебе и слабость проявит. А ты этим быстренько воспользуешься.

Однако все тайное, в конце концов, становится явным. Вот одна из многочисленных историй, якобы случившихся с Николаем Петровичем, и ее закономерный финал.

Приходит наш герой утром на работу. Вид у него несчастный-разнесчастный. Протиснется бочком между столов, сядет, насупившись, в дальнем углу и уткнется глазами в столешницу.

— Николай Петрович! — скажет через некоторое время кто-нибудь из коллег.— Случилось что?

Он поерзает-поерзает на стуле, вздохнет тяжело и начинает жаловаться.

— Да, вот… Встретил вчера на улице сына, а он прошел мимо и даже не посмотрел в мою сторону. Вот как жена его против меня настроила!..

Волченков, имеющий двоих взрослых разнополых детей, уже год как развелся с женой.

— Да и сынок хорош! — продолжает трагическим голосом Николай Петрович.— Иван, родства не помнящий.

Коллеги за долгие годы совместной работы, узнав его как облупленного, все же участливо кивают головами: ведь прозвучало это очень убедительно.

— Да, Петрович, что тут сказать-то.

Вызвав всеобщее сочувствие, Николай Петрович через некоторое время потихоньку выходит из кабинета и растворяется в коридорах статуправления.

Спустя несколько минут в отдел врывается вечно опаздывающий Витька Евстафьев.

— Привет, мужики! Меня никто не спрашивал? Начальник не вызывал? Уфф, значит я вовремя. Чего я припозднился-то: вчера в пивбаре с приятелями зависли. Знаете, кого я там встретил? Нашего Петровича! Сидят с сыном в обнимку, воблой по столу синхронно стучат и пивко дуэтом потягивают. Картинка не для слабонервных!

Коллеги переглянутся друг с другом, всхохотнут тихонько и продолжают работу.

* * *

Первая половина рабочего дня показалась Николаю Петровичу чрезвычайно длинной. Он поминутно взглядывал на круглые часы с большими черными цифрами на циферблате, висящие прямо над входной дверью в отдел, мысленно умоляя длинную стрелку двигаться быстрее.

Долго ли, коротко ли — подошло время обеда. Не дожидаясь окончания обеденного перерыва, Николай Петрович поспешил в актовый зал, чтобы занять место в середине первого ряда.

Зал постепенно наполнялся, и вот, наконец, появилось начальство. Как положено, выбрали президиум, и собрание коллектива началось.

С первым вопросом разобрались довольно быстро. Выслушав двадцатиминутный отчет начальника координационного сектора о проделанной работе, все единогласно проголосовали «за», а на предложение председателя собрания задавать вопросы зал ответил дружным молчанием.

— Приступаем ко второму вопросу,— сказал председатель.— Приятную обязанность вручить по итогам отчетного периода заслуженные награды и материальное поощрение лучшим сотрудникам нашей организации я предоставляю нашему уважаемому директору — Сергею Александровичу Бибикову.

— Ну вот,— подумал Николай Петрович, нетерпеливо ерзая в кресле,— сначала будут администрацию три часа награждать, а потом продолжат в алфавитном порядке. Шеф наш любит турусы на колесах разводить, про каждого по полчаса говорить будет. Ну, ничего, потерпим…

И действительно, директор красочно рассказывал о профессиональных достоинствах награждаемых,

по нескольку раз упоминал слова «дорогой», «уважаемый», «бескорыстно», долго тряс руку и еще минуту что-то вполголоса журчал вышедшим за наградами сотрудникам.

Волченков плохо понимал цветистые речи директора. Единственное, на что он реагировал, это фамилия награждаемого.

— … для вручения грамоты приглашаем на сцену Ивана Тихоновича Брусникина.

— Ну, наконец-то! — с замиранием сердца подумал Николай Петрович, когда довольный Брусникин покинул сцену.— Следующий я!

И тут действительно прозвучало его имя.

— Вначале я хочу сказать несколько теплых слов о нашем замечательном сотруднике — нашем дорогом Николае Петровиче,— завибрировал обертонами своего хорошо поставленного баритона директор.

Николай Петрович стал медленно распрямлять позвоночник. Его подбородок начал потихоньку подниматься вверх. Глаза заблистали, на лице появилось горделивое выражение.

— Наш дорогой Николай Петрович не один десяток лет работает в нашей организации и за время своей работы зарекомендовал себя как честный, добросовестный и безотказный работник.

Морщины на лбу Николая Петровича стали разглаживаться, на щеках появился легкий румянец. Со стороны казалось, что он начинает наполняться каким-то специальным газом, как воздушный шарик, и незаметно подниматься в воздух.

Сидевший сбоку на втором ряду и наблюдавший за Волченковым Витька Евстафьев стал тихо толкать локтями коллег, которые с насмешливым выражением на лицах слушали шефа, и кивать головой на Николая Петровича.

— Смотрите, мужики! Наш Петрович сейчас над стулом взлетит от радости! Эх, нет правды на земле, но нет ее и выше.

— Я знаю, что Николай Петрович,— продолжал струиться бархатный баритон директора,— всегда готов прийти на помощь и подставить свое плечо в трудной ситуации — тьфу-тьфу, слава Богу, таковых у нас не было и, надеюсь, не будет. И я приглашаю на сцену Николая Петровича…

Николай Петрович Волченков начал медленно подниматься с места.

— …Гавриленко!

Волченков как-то совершенно упустил из виду, что во втором корпусе статуправления, который находится через квартал от главного здания, работает его тезка — Николай Петрович Гавриленко. Наш герой знал, что в статуправлении работает такой Гавриленко, но потом совершенно о нем забыл, потому что тот не имел нужных возможностей и связей, а посему ничем не мог быть полезен.

Николай Петрович упал назад в кресло. Сидящие сзади и наблюдавшие за происходящим коллеги по отделу стали изо всех сил стискивать губы и закрывать рты ладонями.

Обида жаркой волной окатила Николая Петровича с головы до ног.

— Как же так? Почему? Чем я так не угодил начальству? Ведь за все мои заслуги… Жаловаться! Нужно жаловаться!

Но кому можно пожаловаться на совершенную по отношению к нему несправедливость? Начальству на начальство?

* * *

После собрания Николай Петрович, не сказав никому ни слова, отправился домой. Он чувствовал себя неважно, а потому, поужинав без аппетита, лег в постель, да так и пролежал в ней до вечера воскресенья. В голове, отчего та делалась свинцовой, постоянно вертелась мысль: «Сколько я для них делал! А ведь грамоту не дали. Ну что ж, я им покажу! Они у меня сто раз пожалеют!»

Идея «как им показать» пришла к Волченкову в воскресенье ровно в половине седьмого вечера.

— Не хотите — не надо! У меня в городе много друзей среди начальников в других конторах. Они прекрасно понимают, что я очень нужный для них человек,— рассудил он.

Придя в понедельник на работу, Николай Петрович с гордо поднятой головой отправился в отдел кадров и бросил на стол заявление об уходе.

Новость быстро распространилась по организации.

Его коллеги по отделу с облегчением вздохнули.

Галина СОЛОНОВА

г. Сельцо Брянской области

Родилась 8 марта 1948 г. в д. Добрунь Брянской обл. в учительской семье. После окончания педагогического института работала в системе народного образования на разных должностях. Писать начала в зрелом возрасте. Пишет для взрослых и детей. Член СПР, член МСПМИ. Постоянный автор нашего альманаха.

ОБЕРЕГ

Памяти отца посвящаю

— Настя, не препятствуй сыну. Пусть идет ко мне в партизанский отряд. У нас хоть под каким-то присмотром будет. А то, не ровен час, раз не попал по малолетству в действующую армию, может убежать на фронт,— говорил сестре Федор Николаевич — командир партизанского отряда, который только-только формировался.

Анастасия Николаевна, опершись спиной о стену, скрестивши руки на груди, слушала, вытирая краем фартука то и дело набегавшие слезы.

Страшно было ей отпускать от себя своего Алешеньку, которому недавно исполнилось семнадцать лет. Один — единственный был он у нее, выстраданный и долгожданный. Не сразу Господь наградил их с Василием сыночком — пять долгих лет ждали… В июне сорок первого всех взрослых мужчин призвали в армию. Алеша пришел на призывной пункт вместе с отцом, но его не взяли…

Анастасия тяжело вздохнула и, соглашаясь с братом, покивала головой.

— Так, может, Федя, и я пригожусь в твоем отряде?

— Нет, сестра, ты нужна будешь здесь, в Дрогобуже. И для тебя дело сыщется… Готовь к отправке сына: вечером зайду за ним.

Анастасия Николаевна, постояв немного в раздумье, подошла к старому сундуку, который получила от родителей в качестве приданого, и достала белую, из тонкого льняного полотна сорочку, что любовно шила и вышивала своими руками втайне от сына. Ее она хотела подарить Алеше на восемнадцатилетие. Развернув рубашку на сундуке, аккуратно разгладила руками каждую складочку. Сняла с шеи медный крестик, завернула его в лоскуток, оставшийся от шитья, вложила в нагрудный карман, что слева, и плотно зашила. Рубашку сворачивала медленно, аккуратно, накладывала на нее свои ладони, будто старалась оставить в ней тепло своего сердца. Анастасия Николаевна зашла в спальню, где висела скрытая от посторонних глаз небольшая икона Божией матери. Перед ней она встала на колени, прижала к груди драгоценный сверток и тихо зашептала молитву…

Невысокого роста, худощавый, но жилистый, еще очень похожий на мальчишку, которому охота погонять по полю футбольный мяч, Алеша стоял напротив матери с широко раскрытыми серыми глазами и внимательно слушал ее наставления.

— Сынок, война — это великое горе, которое несет с собой страх, слезы, смерть. Трусом не будь, за чужими спинами не отсиживайся, но и под пули без толку не лезь.— Мать посмотрела в глаза своего сыночка, будто глубоко окунула свой взор в его юную душу, помолчала. Наконец она опять заговорила.— Знаю, ты комсомолец: крест на себя не наденешь. Но ради меня прошу тебя принять вот эту сорочку, в которую я вшила свой медный крестик. Эта сорочка — и есть твой оберег. При необходимости надевай ее или носи всегда с собой…

Открылась входная дверь, на пороге появился Федор Николаевич. Присев на дорожку на самодельные табуреты, с невыразимой печалью, молча, посмотрели друг на друга…

— Пора,— тихо сказал Федор Николаевич.

Женщина долго провожала взглядом дорогих ей людей, крестила, прося силы небесные защитить их от беды и лиха. А вдали уже слышалась артиллерийская вражеская канонада.

В конце июля — начале августа тысяча девятьсот сорок первого года Смоленск был захвачен германскими войсками. В лесах Смоленщины формировались немногочисленные, разрозненные партизанские отряды. В один из таких отрядов и привел Федор Николаевич своего племянника. Немцы еще не подозревали, что партизаны уже присматривали за ними: где, как, что расположено.

Алешу определили в разведгруппу, которой руководил бывший секретарь городского комитета комсомола Сергей. Несколько дней он теоретически прорабатывал с ребятами возможные ситуации в разведке. В начале августа Алексею и Андрею, который был на шесть лет старше, под видом беженцев, отставших от своего поезда, было поручено пробраться на Смоленскую железнодорожную станцию, понаблюдать за прибывающими эшелонами и их охраной.

Собираясь в дорогу, Алеша вынул из своей холщовой котомки сорочку, развернул ее, залюбовался красотой вышитых узоров; представил, как бы он здорово выглядел на молодежной вечеринке и как заворожено на него глядела бы та, чей образ уже поселился в его юном сердце. Жалко было надевать такую красоту

под латаную замызганную косоворотку, но сын помнил наказ матери, посчитав, что нести рубашку в котомке тоже небезопасно.

Подходили к концу третьи сутки, что провели разведчики на станции. С ловкостью профессионального актера при встрече с немецким патрулем Алеше несколько раз пришлось пускать слезы, размазывая их по грязным щекам. Зато все просмотрено, все просчитано, все зафиксировано в памяти. Собираясь покидать станцию, на одном из товарных вагонов, который стоял на запасном пути, он заметил листок с немецким текстом, отпечатанным на машинке. Алеша мгновенно его сорвал и спрятал за пазуху.

Возвращаться в партизанский отряд ребята решили более коротким путем: широким лугом, через который проходила укатанная дорога, мимо небольшого озера. А дальше болотце и … лес. Трава вдоль дороги высокая. Где пригнувшись, где ползком продвигались к озеру. Дело шло к вечеру. Устали, решили передохнуть. Улегшись навзничь, Алеша устремил свой взгляд в голубую бездну, по которой медленно плыли причудливой формы облака. Вспомнились дом, мать, отец, рыбалка всей семьей в самом начале июня на этом самом озере… Над головой зажужжала пчела, влекомая терпким запахом лечебных трав. Вот зверобой — от девяноста девяти болезней, а вот — клевер луговой склонил свою красную головку. Его настой бабушка пила от головной боли…

— Что за бумажку ты сорвал с вагона? — встрепенувшись, неожиданно спросил тихо Андрей.

Алеша сунул руку за пазуху. Он поднес ближе к глазам влажный, пропитанный потом, измятый листок и, употребив все свои познания в немецком языке (не зря учительница Эльза Карловна хвалила его), шепотом, запинаясь, перевел: «Немецкий солдат! Нам стыдно, всему миру стыдно, что умную немецкую нацию обманул, одурачил бандит Гитлер и его бандитская клика. Вас послали убивать чужих матерей и отцов, чужих сестер и братьев, убивать чужих жен, чужих детей! Вас послали разрушать города, жечь деревни. И вы это делаете. Но ведь у вас тоже есть отцы, матери, есть сестры, есть жены и дети. Зачем вы пришли к нам? Что вы здесь забыли? Ведь за моря нашей крови придется отвечать! Это голос разума! Задумайся, немецкий солдат!»

— Федор Николаевич три дня назад говорил, что нужно будет устанавливать связь с большевистским подпольем. Значит, оно уже действует,— едва слышно произнес Андрей.

Неожиданно легкий ветерок донес дым от костра и запах жареного мяса. Едва подняв голову над травой, начали всматриваться в сторону озера. Подползли поближе. Перед глазами открылась совсем мирная картина: между тремя кустами орешника тлел костер, над которым на вертеле красовался недавно освежеванный, увязанный рулетом молодой барашек без головы; два молодых немецких паренька периодически поворачивали барашка, поливали его водой, время от времени подбрасывали под него угольки из второго, рядом тлеющего костерка. Метрах в тридцати на берегу озера в нательных рубашках сидели два немца, по-видимому, начальники; чуть поодаль расположилась охрана из пяти человек.

Нашим разведчикам проползти бы мимо незамеченными, но оторвать глаз от барашка было выше их сил: под ложечкой сосало, припасенный ломоть хлеба был съеден еще вчера вечером. Дерзкая мысль мгновенно пришла в голову обоим. Они притаились и стали выжидать, наслаждаясь будоражащим аппетит запахом…

Минут через пятнадцать закончилась вода. Оба немца взяли котелки и пошли к озеру. Немного повременив, Алеша с Андреем быстро по-пластунски подползли к костру. Стараясь не вставать, перекатились на спину и, подняв руки, сняли барашка с двух врытых в землю кольев, ползком потащили добычу. Едва скрылись за ближайший куст, вернулся молодой немец, почему-то один. Заметив пропажу, растерялся, направился к кустам.

Алеша высунул из-под ветки голову, тихо, но строго по-немецки произнес:

— Штейн! Штиль!

Взгляды молодых людей, почти детей, русского и немца, встретились. Недоумение немецкого паренька сменилось страхом, затем ужасом. Не в силах произнести ни звука он быстро побежал назад к озеру. За это время Андрей успел освободить тушку барашка от металлического шампура, чтобы, распластав добычу, удобнее было вскинуть на спину.

Раздались немецкие крики, автоматная очередь. Барашек на Алешиной спине не казался тяжелым. Андрей бежал следом. Через болото проскочили по кочкам, знакомым только им. Стрельба немецких автоматов стихла. У края леса разведчиков поджидал партизанский патруль. Тяжело раненного Андрея понесли на руках. Алеша был в таком оцепенении, что сразу не могли освободить его руки от шпагата, которым были перевязаны ноги барашка.

Разделывая трофейную тушку, извлекли из ее позвоночника шесть пуль…

— В рубашке ты родился,— говорили Алеше утром,— спас тебя барашек.

Алеша подошел к ручью, разделся, намочил свою сорочку и приложил к спине, где от шеи до пояса алела и саднила полоса в размере вчерашнего барашка.

***

Через всю войну пронес Алеша подаренный матерью оберег. Костлявая смерть ходила за ним по пятам, но не осмеливалась схватить парня.

Летом сорок второго, когда отряд был уже в составе партизанского соединения «Дедушка», партизаны вели жестокие кровопролитные бои, отражая попытки врага ликвидировать их базу; много партизан полегло тогда, а Алеша был всего лишь легко ранен.

Немногим позже регулярные части были пополнены за счет партизан, среди которых был и Алексей. Попав в полковую разведку, он не раз определял точную огневую позицию для дивизионной артиллерии. Однажды командир полка приказал Алексею прибыть для получения награды, да не вручили разведчику его орден: шальной вражеский снаряд угодил прямо в штаб дивизии. Находился от него Алексей всего лишь в пятидесяти метрах.

На волоске от смерти был он и в Болгарии, где в составе разведгруппы оказался в тылу врага. Глубокий вечер. Преследует немецкий патруль. Деваться некуда. «Или пан, или пропал»,— подумал тогда Алексей и постучался в дверь жилого дома.

— Кто? — спросил молодой женский голос.

— Спаси, пани,— прошептал Алексей в замочную скважину.

Запор щелкнул — дверь приоткрылась. Взгляд глаза в глаза, и Алексей перешагнул через порог. Дверь мгновенно была снова заперта. Девушка молча провела случайного гостя в спальню. В дверь постучали. Откинув легкую перину на постели, она кивком приказала Алексею лечь. Стук в дверь повторился более настойчиво. Хозяйка быстро уложила перину на свое место, сняла покрывало, взбила подушку, вынула из головы шпильку, выпуская на плечи русые волосы, сбросила с себя халат и, оказавшись в ночной сорочке, побежала открывать дверь…

Алексей часто вспоминал тот глубокий взор матери и прижатый к груди сверток, что вручила ему, отправляя в партизанский отряд.

Когда закончилась война, Алексею было неполных двадцать два года. Ему предстояло прожить еще тридцать пять лет трудной, но мирной жизни.

Лариса СЕМЕНИЩЕНКОВА

г. Брянск

Родилась 8.11.1949 г. в п. Дубровка Брянской обл. Пишет пьесы, рассказы, сказы, сказки, стихи для детей. Автор пяти книг и ряда статей о брянской литературе. Лауреат всероссийских и международных литературных премий, в том числе всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Член СПР, член МСПМИ, член СП Союзного Государства. Наш постоянный автор.

ЗДРАВСТВУЙ, КАЛИНИНГРАД!

Я ехал в Калининград. На научную конференцию. В общем-то, мог бы эту поездку отложить. Только что вернулся из столицы, где на симпозиуме прочитал свой блестящий доклад по современным проблемам флористики. Там же встретился со светилами этой науки, познакомился с учеными из Европы. Мне бы отдохнуть от суеты, привести в порядок информацию и впечатления, подготовить отчет на кафедре. Но я опять был в дороге вопреки здравому смыслу. Еще и за свой счет.

Мне не спалось. Я вышел в коридор и смотрел на ночные огни за окном… Была важная причина, по которой я не мог не согласиться на эту поездку: моя давняя и тайная мечта совершить морское путешествие, кажется, впервые обрела реальные черты. Самые обычные и в то же время удивительные обстоятельства направляли меня туда, откуда летом должен был отплыть корабль в научную экспедицию по северным морям нашей Родины. От ученых-друзей я узнал, что набирается команда. Я был почти уверен, что мои знания и научные разработки будут очень кстати в предстоящем путешествии. Если удастся вписаться в экспедицию, на что я очень надеялся, наша флористика обогатится такими исследованиями, от которых, может быть, зависит будущее всей планеты… Была и еще причина волнения, что не давала мне уснуть, несмотря на усталость. Моя мысль все время обращалась к фамилии не знакомой мне участницы конференции, доклад которой обозначался так: «Особенности флоры прибрежной полосы Балтийского моря». Дело было не в перекличке наших научных интересов, а именно в фамилии. Она вытащила из моей памяти один эпизод, точнее, один день из далекого детства, который опять же удивительным образом связался с этой поездкой. И теперь, чем ближе Калининград, мне становилось тревожнее и одновременно радостнее. Впрочем, расскажу все по порядку…

Происходило это в конце пятидесятых. Юрий Гагарин еще не полетел в космос, и в нашем поселке телевизоров еще не имелось. Мне было около семи лет, я готовился к школе.

Год назад умер мой отец и мама двадцати семи лет осталась вдовой. Горе ее подкосило, она тяжело болела. Я помню, как, придя с работы, она хлопотала по хозяйству с привязанной к спине грелкой и тихо напевала песни, будто они — главное лекарство в нашем доме. Большую часть времени я предоставлен самому

себе. Но никогда не скучал, потому что, как и другие ребята, я увлекался собиранием спичечных этикеток, стрелял из лука, вырезал из бумаги человечков, рисовал в альбоме военные сражения, строил шалаш в саду из старых веток, и еще я с упоением читал книги, в которых находил и друзей, и интересные мысли, и новые впечатления. У меня был друг Вовка, который учился в мамином классе.

Самое любимое занятие для меня — наша с мамой математика. Уже поздно вечером, когда мама складывала в сумку пачки проверенных тетрадей и учебники, мы садились с нею рядом на наш старый диван или, если это было зимой, забирались на теплую печку и раскрывали толстую тетрадь, страницы которой исписаны столбиками цифр, знаками сложения и вычитания. Простыми арифметическими действиями обозначались наши жизненные проблемы и планы на будущее.

Сначала мы считали, сколько дней осталось до маминой зарплаты. Потом — сколько денег нам нужно, чтобы дожить до этого дня. Мы вместе придумывали, на чем можно сэкономить, чтобы не занимать у соседки. Надо сказать, что иногда нам это, действительно, удавалось. Просчитывались неизбежные расходы. Для нашей жизни обязательно нужны соль, мука, хлеб, крупа и, конечно, сахар. Еще дрова, чтобы зимой топить печку, керосин для керогаза… Вдруг оказывалось, что мои летние башмаки совсем разбились и нужна новая обувь… Но все же маме удавалось высчитать остаток, который потом превращался в мои любимые конфеты «подушечки», билеты в кино, новый альбом для рисования, раскраску или карандаши. Из этого остатка, как правило, ничего не превращалось во что-нибудь для мамы. Все всегда для меня. Правда, то, чего она очень хотела, нельзя купить за деньги. Например, чтобы ученики в ее классе были самые лучшие. Для этого она занималась с ними после уроков, учила их хорошо читать и писать, еще и сочинять стихи, петь песни; они выпускали стенгазеты, делали разные поделки из бумаги и пластилина, новогодние костюмы. Украшали к праздникам класс, ухаживали за цветочной клумбой… Октябрятские «звездочки» соревновались, кто сделает больше хороших дел. В школе всегда происходило много важных и интересных событий. Мне кажется, именно поэтому мама постепенно выздоравливала. Ей, конечно, тоже хотелось что-нибудь купить для себя, например, новое платье или пальто с красивым воротником. Однако эти покупки откладывались на неопределенный срок, потому что я рос, вопреки всему, очень быстро, а перешивать старую одежду бесконечно невозможно.

Мы обычно закрывали тетрадку с мечтой о том, как, может быть, со следующей зарплаты начнем откладывать понемногу на покупку нового радиоприемника, потому что старый хрипел, а я любил слушать разные передачи. В общем, опять для меня.

В тот день, который я вспоминаю, стояла осень. С утра лил холодный дождь, на улице разрастались лужи. Я сидел дома, потому что новые сапоги мне не купили. До маминой зарплаты оставалась еще целая неделя. Во двор я выходил в огромных отцовских литых сапогах. Это — едва ли не самая ценная вещь в нашем доме. Пошагав по лужам, я опять забирался на диван, чтобы почитать книжку. У мамы было хорошее настроение. Она готовила еду и по своей привычке напевала, но совсем не грустную мелодию, и я знал, почему. Мамин класс лучше всех написал контрольный диктант, и даже отстающий Вовка получил твердую четверку. Я терпеливо ждал, когда мама меня позовет обедать, и листал свою любимую книжку.

Книжка была большая, старая, неизвестно откуда появившаяся в нашем доме. В ней рассказывалось о морских путешествиях, дальних плаваниях, о смелых людях, кораблях, открытиях и загадочных исчезновениях экспедиций. Я в тысячный раз всматривался в лица мужественных героев; их имена говорили мне о какой-то необыкновенно интересной, заманчивой жизни: Колумб, Магеллан, Беринг, Дежнев, Крузенштерн, Лисянский, Беллинсгаузен, Лазарев, Невельский… Названия кораблей манили в неизведанные просторы планеты: «Санта-Мария», «Виктория», «Надежда», «Восток», «Новая Земля»… Мне нравилось представлять себя на капитанском мостике за штурвалом большого корабля. Я отдавал команды «Лево руля!», «Право руля!», «Полный вперед!» Наша бедная комната в моем воображении становилась просторной палубой корабля, который плывет, рассекая огромные волны. Дождь на улице казался штормом, окна — иллюминаторами, и я следил, чтобы мы не налетели на скалу или айсберг и благополучно прошли узкий коридор пролива… Я выучил все знаки морских отличий, а по рисункам — азбуку Морзе. Я спасал команды терпящих бедствие кораблей, высаживался на льдины в холодных северных морях… В общем, представлял себя героем, имя которого непременно должно узнать все человечество. Воображение уносило меня далеко-далеко, но в действительности еще никто на свете, даже мама, не знали, куда держит курс мой корабль…

В шуме волн послышался скрип входной двери, и я отчетливо различил, как вскрикнула мама. Что-то случилось. Я слетел с дивана, выскочил в прихожую и остановился с разбега, как будто мне отдали команду «Полный назад!» Медленно отступил и прилип к стене. В нашей маленькой полутемной комнате, в которой умещался обеденный стол, деревянная скамейка и один стул, стоял капитан дальнего плавания. Я это понял сразу, потому что мужчина был в форме морского офицера, как на картинке из моей книжки. В наш дом вкатилось солнце, а меня накрыло холодной волной. Видимо, я был похож на истукана с вытаращенными глазами. Мой вид, конечно, не располагал к общению, потому что гость, взглянув на меня, как-то быстро отвернулся. Мама вытирала руки о мокрый фартук и что-то говорила. До меня стали доходить ее слова, из которых я понял, что к нам приехал Сергей Иванович, лучший друг детства и юности моего отца. Из Калининграда. Он, действительно, капитан дальнего плавания. Мамин голос приводил меня в чувство, стена немного отпускала, и я, кажется, пошевелился. Покоритель морей и океанов опять коротко взглянул на меня. В его глазах весело плескалось море и играло солнечным светом. Он открыл свой чемодан, что лежал на лавке, и

стал выкладывать на стол то, что, в моем представлении, могло быть только на сказочных самобранках: большие оранжевые апельсины, две пачки печенья, конфеты в красивой коробке, на которой был нарисован корабль с белыми парусами, а еще большой кусок колбасы и желтый с дырочками сыр… На столе появились две банки с какими-то консервами и бутылка вина. Я вдруг засомневался в реальности происходящего. Перевел взгляд на маму. Она стояла, держась за свой фартук, и молча смотрела на все это. Капитан обернулся к ней и весело сказал: «Угощайтесь». Мама как будто очнулась, захлопотала у керогаза, а наш гость стал рассказывать о себе. Оказывается, он только что вернулся из долгого трудного плавания, ничего не знал о смерти моего отца, а когда узнал, то сразу же поспешил к нам. Он говорил тихо, немножко неспокойно, а мне хотелось побольше узнать про плаванье, дальние страны, корабль, на котором он ходил в море, и я отодвигался от стены. Сергей Иванович заметил это и сказал, что привез фотографии из последнего своего путешествия. Он подвинулся на скамье, как бы приглашая меня сесть рядом. Я молча подошел. В руках капитана была пачка фотографий, и на первой я увидел мой корабль. Он сразу выделялся среди других в порту: огромный, красивый, и у него было самое прекрасное имя — «Мечта». Капитан протянул фотографию мне и сказал, что если бы мы с мамой приехали к нему в гости, то он обязательно привел бы меня на этот корабль, и мы постояли бы на капитанском мостике, а я подержал бы в руках штурвал.

Мечта и реальность вдруг фантастически соединились для меня в одном месте и времени; я совсем растерялся, поэтому глупо и неприлично молчал. Однако наш гость и не спрашивал ничего. Он показывал льдину, на которой мореплаватели ставили палатки и складывали грузы. Белых медведей, которые совсем не боялись людей; фотографии смелых ученых, работающих в суровых условиях северной широты на далеком острове Шпицберген… Фотографии из рук капитана переходили в мои и обратно, и я уже совсем убедился, что все происходящее в нашей комнате — правда и что-то едва уловимо уже меняется в нашей жизни. Моя душа затрепетала от радости предчувствия этих перемен…

Мама кстати отослала меня за луком и морковкой. Я с готовностью бросился в сад. Тащил из грядки овощи, потом присел на мокрую траву и смотрел в небо. Дождь кончился, но тучи шли низко, тяжело… Меня не звали. Я чувствовал: что-то очень важное должно сейчас решиться без меня. Вдруг вспомнил, как однажды мама рассказывала соседке, что у папы был лучший друг, они оба мечтали о море, но отец остался с нами, а друг далеко уехал… Эта история меня тогда особенно не интересовала, но сейчас я чувствовал, что появление Сергея Ивановича имеет какой-то особенный смысл для нашей дальнейшей жизни… Когда послышался зов, на всех парусах я устремился к манящему тайной нашему будущему.

Меня опять окатило волной. Я понял сразу, что важное решилось. И это было что-то нерадостное для всех нас. Капитан стоял посередине прихожей и держал в руках свою фуражку. На лице мамы отражалось сильное волнение; она сказала не очень знакомым голосом: «Сергей Иванович уезжает, ему нужно успеть на поезд». Друг моего отца посмотрел на меня так, как будто его корабль шел ко дну. В его потемневших глазах клубились тяжелые дождевые облака. Моя душа пришла в смятение, и я опять превратился в истукана. Сергей Иванович произнес тихо, как будто извиняясь передо мной: «Приезжайте ко мне в гости, это не так далеко, как кажется». Мама ничего не ответила, но по ее взгляду мне стало совершенно ясно, что мы никогда не поедем в Калининград, который, пока я сидел на грядке в саду, успел стать городом моей мечты. Капитан, наверное, почувствовал: больше всего я не хочу, чтобы он от нас уплывал. Потому что достал из кармана фотографию своего корабля, протянул ее мне и сказал: «Расти. Если очень захочешь, тоже станешь капитаном». И положил свою ладонь на мои вихры. Мне хотелось схватить его руку, прижаться к ней и никуда не отпускать, но он уже шел к двери, мама выходила его провожать, и солнце катилось за синее море, а в нашем доме становилось темно и пусто. Я подошел к окну и смотрел сквозь прозрачную занавеску, как у калитки мама и капитан еще о чем-то говорили, потом она махнула рукой на прощание, и он зашагал от нашего дома, не оглядываясь, быстрым и решительным шагом. «Мечта» уплывала от нашей пристани и вот уже исчезла за поворотом, оставив после себя плещущий звук моей тающей надежды и внезапное чувство вины перед нашим гостем. Ведь почему-то он не сел с нами за стол. Так поступают те, кого обидели.

На столе одиноко стояла открытая бутылка вина, в рюмках застыло не выпитое вино, в вазе красовались апельсины; тарелку украшала нарезанная колбаса, из открытой консервной банки показывались хвостики золотистых рыбок, в хлебнице было много ломтиков свежего хлеба и, конечно, посередине стола — яичница с кусочками сала на сковороде, а в сахарнице — белый сахар. «Королевский обед». Но есть совсем расхотелось…

Мне кажется, что именно в тот день я навсегда разучился плакать, потому что, наверное, выплакал тогда все свои главные слезы. Мама не приходила, а я сидел на диване и молча переживал то, что случилось: что капитан не стал обедать вместе с нами; что я не успел рассказать ему ничего из того, что хотел, и он никогда-никогда уже не узнает о моей мечте; что мама опять будет ходить на свою работу, проверять детские тетрадки, а вечерами мы будем считать, сколько денег нам останется из маминой зарплаты на то, чтобы мы могли жить дальше. И я никогда не постою на капитанском мостике корабля «Мечта»… Слезы текли по моим щекам настоящими ручьями, и я их перестал вытирать. Обида накатывала соленой волной. Почему мама не посоветовалась со мной, а решила все сама? Ведь она любила меня больше всего на свете, она знала, как хочу я стать морским путешественником! И капитан не уходил бы от нас насовсем… Я упрекал капитана. Почему он не убеждал маму, а уехал сразу, даже не поговорив со мной?.. Когда слез не стало, я все еще сидел неподвижно, уставившись взглядом в стенку напротив. Наконец, различил портрет моего отца. Он, как

всегда, весело смотрел мне прямо в глаза, как будто ничего и не случилось, а все у нас хорошо. Мне стало еще обиднее. Почему он так рано умер, зачем не стал знаменитым мореплавателем, хотя поступил в мореходное училище; почему стал обыкновенным учителем и проверял тетрадки, как мама, а не путешествовал, как его лучший друг, на прекрасных кораблях в дальних морях. И не было бы тогда у нас с мамой таких тетрадок, а была бы прекрасная жизнь, и мечта не укатывалась бы солнцем из нашего дома…

Пришла соседка. Они с мамой разговаривали в прихожей, а я слышал обрывки их разговора. Соседка говорила, что Сергей Иванович — прекрасный человек, и, если бы мама решилась, мы бы могли жить «без горя», потому что «капитаны получают много денег», у них есть все, что нужно для счастливой жизни, и мама жила бы в Калининграде, как королева, а не билась бы здесь одна, «как рыба об лед». Мама как будто соглашалась с ее словами, больше молчала, и мое сердце опять затрепетало в каком-то ожидании. Но она как-то грустно, но твердо сказала: «Ничего. Как-нибудь проживем».

В этот день впервые мы не открыли нашу тетрадку. К вечеру совсем распогодилось. За горизонт спускалось золотое солнце, на небе не было ни одной тучки, а к ночи высыпались ясные звезды и подул совсем теплый ветер. Мы сидели на скамейке у дома, и мама рассказывала мне об отце.

Она вспоминала, как отец поступил в мореходное училище, но началась война, и он остался в своей деревне, чтобы помогать партизанам, побеждать врагов. Как воевал на фронте, получил медаль за смелость и отвагу, был ранен в бою. В двадцать лет стал председателем колхоза в своем селе, потому что почти все остальные мужчины не пришли с фронта. Как после Великой Победы он учился вместе с мамой в институте, потому что в нашей деревне и во всей округе не было учителей, а дети хотели учиться в школе. Потом вместе с мамой они строили свой дом в нашем поселке, и этот дом, как красивый и надежный корабль, отправился в самое интересное плаванье под названием жизнь. Мой отец никогда не унывал; веселый и умный, он был настоящим капитаном. У нас всегда собирались друзья, и я сам помнил, что на палубе нашего корабля было весело и интересно. Отец умел играть на гармошке и пел морские песни… Может быть, поэтому я стал мечтать о море?..

Мы сидели на скамейке долго, говорили о разном и все о чем-то очень хорошем. Наша кошка притихла у мамы на коленях и как будто прислушивалась к разговору. Я понял, почему мама не захотела уезжать в прекрасный город Калининград. И обижаться на нее за это было нельзя.

Потом я еще долго не мог уснуть и думал совсем по-детски, но, в общем-то, правильно. А если бы мы уехали в Калининград, куда бы мы дели наш любимый портрет отца? Это было бы неправильно снять его со стены, потому что, когда мы садились с мамой на наш диван, чтобы мечтать, мама всегда смотрела на отца, как бы советуясь с ним, я это замечал. И вообще, если бы мы уехали из нашего дома, то кто в нем тогда бы жил, кто собирал бы яблоки в нашем саду? А кто кормил бы нашу кошку?.. Я успокаивался, потому что убеждался: может быть, это даже лучше, что мама не хочет жить, как королева. Все ребята на нашей улице тоже мечтают, не один я. И мамины ученики мечтают. Например, Вовка хочет стать летчиком. Мама у него уборщица в школе и совсем не похожа на королеву… Отца у него нет тоже. А Вовка — самый веселый из маминого класса. Вчера сделал самолетики из бумаги и пускал их на переменке, а один самолетик опустился прямо на шляпу директора… И всегда с Вовкой случались какие-нибудь истории, но он не унывал, занимался спортом и разбирал с мамой трудные задачки, чтобы понимать, как устроены настоящие самолеты. У него не было никаких знакомых в больших городах, но он твердо решил, что когда вырастет, обязательно найдет то место, где учат на летчиков. А меня захватила глупость. Если бы мы оказались в Калининграде, разве это значит, что я уже стал капитаном? Разве не стыдно так думать? Потом приходили новые мысли: если бы мы уехали в далекий город, кому Вовка рассказывал бы о своих самолетах? Кто учил бы его лучше, чем моя мама? Недавно он просидел у нас целый вечер, пока не понял, сколько молока дает одна корова за целый год. А потом сам придумал задачку про то, сколько людей доставит пассажирский лайнер за один год туда и обратно, и за это получил пятерку…

Мысли про Вовку хорошо успокаивали шторм моих чувств, и, когда утром мама позвала меня завтракать, от этого шторма еще оставались следы, но сквозь тучи пробивались теплые солнечные лучи…

Прошел не один год. Я отлично учился в школе и занимался спортом. Наша тетрадь исписалась, а новую заводить мы не стали, потому что жизнь менялась. Мама уже не болела так часто, как раньше. Мы расплатились с долгами, понемногу откладывали деньги и купили телевизор «Енисей».

Странно, но мое желание стать мореплавателем куда-то постепенно улетучивалось. Я рос, и у меня появлялись новые интересы и новые мечты. Мне вдруг захотелось стать астрономом, я перечитал все книжки в нашей библиотеке о Вселенной, планетах и звездах… Потом увлекся теорией относительности Энштейна и решил про себя, что стану великим математиком… Учителя интересно рассказывали о тайнах природы, и мне хотелось совершать великие открытия… Получив золотую медаль в школе, я поступил в педагогический институт. Тот, в котором учился мой отец. Когда наступало время моих каникул, мама была веселой и счастливой, и нам казалось, что лучшей жизни вообще не может быть. Все вокруг как-то преображалось. Мы отремонтировали наш дом. Купили стиральную машину. Сложили новую печку с плитой, на которой готовилась еда, а старый керогаз сдали в утиль. На столе у нас появились сыр и колбаса. Почти всегда мамины классы были лучшими. За это она стала Отличником просвещения. На нашем корабле было радостно и солнечно.

Однажды до нас дошла весть о Сергее Ивановиче. Какая-то дальняя родственница приезжала к нам и

рассказала, что он живет все там же, в Калининграде, имеет семью, у него растет дочь. Живут они в большом достатке. Капитан часто уходит в плавание и подолгу не бывает дома, но жена у него, как барыня, не нуждается ни в чем. В общем, не жизнь, а сказка. Эта женщина сказала маме: «Вот так и вы могли бы жить». А я вспомнил, как капитан уходил от нас, не оглядываясь, и мне нестерпимо захотелось сказать ему какие-нибудь добрые слова. И не раз моя память выхватывала из прошлого эти картинки: капитан дальнего плавания в нашей темной прихожей, его солнечная улыбка; фотография корабля, переходящая ко мне в руки; теплая ладонь человека из мечты на моих вихрах; приглашение в Калининград; мамина растерянность… Вот он уходит от нашей калитки решительным шагом, а мне кажется, что солнце катится за синие горы… В такие минуты я решал: пройдет время, и я побываю в Калининграде. Обязательно. Почему-то в тот день он не смог пристать к нашему берегу, но никто не виноват… Мне очень хотелось, чтобы он понял это.

Однажды я перебирал старые бумаги и в альбоме с фотографиями обнаружил обрывок конверта с обратным адресом из Калининграда. Самого письма не было, но было совершенно ясно: адрес Сергея Ивановича. Помню свою радость: теперь я знаю, где живет моя детская мечта, я могу написать письмо! Но по какой-то причине не написал, что-то все время мешало, адрес затерялся, но я помнил его наизусть…

…Давно позади моя институтская жизнь. Я стал преподавателем и ученым с уже известной фамилией. В своих ботанических исследованиях я заплывал в такие дали, о которых мечтает не один путешественник, и делал открытия не менее интересные и важные, чем моряки-первооткрыватели. Я научился стойко переносить испытания и понял: чтобы быть капитаном, совсем не обязательно плавать на настоящем корабле в настоящем море.

Конечно, если уж быть честным до конца… Бывает, что меня иногда охватывает, казалось бы, навсегда забытое чувство, которое я переживал в далеком детстве, сидя на грядке в саду под мелким осенним дождем. И тогда мне опять видится корабль в неоглядном морском просторе, слышится плеск волн за кормой, и чайки криками возвещают о том, как им радостно жить в этом мире. Я вспоминаю моего друга Вовку, который все-таки стал летчиком и, может быть, летит где-нибудь над этим морем и любуется с высоты моим кораблем…

Вот и теперь под стук колес и покачивание вагона я переживал эти чувства. Соседи по купе крепко спали, а я думал, потому что мечта опять возвращалась ко мне. Мой прекрасный корабль рассекал волны, на берегу меня кто-то ждал… Я различал хрупкую девичью фигуру, русую косу, как у мамы, и веселые синие глаза. Девушка что-то хотела мне сказать, и я услышал четкое слово «Калининград». Проводник тряс меня за плечо. Я проснулся. Мы подплывали к Калининграду. Город встречал нас прекрасным утром. Соседи копошились у чемоданов, я взял свой рюкзак и вышел из купе. Что ждет меня в городе, где живет друг моего отца и участница конференции с его фамилией? По странному, необыкновенному случаю наши с ней научные интересы пересекались. Конечно, я не был мистиком, но совпадение удивительное: конференция именно в Калининграде, идея моих научных поисков и место сбора экспедиции, возможность встречи с героем моей давней детской мечты. Вот странно: почему-то именно эта встреча мне стала казаться самым главным звеном в цепи удивительных совпадений. Как будто без этого я не мог отправиться в путешествие.

Я не знал точно, что скажу этому человеку. Мне хотелось рассказать ему о своей жизни так, чтобы он понял нас с мамой. Потому что неправильно, чтобы люди уходили от друзей, не оглядываясь, и это разделяло бы их всю жизнь.

Когда я ступил на перрон, в лицо пахнуло чем-то близким и родным. «Ну, здравствуй, Калининград!» — произнес я почти вслух.

… Развязка этой истории оказалось не такой, какой мне представлялась. Я опоздал на целый год — Сергей Иванович ушел в плавание, откуда не возвращаются никогда. Меня встретила его дочь Ася, которая о моем существовании ничего не знала, но оказалась очень приветливой и доброжелательной. Охотно рассказывала о своем отце, а я ей — о своей жизни. У нас обнаружилось много общего в интересах, научных позициях и в понимании жизни. Мы поучаствовали в конференции, она показала мне свой город, в который я влюбился. Потом Ася провожала меня в мое путешествие и встретила, когда я возвратился… Мы оба решили, что, несмотря на очевидно случайное стечение обстоятельств, наша встреча была давно предопределена. Но это уже другая история…

Идут годы. Уже бегут. Много событий интересных и важных произошло в моей жизни. Но никак не забывается эта не случившаяся встреча с героем моей давней мечты. Честно признаться, я не однажды мог, бросив все, приехать, увидеть, спросить, рассказать, не дожидаясь случая. Ведь друг моего отца говорил, что Калининград — это не так далеко. Может быть, он тоже всегда хотел нашей встречи, чтобы о чем-то мне рассказать. И теперь понимаю, что расстояние между точками на карте — условное препятствие. Жаль, конечно, что тогда не было интернета, электронной почты, мобильной связи… Это теперь так просто нажать кнопку и услышать голос друга, где бы он ни находился. Мне кажется, я понял главное: очень важно успеть сказать человеку добрые слова. Не опоздать услышать друг друга. И это все-таки во многом зависит от нас самих. Кстати, Вовка постоянно шлет мне свои воздушные приветы, а я ему — свои. Это здорово.

Олеся МАМАТКУЛОВА

г. Алексин Тульской области

Родилась 19.02.1980 г. в г. Щекино Тульской обл. Ныне проживает в г. Алексин. Учитель биологии и географии. Автор четырех сборников стихотворений: «Волшебный лепесток», «Почерк души», «Мысли и чувства», «Заповедная тропа» и сборника песен «Серебряный родник». Лауреат районных, областных и московских литературных конкурсов. Имеет публикации в альманахах России и Польши. Член ОМЛО «Муза». Член СПР. Член АРЛ. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

РОЖДЕСТВО

Мягкий, пушистый снежок медленно и осторожно слетает на землю. Каждая снежинка похожа на комочек белого лебяжьего пуха и от того кажется уютной и теплой. Зима вяжет большую, ажурную шаль, чтобы укрыть дома, деревья и бескрайние окские просторы. Неяркое солнце, изредка проглядывающее сквозь пелерину облаков, подсвечивает падающий снег. Он тут же превращается в мириады искрящихся блесток. Кажется, будто нежные белые ангелы взмахивают широкими, легкими крыльями и одаривают бренный мир сияющей красотой.

Блестки кружат, кружат и кружат, надолго зависая в морозном воздухе, и не спешат опускаться на землю. Но, когда это все же случается, то тропинки, кусты и успевшие в декабре образоваться сугробы покрываются тончайшим, невесомым флером этих прекрасных сказочных созданий.

Рождественское утро выдалось холодным, пасмурным, неспешно-тягучим. Но уже через час-другой облака рассеялись, уступая место игривым лучам, которые без стеснения заглядывают в окна домов, пускают по стенам солнечных зайчиков, цепляются к сосулькам, заставляя их ронять от обиды и дерзости слезы. И все же эти первые январские лучи добрые. Нет в их шутках и забавах злого умысла. Они просто сильно соскучились по всему земному, долго прячась в сонме густых облаков.

Небо уже почти полностью очистилось, а снежные блестки продолжают падать, неведомо откуда. Будто они образуются прямо из воздуха, превращая его в серебряную кисею. А может, кто-то, шутя, раздувает огромный небесный костер, и теперь его искры летят к нам на землю, чтобы хоть как-то согреть и порадовать замерзающий мир.

Укрытые в снежные одеяла ели, сосны, березы тесно прижимаются друг к другу. Что снится им долгой зимой? О чем мечтается? Наверно, также как и люди, они страждут покоя и тепла. Также как и люди, они ощущают заботу и внимание. А потому, даже сквозь глубокий зимний сон, им знакомы и понятны теплые, бережные касания заботливых рук.

Ока тоже спит. Но и во сне — она обитель всего живого. Несмотря на мороз, полыньи еще не застыли, и нет-нет, да и всплеснет кое-где рыба могучим хвостом. Сверкнет чешуей на январском солнце, ослепляя на миг ярким блеском. Уток не видно. Где же они, бедняги? Чу! Слышится сильный всплеск! Вот же! Легки на помине! Куда уж им без воды. Облепили полынью, словно бусины на нитке, и греются бок о бок.

Где-то высоко, на рыжем сосновом стволе, слышится частая дробь большого пестрого дятла. Стучит, старается! Несколько соек, недовольные появлением человека, засуетились, запричитали, и давай перелетать с ветки на ветку. Мол, нечего тревожить наш покой! А красногрудым снегирям, похожим на яркие новогодние шары, все ни по чем. Они спокойно сидят на макушке высокой березы. Далеко вокруг слышится их тоненький свист, проникающий в самое сердце.

Среди белого, искрящегося простора совсем не холодно и не одиноко. Здесь уютно. Как дома. Ведь в мороз еще сильнее начинаешь ценить тепло и заботу, еще больше хочешь любить и сопереживать, еще сильнее хочешь дарить ближнему частицу своей души. Наверно, так должно и быть… И не только в Рождество.

Николай ЗАЙЦЕВ

г. Талгар Алма-Атинской обл. Казахстана

Родился в г. Талгаре Алма-Атинской обл. Казахстана, в 1968 г. окончил среднюю школу №1, работал в топографической экспедиции, по другим специальностям и корреспондентом. Публиковался во многих республиканских, российских и сетевых журналах, издал несколько книг поэзии и прозы, участник многих коллективных сборников. Лауреат фестивалей «Славянские традиции» (2009—2017 гг.), «Верность родному слову» (2011 г.), «Литературная Вена» (2011 г.), «Русский Гофман» (2018 г.), лауреат премии им. Белова (2009 г.) и премии им. Шукшина (2013 г.). Руководитель творческого объединения «Вершины Талгара», член Евразийской Творческой гильдии, член СПР. Постоянный автор нашего альманаха.

ЯБЛОКИ

На дворе начиналась осенняя пора, и в доме вкусно пахло свежими яблоками. А сами они — виновники этого замечательного аромата — пламенели красными боками в центре стола, сложенные горкой в большой вазе синего стекла. Но обстановка в доме царила серьезная, а скорее — печальная. Поводом к тому служил гроб, стоящий рядом со столом, окруженный сидящими на стульях людьми, в котором лежал, упокоившийся от мирских дел мужчина, одетый в добротный, темного цвета костюм и белую рубаху — светлый лицом, чуть скрытым седой бородой. Это его покойное благообразие было настолько естественно, что казалось, прикрытые глаза вот-вот откроются и мужчина улыбнется, разымет скрещенные руки и скажет что-то недоговоренное, чего все эти печальные люди, как потом окажется, только и ждут услышать. Да и взоры приходящих спервоначалу обращались не к безмятежному лику покойного, а на вазу с краснобокими яблоками, и люди высказывались по-своему, но об одном и том же: «Ну, вот, Миша и урожай успел собрать. Есть чем помянуть доброго человека». Когда кто-нибудь вставал от гроба и собирался уходить, то его непременно одаривали яблоками из той самой вазы, стоящей прямо против головы покойного. Делал это молодой человек, высоким лбом и изгибом носа очень напоминающий облик покойного. Раздавая яблоки, он приговаривал: «Берите, берите. Дедушка так велел»,— и видно было, как слезы туманили его чистые, юные глаза. Потом он ненадолго выходил, приносил в корзине яблоки и вновь наполнял ими вазу и никто не успевал увидеть ее пустой.

Ворота, как водится, были открыты настежь, и люди, желающие проститься, входили и выходили, толпились у крыльца и за оградой, вели разговоры о бренности земной жизни, о человеческой смертной доле, о земных делах и памяти о них. А память о созидательных трудах покойного находилась рядом, радовала ветвистыми деревьями с добром ухоженного сада, что слегка шумел еще зеленою листвою, встречая приходящих людей, но тут же затихал, как бы в печали, вспоминая об утомившихся, всегда заботливых хозяйских руках. Одни деревья шелестели уже пустыми ветвями, другие же гнулись под тяжестью поздних, еще ждущих своего времени созревания плодов. Они были красивы эти растения, посаженные здесь маленькими саженцами, взросшие и теперь приносящие плоды человеку, который своей заботой и любовью даровал им жизнь на земле. Что же будет теперь с вами, жители этой чудесной части земли, где весною бушует разноцветное море цветущего сада, а осенью наливаются живительным соком райские плоды труда природы и человека? А что может случиться с садом после ухода доброго хозяина? Без заботы и труда все вокруг дичает — и люди и деревья.

Конечно, непросто взять и покинуть мир, где живет твоя забота о каком-нибудь хорошем деле, но кто-то должен перенять, подхватить дело из ослабевших рук, и тогда продолжится на земле праздник цветения и плодоношения и смерть не покажется концом света. Об этом случае и говорили люди, пришедшие проститься. Хозяин и при жизни не отказывал людям в плодах своего труда, и теперь внук его изо всех сил старался исполнить волю деда и наделял яблоками всех, кто заходил в осиротевший дом. Вот и говорили, что внук готов продолжить заботу о дедовом наследии. Воспитан на труде в саду, знает, как надобно ухаживать за деревом, да и любит это дело — вместе с дедом с малолетства живет, а значит, будет у яблонь и груш заботник и хозяин. А посему саду этому цвесть из года в год. Говорилось о том по-доброму, по-человечески.

Осень уже заметно вкрадывалась в природу, меняя краски, волнительным цветом увядания прощалась с летом. Таким осенним теплым днем и наступил день похорон. Людей собралось много, вынесли гроб с телом покойного, установили во дворе, чтобы проститься, всплакнули родные, целуя холодный лоб усопшего, но вот гроб подняли и понесли к воротам, чтобы погрузить в машину. И тут случилось нечто, что запало в души и сердца людей, как порыв чувства необычайной любви и преданности деревьев своему хозяину. Только приподняли мужики на плечи гроб с телом покойного, как вдруг поднялся ветер, листва полетела под ноги и устелила собою двор, путь к воротам и дно открытого кузова машины, и сразу стало тихо, и только шорох под ногами падших листьев напоминал изумленным людям о необычности произошедшего случая. Затихли голоса людей, и будто откуда-то издали послышалось: «Говорят бездушное дерево, а тоже прощается по-своему. Листве-то еще и падать время не приспело, а вот ведь, будто слезой прошибло. Господи, мир-то воистину Твоею любовью устроен».

Олег СЕВРЮКОВ

г. Москва

Родился в г. Липецке. Окончил МГУ им. М. В. Ломоносова. Член СПР, АРЛ, творческого клуба «Московский Парнас». Лауреат литературных премий. К.т.н., доцент НИЯУ МИФИ. Наш постоянный автор.

СТАРЫЙ ТОПОЛЬ

I

В нашем дворе рос старый тополь. Ствол его был у основания толст, коряв и неровен. Зимой, сверху, с нашего десятого этажа, он напоминал оперенную ломаную стрелу, которую великан на ходу воткнул в землю, а сам пошел дальше, не оглядываясь. Некоторые тополиные корявые сучья засыхали, обламывались при сильных ветрах и со стуком падали наземь. Мелкие сухие ветки разлетались по двору, ветер носил их из угла в угол, сметая в небольшие кучки и снова беспорядочно разбрасывая. Когда кончалось цветение и вызревали семена, тополиный пух настырно лез в окна, бурунчиками носился по асфальту, поднимался в воздух, падал и вновь поднимался, попадая в глаза, в нос, в уши. Люди чертыхались, с негодованием смотрели на тополь и в сердцах проклинали его.

Видимо их проклятия были услышаны, а, может быть, так и было задумано где-то в начальственных головах, но однажды осенью, после того как листва облетела и, свернувшись в жухлые трубочки, моталась по земле, грустно шурша, во двор въехала машина с подъемным краном и маленькой клетушкой на конце стрелы. Веселые дядьки с бензопилами по очереди залезали в люльку и сверху вниз методично, для начала спилив макушку, обрéзали по самый ствол все сучья. Корявый зигзаг стрелы лишился своего оперения и стал похож на сиротливо торчащий из земли сломанный коленчатый голый прут, только иных, гулливеровых размеров. Грустное это было зрелище…

Однако весной на стволе, из спящих почек, там и сям проклюнулись листья и затрепетали зелеными флажками, повинуясь даже самому легкому дуновению ветерка. Но все равно, нелепо торчащий серо-коричневый обрубок ствола не радовал глаз, привыкший не замечать его в густой, беспрестанно шевелящейся зеленой пене.

Потом мы переехали, и другие виды заслонили и почти (как думалось) вытеснили из памяти печальную эту картину.

II

Но возвращается все на круги своя!

И однажды снова весной мы оказались в бывшем нашем дворе, на десятом этаже, у того же окна. Каково же было изумление — корявый ствол, когда-то такой неприглядный и унылый, стал совсем другим: блестящая зеленая щетина из густо облиственных веток равномерно одевала его почти от основания до срезанной макушки, придавая тополю неотразимо веселый вид. И даже переломы ствола своими разновеликими наклонами, прорезающими густоту листвы и меняющими угол отражения солнечных лучей, делали старый тополь необычно кокетливым и моложавым. Будто он, лукаво улыбаясь, демонстрировал новый, доселе невиданный наряд. Казалось, тополь сначала наклоняется к тебе, потом, заметив что-то, откидывается назад; снова наклоняется, чтобы вслушаться или всмотреться в тебя, а может, и самому прошуметь листвой, напомнить о том, что было когда-то — с ним, с тобой, с нами; и что оно никуда не ушло, а просто отодвинулось в сторону, но теперь вернулось, встало перед тобой, обновленное и похожее, и не похожее; напомнить о былом, которое не только было, но есть и будет, пусть чуточку другое, но неразрывно связанное твоей жизнью в единую нить бытия…

ЗЕЛЕНЫЙ ЛЕД

I

В нашем небольшом дачном поселке есть маленький пруд. Вернее, запруда на речушке. В начальные времена у кого-то возникла шальная мысль перегородить ее плотиной в узком месте, выкопать нечто вроде небольшого котлована (скорее, котлованчика), чтобы потом, когда она разольется и заполнит «водохранилище», было где искупаться в жаркий день. Речушка ведь так себе — метра два-три шириной. Да и глубиной — смешно сказать — по колено. Пригнали экскаватор, бульдозер, провозились с неделю. И следующей весной образовалось озерцо, примерно метров двадцать пять в диаметре. Речка продолжила свой говорливый бег по тому же руслу, затейливо петляя среди ольховника, черемухи, непроходимых зарослей крапивы и кустов бузины. Она то убегала вперед, то возвращалась назад, и если бы можно было посмотреть на нее сверху, то весь путь речки по краю поселка выглядел бы как извилистая, прыгающая вверх-вниз строчка в тетради нерадивого школьника с круглой кляксой посередине. Каждой весной, в половодье, она вздувалась и даже иногда сносила небольшой мосток, перекинутый ниже плотины по течению; озерцо же набирало воды, вы-

ступало из берегов, заполняя окружающие его канавы и впадины. Вода понемногу спадала, оставляя там и сям лужи и лужицы; озерцо становилось похожим на неровно растекшуюся каплю чернил, окруженную брызгами, сорвавшимися с кончика чьего-то огромного пера, особенно в безветрие, когда вся эта водная россыпь отражала синее весеннее небо.

Летнее купанье, однако, как-то не прижилось; отдельные дачники ухали в воду, но не часто. К этому времени активная часть насельников обзавелась машинами и предпочитала ездить на большую речку, километрах в четырех от поселка, в которую впадала и наша речушка.

Были какие-то завиральные идеи о необходимости зарыбления «нашей лужи», как с течением времени стали называть озерцо, в целях разнообразить дачное меню свежей рыбкой, но они так и остались идеями. Постепенно его заносило илом, берега оплывали, о купанье и вовсе забыли. Одно время в озерце жила выдра; изредка заплывали одинокие бобры; иногда садились пролетные утки. По берега густо разрастался ивняк и березы. Зимой охочие до коньков любители расчищали от снега небольшую площадку, а детвора, весело вереща, каталась с невысокого, но крутого берега на ледянках и «ватрушках» до тех пор, пока не начинали проявляться на покрывавшем лед снегу мокрые пятна.

II

В этом году зима и весна были странными, вернее сказать, зимы почти не было: снег если и выпадал, то сразу же таял, так и не добравшись ни разу до сплошного покрова, а весной теплые дни сменялись резкими ночными заморозками, отчего озерцо наше, оттаяв вроде бы насовсем, покрывалось тонкой прозрачной ледяной корочкой, вновь таявшей с приходом дневного тепла.

Но все-таки, повинуясь природе, подспудно в озерце шли свои, невидимые глазу процессы.

Какое-то время мы в наших прогулках обходили озерцо, так как топкие берега мешали подойти ближе. Но однажды, после особенно сильного заморозка мы отважились — утреннее солнце еще только начинало свою работу и не успело растопить схваченную за ночь морозом землю. Посмотрев, мы ахнули: озерцо было сплошь покрыто блестящим зеленым льдом! Как если бы в обрамлении рыжей травы и черных, безлиственных еще кустов и деревьев, в лучах еще невысоко поднявшегося солнца блестел гигантский осколок светло-зеленого стекла с неровными краями. Что это? Почему? Теряясь в догадках, мы осторожно, по кочкам, стараясь не провалиться в покрытые хрупким ледком ямки, глубину которых определить на глаз было невозможно, двинулись ближе. И только тогда, когда мы подошли вплотную и пристально, наклонившись, вгляделись, стало понятно: за какие-то несколько теплых дней поверхность озерца покрылась сплошным слоем мелких чешуек ряски. И все было бы ничего, но ударил ночью мороз, и довольно сильный; ряска вмерзла в лед и окрасила его в зеленый цвет!

К вечеру лед растаял, ветер прибил ряску к берегу, волшебная утренняя картина исчезла.

III

…Повторится ли это когда-нибудь еще? Не знаю. Но оттого, что это было, было, осталось в душе ощущение пусть маленького, но праздника. Праздника, который — как сказал когда-то знаменитый писатель — теперь уже всегда будет со мной.

Людмила ПОПОВА

г. Москва

Попова Людмила Александровна — член АРЛ, СРП, редколлегии международного журнала «Новые витражи». Сотрудник Минвнешторга и МИД России. Диплом с отличием ВГУ, факультет РГФ; курсы Академии Минвнешторга, курсы Литературного института им. М. Горького. Автор шести книг. Печаталась в «Роман газете» (2016 г.). Дипломант международного конкурса «Созвездие духовности» (2017 и 2019 гг.).

КРАСНЫЕ ТУФЕЛЬКИ
(или хитрая операция старого хирурга)

Цок-цок, цоки-цок… Тонкие каблучки стучат по асфальту. И этот ритм — ритм счастья, любви и жизни…

Цок-цок, цоки-цок… Красные лаковые туфельки-лодочки убегают вперед. Их несут загорелые ножки. Синяя джинсовая юбка, красная открытая кофта, загорелые шея и руки. Матерчатая сумка с вышитым подсолнухом через плечо. А венчает шедевр ладная головка со светлыми волосами, затянутыми в хвост на макушке. Волосы не осветленные, натуральный льняной цвет.

Каблучки постукивают, и волосы качаются в такт, как маятник.

Цок-цок, цоки-цок… Сколько песен ассоциирует с этим бесподобным ритмом…

Ему всегда нравились блондинки с загорелой кожей. Натуральные. В детсаду он впервые влюбился в девочку: у нее были светлые волосы, загорелое личико и синие глаза…

Хотелось бы заглянуть в лицо этой незнакомке в красных туфельках… Но вот незадача: как бы не ускорял шаг, не может ее догнать: туфельки бегут вперед, прибавляя скорости…

Он заметил ее из машины. Трое подвыпивших парней, сосущих баночное пиво, неотрывно следили за ней, распыляя пошлые шуточки.

Оставив машину у края тротуара, он бросился вдогонку. Разве можно терять девушку мечты, неожиданно представшую наяву?!

Какая бесчувственная: неужели не слышит, что кто-то преследует?! Могла бы оглянуться, и тогда он спросил бы… О чем бы он спросил?

Фигурка в красных туфельках прикладывает к уху телефон, но тут же опускает его в сумочку. Что-то, сверкнув, падает на асфальт. Он поднимает трофей. Теперь есть веская причина заговорить с ней: Извините, вы обронили… И разожмет ладонь.

Он уже открыл рот, чтобы окликнуть незнакомку, как вдруг сзади раздался прокуренный наглый голос:

— Не найдется закурить?

Он так и оглянулся с открытым ртом на досадного просителя. Перед ним — трое тех самых отвязных парней.

— Извините, не курю…

— Слышь, извиняется! А вот мы щщас проверим…

От неожиданного удара в лицо потемнело в глазах. Резкая боль в носу, и теплая жидкость на губах. Когда он, после безуспешной попытки отбиться, свалился наземь, его еще зло и беспощадно пинали. Потом обчистили карманы.

— Ключи от машины взял?.. Мани поделим… Часы снять не забудь… Хорош, отчаливаем!

От малейшего движения острая боль спицей пронизывала позвоночник сверху донизу.

Неужели никто не поможет? — подумал он и вдруг услышал цокот каблучков. Они приближались, приближались… Боже, как долго они приближались!

Перекличка нескольких мужских голосов и одного женского порождали образы в его больной голове: вернулись гопники с его девушкой, вернее с ихней подружкой. Начали тормошить. Проверяли, не осталось ли еще чего в карманах? Подруга, очевидно, потребовала свою долю. Да его же просто развели: красотка работает на бандитов! Она приманивает таких, как он, простаков…

Его еще раз тряхнули, прежде чем оставить в покое.

Послышался шум мотора. Грабители вместе с красоткой уезжали куда-то… на его машине…

Так он подумал, прежде чем окончательно отключиться…

— Ну, вот и проснулся,— сказал доктор в шапочке и маске, между которыми виднелись смеющиеся глаза.— Здорово вас отмолотили. Но и мы тут тоже не лыком шиты. Все расставили по местам. Нос ваш, Олег Александрович, будет, как новенький…

Доктор весело хмыкнул, успокаивая не то больного, не то самого себя, и, обращаясь к коллеге, продолжал:

— Ольга Анатольевна, Оленька, сиделка-сиделкой, но сама тоже присматривай за подопечным. Раз ты его к нам доставила… Все бы хорошо, но одна рука не разжимается. Что такое с ней, не пойму. Попробуй сделать массаж на ночь и утром. Вот так, посмотри... Не хотелось бы, чтоб молодой человек калекой остался.

— Сделаю, Виктор Петрович, не беспокойтесь! — отвечала врач-ординатор.

Это она увидела на улице избитого прохожего и, вызвав скорую, привезла в свою больницу. Вчера Виктор Петрович, лучший хирург отделения, несколько часов колдовал над больным. Оленька ассистировала, следя за ловкими и уверенными движениями наставника.

— Это ж надо так человека искалечить! — сердито бурчал хирург, склоняясь над пациентом.— Попадись мне эти мерзавцы, руки-ноги бы оторвал.

Виктор Петрович — асс в своей профессии, никто не сомневался, что операция будет успешной. Но вот кисть левой руки слиплась словно навеки…

Через три недели больного выписали. Он шел по двору больницы, подставляя обновленный нос ласковому солнышку… И вдруг до ушей донеслось знакомое: цок-цок, цоки-цок… Ну, конечно же, те самые красные туфельки! Даже здесь, в больнице, нашли. Как же она сюда пробралась? Выследила… Он снова последовал за загадочной незнакомкой, в короткой джинсовой юбке над стройными загорелыми ногами в волшебных красных туфельках. Льняные волосы, собранные заколкой на макушке… Никакого сомнения, она… Только вместо вышитой подсолнухами сумки теперь сбоку болтается красная лаковая.

Как завороженный, он следует за незнакомкой, не зная, что будет дальше. Но одно несомненно: больше он ее не потеряет.

Туфельки покидают двор больницы и направляются на автобусную остановку. Краем глаза он заметил черную Вольво, ожидавшую его возле остановки. Из Вольво недовольно посигналили, когда он протопал мимо…

На остановке незнакомка в красных туфельках оглянулась, и он увидел лицо: Ольга Анатольевна, докторша…

Он заулыбался, еще раз рассыпался в благодарностях, впрочем, вполне заслуженных. На прощанье пожал руку и пообещал еще зайти.

Чувство влюбленности в загадочную, роковую красотку сменилось обыденной благодарностью за услугу. Притягательность незнакомки, превратившейся в заботливую докторшу, моментально испарилась. Вот если бы это оказалась модель! Девушка, чьи фото украшают обложки журналов, которая блещет на всяких важных и маловажных мероприятиях, сверкая зубами безукоризненной белизны, модельными прическами и модными нарядами, за которой гоняются корреспонденты с фото- и видеокамерами,— это престижно! А что такое докторша из обычной больницы?! Такой не похвастаешься перед коллегами и знакомыми. Да, она ему спасла жизнь и здоровье, но за это благодарят, только и всего...

На следующий день он снова появился, как обещал, нагруженный подарками: французский коньяк для хирурга, цветы для ассистента, шоколад, торт и шампанское для всех сотрудников.

Оленьке никогда еще не дарили такие букеты. Полсотни невиданных по красоте цветов, фиолетовых и белых в зеленой кружевной упаковке, перевязанной фиолетовой лентой. Все отделение приходило смотреть и нюхать, все спрашивали: что за цветы такие? А Оленька и сама не знала, впервые такие видела.

Прошла неделя. Сладости были съедены. Цветы увяли, но Оленька их не стала выбрасывать, связала потуже ленточкой и повесила дома на кухонное окно. Каждое утро, перед выходом на работу, смотрела на увядший букет и задумчиво улыбалась: было что-то судьбоносное во всей этой истории…

Прошла вторая неделя. Виктор Петрович спросил как бы невзначай:

— А что, Оленька, ваш подопечный не поддерживает с вами связи? Может куда-нибудь пригласил… в ресторан или… уж не знаю, куда нынче приглашают…

— Ну, что вы, Виктор Петрович, ни к чему это вовсе,— ответила ординатор и поспешно отвернулась, чтобы скрыть набежавшие слезы.— Мы выполнили свой долг, и он нам ничем не обязан.

— Мда,— задумчиво ответил доктор.

От его зорких глаз не могли утаиться особый энтузиазм и нежность, с которой Оленька обращалась с этим пациентом. Она похорошела, пока за ним ухаживала, хотя и без того отличалась миловидностью. Какое счастье горело в ее глазах! А парень ничего не заметил, не почувствовал. Ну, как же, топ-менеджер крупной компании, что ему до скромной девушки-врача! Ему моделей подавай, кукол наряженных, которые только и умеют, что деньги и жилы из мужиков тянуть… Прямо-таки споткнулся о счастливый случай и прошел мимо. Бывают же такие слепцы! А ведь пройдет какое-то время и станет на судьбу роптать…

Каждый день Ольга неустанно ожидала появления или телефонного звонка. Правда, он не спросил номер ее мобильного, но знал же номер отделения. И когда ее звали к телефону, спешила, надеясь услышать полюбившийся голос… Но всякий раз звонил кто-то другой. А как хотелось поверить в счастье! Не зря же нашла в его руке свою пропавшую сережку: она сделала массаж, рука разжалась… Никогда еще она не видела таких красивых рук: настоящие мужские, сильные и добрые!...

Тот день не предвещал ничего хорошего. Ее насторожила нежданная встреча с тремя подвыпившими наглыми парнями на безлюдной улице. Они обратили на нее внимание и, как ей показалось, пустились преследовать. Она шла настолько быстро, насколько позволяли туфли на шпильках. Потом нырнула в первый попавшийся бутик. А когда выглянула наружу, увидела лежавшего на тротуаре мужчину с разбитым лицом…

Время шло, тщетно холодный рассудок приучал ее к мысли, что полюбившийся человек навсегда останется чужим. Случайным прохожим, прошедшим дождем, растаявшей снежинкой, вчерашним днем, пусть и замечательным, но вчерашним, который не вернуть… Сердце противилось до слез, она старательно лечила его некогда вычитанной мудростью: «И это пройдет!»

Может быть, однажды они встретятся где-нибудь случайно, поздороваются… Вполне возможно, что рядом с ним будет подруга, модная и элегантная, не чета ей… Она готовилась ко всему, чтобы не повести себя глупо, а главное, не разреветься…

Мама и бабушка уже несколько раз спрашивали, не пора ли выкинуть засохшие цветы.

— Не трогайте их! — отвечала она решительно. И добавляла тихо: они меня радуют…

Прошел месяц. И вдруг произошло чудо: топ-менеджер появился, зашел на консультацию к Виктору Петровичу, посидел у него несколько минут, а когда вышел, разыскал Ольгу и решительно сделал предложение стать его женой...

— Очень вас прошу, не отказывайтесь! — уговаривал он, крепко сжимая ее руку.

Она удивилась и, конечно, согласилась. А потом, спрятавшись в укромном месте, дала волю слезам. Остаток дня проходила с опухшими красными глазами, но безумно счастливая!..

Все отделение гуляло на свадьбе. Скромные медработники смогли увидеть воочию, какие пиршества позволяют себе топ-менеджеры именитых компаний.

Жених сам собирался купить для невесты свадебный наряд, но Виктор Петрович распорядился по-своему: отделение собрало деньги и купило для своей сотрудницы особое, «счастливое платье»…

Возвращаясь с шумного праздника домой, Виктор Петрович поглядывал в окно такси на сверкающую

огнями ночную Москву и не мог сдержать радостную улыбку. Сколько раз за свою практику он вмешивался в человеческий организм, а теперь вмешался и в человеческую судьбу. Операция, которая ему казалась довольно рискованной, а порой даже неосуществимой, закончилась успешно. Он умудрился помочь одновременно двоим: своему врачу-ординатору и ее избраннику.

Оленька, Ольга Анатольевна… Родная дочь не понимала его так, как эта чужая девочка. Ее не надо просить, она все замечала сама. Когда она ассистировала на операциях, опытный хирург чувствовал себя уверенней. И в минуты отдыха она знала, как ободрить коллегу словом или улыбкой...

Много начинающих врачей повидал на своем веку Виктор Петрович, подающих надежды, талантливых и не очень, отзывчивых и жестоких. Вспомнился молодой ординатор… Павел его звали, Павел Ильич. Как цинично и безжалостно он обращался с пожилыми людьми! Он мог сказать престарелой пациентке в ответ на ее жалобы: «Сколько вам лет? Вы хотите жить вечно?» Услышав такие слова, Виктор Петрович спросил: «У вас есть мама?» — «Да,— ответил Павел.— А что?..»

Сколько он старался перевоспитать черствую душу! Где сейчас этот Павел, что с ним? Старый доктор вздохнул и отмахнулся от тяжелых мыслей. Да, Оленька из другого теста. Наблюдая за ней, он задавался вопросом: откуда такие берутся: правильное воспитание, наследственность или данный свыше характер? На больных она действовала лучше лекарств, они оживали при одном ее появлении… И вот явился человек, при котором преобразилась она сама. Несомненно, любовь, настоящая, большая…

Он был уверен, что парень почувствует и откликнется, но никакого отклика не последовало. Вероятно, у молодого человека своя оценка жизни, сложившаяся под влиянием времени, моды. Мода приходит и уходит, а человеческие ценности остаются неизменными. И старый хирург, взвесив все за и против, решил действовать. Вызвал пациента для консультации, расспросил о самочувствии и заключил под конец:

— Вы — человек умный, образованный, поэтому не буду скрывать от вас правду. Последствия ваших травм могут быть самыми непредсказуемыми и трагичными.

Внимательно взглянув на расстроенного пациента, доброжелательно продолжил:

— В таких случаях необходимо постоянное наблюдение. Можете, конечно, обращаться ко мне за помощью. Но лучше всего иметь медработника дома: медсестру или врача. Идеальный случай — жена-врач. К примеру, такая как наша Ольга Анатольевна. Если она согласится стать вашим ангелом-хранителем, вы спасены ото всех бед. Возможно, у нее имеется близкий друг, но попытайте счастья! По-моему, перед вами, таким молодцом, не устоит ни одна девушка…

— Приехали,— голос таксиста вывел Виктора Петровича из раздумий.

— Невеста какая красавица! — не сдержал восхищения таксист, видевший, как сияющая от счастья Оленька выбегала из ресторана, чтобы обнять на прощание Виктора Петровича.— Ваша дочь?

— Нет. К сожалению… Спасибо и счастливого пути!

Виктор Петрович хлопнул дверцей, вздохнул и медленно пошел к своему подъезду...

Владимир ВЕЩУНОВ

г. Нижний Новгород

Владимир Николаевич Вещунов публиковался в литературных журналах. Автор книг повестей и рассказов. Член СПР.

«ПЯТЬСОТ ВЕСЕЛЫЙ»
Рассказ

Три года минуло после войны. Но великая река о двух потоках — с запада на восток и с востока на запад — несла в себе боль войны, несла с собой ее мусор.

Эвакуированных битком в поездах и на вокзалах. Шныряет шпана. Чуть отпустил чемодан — был и нету. Востро держаться надо. Глаз да глаз нужен. Не то, как та тетка, волосы на себе рвать будешь.

Подлабунился к ней прыщавенький. Куда да куда, мамаша? Та видит, вроде одет фасонисто, услужливый. То кипяточку принесет, то ребятешку покачает. А ехать ей аж до Брянска. Неграмотная. Тычется с барахлишком то в одну очередь, то в другую. Неделю не может закомпостировать билет. А тут подвернулся этот вертлявый. Давайте, мамаша, я мигом все устрою. И устроил. Свихнулась, горемычная, катается по полу, рвет волосы и одежонку. Дите рассупонилось и тоже в голос. Прыщавенького народ забил до полусмерти, он уже старика с котомкой обрабатывал.

Толик с матерью ехали из Средней Азии. Жили они в поселении для ссыльных. Повестка пришла расказаченному донцу. В трудармию кормильца семьи забрали. Запропал где-то в Тагиле. Вот туда в неведомый путь и дерзнула Полина по указанному в последнем мужнином письме адресу. Застряли в Омске.

Онаквочкой распушилась на узлах. Что получшенавздевала на себя. Запарилась совсем. Толик от великой толчеи оробел, забился в узлы.

К ним присоседился юркий дядек с балеткой. Он нахохлился, по-птичьи, урывками, исподволь огляделся и, клюнув носом в жилетку, расслабил пальцы на балетке.

Хватанули прямо из рук. Полина ойкнуть не успела — их след простыл. Двое: один в клетчатом пиджачке, другой — чернявый такой, на цыгана похож. Растормошила Полина соседа, а тот и глазом не моргнул: спросил, как жулье выглядит, и ушел. Приходит — с балеточкой. Спасибо, дескать, добрая женщина. Раскрыл балетку — а там видимо-невидимо обыкновенных швейных иголок. Вот дурачье безмозглое! Спереть сперли, а что с иголками делать, не знают.

За червонец отдали с превеликим удовольствием. А этой балеточке цены нет. Поизносился народ за войну. Вот вам за сострадание к ближнему! И подает Полине целых пять иголок.

Улыбчивый говорливый дядек показался Толику добрым. Он проворно вылез из узлов, достал из кирзовой кошелки пиалу и протянул ее дядьку. Тот удивленно и ласково улыбнулся:

— Ты что, карапуз?..

И догадавшись, с осуждением посмотрел на мать: дескать, чего еще, итак пять иголок дал, нечего мальцу попрошайничать!

Она шлепнула сына и забрала пиалу.

А как хотелось ему с пиалой, полной иголок, пойти среди изнуренных дорогой людей и раздавать сверкающие, как солнечные лучики, иголки.

Наконец-то подали запоздалый «пятьсот веселый». Толик прилип к окну. Когда паровоз гудел к отправлению и вагоны дергались один за другим, он нервничал и переживал за тех, кто опаздывал.

Вот из буфета выбежал толстяк с расстегаями. За ним запыхалась старушка с узлами. «Ну, помоги же бабушке, дяденька! Эх, кабы я там был!..» Словно услышал толстяк Толика, приостановился. Бабке расстегаи сунул, а сам узлы в вагон покидал и старуху подсаживает.

Стал Толик загадывать на опаздывающих. Что бы такое загадать? Так, если успеет вон тот в очках, то папка найдется и кубанку свою подарит, казацкую. Ишь, прыткий, как кузнечик: не ноги, а ходули. Заслабо успел! Та-ак!.. Если теперь тетенька с ребенком успеет, то папка пистолет купит с пистонками. Ну, давай же, давай, тетенька! Да на руки, на руки дитенка возьми! Эх, не успела!.. Толик чуть было не заревел от досады, до того распереживался. Но тетка с ребенком нисколечко не расстроилась, а лишь замахала поезду вслед.

Дробит время и километры «пятьсот веселый» — временное общежитие на колесах. Неохота покидать насиженный уют. Но в Тюмени надо было компостировать билеты.

Высадились ночью. Полина посадила Толика на узлы, а сама сбилась с ног, бегая по вокзалу, бестолково тыкаясь от одной кассы к другой. Тяжело дыша, растерянно останавливалась возле сына и подбадривала себя:

— Ой, да девка, чо это я? Да вон та касса, компостирует которая!..

Она опять начинала бегать, вставала на цыпочки, вытягивая шею из-за очередей у касс. Пришептывала, делая вид, что читает расписание поездов. Но почему-то спросить как следует стеснялась. А если спрашивала, то тушевалась, торопливо кивала: спасибо, мол, все понятно! И не дослушав до конца объяснение, опять тыкалась от одной очереди к другой.

Скоро она изрядно всем надоела. И тогда старичок, похожий на дедушку Калинина, которого Толик видел на картинке, ласково взял ее за локоть, отвел в сторонку, внимательно из-под очков изучил билеты и твердо поставил деревенщину в очередь.

С тех пор Толик стал бояться ужасного, непонятного слова: «компостирование».

Полина будто обезумела от суеты: сводив сына в туалет, ринулась в обратную от вокзала сторону. Толика рассердила бестолковая беготня:

— Я больше с тобой никуда не поеду! Вокзал не там, а вон там!

Посадка на свердловский поезд давно началась. Пришлось нанимать носильщика, а то бы еще остались куковать в Тюмени.

Уже три года не было войны. Но большое движение по дорогам страны не ослабевало. Все еще хранило запах госпиталей, и все еще вагонный уют манил ищущих крова, жаждущих сострадания и вынюхивающих легкую поживу.

В Камышлове произошла неразбериха с путями, составами, и пассажиров попросили освободить вагоны.

Нудно моросило. Толпа понабилась в хлипкий деревянный вокзальчик. И на перроне негде было упасть яблоку. Пассажиры сидели, лежали под клеенками, пальто, одеялами. Шишаками торчали плащ-палатки военных. С головой укутавшись в шинель, стучал ногой-деревяшкой фронтовик: калечную ногу ломило в ненастье. Рядом на фанерном чемоданчике нахохлился фэзэушник. Чтобы не раздражать соседей стуком, инвалид подвинул деревянную ногу к траве. Но как только он начинал подремывать, деревяшка перескакивала на доску перрона. Фабзаяц вздрагивал, шарил рукой в воздухе, чем бы прикрыться, и поправлял форменную фуражку.

Несуразная бабка в допотопном салопе сусликом высматривала: не подают ли состав? И частила челю-

стью, лузгая семечки. Все что-то жевали, колупали вареные яйца, ковырялись в рыбе. И лишь неподалеку от Толика, в трофейном плаще с поднятым воротником, стоял человек и ел колбасу.

Мальчик с утра пожевал только урюк. А мужчина неторопливо, даже нехотя, жевал колбасу. Как вкусно шибал ее запах!.. Аккуратист и чистюля отводил руку в сторону, по-женски оттопыривал мизинец и стряхивал с пальцев липкую жирную кожуру. Мокрые воробьи молча и деловито растаскивали ее по траве.

Толику не нравилось, когда женщины, а тем более мужчины, как цацы, манерно оттопыривали мизинцы. Но почему-то человек в плаще не вызвал у него неприязни. Он лишь позавидовал ему. Среди сморенных дорогой и нудным дождем людей тот в своем черном плаще торчал, точно вороненый штык, как бы оберегая Толика, его мать и всех этих усталых путников.

Всякая детская душа жаждет загадочного. И если жизнь не дарит его, то поспешает на помощь воображение. И человек в черном плаще, нехотя евший колбасу, уже виделся Толику необыкновенным, сильным, таинственным.

Худенькая воробьиха схватила тяжелую, с остатками колбасы кожуру. Низко взлетела, но не удержала добычу. Огрызок шлепнулся на узел прямо перед Толиком. Медленно пополз вниз, оставляя на мешковине жирный след.

Осторожно, чтобы не сдвинуть колбасу, мальчик оглянулся на мать. Нахлобучив белую панаму, в которой она собирала хлопок, она полулежала на кошелке и мечтала о скорой встрече с мужем…

Колбасный объедок уже еле держался на узле: вот-вот упадет на мокрую доску. Толик перестал дышать, как будто ловил бабочку. Снизу подвел ладошку под огрызок и тотчас же поймал его. Задыхаясь от головокружительного запаха, до дыр выскоблил зубами кожурку. Вытер рукавом вельветки нос, щеки, подбородок. Облизал пальцы. Вот это вкуснятина!

Человек в плаще оказался соседом Толика по вагону. Он сидел напротив хорохористого парня. Тот с вызовом щелкал картами, перетасовывал их и наконец предложил мужчине перекинуться в очко. Тот оторвался от окна и пристально посмотрел на картежника. Хорохористый как-то сразу сник, засопел, полез в вещмешок за яйцом. Принялся его шелушить, складывая мелкие скорлупки в одну большую.

По вагону, звякая бутылками, беспрестанно бегали счастливые выпивохи. Раз пять туда и обратно прошаркал с мешком небритый старик, высматривая, нет ли свободного местечка. За ним, нагло глядя людям в глаза, неотступно следовали двое блатных. Люди боязливо отводили глаза: а вдруг и к ним пристанет эта шпана. Их тут наверняка целая шайка. Лучше не связываться.

Когда эти двое с мороженными глазами проходили мимо, Толик весь холодел, прижимался к матери, прятал голову у нее под мышкой. Ему казалось, что это не люди, а оборотни, о которых сказывала соседская бабушка, донская казачка. Вот-вот ударятся они об пол и закопытят клыкастыми свиньями по вагонам, кусая и пожирая людей. Эх, был бы Толик Ильей Муромцем, он бы показал оборотням кузькину мать! Обрубил бы им руки и вышвырнул из поезда. Дяденька в плаще что-то ждет…

Тот поднялся, вынул из серебряного портсигара папиросу, промял ее, продул. Попросил соседа посторожить место, вышел в тамбур.

Вернулся через полчаса и вдруг сам предложил парню сыграть в двадцать одно. Тот оторопело перетасовал карты, попросил партнера снять колоду. Поплевал на пальцы и быстро раздал по карте.

Взъерошенный был обыкновенный начинающий шулер. Видно, ему не терпелось закрепить недавний свой успех. Ни крапленые карты, ни ловкость рук сейчас не помогли. То недобор, то перебор. Зато человек в плаще спокойно открывал двадцать одно и, брезгливо оттопыривая мизинец, забирал червонец.

Шулер не выдержал:

— Хорэ! Хватит с меня! Все, нет больше денег! — провизжал и стал запихивать за пазуху колоду.

Мужчина перехватил его руку, забрал карты, потасовал, нашел четыре крапленых с дырками и аккуратно разорвал их пополам. Наклонившись к взъерошенному, что-то прошептал ему на ухо и отдал колоду. Неудачливый картежник засобирался к выходу.

Человек в плаще опять вышел покурить. Вернулся с целым и невредимым дедом-мешочником и указал ему на свободное место. Старик нараскоряку встал посреди прохода, скинул мешок на пол, снял треух и поклонился:

— Шпашибо, люди добрые! Шпашибо, мил щеловек! — он прижал землистую руку к сердцу и поклонился человеку в черном плаще.

Люди застыдились, и кто-то пообещал себе не оставлять ближнего в беде, а действовать сообща, всем вместе, всем миром.

Спрятавшись за мать, Толик, почти не мигая, смотрел на загадочного мужчину. Он никого не боится, всех сильнее и все может! Мальчику захотелось, чтобы дяденька хоть разочек взглянул на него. Высунулся из-за матери и снова спрятался. Но решил смотреть не таясь, а прямо, а то что мужчина подумает? Скажет, трус какой-то. Вновь высунулся и долго, и смело смотрел на человека в плаще. Тот почувствовал его взгляд, обратил к нему суровое, неподвижное лицо, улыбнулся одними глазами и по-свойски подмигнул. Толик счастливо застеснялся и снова спрятался.

Из тамбура вкрадчиво проникли в вагон звуки аккордеона. Вошел слепой. Глазные бельма его отливали синевой. Он играл на немецком трофее. Тот переливался зеленым перламутром и сверкал хромированны-

ми решетками.

Сзади за хлястик распахнутой шинели держалась похожая на монашку поводырша.

Поезд огибал озеро. Вагоны мотались из стороны в сторону. Озеро кончилось — женщина дернула спутника за хлястик. Он снял пилотку и протянул ей. Шаркая одной ногой и подтягивая к ней другую, двинулся вперед и загнусавил самодельную жалостную песню:

Сирота я, слепой сиротинка.
Люди добрые кормят меня.
Доживу я, несчастный, в потемках
До веселого смертного дня.

— Дорогие братья и сестры, матери и отцы, не откажите слепому калеке, опаленному войной, в хлебе насущном! — монотонно, нараспев, проговорил певец. И с надрывом вместе с поводыршей повторил:

Доживу я, несчастный, в потемках
До веселого смертного дня.

В пилотку посыпалась мелочь, кто-то бросил мятый рубль. Женщина как заводная кланялась, крестилась и благодарила:

— Спаси Боже вас! Спаси Господи вас!..

И фашистского гада я стрельнул —
Труп с горы покатился его,
Но глаза мне войной опалило —
Я не вижу теперь ничего,—

закончил куплет слепой и снова обратился к братьям и сестрам.

Толик заранее взял у матери денежку и с нетерпением ждал, когда певцы подойдут поближе. До боли сжав в кулачке монету, он покраснел и робко подошел к пилотке с ржавой дыркой от звездочки. Разжал кулачок и стеснительно уткнулся в колени матери.

Человек в плаще, разгладив на столике синюю пятерку, аккуратно положил ее в пилотку.

Старик долго шарил по карманам, рылся за пазухой и, похлопав себя, виновато развел руками:

— Проштите, люди добрые, ни копейки нет!

Надо мною кружит черный ворон.
Мать сыночка родимая ждет.
Где умру я, никто не узнает,
Лишь соловушка песню споет,—

закончил в конце вагона слепой.

Полина прослезилась, скомкала мокрый платочек. Толику тоже хотелось плакать, но он сдержался.

— И куды это народ вше едет и едет? Я вот к шыну, а оштальные куды?..— вдруг некстати прошепелявил старик.

Но ему никто не ответил.

И шли они по темному тоннелю и шли, пока лестница не вывела их в вестибюль свердловского вокзала. Там тяжко пахло хлоркой и туалетом, а над головами летали воробьи.

Дикторша то и дело объявляла, чтобы какие-то родители, потерявшие дочку или сына, зашли в комнату милиции. Вестибюль содрогался от людской круговерти — невозможно было остановиться. Толпа с «пятьсот веселого» вытолкнула Полину с сыном на улицу и оттеснила к арке. Толик засмотрелся на барельеф железнодорожника. Но его заслонил здоровенный дядька, который стал играться с золотиночным шариком. В другой руке он держал целую кучу этих шариков. Какой ребенок мог пройти мимо и не потребовать у матери: «Хочу шарик!» Рядом с дядькой пристроилась мороженщица с фанерным лотком на животе.

Полина оставила Толика на вещах, а сама побежала за билетами. Он, открыв рот, смотрел, как скачет шарик: точно живой, даже не видно резинки.

Матери долго не было, и он уже представлял одну картину страшнее другой. Будто у мамы вытащили деньги или она без Толика заблудилась, как в Тюмени… Ему стало жалко мать и себя, и он заплакал. А чтобы никто не увидел, что он плачет, и не сдал его в милицию, наклонил голову к узлу, будто стал этот узел развязывать.

Запаленная, Полина прибежала с носильщиком в белом фартуке и с бляхой. Тот перехватил узлы ремнем, перекинул через плечо, взял кошелку и повел пассажиров за собой по длинному темному тоннелю на поезд до Нижнего Тагила.

В дороге люди знакомятся, спрашивают: «Куда вы едете?» До Свердловска Толе с матерью не раз приходилось отвечать, что едут они в Нижний Тагил Свердловской области. Соседи неопределенно тянули: «А-а, Свердловск, как же, знаем, большой город. А Тагил, да еще Нижний, нет, не слыхали про такой». Правда, в Ялуторовске подсел к «тагильчанам» электромонтер с наточенными железными когтями через плечо. Так он вспомнил фронтовую поговорку: «Броней стальною из Тагила фашистам роется могила!» Сам он воевал радистом на тагильском Т-34. Крепкую сталь варили в Тагиле. Гораздо надежнее хваленой крупповской. Тугая броня — снаряды, как мячики, отскакивали.

Люди на новом месте оглядываются кругом и смотрят на небо. Над бараками по другую сторону железнодорожных путей высился частокол труб и красил небо цветными дымами.

Измученный дорогой, Толик уже почти спал. Полина догадалась сдать вещи в камеру хранения. Разузнала, как добраться до Смычки, где проживал муж.

Оказалось, что поезд расформировывался на железнодорожном узле под названием Смычка. Подхватив сына на руки, Полина обратно побежала в свой вагон.

На станции вышло человека три. И те шмыгнули под вагоны — не у кого было спросить про Тормозной тупик.

Темнело. Полина с проснувшимся Толиком поднялись на перекидной мост. Прямо под их ногами вспыхнул прожектор и осветил бесчисленные узкие спины вагонов. Словно задремали одномастные коровы. Черные туши паровозов блестели на запасном пути.

Рядом остановился долговязый железнодорожник и закричал в ухо Полине:

— Красоти-ища!

Она вздрогнула и спросила про Тормозной тупик. Он указал на паровозы:

— Как закончится хвост ихний, там и тупик ваш.

В хвосте ИСов пристроилась «кукушка», уткнувшаяся в бугор с рельсом на ко́злах. На верху крутого высокого откоса светилось окно. К дому поднимался шаткий трап с занозистым перильцем. Судя по всему, это и был тот самый дом, затерянный в огромной стране, к которому ехали мать и сын.

Петр ЛЮБЕСТОВСКИЙ (КУЗНЕЦОВ)

г. Сельцо Брянской области

Родился в 1947 г. на Смоленщине, в д. Любестово, в большой семье фронтовика. Окончил Звенигородский финансовый техникум и Калининский госуниверситет. По образованию юрист. Служил в ВС и в МЧС. Подполковник в отставке. Живет на Брянщине, в г. Сельцо. Работает учителем в школе-интернате. Публиковался в еженедельниках «Литературная Россия», «День Литературы», в журналах «Молодая гвардия», «Север», «Дон», «Искатель», «Странник», «Сельская новь», «Воин России», «Пограничник», «Нана», «Огни над Бией», «Приокские зори», «Фантастика и детективы», «Наша молодежь», «Милиция», «Молоко», «Иван-да-Марья», «Ковчег», «Земляки». Автор десяти книг прозы. Член СПР и СЖР. Руководитель литобъединения «Парус» (г. Сельцо). *Наш постоянный автор.*

ОТЧИЙ ДОМ

Отец Антона Русакова во время службы на границе участвовал в боевых действиях против афганских моджахедов. Получив тяжелое ранение, был комиссован. Долго болел.

Перед смертью позвал сына и, тяжело дыша, прохрипел:

— Береги мать, Антон. Помогай во всем. На тебя вся надежда. Не покидай родительский дом. Здесь ищи свое счастье. Изба наша состарилась, прохудилась. Приложи все силы, чтобы поставить новую… Работай и живи по совести, чтобы уважали…

После похорон Антон сквозь слезы успокаивал мать:

— Мам, не плачь, я никогда тебя не брошу. Буду заботиться о тебе. Обязательно выполню наказ отца — построю новый дом. Будем жить вместе...

Слово свое Антон держал крепко. Нина Михайловна нарадоваться на сына не могла — настоящий хозяин. В поселке все завидовали ей: «Путевый парень вырос — заменил отца в доме».

Будучи студентом строительного техникума, Антон деньги с матери не тянул. Жил на стипендию и подрабатывал. В выходные заглядывал домой, помогал матери по хозяйству. Когда настала пора идти в армию, узнал о льготе, освобождающей его от службы. И долго раздумывал, как поступить. Заметив озабоченность сына, Нина Михайловна сама завела разговор об армии и дала материнский совет:

— Иди служить, сынок. Будь как все настоящие парни. Обо мне не беспокойся. Здоровье, слава Богу, пока не подводит. Я буду молиться, чтобы ты вернулся живым и здоровым. Надеюсь так и будет. Снаряд

дважды не попадает в одну воронку. Хватит того, что отец пострадал во время службы.

Антон попросился служить на границу. В ту пору неспокойно было на Кавказе. Вслед за сослуживцами Антон подал рапорт о направлении в «горячую точку», но начальник заставы отчитал его:

— У нас здесь тоже не малина. Бывает и горячо. В такое непростое время Родина доверила тебе важное дело — крепко держать границу на замке. Гордись этим и старательно учись военному делу.

Отслужив, Антон вернулся в родной дом. Мать бросилась на шею, обняла, стала целовать.

— Заждалась тебя, сынок, извелась вся. Молилась, чтобы не попал в пекло... Возмужал. Стал еще больше похож на отца. Отдохни, наберись сил…

— Ты лучше о себе подумай, мама,— прервал ее Антон.— Вижу, как нелегко дались тебе эти два года — голова покрылась инеем. А мне некогда отдыхать. Надо ехать в город, работу искать. Деньги нужны на новую избу. Хатенка наша скособочилась, в землю вросла, и латать ее бесполезно.

— Не спеши, сынок. Слава Богу, жив, здоров. Остальное — дело времени.

Антона приняли на должность бригадира в СМУ. Работал на совесть, нередко по две смены. Подменял бригадиров на других участках. Не чурался черновой работы: подрабатывал каменщиком, плотником, сварщиком.

Все деньги шли на стройматериалы. Средств не хватало, пришлось залезть в долги. Через год начал стройку. Привлек подручных. Когда было туго, на помощь приходили друзья. И так целых два года — не покладая рук.

Дом вышел на загляденье. Добротный пятистенок с верандой и мансардой, с большими окнами на юг вписался в живописный пейзаж усадьбы Русаковых. Женщины, проходя по улице, не могли удержаться от восторга. Советовали Антону:

— В такие хоромы нужна хорошая хозяйка.

— За этим дело не станет,— улыбался в ответ Антон.

Вскоре после новоселья Антон привез из города белокурую худосочную девушку с длинными ногами и серыми с поволокой глазами. Нина Михайловна встретила гостей на крыльце.

— Мам, это Алина. Прошу любить и жаловать,— улыбнулся Антон.

— Милости прошу в дом,— слегка растерявшись, молвила хозяйка.

За столом Нина Михайловна узнала, что Алина окончила институт культуры. Работает в городском ДК. Молодые познакомилась на концерте в честь призывников, где Антон исполнил армейскую песню под гитару.

После завтрака Антон предложил подруге прогуляться, посмотреть родительскую усадьбу, пройтись по поселку, заглянуть на берег живописного озера, побродить по тенистым аллеям старинного дворянского парка.

— Ты увидишь, как красив наш поселок в эту чудесную осеннюю пору. Деревья полыхают кострами — глаз не оторвешь. Березовая роща золотом усыпана. А небо такое бездонное и такое притягательное, что не устаешь любоваться этой голубой солнечной верходалью. В такие минуты душа поет. За последние годы очень соскучился по родным местам…

Алина равнодушно выслушала друга и отказалась от прогулки:

— Мне надо отдохнуть. А вечером поедем в город. Я чувствую себя здесь не в своей тарелке,— выговаривала она Антону, попыхивая сигаретой.

Нина Михайловна очень удивилась, когда сын с подругой стали собираться в обратную дорогу.

— Что вы так мало погостили? Может, чем обидела?

— Нет, мам, нам надо в город. Срочные дела,— пояснил Антон.— Приедем в следующий выходной. Поможем картошку копать.

В следующий выходной Антон приехал один. Мать поинтересовалась:

— Что же Алина не приехала? Видно, не по нраву ей у нас?

— Она работает. Репетиции без конца. Готовит праздничный концерт.

— Знаешь, сынок, не получится ничего у тебя с ней. Разные вы люди.

— Мам, она красивая, мягкая по характеру, покладистая.

— С красоты воды не пить, как говорят в народе. Тебе, сынок, надо искать девушку другого склада — чуткую, живую, работящую. Ну, какая из нее хозяйка будет в нашем доме?!

— Мам, я сам знаю, что Алина белоручка, к деревенскому труду не приучена, но это поправимо.

— Нет, сынок, без желания ничего не получится. Помнишь, как говорил отец: «В наших силах привести лошадь к водопою, но не в силах заставить ее пить». Это надо было прививать с детства. А теперь поздно. Да и не поедет она жить в село, если даже сутки здесь не выдержала.

— Мам, может ты и права, но есть в ней что-то такое привлекательное… Словом, пока не буду спешить. Снимем в городе квартиру, поживем вместе. А там видно будет.

Антон продолжал каждый выходной навещать мать. Алина больше не приезжала. Нина Михайловна допытывалась у сына:

— Что же ты, сынок, все один да один? Соседи интересуются: «Антон твой, вроде, женился, невестку тебе показал, а она хвостом мотнула и пропала. Видно, ей не по нутру деревенская жизнь. Мог бы и селянку себе найти…»

— Мам, не знаю что делать. Хотел квартиру снять, но Алина от родителей никуда. Живу у них. Относятся ко мне хорошо. По утрам Алина спит, а ее мать готовит мне завтрак, провожает на работу.

— Смотри сам, сынок. Поживи, узнай. Только детей не спеши заводить.

Однажды Антон приехал к матери и заявил:

— Все, мам, я ушел жить в общежитие. Ты была права — разные мы с Алиной люди. Я работал по две смены, а все мои деньги уходили на дорогую косметику, наряды, украшения. Алина стремилась шикарно выглядеть, красиво отдохнуть, вволю погулять. А мне это претит. Перекантуюсь пока в общаге. Проштудирую школьные учебники. У меня серьезные планы. Учиться дальше думаю. А еще хочу скопить деньжат, купить машину, чтобы чаще дома бывать, тебе помогать.

Осенью Антон поступил на заочное отделение строительного института, и вскоре был приглашен на должность главного инженера в солидную строительную фирму. С женитьбой не торопился. Попрежнему навещал каждую неделю мать, помогал ей. Ежедневно перезванивались.

Как-то по весне мать позвонила и обратилась к Антону за советом:

— Сынок! В поселок приехали беженцы из Украины. Бежали от войны. Им негде жить. Хочу взять к себе семью. Как ты смотришь на это?

— Мам, у тебя ангельская душа. Ну, конечно, людям в такой ситуации надо помогать. Не от хорошей жизни бегут. На их долю выпало ужасное испытание. Не приведи Господь такое пережить. Не раздумывай, приглашай.

— Спасибо, сынок, за твое доброе сердце. Я знала, что оно откликнется на чужую беду, и уже пригласила молодую семью из трех человек.

Антон приехал в субботу. Осмотрев комнаты, с удивлением заметил:

— Не вижу наших гостей.

— Анфиса с дочкой в магазине. Она учительница. Вчера ходила в школу по поводу работы. Берут учителем русского языка и литературы. А пятилетнюю Дашу обещали устроить в детский сад.

— А где же глава семейства? — поинтересовался Антон.

— Виталий привез их, переночевал и уехал. Он военный. Сказал: «Пока жив, буду защищать землю и людей Донбасса от бандеровской нечисти». Вот их фотография,— показала Нина Михайловна на столик в святом углу.

Антон подошел, взял в руку фотографию в багетовой рамке. Вгляделся.

— Красивая пара…

— Красотой Бог не обидел, да счастья не дал,— раздался за спиной приятный женский голос. Антон обернулся. Стройная, очень красивая белокурая девушка с выразительными светлыми глазами, полными тихой грусти, протянула ему руку:

— Давайте знакомиться. Меня Анфисой зовут. А это моя дочурка Даша,— показала она на голубоглазую девчушку, прильнувшую к ноге матери.— А вы сын нашей дорогой Нины Михайловны?

— Да, Антон Русаков,— смущенно улыбнулся он, протягивая в ответ руку. И слегка пожав худенькую ладошку незнакомки, поймал себя на мысли, что ощутил в пальцах тепло и легкое покалывание. Тотчас отвел руку, погладил по голове девочку.— Простите, что взял без спроса ваше фото…

Анфиса достала из пакета продукты.

— Давайте попьем чайку,— предложила она.

— По такому случаю не грех выпить по чарке,— сказал Антон, доставая из спортивной сумки бутылку вина и коробку конфет.— А это, Дашунька, тебе,— протянул он девочке плитку шоколада.

Нина Михайловна и Анфиса быстро накрыли стол. Когда все уселись, Антон разлил вино по рюмкам и предложил:

— За наше знакомство, за благополучие, за то, чтобы на вашей братской земле как можно быстрее установился прочный мир!

За столом завязалась беседа. Русаковым хотелось больше узнать об Анфисе, ее муже, который встал на защиту родной земли с оружием в руках, об их родителях, которые остались там, под огнем. Но Антон и его мать старались не задавать лишних вопросов. Откровенность, как известно, по просьбе не получается. Анфиса сама приоткрыла душу…

Она рассказала, что родом из-под Луганска, из сельской семьи. Училась в Донецком университете. На одном из студенческих вечеров познакомилась с Виталиком Гуренко. Он сирота. После учебы поженились. Уехали в Луганск. Работали в одной из школ. Жили дружно, в любви и согласии. Родилась дочь. Когда началась война, село, где жили родители Анфисы, оказалось на линии огня. Во время очередного обстрела в их дом попал снаряд. Дом сгорел, родители погибли. И тогда Виталик оставил работу, вступил добровольцем в армию ЛНР и поклялся, что будет сражаться, пока на Донбассе не наступит мир. Луганск постоянно подвергался обстрелам, и Виталик убедил жену не рисковать, уехать с дочкой в Россию.

— Люди сошли с ума. Свои убивают своих. Господи! Вразуми их, просвети их души омраченные…— взмолилась Нина Михайловна.

— Да-а-а,— сказал Антон.— Вначале собственными руками разрушили великую державу, теперь пошли рушить дальше, убивать друг друга. И куда придем?! Кому-то выгодно стравливать людей, ослаблять, наживать на чужом горе капитал. Но наш братский народ не сломить — это показала история. Жаль только

жертв, безвинно страдающих женщин, стариков, детей… А вас мы в обиду не дадим,— обратился Антон к Анфисе, заметив в ее глазах слезы.— Я оставлю телефон. Понадобится помощь, обращайтесь. Чем смогу — помогу. Жизнь наша чего-то стоит, когда в ней нуждаются…

Антон уехал. И каждый вечер звонил матери, справлялся о здоровье и о том, как идут дела у Анфисы, как чувствует себя Даша, и нет ли новостей от Виталия. Нина Михайловна подробно рассказывала сыну:

— Анфиса вышла на работу. Коллектив принял хорошо. Детки рады, что у них такая красивая и добрая учительница. Провожают ее до дома после уроков. Даша ходит в садик. Ей там нравится, много игрушек. Анфиса помогает мне. Пора сейчас горячая, много работы. В палисаднике разбила цветник. В огороде засеяла грядки. Все у нее ладится. И Дашу приучает к труду. Виталик звонит, обещает приехать.

— Мам, я теперь буду реже наведываться домой, хотя меня сейчас как никогда тянет в родные стены. Но я не хочу, чтобы злые языки навредили Анфисе. Ведь я холост, а она в разлуке с мужем. Поползут сплетни.

— Ты правильно рассуждаешь, сынок. Фиса-душечка. Не надо ей лишних переживаний. И так настрадалась. Мы потихоньку управимся сами.

Антон заглянул в отчий дом на майские праздники. Привез подарки и сладости. После завтрака мать по секрету рассказала ему, что Анфиса интересовалась, почему Антон редко приезжает. Просила передать привет…

Антона это сообщение взволновало и, чтобы не выдать себя, он поспешил в сад. Анфиса вышла следом, увидела, что Антон окапывает деревья, предложила свою помощь.

— Отдохни, Анфиса. Ты и так много трудишься,— сказал Антон.— Давай лучше посидим в беседке, полюбуемся этой волшебной красотой,— с дрожью в голосе предложил он.— Люблю эту пору, когда белой пеной вскипают сады, когда по поселку плывут сладкие дурманящие запахи. Жаль только, что мимолетны эти мгновения, как и жизнь человеческая…

— Прекрасное тем и прекрасно, что мимолетно. Будь иначе, мы бы привыкли к этим прелестям и не замечали бы их. Если бы у человека было две жизни, разве он восторгался бы этой красотой, ценил бы ее?! Люди и одной жизнью не дорожат — сплошь раздрай, войны, конфликты. А ведь дороже жизни ничего нет, и надо ценить ее, свою и чужую. Каждый день, каждое мгновение в ней дорого до слез. «Ах, если б каждый раз так видеть землю, будто одно лишь это утро осталось про запас».

Антон посмотрел на Анфису и увидел в ее глазах слезы.

— С Виталием все в порядке?

— Ждем. Обещал приехать,— уткнулась лицом в ладони Анфиса.

— Не надо,— погладил ее по плечу Антон.— Будь сильной.

Вечером Антон сказал матери:

— Мам, я пойду к Сереге Синицыну. Он сейчас один — жена сбежала к родителям. Посидим, потолкуем, поговорим за жизнь. Заночую там. Анфисе ничего не рассказывай, куда и зачем ушел.

Нина Михайловна одобрительно кивнула головой.

Утром, подходя к дому, Антон заметил возле крыльца незнакомца в камуфляжных брюках, с крепким торсом. Парень обливался водой.

Антон подошел, протянул руку.

— Доброго здоровья! Будем знакомы — Антон Русаков.

Парень вытер полотенцем влажную руку, пожал руку Антона.

— Здравия желаю! Виталий Гуренко.

После завтрака Виталий предложил Антону:

— Давай посидим в саду. У меня к тебе важный разговор.

Они прошли в беседку, присели. Виталий молчал. То ли волновался, то ли собирался с мыслями. Наконец, слегка дрожащим голосом, сказал:

— Спасибо, что приютили мою жену и дочь. Я вечером уезжаю. Вижу, что ты надежный мужик, поэтому обращаюсь с просьбой: если со мной что-либо случится, поддержи мою семью. У нас из близких никого не осталось...

— Об этом не думай,— сказал в ответ Антон.— Думай лучше о том, как сберечь себя. Они любят тебя и ждут. О семье не беспокойся.

После майских праздников Антон уехал в город, вышел на работу. Не прошло и недели, как позвонила мать. Сквозь слезы проговорила:

— Сынок, срочно приезжай. У Анфисы огромное горе. Ей сообщили, что Виталик погиб…

Антон помчался домой.

Анфиса сидела на диване в черной косынке и тихо плакала. Ее затуманенные глаза были устремлены в одну точку, где на столе в святом углу находилось их семейное фото. Рядом с ней, уткнувшись головой в колени матери и слегка вздрагивая, лежала Даша. Антон присел рядом. Обнял обеих…

Он довез Анфису с дочкой до украинской границы. Там их встретил сослуживец Виталика с женой.

Расставаясь, Антон взял на руки Дашу, поцеловал. Потом подошел к Анфисе, сунул ей в карман деньги, обнял и дрожащим голосом прошептал:

— Возвращайтесь. Я буду вас очень ждать.

Галина МАМЫКО

г. Симферополь, Крым

Выпускница Калининградского госуниверситета, работала учителем, журналистом. Публикации в журналах: «Русское поле» (г. Орел), «Южная звезда» (Ставрополье), «Приокские зори» (г. Тула), «Новая Литература», «Русский переплет» (Москва), «Молодое Око», «Российский писатель», «Русичи» (Крым), «Русская линия», «Житти завтра» (Украина), «Русская Жизнь», «Камертон», «День Литературы», «Ковчег», «Мегалит» и др. Сборник рассказов и сказок Галины Мамыко «Мармеладный домик» вошел в лонг-лист финалистов конкурса Горьковской литпремии 2017 г. Наш постоянный автор.

КОНФУЗ
(рассказ)

Впервые за долгое время Инна Борисовна Кудлатая пришла на работу в хорошем настроении. Накануне ее поцеловал тот, кого уже целых три месяца она любила.

Все нравилось ей в Николае Васильевиче Гоголькове, внешность, манеры, разговоры. А больше всего нравилось, что новый директор оказался неженатым.

Инна Борисовна делала ему глазки. На переменах, на школьных линейках, на педсоветах. Она бегала к нему в кабинет по неотложным вопросам.

Не только Инна Борисовна, но и иные коллеги, тоже из одиноких, оживились и расцвели.

И вот — случилось. День рождения директора. В коллективе скинулись и накрыли стол.

Исполнилось Николаю Васильевичу Гоголькову двадцать восемь. Успевшая ухватить место рядом с именинником, Инна Борисовна Кудлатая первая подняла тост и первая поцеловала Николая Васильевича в самые губы. Ее примеру последовали другие. Директор улыбался, он считал неприличным бороться с дамами.

В этой школе он был единственным холостяком.

Было еще двое мужчин, но — женатых, физрук и сторож. Оба любили выпить и появление в школе третьего мужика восприняли на ура.

Словом, многие возлагали на Гоголькова самые различные надежды.

Николай Васильевич, разумеется, ощущал тайный ажиотаж вокруг своей персоны, но не придавал этому значения. Его, увлеченного внедрением давно назревших педагогических реформ в местном болоте, ничто иное не интересовало.

Что касается именинного банкета с борьбой невест за жениха во главе стола и далеко идущих сердечных планов Инны Борисовны, то здесь ей удалось обставить конкурентов.

Она находчиво, втихаря, договорилась с директором, что проводит его домой.

Когда она, вцепившись в локоть Николая Васильевича, уводила его из школы, то на них, конечно, смотрели.

То ли еще будет, торжествующе думала Инна Борисовна.

Наконец, они пришли к двухэтажному дому.

Репутация этого двадцати четырех квартирного сооружения как символа единственного городского оазиса посреди сельской глуши сошла на «нет» очень давно. Когда в эпоху уничтожения колхозов было раздолбано к ужасу интеллигентов еще и центральное отопление. Вот тогда суровые отечественные зимы для жителей многоквартирного оазиса и обрели особый оттенок непростой русской романтики. Бороться с холодами интеллигенты научились кто с помощью каминов и котлов, ну, а кто с помощью пол-литры и народных гуляний. Словом, здание это стало в селе наподобие веселого общежития. Сельчане нарекли его Домом культуры, взамен другого, разграбленного в девяностые, помпезного советского дворца с белыми колоннами, почившего в дебрях заброшенного парка отдыха с его нынешними позорными остовами скамеек, с липкими от грязи ручейками дорожек, из которых по ночам неизвестные ковыряли-ковыряли, да и выковыряли всю тротуарную плитку.

Николаю Васильевичу выделили однокомнатную квартиру на втором этаже. Сюда он приходил обычно на ночь, чтобы прямо на полу, поверх расстеленного одеяла, выспаться и снова вернуться в школу.

Сейчас, когда он и его спутница, как и подобает людям несемейным, неприкаянно, по-сиротски топтались под разбитым фонарем возле подъезда, словно не знали, а куда идти, а где жить, да и вообще как именно жить-то, к ним из открытых форточек доносились сигналы полноценной семейной жизни многоквартирного рая. Бурлили где трезвые, а где не трезвые разговоры, звякала посуда, пахло жареной картошкой, шумели телевизоры, пищали младенцы, хохотали и топотали по комнатам не желающие спать дети. С другой стороны села было слышно, как пьяный мужик под лай собаки ругал матом «дуру-жену».

— Ну, что же мы, так и будем стоять? — сказала утомленная ожиданием любви Инна Борисовна и вытянула дудочкой губы.

Захмелевший после банкета Николай Васильевич взглянул перед собой и, подумав, облобызал «дудочку».

После поцелуев и приятных разговоров Инна Борисовна предложила теперь уже ее проводить домой, и Николай Васильевичне имел больше права отказать.

— Вы, наверное, родственник тому самому Гоголю, а, дорогой мой почти Гоголь? — говорила Инна Борисовна и налегала на Николая Васильевича всем телом, колыхающимся от смеха.

У директора от ее телодвижений шла голова кругом. Он с удовольствием соглашался, да, потомок, да, Гоголя, в честь него двадцать восемь лет назад его и назвали драгоценные родители, преподаватели русской литературы.

— Да что ты говоришь! — Инна Борисовна перешла на «ты» («Пора!» — мелькнуло в ее голове).— Значит, я с твоими предками найду общий язык.

И она снова налегла на Николая Васильевича.

— Ты думаешь? — сказал он с глупой улыбкой, тоже перейдя на «ты».

Они пришли к дому Инны Борисовны и стояли возле калитки. Их громкие голоса разносились в ночной тишине.

Над головами мигало звездное небо. Заворчал пес в будке, всхлипнул какой-то зверь, и снова резанул тишину смех Инны Борисовны.

Дверь в доме приоткрылась, в полоске электрического света высунулась голова женщины. Это была мать Инны Борисовны — Екатерина Михайловна Кудлатая. Увидев, что дочь пришла с мужчиной, Екатерина Михайловна закрыла дверь. Но тут же дверь опять скрипнула, на этот раз выглянул отец Инны Борисовны — Борис Петрович Кудлатый. Поглядев с полминуты на кавалера дочери, Борис Петрович закрыл дверь. В доме исчез свет в окнах. Это означало, родители Инны Борисовны в щелочку между занавесками смотрят на молодых.

— Что ты имеешь в виду?

— Потому что я тоже училка литры, как и твои папочка с мамочкой, а значит, общий язык с ними мне обеспечен,— снисходительно к мужской тупости растолковала Инна Борисовна.

Она засмеялась и придвинулась коленками.

— А у меня как раз завтра Гоголь-моголь в шестом,— сказала она, напирая на коленки Николая Васильевича.

— Правда?! — директор воскликнул, пожалуй, слишком искренне, но эта его, даже если и напускная, горячность все равно Инне Борисовне понравилось.

— Правда! — сказала она и чмокнула его в щеку.

Он помолчал и, наконец, довольно решительно признался, что как раз именно завтра планировал прийти к ней на урок.

— Я буду ждать тебя! — сказала Инна Борисовна на прощанье.

Он слово сдержал.

Инна Борисовна урок проводила на подъеме. Она засматривалась туда, где за последним столом маячила длинная фигура директора. Он боролся с дремотой и силился придать лицу внимательное выражение. В его голове бродил не выветрившийся после вчерашнего застолья хмель, а душу томили свежие воспоминания о поцелуях Инны Борисовны.

За всю свою не такую еще и длинную жизнь Николай Васильевич не имел пока отношений с женщинами. В университете как-то было все некогда — учеба, сессии, ну, а потом и вообще. Преподавание истории в городской школе. Он отдался педагогике целиком и безоглядно. Работа захватила его. А после уроков, конечно, футбол с пацанами, под восторженные крики девчонок, а в выходные — походы с классом за город в леса и горные дали.

Его энтузиазм оценили и предложили повышение — в места, правда, глуховатые… Но ведь, сказали будущему директору полупустой школы, кому, как не таким, как он, поднимать село, просвещать народ, восполнять, в конце концов, нехватку кадров. Да, с бытом не вполне. Дороги не ахти. Ну, газа нет. Что еще? С водой напряг. Но ведь, елки-палки, есть то, чего в городе нет: деревянные дореволюционные колодцы с замечательной ключевой водой. И, не менее важно, порядок с электрификацией. Ну, а главный козырь — интернет недавно появился. Пусть на тридцать лет позже, чем хотелось. Но ведь появился. Благодаря, кстати, увлеченному радиоэлектроникой смекалистому десятикласснику-патриоту. Пацан уговорил местных мужиков за бутылку водки сварить из стальных прутьев многометровую вышку. И это чудо-юдо вместе с прифигаченным роутером обеспечило деревенские избы интернетом. Вот какой потрясающий патриотизм. Стране нужны патриоты. Страна зовет. Подрастающее поколение требует жертв. На такие речи высшего начальства Николай Васильевич, конечно, с горячим чувством откликнулся.

— Дети. Сегодня мы начинаем изучать творчество удивительного русского писателя. Его имя…

Тут Инна Борисовна поймала взгляд директора, вспыхнула и сказала:

— Николай Васильевич Гогольков.

Услышав свою фамилию, директор очумело взглянул на Инну Борисовну. Его взгляд показался ей таким страстным, таким влюбленным, что ей захотелось летать, петь и даже плакать.

— Гоголь, а не Гогольков.

Это сказала отличница Нина Умехина. Она сидела под носом у Инны Борисовны. Перед Умехиной, рядом с ноутбуком, лежали смартфон и учебник, открытый на странице с биографией писателя.

После запоздалого прорыва в глобальную паутину в селе, понятное дело, наблюдался бум вокруг гаджетов, а в местной школе даже полагали, что благодаря интернету улучшилась дисциплина. Ведь дети теперь на уроках не столько баловались, сколько торчали в своих телефонах.

— Именно Гоголь,— повторила с воодушевлением Инна Борисовна, не смутившись оговорки.

Она, если честно, ненавидела свою профессию. Школу она называла дурдомом. Детей же побаивалась, потому что те, жаловалась она своим папе с мамой, садились ей на голову.

Но сегодня ничто не могло выбить из колеи Инну Борисовну.

Да и шестиклассники в присутствии дирика вели себя непривычно хорошо, без запусков бумажных самолетиков.

С сегодняшнего утра Инна Борисовна воспринимала работу под новым углом зрения. Она обнаружила себя вдруг в прекрасном и очень близком будущем. Таком же близком, как сидящий неподалеку от нее Николай Васильевич Гогольков. Там, в будущем, случится то, чего она так ждала эти беспросветные годы: счастье.

Когда она переводила взгляд с дремлющего Гоголькова на сидящих перед собой детей, то, конечно, думала не о них, а о других детях. Их еще нет, но они, она была уверена, обязательно появятся у нее с Гогольковым. Когда она смотрела в окно, то наблюдала там, за коровниками и полями, там, под солнцем, те самые свои новые жизненные горизонты.

— Гоголь Николай Васильевич написал, дорогие мои, много великих книг. Писал он гениально. И как это свойственно гениям, ушел из жизни в цветущем возрасте. А прожил он всего лишь…

Тут Инна Борисовна запнулась. То ли из институтской учебы, то ли из интернетной помойки, в памяти брезжили обрывки полученных знаний — Гоголя по недоразумению вроде похоронили живым, и он оттого в гробу перевернулся, а перед тем, как его похоронили, он сжег рукопись нового тома «Мертвых душ». Но вот сколько он жил лет — тридцать, сорок, а может, и все пятьдесят,— это Инна Борисовна не могла точно сказать.

Не завершить начатую фразу означало для нее позор и публичное признание в невежестве. Она украдкой скользнула взглядом по физиономиям. Слушатели, из тех, кто не сидел в телефонах, как назло, не отвлекались и явно ждали продолжения. Оно им надо, подумала она.

На подсчет, а сколько же, в самом деле, он жил, у Инны Борисовны были секунды. Она бросила взгляд в учебник на столе Умехиной. Ага, вот оно: 1809 — 1852. От «1852» отнять «1809». Без калькулятора, в голове, второпях, это ужас. Но что-то, да получится. Получилось «32». На повторный пересчет времени не было. Молчать становилось неприлично.

Она удивилась, Гоголь умер, оказывается, в ее возрасте, и вслух сказала:

— …тридцать два года! Представляете, как мало! И как много успел!

Она перешла к лекциио творчестве Гоголя, собираясь пересказать самое захватывающее из того, что было в ее памяти, а это в первую очередь, разумеется, фильм «Вий». Но опять послышался голос Умехиной. По ее подсчетам в ноутбуковском калькуляторе получается отнюдь не тридцать два. Да и смартфоновская Википедия о том же. Умехина показала экран смартфона: умер в сорок два года. И если погуглить, те же цифры.

Инна Борисовна молниеносно оценила катастрофу. Она мысленно чертыхнулась по поводу забытого дома планшета, подсказкой которого могла бы так же успешно воспользоваться, как сейчас это сделала Умехина. Но утром Инна Борисовн была в столь расчудесном настроении, что прилетела на работу без сумки, без бумаг, без стопок смертельно надоевших ей ученических тетрадей. Без всего. Налегке. Как это случается с очень счастливыми людьми.

В ее голове вновь пронеслось все, что она когда-то слышала и читала о Гоголе. Самой яркой в этом биографическом компоте была спасительная для нее история то ли о мнимом,то ли о реальном сумасшествии Гоголя. На этой мысли Инна Борисовна и выстроила экспромтом дальнейшую версию знаменитой биографии.

— Понимаете, дорогие мои,— сказала она ласковым и даже вкрадчивым голосом.—Существует такое понятие, как творческая жизнь. Так вот, хотя Гоголь и прожил на физическом уровне действительно сорок два, с этим никто и не спорит, но с точки зрения творчества жизнь его, как литератора, завершилась гораздо раньше.

Тут она понизила голос.

— А теперь — то, что не афишируют. Завесу над жуткой тайной я лично для вас, дети, в порядке исключения, так и быть, приоткрою. Но с условием. Эту тайну вы сохраните до своей гробовой доски и ни-когда и ни-ко-му не расскажете.

В голосе Инны Борисовны появились драматические и почти замогильные нотки:

— Итак. Внимание!

Тут Инна Борисовна выдержала многозначительную паузу, сделала страшные глаза и обвела класс взглядом этих своих страшных глаз.

Даже те, кто сидел в телефонах, теперь завороженно смотрели на Инну Борисовну.

— Гоголь, увы, сошел с ума.

И она продолжила заговорщицким и каким-то совсем уже кровожадным голосом, так, будто описывала истории упырей из блокбастеров:

— На этой почве он даже сжег рукопись следующего тома «Мертвых душ». Представляете?! Главный вывод: именно по причине чокнутости последние годы существования Гоголя оказались ну просто натурально вычеркнутыми из жизни.

И в заключение деловито, голосом ученого лектора, почти скороговоркой:

— Вот почему, дорогие мои, отдельные продвинутые литературоведы не без оснований полагают количество прожитых Гоголем-писателем лет равным вовсе не сорока двум, а с точки зрения сочиненного им в здравом уме — тридцати двум. Все, что у него после тридцати двух, это не творчество, это не жизнь, а….

— Сумасшествие,— сказала смекалистаяУмехина.

— Именно,— подтвердила Инна Борисовна.— Согласитесь, дорогие мои, назвать полноценной жизнью сумасшествие — ну, ни в какие ворота, а уж для писателя и вовсе смерть. Се ля ви. Но, тс-с, это тайна!

Раскрасневшаяся от пережитого волнения, Инна Борисовна выдохнула и мысленно восхитилась своей находчивостью.

После этого она взглянула, наконец, на директора. Тот спал.

«То ли еще будет!» — вновь, как и накануне после банкета, когда она под руку уводила Гоголькова из школы, подумала Инна Борисовна, и ощутила необыкновенный прилив сил.

Валентина МАЦНЕВА

с. Архангельское Каменского района Тульской области

КИКИМОРА

Да, село было большое, жителей много, жили все одинаково бедно, но судьбы у людей складывались у всех по-разному.

Были люди, на которых, как говорится, можно было молиться. Это учителя, наши бабушки и мамы.

Но я хочу рассказать о двух совершенно разных людях.

В первую очередь — это наш участковый милиционер. Звали его Петр Игнатьевич. Даже старики обращались к нему по имени отчеству. Обслуживал он несколько сел: Закопы, Яблонево, Верхний Изрог.

Транспорта у него не было никакого, везде ходил пешком. Покоя он не знал ни днем, ни ночью. А ночами — особенно.

Он ходил, как тень, по селу, охраняя его покой.

Родителей его я не помню, они с ним не жили. С ним жила только сестра.

К нему шли за советом, за помощью. Грамотный, вежливый, всегда всех выслушает, подскажет, поможет.

Один раз был такой случай.

В селе Яблонево магазин стоял возле проезжей дороги. И какие-то залетные бандиты связали сторожа, вставили в рот кляп и бросили его за магазин. Магазин они обворовали.

А моя мама, в порядке подработки, помимо основной работы дояркой, взялась охранять в своем селе, в Закопах, магазин. Думалось, не страшно, летом ночи короткие, а днем, между дойками, она отдыхала. Так, после этого случая с грабежом, участковый по ночам приходил проверить не то, что она на работе — сторожит, а чтобы не сидела возле магазина, а сидела бы возле дома на противоположной стороне улицы, приглядывая, таким образом, за магазином. Мало ли чего!

Посторожив немного, мама отказалась. Страшновато было.

Скольких людей он от тюрьмы спас! Было время, когда за подобранный после уборки в поле колосок, за горсть зерна в кармане, за две — три свеклы, подобранные в поле, сажали в тюрьму.

Голодные, жестокие пятидесятые годы. Оклеветать могли любого. Он помогал, как мог. Вечная, добрая память живет о нем в народе.

А были и другие.

Жила в селе женщина. Жила одна. Активистка. Говорила тихим, вкрадчивым голосом, полунамеками. Обо всех, кто жил в селе, все знала, и всех шантажировала. Все ее боялись.

А тут еще и должность заняла она высокую! Сказать против — никто не смел ни одного слова. Когда видели, что она идет по селу — люди прятались, не хотели с ней встречаться. Помнила она о жителях все, что было и не было.

Зашла в дом к одному мужику:— Слушай Иван, скоси, пожалуйста, у меня возле дома траву. Сама-то я не могу, болею,— мило, скромно улыбаясь, попросила она.

Куда деваться? Мужик пошел, обкосил возле ее дома лопухи, крапиву, бурьян.

А она опять лисой к нему.— Иван, ты забери траву-то, мне она не нужна, а у тебя корова, годится. Бери, бери! — уже настаивает хозяйка.

Мужик понимает, что спорить бесполезно, да и опасно. Приехал на тележке, положил два навильня этого бурьяна и увез домой.

На следующий день эта женщина пришла к мужику домой и попросила, скромно так, не принесет ли его хозяйка ей молочка.

Хозяйка принесла молока, а женщина ее «обрадовала».

— Знаешь, мне много не надо сразу, а ты мне приноси по литровочке каждый день.

Так и носила ей женщина по литровочке постоянно, целый год, да и последующие годы. А Иван каждый год окашивал бурьян возле ее дома.

А другой женщине напомнила, зайдя к ней в дом, как та несла в фартуке горсточку колосков пшеницы с убранного уже поля.

Боясь оставить детей сиротами, женщина наложила ей яичек. С той поры так и стала платить «дань» яйцами.

Войдя в дом, эта страшная женщина здоровалась елейным голоском, спрашивала о здоровье и, между прочим, напоминала о каком-нибудь эпизоде:— А помнишь?..

А уж если кто попал ей на «крючок», соскочить было невозможно.

Но народная пословица гласит: «Не рой другому яму, сам в нее попадешь».

Вечер. Уже стемнело. Идет она по дороге в сторону мельницы и видит, как мужик скосил на болоте, где был колхозный сенокос, вязанку травы и вяжет ее веревкой, собираясь унести.

Уверенная в своей наглости, она пошла прямо на мужика. Вокруг безлюдно, никого нет.

Мужик поднял косу и погнал ее в сторону болота, где всегда была трясина. Она понимала, что с ней не шутят, что за свою жизнь она очень много принесла горя своим односельчанам. Пришло время расплаты.

И так, пятясь от мужика, она упала в трясину, которая тяжко вздохнула, выпустив воздух. Она долго барахталась, но спасти ее было некому. Мужик ушел, боялся, что не выдержит, пожалеет ее.

И с тех пор, с весны до осени, в болоте между селами, постоянно слышится вой. Люди говорят, что это голосит кикимора, но выбраться из болота ей уже не дано.

Долго ей, натворившей много зла, придется оплакивать свою судьбу.

ВЫПЬ

Зима! Русская зима! Красавица в белоснежных нарядах! Кудесница зима! Волшебница зима!

Сколько восхитительных слов сказано о русской зиме. И она этого заслуживает.

Сколько чудес можно увидеть!

Посмотри утром в окно, и ты увидишь, как искрятся, переливаются снега. Легкий скрип снега под ногами поднимает настроение, придает бодрости. Морозец румянит щеки, ресницы стали пушистыми, белыми, дыхание вырывается белым паром.

Потеплело. Морозец спал, и пошел снег крупными ажурными, кружевными снежинками.

Разве это не чудо! Кто же их делает такими хрупкими и красивыми? Они все правильной формы! Как это может быть?

А ночью ударил мороз. Вышел месяц из своей хрустальной светлицы и не узнал привычный небосклон.

Откуда взялось столько мерцающих, переливающихся звезд на искрящемся Млечном Пути?

А к утру — весь мир в белом наряде! Все бело и пушисто: и деревья, и дома, и провода, и изгороди. Каждое деревце стоит сказочной невестой.

Смотришь из окна и думаешь:— Боже! Как красиво! Это же настоящее Берендеево царство, такая первозданная красота! Сейчас выйдет кудесник дед Мороз со своим волшебным морозильным посохом, ударит им о землю, скажет свои волшебные слова, и эта красота останется навечно красивой русской сказкой!

Но, нет! Вдруг подул северный ветер, начал сбивать и рушить красоту предыдущего дня. Закружила метель, взмахнув своим волшебным белым крылом, и пошла такая кутерьма! Ветер ревет, свистит, гнет и раскачивает деревья. Дорогу замело. В окна стучат ветки деревьев, летят комья снега. Птицы и звери попрятались. Люди тоже стараются не выходить из дома. Смотрят в окно и думают: «Какая же сила в природе! И никогда она не будет подвластна человеку, никогда он не сможет накинуть на нее узду, как на строптивую лошадь. Нет! Не дано!».

Подходят зимние праздники: Новый год, Рождество, Старый Новый год, Крещение. Самая середина зимы. А она уже постаралась: намела огромные сугробы, небольшие низкие деревенские дома замела по са-

мые крыши.

Утром невозможно открыть дверь. Но люди радуются такому обилию снега, ведь поля тоже накрыло толстым снежным покровом. Озимым тепло, их мороз не достанет, а для яровых накопится весной много влаги. Природа все продумала и обо всем позаботилась.

Почему-то особенно запомнилась ночь под Рождество.

По едва заметной дороге, проходившей посередине села, в пять часов утра идут на работу доярки.

В шесть часов утра начиналась утренняя дойка.

Мороз был более двадцати градусов. Тихо. Ночь светлая. Скрип шагов под ногами разносится далеко, как хвалебная песнь празднику.

Хозяйки затопили печи.

Нет такого дома, где бы к этому празднику не пекли пироги. Белесый дым, стройным столбом от торчащих на крыше труб, поднимается к небу. И так над каждым домом. Поскольку село было большое и дома стояли плотно друг к другу, то в вышине отходящие столбы дыма казались стоящими в ряд могучими былинными великанами, которые охраняют мир и покой села.

Ароматный запах пирогов заполнил все пространство.

Где теперь эта красота?

Даже зимы теперь стали другими, более теплыми. Нет трескучих сорокаградусных морозов, когда на лету замерзали птицы. Нет огромных сугробов, в которых утопали ребятишки, идя в школу. Да и ребятишек стало мало, село обезлюдело. Дома еще продолжают свое существование, многие стоят обновленные, но прежних жителей уже нет, в селе в основном живут переселенцы из Казахстана и других республик бывшего Советского Союза.

Удивительное дело, ведь и прожила-то я не так уж много лет, а все изменилось. Часто вспоминаю ту — послевоенную пору. Как бы ни было трудно, но люди работали, старательно поднимая и колхоз, и свои хозяйства.

Детей было много, и они были хорошими помощниками. Работать они учились у взрослых, подражая им во всем.

Конечно, люди, как и везде, были разные. В основном это были добрые, трудолюбивые, отзывчивые. Были и другие: хитрые, ленивые, вороватые. Правда, такие люди были как исключение. Вот о судьбе одного такого человека я и хочу рассказать.

Незадолго до войны, в тридцатых годах, пришли в наше село два мужика. Они нанимались на разные строительные работы: кому сарай сложить из камня, кому сенцы; избу перекрыть, русскую печь сложить, потолок или пол перебрать. Короче, брались за любую работу.

Хорошим мастером был мужик лет около шестидесяти, а молодой парень был у него помощником.

Село большое, домов много (в селе насчитывалось три сотни домов), работы хватало. Работали они с весны и до поздней осени. За работу брали и деньгами, и продуктами: зерном, картошкой, мясом.

Чьи они и откуда пришли — никто не знал, сами они о себе ничего не рассказывали. После работы они уходили в дом к хозяйке, где они жили все время. Снимали они этот дом уже не первый год. Старший отправлялся на отдых, а молодого парня весна звала на улицу, где гуляла молодежь.

Звали парня Еремой. Редкое в наших местах имя. И приглянулась ему одна местная девушка, красивая и, из-за этого, надменная, гордая.

Небольшого роста, невзрачный, чужой паренек ей не нравился, но у этого неказистого парня водились деньги. Не каждая девушка решилась бы ответить на его ухаживания, а вот она подумала и согласилась.

Парень не стал долго думать и посватался.

Сыграли свадьбу.

Старший мужчина помог молодому построить небольшой дом, сараи, погреб, и молодые зажили своей семьей. Старший ушел, и больше его в селе не видели.

Молодая семья жила тихо. Ерема стал работать в колхозе конюхом. Жена не работала, растила детей. Работать она не хотела. Ведь женщины в основном работали все в колхозе, и дети были у каждой. Но уговоры на нее не действовали и, в конце-концов, от нее отстали.

А дальше пришла страшная беда: началась война.

Все мужчины села ушли на фронт, а Ерему почему-то не взяли. Вместе с ним, на все село осталось еще четыре мужика: один — слепой, один калека да два старика. Все. И остались женщины села без защиты, без помощи.

Но колхоз продолжал жить: пахали, косили, убирали, и отправляли хлеб государству, в помощь фронту.

Подсобное хозяйство пытались сохранить. Чтобы прокормить коров, овец — косили по неудобьям.

Но вот странное дело, Ерема держал и корову, и овечек, а на сенокосе замечен не был. Никто не видел его с косой в руках.

Шло время, и как-то стали замечать, что пропадают разные вещи: молоток, топор, кусок железа и другие мелочи. На селе двери на замок никогда не закрывались, люди знали друг друга и доверяли всем.

Как-то незаметно, по одной, стали пропадать куры. Может, лисы?

Война шла к концу, в деревне стали появляться раненые, покалеченные солдаты, те, кого по ранению комиссовали.

Женщины выходили встречать их всем селом, все плакали, некоторые — голосили, но все надеялись, что их мужья, отцы, братья скоро вернутся.

Наконец пришла Победа!

Вернулись с фронта еще с десяток мужчин, но кто — без руки, кто — без ноги, контуженые, искалеченные.

Очень многим женщинам пришлось носить черные платки. Трудно об этом вспоминать.

Война, своим безжалостным жалом, прошлась по всем семьям. Сколько же горя и страданий принесла она людям! Почти в каждом доме остались вдовы и сироты.

Но силы духа русскому человеку не занимать!

Краюха ржаного хлеба — та самая малость, чем сыт будет вовеки русский, неприхотливый человек, отдающий себя до самоистязания работе, молитве, бою смертному и укреплению духа своего.

Все дружно взялись за подъем разрушенного войной хозяйства: ремонтировались конюшни, коровники, техника; стали строить ремонтные мастерские, нефтебазу; стали разрабатывать карьер, где брали камень и щебень на стройку. Работа кипела, но и кражи стали происходить чаще. Это коснулось и нас.

Был такой случай.

В конце декабря мама с бабушкой к празднику Георгия Победоносца зарубили гуся. Разделали его, вымыли и повесили в сенцах обтекать. Были сумерки, но еще не совсем темно. Я шла домой от подруги и, подойдя уже близко к дому, вижу, что открывается уличная дверь и какой-то мужик держит за лапки тушку гуся. Я закричала, стала звать маму, а мужик, вместе с гусем, побежал в сторону кладбища…

Я говорю маме, что вот сейчас у нас украли гуся. Но мама как-то безразлично отреагировала. Ну, украл и украл.

А потом я вспомнила. У одного мужчины украли вилы. Он пошел к Ереме, нашел их у него и избил его этими вилами. Следом за этим, у него на огороде за домом сгорел стожок сена. Хорошо, что не дом. И я поняла, почему так отреагировала мама.

А Ерема все больше наглел. Птица пропадала все чаще.

Однажды один сосед помог другому зарезать барана. Они его разделали: шкуру сняли, распотрошили, вымыли и повесили за задние ноги, чтобы обтекал. Пошли в дом отдохнуть. Через несколько минут вышли, а барана нет. Они, не сговариваясь, сразу пошли к дому Еремы, что был недалеко. Стали искать, куда он его спрятал? Обыскали дом, двор, сараи, погреб — нет ничего. А в конце огорода, к болоту, в кустах стоял стожок сена. Там они и нашли тушку барана. Привели туда Ерему и били они его долго и жестоко. Полуживого, они оставили его там, привязав к нему голову барана.

Но он не умер. Только больше его никто не видел.

А на стожке сена появилась странная птица, похожая на грача, но не грач. У нее на голове была черная, с зеленым отливом, шапочка. Сама голова и шея были кремово-белые, брюхо — охристое, с беловатыми окончаниями перьев. Когда она вытягивалась, то становилась тонкой-тонкой, и вся — в желтые и коричневые полосы раскрашена. А по спине у нее змейкой извивалась полоска черных перьев. Клюв — желто-зеленый. Крылья и спина — черные, с зеленым отливом. И она так сильно, скрипучим голосом, кричала.

Сельчане узнали про эту историю и говорили, что это болотная птица ВЫПЬ, что в нее вселилась душа этого ворюги, и, по ночам, страдая, она кричит жутко — жалобно.

Так бесславно закончилась жизнь этого, неизвестно откуда, пришедшего в село человека.

Игорь КАРЛОВ

г. Москва

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Зав. отделом международных связей всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

О, ЛУНА, ЛУНА!

Из непроглядной зыби Персидского залива воровски скакнула Луна, стремительно метнулась ввысь, а затем на малое время замерла, подозрительно озираясь. Кинула вниз мимолетный затравленный взгляд: не

заметил ли кто ее побега? Но пустынна была Аравийская земля, лишь я, случайный поздний прохожий, замедлил шаг, остановился, замер в восхищении, встретившись глазами с ночным светилом. Неприязненный, злобный желтый свет ослепил на секунду, но тотчас же и потух. Сразу же отвернулась Луна: эка мелочь пузатая! такого опасаться нечего...

Ринулась дерзкая беглянка дальше нетореным своим небесным путем, да так ходко, что черная чадра, легкая, вытканная из тончайшего струящегося шелка, сбилась с головы. И пусть не все небесное тело обнажилось, но и того, что открылось нескромному взору, более чем достаточно, чтобы отвести глаза. Даже я, пришлый гяур, странствующий сказитель, сколь ни жаден до сокровенных красот божьего мира, смутился, узрев неприкрытой лунную плоть. Эта запретная возвышенно-желанная нагота лишь для избранного, я же, случайно забредший на женскую половину мироздания, не избранник, но преступник по местным адатам.

Да не только я, думаю, распоследний распутник, увидев сияющий наготой торс Луны, потупил бы глаза, ибо в душе его трепет перед неземной красотой сдержал бы похоть... А хороша она была, эта отчаянная красавица, что, словно бы захмелев от собственной манкости, от собственной смелости, шатается ночью по небу одна. Дивно как хороша! Золотистая девическая кожа столь целомудренно-холодна, что остудит любое мечтание о плотской неге. Зато все округлости выставлены с тем коварством, на которое способна лишь утонченная развратница, неуемно распалившая свое воображение сладострастница, которую долго мучили вынужденным воздержанием, а затем вдруг ввели в общество пылких юношей.

Куда же так спешила Луна, пролетавшая за десять минут расстояние, равное трем ее диаметрам, а за час — четверть небосклона, доступного человеческому глазу? Бежала на свидание к юному возлюбленному, пока спит старый муж? Торопилась в лавку пройдохи-торговца, посулившего ей роскошный литой браслет в обмен на истертую старомодную лампу, по слухам, принадлежавшую некогда какому-то Аладдину, а теперь без пользы пылящуюся в сундуке седого забывчивого отца?.. Кто знает!

Кто поймет луноликую красавицу, которую смятение чувств толкнуло ночью без спутника за спасительный порог? Не постигнет женскую душу мудрец, знающий наперечет все звезды и указующий правоверным, в какую сторону необозримого горизонта следует обратиться, совершая намаз. Не разберет женскую душу мореход, легко читающий старые карты и уверенно ведущий свое судно к неведомым берегам. Не уразумеет душу женщины воин, приводящий к покорности народы и царства. Не разгадал женскую душу и поэт, поведавший нам о «владычице благородных», пленнице рогатого джинна, украсившей свое ожерелье пятьюстами семьюдесятью перстнями и прибавившей к ним еще два.

Никто не сумеет укротить восточную женщину. Нет на нее управы. Нет с нею сладу. Только смерть в силах остановить женщину, решившуюся на что-то. И, наверное, она ниспослана на землю как предвестница смерти, а смерти доверено хранить женские секреты. Наверное, так...

О, Луна, Луна! Теперь все увидели непокрытой твою голову и незакрытым твое лицо! Перед всем светом ты опозорилась. Хватит ли у тебя духу завтрашним вечером показаться людям на глаза? Доживешь ли ты до завтрашнего вечера?..

Николай МАКАРОВ

г. Тула

Гвардии майор медицинской службы (Воздушно-десантные войска), член СПР, Российского Союза ветеранов Афганистана, Тульского общества «Православные врачи», редколлегии журнала «Приокские зори»; лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова, литературной премии Правительства Тульской обл. им. Л. Н. Толстого и премии им. С. И. Мосина; постоянный автор нашего альманаха.

2021 год — 35-тилетие Чернобыльской катастрофы

ЛИКВИДАТОР
(О чем не писали газеты)

Никишин Виктор Васильевич,
родился 04.09.1952.

На столе передо мной разложены вырезки из разных газет.

О Чернобыле. О ликвидаторах последствий аварии. О моем визави, принесшем эти пожелтевшие газетные листочки,— о Викторе Никишине, гвардии подполковнике запаса (мой однополчанин с 1973 года, когда он пришел в 51-й гвардейский парашютно-десантный полк командиром взвода в саперно-инженерную роту после окончания Калининградского инженерного училища).

— У тебя тут целый архив. И решения ЦК КПСС, и постановления Правительства, мнения специалистов и журналистов, твое интервью в газете Политехнического института «За инженерные кадры» от 17 мая 1991 года.— Присматриваюсь внимательнее к этой газете.— Но почему-то тебя называют не Виктор, а Николай — засекретили что ли?

— Какой засекретили,— он смеется,— ошибся журналист. Хотя секретов в той командировке было предостаточно.

Прослужив в воздушно-десантных войсках до 1983 года, Виктор Никишин десять лет был преподавателем (единственный преподаватель кафедры, награжденный орденом: орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени он получил в марте 1987 года за Чернобыль) на военной кафедре Тульского политехнического института. Откуда и уволился в звании подполковника в 1993 году.

— В июле 1986 года, за две недели до окончания отпуска,— вспоминает Никишин,— приказом командующего Московским военным округом меня вызывают на непонятные сборы. В Тамбове формируется из кадровых офицеров-командиров и «партизан-запасников» отдельный инженерно-позиционный батальон. Меня назначают командиром инженерно-саперной роты. Так, с 15 июля по 5 октября 1986 года, мне пришлось выполнять важную правительственную задачу по ликвидации последствий на Чернобыльской АЭС.

— Официоза достаточно,— перебиваю его невежливо.— Ты расскажи о том, что осталось за «кадром», о чем до сих пор не написано.

Виктор на минуту задумывается, затем заразительно смеется (он вообще, сколько его знаю, никогда не теряет чувства юмора).

— На второй день, после прибытия, у меня разболелось горло, появилось головокружение, тошнота, слабость. Личный состав ушел на объект — каково: не успели прибыть на место, как командир валяется больной, а рота — на крыше четвертого блока? Кое-как доковылял до доктора: «Давай, лечи, едрит тебя в печенку». Он сразу понял, в чем дело и предлагает мне какой-то препарат, еще как следует не прошедший клинические испытания: «Повезет — значит, повезет, а нет — на нет и суда нет». Повезло.

Небольшая пауза.

— Спецодежду мы себе «шили» сами. Привезли нам миллиметровой толщины листы свинца — из них мы делали себе шлемы на голову, фартуки на грудь и спину, кроили плавки,— опять его заразительный смех,— по поводу этих свинцовых «плавок» сразу появилась частушка: «Если хочешь стать отцом — защити яйцо свинцом!».

— В этой, так называемой, спецодежде плюс противогазе мы поднимались на крышу четвертого блока, лопатами и ломами сбрасывали радиоактивные элементы. Смена на крыше из пяти-шести человек работала три-четыре минуты. Больше времени работать люди просто не могли физически. Затем поднималась следующая смена. И так — все светлое время суток. Японская и немецкая техника — их хваленые роботы — давно была выведена из строя нашей радиацией.

— Дозиметры у вас были? Сколько вот ты лично нахватал?

— Дозиметры были у всех. Но мы их показания не видели. Нам дозиметры засовывали под свинцовые пластины перед началом работы, а после окончания работ изымали. Один «партизан» из другой роты пытался сам посмотреть — только этого «партизана» и видели. За всем был тотальный контроль «компетентных органов». И отказников идти на крышу четвертого блока не было. Попробуй, кто откажись — сразу, сам понимаешь, результаты такого «не добровольного поведения» не замедлили бы сказаться со всеми вытекающими отсюда последствиями. Хотя, были и личности, особенно офицерского состава местной, кстати, национальности, противоположного понимания опасности. Они специально «хватали» повышенную дозу — вот, дураки-несмышленыши — для получения больших льгот и пособий. И где они теперь, эти хохлы-рационализаторы?

— От радиации хорошо помогает красное сухое вино.— Задаю ему провокационный вопрос.— Вам выдавали «наркомовские» сто грамм?

— О чем ты говоришь? Наоборот! Ты же знаешь, какое было время. Органы разного калибра очень тщательно бдили и выполняли волю нашего газированного меченого Мишки (мы его про себя называли «меченым атомом» — есть такое понятие в ядерной физике) о «сухом» законе. Нам было категорически запрещено не то что употреблять, даже мыслить об алкоголе не разрешалось.

— И?

— Что — и? Целый майор ночью, перебежками, огородами, в самоволку на машине гонял в Житомир за самогонкой. Тем и спасались.

— Да, на каждую хитрую… всегда найдется болт с левой резьбой. А что делали с машинами, получившими зашкаленную дозу радиации?

— Такие машины, практически — новые машины, загоняли в могильники и бросали. Но машины-то — новые. Движки, другие агрегаты и оборудование на них — тоже, естественно, новые. И наши «партизаны» насобачились ночами снимать необходимые детали с этих машин и волоком тащить метров двести-триста с запретной, охраняемой зоны. Как настоящие сталкеры. Не пропадать же было добру.

— Дурости и маразма? — отвечает на мой незаданный вопрос.— Было и не меряно. Простой пример. Ожидается приезд Горбача. Нужно обсыпать дорогу специальной щебенкой. Ее привозили на баржах и высыпали на берегу речки. Мы эту щебенку своими экскаваторами грузили на свои самосвалы и рассыпали

вдоль дороги. Все — по науке, все — как и положено. Но… но щебенка-то была мокрой. И один «очень умный» чин в больших погонах приказал батальону лопатами ворошить эту мокрую щебенку, чтобы она быстрее просохла. Хотя эта злополучная щебенка на полчаса позже и сама бы просохла под летним солнцем. Но весь личный состав был снят объектов и брошен на дорогу. А Горби поехал другой дорогой.

Поставленную задачу по ликвидации последствий аварии рота Никишина выполнила первой — сказалась десантная закалка, выучка и смекалка командира роты. И рота первой выехала на расформирование в Тамбов.

— Встречали с оркестром, с цветами,— теперь он улыбается грустно.— И сразу нас забыли, бросили какое-то подобие сухих пайков — выживайте, как знаете. Даже горячего чая не организовали. Нам не привыкать — выжили. Сдали технику, сдали «барахло» — домой, в Тулу, пришлось ехать в старой телогрейке, в протертых сапогах, с кучей всевозможных болячек. Выжили.

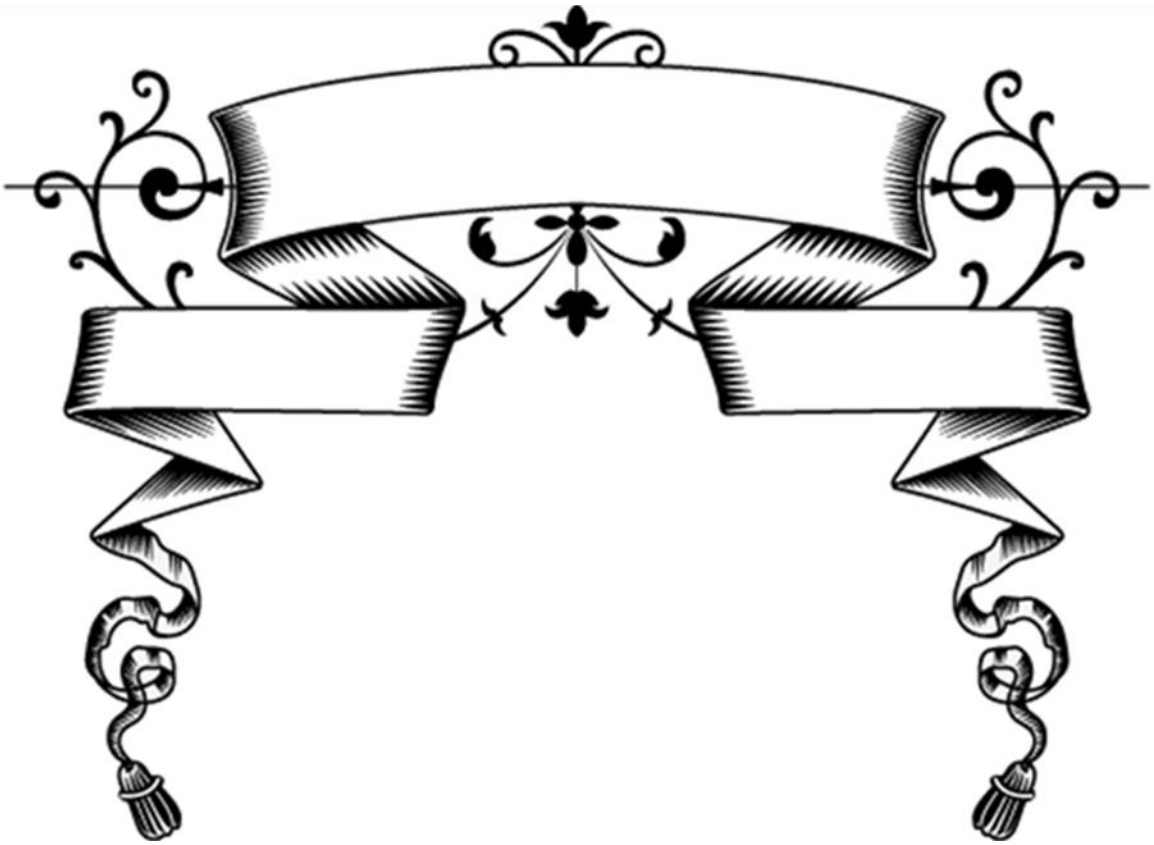
После увольнения из рядов Советской Армии не в запас — в отставку по болезни — у Никишина (впрочем, как и у большинства «чернобыльцев») начались мытарства по различным судебным инстанциям в отстаивании своих прав на льготы и пособия.

— Не это обидно.— Виктор, впервые за время нашего разговора, тяжело вздыхает.— Понимаешь, приезжала к нам выступать со своим концертом одна наша знаменитая певица. Выступила, как всегда, блестяще. Как всегда, устроила пьяный дебош. И получила высокую правительственную награду, как ликвидатор последствий, как настоящий «чернобылец». И денежную компенсацию, по слухам, получает до сих пор очень высокую. Не это — обидно. Обидно то, что все, кто там присутствовал, прекрасно знают, что она давала-то концерт в абсолютно чистой зоне, в Славутиче. А отнюдь не в тридцатикилометровой зоне.

— Зигзаги, понимаешь, и загогулины судьбы-злодейки.— Он опять заразительно смеется.— Давай, что ли сухого красного марочного вина профилактики ради и за нас выпьем?

— Будем!

— Будем жить! Честь имею!



ПОЭЗИЯ

НАТАЛИЯ ПАВЛОВА
ТАМАРА ГРИЦЕНКО
ЕВГЕНИЙ ШЕПЕЛЕНКО
АННА МИКАЕВА
ТАТЬЯНА ПАНОВА
ВАЛЕНТИНА ПИНАЕВСКАЯ
ЯКОВ ШАФРАН
БОРИС РЯБУХИН
МАРИНА ЩЕНЯТСКАЯ
СОФИЯ МАКСИМЫЧЕВА
ЛЮБОВЬ САМОЙЛЕНКО
ЕЛИЗАВЕТА БАРАНОВА-ВЕСИНА
ВАЛЕРИЙ ДЕМИДОВ
ГАЛИНА ЗЕЛЕНКИНА
ЛЮБОВЬ САМОЙЛОВА
НИНА МЫЛЬНИКОВА
ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА
НАТАЛЬЯ АРТЕМОВА
ОЛЬГА ПРИСТУПЕНКО
ЛЕОНИД ЗОЛОТУХИН
АННА БАРСОВА (А. БАРСЕГЯН)
ИРИНА КОНОВАЛОВА
ДИНА ЮДИНА

ОЛЬГА БОРИСОВА
ОЛЕСЯ МАМАТКУЛОВА
СЕРГЕЙ ФИЛИППОВ
ВАЛЕРИЙ СУХОВ
ЮЛИЯ КОЛОБКОВА
НИКОЛАЙ ТИМОХИН
ЮЛИЯ ВОЕВОДИНА
АЛЕНА АЛЕЩЕНКОВА
СЕРГЕЙ РЕДКОВ
ЛЮБОВЬ БОНДАРЕНКО
ЭДУАРД ГЕОРГИЕВСКИЙ
ВЛАДИСЛАВ БУСОВ
ИРИНА МАЦНЕВА
НАДЕЖДА МИЛЛЕР
ЛАРИСА ЧАСОВСКАЯ (РОЕВА)
ТАМАРА САМОХИНА
ВЛАДИМИР ГУЛЯЕВ
ВАЛЕРИЙ ВИНОГРАДОВ
ВИКТОР МЫЗНИКОВ
НАТАЛИЯ СИЛАЕВА
ЛАРИСА ЛЕБЕДЕВА
ОЛЬГА АРТЕМОВА
ВАСИЛИЙ ТАРАКАНОВ

Наталия ПАВЛОВА

г. Венев Тульской области

Павлова Наталия Викторовна родилась 10 марта 1988 г. в г. Веневе Тульской обл. Образование — высшее юридическое. В двух словах о малой Родине: славянское слово «венева» означает береза.

ЗАДУМАЙТЕСЬ!

Цените жизнь! Любите! Восхищайтесь!
Наш век так мал, чего уж говорить!
Скатились вниз? Не плачьте! Поднимайтесь!
Сумейте все невзгоды пережить!
Тернистый путь… Обитые пороги…
За злость людскую верою страдать…
Такой дорогой шли лишь только Боги,
Холопам эта ноша не под стать.
Пусть животы не сыты черным хлебом,
И похвала не слышна наяву…
Глаза откройте и взгляните в небо,
И крикните: «Спасибо, что живу…»

* * *

Как прекрасны безмолвные ночи
В полюбившемся сердцу краю.
Где вздыхающий ветер хохочет,
И один я у дома стою.
Зализало цветочной прохладой
Наболевшие раны души.
Благовония скучного сада
Прикупила весна за гроши.
В вышине непроглядно-суровой
Загорелся небесный алтарь.
Заунывно читает каноны
Упокоенный месяц-звонарь.
О далеком задумалась ива,
Нависая над спящей рекой.
И качаются ветви лениво
Над уныло скорбящей волной.
И неволею страх нападает,
Что узнать не дано мне сполна,
За кого в небе месяц страдает,
И о ком так горюет волна.

* * *

Красная осень расправила плечи,
Дышит во след улетевшему лету.
Красная осень, сиреневый вечер —
Душу мою призовите к ответу…
Сколько угаснувших алых закатов,
Сколько рассветов она пропустила...
В прошлое смотрит, ища виноватых,
Всех, но себя же, увы, не простила.
Ей даже вас не под силу заметить,
Глупая…Жизни отрезок не вечен…
Пусть поспешит улыбнуться и встретить
Красную осень, сиреневый вечер.

ВОСПОМИНАНИЯ

Старенький дом, покосившийся набок,
Редкий визит мой к тебе — как сюрприз.
Мысом ботинка пригоршни яблок
Сброшу с ступеней сколоченных вниз.
Детства отрывки пытаюсь дополнить,
Дверь, как и прежде, протяжно скрипит...
Старые стены пытаются вспомнить
Кто я такая? Но память молчит.
Дремлет у зеркала кошка клубочком,
Запах шафрана по стенам ползет.
Серый мышонок хвостатым шнурочком
Дверцу комода неслышно грызет.
Свет чуть проходит сквозь пыльные стекла,
Зайцем играя на стертом полу.
Где-то местами побелка поблекла,
Где-то осыпалась горстью в углу.
Шкаф полированный прячет одежду,
Старый пиджак с орденами висит...
Фотоальбом, подающий надежду,
С надписью вечной «Никто не забыт».
Гляну я в зеркало, словно в окошко,
Что мне ответит оно с высоты?
— «Все здесь как прежде, и стены и кошка,
Воздух все тот же. Другая лишь ты».

Ольга БОРИСОВА

г. Самара

Поэт, переводчик, писатель, член СПР. Автор ряда книг. Победитель и призер многих фестивалей и конкурсов. Лауреат международной премии «Славянские традиции». Стипендиат Министерства культуры РФ. Награждена медалью им. Е. Замятина «За успехи на литературной и культурной ниве». Публикуется в российских и зарубежных журналах. Стихи переведены на многие языки. Член Европейского конгресса литераторов, руководитель Самарской региональной организации РСПЛ, гл. редактор альманахов «Параллели» и «Крылья», член редсовета журнала «Белая скала». Член ЛитО «Точки» при совете по прозе СПР. Постоянный автор нашего альманаха.

«ПОЭЗИЯ ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ»

ПЕВЕЦ

Фонарь мерцает вдалеке, ночной развеял мрак.
Иду давно и налегке, и ускоряю шаг.
Повсюду шорохи слышны, голодный вой гиен,
Они зловещи и страшны, но близок Карфаген.
А там найду фруктовый сад и отыщу приют,

Простой лепешке буду рад, вина черпак нальют.
Расспросят, что ведет меня пустыней сквозь пески.
Без провианта и огня под гиблый шум тоски.
И добрым людям дам ответ, что вестник я богов,
Несу по миру слова свет, он краше жемчугов.
И песни слаще, чем щербет, и петь их мой удел,
Со мною прадедов завет, чтоб был я тверд и смел.
И вот пустынею бреду и берегом морским,
Вскричала птица на беду... жильем сквозит мирским.
Стена белеет в серой мгле и близок Карфаген,
Но клонит дикий зверь к земле под злобный вой гиен.

КЛУБОК

За клубком по бездорожью отправляюсь в дальний путь.
Прошепчу молитву Божью, чтоб с дороги не свернуть.
Чтобы тайну мирозданья отыскать в круженье дней
И творить для созиданья в мире зыбкости теней.
Мне подарен он поэтом: «Ты за ним иди смелей!
Я спешил всегда за светом, шел к звезде, как Галилей.
Твой черед объять земное, необъятное познать,
Стать в творенье новым Ноем, воскрешать былую рать.
Словом светлым и приветным пробуждай вокруг миры
И иди путем заветным, с торжеством неси дары!..»
И теперь по бездорожью отправляюсь в дальний путь
И шепчу молитву Божью, чтоб с дороги не свернуть.

СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ

«Дорогу к смерти проходят только однажды».
Гораций

Пески сокрыли быль иных веков,
Ветра струят пологие барханы.
Под ними скрыты статуи богов,
На них нашли приют себе вараны.
Горячий воздух сглатываем с губ,
Он, как пустыня, солнцами отравлен.
Здесь вечер на прохладу тоже скуп,
Закат в полнеба зноем окровавлен.
Седой старик ведет нас на постой.
Стоянка близко, блеют где-то овцы,
Собачий треп, былинок сухостой,
В оазисе встречают нас торговцы.
«Купи! Купи!» — летит со всех сторон.
Нас дергают за пыльные рубахи.
Верблюда крик и чей-то грубый стон,
Взметнулись в небо две крылатых птахи.
В пустыне Син* течет все чередом,
Здесь действо оживает на закате.
Уставшие, мы движемся с трудом,
Как мухи на предвыборном плакате.
Другая жизнь, уклад совсем иной,
Смешались здесь потомки разных наций.
Седой старик под бледною луной
Воспел покой, как некогда Гораций.

** Пустыня Син. Это изначальное название пустыни Синай.*

ПОЭТУ

Сей день лучился, как алмаз, был краше ста других.
Он призывал взбодриться нас, для дел спешить благих.
Бурлила соками весна, сводил с ума апрель.
Сползали в ночь обрывки сна, кружил по дому хмель.
Смеялось время мне в лицо, витал свободы дух.
И стать хотелось беглецом, и мыслить где-то вслух.
Как было в прошлом, нес поэт стихи через года,
Его маячил силуэт и плыл по городам.
Звучало слово, словно гром, над сумрачностью дня,
Рождался век под их пером из стали и огня.
Теперь пришел и наш черед стать рупором небес.
Спеши поэт! Иди вперед, чтоб мир стихом воскрес.

ЦИКЛОН

Пришел обещанный циклон, принес дожди и ветер.
Ворвался в лето напролом, теперь за все в ответе:
За шумность крыш и створок вздох,
и серых туч крылатость,
За то, что двор застал врасплох, за улицы помятость.
За то, что запер всех в домах и буйствует на воле,
Что поглотила город тьма, как шхуну на приколе.
За сырость, что развел вокруг и нудную плаксивость,
Что он сильнее всех наук и презирает лживость.

ЦВЕТОЧНОЕ

На окне в горшке зеленом к небу тянется росток.
По своим живет законам экзотический цветок.
Он родился на приволье, посреди молочных рек,
А в горшечном подневолье красотой отслужит век.
Что ему ветров летучесть и ненастье за окном,
Что скользят по небу тучи, день сражен крылатым сном.
Он одежды примеряет, руки-листья вскинув вверх,
И от счастья замирает, предсказав себе успех.
Он живет мечтою тайной — быть прелестней всех цветов,
Красивее розы чайной беловспененных кустов.
И одно не понимает рыже-желтой головой,
Что другой цветок взрастает — жгуче-алый, роковой.

ДЕНЬ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

Очарованный август прощается с летом,
Дозревают плоды на уставшей земле.
Чаще утро встает полосой фиолета,
И сакральная даль исчезает во мгле.
Календарь известил, что торопится осень,

Что осталось всего три коротеньких дня.
Мне с тобой расставаться не хочется вовсе,
Августинкой назвал ты когда-то меня.
Я считаю года по числу двадцать восемь,
Пролетают они в круговерти земной.
Разобраться бы мне в неизменном вопросе:
Что стоит у черты за согбенной спиной.
И на Землю, зачем вновь приходят поэты,
И растят из стихов нескудеющий сад?..
Где-то в звездных мирах остаются ответы,
А у нас снова осень и листья летят…

Тамара ГРИЦЕНКО

п. Заокский Тульской области

Гриценко Тамара Александровна родилась 07.05.1958 г. в д. Судилы, Климовичского р-на Могилевской обл. Окончив Витебский электротехникум связи, была направлена в Тульскую область, в п. Заокский. Работает в ПАО «Ростелеком» в должности инженера. Автором написано более трехсот стихотворений различной тематики. Печатается в районной газете «Заокский вестник», приняла участие в двух коллективных сборниках: БСП «Стихия природы» и «Поленовские зори — 2», выпустила два собственных сборника: «Осенняя грусть» и «Перекрестки судьбы», является членом поэтического клуба «Вдохновение», выкладывает стихи на сайте «Стихи.ру».

ХАТЫНЬ

Звон колоколов… и тишина…
Лишь над пепелищем аист кружит.
Что же ты наделала война,
В чем повинны были эти души?
Средь лесов деревня не видна,
Лишь, как воронье, чернели хаты.
Эх, война! Будь проклята, война!
И шли в бой за Родину солдаты.
Бой за боем… нет пути назад…
Но, как будто кто-то напророчил:
По снегам карателей отряд
В спящее село ворвался ночью.
Только в нем остались — стар да мал,
Не спастись от немцев, не укрыться.
Не найдя в селенье партизан,
Закипела ненависть у фрицев.
И цинично отдан был приказ:
Стариков, детей… в сарай согнали…
И, облив бензином, Фриц иль Ганс,
Бросил спичку. Люди закричали…
Шквал огня их крики поглотил,
Боль и страх в глазах затмило дымом.
На поля родные уносил
Ветер прах их и стелил за тыном.
В пепле погребенная Хатынь…
Сколько их, таких, по Беларуси,
Деревень сожженных в дни войны,
Мест святейших памяти и грусти.

ОСЕНЬ В ЗОЛОТО, ЩЕДРО ОДЕТАЯ

Осень в золото, щедро одетая,
Я в тебя влюблена до беспамятства.
Ты — богиня, поэтом воспетая,
Ты — природы великое таинство.
Осень рыжая — праздная бестия,
Листопадом кружишь над просторами.
В этом ритме живу с тобой вместе я
И дождями, и ясными зорями…
В осень дивна сторонушка русская:
Лес, как в сказке, волшебной, не правда ли?
Будь широкий большак, тропка ль узкая,
Как в веснушках в листве — в Туле, Суздале…
Осень — душка, какая ты разная:
С легким ветром поешь переборами,
А с дождями, как песня печальная,
Паутинки развесишь узорами.
Ветви — руки, как струны натянуты,
Островки луж, как оспы отметины.
Отзвенишь, отгуляешь на славу ты,
И уйдешь на покой долговременный.

НЕ РАДУЕТ ВЕСНА

Не радует весна
Своим благоуханьем,
Терзается душа
Под песни соловья.
Томлюсь, который день,
Напрасным ожиданьем,
Нелепо предпочтя
Синице журавля.
Темнеет за окном:
Ни шороха, ни звука,
Уж, стрелки циферблат
Шестой обходят раз.
Бессонница в ночи,
Невыносима мука…
И до утра, грустя,
Я не смыкаю глаз.
Журавль, в небесах,
Свободой избалован,
И мне не ощутить
Тепла его крыла.
И вместо мягких трав,
Колючая солома…
Я пустоту речей
Любовью нарекла.
Не радует весна
Ни солнышком, ни светом,
И тягостные дни
Удачи не сулят.
Синицу потеряв,
Малиновым рассветом

Искала я любовь,
Да так и не нашла.

ШУМИТ ИЮЛЬ ВЫСОКОЮ ТРАВОЙ

Шумит июль высокою травой,
Ромашками и клевером душистым.
А небо расплескалось синевой,
С лучом играя солнца золотистым.
Звучит оркестр кузнечиков в траве
Мелодией прекраснейшей о лете.
И чудится родное что-то мне
В далеком уходящем силуэте.
Ах, лето — медоносная пора,
Пора любви и жизненных историй…
Уж раскрывает зонтики в лугах
Невероятной нежности цикорий.
Макушка лета — пламенный июль,
Дождями поливает грозовыми.
И, предпочтя стремительный аллюр,
Пестрит вдали цветами полевыми.
Июль в природе и июль в душе,
И праздников бальзам и серость будней,
А на прощанье — сказочный фуршет…
А мне б остаться в нем… не обессудьте!

ДАЙ МНЕ РУКУ…

Дай мне руку, красавица осень,
И с тобой мы пойдем погулять
По просторам вдоль зонтичных сосен…
Я прошу предложенье принять.
Дай мне руку, не слушая сплетен…
По аллеям листвой пошуршим.
Тот считает лишь ветряным ветер,
Кто красиво на свете не жил.
Дай мне руку… рябинные бусы
Я надену на шейку твою.
Осень с ветром — надежней союза
Не найти. Дай же руку, молю.
Дай мне руку, и вальс Мендельсона
Зазвучит под счастливый твой смех.
И, скрепив узы браком законным,
Ты женой моей станешь навек.
Дай мне руку… влюбленным порывом
Причинить не смогу тебе зла…
И поверив словам его льстивым,
Осень с ветром всю ночь провела.
Дай мне руку, мой ветер… настало
Наше время взлететь высоко…
Пока осень наряд примеряла,
Ухажер был уже далеко.

ГЕРОИ В РОССИИ И БЫЛИ, И ЕСТЬ!

Посвящается
Музею В. Ф. Руднева
в д. Савино Заокского р-на
Тульской области

Герои навеки в сердцах поколений,
«Ничто не забыто — никто не забыт».
В Заокском районе в двадцатом столетье
Музей капитану «Варяга» открыт.
Над зданием реет, как чайка в полете,
Свободно и гордо Андреевский флаг.
Застынет кадет в карауле почетном,
В строю отчеканив торжественно шаг.
Войду с придыханием в светлое здание
И взору предстанет безбрежная даль
С геройским «Варягом», как с прошлым свидание…
Не властен над временем здесь календарь.
Фрагменты «Корейца» и личные вещи
Меня возвратят в тот далекий февраль,
В эпоху сраженья с армадой зловещей
Простых моряков, душой твердых, как сталь.
Свидетелем я не была, и вы тоже,
Кровавых событий в порту Чемульпо.
Но гордость в сознанье… ведь жизни дороже
Ценил Руднев честь, что превыше всего.
На взгорье высоком, на Савинских землях,
Как парусник в море, музей в его честь.
Пред мужеством предков склоняю колени…
Герои в России и были, и есть!

Я НА РОДИНУ ЕДУ В ГЛУБИНКУ

Я на родину еду в глубинку,
Что на город смогла променять.
В глаз попала, наверно, соринка,
Вот напасти — опять и опять...
Отчего же на сердце тревога…
Колосится, как прежде, жнивье.
Вот тропинка, осталось немного
И войду я в родное село.
Поворот, хата первая с краю
Покосилась, бурьян до дверей.
На пути я своем не встречаю
Дорогих мне, до боли, людей.
И до школы осталось полшага,
Но не слышится в ней детский смех.
Пробежавшая мимо дворняга
Нерешительно тявкнула вслед.
Стариков дети в город забрали,
И разруха по сердцу ножом.
Будто жизнь мою, хаты ломали
Для чего-то поспешно ковшом.
Неприглядна картина для взгляда:
Не пройдет ни доярка, ни жнец…
В парке памятник павшим солдатам,
Но учтен там не каждый боец.
Разрослось в лесу старом кладбище,
Сердце рвется на части с тоски.
Обрели здесь навеки жилище
Дорогие мои земляки.
А была ведь деревня большая,
Не смолкал смех веселый детей…
Разве думала я, уезжая,
Что судьбой уготовано ей.

Поброжу по безлюдной деревне,
Вспомнив детства былые года,
И уеду на скором вечернем,
Свято веруя — не навсегда.
И так больно, когда понимаешь:
С чем-то главным оборвана нить.
Словно с кожей его отдираешь,
Продолжая израненной жить.

НЕ НАПРАСНО ЛЕТО С НЕТЕРПЕНЬЕМ ЖДЕМ…

Приминая травы на лугах душистых,
Не спеша, вразвалку, знать, настал черед,
Умиляясь пеньем пташек голосистых,
Озорное лето босиком идет.
Омывают росы ноги по колено,
И щекочет пятки теплая земля.
И встречают лето, в выправке военной,
Рвущиеся в небо чудо-тополя.
И вплетает лето в волосы ромашки,
Улыбаясь нежно солнечным лучом.
Рассыпает спешно желтые «барашки»,
В ночь озорничая с ветром-трубачом.
Васильками лето застилает долы,
Земляники спелой жжет в лесу костры.
И, его встречая, слышится веселый
Смех на пляжах речек шумной детворы.
И оно вдруг вспыхнет радугою яркой
Иль прольется щедро благостным дождем,
А грибы лесные разве не подарок?..
Не напрасно лето с нетерпеньем ждем.

ГАДАНИЕ

Деревья — статуи,
Безмолвье полное.
Лишь звезды, стаями,
По небу сонному.
Надежда теплится,
В душе смятение.
Гадает девушка
В ночь на Крещение.
И ярок звезд парад
К такому случаю.
Склонилась низко над
Кофейной гущею.
И в миг гадания
Не скрыть волнения.
Но нет отчаянья,
В груди — томление.
Луна досужая
Помочь пытается.
Вот только суженый
Не объявляется.

Олеся МАМАТКУЛОВА

г. Алексин Тульской области

***

Оправдаться душой, отогреться…
Словно мягкое гнездышко свить…
Из колодца горячего сердца
Зачерпнуть полный ковшик любви.
Ухватить, удержать рукоятку,
Не боясь второпях расплескать,
Да водицей напиться той сладкой,
Как нектаром лесного цветка.
Опьянеть от желанной прохлады,
Чтобы снова воспрянуть, восстать!
Разве много для счастья нам надо?
В сердце — тишь да в душе — благодать!

***

Есть время чувствовать себя,
Отречься от всего, что «всуе»,
Расслышать голос тишины,
Всецело растворившись в ней…
Березы платья теребят,
Сливаясь с ветром в поцелуе,
И нет им дела до «иных»,
До суеты простых людей.
И нет боязни пред судьбой,
Они безропотно-покорны,
И примут все, что решено,
Не проклиная злобный рок.
Есть время просто быть собой,
Забыв пустое, вспомнив корни,
Мир видя радужно-цветной,
Как вешней жизни островок.
А ветер — баловень-шутник —
Спешит к осинам на пригорок,
Не помня все, что обещал,
Махнув березам вслед крылом.
Есть время всем повременить,
Взгляд обратив на тех, кто дорог.
Как руки хрупкая свеча,
Согреть сердца своим теплом.

***

Благослови меня, весна,
На дни без горя и печали,
Перекрести на дальний путь
Рассветным ласковым лучом.
Ты в жизнь, как в чудо, влюблена —
Неудержимо! Изначально! —
В тебе любви, что полнит грудь,
Река великая течет!
Убереги меня, апрель,
От славы злой и слов мудреных,
Развей ветрами окоем,
Даруй свободу чувствам днесь!
Хочу на мир большой смотреть
Открытым взглядом, как ребенок!
А ты кропи, кропи дождем —
Святой водой самих небес!
А ты возьми в ладонь тепло

И протяни мне каплю лета,
Смогу ей сердце обогреть
И в холод выжить без потерь.
Идти без веры тяжело…
А с ней — душе не надо света!
Без маяков, без фонарей
Не заплутаешь в темноте!
Благослови меня, весна!

Евгений ШЕПЕЛЕНКО

г. Самара

Родился 15.02.1958 г. в Белгородской обл. Детство и юность прошли в г. Мурманске. Окончил Самарский госаэрокосмический университет им. академика С. П. Королева. Работал в авиационной промышленности. Публиковался в литжурналах, альманахах и коллективных сборниках. Лауреат Третьего международного поэтического конкурса «Рифмованный мир» (2013 г.), дипломант Пятого международного конкурса, посвященного С. Т. Аксакову «Мой аленький цветочек» в номинации «Рассказ для детей». Автор двух книг стихов и прозы. Член РСПЛ. Стипендиат министерства культуры РФ. Постоянный автор нашего альманаха.

В САМАРЕ

В Самаре хорошо, здесь сочный клевер
И кролики отменные растут,
А мне ночами снится Крайний север
И добрый пес, породы маламут,
И мудрая, задумчивая кошка
На старом полинялом тюфяке,
И спелая, янтарная морошка,
И весельная лодка на реке.
В Самаре хорошо. Я разве спорю?
Здесь Жигули и яблони в цвету,
А мне охота к Баренцеву морю,
С причала рыбу половить в порту,
И побродить по каменистым сопкам,
Глотая обжигающий Борей,
И поискать на чердаке коробку
С фигурками игрушечных зверей.

В ЭТОМ ДОМЕ

А в этом доме жить могла сова
И человек, играющий на лире,
И слон, но поместился бы едва
Он в этой однокомнатной квартире.
А в этом доме жить могли слова,
Звенящие смешными ручейками,
Но в этом доме будет жить вдова
С нелепыми огромными очками,
И стареньких игрушек миллион
(давно напоминая пылесборник),
И приколов на фартук свой жетон,
Придет ее проведать старый дворник.

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

Через дикое поле проходила межа,
Опустели веселые грядки,
Положив на телегу три мешка фуража,
Ехал барин на тощей лошадке.
Пролетая по небу, крылатый Пегас
Посмотрел на него не моргая.
Свет звезды Галатеи на веки погас,
Но звезда загорелась другая.
И, пройдя через призму космических лет,
Растворилась в осенних туманах.
Мы прощаемся с летом, и осени след
Манит запахом прелым и пряным.

ЗАПИСКИ ЛЕТОПИСЦА

(Битва между византийцами и болгарами при Вирбишском проходе (811г.)

Достав перо свое из ножен,
Сказал: «Закончена игра».
Злой император был низложен
Красивым росчерком пера.
Сложив мечи свои и латы
И проиграв болгарам бой,
Его наемные солдаты
Шагали молча на убой.
Надев красивую рубаху,
Держа зажженную свечу,
Злой император шел на плаху,
Смиренно — в лапы палачу.
Великий хан трубил победу,
Врага повергнув своего,
Мстил византийскому соседу
И пил из черепа его.

АНГЕЛ

Жил на небе чистый ангел,
В соответствующем ранге,
Он касался Поднебесной
оперившимся крылом
И, расправив поудобней
невесомые фаланги,
Он планировал на землю
Оторвавшимся пером.
По заснеженным дорогам,
Под защитою креста,
Нес он людям весть от Бога,
О рождении Христа.
И Рождественские свечи
Зажигал вблизи домов
И дарил влюбленным встречи
У подножия холмов.

ДОМОВОЙ

По дому бродит домовой
В лаптях и старом зипунишке,
Он ни косой и ни кривой,
А как описывают в книжке.
Ему наверно тыща лет,
Его, подиж ты, каждый знает,
Он стережет в шкафу скелет,
И за окном ворон считает.
Он старичок из небылиц,
И в час, когда я засыпаю,
Его по скрипу половиц,
Я безошибочно узна́ю.

Сергей ФИЛИППОВ
г. Москва

Окончил Московский институт химического машиностроения. Инженер-механик. Печатался в журналах: «Приокские зори», «Ковчег», «Дальний Восток», «Берега», «Балтика», «Южная Звезда», «Дарьял», «Истоки», «Великороссъ», «Новый день», «Зарубежные задворки», «Чайка», «Звонница», «Жемчужина», «Подъем», «Северо-Муйские огни», «Неман», «Невский литератор» и др. Наш постоянный автор.

***
Жизни книгу сдав в печать,
Нужно постараться
Что-то важное сказать
В каждом из абзацев.
Все и я, друзья и вы,
Знали, как казалось,
В книге этой три главы:
Юность, зрелость, старость.
Юность вроде бы не в счет,
Правда, юный Моцарт
Удивлять не устает,
Несмотря на возраст.
Значит зрелость? Но она
Нами в полной мере,
Без остатка, отдана
Призрачной карьере.
И не старость, что, сумев
Мудрости набраться,
Причитает нараспев
В каждом из абзацев.
То-то, видно, и оно,
На больших развалах
Книжных книг полным-полно,
Интересных мало.

***
Надоел еще с утра
Твой речитатив.
Видно правда уж пора
Сдать тебя в архив.
Целиком ли, по частям?
Можешь выбрать сам.
Отнести ко всем чертям,
Как утиль и хлам.
Новый, с новыми людьми,
Век не виноват.
Успокойся иль прими
Антидеприсант.
Век, растущий, как дитя,
Как помочь ростку,
Причитая и кряхтя,
Наводя тоску?
Забывая, что ему,
К общей стыдобе,
Трудно, судя по всему,
Так же, как тебе.

***
В пылу, средь общей суеты
Мы каждый Божий день
С тобою слышим гул толпы,
Гудки и вой сирен.
И, несмотря на нашу лень
И косность, мы с тобой
Почти что каждый Божий день
Сливаемся с толпой.
Направив бренные стопы
Вслед чьим-нибудь стопам,
И все волнения толпы
Передаются нам.
Вельможа, кесарь или князь
И прочие столпы,
Над миром гордо вознесясь,
Не слышат гул толпы.
Не вняв ему. И каждый раз
Вельможа, кесарь, князь,
Не уловив народный глас,
Решают все за нас.
Презрев гудение толпы
И не беря в расчет,
Забыв, что только до поры
Безмолствует народ.

***
Москва все больше. Скопище людей
В одном отдельном, небольшом пространстве
Безумию сродни. Но все сильней
С каким-то непонятным постоянством
Мы рвемся в мегаполисы. Все здесь
Почти на удивленье бестолково:
Богатство, бедность, нищета и спесь,
Одно неотделимо от другого.
Ты, как осиный улей, не понять,
Москва, твои ходы и лабиринты.
Людей ты заставляешь проявлять
Все низменные чувства и инстинкты.
На сотни верст в длину и ширину
Раскинулась страна, но люди, точно
В затмении, стремятся лишь в одну,

Одну и ту же маленькую точку.
В Москву. И этот пагубный процесс
Затронул очень многих, и не диво,
Что каждый, кто стремится, ждет чудес
И в предвкушеньи призрачной наживы.

Анна МИКАЕВА

г. Отрадный Самарской области

Поэт, руководитель Отрадненской городской организации РСПЛ, руководитель литгостиной, автор двух книг. Дипломант многих международных конкурсов-фестивалей. Награждена Почетной грамотой РСПЛ (Москва). Постоянный автор «Ковчега».

ВОЗРОЖДЕНИЕ ВСЕЛЕННОЙ

А ночью, все чаще лукавый тревожит,
Звенит бубенцом и сознанье сверлит.
Сползло одеяло, озябшею кожей
Я чувствую хлада густой монолит.
Веками довлело величие мрака,
Без отблеска света не видно ни зги.
Стараются, светят птенцы зодиака,
Но это лишь звезд небольшие круги.
А мрак вездесущ, нет сравнения всуе —
Вползает в подвалы и дня тайники.
Запрячь бы его в лучезарную сбрую,
Чтоб жечь во Вселенной огней маяки.
Их ставить, как вехи на звездных дорогах,
А в упряже мрак во всю прыть понесет.
Спасаясь от света в сияющих дрогах,
Он сам — светоносной кометы полет!
Не спрятаться тьме в закоулках Вселенной,
Не скрыться от ярко светящих миров,
Идет возрождение Славы нетленной
От Божьего Слова — основы основ!

ПРОШЛОГО НЕТ

Изжитое прошлое, временем смытое,
Упорно врывается в нынешний день.
Как зеркало старое, кем-то разбитое,
Сверкнет и осколком спугнет мою тень.
Я спрячусь за сонными ширмами памяти,
Плохим и хорошим запутаю след.
Снегов вихревые, бескрайние замети
Укутают в навь, где не нужен ответ.
Где истина жизни и все заблуждения
Колеблются зыбким туманом в ночи,
Где прошлого нет, позабыты сомнения.
Лишь легкий дымок от потухшей свечи.
А ночь в феврале потешается силою,
Увесистой плеткой исхлестан мой дом.
Ветра за окном, панихидно-унылые,
Буравят сознание ржавым гвоздем.
Очнуться, проснуться в уме и во здравии,
Отбросить все домыслы — прошлого нет!
Лишь нового дня трудовые реалии
Для чистой страницы — житейский сюжет.

ЗАВИСТЬ

Слезами янтарными плакали сосны,
Духмяным настоем приветствовал лес,
Луга в междуречье искристы и росны,
Макушками ели касались небес.
Природа звучала на высшем пределе,
А сердце в вибрациях с ней в унисон.
И не было войн, и леса не горели.
Не слышался шквала неистовый стон.
Здесь не было места насильственной смерти.
Ни звери, ни люди не знали вражды.
Хоть трудно поверить, но все же поверьте:
Все братьями были и были на «ты».
Что смело нарушить идиллию жизни,
Чей дерзкий поступок встревожил покой?
А Рай на Земле стал источником тризны
Под властной, безжалостно грубой рукой.
Коварное сердце наполнила зависть,
И разум мятежный, опутанный тьмой,
Пролился отравой, испортившей радость,
И Рай обернулся вдруг кармой земной.
В кривом отражении замыслов Божьих
Теперь прозябает творенье Его —
Жестоко завистливых, духом ничтожных,
Где святость была, там уж нет ничего.

Валерий СУХОВ

г. Пенза

Сухов Валерий Алексеевич родился в 1959 г. в с. Архангельском Пензенской обл. Окончил Пензенский государственный педагогический институт им. В. Г. Белинского и аспирантуру при Московском педуниверситете. В 1997 г. защитил кандидатскую диссертацию «Сергей Есенин и имажинизм». Работает на кафедре литературы и методики преподавания литературы Пензенского госуниверситета. Член СПР. Автор семи сборников стихов. Стихи печатались в журналах «Сура», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Подъем», «Простор», «Аргамак», «Нижний Новгород», «Белая скала», «Новая Немига литературная» и в «Литературной газете». Лауреат международной литпремии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами…» и всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова за 2009 и 2020 гг. Редактор отдела поэзии журнала «Сура».

А ЗА ОКОЙ ТАКОЙ ПРОСТОР...

ОГОНЬ РЯБИНЫ

Нет поэта без родины.
С. Есенин

Без родины — поэта нет.
Родного не понять чужому.
Так в сумерках заветный свет
Вдруг обожжет тоской по дому.
Тогда по-волчьи впору выть
Сухому перекати-полю,
То вспомнив, что нельзя забыть,
Бродяжью проклиная долю.
Поэта русского судьба —
Врасти корнями в край родимый.
Здесь материнская изба
Хранит в окне огонь рябины,
Когда печально старый клен
Клин провожает журавлиный.
А ветер колокольный звон
Разносит, как напев былинный.
А за Окой такой простор,
Что сердце не захочет рая.
И, вспыхнув здесь, души костер
Горит, как Русь, не угасая.

ЕСЕНИНСКАЯ ОСЕНЬ

Пропеть о сумерках дорог…
С. Есенин

Вот и нас есенинская осень
Осенила золотым крылом.
Все заметней индевеет проседь.
И грустим все чаще о былом.
Утонула в сумерках дорога,
По которой молодость ушла.
Как листок, трепещет одиноко
На ветру продрогшая душа.
Что ж. Выходит, наша песня спета.
Наступает холодов пора,
И согреют грудь стихи поэта,
Как тепло осеннего костра.

СУМЕРКИ

Ну что же? Молодость прошла!
С. Есенин

Все меньше вешнего тепла.
Все больше холода осеннего.
«Ну что же? Молодость прошла!» —
Вновь вспоминаю я Есенина.
Сгустились сумерки в душе.
В морозный вечер одиночества.
Мирюсь со многим я уже.
И многого уже не хочется.
Скудеет в чувствах человек.
Душа, как почва, замерзает.
Лежит на сердце первый снег.
И он теперь уж не растает…

ДЕКАБРЬСКИЙ РЕКВИЕМ

Поведут с веревкою на шее
Полюбить тоску.
С. Есенин

Лес декабрьский сковал мороз.
Кровь рябин на снегу рассеяна.
Голубые вены берез
Перерезала Русь Есенина.
Затмевает тоски разгул
Просветленья святую грусть.
Потому петлей захлестнул
Горло месяца Млечный Путь.

ТЕНЬ ПОЭТА

Месяц умер. Синеет в окошко рассвет.
С. Есенин

Кто же поэту перерезал вены?
И чей сапог опору выбил из-под ног?
Молчат забрызганные кровью стены.
Как кляп, закушен языка комок.
В окно пробился синий свет рассвета.
На землю падал белый-белый снег.
А на стене качалась тень поэта —
В ту ночь казнен был черный человек!

РОДИМАЯ ИЗБА

Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.
С. Есенин

Убивали русского поэта
Водкой, нищетой и злым наветом.
Ждали его пуля и петля.
И колымская железная земля.
Пасынком родной своей страны
Встал он у бревенчатой стены.
А за ним — родимая изба.
И у них единая судьба.
Ребрами — не бревнами хранит
Родина невидимый родник.
Серебро незримого колодца
Песней над убийцами смеется.

ЖИВОЙ

Стою я на Тверском бульваре…
С. Есенин

Над Россией в зареве осеннем
Заклубился черной тучи дым.
Не застыл, как памятник, Есенин,
А живой вернулся к нам — живым.

Нет, не все пока еще предали
Мы в себе, банкнотами шурша.
И из пепла на Тверском бульваре
Вновь воскресла русская душа!
Буйная, как непокорный ветер,
Просветленная, как ясный день,
Воплотилась Русь в своем поэте
Вся — в святой и грешной простоте.

РОДИЛИСЬ ПОЭТЫ В ОКТЯБРЕ

И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу. С. Есенин

Родились поэты в октябре.
Ночью — Лермонтов, Есенин — на заре.
Золотой метелью Русь заносит
Ясная и пасмурная осень.
Расстелился голубой туман
От приокских далей до Тархан.
В тучи обращает облака
Демона гнетущая тоска.
Ветер закрутил кленовый лист.
От земли до неба путь кремнист.
Дождь косые забивает гвозди.
И горят рябиновые грозди.
И из века переходит в век
Тень поэта — черный человек.
На рассвете, как Голгофа, сер
Силуэт Машук и Англетер,
Где на взлете обрывает жизни
«Странная любовь» — любовь к Отчизне…
Русская душа жива пока,
В ней поет тарханская тоска,
Песней константиновская грусть
Как рубаху, разрывает грудь!

Татьяна ПАНОВА
г. Красноярск

Автор пяти поэтических сборников, член СПР. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

***
Без той реки, без той тайги,
Без журавлей и старых песен
Да что там стены, потолки? —
Мне миллионный город тесен.
Хочу назад, к моим снегам,
Где вдохновенно и умело
Мороз рисует по ночам
Тайгу на окнах белым-белым,
Бросая вьюгу на стекло,
Глуша ветра в сосновых лапах,
Да так, что кажется оно
Имеет вкус и даже запах.
Где чудится, что живы все
Мои родные и сегодня,
Что сыплется усталый снег
На плечи мне из их ладоней.

***
Лучик на плече светел,
Снова за спиной крылья,
Дрогнула в саду ветка,
Вышептав мое имя.
И по волшебству жестом
Кто-то одарил лаской,
Возвратив на миг в детство,
Погрузив на миг в сказку,
Словно из дали дальней,
Где и в октябре вьюжит,
Прилетел земной ангел
Навестить мою душу.

***
Лунный свет на обоях,
Шевеление штор…
Нам понятен обоим
Душ ночной разговор,
Пониманье по взгляду —
Уступи, позови.
Время долгих закатов,
Время тихой любви,
Запоздалых известий,
Сожалений тайком.
Слышь? — Несбывшимся грезит
Тишина за окном.
Время для привыканья
К разговорам немым
И к последним признаньям,
И к морщинкам своим.

Юлия КОЛОБКОВА
с. Архангельское Каменского района Тульской области

Родилась 24.08.1981 в с. Архангельском Каменского р-на Тульской обл. Член ТО «Каменка». Окончила ТулПГУ им. Л. Н. Толстого. Стихи пишет с юношеского возраста и публикует с 2008 г. Печаталась в альманахах «День тульской поэзии», в сборнике «Каменское Красивомечье», в альманахе «Ковчег», автор сборника стихов. Наш постоянный автор.

РАЗЛУКА

За окном кружит пушистый снег,
С ним играет ветер сиротливо.
Время будто прекратило бег…
Я одна, мне без тебя тоскливо...

Без тебя осиротел наш дом,
Вздрагиваю от любого жеста...
Шумно ветер воет за окном,
Пусто в нем, не нахожу я места...
А когда ты дома,— все иначе!
Песней баритон повсюду льется!
Я же обещала, я не плачу...
Я не знаю, как,— но удается!
Поскорее, милый, возвращайся,
Без тебя мне плохо, я скучаю...
По щеке слеза, но я не плачу!
Как-то удается... Я не знаю...

***

Акация белая, грозди душистые
Развесив, в саду зацвела.
И девушка чистая в платьице ситцевом
К нему на свидание шла.
А парень, как вихрь, летя к ней на встречу
Цветы на лугу собирал.
И ей, ненаглядной, красивый букетик,
Волнуясь, в руках он держал.
И, встретив девчонку, цветы ей несмело,
В дрожащие руки вложил!
И с этой девчонкой красивой и нежной
Всю жизнь он счастливо прожил!
Акация белая, грозди душистые
Развесив, в саду зацвела.
Ах, знали бы, сколько парней и девчонок
Акация эта свела!

АВГУСТ

Люблю бродить я в августе по лесу,
Когда шуршат травинки под ногой…
Листва, жарой измотанная, с древа
Кружит, как самолет над головой.
Черпаешь вдохновенье в каждом шаге!
И радуешься — каждой ерунде!..
А дождик, будто циркуль на бумаге,
Круги рисует каплей на воде.
И не пугает серая погода
Сбежавшего… от жизни — суеты…
Люблю я это чудо — время года,
Когда со мною рядом, милый, ты!
Когда бредем, рукой руку сжимая,
Не страшен ветер и не страшен зной…
Пусть охраняет нас любовь святая!
Мне важно знать, что ты душой со мной!

НАПИШИ МНЕ СТИХИ!

Напиши мне стихи… без признаний, без пафоса!
Напиши от души то, что в сердце твоем!
Пару строк дорогих! Мне не надо для статуса,—
Никому не скажу, будем знать мы вдвоем!
Посвяти мне стихи, не поэт, понимаю я...
Но поэму и оду я и не прошу!
Твои строчки души нежной рифмою знаю я,
Ведь тобой я живу и тобой я дышу!
Подари мне, прошу, пару строчек от сердца!
Стимул к жизни и вечной любви подари...
Пусть откроется в жизнь лучезарная дверца,—
Я дарю всю себя от зари до зари!
Напиши обо мне — откровенно, отважно!
Напиши для меня, что хотел бы сказать!
Пусть нелепо, не в рифму, мне это неважно...
Напиши о любви! Я хочу это знать!!!

СЧАСТЬЕ ЛЮБИТ ТИШИНУ

Счастье любит тишину!
Помню с детства я наказ
Старой бабушки своей,
Что воспитывала нас.
Счастье селится в дому!
И другим не важно знать,
Отчего и почему? —
Чтоб его не потерять.
Счастье любит тишину…
Любит звонкий детский смех!
Счастье любит вкусный ужин,
А не в бизнесе успех!
Счастье любит по утрам
Запах пирожков с ванилью…
Счастье селится в дому,
Где друг друга полюбили!
Счастье знает наперед,
Где царит любовь и ласка!
Там комфортно и легко
И живется, будто в сказке!

Валентина ПИНАЕВСКАЯ

г. Тула

Автор пейзажной, религиозной, философской, патриотической лирики. Пишет хокку и малую прозу. Финалист международного конкурса «Бежин луг», посвященного 200-летию И. С. Тургенева. Участница обл. МЛО «Муза». Постоянный автор нашего альманаха.

В УСАДЬБЕ ТУРГЕНЕВА

Как только вечер веки смежит,
Луна осветит Бежин Луг,
То засыпает речка Снежедь.
Безмолвие царит вокруг.
И властвует, что даже шорох
Не проскользнет среди ветвей.
Туман, как будто барский сторож,
Обходом движется с полей.
В усадьбе отдых, лишь бессонно
До утренней зари окно.
Вершит писатель под иконой
Судьбу отцов, судьбу сынов.
Ложатся на бумагу строки,
И в каждом слове дышит Русь

С душою светлой и глубокой.
Была и есть, и будет пусть!
Наказ потомкам сокровенен,
Нельзя свернуть с того пути.
Спускается с крыльца Тургенев,
Чтобы в бессмертие уйти.

СТАРАЯ ТУЛА

Переулок Денисовский. Старая Тула.
В тихом дворике время как будто уснуло.
Тот же дом двухэтажный, осенние лужи.
Клен высокий по-прежнему сторожем служит.
Я к шершавой коре припадаю щекою,
— Ты прабабушку помнишь совсем молодою?
Кружевной воротник, безупречный латинский,
Золотая медаль, аттестат гимназистки.
Безмятежная юность недолго продлится,
Оставляя лишь стать благородной девицы.
И когда лихолетье в судьбу постучало,
То молитва ее всю семью сберегала.
Ранним утром в Покров к Вознесенскому храму
Шла за ручку с моей пятилетнею мамой.
Снимок давней поры, лиц родных сохранитель,
Только в статусе каждый из них — небожитель.
Клен вздохнул, прошептал еле слышное:
«Помню…»
И погладил плечо пятипалой ладонью.
Погрустив о былом, осень кротко всплакнула.
Переулок Денисовский. Старая Тула.

ЛЕТАТЬ!

Как за спасением, спешу к реке,
Усталость смыть от пройденной дороги.
По-дружески красавице Оке
Раскрою наболевшие тревоги
о главном. Позабытые грехи
Укоренились сорною травою
И заглушили прозу и стихи,
И творчество страдает от застоя.
Лимит исчерпан. Старость у дверей.
Хоть постучаться, правда, не посмела,
Но, понимаешь, страшно умереть,
Оставив не законченное дело.
Верней, дела. Их непочатый край,
Того, что выполнить предназначалось.
Шепнет прибрежная волна: «Пора.
Вернись к истокам и начни сначала,
Очистив родники своей души,
Затянутые вязким слоем тины.
Дыши поэзией, живи, пиши
Избытком чувств, а не наполовину».
…О, чудо! Возрожденная строка
Стремится жаворонком в поднебесье.
Пусть на мгновенье, пусть не на века
Сердца затронет трепетная песня.
Не в этом суть. В умении летать!
Парить над полем, солнышком залитым,
Язык звериный, птичий понимать
И видеть то, что для других сокрыто.

Николай ТИМОХИН

г. Семей, Казахстан

Поэт. Член СПР, член СЖР. Автор многочисленных книг стихов и прозы, вышедших в Казахстане, России, Канаде и Германии. Зам. гл. редактора по международным литсвязям журнала «Северо-Муйские огни». Зав. отдела поэзии журнала «Приокские зори» и альманаха «Ковчег». Член литхудсовета журнала «Метаморфозы» (Беларусь). Председатель редколлегии международного художественно-публицистического журнала «Современная всемирная литература» (США). Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ДЕТСТВА ШКОЛЬНАЯ ПОРА…

***
Прозвенел звонок на перемену.
Через пять минут ворвутся в класс
Малыши — моя «вторая смена»,
Пятьдесят красивых детских глаз.
Двадцать пять веселых ребятишек,
Ринутся за парты, чтоб опять
Окунуться в мир учебы, книжек,
В ту страну, где каждый помечтать
Сможет о прекрасном и о счастье.
Слышу, вот, бегут по коридору.
И при входе крикнут громко: «Здрасте»,
Поприветствуют меня и школу.
2020

***
Приснилась снова школьная пора
И галстук пионерский на груди.
Когда поспать хотелось по утрам,
Чтоб в школу опоздать и не пойти.
Но предо мною множество дорог
Открыто было, по которым я
Спешил потом, как прежде на урок,
Познать хотел все, что влекло меня —
Ведь интересно, сколько солнцу лет?
И застывает почему вода?..
Считал беды страшнее в жизни нет,
Чем двойка в дневнике моем. Всегда
Я буду это время вспоминать.
И галстук пионерский на груди.
Дороги часто снятся мне опять,
Те, по которым не успел пройти.
2014

***
Хочу быть снова молодым,
На улице резвиться.
Не представлять себя седым,
Во снах летать как птица.
Со спичками играть тайком,
Считать, что в сорок лет

Уж точно стану стариком
И с палочкою. Нет,
Об этом думать не хотелось,
Ведь била жизнь ключом.
И в мыслях проявлялась смелость,
Все было нипочем.
Промчались детство словно миг,
И юности года.
А то, чего я не достиг
Не будет никогда…
2014

***
«Сынок, иди скорей домой!»,
Мне мама из окна кричала.
Далекий голос и родной —
Души поющее начало.
Порой хочу все повторить —
Как бегал в школу, в институт.
Ведет меня в былое нить,
Лишь сердце остается тут.
Уносят вдаль меня года
Как будто кони в колеснице.
И нет возврата никогда
Поре, которая мне снится.
И часто утром сам не свой
Я слышу вновь из детства крик:
«Сынок, иди скорей домой!»
И снова длится счастья миг…
2014

Яков ШАФРАН
г. Тула

***
Я не слышу как лязгают танки,
Я не слышу и воя ракет,
Нет в помине и пуль перебранки,
Не встает в черном дыме рассвет.
Как и прежде, кудрявы березы
И в садах мирно зреют плоды,
И на травах обильные росы
Босых ног сохраняют следы.
Как и прежде — небесные птицы
И звенят серебром родники…
Почему ж так растеряны лица,
Почему же так взгляды горьки?
Что-то в мире навеки потеряно.
Что, мы спим, иль восстали от сна?
Ничего и нигде не обстреляно,
Но идет повсеместно война.
Маски нет — ты лазутчик от вируса.
Кашлянул — ты почти диверсант.
Хочешь быть только в плюсе, без минуса —
Сиди дома, как тот арестант.
Во всем твердости нет — импотенция.
Позакрыты все школы кругом,
И на спаде заводы с коммерцией,
И в культуре буквально погром.
На замке, как безбожные, храмы.—
Где же сила духовных молитв?
В слепоте ходим мы со грехами —
Так с чертями не выдержать битв!
Жизнь в спектакль сплошной превратили.
Каждый мнит, что народный артист.
А тем часом, без шума и пыли,
Землю в руки берет антихрист.
Вот и выбор — в могилу иль в лагерь,
Или в ад, или цифру на лоб.
Наш ответ: да — сердечной отваге,
Нет — пути из ошибок и проб!
И тогда мы не будем растеряны,
И тогда пробудимся от сна.
Будут трусость и тьма в нас расстреляны.
И Христа станет слава видна!

***
Сколько тайн под пластами сокрыто,
Под наносами долгих времен.
Но награда найдет следопыта,
Если к Истине тянется он.
Мы живем среди лжи и наветов.
Но собрат из грядущих веков,
Не познавший давленья запретов,
Деспотических темных оков,
Только правду о времени нашем
Извлечет из романов, стихов.
И не будет итог приукрашен
Для тогдашних судейских верхов.
И узнают они сколько крови,
Сил и пота от тяжких трудов
Довелось для рождения нови
Положить, чтобы мир стал Христов!

***
Наша жизнь — это поезд метро:
Темнота и мельканье огней.
Чернота поглощает добро,
Как свет станций уходит в тоннель.
Наша жизнь — расставаний печаль.
Почему-то их больше, чем встреч.
Промелькнув, вмиг уносятся вдаль,
И вновь будней обыденных речь.
А в душе — лишь извечный вопрос:
Сделать как непрерывным добро?
Но в ответ — перестуки колес,
Мчится поезд по ветке метро.

***
Грустит природа, копит слезы.
И за стеной по вечерам
Звучат виолончели грезы
С тоской и грустью пополам.
И мир погряз во снах и грязи.
Он больше мертвый, чем живой.
Но сквозь потоки безобразий
Я, дальний друг, всегда с тобой.
А музыка все плачет, плачет.
Послушать — с нищенской сумой
Пойти бродить по ближним дачам,
Забыв об истине святой.
Но не забыть. И пусть обратно,

Как ни хотелось, не пройти,
Единство наше благодатно,
Зальют дожди хоть все пути.
Я выйду в ночь и в небо гляну,
Из мира — в дальние миры,
И свету, знаний океану
Любви преподнесу дары.
Там нет границ, там все едино:
Природа, музыка и мы,
И тучам там не скрыть вершину,
И все дороги там прямы.

***
Уйду в пустыню, где не будет жажды
Хлебов и зрелищ, суеты мирской,
Где я смогу к себе прийти однажды
И сделать то, свершить что должен каждый —
Соединиться с Вечною Душой.
Ничто не отвлечет в моей пустыне:
Ни человек, ни страсть, ни воз проблем.
Но как бы защищенному твердыней
Не стать рабом немыслимой гордыни,
В могилу духа превратив эдем.
Не лучше ли среди людей аскетом,
Не поддаваясь искушеньям жить,
Не под гордыней, страхом и запретом,
Свободно, связь создав с Великим Светом,
С Душой Великой золотую нить.

***
Была когда-то милая страна,
Был светлый дом, светлы людские лица.
Казалась несусветной, небылицей
Все разрушающая вмиг война.
Своими были реки и леса.
Куда бы ни пошел — везде хозяин.
А ныне ты — гонимый, словно Каин,
Открыты для тебя лишь небеса.
В тайге теперь пожарища и пни,
В полях — земля, заросшая кустами.
Свободен лишь владеющий деньгами.
Везде упадок — чувство западни.
Как страшно позабыть мне ту страну,
Ведь к прошлому дороги позакрыты.
И нет ни в чем поддержки и защиты.
Ничто не предвещает нам весну…

***
И снова втиснуть душу норовят,
Небесную, да в жесткие оковы.
Она же ищет лишь живое слово,
Простые смыслы и сердечный взгляд.
Пойду в серебряные родники,
В луга, поля, леса и перелески,
Где не найдут звонки и эсэмэски
И где обманы станут далеки.
Они расскажут мне, что Бог живой,
А не, сказавши, вышел да и умер.
Услышу я тогда и в ветра шуме,
Как Он беседует с моей душой.
Услышу, как в закатной красоте
И как в травинке каждой и листочке,
В раскрывшем небу лепестки цветочке
И в бирюзовой речки простоте
Его слова звучат, полны любви,
Которая есть мудрость вековая.
Она везде — от края и до края.
Черпай, лишь только веру призови!

***
Средь рекламных огней, буйства красок
Не найти Вам меня нипочем.
И творцу соблазнительных сказок
Не сманить меня и калачом.
А в дневной суеты мельтешенье
То ли лиц, то ли масок — пойми! —
Вы найдете меня на мгновенье
Меж спешащих зачем-то людьми.
Тело ведь у души в подчиненье,
А она в одинокий полет
Устремляется на единенье
С тем, что ввысь ее вечно зовет.
Где не грусть о хорошем, красивом,—
Чего так не хватает в наш день,—
А где тихое, светлое диво
И тонка серебристая звень.
Где не грусть о любви и свободе,
Что для нас здесь — вершинами гор,
А где это в Небесной природе,
Созидающей Светлый Собор.
И душа в том особом паренье
Сможет только ту песню сложить,
Что усилит сто крат притяженье
И связь с Высшим — серебряну нить.
И сердечной мелодией песни,
И любовью наполнится край,
И для жизни иной он воскреснет,
Где в цветенье всегда дивный май!

ПЕСНЯ УТРА

Проснулось утро и про сны забыло —
Без них хватает дел кругом:
Вот облако застыло белокрыло
И ждет свидания с лучом,
Земля, еще укрытая тенями,
Ждет также проблеска зарниц,
Березы нежно шевелят ветвями,
Готовясь слушать пенье птиц.
Но вот над горизонтом луч игриво
Вспорхнул, и роща ожила,
И у ручья затрепетали ивы,
И даже старая ветла.
Еще немного — солнце засияло,
И зазвучал весь птичий хор,
И золото прозрачное упало
На ситцы трав, плетя узор,
Цветы раскрыли лепестки-ресницы
И потянулись к свету всласть,
А солнце радо ввысь лететь жар-птицей,
Простерши крылья в неба гладь,
И россыпь бриллиантов засверкала,
Где только лишь роса была.

А в сердце дивно музыка звучала
Тиха, лирична и светла.

Юлия ВОЕВОДИНА
г. Серпухов

Воеводина Юлия Вячеславовна, родилась 24 мая 1977 г. в п. Шарапова Охота Серпуховского р-на Московской обл. По образованию педагог-психолог. Работает корректором в редакции газеты «Серпуховские вести». Член СПР. Член ЛИТО «Серпейка» (Серпухов), ЛИТО «Клио» (Серпухов), член ЛИТО Москвы и Московской обл. Неоднократный дипломант и лауреат ряда конкурсов, удостоена грамот, дипломов и благодарственных писем за вклад в литературу и культуру. Автор-участник многих коллективных сборников, детского журнала «Вестенок». Печатается в «Серпуховских вестях», «Общественной газете Серпухова», в «Литературной газете». Автор сборника «Мыслей кружева» (2008). Наш постоянный автор.

МАНИТ ЛИРА

Как радостно порою ощущать
Касанье звезд. Незримое, но все же.
Как будто с Неба льется благодать,
Любовь нисходит ласковая, Божья.
И снова крылья чувствуют простор,
Прочь унося от суеты и мира
Туда, где счастья слышится мажор,
И манит не смолкающая лира.

НЕТ ОЧАГА ПРЕКРАСНЕЙ

Листая Книгу жизни по странице,
непросто выбрать главный эпизод —
ведь значимых событий вереницы
в копилку лет кидает каждый год.
Рождение детей и их победы,
успехи мамы, папы — все в семью,
за ужином душевные беседы
положит жизнь в копилочку свою.
Из мелочей мы складываем счастье,
черпаем радость в каждом новом дне.
Нет очага домашнего прекрасней —
пусть он горит и дольше, и сильней.

РАЙСКИЙ УГОЛОК

Райский уголок моей судьбы —
Там, где быстро пролетело детство,
Дым клубится из печной трубы,
Скрип калитки старой по соседству,
Где в ромашках из травы ковер
Стелется вдоль узенькой тропинки
И старушек громкий разговор
Про болезни, огород, поминки…
Райский уголок моей души,
как и прежде, дорог мне по жизни.
И каких бы не достичь вершин —
Здесь бы мне свой путь дойти до тризны.

СОГРЕТЬСЯ МОЛИТВОЙ

За днями дни бегут неуловимо,
их не замедлишь бег, не остановишь.
По жизни мы бредем, как пилигримы,
за Ангелов порой приняв чудовищ.
Аккордам сердца не всегда внимая,
в воспоминаньях растворяя горечь,
жизнь постепенно приближает к краю
и тех, кто был порядочным... И сволочь...
Душа устала плакать, надрываясь,
ответным эхом отзываясь сердцу.
Сегодня снова я в грехах покаюсь,
чтобы молитвой искренней согреться.

ЛЕДИ ОСЕНЬ

Леди Осень, сегодня Вы в сером,
Разноцветный сменили наряд.
И как будто утратили веру,
Проводив до поры листопад.
Леди Осень, сегодня Вам грустно —
Проливаете слезы дождем.
И владеете болью искусно,
Расставаясь теперь с Октябрем.
Леди Осень, Вы скоро уйдете,
Доверяя просторы Зиме.
Лишь оставив застывшей природе
Нежный отблеск в рассветной кайме.

Борис РЯБУХИН
г. Москва

Борис Константинович Рябухин (литературный псевдоним Борис Карин) — российский поэт, прозаик, драматург. Родился на Дону, вырос в Астрахани, окончил технический вуз и ВГИК. Член СП СССР с 1986 г., и СЖ с 1973 г. Работал редактором в Москве: в «Молодой гвардии», «Литературной газете», журнале «Юность», издательстве «Художественная литература». Автор более тридцати книг поэзии, прозы и драматургии. В настоящее время он вице-президент Международной Академии литературы, науки, искусств «Русский слог».

ЖИВЫЕ СТРАНИЦЫ 5
(Из Дневника писателя)

ЗАКОНЫ

ШУМ ПРЕДСТОЯЩЕГО СОБЫТЬЯ

С рассвета жарил свод небес.
И дух цветочный ожил в сене.
Но вдруг затих шумливый лес.
И замер мир в оцепененье.
И вот издалека, шурша,
Ознобным сквозняком пахнуло.
Упала капля, не спеша,—
И ливнем землю полоснуло.
Гроз не дано предотвратить,
Но можно отыскать укрытье,
Когда успеешь уловить
Шум предстоящего событья.

ЖИВЕМ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ

Мне не забыть наказ родного деда:
Не оставляй работу про запас,
Что сделано — уже не переделать,
Все — начисто, живем в последний раз.
Учил мой дед, не падкий до застолья:
Беседе время — угощенью час,
А бражничать и вовсе непристойно,
Живи трезвей — живем в последний раз.
Мы в долг живем у женщины и Бога,
Не воздадим — кому платить за нас?
Дед завещал, что честь превыше долга;
Не занимай — живем в последний раз.
Мы целы — лишь участием соседей,—
Сказал мне дед, на мир перекрестясь.—
Твори добро за это милосердье...
И сам мой дед жил, как в последний раз.

СВЕТ И ТЬМА

...И свет осилил тьму — и воцарил.
Сплошным сияньем стала вся планета.
Все потонуло в океане света.
Не молнию ли кто остановил?
Я никого нигде не находил.
На зов напрасно ожидал ответа.
Весь мир — без тени, силуэта, цвета.
Неужто свет всю землю погубил!..
В лучах даже моя исчезла тень.
Я сбросил сон — уж ни конец ли это?
И свет и тьма нужны нам каждый день,
Между собой не зная паритета.

ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ СЧАСТЬЯ

Говорим, что желаньем горим,
Но, как листья, сгорают желанья.
И сбивает дыхание дым,
И туманятся взор и сознанье.
Отчего на душе не светло —
Не ропщи ты на жребий за это.
Видно, время еще не пришло
Озарения внутренним светом.
Только не уставай от борьбы.
Распогодится все же ненастье.
И на все перемены судьбы
Есть закон сохранения счастья.

Алена АЛЕЩЕНКОВА

г. Москва

Горячева Е. Ю., творческий псевдоним Алена Алещенкова родилась и живет в г. Москве. Окончила Московский педагогический госуниверситет по специальности практический психолог-кон-сультант. Длительное время работала в социальной сфере. Замужем. В настоящее время воспитывает маленькую дочку и сына. Стихи писать начала в юности. В 2015 г. в московском издательстве «Образ» вышла первая поэтическая книга автора — «Ясенька», в 2016 г. — поэтический сборник «Бабочка в руке», в 2019 г. — книга стихов «Myself». Автор детской иллюстрированной книги стихов и песен «Тихо-тихо». Член СПР. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

Я ДЫШУ…

Солнца нет, как нет весны.
Я дышу твоим морозом.
У заплаканной сосны
Вмерзли в холод смолы-слезы,
А мои еще спешат
Тропы вытоптать на коже.
Завернувшись в ночь, как в шаль,
Я не делаюсь моложе.
Я дышу твоей зимой
И гляжусь в глаза закату.
Развеснись, хороший мой,
Даже если виновата…

***
Исписаться до боли, до строчки
И уйти босиком по траве.
Словно вырванные листочки,
Стопкой мысли замрут в голове.
Пусть останется искренне мало
Песен, что не допела душа,
И уйду я с подня́тым забралом
И обломками карандаша.

ЛАМПА АЛЛАДИНА

Я словно лампа Алладина пустотела.

Пуста насквозь, до края, до предела,
А ведь однажды, отпуская джина,
Была полна бескрайне, одержимо.
Вот джина нет, бока зеркально гладки —
Натерты по волшебной разнарядке.
Ладони страждущих разочарует малость,
Что в лампе никого не оказалось.
А джины что? Капризные ребята.
Им вечно места в лампе маловато…
И я пуста, как лампа Алладина.
Порою пустота необходима.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег кофейной пенкой
Размешался по проспекту,
Тянет след бескрайней лентой
Засыпающий троллейбус.
Окна спят, прикрыв глазницы
Ветряной вуалью белой,
Подоконников ресницы,
Рам озябшие пробелы.
Все смотрю, ловлю круженье
В ледяные стекла ночи.
И в фонарном отраженье
Ночь становиться короче.

Марина ЩЕНЯТСКАЯ

г. Белгород

Родилась в 1984 г. в г. Белгороде. Кандидат экономических наук, доцент. Работает в Белгородском технологическом госуниверситете им. В. Г. Шухова. Участник литстудии «Младость» при Белгородском РО СПР. Автор книги стихотворений «В сети волшебных лабиринтов». Лауреат международных и всероссийских поэтических конкурсов. Стихи публиковались в литературных журналах «Симбирскъ», «Странник», «Южная звезда», «Приокские зори».

РОЖДЕСТВО

Теплота с небес прольется в души —
Ясная во тьме зажглась звезда.
И покоя ночи не нарушит
Юной Богородицы слеза.
Замирает любящее сердце.—
Мир увидит правды торжество.
А пока так сладок сон Младенца
В первый день на свете — в Рождество.
И поет то радостно, то грустно
Колыбель святая Иисуса…

***

Слова в молчанье раствори.
Здесь и сейчас замри! — Смотри,
Как пламя радостной зари
Поспешно гасит фонари,
Как снег румянят снегири.—
И счастье теплится внутри!..
Его с собою в путь бери
И благодарностью гори!

***

Тоскует дождь над белым майским садом,
И яблони в слезах его чисты.
Деревьям дождь — желанная отрада,
Хоть с ним теряют лепестки цветы.
Вот так и мы теряем дни и жажду
Прожить светло. Стал чужд наивный взгляд.
Но в сердце тайно верим, что однажды
Нам распахнутся двери в Райский сад.

РОДИНЕ

«Звени, звени, златая Русь...»
С. А. Есенин

Русь моя — беспредельно святая,
Ясен твой поднебесный лик!
В облака с куполами взлетая,
Встречи с Богом даруешь миг.
Дерзких нас ты так кротко прощаешь,
Долготерпишь, любовь храня,
Православной душой ограждаешь
От неверия злого огня.
Сквозь березово-нежные дали
Взор пьянят красоты твои.
Утоляющая все печали,
И мою тоску утоли!..
Я прильну к тебе, можно, родная?
Пусть твой воздух наполнит грудь!
Русь моя — чудотворно живая,
Процветай и вовеки будь!

***

Поэзия жизни, звучи, не смолкай!..—
С тобой на земле обретается рай.
В рябиновых гроздьях на бликах играй!
И радости грани мне вновь открывай!.. —
Не только весной, когда мир весь поет
И весел души легкокрылый полет,
А каждый мой день, каждый тягостный час,
Когда свет надежды, померкнув, угас…

Сергей РЕДКОВ

г. Тула

Редков Сергей Александрович родился в Туле в 1978 г. В 2005 г. окончил МГУ Культуры и Искусств. Литературным творчеством увлекся в 2009 г. С 2010 г. участник МЛО «Муза». Стихи и проза автора были напечатаны в газете «Тульский литератор», в

ряде российских журналов и альманахов. В 2011 г. стал обладателем гран-при конкурса «Мой Пушкин». Является автором нескольких поэтических сборников. Член СПР.

СОНЕТ УХОДЯЩЕМУ ГОРОДУ

Из цикла «Тульские этюды»

Когда сгорят все деревянные дома,
На их местах возникнет центр торговый.
И с колокольни ангел Иеговы,
На землю спрыгнув, станет горн ломать.
Ведь с древних пор привык он воевать
С чертями, лешими и домовым под кровом,
А не с купеческим шатром, таким огромным,
Что за день невозможно обежать.
Здесь рай построят для простого люда.
Но все же что-то навсегда уйдет
Из мира, где не верят больше в чудо.
И вряд ли кто печаль мою поймет —
Директору базара не до сказок,
Когда он вечером снимает кассу…

ДЕДУШКА И КНИГИ

Сделаны уроки.
Вымыта посуда.
Во дворе набегался.
День прошел не зря.
Чем еще полезным,
время есть покуда,
я смогу заполнить
вечер сентября?
За окном стемнело.
Все родные — в доме.
Лампа с абажуром
на столе горит.
Дедушка достанет
с пыльной полки томик,
Скажет с важным видом:
«Это, внук, Майн Рид».
И читать до ночи
с выраженьем станет.
Попаду я в странный,
мир совсем иной:
Всадник безголовый
и койотов стая,
И мустанг, и прерия
встанут предо мной.
Я же — размечтаюсь:
вырасту — отправлюсь
Даму сердца за море
из беды спасать.
И спрошу у дамы:
«Дама, я вам нравлюсь?
Я могу и драться,
и стихи слагать».
А потом я сяду
на корабль огромный,
Острова открою,
и набью весь трюм
Золотом пиратским,
выпью бочку рома,
Изучу все страны,
мир весь посмотрю.
Задремлю, мечтая.
Сон расставит сети.
Дед закроет книгу.
Скажет: «Все, устал».
Дедушка, спасибо —
из-за книжек этих
Я не стал бандитом,
подлецом не стал.
Повзрослел с тех пор я,
и могу позволить
Я себе на море
съездить отдохнуть.
И в страну любую
тур я выбрать волен…
Только в детство, к деду,
мне заказан путь.

РОДИНЕ

То бедою грозишь, то радуешь,
В новый день за собою маня,
То взлетаешь, то снова падаешь,
То преследуешь, словно маньяк,
То пугаешь народы полонием,
То дымишься, лесами горя,
Золотая моя колония,
Дорогая отчизна моя…

ДНЕВНИК

Ни строчки не пишется. Я изнемог.
С небес не спускается Муза…
Напротив окна — магазин. Из него
Просрочку бросают в мусор.
Представил блокаду — я книгу читал
О бедственных днях Ленинграда.
Там если бы пищей бросаться кто стал,
Что было бы с этим гадом?
И дело не в брошенной в грязь колбасе,
А в строчках, что жгут непрестанно:
«Савичевы умерли.
Умерли все.
Осталась одна Таня».
И что сочинить на бумаге я смог,
Словесной просрочки кроме?
Ничто из написанных мною строк,
Сильнее тех слов не тронет.

МАСШТАБЫ

Я меньше микроба — я даже с Луны не заметен,
С Венеры — едва различима планета моя,
А с края галактики Солнце — далекий маяк,
Что еле мерцает в туманной дали предрассветной.
А силы вселенной играют в игрушку такую,

Что космос гудит и бурлит, как вскипевший бульон.
Гигантские звезды, взрываясь, теряют протон,
И в этих масштабах я просто не существую.
Я меньше песчинки, и в мире моем — все тленно,
И как ни старайся, но лоб упирается в гроб,
Но что-то внутри говорит — я не просто микроб,
И мыслью творю чудеса не слабее вселенной!

МАГНИТНЫЕ БУРИ

Иногда в этот мир прилетает безумие,
И соседи в горячке хватают ножи,
И впиваются в сердце слова острозубые,
И приходит война, и калечится жизнь.
И трудяга, и тот, кто мечтает о праздности,
Позабыв о приличии, бьет за пятак.
Даже если ты думаешь, что в безопасности,
Все равно в этот час будет что-то не так.
У хозяйки на кухне сгорает яичница,
У рабочего на пол упал бутерброд,
У поэта несчастного строчка не пишется,
У правителя — снова бунтует народ.
Как в бутыли, тревога по душам разлита.
И умнейший ученый не в силах понять,
Почему все хорошее в людях забыто,
И дикарь возрождается в людях опять.
А безумие, здесь наигравшись, уходит.
Проливается солнце в квадраты дворов.
И как пчелы весной, люди сонные бродят,
Вспоминая значение добрых слов.

ПРОСТЫЕ ВЕЩИ

Осенний дождь, спадающий на плечи.
Затихший город. Опустевший парк.
Окон мерцающих ночные свечи,
И сдвоенная тень влюбленных пар.
Дома. Деревья. Улочки пустые…
Простые вещи, к ним привычен глаз,
Но до чего же эти вещи не простые
Для тех, кто видит их в последний раз.
… Луч солнца на стене. Горшок с геранью.
Беседка. Стол. Зеленая трава.
Светлеющее небо утром ранним,
Улыбки, взгляды, лица и слова —
Какие же простые, с виду, вещи!

***

Не веселит мой взгляд
Родной пейзаж неброский.
Осенние поля —
Былых цветений роскошь.
С упрямством короля
Красот от них не требуй.
Осенние поля —
Большой поднос для неба.
Листве упасть веля,
Холодный ветер дует.
В осенние поля
На целый день уйду я.
Похожи на цыплят,
Вдали, рулоны сена.
Осенние поля —
Для вьюг январских сцена...

София МАКСИМЫЧЕВА

г. Ярославль

София Максимычева (1964) родилась в Ярославле. Публикации на редактируемых интернет-порталах и во многих печатных и электронных журналах и альманахах. В 2019 г. в издательстве «Факел» (Ярославль) вышла первая поэтическая книга «Зеленая шаль». Финалист и призер ряда конкурсов, участник ряда шорт-листов конкурсов как российских, так и международных. Победитель конкурса «Двое — пара, семеро — семья» Любимского клуба «Любимская капель» 2019 г.

НЕБЕС ИЮНЬСКИХ СИНЕВА

Небес июньских синева.
Расплавлен воздух, заставляя,
Пыльцу беспечно оседать
На лапках пчел. Пернатых стая,
Укрывшись в густоте листвы,
Щебечет о своем на птичьем,
Здесь ветер тих и шелковист
Ласкает кожу по привычке.
Все — нега теплая, покой,
А шаг людской неторопливый.
Так лето ко́ротко порой,
Что усмиряет всю строптивость.
Застыла Буддой стрекоза
В сияньи золотого света...
И думаешь, кому сказать,
Что счастье — это сплав моментов.

ПОД КРЫЛОМ

Под крылом — не пусто́ты,
темно-синяя заводь,
дети птиц — большероты,
а людские — курчавы.
Над гнездовьями небо,
облака и зарницы;
в Бога веруя слепо,
сеешь рожь и пшеницу.
И от этого благо
и пчелиная щедрость,
над слоистым оврагом
одуванчиков цедра.
И такое раздолье,
что живи — сколько хочешь,
где разлит над юдолью
запах нежный цветочный.

ТАК СМОТРЯТ ВДАЛЬ

Так смотрят вдаль в расстегнутом пальто
с апрельской невостребованной смутой.
Заглохлый лес, еще не обжитой,
горчит чадящим дымом самокруток.
Не хочешь, но уверуешь — не здесь
расплачиваться временем.
Стареет в березовых прожилках новодел
под робкими руками подмастерья.
Немеет голос в жадной глубине
белесого замшелого пространства.
Отчаянно пытаясь голубеть,
свет падает с упрямым постоянством.
Ложится шелудивым псом к ногам
деревьев, пренебрегших переходом,
протягивая к гнездам воронья
собачью разлохмаченную морду.
Озябший день с землей наперевес
в просветы неба подставляет спину,
где солнце зреет в рыжей скорлупе
на крыльях осторожных журавлиных.

РЕКА

Река сонлива, но строга.
Прохладный воздух выдыхая,
ведет плечом.
По берегам туман слоистый.
Птичья стая
в гнездовьях дремлет.
Ни души.
Вокруг — пространственная роскошь.
Час предрассветный нерушим:
ни плеска вод, ни отголоска.
Лишь зябко ежится ветла
да ива косы распустила,
где тень ей под ноги легла
от гололобого светила.

МАЙ МЕСЯЦ

Май месяц.
Выбеленных стен в себе уже не обнаружишь.
Юродив, пристален, блажен
смотрящий вдаль.
Ствол старой груши кривится.
Рядом с домом скарб
под солнцем греется.
Извечен вопрос воинствующих царств.
Готов к пиликанью кузнечик —
пищалка божия, свирель,
бубенчик, верткая козявка.
Над головой — облатка-гжель
небес качающихся.
Лавка
кренится на бок от времен,
для всех давно ветхозаветных...
Где человек приговорен
к скворцу, поющему на ветке

ЛЕТО ПОКА ЕЩЕ, АВГУСТ

Лето пока еще, август;
держатся листья за ствол.
Плавает дым тугоплавкий,
трется боками о стол.
Яблочный дух перемешан
с кислым дыханием слив,
метки, зарубки и вешки,
выводок птичий криклив.
Осень на подступах к саду,
пенится браги рассол.
Время плодовое — падать
в бабий цветастый подол.

ВОТ И МНЕ

Вот и мне обижаться нет смысла
за огонь, за цыганство в крови.
Изгибается мост коромыслом
над рекой... Та хохочет: «Плыви!»
Под чугунной оградой, быками,
под копытами строгих опор
волны в берег толкаются лбами,
расширяя воды кругозор.
Я смотрю на движение молча,
на упорный и тягостный труд.
С аппетитом отчаянно-волчьим
белогрудые чайки орут.
Тихий ход бесконечной рутины,
мельтешение ряби... Сейчас
все — от святости до чертовщины —
от души перемешано в нас.
Отрицание правды — мятежно,
а река все течет да течет...
Белый дым, голубая скворешня
и черемушный крупчатый мед.

ВЕЧЕР, ПОХОЖИЙ НА РЫЖУЮ КОШКУ

Вечер, похожий на рыжую кошку,
входит без спроса, ложится под стол.
Лампа мигает и смотрит в окошко
на подпоясанный яблони ствол.
Тикают часики, топится печка,
киснуть всю ночь предстоит молоку.
Нитка из шерсти прядется овечьей,
тянутся шеи теней к потолку.
За неимением в доме хозяев
бродит сквозняк от стены до стены,
лязгает тихо щеколда дверная,
под неусыпным взором луны.
Вещи, которые дороги были,
все, как и прежде, на старых местах…
Сад и река в позолоченной пыли
и всепрощающий Бог в небесах.

Любовь БОНДАРЕНКО
г. Свердловск, ЛНР

Родилась на Кубани, поэт, поэт-песенник, прозаик, детский писатель. Издала пятнадцать авторских книг. Член ИСП. Член СП ЛНР, член Международного СП «Новый современник». В 2019-м г. ИСП награждена юбилейной медалью. Наш постоянный автор.

ДОНБАССКАЯ ТЕМА

ПРОНЗИЛА БОЛЬ СЕРДЦЕ!

Пронзила боль навылет сердце,
Война пришла в мою страну,
Война не от чужого иноверца
Снарядом разорвала тишину.
На брата брат пошел войною,
И «террористом» назван мой народ,
Свободу слова пулей разрывною
Уничтожает какой-то сумасброд…
И гибнут люди в жуткой мясорубке,
За что нести такой им крест?
Их жизни стали очень хрупки,
И города разрушены окрест.
Славянск, Луганск, Донецк, мой Свердловск,
Да не приснилось в страшном сне,
Что Новосветловка, Семеновка, Артемовск,
Гореть так будут в страшном том огне.
И Панченко окраины разбиты,
И героически сражался Партизан,
А сколько мирных жителей убито?
Не залечить нам долго этих ран!
Но так же трудятся у нас шахтеры,
И уголь добывают на гора.
А у икон вновь молятся их жены
О возвращении живыми как всегда.
В стране свободной жить мы будем,
Пусть как угодно люди назовут,
Но ужасы войны мы не забудем,
А всех погибших с честью помянут.

НЕТ ФАШИЗМУ!

Нам поверить в это невозможно,
Что такое вдруг произошло,
И на сердце вновь тревожно,
Что фашизма семя проросло.
Что случилось здесь, на Украине?
Люди гибнут снова на войне
И горят живыми, как в Хатыни,
Оказавшись в жуткой западне.
Не согласных с идеей нацистской,
Тех, кто хочет свободным быть в стране,
Объявляют власти террористом,
И сжигают тут же на костре.
Нам такое в страшном сне не снилось,
Украину ввергли в самый страшный ад,
Кровью «незалежність» обагрилась,
В ужасе от этого и стар и млад.

ПЕЙЗАЖНАЯ ЛИРИКА

ВЫЙДУ В ПОЛЮШКО

Затуманилось утро раннее
Изумрудные травы в росе,
Травы нежные, травы пряные,
И березка в своей красе.
Солнце встало с зарею алою,
Где-то слышится песнь пастуха,
Перезвон над церквушкой главною
Да гортанная песнь петуха.
Утро раннее, благодатное,
Предвещает хороший день,
Воздух словно вино мускатное,
От берез и осин бродит тень.
Залюбуюсь я, выйдя в полюшко,
Воздух свежий вдохну глубоко,
А вокруг, смотри — воля-волюшка,
Не бывала я в поле давно!
Ветерок приласкает волосы,
Ручеек мне песню споет,
А тропинки цветные полосы
Далеко, далеко уведут.

МЕЛОДИЯ В НОЧИ

Соткала нити серебра луна-колдунья,
По небу звезды-жемчуга и полнолунье,
Звучит мелодия в ночи, играет скрипка,
Смычок выводит виражи на стане гибком.
Играла музыка в ночи, душа летела,
Ей не спалось, ей не спалось — она запела.
Звучит мелодия, звучит — врачует душу,
Дыханием своим боюсь ее разрушу.
А за окном опять весна, а мне не спиться,
Звучит мелодия — души бутон раскрылся!
Она как роза расцвела, о, как прекрасна!
Звучит мелодия в ночи — все не напрасно.
Звучит мелодия в ночи — и ведь не знает,
Что так прекрасна и нежна, и вдохновляет,
Врачует души и сердца бальзамом нежным,
И как она нам всем нужна, нам — в мире грешном.
В ладони звезды не собрать — они как ноты,
И как мелодия любви лететь готовы,
И вот уже луна в реке умылась утром,
Уходит ночь, рассвет сияет перламутром.

НЕ БОЛИ ДУША!

На душе моей вновь заснежило,
Хоть и веки я в дреме смежила.
Не унять мне боль, не понять ее,
Снова много туч, черно воронье.

И слеза-алмаз с глаз не катится,
Хоть прошу ее — но упрямится!
За окном же ночь и луна в окне,
Почему, скажи, вновь не спится мне?
За окном звезда улыбается,
А мне кажется — насмехается,
Над душой моей, покаянною,
И над болью той нежеланною.
Первый солнца луч вдруг прогнал ночь прочь,
И с душой ту боль смогли превозмочь,
А слезы алмаз на росе блестит
И под солнышком бриллиант горит.
Ой, душа моя, душа-душенька,
Ты была всегда мне подруженька,
От тебя секрет не держала я
Не боли душа, пожалей меня.

Любовь САМОЙЛЕНКО

г. Тула

Член РМСП и Академии русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина (С.-Петербург). Член МПО и Чеховского общества при СПР. Секретарь тульского ЛитО «Пегас». Лауреат тульской областной литературной премии им. Я. Смелякова.

ИНОЕ ВРЕМЯ

В нашем городе бал выпускной,
Я сегодня среди приглашенных.
Вспоминаю себя молодой,
Чуть испуганной и отрешенной.
Время было иное, увы…
Даже мыслили мы по-другому.
Нам казалось, что дальше Москвы,
Не уходят дороги из дома.
А сегодня — Варшава и Ницца.
Старый Кельн, деловой Вашингтон.
Так престижно вне дома учиться.
Повышать зарубежности фон.
Только ближе мне к сердцу дубравы
И березки российских корней.
И горжусь я Отчизной по праву,
Я строкою привязана к ней.
Пусть меня посчитают наивной,
Но сегодня я громко скажу:
«Не считается консерватизмом,
Что я воздухом Русским дышу».

ТУЛЬСКОЕ ЧАЕПИТИЕ

Скрипит под ногами снег,
Дорогой иду не спеша.
Лирический человек…
Полна вдохновеньем душа.
Хоть холодно, щиплет нос,
Я, знаю, согреюсь чайком.
Крепчает с утра мороз…
Скульптурный ансамбль за углом.
Часто сюда прихожу.
Волнует семейный уют.
На стуле гостей сижу…
Тепло и покойно тут.
Скульптурный кипит самовар,
Кот примостился у ног.
От чая горячего пар…
И в сердце такой восторг.
А рядышком Сергиев Храм.
Глазницы окон горят.
И голуби стайкой у рам
На город с утра глядят.
Согревшись, я в Храм зайду.
С верой бываю здесь.
Любя городскую среду,
Внесу в Храм об этом весть.

АВГУСТ

Лесною тропинкой бреду я устало.
Рюкзак за плечами, лукошко в руках.
Грибы собирать я уже перестала…
Сковала усталость, спасенье в стихах.
Звучат строки Блока, Ахматовой, Фета.
Все громче мой голос... бодрее и шаг.
Ах, как ты прекрасно цветущее лето!
И Август — волшебник, кудесник и маг!
Смотрю: впереди голубеет протока...
На отдых присяду на теплый я пень.
А ласточки в небе высоко, высоко...
Заполнен восторженной лирою день.

Эдуард ГЕОРГИЕВСКИЙ

г. Тула

Член СПР, зам. руководителя ТРОО «Школа литераторов им. В. Ф. Пахомова «Пегас», главный редактор альманаха «На крыльях «Пегаса», автор семи сборников поэзии и прозы. Заслуженный врач РФ. Наш постоянный автор.

НЕ В СВОИ ТЫ САНИ ВЛЕЗ

Некто оседлал Пегаса,
чтоб добраться до Парнаса,
думал: «Что ж, он — конь волшебный,
значит, добрый и душевный,
он так много может дать,
что об этом лишь мечтать!»
Тут Пегас взмахнул крылами
и летит над облаками,
Некто держится за гриву

и вздыхает: «Как красиво!»
Разомлел он от полета,
возомнил себя пилотом
(летчик мирового класса)
и давай шпынять Пегаса
каблуками, кулаками,
чтоб летел уже кругами,
От восторга, умиленья
стал читать стихотворенья,
говорит: «Лети быстрее!»,
а сам ямбом и хореем
звуки с высоты бросает.
А Пегас не понимает:
«Больно ты мудрено пишешь,
так, что и себя не слышишь,
мне видней со стороны:
тебе знания нужны.
И запас словарный узок,
и не дружишься ты с Музой,
а в стихах и рифмы нет,
— ну, какой же ты поэт?!»
«Не болтай»,— глаголет Некто,
— ишь, нашелся мне инспектор.
Я — не кто-нибудь, я — автор.
Поспеши, и чтобы завтра
мы уж были на Парнасе,
у тебя лишь день в запасе».
Говорит Пегас учтиво:
«Не умеешь ты красиво
ни слагать, ни говорить,
кем же на Парнасе быть?
Там живет одна элита:
очень много знаменитых
литераторов, поэтов,
в общем — гордость наша это.
Не сродни ты им, пожалуй.
Лучше ты всего, пожалуй
в дом родной, где ты родился.
там, наверно б, пригодился.
Твой «талант» — для всех простушек,
анекдотов и частушек!
Я такого не приемлю!»
— опустил его на землю
и кричит уже с небес:
«Не в свои ты сани влез!»

ТЕРПИ, МОЙ ДРУГ

Я помню сон: как в ранний час
и вся в одеждах белых
спустилась Муза как-то раз
и рядышком присела.
Сказала: «Я к тебе пришла,
так не считай ворон ты».
С обидой я: «Как ты могла
летать за горизонтом?
Ведь ты же знаешь: без тебя
все валится из рук,
и ты, поэзию любя,
как будто мне не друг,
Совсем забыла про меня,
не в счет лишь те мгновенья,
когда ты, струнами звеня,
приносишь вдохновенье».
«Вот потому спустилась я
с парнасовых высот.
Поэты все — мои друзья.
Им не подвластен счет.
Терпи, мой друг. Не буду врать:
С Парнаса мне видна
вся поэтическая рать,
вас много, я — одна!»

ДУША И СОВЕСТЬ

Душа и совесть — давние подруги,
Всю жизнь идут они всегда вдвоем.
Они, как те заботливые руки,
Полезным заняты трудом.
Когда ты дело делаешь на совесть,
То на душе бывает так легко —
Писал ли ты стихи, роман иль повесть
И где б ты ни был — близко ль, далеко.
А если дело сделал ты с душою,
Не замарал ты чистого листа,
Способен ты на многое большое,
И совесть твоя девственно чиста.
Всю жизнь прожить ущербным очень плохо,
Дела твои не будут хороши:
Коль совести не будет — жди подвоха,
И плохо будет, если нет души.

АХ, ВРЕМЯ — БЫСТРАЯ РЕКА

Не надо время торопить,
Оно летит неумолимо,
А надо так его прожить,
Чтоб жизнь не пробежала мимо.
Ах, время — быстрая река,
От нас уходишь безвозвратно,
И вот прошли уже века —
Не повернуть тебя обратно.
Цените время — Божий дар,
Его не тратьте понапрасну,
Его Всевышний всем нам дал,
Чтоб сделать жизнь еще прекрасней,
Чтоб сделать много добрых дел
И избежать все прегрешенья,
Добиться чтоб всегда сумел
Любви, признанья, уваженья.
Ах, время — быстрая река,
Меня уносишь безвозвратно,
И знаю я наверняка:
Не повернуть тебя обратно.

Елизавета БАРАНОВА-ВЕСИНА

г. Тула

Родилась в Туле. Кандидат технических наук, доцент. Работает на кафедре ТулГУ «Информационная безопасность». Стихи пишет с детства. Написано около четырехсот стихотворений, венки сонетов и две поэмы. Изданы четыре книги. Пишет прозу, автор романа «Гармонические колебания». Публикуется в российских журналах и альманахах. Переведена на польский и английский языки. Победитель различных конкурсов стихотворений. Награждена литературными медалями. Член СПР. Член НЛА «Московский Парнас». Секретарь редакции журнала «Приокские зори». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

***

Синие цветы —
детский взгляд планеты.
Синяя река —
жилка —
через луг.
…Будто зверь с цепи,
вдруг сорвался ветер,
но попал в капкан
яблоневых рук.
Дай-ка, отпущу —
вольному — и воля.
Синий цвет, как дым —
горький — у реки.
Заговоры щук:
да затихнет ловля —
из речной воды
тянут рыбаки…
Синие глаза
видят все на свете:
как вокруг следы
шустро вдаль бегут,
как бегут — назад,
как идет столетье
и срывает дни
с лютиковых губ.
Все, все, все в глазах
у планеты видно:
все еще гремит,
все еще цела
прошлая гроза,
и в подзорах ливня
превосходный вид
во-о-о-о-н с того крыльца.
Синие цветы,—
их сорвать — как будто
этот синий мир
взять —
и ослепить.
…Только оцени,
как гуляет утром
по следам аир,
будто следопыт!

Владислав БУСОВ

г. Кашира Московской обл.

Владислав Бусов родился в 1946 г. в Мариуполе, живет в подмосковной Кашире. Образование высшее техническое. Соавтор поэтических сборников «Серебро слов», «Библиотека современной поэзии», антологии «Золотое перо Московии», альманаха «Рукопись», журналов «Поэзия», «Александръ», «Причал», «Бийский вестник». Лауреат литературного конкурса Георгия Кольцова «Звездное перо». Член каширского литературного объединения «Зодиак».

ПАМЯТИ СИБИРСКОГО ПОЭТА ГЕОРГИЯ КОЛЬЦОВА

***

Окольцован я Музой поэта,
И теперь до конца с нею быть.
К каждой строчке его за ответом
Я иду, чтоб душой не остыть.
Он родился в краю, там где кедры
У Байкала стоят на века,
И где дуют холодные ветры,
И свинцом отливает река.
Сам, как корень кедровый, был крепок,
Но к своим не дожил сорока.
Знать немало на сердце отметок,
Хоть была еще верной рука ...
И на родине малой поэта
Остается частица души,
Там, где Муза наполнена Светом
И Добро продолжает вершить.

НАСЛЕДИЕ

И одна забота только:
Все наследие мое
Передать своим потомкам,
Уходя в небытие ...

Георгий Кольцов

На этом свете все мы гости.
Об этом вспомнил на погосте,
Когда к тебе я шел, поэт,
Сквозь груду позабытых лет,
На свет твоих стихов весомых,
К земле родимой устремленных,
На свет стихов без лишних слов,

Где нет невыверенных строф.
К тебе пришел я на могилу
Твою былую вспомнить силу
И поэтический заряд,
И творчества бесценный клад,
Где не утраченная верность,
Твоя к родному дому нежность.
И знай, наследие твое
Не утечет в небытие.
Поэта Лира золотая —
Она жива, не умирает.
Твой голос громкий слышу я,
Звучит, наследие храня!

ПОЛЕ ДЕТСТВА

Колокольчики,
Колокольчики —
Ни конца вам, ни края нет ...

Георгий Кольцов

С новой силою полюшко синее
Колокольчиками бередит.
Ты вернулся в стихах в детство милое —
Гулкий звон в твоем сердце звучит.
Не объять это поле широкое,
И тебе без конца в нем брести.
Снова детство свое босоногое
Будешь ты вспоминать и грустить ...

НЕ ШУМЯТ ЗДЕСЬ МОГУЧИЕ КЕДРЫ

Две Оки есть в России:
в средней полосе и в Сибири

Не шумят здесь могучие кедры,
В среднерусской лесной полосе
Не гуляют сибирские ветры,
Но красавец Байкал знают все.
Знают, есть две реки, они — тезки.
Звонким именем звать их — Ока!
Красотою известны неброской,
Живописные их берега.
Породнились они добрым словом,
Что в стихах нам оставил Кольцов —
«Земледелец» — Георгий — ведомо,
Из сибирских он был молодцов.
На байкальской земле кедром рос он,
На ангарском речном берегу,
Где рассвет соловьиный и росный
Он встречал на весеннем лугу.
Может быть, снова я повторяюсь,
Но не скрою признанья, поэт,—
Каждой строчке твоей доверяю,
В ней созвучия памятный след.

* * *

По времени весны тех скорбных дней
Ты в сыновья сейчас бы мне годился.
Но как годами зрелости моей
С тобой, поэт ушедший, поделиться?!
Ровесник мне, открытая душа!
Спешил ты жить, наверстывая время,
Бессребренно поэзии служа...
И новое тебя читает племя!

НА МОГИЛЕ ГЕОРГИЯ КОЛЬЦОВА

На могиле Кольцова
Первоцветы-цветы
Распускаются снова
По приходу весны.
А в далекой Бурети,
Где течет Ангара,
Не осталось отметин
От избы и двора.
Колокольные звоны —
Священ благовест...
Ветви кедра склонены
Перед силой поэз.
Дух поэта витает
Над родимым гнездом.
Баргузин на Байкале —
Это память о нем.

БАЛЛАДА О ТРЕХ БРАТЬЯХ

Посвящается братьям Кольцовым —
Николаю, Георгию и Александру

Из гнезда родового, что свято,
Разлетелись, как птицы, сыны.
Их в семье было дружных три брата
Материнской заботы полны.
Старший брат Николай — рисовальщик,
А Георгий — стихи сочинял.
Саша, младший, способный был мальчик,
На баяне отменно играл.
И хотя в детстве было несладко —
Рано умер отец-фронтовик,
Жили с матерью мирно и ладно,
Помогали друг другу они.
Да и как может быть-то иначе
В задушевном сибирском краю!
Связь людей здесь крепка — это значит,
Родословную помнят свою.
А красоты какие в том крае!
Вековые там кедры шумят,
И гуляет волна на Байкале,
И все сосны-красавицы в ряд!
Как шатры, величавые сопки,
Их в стихах воспевал средний брат.
Земляки тебя будут, Георгий,
Вспоминать и пример с тебя брать.
Не раскрыть даже в тысяче строках

Широту их сибирской души,
Брата три — по отмеренным срокам
Разделенной родней им не жить.
И теперь лишь один только младший
Бережет в сердце памяти свет...
Николай — старший брат, рисовальщик —
И Георгий — сибирский поэт.

* * *

Кто на Ваганьковском, кто на Аладьинском —
Там их земля приняла.
Голос поэтов возвышенный ангельский
Рвал кабалы удила.
Пел соловьиную ночью весеннею
Песню рязанский поэт.
Далью сибирской, зарею осеяной,
Послан созвучья ответ.
Спите, сыны слова русского, славного,
Родина помнит о вас.
Вы со стихами, где строки все главные,
Гордо взошли на Парнас.

Валерий ДЕМИДОВ

г. Тула

Валерий Григорьевич Демидов родился 17.05.1948 г. в г. Болохове Тульской обл. Окончил историко-филологический факультет ТГПИ им. Л. Н. Толстого. За плечами годы работы по различным специальностям. Особый период жизни — журналистика. Более десяти лет трудился в ряде районных и городских газет Тульской обл. В 1990 г. возглавил первую в России в постперестроечный период христианскую газету «Благая весть». Работал директором издательского отдела Заокской духовной семинарии. С 1994-го до ухода на пенсию в июле 2008 года был редактором христианского журнала, издающегося в Москве для читателей СНГ. Автор шести поэтических книг, четырех аудиодисков и десятков видеоклипов в авторском исполнении. Совместно с тульскими и санкт-петербургскими музыкантами выпустил два диска песен. Стихи Валерия Демидова можно найти на многих сайтах Интернета. В 2019 г. телекомпанией «3 Ангела» (г. Нижний Новгород) снят 30-минутный документальный фильм «Не силой строится судьба» о творческом и жизненном пути Валерия Демидова. Редактор и корректор всероссийского журнала «Приокские зори» и тульского альманаха «На крыльях Пегаса». Член СЖ СССР и ИСП. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

МОНАХИНЯ

Поэма о Марии Николаевне Толстой, родной сестре великого писателя

«…Сестра твоя по крови, по духу и по вере» (Подпись письма М. Н. Толстой брату Л. Н. Толстому, 1907 год).

I.
Шамордино. Спит женский монастырь.
И оптинские старцы недалече.
Река и лес, дорога и пустырь.
И храмы, где горят всенощно свечи.
Обитель здесь и дум, и тишины —
Лишь звоны колокольные к молебнам.
Здесь восхваленья Господа слышны,
Течет родник святой воды целебной.
О, сколько душ край этот повидал!
Спасали люд монахиней молитвы
В час, когда их тревожила беда
Иль Русь звала сынов на поле битвы.
Здесь не оружьем защищали нас,
А на коленях — все шестьсот монахинь
Ко Господу свой возносили глас,
Прося спасенья или же анафем.
Среди монахинь этих обретаясь
И постригом пометив жизнь свою,
Мария Николаевна Толстая
Здесь тоже проходила ектенью…

II.
Род Толстых известен во всем мире.
Ясною Поляной кто рожден,
Тот сумеет выразить в стихире
Полноводье чувств или времен.
Лев Толстой с родной сестрой Марией
Целый мир в своих носили душах,
Они часто долго говорили
Меж собой, умея в спорах слушать.
Судьбы их различны, но и схожи:
Отвергал толстовский гений то,
Что Марии в православье тоже
Виделось глумленьем над крестом.
Лев считал себя иконоборцем,
Призывал всех веровать душой,
Отрицал догматы чудотворцев
И любви к обрядам был лишен.
Православье одного спасало,
А другого било долго, зло,—
С ним Мария жизнь свою связала,
А вот Льва в число врагов внесло…

III.
С юностью она рассталась рано —
Лет в шестнадцать родственник Толстых
Предложил ей руку, но романа
Нежный дух со временем остыл.
Валериан Петрович жил в именье,
Что в уезде Чернском, Тулы близ,—
Всем казалось, что в одно мгновенье
Час настал для всех ее каприз.
Был характер у нее тяжелый:
Как и Лев, могла она молчать,
Отдаляться от друзей веселых

И носить в себе свою печаль.
Все Толстые Истину искали
И понять пытались жизни смысл,
Компромиссов там не допускали,
Где рождалась собственная мысль.
Может, эти ноты их бунтарства,
Оставляя часто горький след,
Им войти мешали в Божье Царство,
Где гордыни и сомнений нет?
Бог Марию наделил талантом:
Скрипка нежно пела под смычком,
На фоно играла Вилли Брандта
И язык французский был знаком,
Рисовать она всерьез умела,
И беседы умные вела,
Не могла оставить на «полдела»
То, что с увлеченьем начала…
Все, казалось бы, идет удачно:
Дети, муж, природа, куча благ…
Но однажды на союз их брачный
Опустилась туча слез и зла.
Муж ее замечен был в измене,
Хоть измену он давно скрывал.
Взяв детей, Мария без сомнений
Уезжает. Ждет ее Москва.
И шестнадцать лет после разлуки
Мечется и борется с судьбой
Бедная Мария,— ее муки
Жаждали расправы над собой.
Время наступило ставить точку,
Повторить Карениной судьбу,
Но ей жалко было милых дочек,
Брата Льва, ведущего борьбу.
Называл ее он «Моя совесть»,
В переписке долгой состоял.
«Что же жизни может быть весомей,—
Говорил он,— Машенька моя!»
Она много в жизни претерпела:
Боль утраты сына, когда тот
После свадьбы, как фатою белой,
Был укрыт в гробу в тифозный год,
Брата Льва финал душевной драмы,
В монастырь по осени приход
И последний разговор про храмы,
В дверь которых он уж не войдет…

IV.
Почему Мария в конце жизни
В монастырь Шамординский пришла?
Почему среди икон и ризниц
Необычно так себя вела?
Дух бунтарский в ней утих не сразу:
Не спешила в церковь для молитв,
Свеч не возжигала к тому часу,
Когда дух с амвона говорит,
И икон губами не касалась,
И молебны были без нее,—
Часто всем монахиням казалось,
Что недолго здесь ее житье.
А потом к чудачествам привыкли,
Да и вряд ли их так стоит звать,—
Вот Марии плечи вновь поникли
У стены, где легче ей рыдать…
На своем всегда бывала месте,
Рядом стул и коврик для молитв,—
И в ее непонятом протесте
Видно было, что душа болит.
И игуменья тогда сказала
Своим сестрам тихие слова:
«У нее своих забот немало
И своя для Бога голова.
А душа в ней детская, поверьте,
И чиста душа, как наш родник.
Нехорош характер? Но усердий
Ей хватает, чтоб святились дни.
Для нее, монахини по сердцу,
Но по телу грешнице еще,
Трудно раны, жгущие, как перцем,
Укрывать смирения плащом»…

V.
Но вернемся к ее жизни светской.
В годы те, когда в Покровском жили,
Рядом с их именьем по-соседски
Проживал Тургенев, с ним сдружились.
И Иван Сергеевич признался
Как-то раз в письме сердечном другу:
«Как она мила, проста! Я звался
В гости к ним и, ей целуя руку,
Думал втайне: «Глаз не отводил бы
От нее. Да я почти влюбился!»…
Позже повесть «Фауст» воплотила
Образ тот, который в нем клубился.
Для Марии тоже встреча эта
Была светлым облаком в судьбе,
Где все чаще настигали беды,
Будто кто-то звал их в ворожьбе…
Она часто ездит за границу,
И однажды встретился ей швед —
Гектор, молодой, красивоцицый
Офицер, свой любящий корвет*.
Брак меж ними заключить не дали,
Хоть и были страстно влюблены.
Вскоре дочь Еленою назвали,
И хранили тайну от родных.
А когда Мария возвратилась
В Ясную Поляну, то душа
Нежная рвалась и словно билась
Об стекло разлуки, мир кроша.
За границей оставалась дочка,
Там учился Николай, сынок,—
Эти два ее судьбы цветочка,
Воплотивших радость и вину.
Вот тогда Мария и решила
Посвятить оставшуюся жизнь
Богу, людям и всему, что живо,
Но в грехе некаянном лежит.
Монастырь казался ей тем местом,
Где сумеет, мира отрешась,
С Духом Божьим быть все время вместе
И за всех молитвы совершать.
Она пишет Льву, родному брату:
«Нужно мне смирение найти,
В тишине, покое видеть радость

И прощенье Божье обрести»…

VI.
Домик-келью ей соорудили,
И в пределах монастырских стен
Сестры дружно на земле трудились,
Принимали множество гостей.
На Марию глядя, всем казалось,
Что она спокойна и чиста,
Что грехов в ней оставалось малость
И ушла мирская суета.
Но она в душе страдала также,
Как и брат ее, великий Лев,
Как народ российский,— может, даже
В сотни раз сильней переболев.
Перед Богом вовсе не графиня
На коленях грех свой понесла,
А великой Истины рабыня,
Бросившая вызов силам зла.
Сердце ее билось и болело,
Отвечая скорбией на скорбь,
И всегда она понять хотела,
Жизни смысл и женской, и мужской.
В ней, казалось, не осталось места
Для земных забот вне этих стен
И душа не жаждала протеста
Против многих в жизни перемен.
Только сильным путь такой дается,
Только лучшим выпало понять,
Что по вере Богом воздается
Всем, кто грех готов на крест сменять.
Сокровенно Льву она писала:
«Без Евангелия не смогла бы я
Получить ответы, что искала
В сумерках мирского бытия.
Все несчастья, что со мной случались,—
Это крест мой, что послал Господь,
Но казалось, что свои печали
Я сама сумею побороть.
Только эта непокорность Богу
Породила новый груз проблем…
До конца терпевшие лишь могут
Избежать в душе своей дилемм»…

VII.
…У могилы возле ее кельи
Всяк пришедший, утолив печаль,
Думает о Божией купели
И готов иную жизнь начать.
Средь монахинь много нелюдимых,
И Мария тоже среди них,—
Долго своей совестью судимых,
Кающихся все часы и дни.
Брат ее, великий Лев-искатель,
Много лет сестрицу утешал,
А потом он к ней пришел на паперть
Рассказать, как плакала душа…
Трудный путь проделали Толстые
По земле, где много грешных троп.
Пусть же память наша не остынет
К тем, кто был с собой правдив и строг…

*Корвет — морской корабль.

КАК ХОРОШО, ЧТО Я ТАМ БЫЛ

Мест красивых
в России немало,
я хотел бы везде побывать,—
там, в Тамбове,
родилась где мама,
там, в Смоленске, откуда мой батя.
А еще мной
любима Тула
и окрестности тульских мест,—
здесь немало
моих минуло
лет по схеме «приезд-отъезд».
Жизнь мотала
меня изрядно
по поселкам и городам,
но люблю я
их безоглядно,
потому что все видел там…
Край одоевский
прошлым дышит,
в нем и ныне — историй клад.
Край арсеньевский
тоже слышит
как над ним времена шумят.
Жаль, лесами
ходил не всеми,
в деревнях не во всех бывал
я, считавший,
что будет время
вновь короткий сделать привал.
Но судьба
моя дальше мчится:
то в Москву, то на Дальний Восток,
и смешались
уже все лица,
седина легла на висок.
И теперь
всей душой понимаю,
что частенько я грешен бывал,
не ценил
ни поля с урожаем,
ни в сарае тугой сеновал.
Все казалось
обыденно просто:
в речке — рыба, в лесах же — грибы,
и могилы родных
на погостах,
и веселый дымок из трубы.
А кудахтанье
кур на нашесте
и шипение важных гусей
не считал я
непонятой вестью
птичьей братии
к живности всей…
Как я рад,
что во мне сохранилось

все, что пенилось белым весной,
что под солнцем
зимою искрилось
и что летом влекло новизной!
Хорошо,
что я разное видел:
как пастух выгоняет коров,
как доярки
в неприбранном виде
чуть светает — уже за порог.
Тем горжусь,
что бывал на мехстане,
на комбайнах различных сидел
и хвалил
повариху теть Таню
за веселые байки к еде.
Видел я
в просторечии мудрость,
понимал непосредственность лиц
и частенько
в крестьянское утро
выпивал по десятку яиц.
Мне теперь
без сомнений понятно,
что ухабистость сельских дорог
иномаркам чужим
неприятна,
как и тем, от земли кто далек.
Родниковой
водицей умыться
мне важней, чем водой городской,—
вновь деревня
пусть тульская снится
или край небольшой костромской…

ЧУДА ЖДЕМ

Мы чуда ждем от Бога каждый день.
Но солнышко взошло, а мы в кровати.
Вот соловьи запели для людей,
Но мы не слышим этой благодати.
Сирень цветет, украсив двор весенний,
Но любоваться некогда — дела.
Дожди пошли — в нас смена настроений,
Под зонтиками скрылась неба мгла.
Зимой холодной как-то неуютно.
А осенью нас раздражает слякоть
И лишний раз из дома выйти трудно,
И над судьбою хочется поплакать.
Мы просим Бога: «Сотвори нам чудо!
Болезни наши, Боже, исцели!»
И тут же пьем из злачного сосуда
Вино, с которым прочно в грех вошли.
Мы каждый день о чем-то Бога просим:
Сегодня — солнца, завтра же — дождей,
Чтобы сады на дачах плодоносили,
Чтобы «глаза открылись» у вождей…
Но не в молитвах искренних, вечерних
Мы обращаем к Богу просьбы благ —
Так, мимоходом, ползая, как черви,
С земли не поднимая веры флаг.
Мы чуда просим даже там, где скользко,
Где сатане известен каждый шаг,
Где нет в помине ангельского войска
И ложь застряла пробкою в ушах…
И что с того, что просим Бога громко,
Крестясь стыдливо мелко и спеша?
Проблемы наши — не головоломка,
А во грехах погрязшая душа.
А чудо Бог нам даровал повсюду —
Не чудо разве, что мы можем жить,
Дышать и думать, брать у Бога «ссуду»,
И Он готов потом долги простить?
Умейте видеть в каждом шаге чудо.
Ценить умейте всякий день и ночь.
Не оступитесь, как тогда Иуда,
Не пожелавший грех свой превозмочь.
Дается чудо нам по вере нашей,
Любви в нем больше, нежели страстей.
Сумейте выпить испытаний чашу —
И будет чудо тем, кто во Христе.

Ирина МАЦНЕВА

с. Архангельское Каменского района Тульской области

Руководитель ТО «Каменка» с 1995 г. (темы: краеведение, музыкально-песенное, литературное и художественное творчество). Имеет награды за поддержку творчества земляков. Педагог дополнительного образования. Наш постоянный автор.

ЖИЗНЬ И БЛАГОДАТЬ

(Стихи разных лет)

РОССИЯ

Утопает в травах мокрой стыни,
Умываясь чистою росой,
В небесах, в глазах, в озерной сини —
Взгляд земли с березовой косой.
Увели тропинки в даль равнины,
Закружив ручьи чредой холмов.
Частоколы сосен, сеть малины,—
Спрятаны пути в глуши лесов.
Не спугнуть величие покоя —
Царство жизни, света и любви!
Чтобы не забыть, возьми с собою
В память детства горсть родной земли.
10.05.2001

НОЧЬ НАД КРАСИВОМЕЧЬЕМ

Волшебница-ночь опустилась на крыши…
Задернула шторами окна домов…
Душа стала тише… Душа стала выше!..

Весь мир опьянен ароматом садов!
Покорно несут торопливые волны
Всю тяжесть уснувшего летнего дня.
Природа молчит… Тайники ее полны
Восторга земли и восторга огня!
Небес бесконечность в мерцании звездном
Влечет в высоту, в царство снов и мечты…
Не хочется думать о времени слезном,
О времени грозном… о громах судьбы.
Струится волна, увлекая в бездонье
Всю тяжесть пути, и, обет свой храня,
Сдвигает холмы, открывая раздолье
Для русского сердца, где дремлет заря!
2001

НА РАССТОЯНИИ

На расстоянии невидимой руки
Твоя душа в молчании застыла.
И вновь надежда памятью заныла,
В смятенье сжав до боли кулаки.
На расстоянии невидимой руки
К тебе не дотянуться даже мыслью!
А небо ждет своей бездонной высью
Непредсказуемости ломаной строки.
И мы живем сомненьям вопреки,
Храня в сознанье ожиданье встречи!
Уставший мир укутал тихий вечер…
На расстоянии невидимой руки.
Порывы дум крылато высоки! —
Развеют фальшь надуманных пародий.
Уводит мысль в гармонию мелодий…
На расстоянии невидимой руки.
22.06.2014

Галина ЗЕЛЕНКИНА

г. Кодинск Красноярского края

Родилась в 1947 г. в г. Бресте Белоруссии. С 1960 г. живет в Сибири. По специальности инженер-электрик. Пишет с 1997 г. Автор романов, сборников стихов и детских книг. Стихи и проза печатаются в России и за рубежом. Член СПР (МГО) и ПАНИ. Постоянный автор нашего альманаха.

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Душа и тело, жизнь и смерть,
полет — паденье.
Надежду с верою посметь
от наважденья
нетленных мыслей уберечь
дано поэту.
Но в вечность строчками истечь
иль кануть в Лету —
решает Бог.

О ТЕБЕ

1.
Вкус прощального поцелуя
на губах моих ты оставил.
Ни к кому тебя, не ревнуя,
я ушла в мир,
где жизнь без правил.
Там о вкусе никто не спорит,
безразлична всем боль чужая.
Эхом жизни родного края
за рекою кукушка вторит.

2.
Цвет твоих глаз так похож на кофе,
что пью по утрам из маленькой чашки.
Встретились мы на одной Голгофе:
я в кимоно, а ты в черной рубашке.
Каждый свой крест на спине приносит,
ветер поет похоронную песню.
Кто-то у Бога пощады просит,
а ты считаешь ее неуместной.

3.
Ты женился, а я замуж вышла —
вот такой нашей встречи итог.
По закону, что ныне, как дышло,
нам назначен был маленький срок.

***
Научиться хотелось мне бы
различать: кто герой, кто злодей.
Опаленного солнцем неба
не хватает для счастья людей.

ПРАВДА О ПРАВДЕ

Повстречались Правда с Ложью
у ворот элитной дачи.
Правда в платье, сшитом дрожью,
Ложь в нарядах от Версаче.

***
Посмотрели друг на друга,
усмехнулась нагло Ложь
и сказала: Ба! Подруга,
вижу, плохо ты живешь!
Нет приличного прикида,
нет машины и бабла.
Юбку старую из твида
носишь ты столетья два.
Не пора ли стать, подруга,
как все мы, гламурной фам*
и из нищенского круга
прокатиться до Багам.
Улыбнулась Правда криво,
от беззубья страшен рот,

* Женщина (франц.)

и сказала: Ложь красива
потому, что много врет.
Ложь, не мудрствуя лукаво,
отвечала не шутя:
Правда, ты дуреха, право,
или разумом дитя?
Что ты мелешь? Разве правдой
придают успеху вес?
Не для каждого наградой
станет истины прогресс.
И не каждому нужна ты
от сохи и кетменя.
Те мужчины, что женаты,
предпочли иметь меня.

***
Повстречались Правда с Ложью
у ворот элитной дачи.
Правда в платье, сшитом дрожью,
Ложь в нарядах от Версаче.

ДАРСТВЕННАЯ

Мне дарственную
выдал Бог на вечность,
а я вдруг отказалась от нее
и попросила дать мне
человечность.
Отныне это звание мое.
Погоны из добра,
шинель из веры,
фуражку из надежды я ношу
и хлеб насущный
раздаю без меры
всем тем,
в ком человечность нахожу.

КТО-ТО

Кто-то по спирали,
кто-то по окружности,
ну, а кто-то в ромбе
жизни путь торит.
Кто-то ищет степень
важности и нужности,
ну, а кто-то просто
всем добро творит.

МОЙ ПУТЬ

Где судьба, нарезая года, как салями,
наполняет едою разорванный вечности рот,
за седыми ночами и рыжими днями
жизнь, рискуя собой, совершает крутой поворот.
По дороге неведомой в мир совершенства,
спотыкаясь на каждом неверном по сути шагу,
я иду, как изгой, отлученный судьбой
от блаженства,
и себя от соблазнов мирских, как святой, берегу.

В ИЮНЬ ИЗ МАЯ

Шла, не отбрасывая тени,
по улице забытой временем...
Хрустели старые колени
и груз годов тяжелым бременем
нес искривленный позвоночник
с наростами из соли каменной.
А следом пес мой, полуночник,
сбежав из будки однокамерной,
на лапу заднюю хромая,
понуро плелся, словно брошенный,
с надеждой на луну взирая,
тоской седою припорошенный.
Хотел помочь, но непосильно
чужой вины преодоление.
И слезы катятся обильно,
омыв вчерашнее мгновение.
Мой пес по кличке Автандил
в июнь из мая уходил...

САМА С СОБОЙ

Говорю сама с собой,
речи слушаю сама.
А вокруг наперебой
все кричат: «Сошла с ума!».
Ну а мне-то что до них —
кучки выжиг и льстецов:
Для себя пишу триптих
под эгидой мудрецов,
Знаю всех наперечет,
кто способен оценить
жизни труд, когда прочтет
и в клубок смотает нить.
Из десятков лет длиной,
из нее связав досье,
положу на аналой —
пусть его читают все.
Мне не трудно быть иной
средь пустышек, коих рать.
Опыт жизни за спиной
позволяет выбирать.

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

1.
Вот и осень, господа!
Вмиг береза пожелтела,
а небесная вода
мне порядком надоела.
Мелкий дождик по утрам,
как визитка в междулетье.
Лета бабьего бальзам
продлевает долголетье.
Вот и кажется порой,
что прекрасна я, как прежде.
Только ветер за горой
преграждает путь надежде.
Вот и осень, господа!
Нарумянилась осина,

а рябина, как всегда,
красит гроздья в цвет рубина.
Даже клен в моем саду
загрустил, листву роняя
на осот и лебеду,
вид пейзажа изменяя.
Только ель все время ждет,
когда кончится ненастье.
Ей зима из года в год
обещает много счастья.

2.
Осень жизни моей, я тебя не ждала.
Постучала ты в дверь, как нежданная гостья.
Я еще не успела закончить дела —
у лозы виноградной не срезала гроздья.
Я еще не успела остыть от любви,
обжигает дыхание страсти мой разум.
Осень жизни моей, ты меня не зови
в край, где чувства и разум теряются разом.
Я еще не готова расстаться с мечтой
и купаюсь весной в незабудковом море,
я еще не доспорила с женщиной той,
что привыкла меня побеждать в трудном споре.
Осень жизни моей, помоги урожай
положить в закрома для других поколений,
а потом ты меня налегке провожай
в дальний путь на четверке крылатых оленей.
Осень жизни моей, не спеши, подожди,
когда в сердце моем отзвенит бабье лето.
Когда выстудят душу слепые дожди —
вот тогда и поедем в обитель рассвета.
Осень жизни моей, я тебя не ждала.
Постучала ты в дверь, как нежданная гостья.
Я еще не успела закончить дела —
у лозы виноградной не срезала гроздья.

3.
Догорает лето,
осень на пороге.
Станет меньше света,
вырастут тревоги.
Смоет их дождями
ветер ближе к ночи.
Дни пойдут за днями,
каждый раз короче.
По утрам на травах
серебрятся росы.
Как в чужих оправах
в золоте березы.

4.
По утрам на травах иней.
Заглянул рассвет в окно,
он устал от мглы и стыни,
отбирающей тепло.
Что ему мои тревоги,
ни к чему моя тоска.
На проселочной дороге
время жизни из песка.
Бабье лето не поможет
отодвинуть лету срок.
Дождь осенний мне итожит
встречи с осенью итог.

ГОСТЬЯ

Не бойтесь открывать мне дверь,
когда я постучу три раза.
Я — гостья из страны потерь,
где «вечность жизни» — только фраза
в законе истины миров,
еще непринятой сознаньем.
Пока мой разум не готов
напичкать мысли созиданьем.
Калейдоскопы ярких звезд
и дыры черные Вселенной,
и Млечный путь, что как нарост,
на теле вечности нетленной
пока в новинку для меня,
пришедшей из чужого дня.

Надежда МИЛЛЕР
г. Санкт-Петербург

Надежда Миллер (Михайленко) — участник конкурса «Поэт года 2012», публиковалась в сборнике конкурса, участник сборников СП Тульской области.

МУЗА

А муза хочет коньяку,
А я хочу гулять по крышам...
И мы друг друга с ней не слышим,
Хоть я ее в ночи зову.
А музе хочется любви,
Но вдохновение в страданье,
И я — в застывшем ожиданье —
Мне недостаточно строки...
У музы кругом голова
И множество идей и мыслей,
А я в серьезности зависла —
Мне не ко времени строфа…

МУЗЕ

Я так соскучилась по гитаре в моих руках.
По зудящему нерву над неуловимой рифмой,
По пришедшему вдруг, из ниоткуда, ритму,
По перу, мятущемуся по строкам на всех парах.
Так соскучилась по зарождению наглых строф,
Топоту букв в уши из мироздания,
И по оргазму после, от созидания
Новых, местами совсем не избитых слов.
Муза шальная гуляет по головам
Или по сердцу, или по пьющим душам,
Шепчет, кому что доступно в хрупкие уши
Жизнь и любовь, и святость, и стыд, и срам.

Давай, возвращайся, блудная, в мой «чертог»,
В хаос и стройность, в тремор от предвкушения,
Спой и спляши мне пока, а потом в забвение,
Неистощимое «скоро» зовущих строк…

ПОСВЯЩЕНИЕ МИШКЕ

Из-за тебя в моей груди живет тепло;
Играет пряжей мыслей и сомнений,
Гнездится в нитях снов и сожалений,
Плетет воспоминаний полотно.
Струится по сосудам в малый круг,
Пульсирует тепло по капиллярам.
Выскребывает пятна от фигляра,
Которым оказался «добрый» друг.
Ведет для сердца тренинг доброты,
Оттачивает навыки доверия.
И это, новое свое изделие,
Тепло наименует кратко — Ты.

Любовь САМОЙЛОВА

с. Архангельское Каменского района Тульской области

Любовь Иосиповна Самойлова родилась 16 февраля 1962 г. в с. Бориня Турковского р-на Львовской обл. В замужестве переехала в Тульскую обл., в Каменский р-н, с этой землей и породнилась. Образование имеет среднее специальное, специальность — бухгалтер. Стихи пишет с детства. Член ТО «Каменка». Стихи печатались на страницах местной печати и в коллективных сборниках. Уникальность поэтессы заключается в том, что она бóльшую часть своего творчества щедро дарит людям! Торжества, юбилеи, события, даты,— чуткие струны души Любови Самойловой отзываются и звучат в трогательных, развернутых и проникновенных стихах-посвящениях.

САД МОИХ ЦВЕТОВ

Распустилась роза
в утренней росе.
Поцелуй мимоза
нежно дарит мне.
Посмотрю с любовью,
трону лепестки,—
Поведут мне бровью
с грядки ноготки.
Георгины важно
собрались гурьбой.
Вьюн многоэтажный
вьется надо мной.
Маргаритки спорят
о своей красе,
Низенькие, вроде,—
смотрят выше всех!
Гладиолус астре
подарил любовь,
Он в цветочном царстве
всем волнует кровь.
Сказочно прекрасно
волшебство цветов!
В них — кому несчастье,
а кому — любовь!
Шелестят, хохочут,
гнутся на ветру.
Что они пророчат
нынче поутру?
… Ночь. На небе звезды,
а цветы — цветут!
Разговор свой поздний
меж собой ведут.
Знаю, встану утром
рано на заре,—
Краски перламутра
улыбнутся мне.
Взглядом приласкаю,
сердцем обниму…
Объяснить? — Не знаю,
как я их люблю!
… Будет снег кружиться
среди зимних снов…
А мне будет сниться сад моих цветов.

Лариса ЧАСОВСКАЯ (РОЕВА)

г. Щекино Тульской области

Степная (Кущевка), Ростов-на-Дону, Тихорецкая (Краснодарский край), Рубежное (Украина), Рыбница (Молдова), Уральск (Казахстан), Краснодон (ЛНР), Судай (Костромская обл.), Москва, Щекино — надеюсь «приехала». Фотограф: пейзажная, любовная, философская и детская, гражданско-патриотическая и юмористическая лирика; автор песен.

А НА ДОНБАССЕ ШЛА ВОЙНА...

а над полями тишина, тишина, тишина...
а в роще шорох тополей, тополей, тополей...
на Донбассе шла война, шла война —
позабыть бы нам о ней, поскорей...

стихли бои, грады молчат,
все ополченцы ушли домой...
не выпускает волчица волчат —
слишком светла степь под луной.
грозен разбитого танка остов,
гильзы, снаряды, запах войны...

страшно за маленьких серых щенков —
пусть подрастут в лоне норы...

слева восход, восход, восход,
справа закат, закат, закат,
а между ними много дорог —
только нельзя повернуть назад...
надо идти вперед, вперед —
строить дома, деревья сажать...
и сыновей (почему сыновей?) —
дочек тоже надо рожать!

а над полями тишина, тишина, тишина...
а в роще шорох тополей, тополей, тополей...
на Донбассе шла война, шла война —
позабыть бы нам о ней, поскорей...

ЗАЖГИТЕ СВЕЧИ... СКОРБИМ ОДЕССА...

Зажгите свечи,
Поставьте свечи —
Невинным душам, что сгорели ни за что...
В тот страшный вечер.
На наши плечи,
На всю страну легло фашистское клеймо.
Зажгите свечи,
Пусть светят вечно —
Нам никогда не смыть позорное пятно...
Цветут каштаны... Цветут каштаны...
Но радости ни глазу, ни душе...
Одним обманом, сплошным обманом —
Кровавая весна шагает по стране...
По трассам танки, на лицах маски,
Улегся палец четко на курок...
На трупах, крови — и смех, и пляски...
С балкона девочка застрелена в висок...
Цветут каштаны... Цветут каштаны...
Продали Родину, не ведая стыда...
Остановитесь! Не множьте раны —
Война всегда была дорогой в «никуда»!
Зажгите свечи,
Поставьте свечи —
Невинным душам, что сгорели ни за что...
В тот страшный вечер
На наши плечи,
На всю страну легло фашистское клеймо.
Зажгите свечи,
Пусть светят вечно —
Нам никогда не смыть позорное пятно...

НЕБО ПАДАЛО...

Небо падало, небо падало...
Колыхая знамена черные,
Ухмыляясь улыбкой адовой,
Гнуло головы непокорные...
Но встряхнулись чубы казацкие,
Враз шахтеры поднялись на ноги —
Ведь оружием смертным клацая,
Черной стаею мчатся вороги.
Все стальными круша машинами,
По Донецкой степи, по городу,
На пути все покрыв руинами —
Из-под масок косятся «вороны»...
Встали люди стеною ровною —
Остановят орду фашистскую!
Встали гордые, непокорные!
Вновь поднимется небо чистое.

ПРОСТИ, НАС, НЕУМНЫХ...

Хочу убежать под ветром весенним в поле —
Без дум, направленья, одна, навсегда, надолго...
Бежать босиком, ощущая — ступни мои колет
Трава ли, стерня ли, такие смешные иголки...
И вот, на опушке весеннего леса, под солнцем
Упасть в одуванчики — желтые-желтые! Прелесть!
Найти в облаках, что плывут, голубое оконце
И созерцать, созерцать... Под травинок шелест.
Не думать — Россия ли, иль Украина — Родина!
Как греет земля мое грешное тело — все клеточки!
И это тепло, родное тепло — вдруг... ПРОДАНО?!
И мы распадемся из крепкого дуба
— на мелкие веточки?...
Прости нас, неумных, прости нас, недобрых,
Родина...

ЧТО ЗА ПРЕЛЕСТЬ ЭТА ОСЕНЬ...

По кленовой аллее с тобою мы тихо идем...
Солнце светит не жарко, скорей по-осеннему нежно,
Разноцветные кроны насквозь пробивая лучом,
Свет и тени к ногам рассыпает свои безмятежно...
Мы шуршим по листве, в удовольствие просто
шуршим...
И вдыхаем взахлеб этот запах, томительный запах,
Ощущаем в нем срок до морозов довольно
большим —
В нем по лету тоска и печаль по багровым закатам...
Аромат палых листьев не спутать ни с чем, никогда,
Это осени дух, это осени карточка-виза,
Ветер гонит вверху облака, словно пух, облака.
И не спорят они, подчиняются ветра капризам...
Мы идем не спеша и без слов: молча, тихо, легко...
И на сердце покой... Невесомая грустная нежность...
А под ноги ложится цветастых ковров полотно...
Подсознание шепчет: «Природа — святая, ты —
грешен...»

Нина МЫЛЬНИКОВА

г. Новомосковск Тульской области

Родилась в прошлом веке, в маленькой деревне. Через пять лет стала городской, но душа ее так и осталась в той деревне. Является членом ОМЛО «Муза», Новомосковского ЛО «НЛО», ли-

тературно-поэтического клуба «У камина» г. Новомосковска. Печаталась в альманахах: «Тульская сторонка», «Тургенев и Тульский край» к 200-летию Тургенева, в сборнике «НЛО» и «У камина». Напечатаны два сборника стихов — «Взгляд из детства» и стихи для детей «Почитаем — помечтаем».

ДЕРЕВЕНСКОЕ ДЕТСТВО

Как радостно было проснуться в деревне
от запаха жареной с луком картошки.
То время счастливейшим было, поверь мне!
Оно утекло, как вода сквозь ладошки.
И как не терпелось отрезать горбушку
от хлеба, который из печки достали,
налить молока настоящего в кружку,
играть целый день без забот, без печали.
Построить шалаш из ветвей, под рябиной
уснуть в нем, мечтая о чем-то чудесном,
на травке пушистой — почти как перина.
Не важно, что ноги видны и что тесно.
А ночи бессонные на сеновале!
С подружками разве уснешь? Все смеялись.
Под утро сморило, как мертвые спали,
Не видя что в небе лучи зарождались.
Отец за рекой, траву сочную косит
для нашей коровы, по имени Милка.
А я с тормозком напрямки, через мостик.
В авоське хлеб, сало, да кваса бутылка.
До боли любила родную деревню.
Там росы на листьях, что жемчуг в ракушке.
То время счастливейшим было, поверь мне!
Как жаль, что оно утекло сквозь ладошки…

ЗИМНЯЯ ДЕРЕВНЯ

Как было тихо и светло
зимою в нашей деревеньке.
Ах, сколько снега намело,
что прорубали в нем ступеньки.
Как после вьюги заводной
откапывали двери, окна.
И снег слепил нас белизной,
а иней прял свои волокна.
Дымок метнулся из трубы
макушкой вверх, полупрозрачный.
Наш дом уютный изнутри,
снаружи холодом захвачен.
А солнце сквозь седую мглу
по небу катится, как блюдо.
А я снежинки ртом ловлю
и наслаждаюсь зимним чудом!

Тамара САМОХИНА

с. Архангельское Каменского района Тульской области

Родилась 3.12.1962 г. в Каменском р-не Тульской обл. Педагог. Член ТО «Каменка». Печатается с 1996 г. в районной газете «Сельская новь». В 2011—2014 гг. ее стихи вошли в ежегодные выпуски альманаха Тульского отделения СПР «День Тульской поэзии», в 2015 г. — СРП «Яснополянские зори», в 2016 г. — в музыкально-поэтический сборник «Каменское Красивомечье», в 2020 г. — в альманах «Ковчег». На ее стихи написаны многие песни. Автор поэтического сборника. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ЗЕРКАЛЬНАЯ ПРАВДА

Паутиной подернувшись красочной
Чудо-зеркало в рамке стоит.
Голос тихий, но твердый и сказочный,
Правду нам из него говорит:
«Вы убоги в своем отражении,
Отверните лицо от меня,
В проявленье стекла назначение —
Описать весь кошмар бытия.
Жизнь стоит, и планета качается
В галактическом, призрачном сне,
Грех и мир в старой церкви венчаются,
Изнывая в жестоком огне.
Идеал ваш — позор и предательство.
Мыслей нет, вы даете им спать,
Все взвалив на одно обстоятельство —
Время есть и не нужно бежать.
Вы не ищете то, что потеряно,
И богатства в цене, да не те.
На разруху глядите растерянно,
Как на женщину в черной фате.
Над истерзанной честью не плачете,
Старость в сердце впустили легко,
За циничной стеной слезы прячете
В тайниках далеко, далеко…
Повернись, отгони прочь сомнения,
Посмотри мне в глаза, человек!
Видишь, треснуло я от волнения…
Замолкаю… в тоске… и на век».

А НА ЗЕМЛЕ ПЫЛАЛ РЯБИНОВЫЙ КОСТЕР…

А на земле пылал рябиновый костер,
Который никогда никто не тушит.
Клен во дворе ладони распростер,
За жизнь рябины отдавая душу.
И сей пожар нам гроздья подарил,
В хрусталь вложил кленовые листочки.

Подкрасив тени, интерьер ожил,
Грусть уползла в пустые уголочки.
И блики те, как золото костра,
Сжигал сентябрь, листву бросая к туфлям.
А по асфальту с ночи до утра
Шагаешь как по раскаленным углям.
Кленовый лист на танец пригласив,
Хрустальный дождь кружился, как в забвенье!
В окно стучался, время позабыв,
Даря любовь и грусть, и вдохновенье.

КАРТИНА ЛЮБВИ

Прикосновение — так много и так мало…
И кисть любви рисует на мечтах!
За штрихом штрих, лишь самое начало…
Грусть разбавляет краски в облаках.
Любовный взмах! Картина удается.
Ты красишь все, земной тебе поклон!
Любовь жива, любовь в полеты рвется,
Когда два сердца бьются в унисон.
Сердечный стук — созвучие желаний
Разбудит чувства, спящие в любом.
В восторге жизнь очнется от мечтаний,
Не оставляя счастье на потом.

МЕСЯЦ

Откололось солнце от заката,
Звездами рассыпалось в ночи.
Месяц, проплывая, воровато
Разбросал по вечности лучи.
Подарил ночное упоенье
И из горсти высыпал добро,
По-хозяйски осмотрел владенье.
Глядь, рассвет лучом стучит в окно!
Покачал слегка уставшим рогом,
Стал на проторенную тропу.
Принакрылся белым легким смогом,
Спрятал в звездах острую стопу.
Облака вспушил и раскосматил,
Поигрался с ними по пути.
Весь блестящий пыл на них растратил!
И на Млечный Путь решил зайти.

***

У тебя бывает ощущенье,
Что весной деревья будто плачут,
Что щемит незримое веленье,
И смешные мысли вихрем скачут?
У тебя бывает ощущенье,
Что луна, пуская томный свет,
Будто просит у людей прощенье,
Морщась от сдавивших тело бед?
У тебя бывает ощущенье,
Что простой малиновый закат
Прячет щеки, плача от смущенья,
Будто в чем-то сильно виноват?
У тебя бывает ощущенье,
Что душа, запретам вопреки,
Жизнь кладет в простое посвященье,
Отдавая жар в черту строки?

В МОЕЙ ДУШЕ БЫВАЮТ ГРОЗЫ

В моей душе бывают грозы,
В судьбе давно живет печаль.
С небес вода бежит, как слезы.
Пропавший пыл на сердце жаль.
Навек огонь и жар потерян,
Дров для костра мне не найти.
Закрою на запоры двери,
И новичкам в них не войти.
Мне жаль, что к вере вкус потерян,
Что я прошла не те пути…
Для всех на ключ закрою двери,
И нет калитки, чтоб войти.
Рисую на лице усталость
Мелками серыми в тиши.
Моя слеза — такая малость, —
Поминки скорбные души.

Людмила ПЕНЬКОВА

г. Тула

Автор двух книг стихов. Публикуется в сборниках регионального общественного Фонда содействия и развития современной поэзии «Светоч» (Москва) и в альманахе «Ковчег». Член РСП. Наш постоянный автор.

А НА РОДИНЕ И ВОЗДУХ СЛАЩЕ

А на родине и воздух слаще,
И поют нежнее соловьи,
Голубее небо, сердце чаще
Жизни объясняется в любви.
Время счастьем пахнет не иначе,
День морозный мягче и добрей.
Васильки во ржи — глаза удачи.
Обещания кукушкины щедрей.
В том краю, где ландыши гнездятся,
Хоровод берез под пенье птиц.
Хочется мне жизни улыбаться,
Быть соавтором ее страниц.

КАК ХОРОША РОДИМАЯ СТОРОНКА

Играют звезды с облаками в прятки.
Бежит за счастьем лунная дорожка.
Рассвет встречать задумала трехрядка,
Не хочет спать влюбленная гармошка.
Как хороша родимая сторонка

В сиянье вечном праздника любви.
О ней поют старательно и звонко
Певцы рапсодий счастья соловьи.
Поют сердца людские, прославляют
Любимый край, его небесный свет
И с теплотою родственной желают
Своей отчизне долгих, светлых лет.

СПАСИБО, НЕБЕСА, ВАМ ЗА РУЖАНЫ

Спасибо, Небеса, вам за Ружаны.
Открывшие мне мир земных красот:
Луга и земляничные поляны,
Леса и синеву озерных вод.
Спасибо, Небеса, вам за Ружаны.
За радость в этом сказочном краю,
Блаженство и дыхание нирваны
В объятиях с сосной — ее люблю.
Люблю прижаться к аисту душой
И с ним в просторах неба танцевать.
Мне б стать, как солнце яркой
и большой,
Чтоб сразу все Ружаны приласкать.
Люблю читать посланья васильков,
Что вышивкой — по золоту полей.
Люблю сердца прекрасных земляков —
Творцов успеха родины моей!

ТРОПИНКИ ДЕТСТВА

Не могу без улыбки широкой
О Ружанах родных говорить.
Беларусь, ты моя синеокая,
Невозможно тебя не любить!
Невозможно тропинками детства
Не вернуться к тебе под крыло.
Я люблю тобой родина греться.
Мне с тобой, знает Бог, повезло.
Ты меня добротой окружала,
По законам небесным вела,
Материнской любовью питала,
К славе дедов почтенье зажгла.
Ты учила творить, восторгаться,
Дружбу, мир и свободу ценить
И во благо другим загораться,
Сострадать, неустанно любить.
В благодати твоих пожеланий
Мне добра и любви по судьбе
Я пишу и в строке созиданья
Отвечаю любовью тебе.

Владимир ГУЛЯЕВ

г. Барнаул, Алтайский край

* * *

Золотая Осень — желтая листва,
никого не спросишь — ты сама пришла.
Грозами пугаешь, а сама —
Любовь,
Бабьим летом, знаю, наградишь нас вновь.
Золотая Осень — крики журавлей,
в серебристых лужах — обновленье дней.
Даже хмурым тучам осенью я рад,
вижу в них могучий зимушки отряд!
В серебристых лужах — отраженье звезд,
и березка в поле, выпрямляясь в рост,
лету на прощанье, шелестя листвой,
грустно, тихо машет желтою рукой!

***

Шелестит листва
на ветру.
Поутру роса
на траве.
Босиком по ней
побегу,
обжигая ступни...
На заре река,
как в парном молоке,
сонный берег зарос
травой.
Я спешу к реке
налегке,
и в прохладный туман —
головой...

***

У декабря возник вопрос:
начать морозом или снегом?
Подумал и сугроб подрос —
декабрь все же был стратегом!
Он бодро с посохом ходил
полями, перелесками —
сестер-березок наградил
хрустальными подвесками.
Глади озер сковал в оковы.
Бродя по берегам реки,
зашел хозяйски в лес еловый —
валежник спрятал и пеньки.
Декабрь все же был стратегом:
все вкруг любя посеребрил,
укрыл поля плотнее снегом —
дорогу в Новый год открыл.

***

Новый год снежком пушистым расстелился
у порога,
одеялом белым, чистым перекрыл пути-дороги.
Вьюга сразу приутихла, в густых елях хоронясь,
замолчала и затихла, Новый год спугнуть боясь.
Чу, скрипит слегка снежок! Бодро, весело, задорно
Новый год свой сапожок ставит твердо и проворно.
Замерла вокруг природа, наступила тишина,
поступь молодого года всей земле уже слышна.
А снежинки легкой стаей, разноцветным хороводом,
мимо окон пролетая, поздравляют с Новым Годом:

«С Новым Годом Вас! В новогодний час!
Мира, счастья и любви добрым людям всей Земли!»

* * *
Приснился сон — уходят поезда,
гудок прощальный дав за поворотом.
А с ними вдаль уносятся года,
и с ними вдаль вдруг уезжает кто-то.
Гудок прощальный. На перроне тишина,
грусть вкралась в сердце незаметно.
И жизнь вдруг как задача решена,
я вслед кричу, но безответно.
И стало грустно аж до слез,
пустынно все вокруг и одиноко.
А поезд, видно, часть меня увез
в ту даль, что так далеко.
И не вернуть ушедшие года,
лишь слышно каждый раз сильнее —
гудок прощальный, вдаль уходят поезда...
И с каждым гудком — все грустнее.

***
Идут вереницей года,
виски уж блестят сединою.
Друзья те, что были — друзья,
как были, так будут со мною.
И утренний серый рассвет,
туманом укутав тропинку,
которой мы шли много лет,
нам детства покажет картинки.
И юность мелькнет одним днем,
и зрелость покажется раем.
На пенсии вспомним о том,
что в жизни мы роли играем.
Как Гамлет? Как «сбор клоунад»?
Нет, просто по жизни — живем,
без званий, регалий, наград.
Захочется спеть и мы просто споем!

***
Поезд прошлого тихо уехал...
Мне теперь он уже не помеха.
Все, что было когда-то со мной,
все ушло вместе с ним и тобой.
Слышно только как рельсы гудят
да березы от ветра шумят.
Остальное спокойно вокруг,
если все и вернется — не вдруг.
Ни к чему ворошить прошлогодние сны,
Зиму гнать от себя, дожидаясь весны.
Поезд прошлого тихо ушел,
Что имел — потерял, а взамен не нашел.
Стук вагонных колес еще слышен,
я свой поезд покинул, на станции вышел.
Вокруг станции чистое поле пустое.
Просто все, как все в жизни простое.
Говорят, будто все предначертано свыше,
может только я зря здесь на станции вышел?
Что ж, по новой вспашу и засею,
брошу якорь настолько, насколько успею.

ДЕПРЕСЯШКИ

***
Колбаса без мяса,
сыр без молока,
веры нет под рясой,
молча, ждем рывка.

***
Вроде бы не сложно,
просто выбирай:
доступная возможность
в ад идти иль в рай.

***
Вся жизнь должна идти по кругу —
От правды к правде,
и от друга к другу.

***
Порою ищем мы зерно,
Блуждая в темноте,
И забываем про одно:
О том, что пусто в пустоте.

***
Не мы придумываем «Это»!
Все, что приходит, то — «извне».
Одни записывают в строчку,
Другие носят все в себе!

***
Кто имеет твердый лоб —
Всюду лезет напролом!
У кого же кость пожиже —
Наклоняется пониже!

***
Строка свободного поэта — «руна».
И на Добро нацелено перо поэта.
Поэт уйдет —
Стихи же могут сотни лет
прожить при этом.

* * *
Стихи рождаются душой
и могут рифмы не иметь.
Когда читаешь между строк,
то можно плакать или петь!

***
Жизнь — мгновенье,
Взмах крыла,
Чье-то возрождение,
Отраженье в зеркалах,
Ветра дуновение.

* * *
Вираж крутой, опять вираж!
В лицо пылит «ведущий».
Почет и слава — все мираж...
Мираж, вперед зовущий.

***
Осел сто справок приобрел,
что он, мол, из семейства лошадей.
Теперь работает как вол
на выкорчевке в лесу пней.

* * *
Мы можем сильно полюбить сейчас,
ослепнув, ничего не видеть.
А завтра горькие обиды проглотив,
Мы начинаем сильно ненавидеть!

* * *
Лишь красота полей, родных лесов,
в нас развивает чувство Веры.
А мы с размаху рубим все.
И все уже, без лишних слов,
стоим в разряде браконьеров.

* * *
Считается, что прожитые годы порою были не легки!
И пройдены не все еще дороги, истоптаны не все
пути —
Увы!
Трудней покажутся те годы,
которые лишь предстоит пройти!

***
Любя — люби! Живя — живи!
А если весело — то смейся!

***
Когда исчезает память о прошлом,
становится невозможным будущее!

***
Закиснуть можно просто! И маленьким и взрослым!
Когда проедут по ушам, вложив все то, что нужно!
Не важно — что, не важно — как!
Но, чтобы через уши легло надежно — в Душу!

* * *
Забыта заповедь: «Не сотвори себе кумира!»
Но снова рьяно создают!
Как будто бы не здесь живут!
Как будто бы совсем все из другого мира!

Наталья АРТЕМОВА
п. Медвенка Курской области

Наталья Викторовна Артемова является членом СПР. Книги, произведения в сборниках выходили в Москве, Курске, Санкт-Петербурге, Твери. Н. В. Артемова — лауреат всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша»; победитель всероссийского конкурса «Парус одинокий»; призер всероссийских конкурсов «Человек доброй воли» и «Vita. ТЮЗ»; лауреат международного конкурса «Добрая лира», всероссийского «Герои Великой Победы»; дипломант международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман». Входила в шортлисты нескольких всероссийских конкурсов, победитель ряда областных творческих конкурсов. Награждена дипломом Государственного музея-заповедника с. Константиново «За верность Есенинской поэзии». Награждена юбилейной медалью к 100-летию К. Д. Воробьева. Постоянный автор нашего альманаха.

***
Я тебе в любви не объяснялась,
И зачем об этом говорить.
Только навсегда со мной осталось:
Трепет птиц и желтый флер ракит.
Только навсегда как откровенье —
Первые проталины твои.
Это сколько ж надобно везенья,
Чтоб сюда однажды мне прийти.
Чтоб не разойтись, не разминуться,
Чтобы нам друг друга угадать,
Чтобы ты и в радости, и в грусти
Родиной позволила назвать.
Чтобы я по праву здесь считала
Все своим: от песни до цветка,
От небес, глядящих чуть устало,
До земли, прошедшей сквозь века.
Чтобы перед смертью захотелось
Посмотреть хотя б одним глазком
На твои зеленые метели,
На апрель, склоненный над селом.

***
И приснился мне сад, весь как белый платок.
И стою среди сада, от сада цветок.
Столько детскому сердцу открыто добра,
И зовут за собою куда-то ветра.
И еще ты не знаешь, что в бремени чувств
Через годы пришедшая ранняя грусть
От вот этой далекой кипящей весны,
От распахнутых глаз, от дрожащих ресниц.
Все завязано накрепко в белый платок:
И стихов обжигающий нервный глоток,
И души откровенье, почти на крови,
И победы твои, и ошибки твои.
А пока через время летят лепестки,
И глаза мои ясностью детства ясны,
И еще ничего не тревожит меня,
И почти до небес сила этого дня.

СЕСТРЕ

Возвращались с тобой мы с ягодами —
Луговиной, потом — оврагами.
С нами — желтый пес Тариэль.
Проходили деревнею спящею,
Крохотулечкой симпатяшною.
От жары повесили нос.

Только смотрим — журавль колодезный,
Очень рослый и весь породистый.
Подошли к нему мы втроем.
Зачерпнуть воды попытались мы,
Не хватило лишь самой малости —
Отказалось топиться ведро.
Но потом, немного помаявшись,
Захватили воды мы краешком.
Нам и псу хватило вполне.
Возвращались мы, помнишь, с ягодами,
А вдали — подковою радуга:
де-то летний дождик прошел.

Валерий ВИНОГРАДОВ

г. Алексин Тульской области

Алексинский поэт. Автор четырех поэтических сборников. Член СПР. Наш постоянный автор.

ПРОСТОЙ СЕКРЕТ

Валерию Маслову к дню рождения 06.11.2020 года

Вспоминая годы молодые,
Верили, что все будет впереди,
И летели кони удалые,
Не коснувшись матушки-земли.
Окрылялись светом наши души,
И лучились синевой глаза,
Доли не желали в жизни лучшей,
Не страшили бури и гроза.
И стелилась под ноги дорога,
Подымался розовый рассвет,
Счастья было на пути так много:
Его хватит до скончанья лет!
Не оставит щедрая удача
Да и друга верное плечо,
И решится трудная задача
Лишь бы сердце билось ГОРЯЧО!!!

БЛАГОДАРНОСТЬ

Нам уже немало лет,
Но тужить не надо,
Заработали на хлеб —
Вот вам и отрада!
Оглянись давай вокруг,
Оцени все взглядом:
Солнца светит яркий круг
И родные рядом!
Мир огромный, непростой,
Дали голубые,
Все открыто пред тобой:
Виды неземные...
Слава Богу, то что есть,
Нечего лукавить,
Береги добро и честь —
Точку рано ставить!

ПРЕДВИДЕНИЕ

Шелепиной Т. В. к 75-летию.

С годами приходит прозренье
И вера крепчает в груди,
Рождая в душе вдохновенье,
Стараясь до сути дойти.
И напрочь уходит пустое,
Надутый порвется пузырь,
И сердце узреет родное
Затертое просто до дыр!
Неброской своей красотою
Сразит наповал вдруг, под дых,
Лицо окропится слезою,
Настанет блаженнейший миг!
Откроются мудрости клады,
Невзгоды развеются впрах,
Решая любые шарады,
Добьешься успехов в делах!

РОССИЯ

Я горжусь, что живу в России
И что воздухом вольным дышу,
Не найти просторов красивей,
Здесь я истиной не погрешу!
Разве можно себе представить
Или с чем-то в жизни стравнить,
Красота должна всеми править,
Без нее невозможно прожить!
Быть не может все это подлогом,
Бесподобен чарующий вид,
Все, что было создано Богом,
Взор и душу навеки пленит!
Необъятна наша Держава:
Голубые озера, леса,
Полевые цветы и травы,
На которых сверкает роса.
Гор высоких вершины встали,
Реки текут, ручьи и моря,
Безкрайние синие дали —
Богатейшая наша земля!
Эта мощь, опора святая,
Нетленная память прошлых лет,
Жизнью всей и судьбой — родная,
Излучает свой трепетный свет!

БАШНИ ТУЛЬСКОГО КРЕМЛЯ (к 500-летию)

Стеной высокой обнесенный
Стоит наш Кремль на берегу,
Былинной Славой окрыленный,
Застыл, как будто на бегу...
Идут года, летят столетья,
Он как прежде непобедим,
В любое время, лихолетье,

Его мы боготворим.
Шатры высоких, мощных башен,
Блеск и сиянье куполов,
До дней сегодняшних, до наших,
Закрыли крепость на засов.
Родную Тулу охраняют
И днем и ночью сторожат,
О доблести Кремля все знают
И памятью той дорожат!

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Черные кусты разрывов
Встали стеной на пути,
Пулемет без перерыва,
Бьет — фашистов не щади!
И пошла в огонь пехота,
Ртом хватая горький снег,
Смертоносная работа
Из окопов гонит всех!
Через поле и овраги
Укрепления врага
На своем пути сметая,
Очищая берега.
Отбивая наши пяди,
Брали улицы назад...
Шли на бой не славы ради,
Даже не из-за наград.
За Отчизну и свободу
Не щадили жизнь свою,
Возвратили все народу
В беспощадном том бою...
Возвращен и наш Алексин,
Ненавистный враг разбит...
О войне стихи и песни
Память бережно хранит!

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

Куликово поле
И ковыль-трава,
Пышное раздолье,
Неба синева.
Здесь сошлись когда-то
В битве роковой
И в сраженьи ратном
Кровь текла рекой.
За любовь и веру,
И цветущий край
Шли на битву смело —
Берегись Мамай!
Молодой и старый,
Кто держать мог меч,
Все в дружину встали,
Чтобы Русь сберечь!
Рать на рать — стеною,
Раззудись плечо!
Бился русский воин
Смело, горячо!
И сломили нечесть,
Победили зло,
Обрела Русь почесть —
Встала на крыло!

Ольга ПРИСТУПЕНКО

г. Азов, Ростовская область

Родилась и живет в г. Азове Ростовской обл. Окончила факультет юриспруденции Ростовского экономического госуниверситета. Писать стихи начала в школе, печаталась в городских газетах. Статьи опубликованы в облгазете «Молот», в ряде российских журналов и сборников. Дипломант художественной выставки Михаила Шемякина в Северокавказском государственном музее Востока. Лауреат Премии Президента Российской Федерации для поддержки талантливой молодежи. Дипломант культурной программы XXII Зимних Олимпийских игр, XIX Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Сочи. Наш постоянный автор.

ПРИДЕТ ВЕСНА, ПРОСНЕТСЯ ЛЕС

Придет весна, проснется лес.
Медведи выйдут из берлоги.
Все превратится в мир чудес
И зазвенят в ручье пороги.
Придет весна, проснется лес.
Барсук, сурок, очнется ежик.
Заплачет на березе срез,
В наряде ветка из сережек.
Придет весна, проснется лес.
Лучи янтарные пробьются.
И прорастет озерный кресс,
И стаи с юга вновь вернутся.
Придет весна, проснется лес.
Взойдет лесная земляника.
Брусничный куст покажет блеск,
Листву наденет ежевика.
Придет весна, проснется лес.
Бобры плотину вновь построят.
Взметнутся звуки до небес,
И птицы гнезда там устроят.
Придет весна, проснется лес.
И дикий улей закружится.
На речке синь посмотрит в плес,
В зеркальной глади отразится.
Придет весна, проснется лес.
Исчезнет снег, растают льдинки.
И рыбий хвост поднимет плеск,
В воде раскроются кувшинки.
Придет весна, лес воспою.
И долгим эхом отзовется:
Россия, я тебя люблю!
Весь мир с тобой нам улыбнется!

Виктор МЫЗНИКОВ

г. Тула

Родился в г. Москве в 1939 г. В 1962 г. окончил Тульский механический институт (ныне ТулГУ) по специальности «САУ» и в 1972 г. — ЦИПК (Москва). Инженер, изобретатель, работал на тульских оборонных предприятиях. Академик МААНИ, отмечен ведомственными наградами. Имеет почетное звание «Изобретатель СССР». Член ТО православных писателей «Родник», член поэтического клуба «Лирик», участник тульской общественной организации «Духовное соборное движение». Стихи пишет около двадцати лет. Дипломант ряда конкурсов. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

Плывет, пространство очищая,
Волшебный колокольный звон.
Сердца любовью наполняя,
Он слышится со всех сторон.
Прославлен этим звоном Болхов.
Для многочисленных людей
Средь городов, среди поселков
Он цель сторонников Христа идей.
Душа моя растворена в том звоне,
Что благодатью льется целый день,
И даже в Туле, на своем балконе,
Я ощущаю колоколен сень.

ПОДАРОК

Двенадцать лет как нет жены —
Она покинула мир тленный.
Мне помогают жить сыны —
Ее подарок для вселенной.
Чрез них течет ее любовь,
Мир неба и земли сплетая
В одну божественную новь,
В которой мы не умираем.
Я верю, как сказал один монах,
Мы сути вечные на свете,
И ночью собираемся во снах
Жена и я, и наши дети.

ПОДРУГА

Есть у меня душевная подруга,
Которой очень, очень дорожу,
С тех пор, как в вечный мир ушла супруга,
Я с нею часто время провожу.
Конец работы. Долгожданный вечер,
Обняв изящный совершенный стан,
Зажегши благовоние и свечи,
Сажусь с подругой вместе на диван.
На потолке причудливые тени
Образовали кружевной узор.
С любимою подругой на коленях
Веду я задушевный разговор.
В истоме сладкой извлекаю звуки,
От нежных чувств кружится голова,
Перебирают струны мои руки,
Уста рождают рифмами слова.
На свете нет ценнее дружбы старой,
Где было столько радости и бед,
Подруга — шестиструнная гитара
Мне верой-правдой служит много лет.

ПРОСТИ ОТЕЦ

Прости отец, что был с тобою мало,
Когда еще был жив наш общий дом,
Все осознал, когда тебя не стало,
Когда я сам стал дедом и отцом.
Прости за то, когда ты после смены
Садился отдохнуть за стол,—
Я упрекал, что ты несовременный,
Совсем не понимаешь рок-н-ролл.
Прости, что строил собственные планы,
В которых места не было тебе,
Что предавался развлеченьям рьяно,
Не вспоминая о твоей судьбе.
Прости, что не ценил твои старанья,
Ты содержал жену, троих детей,
И наше высшее образованье —
Твоя заслуга тех прошедший дней.
Прости, что я не стал твоей опорой,
Как повелось у предков на Руси,
И потому состарился ты скоро,
Прости, отец, прости меня, прости.
Прости меня, что навещал так редко,
Когда меня ты постоянно ждал,
Что поручал заботиться соседкам,
Когда ты постепенно угасал.
Прости, что я не был с тобою рядом,
Когда закрылся твой последний взор,
Мне на себя обида и досада,
И ранит душу совести укор.
Сейчас, отец, ты смотришь с пьедестала,
Любовью светится взгляд мудрый твой,
Душа твоя в мир вечности попала,
По мне ж, ты будешь навсегда живой.

СКАЛЕЯ

Лежит вдоль моря городок Скалея,
Где солнце светит людям круглый год,
В долинах между гор оливы зреют,
Живет здесь жизнерадостный народ.
Мой старший сын давно его приметил,
Купил у моря скромное жилье,
Устроил, чтоб ходили в школу дети,
Теперь в Скалее и порой в Москве живет.
Здесь теплое и ласковое море,
Целует ноги с нежностью прибой,

Красоты эти подарил сын Боря
На юбилейный день рожденья мой.
Я свой восьмидесятый день рожденья
Встречал в Италии у речки между гор,
Где слушал дружеские поздравленья,
Журчанье вод, шум леса, птичий разговор.
Шампанское разлито по бокалам,
По очереди поднимают тост,
Мне пожелали доброго немало,
И каждый был так искренен и прост.
Уж через день в Россию возвращаться,
Где ждет меня в Москве аэропорт,
Потом мне будут часто вспоминаться
Родные лица, юбилейный торт.

Леонид ЗОЛОТУХИН

Заокский район Тульской области

Родился на Дальнем Востоке, школьные годы и бóльшую часть сознательной жизни провел в поселке на берегу Охотского моря. Трудился электромехаником на телеграфе, в комсомольских, советских и партийных органах, на судах рыболовного флота. В 1991 г. переехал в Заокский р-н Тульской обл. Печатался в районной и областной периодике, в коллективных сборниках «Поленовские зори», «Сердца чистый пламень», «Отчий край», «Иван-озеро», «Приокские зори», в альманахе «День Тульской поэзии», в хрестоматии «Три века тульской поэзии». Выпустил три книги стихов. Член РСП.

ВЕНКИ НА ВОДЕ

Директору музея командира крейсера «Варяг»
В. Ф. Руднева Е. С. Жулдыбину

К остановке автобусной
Вдалеке от морей
Сине-бело Андреевский
Флаг морской прикипел.
Белокрылою чайкой
Распростерт в небесах,
Бригантиной, летящей
На тугих парусах.
В сухопутной глубинке,
На заокских холмах,
Честь морская России
Вознеслась на крылах.
Полыхает над травами
Белопенной волной.
Быть морскою державою
По Петру суждено.
С поворотом дорога
Упирается в Храм
И музей, что напротив,
Точно парусник встал.
Из-под кленов в ограде
В орденах на груди
И при полном параде
Руднев строго глядит.
Память русского флота,
Гордость тульской земли
Ныне в бронзе отлили
И в гранит облекли.
Как на мостик взошедший,
За штурвал корабля,
В тихом Савино вечность
И покой обретя.
Не реликвией пыльной,
Дорогим земляком,
Прочной нитью с живыми
Связан рудневский дом.
Под крыло собирает
Верных морю сынов,
И служить провожает
Заокчан-земляков.
Помнят имя «Варяга»,
Командира его,
Под «Андреевским флагом»
Проводя торжество.
Ты в веках не потерян,
Русский дух не иссяк,
Вечной славой овеян
Легендарный «Варяг»!
Твоего экипажа,
Память свято храня,
Здесь на полочке каждой
Экспонаты стоят.
И рассказ о японской,
Той далекой войне,
Привелось на которой
Гибнуть в стылой воде.
На Востоке, на Дальнем,
Где чужая земля,
Быть и гордым, и сильным
Посылала страна.
На бессменную вахту
Заступали в порту.
Капитан не напрасно
Сердцем чуял беду.
В Желтом море далеком
У чужих берегов
Службу флотскую нес он
По защите основ.
Как посланник России
На ее рубежах.
В тех уже легендарных,
Предвоенных годах.
Неспокойно здесь как-то
В Чемульпинском порту.
Все подвохи микадо
Предвещают войну.
Дышит воздух тревогой,
Запах пороха жжет:
Не дождаться подмоги
И ответ не придет.
Ультиматум получен,
А союзников нет.

Как легко равнодушье
Спрятать в нейтралитет.
Сроки все на исходе,
Мир на нити повис.
Знать японцы в походе
И готовят «сюрприз».
Вызов Уриу дерзок,
Принимая его,
Обретали бессмертие…
Честь превыше всего!
Знали, рейд покидая,
Что вас ждет впереди,
Но Российское Знамя
Никому не склонить!
Под Андреевским флагом,
Да на полных парах,
К Порт-Артуру «Варягу»
Прорываться пора.
Но за мысом эскадра —
Больше сотни стволов.
На «Корейце» с «Варягом»:
Три десятка всего!
Честь российского флота
Не пустые слова,
А вдвоем на армаду —
Тут решимость нужна!
Погибать — не сдаваясь,
Это русских удел,
От разрыва снарядов
Стальной корпус гудел.
Две пробоины тяжких:
По корме и в носу,
Трое первых погибших
В дальномерном посту.
С каждой новой минутой
Темп огня нарастал,
Стало трудно «Варягу»
Против стаи стоять.
Возгоранье на шканцах,
Поврежденье руля…
Дали залпы в японцев
И, похоже, не зря.
Но орудья разбиты,
С левым креном идет.
Малым ходом машины
Отработали в порт.
Корабли не спустили
Перед ворогом флаг.
По морскому обычаю
Похоронен «Варяг».
В море стелы не ставят.
На высокой волне
Пусть плывет наша память,
Как венки по воде!
Продолжатель традиции,
Славный крейсер «Варяг»,
Как тобою гордится
Каждый русский моряк!
Изумленному миру
Вы смогли показать:
Русским голову долу
Не пристало ронять.
От Одессы до Питера
На вокзалы несли
Благодарные жители
Для героев цветы.
Пиком славы народной —
Звон медалей «за бой»,
Званый ужин дворцовый
И державный прием.
Ордена на мундирах,
Новых званий каскад.
Руднев в фаворе ныне,
При дворе адъютант.
Но пророков в Отечестве
В нашем отроду нет,
И Героев по-прежнему
Не любил высший свет.
Только память помалу
Затянула война,
О героях «Варяга»
Позабыла страна.
Руднев верности флоту
Никогда не терял,
Но в «отставку с почетом»
Угодил адмирал.
Быт устраивал новый
Здесь на тульской земле.
Стал соседям подмогой
И опорой семье.
Но как видно не мог он
Жить без службы морской.
В деревеньке заокской
Завершил путь земной.
От селения Мышенки,
Только чуть за лесок,
С краю поля отыщется
Это место еще.
Липы старые помнят
Как аллеей шагал
Гордой веры исполнен
Отставной адмирал.
Позабыт и оболган
Но не сломлен душой,
Для кого-то изгой он,
Для России — герой!
Суждено возродиться
Тем, кто духом силен,
Будет имя светиться
Среди славных имен!

Наталия СИЛАЕВА

г. Серпухов Московской области

Поэтесса с творческим псевдонимом «Натали». Занимается творческой деятельностью с 2005 г. Имеет многочисленные грамоты и дипломы, а также публикации своих произведений. В 2010 г. стала инициатором и создателем в г. Серпухове МЛО «Клио», руководителем которого является и сейчас. В 2014 г. и в 2016 г. присуждена

стипендия губернатора Московской обл. молодым талантливым авторам. В 2016 г. присуждена стипендия главы городского округа Серпухов молодым талантливым авторам. В 2018 г. присуждена вторая премия в категории «Инициатива» (номинация «Культура и творчество») в ежегодной премии губернатора Московской обл. «Наше Подмосковье» (проект «Тепло души подарим миру!»). В 2020 г. снова присуждена стипендия губернатора Московской обл. молодым талантливым авторам. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

***

(Триолет)

За строкой строчка — мы исписываем душу
И изливаем на страницу боль.
Внутри себя ведем незримый бой,
За строчной строчка… Мы исписываем душу.
Не находя ответа, что порой нам нужно,
Взлетающей мечте твердим мы: «Стой!»
За строкой строчка — мы исписываем душу
И изливаем на страницу боль.

***

Я давно ни в кого не влюблялась,
Не взлетала в небесную высь…
В омут я с головой не бросалась…
Может, просто влюбиться в жизнь?
Мы так часто бежим эстафету:
Дом — работа — какие-то дела…
Заключая с судьбою оферту,
Натянули себе удила.
Может, стоит остановиться?
Посмотреть, как прекрасен наш мир!
Просто взять и сейчас же влюбиться
В эту жизнь… в этот час… в этот миг!

Я ВЕРЮ…

Я верю: в этот Новый год
Войдет к нам в дом простое счастье!
И среди праздничных хлопот
Присядет рядом, скажет: «Здрасьте!»
Его мы чаем угостим,
Расскажем о своих желаньях:
Кому — покой, кому — экстрим…
Все сбудется, ведь счастье с нами!
Я верю: в этот Новый год
Получит каждый горстку чуда,
Забудет про комок невзгод,
Свалившихся из ниоткуда.
Под бой курантов волшебство
Снежинкой упадет в ладони.
Все будет так, как быть должно…
Пусть счастье каждого затронет!

***

Я верю: будет
Мой самый первый
Счастливый праздник под Новый год.
Душа ликует,
Ведь путь мой светлый
И сердце песню любви поет.
Я знаю: станет
Наш мир добрее —
Никак иначе не может быть.
Ведь все бывает,
Я просто верю:
Сердца не могут вот так остыть.

***

Есть люди уютные, как домашний плед,
Есть люди сияющие, как заря.
А есть люди-омут, где дна и нет,
Куда с головой, ни на что несмотря.
И не надо ни пледа, ни света… ни-че-го.
Вокруг только тьма… и лети… лети…
Все кружится. Выдох. В глазах темно.
Вот он — конец пути.

Анна БАРСОВА (А. БАРСЕГЯН)

г. Екатеринбург

Анна Барсова (Анна Барсегян) — поэт, прозаик, переводчик, литературовед. Член СРП и АРЛ. Обладатель национальной литературной премии «Золотое перо Руси», премии мэра г. Набережные Челны. За верное служение отечественной литературе награждена литорденами и медалями: А. Грибоедова, С. Есенина, В. Шекспира, М. Джалиля. Дипломант российских фестивалей и конкурсов. Наш постоянный автор.

1.

***

Здравствуй!.. Ты меня забыл,
Город старый, верный?!
Помнишь, как со мной парил,
Как была я серной?
Как носилась по лугам
По полям зеленым,
Как молилась вещим снам
И ночам каленым;
Как спускалось по утрам
Солнце к нам доброе
И скользило по губам
Песней свежей горной?!

***

Я радуюсь жизни: и майскому цвету,
Горящему взгляду, цветущему лету,
Степенному ходу живых облаков,
Воде родниковой, что бьет из песков!
Я радуюсь жизни: и бешеной вьюге,
И детской улыбке, и помощи друга!

Я радуюсь жизни — безумная боль,
В ней счастья земного рассыпана соль!

СОВЕТ

Пиши стихи! Пускай не про удачу,
не про любовь.
Пиши стихи! Пускай душа поплачет,
не прекословь!

2.

***
Пионы так горды собою,
своей роскошной красотою,
Что, ничего не замечая,
увянут на столе, скучая!

***
Мне хочется покоя, тишины,
не мчаться, не лететь куда-то,
не звать с небес волнующие сны,
и не менять стихи на злато!

Лариса ЛЕБЕДЕВА

д. Яблонево Каменского района Тульской области

Родилась 27.03.1975 г. в д. Яблонево Каменского р-на Тульской обл. Вся ее жизнь и творчество связаны с малой Родиной! По образованию — техник химической промышленности. Печатается с 2007 г., автор поэтического сборника «Душа поэта многогранна» (2018). Член ТО «Каменка». Стихи ее напечатаны в ряде журналов, альманахов и сборников. В 2020 г. стихи впервые представлены на страницах альманаха «Ковчег». Постоянный автор альманаха.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Посвящается моему прадеду

«Я, без вести пропавший, меня вы не ищите,
Уже мне не вернуться домой, моя родня...
В болотах заблудился и сгинул, не взыщите,
Мы шли из окруженья почти четыре дня.
Погоня приближалась, свистели пули рядом,
Убили командира, был слышен лай собак...
И сердце больно сжалось, и пот катился градом,
Судьба моя, задира, не помогла никак.
Я не геройской смертью погиб, увяз в трясине,
Никто и не заметил, куда пропал боец.
И в страшной круговерти не подал мне лесину,
Никто так не ответил... И понял: все — конец...
Лежат мои останки теперь в глубокой топи...
Родня и не узнает, где мечется душа.
Дивизия же наша шагает по Европе,
Фашистов добивает, напором их страша.
Вот так, с крестом нательным, ушел в сырую вечность,
И надо мной схлестнулась болотистая грязь.
Прошел я путь смертельный куда-то в бесконечность,
Жизнь биться перестала, захлебывая грязь.
Но верю, очень скоро раздастся гром Победы!
И армия родная сметет врага с земли.
Вы только не забудьте, как воевали деды
И как за ваше счастье в болотах полегли.

Ирина КОНОВАЛОВА

с. Архангельское Каменского района Тульской области

Родилась в с. Архангельском Каменского р-на Тульской обл. По образованию — педагог. Многодетная мама, воспитывает в своей семье четверых детей. Член ТО «Каменка». В 2014, 2015 гг. ее стихи вошли в альманахи Тульского отделения СПР «День Тульской поэзии», СРП «Яснополянские зори» (2015), в сборник «Каменское Красивомечье» (2016). В 2020 г. стихи впервые представлены на страницах альманаха «Ковчег». Наш постоянный автор.

ТО УТРО... ТОЙ ВОЙНЫ...

*Моим дедам — героям, участникам
Великой Отечественной войны,
посвящается!*

Как было страшно… тем утром… той войны,
Когда набат вдруг тишину нарушил...
И стон людской, и скорбный плач земли
На годы долгие сердца вмиг обездушил!
Как было страшно… тем утром… той войны,
Когда слезу смахнул ты у любимой
И, уходя, шепнул на ушко: «Жди!»…
И в смерть шагнул — такой невозмутимый!
Как было страшно… тем утром… той войны,
Когда солдат везли вдаль эшелоны.
И сыновья кричали: «Мам, прости!»…
Крестились матери, их вслед летели стоны.
Как было страшно… тем утром… той войны,
Когда Земля… рыдала с матерями…
И полыхала солнышком зари,
Гордясь... посмертно... лучшими сынами!
Как было страшно… тем утром… той войны...
Мальчишки, повторяя за отцами,
Шагали в ногу, строились в полки,
Сражаясь деревянными мечами.
Как было страшно… тем утром… той войны…
И лишь кукушка вдалеке считала

Мгновенья жизни воинской души…
И двадцать семь их миллионов насчитала!
Как было страшно… тем утром… той войны...
Но вы смогли, хоть смело грудью пали
За нас, живых, кто после вас пришли! —
Бесстрашно вы Отчизну защищали!
Как было страшно… тем утром… той войны...
Но вы, Герои, все преодолели!
Земной поклон за то, что живы мы!
За то, что вы душой не оробели!
Как было страшно… тем утром… той войны...
И мы в долгу огромном перед вами!
Гвоздики на могилу положив,
Склонюсь в поклоне вам я с сыновьями.
Как было страшно… тем утром… той войны...
Но мы живем! И память не истлеет!
Во славу деда — сына нарекли,
Жаль, не увидит он, как тот взрослеет!
Как было страшно тем утром той войны...
Сложили души вы, взамен за наши!
ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ СВЯТО ЧТИМ!
И мир спасая, вновь стоим на страже!

Ольга АРТЕМОВА

п. Медвенка Курской области

Ольга Викторовна Артемова — член СПР. Книги выходили в московском издательстве «ЭКСМО», в Курске. О. В. Артемова — лауреат всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша»; победитель всероссийского конкурса «Парус одинокий»; призер всероссийских конкурсов «Человек доброй воли» и «Vita. ТЮЗ»; лауреат международного конкурса «Добрая лира», дипломант международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман». Входила в шорт-листы нескольких всероссийских конкурсов, победитель ряда областных творческих конкурсов. Награждена дипломом государственного музея-заповедника с. Константиново «За верность Есенинской поэзии». Награждена юбилейной медалью к 100-летию К. Д. Воробьева. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

***

В радостном весеннем небосводе —
Родина оттаявшей души.
Только глупо звать себя сквозь годы.
Зря того, что было, не ищи.
Знаю, ты взлететь уже не в силах.
Но тогда по лестнице — вперед!
Посмотри, какой сейчас красивый
Для тебя открытый небосвод!
По траве младенческой, не мятой,
По деревьям, жаждущим листвы,
По манящим облаков громадам
Медленно, но все-таки иди.
Много чего было, да промчалось
И отвержено: не то! не то!
А, поди ж ты, с детских лет осталось
В марте воскресение твое.

***

Давно мы не ходим босыми,
Не касаемся нежно
Этой земли остылой,
Как последней надежды.
Давно уже так не бывало,
Чтобы в минуту грусти
Небо в нас зазвучало,
Как прадедовы гусли.
Чтобы упасть на колени
У родника, как на паперть,
И, вглядываясь в отраженье,
Целовать его будто брата.
От трав, туманов все дальше
Замученные в круговерти,
Замечаю: сильней, чем раньше,
Люди стали бояться смерти.

***

Прилетели первыми грачи.
Сели и зовут: «Икар-р! Икар-р!»
А вокруг деляги да рвачи.
И, конечно, слышится им: «Кар!»
Занят выживанием народ,
И ему совсем не до весны.
Ну а тот, кто весело живет,
Видит эротические сны.
Вдруг мальчишка — синие глаза —
Выскочил из дедовских ворот
И застыл, почувствовав: вес-на.
Грач косится: тот или не тот?
Что он слышит? Песню пирамид?
Зов неведомых далеких стран?
Или слабый мозг его копит
Пошлого компьютера обман?
Камень в птицу он сейчас швырнет?
Или улыбнется ей светло?
Ведь весна зовет юнца в полет.
За его спиной дрожит крыло.

Дина ЮДИНА

г. Тула

Дина Юдина родилась в г. Щекине Тульской обл. В ТулГУ получила высшее юридическое образование. Член МЛО «Муза» при Доме-музее В. В. Вересаева г. Тулы (руководитель — В. Ю. Ткач, член СРП). Произведения опубликованы в ряде сборников и альманахов. В 2017 г. являлась участником акции «Ночь поэзии» в ЦПКиО им. Белоусова г. Тулы. В 2019 г. был издан первый персональный сборник стихотворений «Рифмы повседневности».

КОФЕЙНАЯ ИСТОРИЯ

Спасибо вам за эту чашку кофе,
Мне нужно было где-то помечтать.
Вот женщина сидит красиво в профиль,
Умела бы — смогла нарисовать.
Алхимия кофейных ароматов
Уютом наполняет стильный зал.
Шумит машина, создавая латте,
Как поезд, приходящий на вокзал.
Какое б ни было в душе моей сомненье,
Неразрешимая была бы в ней тоска,
Я закажу по щучьему велению
Хотенья своего на два глотка.
И чувствуя, что я «продукт эпохи»,
Не в силах все былое отменить,
Я прихожу сюда за чашкой кофе:
Я вдохновения ищу, чтоб дальше жить!

РЯБИНА

Ах, как любит Господь эту землю,
Раз рябина так красным горит!
Я ее откровению внемлю,
Наблюдая как лист шелестит.
И рябина моя меня учит
Жить, гореть, не бояться себя,
Благодарно принять дождь из тучи
И краснеть так же жизнь любя.
Эти алые ягоды-бусы
Разбросала по веткам она,
Стороной пусть проходят все трусы,
Смельчаки пусть срывают сполна!
Ах, рябина, ты местная что ли?
Как же в красном своем ты смела.
Сколько воли себе, сколько боли
Своей ягодой терпкой взяла.

***

В яркие искры укуталось небо,
День в милой песне лесов утих.
Эту красу да в душу мне бы,
Чтоб породила она светлый стих.
Лунная речка пронзила поле
Восторженно белым своим лучом.
Ветер разгульный летит по воле,
Людские заботы ему нипочем.
Запах травы одурманил медом
В купольно-зыбкой ночной тиши.
Так и стоять бы мне год за годом,
Но заставляет жизнь вновь спешить.

ДАВАЙ ПОМИРИМСЯ

Давай помиримся? К чему грустить?
Меня ломает наша разделенность.
И чай без слов, и мыслей разобщенность.
Прощать прекрасней даже, чем любить!
Давай помиримся? К чему грустить...
К вещам твоим я подойду, тоскуя.
Прижму к груди, и слезы брызнут враз.
Готова выбрать я судьбу любую,
Вот только было б в ней побольше нас.
Прижму к груди, и слезы брызнут враз...
Давай поделимся, раз все не так?
Ломать не строить — это знают люди.
И пусть в душе моей расстройство и бардак,
Я знаю, хуже точно мне не будет.
Ломать не строить — это знают люди...
Взгляну в окно, увижу свет звезды —
Далекий и такой непостижимый.
И все пойму. Потом вернешься ты,
Все той же озорной звездой гонимый.
Мой близкий, мой бесценный, мой любимый!

ПАМЯТИ ПРАДЕДА, ПОГИБШЕГО В 1941 ГОДУ ПОД СМОЛЕНСКОМ

Василий Юдин, прадед мой,
Мобилизован в сорок первом.
Жена с детьми ждала домой —
Ему она осталась верной.
Могилы нет. Лишь список есть,
В котором значится погибшим.
Через страну летела весть,
Как лист опавший и поникший.
Как жаль! И даже фото нет,
Чтоб детям показать героя!
Я через много-много лет
Молюсь лишь о его покое.
Война страшна и не нужна,
Прошу всех сделать шаг навстречу,
Тогда изменится страна,
Тогда герой жить будет вечно.

Василий ТАРАКАНОВ

г. Алексин Тульской области

Тараканов Василий Васильевич — коренной житель г. Алексина 1959 г. рождения. Образование среднее техническое и среднее юридическое. В настоящее время пенсионер. Поэт и прозаик. Автор многочисленных стихов и песен. Постоянный автор нашего альманаха.

СЛУЧАЙ В ПАНСИОНАТЕ

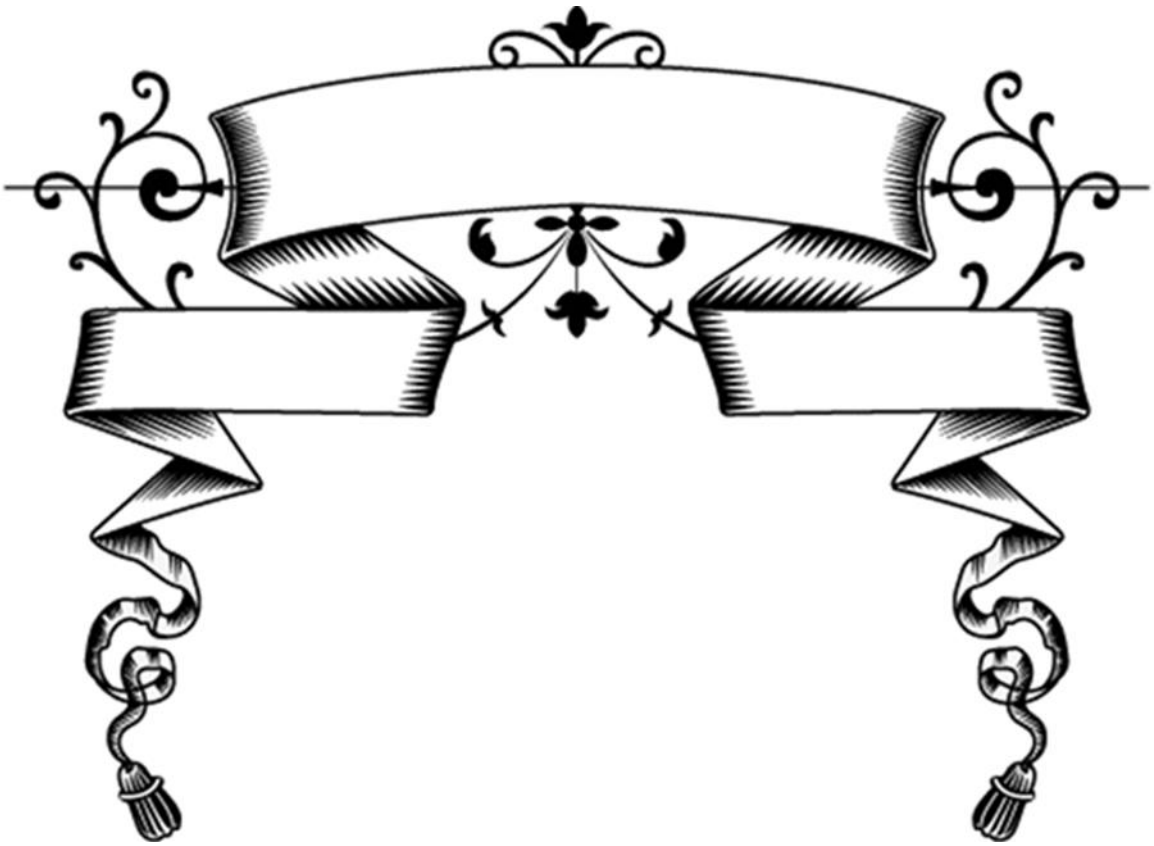
Есть у деревни Пестова запруда,
Там над водой белеют паруса,
Вокруг лежит лесов краса,
Моторов там не слышно гуда,
Березок видна рыжая коса,
Но то уж осени причуда.
Среди старинных, царственных аллей,
В тени задумчивых ветвей,

Пансионат большой стоит —
То, финансистов, есть уединенье.
И кто покой свой свято чтит,
От дел найдет отдохновенье,
Немного, может, погрустит,
Мечтам, предавшись на мгновенье.
Но если с ним ребенок вдруг,
Как скоротать ему досуг?
Там детям явно скучновато,
Так отдыхать им рановато!
Но вот бежит навстречу друг —
Пушистый маленький кутенок,
Дворняжки местной он ребенок,
Зовет гулять на свежий луг!
А кличка модная — Братан,
В ней детской радости вулкан!
И надо же такому вот случиться —
Начальнице с потомством заявиться,
А дочь-то злющая девчонка —
Карикатура на ребенка!
А пес как всех давай лизать —
Она капризничать визжать:
«Меня кусает собачонка!»
А, дура, мать на помощь звать —
Контральто вторить громко…
Директор был там генерал —
Сомнений в действиях не знал!
За что же чин такой высокий?
Быть может, от чеченцев удирал?
Иль на солдат дурниной глотку драл? —
Урод, морально-кособокий.
Любил пред сильным прогинаться —
На все ответ: «Я рад стараться!» —
Вот вам из жизни вновь уроки.
Чтоб инцидент тот разрулить,
Велел собачку затравить…
И вот кавказец в пояс ростом,
А вес его за девяносто,
Идет приказ тот исполнять,
Щенка на части злобно рвать.
Болел в то время, ох, изрядно,
А жизнь мотала почем зря,
И было в ней, ну, все не ладно,
Я тлел лучиной, не горя.
Боролся с радиацией упорно,
Ну, чем щеночку мог помочь?
Судьба же измывалась вздорно —
Был как кутенок точно-в-точь.
Но есть же те, кому забава
На смерть лихую посмотреть,
Но Богу слава! —
Я другого нрава! —
Мне лишь о смерти сожалеть.
Случалось так, что от обид порою,
Как избавленья ждал я драки,
Но визг замученной собаки
Там, за кустами, под горою…
Таких вояк ли уважать? —
Их можно только презирать!

Примечание: *кавказец (кавказская овчарка) — порода волкодавов с жестким характером, применяются в качестве сторожевых собак.*

***

Хмурая осень,
Дождей мокрющая сень.
Стало б всем веселей,
Если бы небо
их раздвинуло тень.
И в облаках,
Как в белых платках,
Солнце на землю
Сумело взглянуть,
Из проталин тумана.
Но густая сметана
Ему не дает продохнуть —
Осень! Ты не спеши,
Покажи свою просинь!
И в стеклянной тиши
Яви яркую радость —
Листопадную сладость!
Шурши звездою
Кленовою, золотою.
Тронь тротуар,
Разметай по аллеям
Веселый пожар!
Ни о чем не жалея,
Принеси нам свой дар,
Вовсю пламенея!
Успокой водолея!
И под прелестью чар,
Твоих сумасшедших,
Лесов пышный пиар,
Желтизною расцветший,
В хороводе с лугами
В пляску пойдет!
Луч над стогом сверкнет,
И от печали,
В светлой той дали,
Душа отдохнет.



ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА РЕЦЕНЗИИ

АЛЕКСЕЙ ЯШИН
СЕРГЕЙ ОДИНОКОВ
АЛЛА НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
ВЯЧЕСЛАВ АЛТУНИН
ЕВГЕНИЙ АСТАШКИН

Алексей ЯШИН
г. Тула

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
как салонный вид творчества

Когда-то мы возьмемся за журнал!
Мочи нет хочется…
Из письма А. С. Пушкина
к П. А. Вяземскому, 1825.

Так писал Пушкин еще за одиннадцать лет до начала издания своего «Современника». Под самый конец своей, увы, недолгой жизни Александр Сергеевич исполнил-таки свою заветную мечту о литературном журнале, осознавая: давно пришло время доселе «салонное» сочинительство переводить во всероссийский литературный процесс. Начав с «Современника», совершенно иного качества литературной периодики, нежели выходившие и до него журналы, та же «Почта духов» И. А. Крылова и пр., далее — и в особенности! — через некрасовский уже «Современник», его же «Отечественные записки» этот процесс вывел за исторически краткое время, не более всего-то полувека, русскую литературу на мировые позиции. Заметим, что в конце XIX в. это феномен русской литературы повторила литература норвежская … конечно, в меньших творческих масштабах. Но — это к слову. Главная же мысль из сказанного: любая национальная художественная литература — с «обслуживающей» ее критикой и литературоведением — в той или иной степени значимости входит в мировой творческий ареал при непременном условии перехода от салонного начального периода развития к литературному процессу в рамках своей страны, социума. …Здесь и далее салонность никак не ассоциируется с «фрачно-кринолиновыми посиделками», но есть синоним очень уж обруганному слову «кружковщина».

Далее русская классическая литература стала истоком литературы советской, причем с высшей в мировой практике степенью соорганизованности. Попутно ответим на обычную при упоминании литературы соцреализма взахлеб-либеральную истерику в части «писательства по указке Кремля… ГУЛАГ'и с несостоявшимися гениями» и пр. А что, классическая русская литература критического реализма разве щеголяла нарочито своей безыдейностью? Куда же тогда всю ее целиком деть? — Все сотни книг «с направлениями» — слева; а справа? — Многоцветье антинигилистической литературы: от «Взбаламученного моря» А. Ф. Писемского, «На ножах» и «Некуда» Н. С. Лескова, «Панургова стада» Вс. Крестовского до «Бесов» Ф. М. Достоевского — а это уже ступень гениальности, с которой, политкорректно говоря, не совсем уместно сравнивать два извечных русских вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?». Опять же к слову, но пора перейти к «антифеномену» современной литературы: ее исчезновению из творческого ареала современного человечества. Причем ареала всемирного, глобального.

Кстати говоря, на Западе-Востоке (это как «Западно-восточный диван» Гете…) понятие литературного процесса утратилось еще полвека тому назад. Если мы здесь пишем о русской литературе, как-то выделяя тем самым ее, то только потому, что к нам Великий глобализатор, родной брат Великому инквизитору из «Братьев Карамазовых», несколько запоздал с визитом: во-первых, советская власть, окормлявшая писателей и читателей, долго сопротивлялась; во-вторых, слишком короткий по историческим меркам срок отделяет нас от русской классической литературы — первой и великой любви к изящно представленному русскому слову народа с мечтательной жилкой и сравнительно недавно научившемуся грамоте… Потому и пишем с грустью об уходящей русской словесности, что она одна в современном глобо-мире еще топчется на пороге, не желая переступить его, по крайней мере на живой памяти о былом величии, и выйти в холодящий душу мир глобализованного человейника с людьми-роботами, винтиками-шестеренками всемирной машины, где (и уже сейчас!) нет места вдохновенному слову, обращенному в бездушную цифру сугубо утилитарного мышления. Назовем это новым словом: цифрофрения.

Таким образом, антифеномен современной русской литературы суть прямое следствие включения страны в процесс глобализации, что стало возможным после поражения (не развала! — это либерализованный эвфемизм) СССР в Третьей мировой («холодной», информационной и пр.) войне с искусственным возрождением артефакта частнособственничества — и прямо в объятия мирового империализма в его высшей и завершающей стадии глобализма*. … Опять России пришлось догонять Запад, но только в части расчеловечивания, отказа от высшей в Истории христианской морали и — от образного литературного мышления и восприятия его продуктов некогда «самой читающей в мире страной». Как сказал некогда Троцкий — не только ленинский «иудушка», но и блестящий публицист — «мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить историю по сокращенному европейскому учебнику». И, говоря ностальгическим советским

* См.: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма / Предисл. А. И. Субетто. Тула, 2016.— 460 с. (В электронной форме см. на различных сайтах по поисковику).

речевым штампом, претензий к «партии и правительству» здесь никак быть не может, раз страна всецело включена в мировой процесс глобализации, утверждение о чем мы ежечасно слышим с самых высоких трибун — через «ящик» и интернет. Никакого сейчас нет и в помине «особого пути России», а есть сложнейшая мировая сеть гибридных войн, цветных революций, перманентных обострений, противостояний и пр., и пр. — это «рабочий инструмент» Великого глобализатора. Пресловутые политкорректности, толерантности и «общечеловеческие ценности» (кроме доллара, конечно) здесь малоуместны.

Достаточно сказано для осознанного понимания сущности мирового и <несколько запаздывающего; см. выше> русского антилитературного процесса: словесность, тем более изящная, романически-поэтическая, глобалистскому человейнику (термин А. А. Зиновьева: как пчельник, муравейник, термитник…) безо всякой нужды — и наоборот, вредно для расчеловечивания. Опять же не будем либерально лицемерить, только для нашей страны, кроме ее беспрестанной гонки за Западом, в рассматриваемом контексте добавим дичайшее социальное (не классовое! Классов в глобальном общеустройстве не предполагается) расслоение и стахановскими темпами нарастающее обнищание масс. К литературе это имеет самое прямое отношение, о чем ниже скажем… опять же без лицемерной политкорректности. А «многожанровое» лицемерие — самая яркая окраска бурной глобализации.

Итак, в силу указанных факторов, для словесности начался обратный отсчет времени: от общественного литературного процесса, созданного классической русской литературой и развитого эпохой соцреализма,— стремительное возвращение к тому, с чего начали: к салонному разобщению, кружкам по интересам, образцово-показательным примером каковых все более и более становятся «толстые» литературные журналы и … региональные отделения писательских организаций — их вроде бы сейчас в России пять? Но все время на глаза попадаются новые, диковинные названия. На полном безденежье и отсутствии поощрительного внимания со стороны властей и СМИ, владычицы умов и сердец среднестатистического обывателя, писательские союзы все более становятся формальными <общественными> объединениями и теряют связь с условно своими областными ячейками. К указанным двум факторам салонности добавим, конечно же, авторские книги.

Восторг девяностых годов в части бесцензурной «самодеятельной» печати таких книг уже давно сменился глубоким скепсисом и разочарованием: полное разрушение бывшей всесоюзной книготорговой сети, тиражи в 50…100 экземпляров при полнейшей бедности (см. выше) сочинителей, а главное, полная и безвозвратная потеря читательской акдитории. Сейчас, признаемся, граждане писатели, книги пишутся: старшими поколениями «письменников» — в силу творческой инерции, как машинист и паровоз не может мгновенно затормозить, увидев издали на путях семафор; дескать, дальше нет тебе пути; а литературной новью-молодежью? — Это печальный для них, но оптимистичный для социума признак: слишком мощный разгон взяла во время óно русская и советская литературы, еще не обнулен Молохом глобализма художественный творческий потенциал русского человека! Но раз книга написана, то хотя бы указанные выше десятки экземпляров издать, сэкономив на всем жизненно потребном. Причем без уверенности: а хоть два—три родственника или знакомца прочтут ли?

Это и есть фактор салонности. Точно также в XIX веке сочинялись и издавались собственным коштом многочисленные рóманы и семейные хроники тихими уездными помещиками и удалившимися от дел средними по чинам военными и чиновниками. Коль выше вспомнили о Достоевском, то еще раз отметим его зоркий взгляд, вспомним из «Бесов» губернатора фон Лембке, что, отлынивая от скучных административных дел, любил уделять целые полгода-год кропотливому изготовлению «кирки» с прихожанами в движении. Энергичная же супруга его Юлия Михайловна, полагая, что такие увлечения вредят в глазах подчиненных реноме хозяина губернии, «кирку» отобрала и упрятала в комод, а суверену великодушно разрешила сочинять романы — только тайно!

… И самому мне доводилось читать такие рóманы, любовно переплетенные, с автографами авторов, приобретенные в тульском букинистическом магазине, что в 70-е годы был богат на такие раритеты: народ массово увлекся «подписными изданиями» и вычищал под них домашние полки от всякой семейной старины…

Все ясно с писательскими организациями: посмотрите незашоренными глазами на свою областную… а мне и своей хватило для обобщающего вывода.

Осталось нам «пройтись» по журналам — вроде как, на первый взгляд, по определению (см. эпиграф) самой мощной «антисалонной» силы. Но это именно лишь на первый взгляд. Во времена Пушкина журналы раскрывали потенцию литературного процесса. Нынешние же, увы, ее завершают. Отдаленная аналогия — два бурнокипящих взрыва русской литературы в первой четверти XX века и в девяностые годы завершения его. Но в первом являл собой энтузиазм творения, зачастую в новых формах, во втором — «но явствен признак угасания», излишнее возбуждение, холерический оптимизм в предчувствии явления Великого глобализатора — могильщика художественного творчества с древнеримским девизом: «Вино, женщины и искусства принадлежат избранным». И вдобавок еще либеральные похороны советской литературы… а впрочем заодно и русской классики. Pax Americana, словом.

Были журналы, но остались *журналы*; из уважения к герозизму издателей нынешних журналов мы это слово не закавычиваем, но лишь отличающе от журналов выделяем курсивом. Избави Бог подумать, что таким хитрованным синтаксисом выражаем неодобрение самому факту наличия современных журналов и/или

их содержанию! Избави, избави… сам таковой редактирую уже четырнадцать лет, а в свой колодец плевать как-то некомильфо. Или демонстративно вызывающе. Нынешние журналы — тягловые лошади исчезающего литературного процесса, но уже в салонном, кружковом качестве. Главное, они уравнены во всех отношениях, но в журнальном деле равенство не является поощрительным признаком. У каждого такого журнала свой салон авторов и — дай Бог, если таковые имеются! — читателей. Словом, в каждой избушке свои игрушки. И растолковывать здесь более нечего.

Как среднестатистически (средняя температура по больнице) уравняли в «художественном весе» журналы, к такому же знаменателю существующее status quo устремило и писателей нехитрым приемом: отрицанием самого института авторитета, взамен предложив суррогат «запиаренного». Все коварство такого нигилизма авторитета в том, что, во-первых, литератор с явными (природными, особенно в поэзии) задатками таланта в уравнительной среде чувствует себя ущемленным; для поэтов это и вовсе непереносимо; во-вторых, пропадает стимул развития мощности своего таланта. В итоге безавторитетное сообщество литераторов, численно, со стороны явного графоманства — трудолюбивого бесталантства, не ограничиваемое никакими барьерами (журналов тьма, книги печатать — были бы деньги, <якобы> творческих союзов много и вступить в них что в баню сходить…), превращается в губернские салоны — аналоги «литературного утра» у уже упомянутой Юлии Михайловны Лембке. В массе своей все эти продукты «стенгазетного» творчества при чтении вызывают вкусовой эффект жевания ваты…

А где современный читатель, зверь, занесенный в «Красную книгу»? И не замкнулась ли нынешняя салонная, кружковая литература сама на себе в условной самодостаточности? — Как в добром советском анекдоте: «…Чукча, однако, не читатель. Чукча — писатель!» Очень даже похоже и на то. Так где он при крохотных «бумажных» тиражах? Слышим восторженно-радостный ответ, что, дескать, весь он, многомиллионный, в интернете. … Я давно сомневался, что в интернете что-либо читается по части литературно-художественной. Но вот получаю первый номер за этот год журнала «Бийский Вестник», издаваемого, как и наши «Приокские зори», при содействии Союза писателей России, а в нем статья давнего друга нашего журнала Валерия Румянцева «Смерть читателя — это лишь версия или?» И в материале этом автор дотошно, с цифрами в руках (даром что полковник ФСБ в отставке, а бывших чекистов не бывает…) однозначно делает вывод: по интернету читают-смотрят что угодно, но только не литжурналы. А про книги авторские мы уже и не говорим.

Нет читателя массового — самый мощный аргумент в части утверждения о салонном характере современной литературы. Дело дошло до самого отчаянного зазеркалья: автор публикуется в журнале — про книги было уже сказано выше — не в расчете на читателей, которых нет, а чтобы таковой номер со своими виршами или рассказом горделиво поставить на домашнюю полку… Еще раз напомним: так по всему миру.

…Явно превышая допустимый объем для современных публикаций (редакции требуют minimum minimorum!), все же затронем животрепещущий ныне вопрос о цензуре, имея в виду все нарастающие устрожения в интернете. По мне бы его, как боевое оружие глобализма в части расчеловечивания, и вовсе прикрыть, оставив только обычную «мыло»-почту. И то потому, что «бумажная» Почта России под гнетом скоропалительных рескриптов о «переходе на цифру» (см. выше слова Льва Давидовича…) совсем сбилась с принятого со времен ямской гоньбы ритма работы.

Кстати о самом институте литературной цензуры в России. Была она введена в качестве предварительной то ли Екатериной после конфуза с Радищевым, а может и строго дисциплинированным Николаем Павловичем. Возьмите в руки любую книжку издания XIX века, на обороте титульного листа которой прочтете шедевр высокого административного штиля: «Дозволено цензурой с тем, чтобы по напечатании шесть экземпляров были препровождены куда следует». Для книг духовно-нравственного содержания разрешение звучало по-другому: «От С.-Петербургского Духовно-Цензурного комитета печатать дозволяется, СПБ <дата>. Цензор <духовное звание, имя>». После революции 1905-го года, это когда «царь испугался, издал манифест…», цензуру упразднили, но с началом Первой мировой войны по понятным причинам была введена иная цензура: «Дозволено военною цензурой <дата>». В советское время цензура, особенно начиная с «хрущевской оттепели», то есть пресловутые «литы», сосредоточилась на полезном и нужном деле: охране военных и гостайн в печати. Функции же предварительной цензуры были переданы, негласно конечно, самоцензуре авторов и издательств (редакций). Таким образом, между властью и писателями постепенно было, опять же негласно, достигнуто джентльменское соглашение: власть дозволяла — раз литератор без нее обойтись не может — злободневную, конструктивную критику, но не выше должности завгоркомхоза (бессмертный товарищ Саахов…), а сочинитель не позволял себе мата, порнографии, главное — «не трогал за вымя партию и правительство и лично <имярек>». Всех это устраивало, вот и распоясались «шестидесятники» и «деревенщики»! Кстати, искусство «обходить острые углы» писателям только на пользу пошло; мастерство эвфемизмов, умолчаний и недоговорок при полной ясности заложенного смысла достигло мировых литературных вершин.

…Все сказанное, также уклончиво, к тому, что литература наша и так в салонные рамки введена, вреда не приносит, не следует жизнь ее — не в интернете, но в «бумаге» — обременять какой-либо цензурой. Чиновникам же по этой части освежить в головах слова Бисмарка: «Говорите что хотите, только слушайтесь!» — И будет всем счастье. Писателям же искренне пожелаем трудиться и еще раз трудиться:

А то — умрет предмет литературы
И станет чем-то вроде лигатуры —
Отживший тлен — предбывшие таланты…

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

г. Орел

Новикова-Строганова Алла Анатольевна — доктор филологических наук, профессор, член СПР (Москва), историк литературы. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

«И В ЛЮБВИ ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ...» (к 160-летию публикации романа И. С. Тургенева «Накануне»)

Слово, вынесенное в заглавие романа И. С. Тургенева «Накануне», завораживает какой-то недосказанностью, мерцающей тайной. Название оказывается столь многомерным, что допускает многообразные варианты прочтения и интерпретации произведения. При внешней простоте сюжета внутренний план романа чрезвычайно емок. В глубинах его поэтики за внешними, очевидными событиями открываются иные сферы — религиозно-философские, символические, метафизические.

Уже современниками Тургенева была воспринята та сторона символического содержания заглавия романа, появившегося на страницах журнала «Русский вестник» в 1860 г., которая была связана с общественными событиями накануне освободительной реформы. Н. А. Добролюбов в статье «Когда же придет настоящий день?» истолковал «Накануне» как призыв к освобождению России от «внутренних турок».

Демократическая критика и советское литературоведение трактовали заглавие и содержание романа в социально-политическом плане: Россия «накануне» грядущих общественных сдвигов, реформы 1861 г.; «накануне» появления на русской почве «сознательно-героических натур»; «накануне» обновления, решительного шага, выбора. К настоящему времени достаточно полно исследованы конкретно-исторический и актуальный аспекты произведения. «Елена поставлена перед необходимостью выбора между Инсаровым, Берсеневым и Шубиным. Это как бы молодая Россия с ее жаждой деятельного добра, и ее герои — люди искусства, отвлеченной науки и гражданского подвига. Выбор Елены решает вопрос о том, кто более нужен России»,— в таком ключе трактовало роман советское литературоведение. Следует также упомянуть еще одного кандидата в «герои», не названного здесь. Это чиновник и делец Егор Курнатовский, числящийся женихом Елены.

Современные тургеневеды открыли «особый характер развития трагического начала внутри романного сюжета»; обнаружили «двойной сюжет» «Накануне». «Миры внутри миров: Романы И. С. Тургенева» («Worlds within worlds: Novels of I. Turgenev», 1990) — так назвала свою монографию Джейн Костлоу, внимание которой направлено к сфере «лирической медитации» и «невысказанных эмоций» писателя. Интерпретируя в этом ключе сюжет «Накануне», американская исследовательница истолковала героическую судьбу Инсарова как «неумолимое движение в мир смерти, хаоса, забвения.

С такой позицией нельзя согласиться вполне. Устремленность героя к смерти — сознательное самопожертвование, желание погибнуть за освобождение родины — не есть «движение к хаосу и забвению». Наоборот, здесь сосредоточено безотчетное стремление обрести цельность и гармонию, не исчезнуть бесследно с лица земли, не быть забытым.

«Вы услышите, может быть... но что бы ни было, забудьте ... нет, не забывайте меня, помните обо мне…»* — слова, произнесенные Лизой Калитиной при прощании с Лаврецким в предыдущем тургеневском романе «Дворянское гнездо», звучат как заклинание, как лирическое внушение, и могли бы принадлежать каждому из тургеневских героев, чьи образы формирует эмоционально-лирическая стихия. Здесь вечное стремление человека к счастью и сознание его недостижимости; смирение перед непостижимой тайной бытия и робкая, но неумирающая надежда не растворить ся без следа в Неведомом. Прерванная на полуслове речь, глубокая пауза, умолчание, как часто у Тургенева, выразительнее и красноречивее звучащего слова передают скрытый смысл подводного течения текста.

Подобно каждому тургеневскому роману, «Накануне» — это книга о счастье и долге, о любви и расставании, о жизни и смерти. Писатель, исповедующий творческое credo «тайной психологии», останавливается на пороге, на грани, накануне неразрешимой загадки, неразгаданной тайны бытия. В лирико-философских размышлениях Тургенева нарастает мотив вселенского, космического одиночества. «Ужели это все только в нас, а вне нас вечный холод, безмолвие? Ужели мы одни... одни... а там, повсюду, во всех

* Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т.— М.: Наука, 1978—1982.— Сочинения: В 12 т.— Т. 6.— С. 148. Далее сочинения И.С. Тургенева цитируются по этому изданию с указанием тома и страницы.

этих недосягаемых безднах и глубинах,— все, все нам чуждо?» (6, 290) — в тоске вопрошает героиня, и с ее мыслями сливается голос автора.

Тургенев напоминает, что люди очень одиноки. Любовь, сильные привязанности, личные и общественные интересы позволяют на время забыть об этом. Но конец земного пути обрывается во мраке: каждый встречает смерть один на один.

Тень смерти с самого начала повествования витает в атмосфере «Накануне», отзываясь даже в шутливых репликах: «Прощайте. Мир моему праху!» (6, 196). Елена осознает свои предчувствия: «на душе такой холод и ужас!» (6, 265); «когда мы говорили с тобой, я, сама не знаю отчего, упомянула о смерти; я и не подозревала тогда, что она нас караулила» (6, 265).

Трагическое мироощущение пронизывает всю художественную ткань романа, начиная с его «философской увертюры» — первого диалога Берсенева и Шубина. Природа, любовь, жизнь и смерть как силы неведомые, неподвластные человеку одновременно страшат и притягивают его: «не всегда природа намекает нам на... любовь. <…> Она также грозит нам; она напоминает о страшных... да, о недоступных тайнах. Не она ли должна поглотить нас, не беспрестанно ли она поглощает нас? В ней и жизнь, и смерть; и смерть в ней так же громко говорит, как и жизнь.

— И в любви жизнь и смерть...» (6, 166).

В таком контексте заглавие «Накануне», гипнотически не отпускающее сознание читателя, открывается новым смыслом: «канун» — это порог, граница, завеса, стена, о которую бьется в безумной надежде вырваться из плена человеческая душа, жаждущая воспарить, вознестись от тьмы к свету, от земли к небу.

Неслучайно один из ведущих в романе — излюбленный литературной традицией метафорический образ птицы. У Тургенева это птица-душа, устремленная в запредельное,— центр лирико-символической системы «Накануне». «Ее душа,— сказано о Елене,— и разгоралась и погасала одиноко, она билась, как птица в клетке, а клетки не было: никто не стеснял ее, никто ее не удерживал, а она рвалась и томилась. Она иногда сама себя не понимала, даже боялась самой себя... что-то сильное, безымянное, с чем она совладать не умела, так и закипало в ней, так и просилось вырваться наружу. Гроза проходила, опускались усталые, не взлетевшие крылья; но эти порывы не обходились ей даром» (6, 184).

В такие кульминационные моменты напряжения внутренней жизни героини ощущается явственно, как страдает и мечется ее душа, ограниченная рамками земного существования. И эта универсальная, будто всеобщая человеческая душа, тоскуя, задает извечные вопросы, на которых не дано ответа: «К чему молодость, к чему я живу, зачем у меня душа, зачем все это?» (6, 225).

Образы грозы и крылатой птицы становятся лейтмотивами художественной организации романа. Так, в Венеции — «умирающем городе» — Елена видит «высоко над водой белую чайку; ее, вероятно, вспугнул рыбак, и она летала молча, неровным полетом, как бы высматривая место, где опуститься» (6, 291). Эта пейзажная зарисовка превращается в поэтическое иносказание, неожиданно раскрываясь новой эмоционально-смысловой гранью, когда финал повествования захлестывает волна лирико-философских раздумий автора: «Как же это жизнь так скоро прошла? Как же это смерть так близко надвинулась? Смерть, как рыбак, который поймал рыбу в свою сеть и оставляет ее на время в воде: рыба еще плавает, но сеть на ней, и рыбак выхватит ее — когда захочет» (6, 299).

Мотивы и образы этико-эстетической системы «Накануне» постоянно перекликаются, взаимоотражаются, обретая новые сверхсмыслы: человеческая душа — птица в клетке, испуганная рыбаком чайка без гнезда, пойманная рыба; неизбежность смерти — рыбак, раскинувший свои сети.

«Рыбак», вспугнувший птицу, не позволил ей долететь до гнезда, и она «сложила крылья — и, как подстреленная, с жалобным криком пала куда-то далеко за темный корабль» (6, 291). Не этот ли последний приют и есть настоящее гнездо, ведь — как писала Елена в прощальном письме родным — «смерть все прикрывает и примиряет,— не правда ли?» (6, 298). Возможно, в этом заключительном падении в пучину, физическом уничтожении и есть избавление от раскинутой сети, вознесение к истине вечной жизни. Тургеневские образы-символы наполняются не только лирико-философским, но и христианским сверхсмыслом, получают почти дословное подкрепление в образности Священного Писания: «Душа наша избавилась, как птица, из сети ловящих; сеть расторгнута, и мы избавились» (Пс. 123: 7).

Символизированная образность, представленная в романе, становится устойчивой составляющей художественного мира, созданного писателем; обнаруживается в интертекстуальных связях «Накануне» с библейским текстом, с другими тургеневскими произведениями, стихотворениями в прозе «Без гнезда», «Дрозд (I)», «Дрозд (II)», «Порог», «Памяти Ю. П. Вревской».

Универсальный мотив человеческой неустроенности, бесприютности в земном мире, впоследствии обозначенный Тургеневым художественными формулами «без гнезда», «на краю чужого гнезда», нашел всестороннее воплощение в романе «Накануне».

«Куда я иду? где мое гнездо?» (6, 226) — задавалась вопросами Елена. «Все впечатления резко ложились в ее душу; нелегко давалась ей жизнь» (6, 182). Героиня «с детства жаждала деятельности, деятельного добра; нищие, голодные, больные ее занимали, тревожили, мучили; она видела их во сне, расспрашивала об них всех своих знакомых; милостыню она подавала заботливо, с невольною важностью, почти с волнением» (6, 183).

Елена не находит высокого смысла и цели жизненного пути среди привычного ей окружения. В обще-

стве не видно героических личностей. По словам Шубина: «Нет еще у нас никого, нет людей, куда ни посмотри. Все — либо мелюзга, грызуны, гамлетики, самоеды, либо темнота и глушь подземная, либо толкачи, из пустого в порожнее переливатели да палки барабанные!» (6, 278). Вывод художника неутешителен: «Нет, кабы были между ними путные люди, не ушла бы от нас эта девушка, эта чуткая душа, не ускользнула бы, как рыба в воду!» (6, 278).

Скульптор Шубин, называющий себя «мясником», чье дело — «мясо лепить, плечи, руки, ноги» (6, 162), призывающий занять «свое место в пространстве» (6, 165), быть «телом», неслучайно приходит в отчаяние, не сумев вылепить портрет Елены — «не дается, как клад в руки» (6, 164). Эта неудача происходит, очевидно, потому, что главное в облике героини не физическое — тело, а метафизическое — душа. Отсюда и невольная метонимия в словах Шубина, укоряющего себя за «гамлетизм»: «неужели же я все с собой вожусь, когда рядом живет такая душа?» (6, 196). «Откуда же взялась эта душа у Елены? Кто зажег этот огонь?» (6, 164). И впрямь: «Вот опять тебе задача, философ!» (6, 164).

Но одной философией здесь явно не обойтись. К раскрытию тайны не удается приблизиться без искупительной жертвы — самоотречения, в библейской традиции — всесожжения. Ключ к разгадке, несомненно, сокрыт в заглавии романа, формирующем целый комплекс христианских аллюзий. Ассоциативные связи, образуемые сгущением образно-символических элементов, позволяют обратиться к новому истолкованию романа «Накануне», в заглавии которого сконцентрированы тематическое и символическое начала текста. Отгадка, очевидно, кроется в постижении романа в свете христианской веры.

В православном храме имеется место, именуемое канунник или канун,— столик, на котором стоит Распятие и устроена подставка для свечей. Стол этот называют еще и жертвенником, где христиане оставляют свои приношения-пожертвования. Перед Распятием на кануне ставят поминальные свечи по душам усопших, служат панихиды, заупокойные богослужения. Главные герои романа — Елена Стахова и Дмитрий Инсаров — сгорают подобно двум жертвенным свечам на кануне.

Важно отметить, что графическое начертание заглавия в первом издании романа было именно таким: «На кануне». В автографе титульной страницы тургеневской рукописи название романа также написано как существительное канун с предлогом на.

«Наша барышня, как свечка тает» (6, 262),— отзываются о Елене. В символизированном контексте романа это сравнение обретает многозначный смысл. Стихия жертвенного огня, испепеляющего пламени интенсивно нарастает по мере движения сюжета. «Какой-то сухой, горячий дым, казалось, наполнял ей <Елене.— А. Н.-С.> голову» (6, 262). Однажды на фоне разгоравшегося, «заалевшего» неба Шубин заметил «две молодые могучие сосны, стоявшие особняком от молодых деревьев» (6, 194). Метафора, бесспорно, соотносится с образами Елены и Инсарова.

Мирские радости, земные удовольствия улетучиваются, подобно дыму от жертвенника. Даже в самой смелой по тем временам сцене романа герои не столько наслаждаются близостью, сколько словно сжигают себя: у него «вся кровь зажжена», она «вспыхнула вся» (6, 268).

Недаром одно из толкований имени греческого происхождения Елена — факел. К финалу повествования главные герои, образно говоря, превращаются в два сгорающих факела, при беспрестанном духовном горении отмечая физическое угасание друг в друге.

Задолго до трагической развязки в романе начинают звучать похоронные причитания и плачи, как перед кануном в храме: «Мать причитала над ней, как над мертвою <...> “Боже мой, болгар, умирающий... скелет скелетом <...> — и она его жена, она его любит...”» (6, 280).

Любовь героев становится своеобразным жертвоприношением. По мысли Тургенева: «Любовь — великое слово, великое чувство» (6, 166),— является духовно соединяющим началом только тогда, когда это «не любовь-наслаждение», а «любовь-жертва» (6, 167).

Тургеневский взгляд, как и в статье «Гамлет и Дон-Кихот», написанной год спустя после создания романа «Накануне», совпадает с истолкованием сущности любви апостолом Павлом: «Все минется,— сказал апостол,— одна любовь останется» (5, 348).

Этическая проблема любви, счастья и долга поставлена в романе «Накануне» особенно остро. Поначалу главным героям романа представляется, что счастье зависит от них самих, что их жизнь будет безоблачной. Призрак несчастья, тень войны, возможность гибели мелькнули лишь на мгновение, но Елена тут же отогнала грозное предостережение: «— Разве умирать вдвоем тоже не весело? Да нет, зачем умирать? Мы будем жить, мы молоды. <…> Еще много времени впереди» (6, 253). Знаменательны слова Инсарова: «Наше время не нам принадлежит. <…> А всем, кому в нас нужда» (6, 212).

Как и в романе «Дворянское гнездо», Тургенев показывает, что «счастье зависит не от нас, а от Бога» (6, 140). «Хочешь быть счастливым? Выучись сперва страдать» (10, 179),— афористически сформулировал писатель «Житейское правило». «Я искала счастья — и найду, быть может, смерть» (6, 298),— предчувствует Елена после кончины мужа. Человек не властен над вечными универсальными стихиями бытия, природы, любви, жизни и смерти, поэтому, с авторской точки зрения, «поставить себя номером вторым — все назначение нашей жизни» (6, 167).

Это утверждение согласуется с учением Христа о «первых и последних»: «будут последние первыми, и первые последними» (Мф. 19: 30).

В письме от 10 (22) июня 1856 г. к графине Е. Е. Ламберт писатель признавался: «Я не рассчитываю

более на счастье для себя, то есть на счастье в том опять-таки тревожном смысле, в котором оно принимается молодыми сердцами; нечего думать о цветах, когда пора цветения прошла. Дай Бог, чтобы плод по крайней мере был какой-нибудь — а эти напрасные порывания назад могут только помешать его созреванию. Должно учиться у природы ее правильному и спокойному ходу, ее смирению» (5, 415).

Природа, само сложение жизни обучают человека смирению и терпению. На первый план выдвигается мотив жертвенного служения долгу — христианскому, нравственному, патриотическому. Любовь пребывает в одном ряду с такими «соединяющими словами», как «родина, наука, свобода, справедливость» (6, 167).

Так, Елена клятвенно обещает Инсарову: «Мы пойдем вместе, я пойду за тобой… Это мой долг. Я тебя люблю… другого долга я не знаю» (6, 266). Она готова не просто безоглядно следовать за своим избранником, но и отдать себя на служение его делу.

Подобно Елене, безымянная героиня тургеневского стихотворения в прозе «Порог» (1878) также стоит «на кануне», на пороге новой жизни, на грани, отделяющей привычное существование от жертвенного служения и подвига.

По мере развития действия огненная энергия романа «Накануне» все более сгущается, концентрируется. У Инсарова при одной мысли об освобождении Болгарии от турецкого владычества, «при одном упоминовении его родины <…> в глубине глаз зажигался какой-то глухой, неугасимый огонь» (6, 203). Огонь разгорается и внутри: «душа его загорелась» (6, 273),— и снаружи: «гроза росла, слышалось уже веяние близкой, неминуемой войны. Кругом занимался пожар, и никто не мог предвидеть, куда он пойдет, где остановится» (6, 250).

С филигранным мастерством разрабатывает Тургенев поэтику психологических примет и символизированных образов, доводя их до логического завершения и оставляя в то же время некий необъяснимый, иррациональный план. Так, вначале горячо разгоравшееся «пламя», бушующий «пожар» обращаются в «тускло горевшую» свечку, а затем она и вовсе погашена.

Огонь в символико-поэтическом контексте становится одной из опорных точек универсально-философской структуры романа. В конечном итоге это метафора самой жизни, на огненный жертвенник которой возложено человеческое существование. Эта мысль подкрепляется также пейзажными зарисовками — картинами летней природы, в которых доминирует палящее, испепеляющее начало, связующее жизнь и смерть.

По Тургеневу, таинственной силе любви, как таинству жизни и смерти, не может противостоять человек. Он становится жертвой неведомых стихий. Но «сознательно-героические натуры» жертву приносят сознательно.

Для Инсарова родина — святыня: «люблю ли я свою родину? Что же другое можно любить на земле? Что одно неизменно, что выше всех сомнений, чему нельзя не верить после Бога?» (6, 214),— риторически восклицает герой. Он рассказывает Елене о православной Болгарии, оккупированной турками, с глубокой душевной болью: «Я уверен, вы полюбите нас: вы всех притесненных любите. Если бы вы знали, какой наш край благодатный! А между тем его топчут, его терзают <…> — у нас все отняли, все: наши церкви, наши права, наши земли» (6, 212—213). Инсарову мало слов о любви к родине: «Вот когда кто-нибудь из нас умрет за нее, тогда можно будет сказать, что он ее любил» (6, 213). Из дневника Елены мы узнаем о герое, что «он уже был приговорен к смерти, что он едва спасся, что его изранили» (6, 228). Героическая личность Инсарова известна в Болгарии, на родине полагаются на него: «Его уже давно ждали; на него надеялись» (6, 296).

Второй скульптурный портрет Инсарова работы Шубина, где «молодой болгар был представлен бараном, поднявшимся на задние ножки и склоняющим рога для удара» (6, 241),— не только ревнивый шарж. Эту скульптуру в символико-смысловом поле романа можно рассматривать как изображение жертвенного животного — овна в стаде «овец тонкорунных» (6, 241) — или той ритуальной жертвы, о которой говорится в Псалмах: «возложат на олтарь Твой тельцы» (Пс. 50: 21); «за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание» (Пс. 43: 23). Подтверждение — в словах Инсарова: «Как стадо гоняют нас поганые турки, нас режут» (6, 214).

До сих пор в Болгарии сохраняют и продолжают «традицию подчеркнуто уважительного, даже восторженного отношения <…> к роману Тургенева». Вполне объяснима «сердечная приязнь именно к этому произведению великого мастера, хотя бы на одном-единственном основании: “Накануне” — одно из немногих произведений мировой литературы, в котором на передний план выдвинут герой-болгарин, а болгарская тема является главной, книгопорождающей»,— отмечает болгарский исследователь Э. Димитров.

В любви, неотделимой от долга, обнаруживается не только смелость, но и стремительность решительной натуры Елены. Отважная героиня готова следовать за своим избранником и на край света, и на поле битвы.

В свое время нищенка-ворожея, прозревая судьбу, произнесла необычные слова, изумившие Елену: «попался тебе человек хороший, не ветреник, ты уже держись одного; крепче смерти держись. Уж быть, так быть, а не быть, видно, Богу так угодно» (6, 234). Вот она и держится до конца, сознательно восходя на свой жертвенник, на свой канун, на порог, как и духовно близкая ей безымянная героиня стихотворения в прозе «Порог», которое стало перифразой любовного объяснения Елены и Инсарова. Героиня «Порога» также отвечала на все предостережения: «Знаю и это. И все-таки я хочу войти» (10, 148).

В другом своем стихотворении в прозе — «Памяти Ю. П. Вревской»,— по смыслу близком роману «Накануне» и прозаическому стихотворению «Порог», Тургенев пишет: «Жертва принесена... дело сделано» (10, 146).

«С Богом, в дальнюю дорогу» (6, 282),— пробует запеть Шубин при расставании с Еленой и Инсаровым. Символично, что это первый стих «Похоронной песни Иакинфа Маглановича» из «Песен западных славян» Пушкина. Но, замечает всеведущий автор: «Грешно петь там, где лежит покойник» (6, 282),— и эта ремарка предваряет судьбу героев, отъезжающих на войну.

Инсаров умирает по дороге в Болгарию. Со смертью мужа гибнут все надежды Елены на личное счастье, но не умирает любовь-долг: «Я не знаю, что со мною будет, но я и после смерти Д. останусь верна его памяти, делу всей его жизни» (6, 298). Из письма героини родным мы узнаем, что из Италии она сопровождает тело мужа, чтобы похоронить его на родине, которая становится родиной и для самой Елены: «уже мне нет другой родины, кроме родины Д. Там готовится восстание, собираются на войну; я пойду в сестры милосердия; буду ходить за больными, ранеными» (6, 298).

Дальнейшая участь Елены неизвестна. Конкретизация ее судьбы обнаруживается, предположительно, в элегических раздумьях стихотворения в прозе «Памяти Ю. П. Вревской»: «На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращенного в походный военный госпиталь, в разоренной болгарской деревушке — с лишком две недели умирала она от тифа. Она была в беспамятстве — и ни один врач даже не взглянул на нее; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока еще могла держаться на ногах, поочередно поднимались с своих зараженных логовищ, чтобы поднести к ее запекшимся губам несколько капель воды в черепке разбитого горшка» (10, 146). Очевидец вспоминал, что могилу Вревской — сестре Юлии — «копали раненые, за которыми она ухаживала, и они же несли ее гроб, не дали никому». Героическим натурам адресованы строки стихотворения в прозе «Дрозд (II)»: «Они гибнут без ропота; их губят без раскаяния; они себя не жалеют, не жалеют и о них...» (10, 177). «Да и стоит ли горевать и томиться, и думать о самом себе, когда уже кругом, со всех сторон разлиты те холодные волны, которые не сегодня-завтра увлекут меня в безбрежный океан?» (10, 176) — читаем в финале стихотворения «Дрозд (I)».

«У Тургенева метафизическое одиночество человека, его обреченность на мгновенное существование и потом вечное растворение в бездушном ничто не исключает, а только обостряет величие человеческой личности, осознавшей в себе духовную сущность любви и самоотдания»,— отмечалось идеологами советского тургеневедения.

Однако напротив — осознание своей духовной сущности приводит человека не к маниакальному обострению собственного «величия», но к покаянию и смирению в Боге — в преддверии жизни вечной, а не в перспективе «растворения в бездушном ничто»; ведет к ощущению какой-то непостижимой вины: «Но я подумала: за что же я буду наказана? Какой долг я преступила, против чего согрешила я?» (6, 265—266).

Герои «Накануне» признают и вину постижимую: «не грешно ли, не безумно ли мне, мне, бездомному, одинокому, увлекать тебя с собою... И куда же!» (6, 252) — делится своими сомнениями с Еленой Инсаров. Он готов и к возмездию свыше: «Так пусть же Бог накажет меня, <…> если я делаю дурное дело! С нынешнего дня мы соединены навек!» (6, 252). Героиню также не покидает чувство вины: «может быть, я против тебя виновата? Я тебе помешаю, я остановлю тебя...» (6, 266).

Сама Елена предполагает в себе «грешницу»: «Может быть, я большая грешница; может быть, оттого мне грустно, оттого мне нет покоя. Какая-то рука лежит на мне и давит меня» (6, 224). Трагическая сторона духовной жизни героини проявляется и в том, что Елена готова бросить вызов судьбе, дерзает укорять Бога: «самые молитвы не раз мешались с укором» (6, 182).

Как найти выход из подстерегающей человека трагедии? Тургенев стоит на пути к преодолению с христианских позиций трагического ощущения вселенского одиночества, космического пессимизма. Автор романа ведет читателя к христианскому миропониманию.

Ветхая часовенка, где происходит объяснение Елены и Инсарова; образок, который вместе с родительским благословением отец Елены подарил ей, ослушнице, на прощание; навеянные ее сном «высокие белые башни с серебряными главами <…> это Соловецкий монастырь» (6, 295); мечты «жить на всей Божьей воле» (6, 183); Христова милостыня — все эти говорящие детали, мотивы, образы становятся знаками-символами, деликатно вводящими в подтекст повествования христианские душеспасительные идеалы.

Внутренний голос подсказывает Елене: «я мало молюсь; надо молиться...» (6, 224). В этой «жажде и радости молитвы» (6, 290) — как общения души с Богом, творения с Творцом — человек способен обрести «успокоительное сознание прочного убежища, неизменной защиты, бессмертного покровительства» (6, 290).

Но жаркие молитвы рождаются в героине только на краю «бездны», а затем и вовсе замирают: «она опустилась на колени, но молиться не могла. В ее душе не было упреков; она не дерзала вопрошать Бога, зачем не пощадил, не пожалел, не сберег, зачем наказал свыше вины, если и была вина? <...> Елена молиться не могла: она окаменела» (6, 297).

Это окаменение не равнозначно тому душевному состоянию, в котором Господь укорял учеников, неспособных уверовать во всемогущество Христа, не постигающих чудес Божьих: «еще ли не понимаете и не разумеете, еще ли окаменено у вас сердце?» (Мк. 8: 17). «Окамененное нечувствие» — ожесточение или непроницаемость сердца, которое не может уразуметь духовное, святое, не способно полностью положиться на волю Божию, довериться Христу. От такого сердца отдаляется благодать. Окаменевшие сердца неспособ-

ны к истинному покаянию, бесчувственны к Божьей правде, ко всему святому, возвышенному и подлинно героическому, ради чего только и стоит жить, и, если потребуется, пострадать и отдать жизнь свою. Христос учит: «где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6: 21). Сердце Елены отдано патриотическому долгу, самоотверженному служению людям, выступившим за христианскую веру, за освобождение родной земли от поругания иноверцами.

Божью волю героиня приняла со смирением: «Ведь это было небо... а мы люди, бедные, грешные люди...» (6, 291). И как последнее прозрение: «Видно, так следовало; видно, была вина...» (6, 298).

Тургенев в романе «Накануне» размышлял: «Каждый из нас виноват уже тем, что живет, и нет такого великого мыслителя, нет такого благодетеля человечества, который в силу пользы, им приносимой, мог бы надеяться на то, что имеет право жить» (6, 297).

В 50-м — покаянном — Псалме Давида содержится горячая молитва к Богу о прощении грехов, выражены чувства глубоко раскаявшегося человека: «Жертва Богу — дух сокрушен; сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит. <…> благоволиши жертву правды, возношение и всесожигаемая; тогда возложат на олтарь Твой тельцы» (Пс. 50: 19-21). «Приносите жертвы правды и уповайте на Господа» (Пс. 4: 6),— взывает псалмопевец.

Герои романа «Накануне» «вознесли» свои «жертвы правды», сожгли себя на поминальном кануне собственной жизни и смерти, словно предчувствуя «землю обетованную» в Господе. Любить же Бога «всем сердцем» и ближнего, «как самого себя», по слову Христа, «есть больше всех всесожжений и жертв» (Мк. 12: 33).

Так общая религиозно-философская направленность «Накануне», лирико-символические образы и обобщения, христианские аллюзии допускают возможность соединения художественного текста с евангельским контекстом, уводят в безграничные духовно-смысловые глубины.

Сергей ОДИНОКОВ

г. Тула

Окончил с отличием театральные отделения МОУ лицея № 3 г. Тулы и Тульского областного колледжа культуры и искусства; выпускник факультета русской филологии и документоведения Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, кандидат филологических наук. Артист Тульской областной филармонии и актер Нового театра (г. Тула). Публикуется в журналах, коллективных сборниках, альманахах и газетах. Наш постоянный автор.

РЕЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕТСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ДРАМАТУРГИИ Л. Н. ТОЛСТОГО*

В свои драматические произведения Л. Н. Толстой, помимо взрослых персонажей, вводит также и персонажей-детей, что позволяет ему разнообразить сценическое действие, делать его более правдоподобным, реалистичным, а также четче обозначить свою авторскую позицию. Персонажей-детей в пьесах Л. Н. Толстого немного, однако, их наличие играет важную роль: описывая происходящие события через детское восприятие, писатель дает оценку действиям взрослых, позволяет читателю взглянуть на их поступки глазами ребенка, что для Л. Н. Толстого всегда было равнозначно постижению истины (вспомним, как знаменитый совет в Филях из романа-эпопеи «Война и мир» (т. III, ч. III, гл. 4), решивший судьбу Москвы, изображен глазами девочки Малаши, внучки крестьянина Андрея Савостьянова [0, с. 244—247]).

По принадлежности к определенному сословию детские персонажи в пьесах Л. Н. Толстого, как и взрослые, делятся на две группы: дети дворян и крестьянские дети. Характер героев, их переживания, особенности их мышления — все это автор отражает в репликах персонажей. Так, речь крестьянских детей в пьесах Л. Н. Толстого насыщена диалектизмами, разговорной и просторечной лексикой. Например, в речи Анютки, героини драмы «Власть тьмы», встречаются диалектные формы *вотчим, вотче* (вместо *отчим, отче*), слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, выражающие субъективную оценку (*Машутка, матушка, мамушка, дедушка, робеночек*). Индивидуализируя ее речь, автор вводит в реплики героини свойственные только ей неоднократно повторяющиеся выражения:

«Анютка *(вбегает; к Никите шепотом).* Микита, иди скорей, тебя человек один спрашивает, *однова*

---

* Материал впервые опубликован в сборнике Мировая словесность для детей и о детях: материалы XIX Всероссийской научно-методической конференции. — М.: МПГУ, 2014. — С. 52-56. В настоящем издании в статью внесены уточнения и дополнения.

дыхнуть.

Никита. Какой человек?

Анютка. Маринка с чугунки. За углом стоит.

Никита. Врешь.

Анютка. *Однова дыхнуть*» [0, с. 37].

Именно в восприятии Анютки Л. Н. Толстой описывает совершаемое в доме убийство ребенка Акулины — ее старшей сводной сестры, а также падчерицы и любовницы Никиты, главного героя драмы (вариант 12—16 явлений IV-го действия). В диалоге с работником Митричем раскрывается характер девочки, автор стремится передать ее эмоциональное состояние (настороженность, встревоженность, страх) и жестокость совершаемого взрослыми поступка. Сознание ребенка в драме «Власть тьмы» воспроизводится Л. Н. Толстым как нравственное мерило совершающихся событий:

«Анютка. А на дворе-то *гомонили* как. <...> Слышишь, опять в амбар пошли.

Митрич. Тебе-то чего? <...> Ложись да и спи. А я вот заверну свет. *(Завертывает.)*

Анютка. *Дедушка, золотой!* не гаси совсем. Хоть *в мышиный глазок* оставь, а то *жуть*.

Митрич *(смеется)*. Ну, ладно, ладно. <...> Чего жутко-то?

Анютка. Как не жутко, дедушка! Нянька как билась. Об рундук головой билась. *(Шепотом.)* Я ведь знаю... У ней *робеночек* родиться хочет... Родился уж, никак... <...> Разочек крикнул, а теперь не слыхать. <...> я слышала, *однова дыхнуть*, слышала. *Тоооненько* так. <...> Дедушка, а дедушка! Копают! Ей-богу, копают, в погребе копают, слышь! *Однова дыхнуть*, копают!

Митрич. <...> Спи, говорю, а то сейчас свет потушу.

Анютка. *Голубчик, дедушка*, не туши. Не буду. Ей-богу, не буду, *однова дыхнуть*, не буду. *Страшно* мне» [Там же, с. 81—82].

Как отмечалось ранее, в драматургии Л. Н. Толстого жизненная правда в репликах персонажей из социальных низов проявляется в использовании диалектизмов, свойственных речи крестьян 2-й половины XIX в. и продолжающих существовать в современных русских говорах. Данная черта отражена и в речи персонажей-детей. Так, в речи Анютки обнаруживается яркая фонетическая черта говоров северного наречия русского языка — утрата интервокального [j], ассимиляция и стяжение гласных в формах местоимений:

« Анютка. Дедушка! <...> *Кака* же *така* детосека?» [Там же, с. 82].

В репликах Малашки, крестьянской девочки из драмы «И свет во тьме светит», воспроизводится яркая морфологическая особенность южнорусских говоров — смягчение конечного согласного [т] у глаголов в форме 3-го лица:

«Иван. Воды. Испить. <...> Что ты малого все бьешь, что он орет. Вот я матери скажу.

Малашка. Говори матери. С голоду *ореть*. <...> Вон барин *идеть*» [Там же, с. 226].

Яркой стилистической чертой является использование Толстым сугубо лексических (семантических) диалектизмов. Например, в речи той же Малашки встречается диалектизм *голомя* (в значении «1. ‘Давно, давненько’» [0, с. 321]):

«Иван. Ах, хоть бы смерть пришла. Звонили к обеду, что ль?

Малашка. *Голомя́*. Звонили» [0, с. 226].

Использование подобных черт позволяет Л.Н. Толстому подчеркнуть территориальные особенности речи, подмеченные им во время общения с крестьянами родной для него Ясной Поляны Тульской губернии и других областей, где бывал писатель на протяжении своей большой жизни и с представителями которых ему удалось встретиться.

Все вышеперечисленные черты свидетельствуют о народном характере речи крестьянских детей в драматургии Л. Н. Толстого и об особом нравственном начале, заложенном в этой речи.

Среди представителей высшего сословия в драматургии Л. Н. Толстого часто герои, имеющие в характеристике автора указание на то, что они являются сыновьями или дочерями других персонажей, по своему возрасту уже не являются детьми, как, например, герои комедий 20-летняя Бетси и 25-летний Вово Звездинцевы («Плоды просвещения»), 40-летний помещик Семен Иваныч, сын Глафиры Федоровны (см. набросок «Нигилиста») или героини драмы «И свет во тьме светит» 20-летняя Люба Сарынцева и Лизанька Коховцева, девица «постарше ее» [Там же, с. 203]. Однако родители по-прежнему относятся к ним как к детям: проявляют заботу, беспокоятся об их будущем. Например, Иван Михайлович, герой неоконченной комедии «Зараженное семейство», восхищаясь акцизным чиновником А. Д. Венеровским, стремится выдать за него свою дочь Любу, однако в финале комедии, разочаровавшись в нем, забирает Любу с почтовой станции.

Дети дворян обращаются к родителям на Вы (крестьянские дети — на ты), проявляют уважение к старшим. Сюжетный ход, связанный с презрением, непослушанием и неуважением к родителям, используется Толстым в сатирических целях (например, речь гимназиста Петруши, см. ниже). В то же время взрослые дети имеют свою точку зрения, свой взгляд на жизнь и свое отношение к окружающим. Так, сестра Лизы Протасовой и дочь Анны Павловны Саша (драма «Живой труп») в разговоре с матерью не соглашается с тем, что Федя Протасов — ужасный человек, и не разделяет желания матери, чтобы Лиза развелась с ним (действие I, явление 4). Данное поведение подчеркивает самостоятельность героини, наличие собственного мнения.

Речь детей-дворян отличается большей литературностью. Случаи использования слов с пренебрежи-

тельным оттенком в их репликах единичны. Например, в речи Любы (драма «И свет во тьме светит»): «Степа уехал на велосипеде на станцию, <...> *мелкота* в крокет играют...» [Там же, с. 203—204]. Данная реплика отражает шутливое, ироничное отношение старших детей к младшим.

Как и в речи взрослых, в реплихах детей-дворян обнаруживаются иноязычные вкрапления. Например, в речи Степы («И свет во тьме светит»): «Папá? <...> Он теперь под влиянием своей *idée fixe* ничего не видит, кроме того, что ему хочется видеть» [Там же, с. 204]. В указанной драме персонажи-дети также упоминают фамилии композиторов (*Chopin*), названия музыкальных темпов (*andante*), произносят *out* во время игры в лаун-теннис, что является яркой чертой дворянской речи: иноязычные вкрапления подчеркивают статус детей-дворян.

Как отмечалось ранее, грамотность, богатство и усложненность речи не свидетельствуют о положительной оценке героя автором. Чаще — наоборот. Так, например, в неоконченной комедии «Зараженное семейство» Л. Н. Толстой высмеивает увлеченность дворян нигилистическими идеями. 15-летний гимназист Петруша, усвоив новые идеи и почувствовав себя «свободной личностью», разговаривает с родителями в официально-деловом тоне, используя императивы и обороты из речи взрослых. В устах ребенка они звучат неестественно, за счет чего достигается комический эффект, так необходимый в этом жанре:

«Марья Васильевна. Ну, вот и Петенька. Чего хочешь, чаю, кофею?

Петруша. Здравствуй, *мать*. Не хочу. Я уж молоко пил. Мать, *вели дать завтракать.* Здравствуй, *отец*.

Иван Михайлович. Что ты это все ломаешься <...> Поди поцелуй руку у матери.

Петруша. *С какой целью?*

Иван Михайлович *(строго).* Я тебе говорю.

Петруша. *На какой конец?* Разве что-нибудь произойдет от того, что я буду *прикладывать оконечности* моих губ к *внешней части кисти* матери?

Иван Михайлович. Я тебе говорю, целуй руку.

Петруша. *Это противно моим убеждениям*. <...> Да это ничего, *отец*, я ведь от этого *не изменю свой взгляд* на тебя и на *мать*. Буду или не буду я целовать ваши руки, я *буду иметь к вам* обоим на столько-то уважения, на сколько вы его заслуживаете» [0, с. 362—363].

Таким образом, реалистичность речи детских персонажей в драматургии Л. Н. Толстого достигается за счет использования диалектизмов, разговорной и просторечной лексики в репликах детей-крестьян из народных драм, а также иноязычных вкраплений в репликах дворянских детей в драмах и комедийных пьесах. Включение в драматические произведения детских персонажей, по замыслу автора, позволяет читателю взглянуть с иной стороны на действия и поступки взрослых, нравственно оценить их. Все это помогает Л. Н. Толстому ярче и точнее выразить свою авторскую позицию в пьесах разных жанров.

Список литературы:

Толстой, Л. Н. Война и мир (тома 3—4) / Л. Н. Толстой. — М.: Детская лит-ра, 1964. — 712 с.

Толстой, Л. Н. Собрание сочинений в 22 т. / гл. ред. М. Б. Храпченко. — Т. 11. Драматические произведения. 1864—1910 гг. — М.: Худож. лит., 1982. — 503 с.

Словарь русских народных говоров (СРНГ). — Вып. 6. Выросток-Гон. — Л.: Наука, 1970. — 360 с.

Вячеслав АЛТУНИН

г. Тула

Алтунин Вячеслав Васильевич родился в д. Песковатое Белевского р-на Тульской обл. в семье сельских учителей. В Белеве окончил среднюю школу, а затем — историко-филологический факультет Казанского госуниверситета. Работал в районных и областных газетах Тульской обл. почти сорок лет. Стихи пишет и печатается с четырнадцати лет. Автор и соавтор нескольких книг, публикуется во многих литературных альманахах и сборниках, активно участвует в коллективных творческих проектах, проводит авторские творческие встречи в Туле и обл. Выпустил четыре сборника стихов и две повести. Подготовил к печати еще несколько новых книг стихов и прозы, в т.ч. философско-мистический роман «Из глубины» — попытка пророческого обращения к будущим поколениям. В своем творчестве автор, главным образом, размышляет о судьбе России, о душе, о жизни и смерти, об истинных и ложных ценностях, о пути к Богу, к вере, о любви и семье, о предназначении человека на земле. Есть у него и лирические стихи. Лауреат литературной премии СПР «Бежин луг» имени И. С. Тургенева. Дипломант конкурса Центрального федерального округа «Потенциал России», номинант Национальной премии «Поэт года» (2016), лауреат премии «Лучшее перо Тулы» (2020). Член СПР и СЖ России. Постоянный автор нашего альманаха.

ТРИ КАРТЫ
Эссе
К 190-летию Болдинской осени

«Он открыл ей тайну,
за которую всякий из нас дорого бы дал»…
(А. С. Пушкин «Пиковая дама)

Повесть «Пиковая дама» написана Пушкиным в конце второй Болдинской осени, в 1833 году. Без преувеличения, это самое загадочное произведение не только в его творчестве, но и во всей мировой литературе. Банальная картежная история обрела под пером Пушкина глубину и значение символа, стала пророчеством о судьбе не только России, но и всего человечества. Между тем современники и критика встретили повесть холодно, именно как рассказ об амбициях и трагедии одного человека. Да и мы сейчас в недоумении стоим перед загадкой «Пиковой дамы», не постигая ее вполне.

Но прежде чем обратимся непосредственно к повести,— несколько необходимых предварительных замечаний. Почему карты? Ну, это-то как раз ясно: карты, как и водка — один из очень горестных символов России. За карточными столами в одну-две ночи спускались миллионные состояния, ломались судьбы, рушились карьеры.

Пушкин и сам был азартным картежником — это хорошо известно. Правда, в отличие от стихов, в картах ему чаще всего не везло, и он оставил после себя карточных долгов на пятьдесят тысяч рублей. Платить по долгам поэта пришлось самому императору Николаю I. В русском обществе пушкинского времени уже начали происходить те разрушительные, прежде всего духовные, процессы, которые, в конце концов, и приведут Россию к катастрофе: помещики перестали заниматься хозяйством, дворяне — служить, чиновники — профессионально исполнять свои прямые служебные обязанности. Многим, очень многим захотелось испытать судьбу, поймать «миг удачи». Традиционные добродетели — нравственность, честь, совесть, вера и любовь — были отброшены во имя одной цели: быстро и без особых усилий достигнуть богатства, в котором одном и виделось счастье всей жизни. В общем, все как сейчас, в XXI веке. А теперь обратимся к пушкинской повести.

…Раннее утро. За столом сидит компания молодых людей. Одни, те, кто в прошедшую ночь выиграл, с аппетитом едят и пьют, проигравшие же сидят тихо и печально, глядя в свои тарелки. Слышен разговор…

— Ну, что ты сделал, Сурин?

— Проиграл по обыкновению.

Итак, с первых же строк повести звучит тема проигрыша, причем «по обыкновению», то есть проигрыша системного, «хронического». В проигрыше не только какой-то там Сурин, а вся Россия, весь мир. Все — банкроты!

И вот, оказывается: есть некая тайна, узнав которую, можно быстро поправить свои дела. И не только поправить, а сделаться богатым и счастливым! Оказывается, бабушка одного из игроков, некоего Томского, владеет секретом: знает три верных карты, которые могут выиграть три раза сряду! В свое время ей открыл их, снизойдя к ее мольбам и слезам, известный граф Сен-Жермен в Париже. И она смогла не только отыграть крупный проигрыш, но и остаться с прибылью.

Сама же старая графиня не открыла свой секрет никому, кроме некоего Чаплицкого, крупно проигравшегося и бывшего в полном отчаянии. «Сжалившись над ним»,— сказано в повести,— она и открыла ему три верные карты». Возьмем на заметку эту тему жалости, сострадания как условия открытия тайны. «Тайны открываются смиренным и умоляющим»,— пишет апостол.

Но вот именно этих-то качеств и был напрочь лишен военный инженер немец Германн, присутствовавший тут же и слышавший весь разговор о тайне старой графини. Он имел пламенное воображение, но подавлял его внешней сдержанностью, в его груди бушевали огненные страсти, но он обуздывал их. Будучи в душе страстным игроком, Германн никогда не садился играть, боясь потерять необходимое в стремлении получить излишнее. Проще говоря, он хотел обрести все, сразу и наверняка.

Легко себе представить, какая буря чувств и мыслей поднялась в его душе, когда он услышал о секрете графини. Вот она, тайна, дающая возможность сразу и без трудов получить желаемое! Амбициозные планы и мечты обуревали его. Пушкин недаром отмечает его сходство с Наполеоном, особенно в профиль. Как и корсиканец, он имел перед собой цель, достигнуть которой желал во что бы то ни стало, не задумываясь о цене, особенно цене нравственной.

И вот уже от тайны к его душе протянулась духовная нить, и по этой нити пошел «ток высокого напряжения». И дело тут не только в Германне и его амбициях, а в каждом из нас, в человечестве, стремящемся добиться комфортной и обеспеченной жизни также любой ценой. Так и слышатся тут слова Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы: взять их у нее — наша задача».

Взять! То есть отнять силой, в том числе грубой силой с помощью перекрытия и поворота рек, истребления лесов и животных, отравления атмосферы, а также бесцеремонного вторжения в такие области, куда

нам высшими силами вход заказан. Итак, видим, какой огромный обобщающий — пророческий! — смысл несет в себе эта небольшая (всего-то двадцать девять страниц!) пушкинская повесть. Она с большой силой являет нам, к каким трагическим последствиям может привести наша жестокая и безудержная экспансия по отношению к природе, к миру, ближнему и дальнему. Предупреждение Пушкина оказалось пророческим. Мир его не услышал при жизни поэта. Не слышит и сейчас.

Германн был готов на многое, чтобы узнать тайну графини, тайну, которая отныне занимала все его воображение, стала, можно сказать, подлинной идеей-фикс для него. Сначала он хотел войти в доверие к ней, даже сделаться, несмотря на ее старость, ее любовником! Но все это были варианты долгие, требующие немалых усилий. К тому же графиня была стара и могла вот-вот умереть.

И он решил действовать быстро и решительно. Он проникает в комнату старой графини, только что вернувшейся с бала. И вот какой разговор происходит между ними.

— Я знаю, что вы можете угадать три карты сряду…

Германн остановился. Графиня, казалось, поняла, чего от нее требовали.

— Это была шутка,— сказала она, наконец.

— Этим нечего шутить,— возразил сердито Германн,— вспомните Чаплицкого, которому помогли вы отыграться!

Графиня молчала.

— Для кого вам беречь вашу тайну? — продолжал Германн.— Может быть, она сопряжена с ужасным грехом, с пагубою вечного блаженства, с дьявольским договором. Я готов взять ваш грех на свою душу.

Старуха не отвечала ни слова.

Германн встал.

— Старая ведьма! — сказал он, стиснув зубы.— Так я же заставлю тебя говорить!

С этим словом он вынул из кармана пистолет.

— Спрашиваю в последний раз: хотите ли назначить мне ваши три карты?! Да или нет?!

Графиня не отвечала. Германн увидел, что она умерла.

Тайна не терпит грубого нажима, угроз, она умирает от них, но все-таки не открывается, как умерла старая графиня от угроз Германна. И то, что он испытывал, пытаясь овладеть ее тайной, и то, каким образом он пытался это сделать, есть не только его личное, но и общечеловеческое, общецивилизационное действие.

Пушкин заглянул в наше время, в XXI век, и увидел все до дна. И показал нам, к каким страшным последствиям может привести (и действительно уже приводит) наша жестокая экспансия по отношению к природе и ее тайнам. Мы ведь тоже хотим, как и Германн, вырвать у нее тайны силой. И наши ракеты, лазеры, атомные станции, сверхмощные буровые установки, вгрызающиеся в толщу Земли, суть не что иное, как тот же пистолет Германна, направленный на старую графиню, не желавшую открыть ему свою тайну трех карт. «Старая ведьма! Так я же заставлю тебя говорить!»

«Заставлю!» Он пытался заставить, и мы, нынешние, пытаемся силой вырвать у природы ее тайны, не понимая и не признавая, что она — живое, мыслящее существо, с которым надо договариваться, устанавливать духовный контакт, сотрудничать, а не воевать. Хотя бы потому, что исход этой войны предопределен: мы, человечество, обречены на поражение. Природа, как и старая графиня, молчит и …умирает.

…После смерти старая графиня является Германну и открывает ему тайну трех верных карт.

— Я пришла к тебе против своей воли,— говорит ему она. Но мне велено исполнить твою просьбу. Тройка семерка и туз выиграют тебе сряду…

Почему высшие силы все же повелели графине открыть Германну свою тайну? Потому что не будь этого, мы бы вслед за ним так и думали, что история о трех картах не более чем анекдот, легенда и что тайны никакой на самом деле нет. Но своим явлением и открытием секрета графиня показала: тайна есть! Две карты-то выиграли и выиграли крупные суммы. Но третья, то есть туз… Третья проиграла. Вместо туза оказалась …пиковая дама. Германн, говоря языком картежников, «обдернулся», то есть ошибся, одну карту приняв за другую.

Надо сказать о том тайном смысле и значении, которые имеют тройка, семерка и туз в кабалистике — тайном учении иудеев, в которое Пушкин был посвящен. Ведь не случайно же, а с глубоким эзотерическим смыслом названы именно эти карты, а не другие. Оставляя за скобками сложные мистические экстраполяции, непонятные современному человеку, скажем упрощенно, но без искажения смысла: «тройка» в кабалистике иудеев означает триединую основу мира и человека (материя, душа, дух), «семерка» — семь составляющих человека и мироздания (семь небес) и, наконец, Туз — не кто иной, как сам иудейский Бог, Яхве, Иегова, Творец всего сущего.

Таким образом, смысл трех карт таков: достичь верного выигрыша, обрести природу и Вселенную человек может, только приобщившись к первоосновам мира и мироздания, а через это и к самому Творцу! Но для этого необходима высочайшая степень духовности, необходима вера, которой не было у Германна, на что прямо указывает Пушкин («он имел мало веры и много предрассудков»). Нет ее и у нас, стремящихся кавалерийским наскоком или танковой атакой взять у природы ее милости и тайны.

И что в итоге? Жалкий итог! Две карты выиграли, показав, что тайна-то есть, она «работает», а вот третья…

— Туз выиграл! — воскликнул Германн.

— Ваша дама убита!

Все, выигранное ранее, проиграно. Тайна блеснула, показалась на несколько мгновений и исчезла, словно сказочная Жар-птица. Поди-ка, поймай ее!

Дальше — для Германна безумие и мрак. А для нашего мира — безумие, мрак и гибель. Горит наш мир, горит и на Востоке, и на Западе. И сошедшие с ума народы мятутся, бьют друг друга и не могут найти дороги, потому что не знают Бога истинного. Пушкин в своей пророческой повести предупредил нас об опасности такого пути и о страшном исходе, к которому он может привести. Мы его не услышали. Тем хуже для нас…

xxx

На душу поэта с особой мощью воздействуют главные мировые силы. В этом — источник его прозрений и в этом же его трагедия. Что это за силы? Светлые, идущие от Бога, и темные — от сатаны. В конце своей последней Болдинской осени, в ноябре 1833-го, Пушкин испытывал чувство большого духовного подъема и одновременно огромной усталости. И было отчего! Создано свыше пятидесяти художественных произведений в стихах, прозе и драматургии. И каждое — шедевр. Все это менее чем за полгода. Его художественные образы, целые сцены являлись ему в виде ярких видений, и надо было только успеть записать их. Он слышал живые голоса своих героев, он чувствовал их души и страсти. И они переливались в его душу, а оттуда — на листы бумаги. Бумага рвалась, перья не выдерживали и ломались через каждые три-четыре страницы. Но он — сделал. Сотворил! И это — уникальный, единственный случай в мировой литературе.

«За всяким богоугодным деянием следует или ему предшествует искушение»,— учат святые отцы. Так было и у Пушкина. Уже первой Болдинской осени 1830 года предшествовали искушения в виде крайне расстроенных денежных дел, ссоры с семейством Гончаровых и неопределенность будущей женитьбы, надзор полиции.

А за гениальным взлетом осени 1833 года последовал творческий кризис, новые долги, травля в журналах, измена лучших друзей, холодность двора и светские сплетни, и многое, многое другое. Пушкин предчувствовал это, когда ехал по тряским дорогам из Болдина в Москву. Он, предвидевший будущность России и многих народов, не мог разобраться в собственном будущем и настоящем. Ясно было только одно: ничего хорошего его не ожидает.

Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море…

После второй Болдинской осени ему оставалось жить чуть более трех лет. Последний свой земной год — 1836-й — он проведет в каком-то духовном оцепенении, окруженный непониманием даже самых близких людей, в плену житейских страстей и проблем. И вот — мерзкий пасквиль: диплом «магистра ордена рогоносцев», приведший к смертельной дуэли. Наконец, дуэль, смерть и погребение в неизвестной до сих пор могиле…

Он ехал из Болдина по полям, по дорогам, уже схваченным первым морозом, с колеями, блестевшими стальным блеском. Небо было каким-то странным: темно-лиловым, почти черным, а на нем горели алые, палевые, изумрудные, фиолетовые и синие полосы студеного осеннего заката. Коляска ехала прямо на закат и, казалось, вот-вот въедет в него и растворится в нем, в его огне. Но он быстро угасал, и на поминутно темнеющем небе все ярче цвели острые, крупные и холодные звезды…

Дьявол, сидевший на арзамасской каланче и красными глазами глядевший во мрак, прекрасно видел и коляску, и едущего в ней. Он взмахнул громадными черными крыльями и понесся туда. Но ангел светлым видением тихо и невесомо опустился на правое плечо поэта, и дьявол, сверкнув огненным взором, круто накренился на крыло, резко развернулся и исчез до времени в бесконечных черных просторах…

Май 2020 года.

Евгений АСТАШКИН

г. Омск

Писатель, журналист. Публиковался в еженедельнике «Литературная Россия», в журналах и альманахах «Истоки», «Муза», «Невский альманах», «День и ночь», «Приокские зори», «Нива», «Крылья», «Северо-Муйские огни», «Голоса Сибири», «Складчина», «Литературный Омск». Автор восемнадцати художественных книг. Дипломант областного конкурса «Лучший рассказ XXI века», лонг-лист международного литературного конкурса «Чистая книга» им. Федора Абрамова (2019), лауреат международного конкурса «Они сражались за Родину» (2020).

ОТПРАВНАЯ ТОЧКА К ВОСХОЖДЕНИЮ
(Эмоционально о творческом призвании)

Новый роман тульского писателя Якова Шафрана «Восхождение»* ненавязчиво подтолкнул меня к мысленному построению литературной ретроспективы своей тематикой, заключающей в себе некую сакральность и, если угодно, краеугольность, которая не сразу заявляет о себе, до поры пребывая втуне. Однако обойти ее в нашем разборе вряд ли получится, да и не целесообразно, поэтому начать придется издалека.

Путь самореализации творческой личности — очень болезненная тема по многим причинам. Сразу оговорюсь: я не углядываю вторичности в последовательной повторяемости одних и тех же коллизий разными авторами, потому что на поверку это оказывается не одним и тем же, и совершенно нет причины пенять творцу, мол, дважды не войти в ту же самую реку. Даже если целый ряд авторов намеренно через полувековые промежутки начнет выдавать романы на обозначенную тему, получатся совершенно разные книги. Эпохи меняются порой до неузнаваемости, посему, казалось бы, любые приевшиеся перипетии либо отходят в небытие, либо будут сильно отличаться друг от друга.

Параллели будем проводить, используя только отечественные произведения. Первым в нашей изящной словесности дал подробную картину попыток самовыражения личности с помощью чернил и гусиного пера И. А. Гончаров, следом спустя незначительное время А. Ф. Писемский. В обоих случаях их персонажи не смогли себя творчески реализовать, переориентировавшись под гнетом обстоятельств и давления окружающих на более прозаическое: делание карьеры и достижение финансового благополучия.

В «Обыкновенной истории» милый во всех отношениях провинциал из небогатой семьи Александр Адуев, полный радужных надежд, отправляется штурмовать Петербург. Там у него есть зацепка — многоопытный и рассудительный дядюшка Петр Иваныч. Племянник с неукрощенной восторженностью делится с ним своими литературными планами, показывает первые стихотворные опусы, однако практичный родич тут же охлаждает его пыл, советуя выбросить все это пустое дело из головы и всерьез заняться карьерой. Первая вылазка в столицу оказалась для молодого человека неудачной, и крайне разочарованный Александр после досадных провалов на канцелярской службе, к чему совершенно не лежала душа, возвращается домой. Позже он, пересмотрев свои взгляды, уже более зрелым вновь прибывает в столицу — и все-таки выбивается в люди. Однако это дается ему с большими духовными потерями, так как ему пришлось «наступить на горло собственной песне».

В романе А. Ф. Писемского «Тысяча душ» главный герой Калинович, тоже из захудалой провинции, мчится в достославный Петербург, окрыленный тем, что в столичном журнале напечатали его первую повесть. Но там ему никто особо не рад, а его давний знакомый, занимающийся редактированием, находясь на смертном одре, без всяких околичностей разбивает в пух и прах надежды начинающего литератора, заявляя, что его творчество слишком рассудочно и вряд ли он когда-либо создаст настоящие шедевры. В конце концов, Калинович, зализав раны, тоже добивается значительных успехов, но совершенно на другом поприще — он удачно женился, проник в бомонд и разбогател. Сначала Писемский намеревался весь роман посвятить творческим исканиям главного героя, но в последующем кардинально его перестроил и литературная тема не осталась довлеющей.

Кстати, по этим произведениям на основе спектакля были сняты прекрасные телефильмы, в которых задействована целая плеяда ведущих актеров: Василий Лановой, Олег Табаков, Михаил Козаков, Валентина Малявина, Анастасия Вертинская, Гриценко-старший. Планка предельно высока, не в пример ряду скандальных перестроечных режиссеров, обнаживших свои малосимпатичные фобии под видом новаторства. Они, наверно, и не сознавали, сколь разрушительную работу вели на своих театральных площадках, пользуясь щедрыми финансовыми вливаниями влиятельных покровителей.

---

* С романом Якова Шафрана «Восхождение» можно познакомиться на сайте «Приокских зорь», перейдя по ссылке http://www.pz.tula.ru/b2020/b2020pub1.pdf и на сайте Проза.ру — https://proza.ru/avtor/byans0&book=4#4

В двадцатые годы теперь уже прошлого столетия Леонид Леонов вдохновился на невиданный эксперимент — роман «Вор» стоит особняком не только во всем его творчестве, но и во всей нашей словесности. Его своеобразность заключается в том, что повествование ведется от имени некоего автора, который ежедневно фиксирует характерные наблюдаемые сцены, тут же что-то редактируя по ходу действа и словно советуясь с будущим читателем. Это, пожалуй, самое сильное произведение Леонова, настоящий шедевр, хотя впоследствии из-под его пера вышло еще немало крупных вещей, в том числе эпопея «Пирамида».

В этом же ряду стоит знаковый для поколений, выросших в СССР, роман Н. Островского о Павке Корчагине, но это особая тема.

В знаменитой фантасмагории Михаила Булгакова тоже действует литератор — Мастер, написавший повествование о Понтии Пилате. Неизвестного автора нигде не печатают, подвергают изощренной травле и даже помещают в психушку. Роман остался незавершенным, оборвавшись на полуслове, и трудно со всей определенностью сказать, что же намеревался высказать автор. Что «рукописи не горят»? Но эта утешительная формула столетие назад не помешала Гоголю сжечь второй том «Мертвых душ». Что «ничего не надо просить — сами все дадут?» Пожалуй, тоже слишком красиво, чтобы стать бесспорной истиной.

Изобретательно прикоснулся к теме писательства Владимир Набоков. Его «Дар» — это роман в романе. Он взял и полностью включил в повествование рукопись главного героя. Помню, как меня царапнуло выражение из предисловия к четырехтомнику Набокова, в который попали его произведения на русском языке. Относительно главного персонажа «Дара» сказано, что это «движение в сторону положительного героя». На носу была уже перестройка, а тут такая заплесневелая терминология. У Набокова практически все герои с ущербинкой, только такое его интересовало. Им, населяющим его книги, вряд ли снискать читательского сочувствия, лишь вызовут любопытство. А самое сильное в его творчестве — сам стиль, до сих пор непревзойденный. Подробный и лишенный вульгарной литературоведческой терминологии анализ крайне сложных со сплошными аллюзиями текстов Набокова как русского, так и английского периода, дал известный исследователь его творчества Брайан Бойд, двухтомник которого еще недавно можно было встретить на магазинных книжных полках. Поэтому не будем сильно углубляться.

Ближе к нашему времени за обозначенную тему творческого горения взялся Константин Воробьев, который раньше в основном погружался в военные коллизии. В своей повести «Вот пришел великан», написанной от первого лица, он вывел неприкаянного героя, мучающегося от неустроенности и непонимания окружающих. В одночасье совершенно случайно, помощью новой знакомой он попал в коллектив республиканского издательства. Он сам давно пописывал, и это оказалось для него как нельзя кстати. Не успев как следует закрепиться на новом месте, новоиспеченный редактор стал ухаживать за своей благодетельницей и со всем максимализмом вечно молодой души начал требовать от нее, чтобы она ушла от немолодого и нелюбимого мужа, который, однако, был очень обеспеченным. Дело дошло до рукоприкладства в отношении законного супруга, после чего непризнанному гению пришлось срочно покидать издательство «по собственному желанию», иначе все могло обернуться гораздо хуже. А рассудительная коллега предпочла отнюдь «не рай в шалаше». Такие вот перипетии с прибалтийским колоритом.

Можно было бы продолжить список книг на тему литературных исканий, но, пожалуй, пора на этом остановиться.

Как видим, во все времена очень непросто было утвердиться творческой личности в этом изменчивом мире, чтобы иметь возможность самореализоваться. Обязательно встанет во весь рост вопрос: а на что существовать? А содержать семью? Герои Гончарова и Писемского не имели серьезных средств, чтобы полностью отдаться творчеству. Михаил Булгаков походя решил эту проблему для своего Мастера. Тот бросил свою копеечную должность музейного смотрителя и засел за роман на библейскую тему. Потому что автор позволил ему вдруг выиграть в лотерею целый куш — сто тысяч. Особенно «впечатляюще» это выглядит на экране, когда Мастер вполне буднично без мимики объясняет Маргарите про свое лотерейное везение, как будто это рядовое дело. Ну конечно, в сказке все делается очень быстро: люди получают невесть откуда свалившиеся наряды, в мгновение ока перелетают из столицы на юга.

На моей памяти весь этот ажиотаж, когда знакомые пачками покупали с очередной зарплаты лотерейки, благо это стоило всего тридцатку, а выигрывали в лучшем случае троячок, если из ста лоскутков на одном сошлась серия. Главным выигрышем была вожделенная «Волга» — одна на всю страну. На нее годами стояли в профсоюзной очереди. Рассчитывать, что выигрыш достанется именно начинающему автору и он продаст лотерейку вдвое дороже, чтобы засесть за свои нетленки, было бы верхом наивности. Ага, дали бы тебе полную свободу от всех обязательств, когда в Уголовном кодексе имелась статья о тунеядстве. Недаром же сложилось в ту пору такое понятие, как «поколение дворников и сторожей». Только в таком статусе могли пребывать непризнанные гении, чтобы иметь излишки свободного времени.

Сейчас буквально на наших глазах коллизии разительно изменились. Даже выигрыш легковушки в лотерею не даст особо обогатиться. С накруткой уже не продать лотерейный билет, а саму машину уже на следующий день после получения даже не продать по своей цене. Придется делать скидку. И на эти деньги долго не продержишься, особенно если снимать жилье в столице. Максимум хватит на несколько месяцев. А легковушек теперь развелось столько, что порой жильцам трудно пройти к своим подъездам.

Вот поэтому меня всегда при виде очередного романа о судьбе творца разбирает жуткое любопытство:

а как автор на этот раз решит для своего героя проблему добывания средств? Чтобы при этом было нетривиально и правдоподобно.

Приступая к ознакомлению с романом Якова Шафрана, изданном под эгидой журнала «Приокские зори», я на первых же страницах понял, что он не об альпинистах, хотя на обложке соответствующий рисунок. Он о восхождении к высотам мастерства творческой личности. И не только центрального персонажа — москвича Ивана Бескрайнова. В первую очередь в голове естественно заиграло: а на что же он вознамерился существовать уже в нынешнее время после миллениума? Оказалось, Иван сдает сразу две квартиры, доставшиеся ему по наследству от родственников.

На первый взгляд, в этом нет ничего зазорного. У многих за годы безвременья в одночасье обнулялись накопления — от гиперинфляции, при деноминации и обмене купюр. Аналитики, подкованные в экономике (а нашу трудно назвать таковой на полном серьезе) даже дают советы, как сохранить свою наличность, добытую с неимоверным трудом и отложенную на черный день: вложиться в облигации с совокупной доходностью либо купить еще одну квартиру с целью сдачи ее в наем.

Так наш герой и сделал. Но даже люди из ближайшего окружения Ивана не совсем одобряют такое. Вот, например, приятель Светлогонов, гораздо старше по возрасту, постоянно вступает с Иваном в спор по его позиции добывания средств. Советует одуматься, найти что-то более подобающее и перспективное.

«И это он мне, художественной натуре, во всем ищущему вдохновения, музы, импульса жизни говорит?!» — думал он. С другой стороны, Иван в глубине души понимал, что Светогонов все же в чем-то был прав. Ведь ничего он так и не создал к своим годам.

— Стань человеком!»

Действительно, это как-то не по-нашему — превратиться в этакого рантье. А как же тогда с будущим пенсионным обеспечением?

Вторит Светлогонову бабушка Ивана по линии матери Раиса Никифоровна из райцентра Зареченска, к которой он нагрянул в гости, когда приелось лезущее в душу столичное окружение. Она не преминула придирчиво спросить, чем он конкретно занимается в Москве, кроме сдачи квартир.

«— В Москве? — немного смутился Иван.— Да вот этим и занимаюсь…

— Только этим?! Ну, не дело это… Что и работы никакой серьезной нет у тебя?

— А это что, не серьезно?!

— Ты что, и вправду нигде не работаешь?

— Нет. По-прежнему сдаю квартиры, и на это живу. Хочу писать, сочинять, стать фотохудожником!

— А сколько тебе лет, Иван? — и, не дождавшись ответа, спросила: — Что ты уже написал, сочинил, что сделал конкретного?

— Пока еще ничего серьезного, но вот скоро…»

Занятия творчеством заключались для Ивана в том, что он мимоходом фиксировал чьи-то рассказы о былом, делал вылазки на природу, занося в блокнотик какие-то мелкие детали, которые в будущем могут пригодиться. Но этого было явно недостаточно. Иван обитал не на Луне и не мог не знать, что сама профессия писателя сильно измельчала из-за массовости. Если подсчитать тех, кто выставляет свое творчество в интернете, издает на свои кровные самопальные сборнички, чтобы просто раздаривать их знакомым, получится «тьмы и тьмы и тьмы». Кто-то даже подсчитал: в наше время позиционирует себя писателями примерно около семисот тысяч человек.

Приговор Раисы Никифоровны был суров:

«— Блажь все это! — решительно сказала бабушка и поднялась.— Если ты за двенадцать, пятнадцать лет ничего не сочинил, то все это — блажь и прикрытие для безделья!»

Мало того, новый знакомый из этой же зареченской глубинки Степан Алексеевич Бобров, успешно подвизавшийся в строительном бизнесе, которым он занимается не только ради денег, тоже вторит в унисон, что Иван находится на неверном пути и ему надо многое менять самым коренным образом.

Давно прошли те времена, когда цезари приближали к себе знаменитых стихотворцев, а императоры и короли давали им почетные должности при дворе, щедро вознаграждая за огромный дар и достижения. Если бы теперешним начинающим вовремя попадалась на глаза книга Алексея Яшина «Житие наше оцифрованное», где взяты на вооружение сатирические язвительного приемы Салтыкова-Щедрина, их радужные надежды зарабатывать с помощью букв родного алфавита изрядно потускнели бы. Не зря же в книге фигурирует отрезвляющая хлесткая фигура речи, вынесенная в заголовок начальной главы и недвусмысленно утверждающая, что нынешний кастальский ключ вдохновения переместился в водопроводную трубу. Все вполне логично, как бы обидно это ни звучало. Если во времена Пушкина и Лермонтова процент владеющих грамотностью в стране составлял незначительную цифру, то сейчас целые массы, едва покинув школу, а то и раньше, обуреваемы болезненным желанием увековечить свое имя в истории с помощью печатного и интернетного слова. На электронных ресурсах скопились километражи самопально зарифмованных строк, которыми можно опутать земной шарик вдоль и поперек. В такой плотной толпе пробиться к Олимпу не хватит никаких титанических локтевых усилий. «Оставь надежду всяк сюда входящий»…

Выдать что-то действительно достойное и конкурентоспособное способны только незаурядные личности. У которых интересный и поучительный жизненный опыт, которые способны генерировать новые

идеи, а не перепевать захватанное. Как видим, с этим у Ивана Бескрайнова оказалось туговато. Его положение усугубилось тем, что редкая по своим душевным качествам девушка Настя, которую он разглядел в зареченской глубинке и с которой он не прочь был создать крепкий союз, тоже не восприняла его всерьез. К тому же она посчитала, что два пишущих в семье — это уже перебор. Она предпочла бы опереться на надежное плечо Степана Алексеевича, несмотря на то, что он был вдвое старше.

Безвыходную, казалось бы, ситуацию разрешило чрезвычайное происшествие. Как говорят в народе, не было бы счастья, да несчастье помогло. Циничный проходимец (даже слабо сказано) Виктор Анатольевич Быстров, возглавлявший почетное место руководителя местного литобъединения, решился на величайшую низость в отношении неприступной Анастасии. Он давно уже превратил рабочее место в настоящий вертеп при всей видимости весьма уважаемого человека, от которого зависело вступление в заветный писательский Союз. Опоив Настю на вечеринке вином со снотворным, он поглумился над доверчивой и непорочной девушкой прямо в своем кабинете. Додумался даже все действо заснять на видеокамеру. Трудно предположить, на что он надеялся. Шантажом заставить девушку выйти за него замуж?..

В такой поистине патовой ситуации начал предпринимать конкретные действия лишь Иван Бескрайнов, а все остальные решили благонамеренно перемолчать, опасаясь всяких пересудов. Но преступление было налицо, и Бескрайнов начал копать, как прирожденный сыщик, чтобы вывести на чистую воду этого гнуса, который как ни в чем ни бывало продолжал носить свой порфироносный ореол. У Ивана нашлись помощники, которым тоже претило, что в местном пантеоне муз творится такое непотребство.

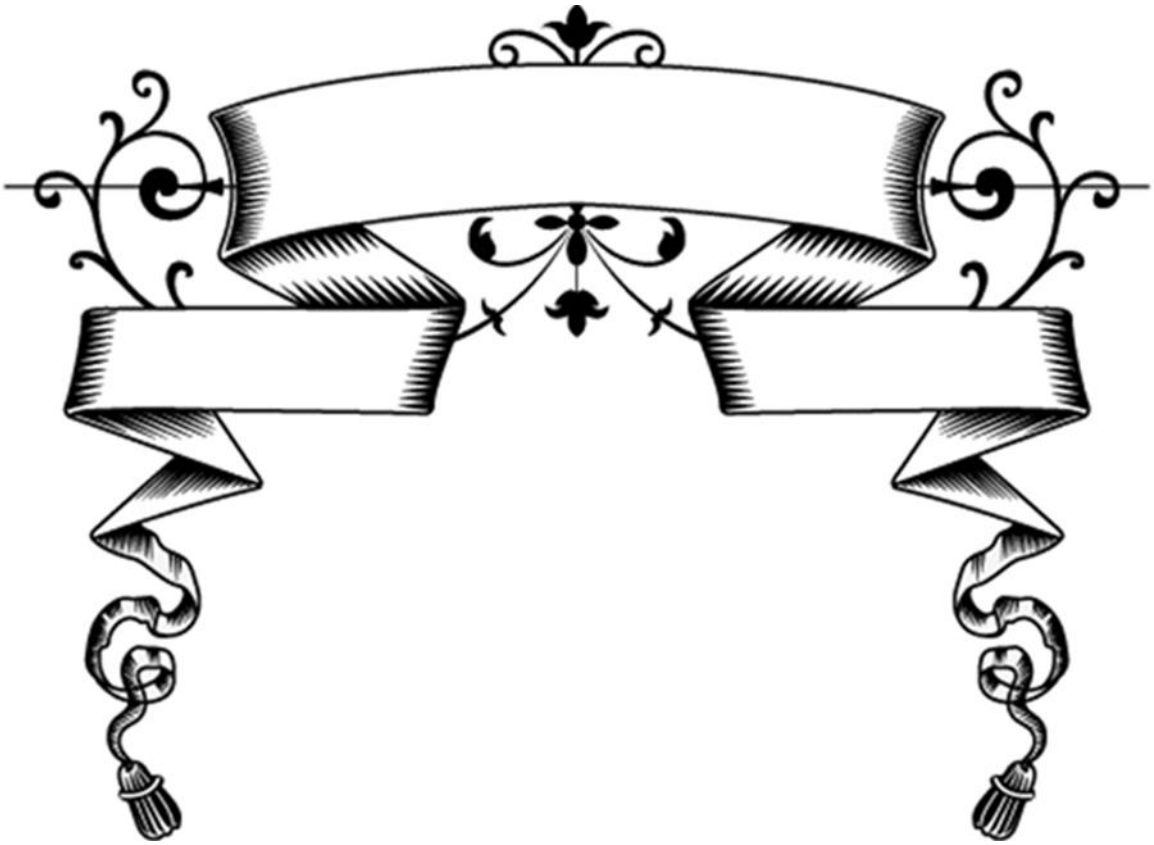
Ивану Бескрайнову удалось переломить ситуацию и взять за горло негодяя, который поспешил ретироваться подальше. Настя сразу другими глазами стала смотреть на своего обожателя. В довершение всего Степан Алексеевич предложил ему немаленькую должность в своей строительной фирме. Техническое образование Ивана пришлось как нельзя кстати. Он продал обе московские квартиры, чтобы переселиться в Зареченск. Что ни говори, это уже поступок (даже несколько) «не мальчика, но мужа». Именно это можно считать отправной точкой к лелеемому Восхождению нашего Бескрайнова. Он своими руками будет созидать, у него появятся новые впечатления, что пригодится в творчестве. Теперь можно не сомневаться, что его повести и романы не будут надуманы, что называется, высосаны из пальца. Как говорят в таких случаях в среде тинейджеров: респект и уважуха! Хоть и пеняют нынешней молодежи по поводу искажения русского языка, но они порой находят такие весомые словечки, изменив буквально пару букв на свой лад.

Яков Шафран пишет вдумчиво, изящно, ему не изменяет тонкий вкус даже при описании довольно скользких тем. Он библейски гуманен ко всем людям, это просто ощущается на подсознании. Правда, я немножко подосадовал, что злодей из литобъединения отделался лишь легким испугом, хотя заслуживал конкретной кары. Вряд ли такие перевоспитуемы. Слишком глубоко в них сидит неприглядное, в данном случае фрейдистски тяготеющее над ним, Быстровым, еще с детских лет, а позже в студенчестве, как видим из романа, и лучше находиться от таких типов подальше.

Следует также отметить, что роман написан в православных традициях. Не случайно мятущийся Иван Бескрайнов, поначалу блуждавший в потемках, обратился за советом к зареченскому батюшке. Многие главки романа «Восхождение» предваряют вставки, в которых действуют ангелы. Они ведут постоянную богословскую полемику, сожалея, что человек в последние годы заметно отошел от христианских заповедей и напоминает заблудшего агнца. С этим небожители мириться не хотят.

Я. Шафран вложил в уста Ангела свое кредо: «Что касается писательства, то писать о людях нужно так, чтобы и через сто лет не забыли писателя, хоть он и одну вещь создал, а не ради угождения кому-то и неких благ. Особенно важно, чтобы писатель в себе и в других осознал Вечное, стремился видеть, как грех против него ведет к страданию и как слияние с ним и улучшение жизни окружающим дают счастье. И чтобы писатель старался так переживать участь людей, будто сам существует в их обстоятельствах, и находить оправдание человеку. Радость для творца, когда он начинает понимать, что часто не признаваемый труд его имеет иное, вечное, неземное значение, которое не могут ни умалить, ни возвысить земные признания».

Поистине эти строки силой воздействия на читателя напоминают лучшие страницы в книгах наших хрестоматийных классиков.



ПУБЛИЦИСТИКА

ВАЛЕРИЙ МАСЛОВ
ЯКОВ ШАФРАН
АЛЕКСАНДР ПЕТРЕНКО
ИРИНА ШУЛУПОВА
СЕРГЕЙ ОВЧИННИКОВ
ЛЮБОВЬ БОНДАРЕНКО
НИКОЛАЙ ТИМОХИН
ТАТЬЯНА РОГОЖИНА

Валерий МАСЛОВ

г. Тула

Валерий Яковлевич Маслов имеет три высших образования. Работал в Тульской обл. Создатель и бессменный руководитель Дома творчества и Фонда поддержки творческой интеллигенции. Член СП СССР с мая 1991 г. Член СЖ СССР с 1976 г. Заместитель председателя Правления Тульского РО СПР. Председатель Межрегионального союза писателей, член Международного литфонда. Заслуженный работник культуры РФ, награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» и многими государственными медалями. Дважды лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого. Отмечен многими литературными премиями и медалями. Имя В. Маслова занесено в Тульский биографический словарь. Является автором более тридцати книг, которые вышли тиражом свыше миллиона экземпляров в России и за рубежом, переведены на иностранные языки. Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ТУЛА

Гения мировой литературы, родившегося в Ясной Поляне близ Тулы, Льва Николаевича Толстого с нашим городом связывают сотни незримых и вполне осязаемых нитей.

Льва Николаевича Тула к себе всегда манила. В его дневниках имеется великое множество упоминаний о поездках в наш город. Да что там поездки! Это сейчас, современному туляку, кажется невероятно трудным пешком одолеть десять километров, отделяющих легендарную усадьбу от промышленного центра. Мы будем долго ждать переполненный автобус, чтобы проехать в нем одну — две короткие остановки.

Но Лев Николаевич, хоть и был графом, барином, имел в своем распоряжении конюшню с кучером и прислугой, не гнушался пешком пройтись в Тулу.

«Погода чудная,— записал он в своем дневнике 20 марта 1865 года.— Здоров. Ездил в Тулу верхом. Крупные мысли!»

Вот как полезно далеко ездить верхом на лошади: очень хорошо развивает мыслительный процесс. К тому же полезно для здоровья.

1 июня 1864 года: «Косить не нужно было, и потому пошел в Тулу за товаром… В Туле закупил товар и вернулся домой бодро…» Вот так: пешком не только в город, но и назад. Значит,— двадцать километров. Причем, еще и с закупленным товаром.

Гений Толстого проявлялся во всем, и в здоровье тоже. Ходил пешком наш великий земляк и в град престольный — Москву. И уже тогда, при жизни, его знала вся Россия, да и мир тоже. Неслучайно в письме литературному критику А. В. Дружинину он так называет свой адрес в Ясной поляне: «Адрес мой — в Тулу просто». Другому своему корреспонденту Толстой тоже сообщает: «Мой адрес всегда — Тула».

Уже одним этим литературный гений прославил наш город. Тула теперь навечно срослась с Ясной Поляной. Почти как у Маяковского: говорим Тула, подразумеваем — Ясная, говорим Ясная, подразумеваем — Тула.

Да и поработать служащим писатель в Туле успел. В качестве канцелярского служителя Тульского губернского правления двадцатилетний Лев Толстой работал в здании, которое и поныне прекрасно сохранилось на проспекте Ленина, 36. В доме номер 45, что напротив, где размещался Тульский окружной суд, Л. Н. Толстой тоже бывал неоднократно, собирая материал для создания своих произведений. Об этом сообщают мемориальные доски, которые висят на обоих зданиях.

Кстати сказать, на улице Гоголевской, в доме номер 47, где проживал окружной прокурор Н. В. Давыдов, к которому писатель неоднократно захаживал в гости, в настоящее время имеются еще две мемориальные доски. Одна из них сообщает, что «В 70-е — 90-е годы XIX века в этом доме, у своего знакомого, тульского судебного деятеля Н. В. Давыдова бывал великий русский писатель Лев Николаевич Толстой». Другая, попроще, исполненная на черном, с плохо читаемым текстом, фоне, рассказывает о знакомстве в ноябре 1893 года «деятелей русской и мировой культуры — гения литературы Л. Н. Толстого и великого реформатора театра К. С. Станиславского».

Вместо нее раньше находилась большая, прекрасно художественно оформленная мемориальная доска с барельефом, изображающим обоих участников встречи, на открытии которой мне посчастливилось присутствовать. К сожалению, в 2014 году она упала со стены здания из-за разрушенного крепежа и не была восстановлена.

Очень важна мемориальная доска на Московском вокзале, которая говорит, что здесь многократно бывал Л. Н. Толстой, а в 1879 году он встречал здесь писателя И. С. Тургенева.

Впрочем, вчерашнего студента Казанского университета служба не очень прельщала. Сохранились воспоминания, согласно которым он «ни одного дня целиком не просидел в канцелярии» (Н. Н. Гусев, впоследствии секретарь Толстого).

А вот общественная деятельность была писателю очень интересна. Он принимал активное участие в

работе Тульского губернского собрания. Служил мировым посредником, участвовал в кружке педагогов, избирался почетным попечителем Тульского реального училища.

И, несмотря на высокое положение в обществе, на графское звание и богатство, был открыт и доступен простому народу, с жадным вниманием относился к людям из самых разных сословий, старался не выделяться одеждой и манерами.

В этом смысле примечателен случай, описанный другом Толстого, тульским судебным деятелем Н. В. Давыдовым.

В зале тульского Дворянского собрания проходили репетиции пьесы Толстого «Плоды просвещения». Во время одной из них сторож доложил Давыдову, что «какой-то мужик, по-видимому, трезвый, желает непременно видеть меня и требует, чтобы его пустили в залу». «Мы его и гнали уже, да не идет»,— добавил сторож. Я побежал вниз в швейцарскую, догадавшись, кто этот мужик, и, через несколько минут, ввел в залу, к великой радости участвовавших в пьесе, Льва Николаевича, принятого за «мужика» сторожами ввиду его более чем скромной одежды».

Видимо, и поэтому так поразила первая встреча с Толстым великого русского режиссера К. С. Станиславского. Она произошла в уже упомянутом нами доме Давыдова на теперешней улице Гоголевской, куда писатель также приехал в крестьянском тулупе. Правда, в отличие от того сторожа, внимательный режиссер обратил внимание не на одежду. Его поразили глаза Толстого: «то острые, колючие, то мягкие, солнечные, в которых блестели искры гениального художника».

Рассказывая о встречах Льва Толстого с тульскими знакомыми, нельзя не упомянуть о его важной встрече с дочерью А. С. Пушкина М. А. Гартунг на балу у генерала Тулубьева. Эта встреча подробно описывается в книге Т. А. Кузминской «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне».

Если говорить о теме «Лев Толстой и Тула», то сюда так и просится эпизод с поездкой в Ясную Поляну, к Толстому восьмисот детей тульских во главе с педагогом А. Д. Ротницким летом 1907 года.

Надо сказать, что великий писатель охотно помогал начинающим литераторам. Так, он с вниманием отнесся к рукописи комедии молодого крестьянина Ивана Журавого, который служил в трактире в Туле. Толстой помог ему напечатать рассказ «Посредник», про который сам выразился так: «Грубо, страшно, но правдиво».

О том, насколько широк был круг тульских знакомых писателя и почитателей его таланта, говорит даже такой их далеко не полный перечень: губернатор М. В. Арцимович и вице-губернатор Л. Д.Урусов, дочь декабриста и поэта К. Ф. Рылеева, начальник оружейного завода В. Н. Бестужев-Рюмин, семья Дельвигов — родственников поэта А. А. Дельвига и многие другие.

Очень прочные связи установились между семьями Толстого и другого тульского губернатора — Н. А. Зиновьего. Однако наш великий земляк никогда не поступался принципами. Как только губернатор принял участие в «усмирении» крестьян села Бобрики Тульской губернии (ныне Бобрик-Гора, город Донской), Лев Толстой резко оборвал эти отношения. Также поступил он с предводителем тульского дворянства П. Ф. Самариным. Когда он 15 мая 1881 года приехал в Ясную Поляну и стал оправдывать казнь правительством революционеров, Толстой возмущенно крикнул ему: «Так зачем же вы тогда ко мне приехали?»

Лев Николаевич Толстой всегда стремился помогать людям, особенно, если чувствовал в них талант. Например, летом 1909 года Лев Николаевич записал в дневнике: «Я ходил встречать и встретил Василия Панюшкина. Долго гуляя, говорил с ним. Прекрасный юноша. В этих, только в этих людях надежда на будущее. Да хоть ничего не выходи из них, хорошо и для них, и для меня, и для всех, что они есть». С помощью Толстых В. Панюшкин попал в столицу, поступил в морское училище, получил профессию.

Общался Толстой и со своими тульскими «братьями» по писательскому цеху. Например, 15 августа 1903 года к нему в Ясную Поляну приехал писатель В. В. Вересаев. А сам Толстой с интересом читал его произведения, особенно ему нравилась повесть Вересаева «Конец Андрея Ивановича».

Очень много для развития и становления музея-усадьбы «Ясная Поляна» сделал нынешний праправнук нашего великого земляка, бывший директор музея-усадьбы «Ясная Поляна», ныне советник Президента РФ по культуре Владимир Толстой. Его подвижническое дело по превращению Ясной Поляны в музей мирового уровня продолжает Е. А. Толстая, при которой заповедник «обрастает» комплексом инфраструктурных зданий: музейным хранилищем фондов, реставрационными мастерскими, современным центром приема и обслуживания гостей.

Туляки воздали должное памяти своего знаменитого земляка. В Туле одна из центральных улиц носит имя Льва Толстого. На ряде зданий, которые связаны с именем Л. Н. Толстого, висят мемориальные доски.

В 1973 году, к 145-й годовщине со дня рождения гения мировой литературы в Туле, на проспекте Ленина, бывшей Киевской улице, по которой так много ходил и ездил Лев Толстой, ему был открыт памятник.

Памятник работы скульпторов В. Буякина и А. Колчина получился великолепным. Толстой изображен в полный рост, на низком постаменте. В нем чувствуется величие гения мировой литературы, писателя, как бы идущего к людям.

И место вокруг памятника стало знаковым. Сюда приходят просто отдохнуть. Здесь проходят творческие встречи. Здесь наглядно видна та огромная любовь, непреходящая память и благодарность, которые чувствуют к своему гениальному земляку простые туляки.

И это вполне объяснимо: ведь все творчество писателя было проникнуто любовью к людям. Не слу-

чайно, когда за два года до смерти Лев Толстой написал обращение к людям-братьям «Благо любви», пронизанное любовью и состраданием к ближнему, он закончил свое духовное завещание словами:

«Я думал, что умираю в тот день, когда писал это. Я не умер, но вера моя в то, что я высказал здесь, остается та же, и я знаю, что не изменится до моей смерти…»

Сергей ОВЧИННИКОВ

г. Щекино Тульской области

Родился возле Ясной Поляны в Тульской обл. в 1963 г. Окончил медицинский институт, жил в Калининградской обл., Рязани, под Владимиром, в Тольятти, с 1991 г. — на родине. Публикуется в журналах, альманахах, «Литературной газете», во всероссийской антологии современной прозы и поэзии «Наше время». Автор нескольких книг прозы и афоризмов. Лауреат областной премии им. Л. Н. Толстого в категории проза (2011) и премии «Золотое перо Тулы» (2011). С 2001 г. издает и редактирует литературный альманах «Тула». Постоянный автор альманаха «Ковчег».

ВИЗАНТИЯ. МАНЦИКЕРТ
(отрывок из очерка)

Невидимая страна ромеев не отпускает меня уже много лет, с тех пор как начали ездить в Турцию. Идешь по улице мусульманского поселка или возле средневековой крепости портового городка, мимо полуразрушенного античного храма или старого кладбища — пульсирующе звенят цикады, пахнет полынью и можжевельником, внизу за кипарисами открывается бирюзовое море,— но думается совсемо другом. Вокруг толпа довольных жизнью отдыхающих: турки, немцы, поляки, англичане, украинцы… Мне нравится разговаривать с ними, простые люди не вызывают неприязни, но все равно что-то скребет за душу и ты оглядываешься в недоумении, точно кто-то посмотрел в спину. Это тебя окликает прошлое, страна ромеев, живших на этой земле больше 1000 лет. «Что за дело тебе до них,— говоришь себе в оправдание,— они заслужили свое несчастье жестокостью, интригами, безудержным стремлением к роскоши?» Но тоска не отпускает, особенно если стоишь на берегу Босфора, смотришь на минареты Святой Софии, Галатский мост, крепостные стены Константинополя... Тогда вспоминаются слова византийских хроник, из небытия всплывают лица, мысли Юстиниана, Константина Багрянородного, Иоанна Златоуста, ты застываешь среди города, который язык не поворачивается назвать Стамбулом.

Константинополь шумит праздничной сутолокой, вечером подсвечен огнями, днем на его бесконечных улицах кучки туристов, гиды, прохожие, турецкая молодежь. Рынки, лотки мороженщиков, офисы денежных менял, продавцы пахлавы… Но мне хочется на окраину, где Константинополь выступает из-под земли, хочется потрогать выщербленные временем камни великой столицы Византии, думая о ромеях. Они растворились в этой земле, дополнив ее своими телами, костями, кровью… Они погибли или превратились в турок, греков, венецианцев, генуэзцев, сирийцев, но навсегда остались в истории Европы и Малой Азии. Остались они в нашей религии, культуре и даже в наших генах — вспомним жену князя Владимира Святославовича Анну, сестру византийского императора Василия Второго; дочь императора Константина Девятого Мономаха, ставшую матерью русского князя Владимира Мономаха; Софью Палеолог, племянницу последнего императора Византии, павшего на улицах Константинополя в бою с турками, ставшую женой Ивана Третьего… Русские называли Византию «греческим царством», наши предки много раз подступали к стенам Константинополя с 9 века, когда начали оформляться в нацию. Перед этим русы уничтожили Хазарский каганат, с которым грекам приходилось несколько раз воевать. Русы, варяги порой составляли костяк византийской армии. После крещения князя Владимира в Херсонесе Таврическом, Русь переняла византийские догматы православия и каноны богослужения, мы наследовали от ромеев особенности церковного пения, иконопись, традиции православного монашества. С 988 по 1448 год Русская православная церковь считалась митрополией Константинопольского патриархата, большинство киевских митрополитов были из греков, их избирали в Константинополе. В 12 веке из Византии на Русь привезли одну из главных наших святынь, древнейшую икону Божией Матери, теперь она известна как Владимирская. Знаменитый иконописец начала 15 века Феофан Грек родом из Византии, как и переводчик Максим Грек, умерший в 1556 г. в Троице-Сергиевом монастыре. Софийские соборы в Киеве и Новгороде подражают архитектурой Святой Софии Константинополя, ее брали за образец даже строители мечетей! У византийских мастеров русские православные зодчие обучались искусству возводить храмы, они подражали Святой Софии куполами, фресками, мозаиками. У нас до сих пор отчасти византийское сознание, мы носим палестинские, римские, византийские, апостольские имена — Петр, Андрей, Павел, Ирина, Мария… Изначально книги на Руси привозились из Византии, первые жития святых переводили с греческого. Нашу славянскую письменность (на основе греческого уставного письма) создали византийские монахи Кирилл и Мефодий. Наше образование в средние

века выстраивали по византийскому образцу: первое высшее учебное заведение на Руси (Славяно-греко-латинская академия при Заиконоспасском монастыре в Москве) в 1685 г. открыта выходцами из Византии братьями Лихудами. Большинство священных текстов, до создания славянской письменности Кириллом и Мефодием, читалось в храмах на древнегреческом, в русских школах изучали греческий язык и латынь, это сейчас мы отказались от нашей духовной родины. Но забывать ее совсем нам нельзя, слишком уж показательны уроки ее падения.

…Точку невозврата семисотлетняя империя прошла под Манцикертом 26 августа 1071 г., к этому времени вырождение византийской элиты и армии достигло критического предела. Ромейская элита чересчур много внимания уделяли украшению Константинополя и своих дворцов, борьбе за власть (а не воспитанию детей в самоотверженной любви к родине), выработав при этом особый, византийский стиль правления: стравливание противников, подкуп, обман, предательство, интриги. Это сильно отвращало славян, мусульман, болгар, сербов, к которым Византия часто выказывала пренебрежение и жестокость. Император Василий Второй, например, разбив болгар, приказал выколоть глаза 15 000 пленным болгарским воинам! Когда процессия слепых мужчин вернулась домой, болгарский царь сошел с ума и умер от горя и унижения. Тем более этот стиль вершить соседские дела вызвал неприятие у рыцарей-крестоносцев, ведь их тоже несколько раз пытались обмануть, использовать втемную. Властные ромеи к началу второго тысячелетия перестали укреплять свою армию, надеялись, что теперь воевать за них, богатых людей с голубой кровью, будут варвары, наемники. Этим они в бесчисленный раз повторили ошибку видных семей, стран и народов, Римской империи в том числе. Служить в армии у ромеев стало не модно, престижнее казалось шустрить при дворе или богатеть на таможне… Византийская империя постарела, перестала строить храмы и корабли, совершенствовать оружие и военную тактику, восхищаться воинами и монахами, в народе исчезли высокие идеалы, вместо них главной целью стали роскошь, нажива, комфортная жизнь. Немудрено, что постаревшую империю с востока начал теснить формирующийся из огузов, туркмен молодой синтетический этнос, усвоивший ислам. Новая религия, делающая всех мусульман братьями, объединяла и вдохновляла тюркских пассионариев. В 1030 г. византийцы понесли тяжелое поражение от арабов в Сирии. В 1040 г. началось очередное восстание в Болгарии. В 1048 г. у границ Византии появились турки сельджуки — смесь огузов, сарматов, угров и тюрок. Первоначально огузы служили хазарам, но после краха их каганата в 985 г. приняли ислам, под знаменем джихада вернулись в Среднюю Азию, заняли Багдад и тогда уже принялись за Малую Азию, Закавказье. Их войско, с Арп-Арсланом во главе, в 1064 г. захватило древнюю армянскую столицу Ани, вторглось в византийскую Анатолию.

Византию мог бы спасти разумный император, до поры так и происходило — Исаак Комнин, например, преследовал незаконные захваты земель аристократией, отбирал чрезмерное светское и церковное имущество, сокращал жалованье чиновникам, укреплял войско. Но придворная партия, высшие чиновники Византии («рыба гниет с головы») уговорили Комнина постричься в монахи (давил на Комнина более других Михаил Пселл, видный ученый и педагог, злой гений тогдашней Византии), преемником Исаака Комнина стал Константин Дука, одна из придворных крыс, стремившихся только к обогащению и власти любой ценой. Он устраивал пышные церемонии, усиливал податное бремя, экономил на армии, при нем сельджуки стали быстро захватывать окраинные земли империи. Константин Дука умер в мае 1061 г., дальнейшее ослабление страны оказалось связано с человеком, который этого не заслуживал. Но процессы загнивания империи оказались сильнее энергии отдельной личности.

Новым императором стал происходивший из армяно-каппадокийского рода византийской военной аристократии Роман Диоген. Его заподозрили в заговоре против императорской власти, арестовали, доставили во дворец, где допрашивала его лично вдовая императрица Евдокия. Диоген был красив и мужественен, во время допросов не юлил, никого не предал под пытками, императрицу Евдокию восхитили его благородство и сила характера. Мать Романа Диогена была дочерью брата прежнего императора, то есть Диоген вполне подходил на роль преемника талантами и происхождением, но в глазах придворной партии он все равно был выскочкой и самозванцем. В армии он опирался на военочальников-армян, ненавидел придворных чиновников, готов был сражаться за Византию, а они хотели торговать ею…Императрица влюбилась в молодого полководца. Говорят, она была умна, занималась науками, хорошо понимала, что Византия рушится, мечтала найти для страны спасение. Вначале Роман Диоген получил прощение, затем его возвели в сан магистра и стратилата. Придворная партия выступила против его возвышения, но 31 декабря 1067 г. Диогена тайно ввели во дворец, 1 января 1068 г. патриарх Иоанн Восьмой, с одобрения подкупленного сената, обвенчал Евдокию и Романа. Титул императоров, одновременно с Романом, носили сыновья Дуки, приличия Евдокией соблюдались, Роман был призван лишь воевать, следовало рукоплескать возможности спасти страну, но придворная партия, многие высшие офицеры армии возненавидели Диогена, распустили слухи, что Роман хочет свергнуть Евдокию и сыновей Дуки.

Роман Диоген сразу дал понять, что не станет отсиживаться в спальне императрицы — он собирал войско для восстановления потерь империи. Но армии не было. Скупость и недомыслие придворных чиновников, негодная внутренняя политика превратили армию в разношерстный сброд наемников, ромеи отказывались служить в ней! Делать было нечего, Диогену пришлось командовать тем, что есть: 10 000 византийских солдат, 500 франкских и норманских наемников, отряды узов и печенегов, служащих за деньги, отряды болгар, грузин, армян и варяжская гвардия. Несмотря на относительную слабость армии, первые походы Ро-

мана сложились удачно. Диоген освободил от блокады Бари — последний тогда опорный пункт греческого владычества на юго-западе. Летом 1068 г. он с войском окружил Алеппо, разбил турецкий отряд в Коппадокии, в 1071 г. отправился к Манцикерту. Это была важнейшая пограничная крепость империи в Восточной Армении. Сельджукский султан Алп-Арслан в прежние годы больше занимался покорением Египта и Сирии, а тут он покусился на Византию. Диоген с пятидесятитысячной армией без боя взял Манцикерт, к городу выдвинулась меньшая по численности армия сельджукского султана (двадцать тысяч мамлюков-кавалеристов и тюркских конных лучников), византийский император опрометчиво отверг предложенный султаном мир, вывел войска из лагеря для генерального сражения на берегу озера Ван. Он и в страшном сне, конечно, не мог представить, насколько сильно измена разъела душу некоторых офицеров. Резервом византийской армии командовал Андроник Дука из придворной партии, в решающий момент битвы он, вместо того чтобы прийти на помощь императору, велел сеять панику и распространять слухи о поражении. Тактика сельджуков была хитрой, новейшей по тем временам — конница стремительно маневрировала, обстреливая византийцев из тяжелых луков и не вступая в генеральное сражение, создавая за счет маневренности решающее превосходство сил на важных участках боя. Центральная часть византийского войска оторвалась от прикрывающих тылов, правый фланг византийской армии был разбит, наемники из огузов и печенегов тут же перешли на сторону сельджуков, часть армян бежали с поля боя. Дольше всех сражались греки и варяжская гвардия (среди варягов было много славян), но их окружили вместе с императором, взяли в плен. Император оказался в центре конной схватки, под ним убили коня, его буквально завалило трупами до конца бившихся за него варягов и русов. Диогена через неделю освободили за полтора миллиона золотых номизматов и за уступки в территории. Пока выкуп не был уплачен, Роман лежал связанный у трона султана как подставка для ног, в уши ему вставили женские серьги…

Получив известие о поражении Диогена, придворная партия Византии объявила регенство Евдокии и старшего царевича Михаила Дуки, ученика Пселла, но в действительности страной правил кесарь Иоанн Дука. Когда императрица получила письмо от Романа, возвещающее о его скором прибытии, царедворцы потребовали, чтобы Евдокия лишила престола своего мужа. Евдокия отказалась, ее тут же изгнали из дворца, постригли в монастырь, императором провозгласили Михаила Дуку. Навстречу Диогену, который возвращался в столицу с жалкими остатками разгромленной армии, выслали войско, несколько стычек Роман проиграл. Он ушел от дальнейших сражений, заперся в киликийском городе Адане. В 1072 г. город осадил тот самый предатель — Андроник Дука. Роман Диоген решил не умножать жертв, не вести гражданскую войну, сдался под письменные гарантии личной безопасности, подтвержденные тремя византийскими митрополитами. Но даже слова митрополитов тогда в Византии ничего не значили! Романа пытали и ослепили (лицемерный Пселл прислал утешительное письмо), вскоре Диоген умер от ран, полученных при пытках и ослеплении.

Поражение под Манцикертом и дальнейшая борьба византийской элиты за власть привели армию империи в полное расстройство. Особенно пострадали контингенты восточных фем, практически уничтоженные войной и разочарованные предательством. К лету византийская армия практически перестала существовать, сельджуки вначале закрепились в Армении, затем массово мигрировали вглубь Малой Азии. У Армении независимыми остались лишь царства Лори, Сюник, Мокке, а восток Малой Азии, Большая Армения, Каппадокия оказались потеряны христианами навсегда. Вскоре в Малой Азии образовался Румский султанат, который быстро выдавил византийцев из южной части их бывшей империи.

Дальше хуже, но чего было ждать от правителей с такими традициями? Жестокость и кровь, предательство и корысть, вот что царило в Византии. Андроник Дука был старшим сыном кесаря Иоанна Дуки. В 1074 г. он вместе с отцом выступил в поход против мятежных норманнских наемников (западноевропейцы уже начали подрубать ножки византийского трона) во главе с Русселем де Байолем, был тяжело ранен, пленен и постригся в монахи. На трон императора поместили пасынка Диогена — Михаила Дуку. Он был рафинированным мальчиком, писал стихи, за него империей правили советники из придворной партии. Этот цезарь-поэт вовсю торговал территорией государства — сельджуки помогали Михаилу удерживаться у власти за уступки территорий в Малой Азии. В 1078 г. Михаила насильно постригли в монахи, отправили в Студийский монастырь. Свергнувший его Никифор Вотанит был снова армянином-полководцем, но к моменту воцарения он успел слишком состариться. Все же он первым делом женился на юной дочери грузинского царя и взялся покупать расположение черни, этим сильно растрачивая казну. В 1081 г. успешный мятеж против него поднял Алексей Комнин, основавший византийскую династию Комнинов. Алексей Первый принялся за масштабные реформы (сейчас их трактуют как «Комниновское возрождение»), но фирменным стилем Византии оставалась борьба за власть, не обращающая внимания на принципы христанства, родственные чувства, интересы народа. Андроник Комнин, регент при малолетнем императоре Алексее Втором, был особенным чудовищем. Он приказал отравить дочь Мануила Комнина Марию и ее мужа Рене Монферратского. Претенденты на власть без сожаления отправлялись в ссылку, ослеплялись, в 1182 г. Марию Антиохийскую (мать юного императора Алексея Второго) заточили в монастырь, затем Андроник уговорил Алексея подписать приговор собственной матери. Ее задушили в присутствии сына… В сентябре 1183 г. Андроник решил избавится уже от самого Алексея — малолетнего царевича тоже задушили тетивой от лука. После этого Андроник женился на вдове убитого мальчика — на одинадцатилетней французской принцессе Анне. Против этого чудовища восстала Малая Азия, в Никее утвердились лидеры оппозиции — Исаак Ангел, Федор Кон-

такузин,— и поддерживающие их сельджукские воины Никейской империи. Андроник осадил Никею, велел привязать к осадному тарану мать Исаака Ангела... Федор Контакузин выступил из города с отрядом, был схвачен и казнен. Никея пала, аристократов и сановников христианской страны Андроник приказал сбросить с высоких городских стен, сельджуков посадили на кол. Исааку сохранили жизнь, потому что он был двоюродным братом Андроника. И тут случилось неожиданное. Андроник обратился к оракулу Сефу, на всякий случай ослепленному еще императором Мануилом, оракул назвал имя будущего правителя Византии — Исаак. Андроник не поверил, потому что двоюродный брат сидел под домашним арестом в Константинополе и не имел армии. Но «руководитель спецслужб» Андроника (Стефан Агиохристофорит) решил не искушать судьбу, явился арестовывать Исаака Ангела. Несчастный арестант решил дорого продать свою жизнь и, как был, практически в тапках — «…с непокрытой головой, в двуцветном халате — вскочив на коня и обнажив меч, бросился на Агиохристофорита. Тот развернул лошака, на котором сидел, и стал часто его пришпоривать, но прежде чем он успел выехать из ворот, Исаак рассек его надвое, как скотину. Дрожащего и плавающего в своей крови, оставляет он его на съедение собакам, а сам бросается на его слуг, так что все они разбежались… городская чернь… тотчас стала стекаться к Великой церкви как для того, чтобы увидеть Исаака, так и для того, чтобы посмотреть, что с ним будет. Ибо все думали, что еще до заката он будет схвачен и подвергнут мучительной казни…» (Никита Хониат). Но императора Андроника в это время будто подменили, он промедлил с ответом, толпа у Святой Софии на глазах росла и уже выказывала сочувствие Исааку Ангелу. Восставший плебс к утру короновал Исаака Ангела, Андроник собрал варяжскую гвардию и оборонялся в Большом дворце, затем решил ретироваться, но был схвачен при попытке бежать к Черному морю. В благодарность за помощь Исаак Ангел раздал простому народу сто семьдесят тысяч солидов из императорской казны, вдобавок плебс разграбил дворцовые храмы. Иссак едва успел заселиться во Влахернский дворец, когда к нему в кандалах привели пойманного Андроника. Тут уж ему припомнили все злодеяния. Андронику вырвали бороду, выбили зубы, отрубили правую руку, бросили в башню Анем без воды и хлеба. Он за ночь не умер, его снова стали пытать — выкололи правый глаз, посадили на верблюда, отправили на городскую площадь, где чернь убивала его палками и камнями. Он и там не умер, его отвезли на ипподром, привязали к поперечной балке, добивали камнями и палками, затем тело его разрубили на куски и бросили в ипподромную яму. Он заслужил казнь, но потакать низменным инстинктам толпы для христианского императора смерти подобно!

Исаак Ангел стал первым из династии Ангелов правителем тогдашней Византии. Править империей оказалось тяжелее, чем захватить власть. Деспот Кипра Исаак Комнин разбил византийский флот, болгары в очередной раз подняли восстание, создав Второе Болгарское царство, сербский жупан Стефан Неманя тоже провозгласил независимость. Иссак Ангел был детищем своего времени — он множил кровь и жестокость, утопал в роскоши, вскоре был свергнут и, в свою очередь, ослеплен сторонниками своего брата Алексея. В 1203 г., уже при помощи крестоносцев, он со своим сыном вновь занял престол, но ненадолго. Спустя несколько месяцев Константинополь был захвачен латинянами и жесточайше разграблен, Византийская империя распалась на несколько государств и никогда не смогла уже восстановить былого могущества.

2020 г.

Яков ШАФРАН

г. Тула

РАВНОДУШИЕ

Прочитал недавно рассказ Евгения Скоблова «Марш в метро» — и понял, сколько у нас общего с героем этого рассказа. Живя в Москве в течение пятнадцати лет, я всем видам передвижения по городу предпочитал подземку. Если не считать, конечно, любовь к пешим прогулкам по улицам города в выходные дни, направляясь, как говорится, куда глаза глядят. Естественно, с фотоаппаратом, чему свидетели — бесчисленные фотоснимки.

Но эти прогулки — отдых, свободное, с пользой, времяпрепровождение. А для целевых передвижений — метро. Замечено, что многие люди в подземке проводят время в дремоте, в текучке мыслей, разглядывании окружающих пассажиров. Редко кто читает, как в советское время. Я же в метро читал, в этом у меня тоже общее с героем рассказа.

Углубившись в чтение «Марша в метро», я осознавал, что если был тогда, в той ситуации, описанной в рассказе, рядом с героем в вагоне, то моя реакция на увиденное и услышанное была бы аналогичной. И я бы с таким же недоумением услышал в центре Москвы, в столице России, в канун 75-летия Священной — другого, более высокого слова нет, чтобы характеризовать,— Победы в Великой Отечественной войне фашистский марш, строевую песню подразделений СС. И транслировал ее молодой, нахально ухмыляющийся мужчина не через наушники, а через динамик смартфона, причем включенный на достаточную громкость, чтобы слышали пассажиры всего вагона. И я бы с таким же недоумением наблюдал полное, абсолютное безразличие рядом находящихся людей.

Наверняка у кого-то из них в роду есть родные, воевавшие на фронте, может кто-то и не вернулся, или вернулся инвалидом. Может, у кого-то было трудное военное детство, хорошо, если не в оккупации. Может, кто-то был сожжен или замучен — думается, кто-то из них знает не по фильмам и книгам, а по семейным рассказам о зверствах фашистов над мирным населением.

…А нацистские марши сменяли один другой и звучали все громче, и все шире ухмылялся этот мужчина. И я, читая, мысленно объединяю свой возмущенный взгляд на него с героем рассказа и … вместе с ним перед выходом из вагона подхожу к фашисту,— а это был, безусловно, он,— и бью его по лицу, а потом слышу уже на перроне женский визг и крик: «Полиция!» Но… это все мысленно.

Однако на самом деле я смог бы поступить так же, как это сделал он? Или я так же, как другие пассажиры вагона, пассивно бы слушал, или не слушал, погрузившись в свои мысли, дела, или, заткнув уши наушниками, заглушая все своей музыкой, или же под аккомпанемент нацистских маршей болтал бы с кем-то по телефону. А может быть, просто тупо уставившись перед собой, думал: «Ну, есть и есть… Что сделаешь?»

И тут я вспомнил, вернее, не вспомнил, а передо мной возник один вечер в 1998-м году. Еду в метро, тоже где-то в центре Москвы, не помню сейчас точно где. И вот на одной из станций в вагон, достаточно свободный от пассажиров, входят люди в черной форме СС — человек пять-шесть. Появилась мысль — снимают кино. Но потом стало ясно, что это не так. А послужило этому пониманию то, что при абсолютной идентичности формы, начиная от сапог и кончая петлицами и фуражкой, повязки на рукавах были не немецкие. Красный фон с белым кругом были те же, но вот то, что было внутри круга, отличалось. Вместо свастики был тоже черный знак русских фашистов из РНЕ.

Войдя в вагон, они тут же негромко, естественно, на чистейшем русском языке, скомандовали: «Предъявите документы!» И все люди, молча, спокойно, без тени какого-либо, не то что возмущения, а даже сомнения, стали доставать из карманов пиджаков, «из широких штанин», из сумочек свои паспорта и удостоверения личности. Те — как-то не поворачивается язык назвать «люди» — в черном спокойно брали документы в руки, пристально сличали фото с лицом и читали фамилию, имя и отчество. После проверки документов они так же спокойно, как зашли, вышли из вагона на очередной станции. И никто, в том числе и я, не позвонил машинисту и не вышел вслед за ними, чтобы сообщить в милицию. Все так же продолжали заниматься своими делами — погружаясь в свои мысли и заботы, слушая музыку или глядя перед собой. А моя соседка чуть слышно проговорила: «Ну, есть и есть…»

Равнодушие… Это самое страшное, что только может быть на свете. Оно открывало и открывает дверь всему злу на Земле. Равнодушие — это «стояние между добром и злом». И Бог устами Иоанна Богослова говорит нам: «… Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих…» (Новый Завет. Откровение святого Иоанна Богослова, глава 3). «…Люди постоянно тщатся сочетать небо и ад. Они считают, что на самом деле нет неизбежного выбора и, если хватит ума, терпения, а главное — времени, можно как-то совместить и то, и это, приладить их друг к другу» (Клайв Льюис). Мудрые слова, которые как нельзя лучше раскрывают суть равнодушных людей.

Вот и сейчас равнодушие позволяет делать с людьми все, что угодно. Всем ходить в масках-намордниках на улицах — зачем на улице-то, понятно, когда в магазине или в транспорте? — пожалуйста; сидеть по домам без права выхода — слава Богу, что не без права переписки (а может быть пока?) — «одобрямс»; без пропусков (аусвайс) нет передвижения — сделаем! Следующий шаг — всем пройти вакцинацию и последующее чипирование, а кто не сделает… И так далее.

Давно известно, как инфернальные слои Того света влияют на земную жизнь. Сейчас все больше и больше появляется демонизированных людей (пример — тот тип из рассказа «Марш в метро»). Зло все сильнее проникает в наш мир. Но, благодаря массе равнодушных людей, происходит это в значительно больших размерах, чем при сопротивлении…

Равнодушие может сделать из нас, личностей, биообъекты, то есть биороботов. А может быть, уже сделало? Хочется верить, что нет. И поступок героя рассказа Евгения Скоблова «Марш в метро» — верю, реального человека,— убеждает, что еще не все потеряно, что есть еще люди, способные быть людьми, личностями в наше время!

Любовь БОНДАРЕНКО
г. Свердловск (ЛНР)

УКРАДЕННАЯ ЮНОСТЬ
(рассказ)

Раннее утро 5 сентября 1942 года, выдалось пасмурным и холодным. Моросил мелкий дождик. Село Говтва, что в Полтавской области, погружено в жуткую тишину, даже собаки притихли! Чувствовалось приближение какой-то беды. И она пришла! Не успел наступить рассвет, как село пронзили плач и стоны, окрики фашистов, лай немецких овчарок. Фашисты сгоняли в колонну всех малолеток села. Готовилась отправка бесплатной рабочей силы в Германию. Не обошла страшная доля и Настю. Позади голодный 1933 год — смерть родителей от голода, детдом. А что теперь ее ждет? Какое испытание ей приготовила судьба? Немцы погнали колонну детей к вокзалу. Фашисты гнали всех бегом, многие падали, но их били, поднимали и снова гнали.

Родителей и родственников прогоняли, били прикладами, травили собаками, но все продолжали идти за несчастными детьми, не отводя глаз. Понимали, что, может быть, они видят своих деток в последний раз! Над толпой стоял стон от нестерпимой муки расставания, от страха перед неизвестным. Настю никто не провожал, ведь ее родители умерли.

На вокзале всех угоняемых погрузили, затолкали тумаками и окриками в грязные, вонючие вагоны, в которых раньше перевозили скот. Страх разрывал душу.

«Прощай, Родина, увижу ли я еще когда-нибудь свое родное село, хлебное поле, ковыль в степи и березы, которые я так люблю?» — думала Настенька, мысленно прощаясь со своей Родиной. На вокзале стояли те же стоны и плач, лай собак и окрики немцев. Поезд тронулся, набирая скорость. Что-то страшное и неизвестное ожидало всех на чужбине.

В дороге редко останавливались, почти не давали есть и пить. Лишь дважды бросили в вагон несколько буханок хлеба и немного воды. Было очень страшно, холодно и голодно. Сначала привезли всех в Польшу, в город Краков. Там находился центральный перевалочный пункт. Сделали всем санобработку, сфотографировали, взяли отпечатки пальцев и повезли дальше. Муки в дороге были ничто по сравнению с тем, что пришлось пережить дальше. В дороге заболело несколько человек и их сняли с поезда. Какая постигла участь этих бедняг, никому не известно. Через несколько дней привезли всех в конечный пункт назначения. Это был г. Гельзенкерхен. Снова санобработка, выдали деревянные башмаки, а одежда осталась своя, так и носили ее до дыр все три года. Всех прибывших невольников разместили в бараках по двенадцать — шестнадцать человек, спали на двухъярусных нарах. Пол земляной, мало света. Насте, да и всем остальным детям, приходилось вставать очень рано. Их будили криками, побоями и лаем собак. Скудный завтрак, и их гнали на работу. Смена заканчивалась в двадцать часов. Работали по четырнадцать часов без выходных и права заболеть.

Кормили очень плохо, каждый день одно и то же — суп из брюквы и немного хлеба, чай без сахара. Постоянно хотелось есть, и с этим тяжело было свыкнуться. Работали на военном заводе, в прокатном цехе. На станке прокатывали листы железа, они были такие тяжелые! Голова кружилась от недоедания и усталости! Настенька вспоминала Родину, родное село и детдом.

Вспоминала маму, так хотелось прижаться, поплакать, пожаловаться на свою судьбу! Но, увы! Жаловаться было некому. Стиснув зубы и отключая свой мозг от воспоминаний, твердила: «Выживу! Выживу!» Дети работали, как рабы, и вечером валились на нары без сил. Утром команда «Подъем!», и все начиналось сначала. Фашисты детей не жалели, били и унижали. Любое непослушание каралось тут же смертью. Убивали на глазах у всех остальных. Не жалели фашисты даже больных.

У них в бараке заболела девушка. Настя не помнит уже ее фамилию, помнит лишь имя — Олеся. Больной, с температурой, ей приходилось работать, но однажды утром подняться с нар она уже не смогла. Немец схватил ее за волосы и с криками: — «Aufstehen, Russische Schweine!» — потащил к выходу. Превозмогая боль и болезнь, Олеся с огромным трудом отработала несколько дней. Болезнь, изнурительный труд, постоянное недоедание и скотское отношение сделало свое дело. Девочка умерла. Долго еще у Анастасии, да и у всех остальных, стояла эта сцена перед глазами и не давала спать. Юную девушку не успели научить молиться Богу, но она мысленно, каждый вечер перед сном, вставала на колени перед иконами и молила Господа помочь нашей армии победить Гитлера, эту чуму, а им всем — вернуться на Родину. Что происходило на фронте? Ни Настя, ни остальные прибывшие в Германию дети ничего не знали. Но в 1945 году русские самолеты стали бомбить Гельзенкерхен, и они поняли, что не все потеряно! Однажды, во время бомбежки, бомба попала в бомбоубежище, куда немцы водили всех во время налетов. Они берегли бесплатную рабсилу! Погибло много людей. Были здесь и русские, и украинцы, и азербайджанцы, узбеки и другие нации. Жуткое зрелище. Искореженные и обгорелые тела долго приходили в Настины сны, психика не выдерживала потрясений!

Вот такая жизнь, наполненная муками, душевной болью, голодом, холодом, страхом никогда не вер-

нуться на Родину, а остаться рабыней до конца дней своих, сводила с ума и приводила в ужас! Но, видно не одна Настя молилась за освобождение, а весь народ, который страдал, терял своих близких, родных и любимых. Не одна она ненавидела этих извергов, которые принесли беду в каждый дом, в каждую семью, и в Настину тоже! Ей так хотелось, чтобы эти фашисты испытали то же самое горе, те же самые унижения, которое испытывала она со своими сверстниками. А еще по вечерам после работы, уставшие и голодные, они вспоминали свою Родину, свои села и города. Иногда, хоть и не было сил, они напевали свои любимые песни, чтоб не забыть свое родное, свой родной язык. Во время налетов наших бомбардировщиков среди немцев наступала паника. Анастасия и все остальные радовались, что наконец-то наши войска стали наступать и надеялись на скорое освобождение. Было слышно, что уже совсем недалеко от города идут бои, и в душах детей расцвел цветок надежды. Все с таким нетерпеньем ждали своего освобождения!

Наконец 5 мая 1945 года наши войска захватили город Гельзенкерхен! Настя и все подневольные рабочие были освобождены! Слезы радости стояли у нее в глазах, ее обнимали и целовали наши освободители, а она ничего перед собой не видела. Не могла поверить, что они свободны! Они не рабы! И их дорогая Родина, наконец, свободна! Солдаты-освободители их накормили, отмыли, многим оказали медицинскую помощь, ведь не секрет, что немцы абсолютно не заботились о здоровье бедных детей. Дети и Настенька с жадностью слушали рассказы военных, впитывали в себя каждое слово, каждую буковку из рассказов. Ведь это были рассказы об их Родине, которую они наконец-то увидят!

Настал такой долгожданный день! День, который приходил во снах, о котором мечтали, несмотря на почти утраченную надежду вернуться на Родину! Позади украденная фашистами юность… Их отправляли домой! Только где он, Настин дом? Но это ее уже не пугало. Она была уверена, что государство, которое вырвало ее из лап фашистов, не даст пропасть. Снова вагоны, но теперь колеса казалось, стучат радостно: — «Домой, домой, домой!» Настя снова вернулась в свое село.

Прошло много лет с той поры, но те страшные, голодные годы, полные унижений, наполненные болью за свою судьбу и судьбу своей отчизны ей не забыть никогда.

В 2006 году в Германии была проведена программа посещения бывшими подневольными рабочими города Гельзенкерхен. Анастасия Николаевна Кириченко (Бондаренко) была приглашена от города Свердловска. Вместе с ней, по приглашению Германии, выехали и другие бывшие подневольные рабочие из городов Краснодон, Луганск, Ровеньки, Красный Луч и еще многих других городов. Там они находились с первого по восьмое октября 2006 года. Сначала ехали поездом до г. Киева, затем самолетом в г. Дюссельдорф. По приезду их доставили к месту проживания в г. Хаус Хееге.

Анастасию Николаевну и всех прибывших бывших подневольных рабочих приветствовал представитель института истории г. Гельзенкерхен. Приветствовал прибывших и бургомистр господин Хермандунт. Занесли их имена и фамилии в книгу почетных гостей. Сразу вспомнилось, как у них, детей, брали отпечатки пальцев и унижали человеческое достоинство каждого, как приходилось изнурительно трудиться. Теперь современным немцам хотелось загладить вину предыдущего поколения. Но, время — едва приглушило боль воспоминаний. Была организована встреча с учениками общеобразовательной школы Юкендорф в городе Хаус Хееге. Анастасия Николаевна и другие рассказывали немецким детям о своей тяжелой судьбе. Она и сейчас не понимает, как все это выдержала, все эти вновь нахлынувшие воспоминания, этот перелет. Ведь она перенесла инсульт в свои семьдесят восемь лет, и родные отговаривали ее от такой поездки. Наверно Господь ее укрепил.

Возили бывших подневольных на экскурсию на озеро Балденай. Совершили прогулку на судне по озеру. Кормили всех в ресторане очень сытно и вкусно. Анастасия ела, а слезы капали в ее тарелку. Она вспомнила свой суп из брюквы, который приходилось есть каждый день много лет… Устроили им экскурсию по городу, водили в музей немецкой горной промышленности. Прибывшие гости посетили огромный стадион «Вельтинс-арена». Так же была организована экскурсия в г. Эссен, там посмотрели цирковое представление. А главное, их привезли в те места, где раньше был завод, и они работали на нем несовершеннолетними детьми. Наравне с взрослыми гнули свои спины с утра до ночи!

Сердце Насти сжималось от боли тяжких воспоминаний. Хорошо, что под рукой с собой всегда лекарство, да и врач все время сопровождал. В воскресенье восьмого октября 2006 года им устроили прощальный завтрак, и все выехали в аэропорт Дюссельдорф.

Прощай, Германия, прощай навсегда! Но еще не раз нахлынут воспоминания о тех тяжелых годах, о погибших друзьях, о потерянной, вернее украденной юности.

В дни Победы, когда гремит салют, Анастасия Николаевна снова и снова благодарит Господа и наших мужественных солдат освободителей, живых и погибших в боях за Родину, за ее освобождение. Будь проклят фашизм и все те, кто развязал войну. Она свободна! Она не рабыня!

***

2014 год. Правительство Украины объявило АТО для жителей непокоренного Донбасса. Фашизм снова поднимает голову. Перекраивается история. Болит Настино сердце, его едва уже поддерживает кардиостимулятор. Экран телевизора пестрит нерадостными новостями, от которых мурашки по коже…

Вот еще и еще погибли гражданские, погибли дети… Сколько их уже??? Уже плохо видящие ее глаза с тревогой всматриваются в телевизионный экран.

— Как помочь, чем? Что же я смогу сделать полезного для людей? — задает себе вопрос состарившаяся Настя.

И вот выпадает шанс…

Школа №8 в родном городе Свердловске приглашает на встречу с учащимися ветеранов войны, участников боевых действий. Выпала честь и для Анастасии Николаевны. Учитывая ее почтенный возраст, родные отговаривают от выступления, понимая, что ей снова все придется пережить, и неизвестно как скажутся эти воспоминания на ее здоровье. Но нет, ее не остановить… Белая блуза, награды на груди (получала Настя их в юбилейные даты Великой Отечественной войны, ведь ее мужество и труд приравнены к участию в боевых действиях во время войны), скачет давление…

Сын и невестка сопроводили ее к школе. Настю сразу возле машины встретили учащиеся с огромным букетом сирени и тюльпанов. Май на дворе, а значит на днях и День Победы! Волнительно всем… ей самой, родным, учителям, ведь возраст приглашенной на встречу с детьми весьма почтенный. Полный актовый зал. Учащиеся, учителя… Дети шумят привычно. И вот Настя усаживается за стол. Ее руки предательски дрожат (сказывается болезнь Паркинсона) и накатываются слезы.

Да, нелегко все вспоминать, тяжело справиться с волнением, выбрать нужные слова для детей…

Часть Настиной истории пришлось рассказывать мне, ее невестке, местной поэтессе, частой гостье школы в то время… ведь Настя сильно разволновалась, и ей уже было тяжело справиться со своим волнением....

Рассказ впечатлил всех. Слушали с замиранием сердца и учащиеся, и учителя, понимая, как тяжело выступать Анастасии Николаевне.

— Пусть никогда не повторится страшное прошлое! Пусть никогда вы, дети, не услышите вой бомбардировщиков! Пусть никогда враг не вступит своим грязным сапогом на нашу любимую землю, и мы всегда будем помнить призыв: «Миру-мир!» — с трудом закончила она. Аплодисменты, цветы, фото на память с учащимися и в школьном музее, где теперь хранятся копии Настиных документов и анкета, заполненная немцами с ее фото и отпечатками пальцев. Бешенный ритм сердца… его, Настиного!

Пока она жива (в 2020 году — 95! Дожить бы!) и ее сердце стучит, оно никогда не смирится с гибелью людей на Донбассе, уничтожаемых своим же, украинским правительством, с маршами фашистских молодчиков, попирающих историю, Победу, с таким трудом добытую в боях ценою жизней наших отцов, дедов и прадедов…

Александр ПЕТРЕНКО

г. Краснодар

Петренко Александр Викторович (псевдоним — Александр Ралот), краснодарский прозаик, публицист и краевед. Автор пятнадцати электронных и десяти бумажных книг. Публиковался во многих российских и зарубежных периодических изданиях, в том числе в «Приокских зорях». Член СПР. Победитель и лауреат многих российских, зарубежных и международных конкурсов. Лауреат литературной премии им. Олега Бишарева. Награжден медалями: Золотой Есенинской, им. И. Бунина, им. М. Ю. Лермонтова, Андрея Белого, А. Т. Твардовского, «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе».

ФАВОРИТКА

Апрель 1818 года. Москва

Купцы, мужики и служивый люд, сняв шапки и запрокинув головы, смотрели на праздничный салют. Вслух считали артиллерийские залпы. Их было много, очень много. Двести один!

Над площадью гремело многоголосое «Многая лета».

— Мальчик родился! — раздавалось со всех сторон.

— Бог даст, так для нас и наших деточек царем будет! И то верно! Престолонаследник! Поговаривают, что сам император по случаю рождения ребеночка мужеского полу у четы Великих князей обещал долги простому люду погасить. Выборочно! Служивые на площадях о том прилюдно кричали! Городским, между прочим, князья-родители тыщ двадцать полновесных рубликов пожертвуют. Никак не меньше! Специально для выкупа неоплатных должников и раздачи пособий беднейшим жителям! Во как! Гуляй, робяты! Благодать начинается!

7 лет спустя

Отец подросшего мальчика после загадочной смерти старшего брата взошел на престол и отныне именовался Николаем Первым.

1838 год

— А теперь, наследник, изволь отбыть за границу. Дело предстоит важное, государственное,— император нежно обнял сына.

— Государь, не рано ли? Может, подождем еще?

— Пора! Увы, Саша, мы себе не принадлежим. Мы во всем Отечеству служим. С Богом, сын мой! С Богом!

Цесаревич неохотно расставался с родиной. Но нарушить волю царя? Мыслимое ли дело? Велел отыскать за границей невесту, значит, так тому и быть!

Дания, Германия, Италия, Австрия, Англия. Страны мелькали перед юношей, словно в калейдоскопе.

В Германии родственники сделали все, чтобы избранница будущего императора отыскалась именно в этих землях. Познакомили молодого человека с младшей дочерью герцога Людвига Второго. Девочке едва исполнилось четырнадцать лет, однако, это не помешало ей произвести нужное впечатление на Александра.

1841 год

И снова в обеих столицах салюты и праздничные гуляния. Еще бы наследник престола, великий князь Александр Николаевич сочетался браком с семнадцатилетней Максимилианой Вильгельминой Августой Софьей Марией Гессен-Дармштадтской! Долгие лета молодым! Виват! Избранницу, как и полагается в таких случаях, крестили. Нарекли новым именем — Мария Александровна.

***

Исстари повелось, что мужчины из рода Романовых однолюбами никогда не были. Меняли своих фавориток с завидной регулярностью, не обращая внимания на всевозможные слухи и толки. Александр исключением из этого правила не стал.

1859 год

— Вы, вообще, знаете, что на свете существует такая полезная вещь, как календарь? — Александр Второй сверкнув очами, уставился на придворных.— Почему никто из вас не соизволил доложить мне, что совсем скоро нам надлежит праздновать историческую дату! Сто пятьдесят лет назад мой великий предок Петр Первый одержал судьбоносную викторию над шведами!

Один из присутствующих вытянул листок бумаги из папки и уже открыл рот, чтобы прочитать написанное, но император знаком остановил его.

— Потом, Орлов. Позже! Посему я повелеваю. Первое. Провести под Полтавой военные учения, приуроченные к этой дате. Второе. Сам лично посещу те места и поклонюсь могилам славных воинов. Соблаговолите в кратчайший срок подыскать достойное имение, где мне и свите было бы удобно остановиться.

— Не извольте беспокоиться. Мое ведомство уже занимается этим вопросом. Есть такое. Князя Михаила Долгорукова. Тепловка. В окрестностях Полтавы. Сад они с княгиней разбили знатный.

Министр двора с поклоном вручил государю бумагу.

Император кивнул, соглашаясь.

— Что же, род древний. Я слышал, у них там имеются какие-то финансовые затруднения. Алексей Федорович, разберитесь с этим, и ежели требуется помощь, подготовьте вердикт. Я подпишу.

— Не стоит беспокоиться, Ваше Высочество. Даст Бог, все у Долгоруких образуется. Супруга князя Вероника, в девичестве Вишневская, родом из богатейшего рода в Малороссии.

***

— А ведь не соврал министр, сад диво, как хорош,— император прогуливался по аллеям в окружении приближенных.— А это что еще за прелестница выглядывает из-за кустов? Кто-нибудь, позовите ее сюда.

— Чья же ты будешь, фея цветочная?

Девочка лет десяти сделала книксен и залилась густой краской.

— Екатерина Михайловна.

— И что ты в этом парке делаешь? — император улыбнулся в роскошные усы.

— Государя высматриваю. Больно хочется на него, живого, поглядеть.

— Надо же. В таком случае, вот он я. Гляди. А гулять с нами станешь? Не забоишься?

— Еще как! — Катя совсем осмелела и смотрела на Александра Второго во все глаза, не мигая.

1861 год

Император работал с бумагами. Крепостное право. Он положил документ в пухлую папку.

Приостановить рекрутские наборы. Ликвидировать военные поселения. Проект Земского положения. Прошение об амнистии. Еще челобитная.

«Боже, да я уже почти всех злодеев в стране помиловал. Нет, пишут и пишут. Так, а это еще что?»

Решительно взял со стола колокольчик, позвонил.

— Князь Долгорукий скончался! Почему мне об этом не доложили сразу? — Государь размахивал перед лицом вошедшего бумагой.— Семья моего подданного разорена! Сироты осталась без средств к существованию!

В памяти хозяина кабинета всплыло поместье Тепловка. Южное хлебосольство Михаила и бездонные глаза его маленькой дочки.

— Готовьте указ. Долги усопшего погасить из казны. Имение взять под «императорскую опеку». Осиротевших детей…— Александр на минуту задумался.— Сыновей немедля определить в лучшие военные училища, а дочек, их, конечно же, в Смольный институт. Всех на государственный кошт!

***

Император разглядел в толпе присутствующих на очередном торжественном собрании директрису Института благородных девиц и поманил ее пальцем.

— Мария Александровна, голубушка. Вам известно, что моя супруга Мария Александровна изволит хворать. Вследствие чего не может осуществлять шефский надзор за вашим заведением.

Директриса то и дело поправляла малый крест ордена Святой Екатерины, ловя каждое слово монарха.

— К сожалению, в дополнение к моим многочисленным обязанностям добавляется еще одна. Отныне курировать Смольный буду я. Ждите. Днями загляну.

***

Все воспитанницы, облаченные в нарядные платья, по случаю приезда Его Императорского Высочества чинно выстроились в ряд. Представлялись с поклоном.

— Екатерина Долгорукая.

На Государя смотрели бездонные глаза девчушки из далекого южно-российского имения.

— Тепловка. Помню, помню. Как тебе здесь?

— Если честно, не очень,— еле слышно произнесла молодая девушка поистине неземной красоты.

— Что так?

— Еда совсем негодная. Кушать хочется. Сильно.

Император поманил к себе министра двора. Прошептал на ухо:

— Распорядитесь немедля воспитанницу Долгорукую кормить тем же, что вкушает директриса. И еще! Присылайте ей конфеты с моего стола. Регулярно. Юная княгиня, сдается, их очень любит.

***

После этого случая Государь понял: девушка покорила его окончательно и бесповоротно. Ее стройный стан вставал перед глазами вне зависимости от его воли. И даже решая важнейшие государственные проблемы, мыслями он постоянно возвращался к Кате Долгорукой. К его Катюше!

Зима 1865 года

Окончив институт, Екатерина в имение не вернулась. Жила в столице, у брата.

Ежедневно в любую погоду совершала моцион в сопровождении горничной в Летнем саду. Там ее и повстречал император, покинувший дворец ради утренней прогулки.

Случайность? А бывает ли она в нашей жизни?

Царь, не обращая никакого внимания на удивленных прохожих и позабыв о неотложных государственных делах, бродил с предметом своих мечтаний по боковым аллеям. И говорил, говорил, говорил. Еще мгновение и вообще — признался бы в любви.

С тех пор они уже не расставались.

***

Государь в разговорах смущал юную красавицу комплиментами, зачастую более чем откровенными. Сообщил ей, что назначает ее фрейлиной к своей супруге. И отныне княгиня обязана присутствовать на всех официальных церемониях. И вообще, если пожелает, то может поселиться во дворце.

Апрель 1866 года

Александр, закончив свой обычный обход Летнего сада, попрощался с княгиней. Вышел за ворота, не спеша двинулся к ожидавшей его карете. Хозяин страны не спешил. Он любил побыть в одиночестве, поразмышлять, подумать. Никакой охраны рядом с собой не признавал. Да и кто может покушаться на жизнь помазанника Божьего в православной стране?

Однако в этот день, судьба приготовила царю жуткое испытание.

Непонятно откуда возникший юноша выхватил револьвер и направил в грудь императора. Еще секунда и все! Спас Государя стоящий неподалеку шапочных дел мастер. Проворно подскочил и успел ударить нападавшего по руке. На этот раз смерть со скоростью пули пролетела мимо.

***

Бывшую смолянку трясло. Час назад она договорилась о том, что вместе навестят младшую из Долгоруких в институте благородных девиц сегодня вечером. И вот этого самого вечера для императора могло не быть! Какой ужас! Террорист! Не где-то там, за границей. А у нас, в Санкт-Петербурге!

«Боже! Я ведь могла проводить его до самых ворот, но устрашилась кривотолков и покинула сад через калитку около канала».

Проплакала весь день. Поняла, что плачет не по императору. Рыдает по любимому человеку! По мужчине.

***

Государь, планов своих не изменил. Как и обещал, после ужина отправился в Смольный. Там и повстречал Екатерину. Смотрели друг на друга и молчали. А зачем слова двум безнадежно влюбленным?

Убийца своим выстрелом дал понять, как просто потерять то, что имеем.

***

Смолянка пылко и нежно отдалась Александру. Ну и пусть, что по возрасту он годится ей в отцы. Женщина обязана уступать мужчине. Так устроен мир! Рождаются дети, и жизнь на этой грешной земле продолжается. Фрейлина императрицы Марии Александровны, не выполняющая никаких придворных обязанностей, рано или поздно должна оказаться в постели своего господина. С этого дня Екатерина перестала видеть в царе только повелителя. Она научилась встречать своего мужчину с улыбкой на лице. Улыбалась мужу, пусть и незаконному. Пока!

***

Придворные вовсю судачили о новом увлечении стареющего монарха. Сколько их было мимолетных фавориток. Побалуется да и выдаст замуж за какого-нибудь вельможу. Царю ведь не откажешь. Однако все разом смолкли после того, как камердинер «по большому секрету» проболтался, что «Александр лично вручили фрейлине императрицы ключ от своих апартаментов во дворце! И теперь княгиня по ночам открывает низенькую дверь, ведущую в уединенную комнату, некогда служившую кабинетом батюшке императора. А там имеется потайная лесенка, прямиком в царские покои!»

***

Придворные окрестили смолянку «дерзкой наложницей» и выказывали ей всяческое презрение.

Но вернувшийся с очередной войны, император ничего не замечал или делал вид, что дворцовые сплетни его никак не касаются. В конце концов, каждый человек в Российской империи, в том числе и царь, имеет право на закрытую жизнь, на личное, семейное счастье.

***

А что же законная супруга? Многочисленные доброхоты изо дня в день докладывали женщине о каждом шаге фаворитки или уже второй жены. Мария Александровна страдала молча. Ее болезнь прогрессировала, и тягаться на равных за внимание любимого мужчины с пассией императора она, увы, уже не могла.

1871 год

В комнате бывшего царя Николая княжна произвела на свет первенца. Сына Георгия.

Отец ребенка находился поодаль. Переживал за здоровье своей Катюши. Требовал от доктора и акушерки сделать все возможное, чтобы с незабвенной Екатериной Михайловной не случилось непоправимое.

Мальчика перенесли в дом командующего личной охраны императора. Приставили к младенцу кормилицу и няню.

Бывшая смолянка никогда и ни о чем не просила невенчанного мужа. Как верная жена, вспоминая навыки, полученные в институте, утепляла на зиму его обмундирование. Беспрестанно следила за тем, чтобы «супруг» вовремя принимал лекарства и микстуры, прописанные придворными лекарями. С каждым днем, несмотря на огромную разность в возрасте, они становились друг другу ближе.

***

— Я устал и покидаю этот бал. Но все гости могут и должны продолжать веселье. Мое отсутствие не должно служить тому помехой.

Государь велел подавать карету.

Как только за императором закрылась дверь, дирижер дал команду, и зал наполнили звуки прелестной музыки. Танцующие выстроились для очередного тура. Но наследник престола Александр Александрович кинулся к оркестру.

— Я требую немедленно остановить музыку! Бал не может быть продолжен! До тех пор, пока здесь присутствует «эта женщина». Все согласятся со мной, она не имеет права танцевать и веселиться рядом с порядочными людьми.

После этого случая отношение отца и сына ухудшились до предела.

Александр Александрович и его супруга усматривали в детях княгини Долгорукой конкурентов в престолонаследии. Положение усугубляло еще то, что «эта женщина» проживала с незаконнорожденными потомками императора в том же дворце, что и семья наследника престола.

***

А по обеим столицам из уст в уста нашептывали легенду о том, что пару сотен лет тому назад прорицатель вещал: «Любого из дома Романовых настигнет преждевременная смерть, кто посмеет взять в жены девушку из рода Долгоруких». И ведь правда в том есть. Петр Второй внезапно помер! В самый канун свадьбы с княжной Екатериной Алексеевной.

Июнь 1880 года

Чахотка взяла свое. Не помогли поездки к морю, в отстроенный Ливадийский дворец. Марии Александровны не стало. Многие годы она несла свою ношу. Не было семейных скандалов или упреков в неверности августейшего супруга. Терпела молча. Молилась беспрестанно у святых образов.

После ее смерти нашли письмо, написанное когда-то давно. Государыня благодарила мужа за счастливо прожитую рядом с ним жизнь.

Погребение исполнили согласно принятому церемониалу, но без подобающего случая торжественности.

Два месяца спустя

По стране упорно гуляли слухи. Будто бы «добрый и сердечный Государь» даровал молодой княжне высокий титул ее Светлости. И эти пересуды были не беспочвенны.

***

В маленькой комнате Царскосельского дворца у походного алтаря Александр Второй, он же глава русской православной церкви, ни с кем не посоветовавшись, сочетался морганатическим браком с княгиней Долгорукой. Тем самым исполнив обещание данное девушке четырнадцать лет назад.

За несколько часов до этого личной охраной царя приняты строжайшие меры секретности. Никто из караульных солдат или офицеров, никто из прислуги дворца не должен был прознать о грядущем событии. Жених, не без основания, опасался, что многочисленная родня найдет способ сорвать предстоящее таинство.

Несколько часов спустя

— Адельберг! Распорядитесь огласить сей указ на всех площадях обеих столиц. Пусть мои подданные знают. Я жалую законной супруге титул и фамилию светлейшей княгини Юрьевской. Эту же фамилию получают ее дети, а также младенцы, которых она произведет на свет впоследствии. Далее, но уже тайно. Без огласки. Переведите на личный банковский счет Екатерины Михайловны три миллиона рублей золотом. И последнее. Подготовьте все необходимое для нашего путешествия в Крым. У нас начинается медовый месяц. Что же стоите, как истукан? Извольте незамедлительно исполнить волю своего Государя!

В этот день Александр Второй был бесконечно счастлив!

1 марта 1881 года

Еще зимой террористы наладили ежедневное наблюдение за передвижением императорского экипажа.

Составили подробный план. В воскресенье обязательная поездка в Манеж, присутствие на разводе караульных. Маршрут постоянен. Едут быстро, на повороте кучер придерживает коней. Идеальное место! Некоторые предлагали заминировать каменный мост. Сходили еще раз. Проверили и отказались. Людно. Незаметно не получится. По плану номер два предполагалось установить бомбу на Малой Садовой.

***

— Ваше Высочество, я все же категорически настаиваю на том, что Вам необходимо покинуть столицу. У нас есть информация…

Государь бесцеремонно перебил стоящего на вытяжку начальника Отдельного корпуса жандармов.

— Об этом не может быть и речи. Позвольте мне самому решать, в каком городе находиться. И давайте к этому вопросу не будем более возвращаться. Ступайте и делайте работу, за которую казна вам платит жалованье, а я останусь здесь и буду выполнять свою!

***

По улицам и переулкам Петербурга между тем бродили «подозрительные личности» — в широкополых мятых шляпах, в темных очках, с длинными волосами, всклокоченной бородой и непременным пледом поверх изношенных пальто. Горожане меж собой поговаривали, что карманы их напичканы бомбами.

Покушения следовали одно за другим. (Однажды, много лет назад, в Париже настырная цыганка Тамар нагадала ему пять жизней, но велела, пуще всего бояться женщину, со светлыми волосами и белого

батистового платка.) По всему выходило, что гадалка не зря выудила из монаршего кошелька несколько золотых монет. Ее предсказания сбывались. Отпущенные «пять жизней» таяли одна за другой.

***

Первый взрыв бомбы убил мальчика-разносчика, случайно проходившего со своей корзиной, и разрушил карету государя. Привлеченный видом несчастного император вышел. Он встал у перил набережной и прислонился к ним. По тротуару шла светловолосая женщина с белым платком в руке.

«Под платком у нее, наверное, револьвер»,— подумал монарх. И… ошибся.

Горожанка подняла руку вверх и просто взмахнула белым, батистовым платком.

Под ноги царя полетела вторая бомба.

***

Узнав о случившемся, светлейшая княгиня впала в забытье. Оправившись лишь через несколько дней и подойдя к зеркалу, увидела там постаревшую женщину. С седыми волосами.

***

На прощальной панихиде вдова вдруг остригла часть своих волос и вложила их в холодные руки любимого.

***

Взошедший на престол Александр Третий сделал так, чтобы княгиня Юрьевская и ее дети как можно скорее покинули пределы Российской империи и желательно — навсегда

***

Во Франции бывшая смолянка прожила более тридцати лет, всеми забытая. Ежедневно молилась за упокой души раба Божьего Александра. Мечтала и ждала часа, когда соединится с любимым на небесах.

1922 год

Смолянка пережила мужа на тридцать лет.

В некрологе, напечатанном в местной газете, ни слова не говорилось о том, что усопшая была законной супругой убитого русского императора. Журналисты писали, что покойница заботилась о бездомных животных и даже добилась от властей того, что в городе был сооружен специальный водоем, в котором собачки и кошечки всегда могли утолить жажду при жаркой погоде.

Николай ТИМОХИН

г. Семей, Казахстан

«ЗА ГЛАЗА ТВОИ КАРИЕ»*

Специально для читателей нашего альманаха член Союза журналистов России Николай Тимохин решил затронуть на его страницах, тему русского шансона. И его новым собеседником стал лауреат премии «Шансон года», поэт, писатель, музыкант, композитор, аранжировщик, автор-исполнитель и российский певец — Михаил Шелег.

НИКОЛАЙ ТИМОХИН. Михаил, кроме всего того, что я уже перечислил о вас, вы успели засветиться во многих жанрах. Вы были и бардом, и юмористом, и шансонье и вот теперь, что называется, ушли в эстраду. Помогает ли вам полученный раннее опыт, работать в песенном жанре? И что вы для себя почерпнули из него и сохранили?

МИХАИЛ ШЕЛЕГ. Эстрада — самый демократичный жанр! В среде бардов, рокеров, шансонье и проч. всегда присутствуют жесткие правила: будь таким же, как мы, иначе — мы тебя не пустим в наш круг. В роке ты должен носить длинные волосы, рваные джинсы, курить план и подпрыгивать на сцене. У бардов — можешь плохо играть на гитаре, но обязан носить бороду и свитер грубой вязки, и, конечно же, песни должны быть в основном о палатках и кострах. В шансоне — стригись коротко или вообще наголо, носи черный свитер с коротким воротом и черный пиджак не по росту большой (чтоб рукава висели), песни, конечно же, о тюрьме и судьбе, и непременно, чтоб хриплым голосом...

А в эстраде (не в попсе!) можно выйти на сцену и в костюме с бабочкой, и в джинсах — лишь бы выглядел чисто и аккуратно. Меня это вполне устраивает.

НИКОЛАЙ ТИМОХИН. За годы вашего творчества вам довелось встречаться со многими интересными людьми. Расскажите о вашей встрече с Михаилом Таничем, что у вас осталось в памяти от общения с ним?

МИХАИЛ ШЕЛЕГ. Михаил Исаевич Танич прошел длинный и трудный жизненный путь: он воевал и был награжден орденами и медалями, был незаконно репрессирован (отбывал на лесоповале срок), сочинил

* Название песни Михаила Шелега.

много стихов, ставшими песнями, и заслужил всенародную любовь и признание. В общении же он был человеком контактным, и многие артисты шли к нему за поддержкой и советом.

Однажды, я был у него в гостях с определенной целью: взять интервью для своей книги «Маэстро Шансон». Он очень интересный собеседник. Если ему что-то не нравилось (какой-нибудь артист или событие), он не выплескивал свои эмоции, а весьма аргументировано разбирал качества.

Я учился у него лаконичности в стихах: «Любовь — кольцо, а у кольца начала нет и нет конца...»

НИКОЛАЙ ТИМОХИН. Вы также общались и с Михаилом Кругом, причем за десять дней до его гибели. Что вы вспоминаете о нем?

МИХАИЛ ШЕЛЕГ. С Михаилом Кругом мы неоднократно встречались и на концертах, и в поездках, и в студиях. Я его называю — наш шансонный Илья Муромец. Парень был простой, но и дистанцию требовал соблюдать — не любил, когда к нему лезли обниматься. В своем творчестве ярко отобразил время и нравы 90-х годов.

Я был у него в гостях в Твери за десять дней до трагического события 1 июля 2002 года. Тоже, как и к Таничу, я приехал взять интервью для книги. Михаил оказался интересным собеседником, на многие вопросы он отвечал, я бы сказал, с несколько философским оттенком.

НИКОЛАЙ ТИМОХИН. Ваша песня «За глаза твои карие» — настоящий хит. Буквально вчера я, проходя мимо нашего Дома культуры, слышал, как эта песня доносилась из стоявшего автомобиля. Как вы считаете, почему одна песня, стоит лишь ей появиться на свет, сразу же становится хитом? А другие, хоть и звучат, что называется «из каждого утюга», в итоге становятся всего лишь «песенками-однодневками»? Что тому причиной? Авторы или, может быть, исполнители?

МИХАИЛ ШЕЛЕГ. Причина — это зрители. Только зритель делает из песни хит. Если людям песня не нравится, ты хоть сутками крути ее в эфире. Люди ее, конечно, запомнят, но... не полюбят, а отвергнут ее да еще и посмеются. А хорошая песня своим содержанием и ритмом совпадает с сердцебиением, дает человеку подсказку на вопросы «как быть? что делать?» и помогает порой в трудные минуты принять верное решение.

В России во все времена ценились песни со смыслом и чтобы непременно крылатая фраза в припеве! «Зачем вы, девочки, красивых любите? Непостоянная у них любовь...»

Сейчас американская песенная культура к нам проникла и пустила корни, но в основном в виде исполнительского мастерства и эпатажа. Смысла в западных песнях как не было, так и нет: сплошные «ес, ес, ес, ес, ноу, ноу, ноу, ноу» и в конце обязательно «оу, май бэйби!..» Под такие песни хорошо оторваться в ночном клубе, а вот у костра они как-то не прокатывают.

А если твою песню запели под баян на свадьбе, то считай, что она стала народной!

НИКОЛАЙ ТИМОХИН. Во время нашего общения, вы недавно высказали такую мысль, что «сегодня лагерная тема ушла в тень. Даже самые преданные “тюремные” шансонье пишут и поют лирику — публику на блатной шансон сегодня уже не заманить». И я сразу вспоминаю то время, когда сам торговал в 90-е годы аудиокассетами, и подобная музыка всегда пользовалась огромным спросом у покупателей. Значит между шансоном «лихих девяностых» и настоящего времени есть существенная разница. И все же, какой он — новый русский шансон?

МИХАИЛ ШЕЛЕГ. Когда свершилась Октябрьская революция, люди пели песни о том, что «Наш паровоз вперед летит...», «...Весь мир насилья мы разрушим до основанья...» и т.д. А в 90-е годы, когда в стране царил беспредел, когда вылез на поверхность уголовный элемент, время продиктовало свою эстетику. Советские люди всегда любили жанровую, так называемую, блатную песню — такова уж история нашего государства. Своего рода экзотика: в Америке — кантри, а в СССР — блатняк.

Это уж в 1991 году, когда проводили первый фестиваль шансона, пришли к идее назвать его не фестивалем блатной песни, а фестивалем русского шансона. Так появился одноименный жанр эстрадной песни (блатная песня — это устное народное творчество, как частушка, сказка, а русский шансон — жанр эстрадной песни).

Наивысшую популярность русский шансон обрел, когда появилось «Радио Шансон». Все таксисты всех российских городов переключили свои радиоприемники на эту волну. Кого-то тематика песен раздражала, но в основном, я помню, простым людям шансон пришелся по душе: песни хоть и простые, но душевные, содержательные.

Сегодня шансон стал более лирическим, появилось много песен про любовь — жизнь изменилась. Людям не хочется коротать вечер в ресторане под песни о лагере и колючей проволоке. Пусть популярный певец шансона хрипит, но пусть хрипит о любви.

НИКОЛАЙ ТИМОХИН. Что для вас служит вдохновением в вашем творчестве? И на какие темы вы предпочитаете писать?

МИХАИЛ ШЕЛЕГ. Вдохновением может послужить простое событие: встреча с друзьями, общение с интересной дамой, дорога, прогулка по старому городу, да все что угодно. Песен написано много. В одном концерте и десятую часть не споешь.

Когда был молодым, сочинял для танцев. Потом попал в бардовскую среду, на дворе заканчивался застойный период и начиналась перестройка, и песни были соответствующие — протестные, критические, сатирические. Советский Союз приказал долго жить — стал сочинять блатные, хулиганские песни «за Одессу-

маму» (тогда я написал книгу об Аркадии Северном и увлекся блатной песней). А когда в шансоне все запели про тюрьму и Колыму, я запел лирику.

Сейчас из под пера выходят больше философские песни о жизни, о судьбе...

НИКОЛАЙ ТИМОХИН. Как известно, время не стоит на месте и все меняется. Но как происходят изменения в современной эстрадной песне, об этом неустанно напоминают нам со сцены юмористы. Как вы относитесь к новым песням? Что вы слушаете дома? Какая музыка вам нравится?

МИХАИЛ ШЕЛЕГ. Если честно, то дома я магнитофон не включаю. Фоном звучит музыка из телевизора. Я в нее не вслушиваюсь, иначе от содержания меня скрючит. Думаю, что в Советском государстве 99% всего того, что звучит в эфире сегодня, не прошло бы худсовет.

В России всегда было много талантливой молодежи. Уверен, и сейчас ее немало. Но если раньше твой талант оценивали профессионалы по эстетическим критериям, то сегодня его оценивает шоу-бизнесмен по рыночным критериям. А рынок диктует американский шаблон: девушка — разденься, юноша — накрась губы.

Но когда мы собираемся с друзьями на кухне, я включаю записи «Битлз» — это музыка моей юности.

НИКОЛАЙ ТИМОХИН. У творческих личностей часто бытует такое мнение, что их самое лучшее произведение — еще впереди. Согласны ли вы с этим утверждением? И каковы ваши творческие планы? Есть ли в них место на отдых?

МИХАИЛ ШЕЛЕГ. Творчество — это не плановое социалистическое хозяйство. Запланировать сочинение хита невозможно! Бывают периоды, когда нет вдохновения — не пишется и все тут! Отчаиваться не стоит. Найдите возможность съездить куда-нибудь, набраться новых впечатлений, эмоций. Глядишь, строчки сами на бумагу побегут.

Юрий Олеша как-то провозгласил: «Не дня без строчки!» Думаю, что этот девиз скорее подошел бы штабному писарю, но не поэту. Не надо следовать этому правилу — а вдруг насочиняешь чего-нибудь, в чем потом и признаться будет стыдно.

Я занимаюсь разными видами творчества: само собой песни, но еще я пишу прозу, но не художественную, а больше мемуарную. Так же очень люблю путешествовать и фотографировать, благо сегодня это стало доступно. Люблю собственноручно верстать макет книги или фотоальбома.

А песни лучше всего сочиняются глубокой ночью.

НИКОЛАЙ ТИМОХИН. В середине 90-х вы написали книгу «Аркадий Северный. Две грани одной жизни». Причем ее первое издание вышло под названием «Споем, жиган!» Расскажите об этой работе. Почему ее героем стал именно Северный? И какие новые ваши книги еще впереди?

МИХАИЛ ШЕЛЕГ. В 1992 году, когда с приходом ельцинской власти, в стране рухнула экономика, работы у артистов не стало. Гастроли все отменили, филармонии позакрывались. Нужно было как-то компенсировать простой. Не сидеть же сиднем и пиво пить. В те годы моя жена вела на радио передачу «Ретро-альбом». В ней она рассказывала об артистах прошлого: Александре Вертинском, Петре Лещенко, Надежде Плевицкой, Анастасии Вяльцевой и др. Когда список имен закончился, жена спросила, кого я могу еще посоветовать. Я предложил рассказать об Аркадии Северном — легендарном исполнителе жанровых песен.

О Северном мы не знали практически ничего. Он не был ни кино-, ни теле-, ни эстрадной звездой. Песни в его исполнении знали многие, а вот биографию никто не знал. Я вышел на знакомых коллекционеров магнитофонных записей и раздобыл материал. Радиопередача вышла, но позже я узнал, что биографическая часть материала была неверной. А где найти верную?

И я отправился на поиски. Интернета тогда еще не было, мобильной связи тоже, поэтому искать людей, которые знали Северного, записывали его и распространяли записи, оказалось делом весьма не простым.

За год я собрал материал, познакомился с хорошими людьми и в итоге выпустил два газетных «подвала» (которые мгновенно разлетелись). Это послужило поводом собрать книгу, куда вошли интервью, размышления о происхождении блатной песни и тексты песен, которые я прослушивал на магнитофоне и конспектировал.

В итоге книга переиздавалась три раза.

Сейчас я работаю над книгой, условное название которой «Природа артиста». Хочу поделиться опытом: как артист ездит на гастроли, как записывается в студии — короче, закулисная жизнь. С приходом интернета это стало делать проще, но и сложнее: люди перестали читать книги. Многие выбрасывают целые библиотеки на помойку. Иногда думаю: а что, если однажды весь интернет в мире накроется! Что вы читать будете?

НИКОЛАЙ ТИМОХИН. Михаил Владимирович, от имени читателей нашего альманаха, я хочу поблагодарить вас за интересную беседу. Ваши песни радуют многих и многих слушателей. Что вы можете пожелать авторам нашего альманаха и его многочисленным читателям?

МИХАИЛ ШЕЛЕГ. Что может пожелать автор песен своим коллегам по цеху? Только вдохновения и любви зрителей! А читателям — побольше хороших и красивых песен, чтоб они «...строить и жить помогали!..»

Москва — Семей — Тула

Ирина ШУЛУПОВА

г. Тула

Ирина Шулупова родилась в г. Туле. Окончила колледж искусств им. А. Даргомыжского и ТулГПУ им. Л. Н. Толстого, руководитель детского музыкального ансамбля «Колокольчик» — лауреата Всероссийских и Международных детских музыкальных конкурсов. Пишет песни для детей и взрослых, дипломант городского конкурса «Песни о Туле — 2016».

ПРОГУЛКА ПО КРЕМЛЮ

Много есть красивых и памятных мест в нашем городе. Но одно из них особенное, сюда невозможно не прийти, и я думаю, что каждый житель нашего края хоть раз побывал здесь. Вы уже, наверное, догадались какое это место? Правильно, это сердце нашего славного города — Тульский кремль! Вот на прогулку по кремлю я вас и приглашаю.

Давайте войдем на территорию кремля через главную башню — Одоевскую.

Проходя под сводами кремлевской стены, сразу чувствуешь силу и мощь этого сооружения. Да, действительно, пять веков назад, в 16 веке, кремль строился как крепость, которая должна была защищать жителей города от набегов врагов. В строительстве принимали участие итальянские зодчие. Несмотря на то что наш Кремль, в отличие от московского и других кремлей России, был построен не на возвышенности, а в низине, на берегу реки Упы, крепостью его стен можно только восхищаться. За пятьсот лет своего существования они не дали ни одной трещины!

Каменный кремль — старейшее сооружение Тулы. Эта крепость защищала южные границы Московского княжества от ордынских набегов и была главным звеном знаменитой Большой засечной черты.

Тульский кремль — один из самых важных исторических памятников Тулы, расположенный в самом центре города. Это один из двенадцати уникальных кремлей, которые сохранились в России до наших дней. В 1514 г. князь Василий III приказал возвести в Туле каменный град, как в Московском Кремле, его строительство длилось семь лет. С 1520 года Тульский кремль является абсолютно несокрушимым — его много раз осаждали, но ни один недруг так и не смог попасть внутрь.

Крепость Засечной черты —
Доблесть Российской державы,
Кремль наш достиг высоты
Неувядаемой славы!
Сердце земли мастеров,
Подвиг священный народа —
Кремль наш — отвага отцов,
Нам сохранивших свободу!

Войдя на территорию кремля, мы с вами попадаем как бы в средневековый город, который всегда готов к отпору врага: высокие, толстые стены из белого камня и красного кирпича, бойницы для орудий, дозорные башни по всему периметру стен, мощные ворота, надежно защищали жителей нашего героического города от неприятеля.

В ансамбль Тульского кремля, помимо стен и девяти башен, не претерпевших существенных реконструкций с 16 века, входят два бывших кафедральных собора: Свято-Успенский и Богоявленский, торговые ряды и здание первой городской электростанции.

Проходим вперед по территории кремля. Перед нами во всем своем величии встали храмы и колокольня, построенная вместо бывшей ранее совсем недавно, уже в 21 веке, но очень гармонично вписавшаяся в данный архитектурный ансамбль соборов. Икона Святителя Николая, находящаяся на Одоевской башне кремля — главный его оберег и хранитель.

Щит святителя Николая — знак добра наших мирных дней.
Тульский кремль — достояние края, сердце Тулы любимой моей!

В 2007 г. на территории Тульского кремля был открыт Музей народного и декоративного искусства. Здесь представлены более тысячи уникальных экспонатов: тульская городская и филимоновская игрушка, белевское кружево, народный костюм, вышивка и многое другое.

Не менее интересный объект сегодняшнего кремля — музей — атриум. Это современное светлое и просторное сооружение, в котором разместились музейные залы и большая сценическая площадка, где проходят городские, областные и всероссийские культурно-исторические мероприятия и выставки. На цен-

тральной площади кремля установлена сцена, на которой проходят выступления тульских артистов. Не раз на этой сцене звучали и наши с Людмилой Пеньковой песни о тульском крае. Рядом идут раскопки древнего слоя, и скоро здесь установят археологическое окно, через которое можно будет рассмотреть все детали.

А сейчас, дорогие друзья, давайте заглянем в торговые ряды, примыкающие к кремлевской стене слева от атриума. Чего здесь только не увидишь! Все тульские бренды представлены в большом разнообразии. Особенно здесь много туристов из других регионов России и даже зарубежья. На память о Туле они покупают сувениры в виде самоваров, пряников, гармоней, оружия, открытки с видами памятных мест нашей древней, но такой молодой Тулы!

Кремль прошагал пять веков,
Но энергичен и молод.
Радует всех туляков
И прославляет свой город!
Тульский кремль отсчитал пять веков.
Шел по жизни достойно, красиво!
Тульский кремль — свет земли туляков.
Он — достоинство нашей России!

Ну, а теперь нас ждет не менее интересное и очень атмосферное место прямо за кремлем! Правильно, мы выходим через кремлевскую арку на простор Казанской набережной! У меня аж захватывает дух от красоты и пространства! Хочется все рассмотреть, везде побывать. А посмотреть-то есть что: красивая, ухоженная территория с зелеными газонами, детскими площадками, велодорожками, кафе, атробъектами, местами для отдыха. Спускаемся к реке Упе (это, между прочим, ее старое русло) и о, восторг! Современная набережная с целыми этажами лавочек, которые облюбовала молодежь и молодые семейные пары с детьми. По реке желающие плавают на прогулочных лодках, а с берега добрые горожане кормят уточек, плавающих тут же. Давайте поднимемся на смотровую площадку. Да, вид потрясаюший! Вся набережная как на ладони! И сейчас наша Казанская набережная мне очень напомнила недавно построенный в Москве парк «Зарядье», в котором я недавно побывала, только масштаб поменьше.

Да, преобразилась Тула за последние три года! К юбилею кремля весь центр города реставрируют. Идут большие работы в примыкающем к кремлю Историческом квартале на улице Металлистов. Хочется надеятся, что это только начало преобразований. И скоро наш любимый город станет действительно интересным туристическим центром России. Ведь нам есть что любить, и есть чем гордиться!

Крепость возводили у реки — туляки!
Славные Левши ученики — туляки!
Сердцу дорогие земляки — туляки!
Туляки, с тобой мы туляки!

«ИНТОНАЦИИ СЕМЕЙНОГО СЧАСТЬЯ»

«Счастлив тот, кто счастлив у себя дома».
«Только тогда легко жить с человеком, когда не считаешь
ни себя выше, лучше его, ни его выше и лучше себя».

Л. Н. Толстой

Все мы рождаемся в семье, а вырастая, создаем свою собственную. Так устроен человек и такова жизнь. Мужчина и женщина, создавая союз, привносят в него каждый свое, и все это вместе образует фундамент семейных отношений, создает атмосферу, в которой будут рождаться и расти их дети. Что же такое для человека семья? Семья — это дом родных и любимых людей, где можно найти успокоение и поддержку, где тебя любят и ждут, это тыл и фундамент, на котором строится вся жизнь. Каждый человек хочет иметь счастливую, дружную семью. А какое оно — семейное счастье?

Семья не может существовать без семейных ценностей, именно они сохраняют ее целостность и духовное здоровье, делают членов семьи по-настоящему счастливыми. Что такое семейные ценности? Уж точно не документы на машины или квартиру, деньги, не бабушкины сокровища. Хотя для кого как. Если выйти на улицу и спросить об этом у прохожих, то я думаю, что многие ответят, что это, прежде всего, любовь, доброта, взаимопонимание, уважение. Между близкими людьми строится духовная связь. Вступая в брак, мы меняемся кардинально, так как соединяются привычки, вкусы, традиции новых родственников, основанные на опыте предыдущих поколений.

Семейные ценности — это обычаи и традиции, которые передаются из поколения в поколение. Это — чувства, благодаря которым семья становится крепкой. Это — все то, что люди переживают вместе внутри

дома — радость и горе, благополучие, успех или проблемы и трудности. В семье мы ищем поддержку и признание. Существует много видов ценностей. В каждой семье рассматривают их по-своему. Например: чем больше семейных воспоминаний, увлечений, тем сильнее духовное родство. Есть семьи, где с достоинством и уважением продолжают дела своих предков: врачи, учителя, моряки, военные, артисты, можно долго перечислять. Такие династии становятся примером для окружающих.

В обществе семейные ценности принято подразделять на два вида — традиционные и современные.

Традиционные семейные ценности можно охарактеризовать как результат взаимодействия на продолжительном этапе времени общества с его взглядами, религиозными нормами, признанными в этом обществе, направленными на сохранение института семьи. Верность, любовь, уважение, святость материнства, почитание старших, продолжение рода — это далеко не полный, но основной список семейных ценностей. Именно их пытается привить молодым старшее поколение, о них можно услышать с экрана телевизора, о них говорят в церкви и т. д. Основной смысловой нагрузкой, которую они несут, является брак как единственно правильная форма совместной жизни мужчины и женщины. Цель его при сохранении веры и любви друг к другу — продолжение рода и воспитание детей.

В основе современных ценностей семьи, по-прежнему, лежат доверие, любовь, ответственность и взаимопомощь. Однако времена меняются, каждая эпоха несет с собой что-то новое, прогрессивное. Наше общество стало более свободным и открытым. Некоторые изменения коснулись и брачных устоев. Женщина теперь выполняет не только роль матери и хозяйки дома. Она успешно реализует себя в профессии, строит карьеру, зарабатывает деньги наравне с мужем. А домашние обязанности часто делятся поровну, по взаимному согласию. Практичные люди стали заключать брачные контракты или просто официально не оформлять отношений. Вступать в брак начали позже — темп жизни изменился. Молодым людям хочется все успеть — получить высшее образование, поработать, получить какой-то опыт, встать на ноги. Только добившись всего намеченного, они всерьез начинают задумываться о создании семьи.

Главной семейной ценностью остается любовь. Она проявляется в нежности по отношению к любимому человеку и членам семьи, желанием заботиться о них, защищать, беречь, быть постоянно рядом. Союзы, основанные на любви, как правило, бывают счастливые и благополучные. Они представляют собой крепкий оплот, тихую гавань, в которую всегда можно вернуться, получить поддержку и утешение. «Счастье любит тишину» — говорят в народе. И это действительно так.

В последние годы в нашем обществе уделяется большое внимание проблемам воспитания и сохранения семейных ценностей и традиций: это семейные праздники, спортивные соревнованияи множество других мероприятий по укреплению роли семьи и воспитанию детей.

Создание семьи и воспитание ценностей — тяжелая задача. Она требует большой самоотдачи и кропотливого многолетнего труда. Именно в браке закладываются такие качества, как верность своим идеалам, друзьям и родственникам, преданность своему отечеству, любовь и вера, доброта и щедрость, ответственность и взаимопомощь, уважительное отношение не только к старшим, но и ко всем окружающим. Простые правила и моральные устои, формируясь в пределах родного дома, переносятся затем и в общество. Они проявляются в поведении человека в садике, школе, институте, на работе и в общественном месте. Родовые ценности формируют культуру человека, делают общество более гуманным, отзывчивым, нравственным. Так пусть же все семьи будут счастливыми!

Семья — наши корни, живая вода,
Людей самых близких планета!
Семья — путеводная наша звезда,
Ведет нас к добру, миру, свету!

(Людмила Пенькова)

Татьяна РОГОЖИНА

г. Тула

Окончила экономический институт. Работала инженером, экономистом. Книги автора можно купить в интернет магазине издательства «Союз писателей, искусствоведов и критиков “Титул”», а также «Литрес», «Амазон», «Озон» и других. Постоянный автор нашего альманаха.

ОСТАВАЙТЕСЬ ДОМА

Заразки*

1. Стремительное появление коронавируса резко поменяло картину всего мира, пусть не идеального, но такого привычно-знакомого, что даже жалко расставаться с родным болотцем, хотя и придется. Границы закрылись, аэропорты замерли в бездействии, а интернет наполнился кадрами совершенно пустых улиц. Оставайтесь дома — сказали нам — пандемия. И напомнили про испанку, что извела тьму народа,— так вот эта зараза ничуть не слабее той, что из прошлого века. Поневоле задумаешься — уж не вселенский ли это замысел с очень туманными и, весьма вероятно, нехорошими целями, или расчетливый заговор мирового правительства, или все-таки случайность? В последнее как-то верится больше. В поисках ответа пришлось мне эту самую картину мира рассмотреть подробнее, да вот незадача, чем больше деталей, тем настроение хуже. Бросила. Отложила крупные формы на потом. Лучше с малого начать, то есть с себя и ландшафта, что вокруг сформировался. Да, получится субъективно, но зато более понятно и не менее волнительно.

2. Карантин, который почему-то назвали самоизоляцией (хотя, скорее, это спецрежим, к которому принуждают штрафами и прочими лишениями), поначалу показался вполне себе уютным, к тому же он одновременно подходил и для паники — бояться удобнее дома, и для шутки — если не смеяться, то до невроза (это когда душа не в розах) недалеко, и для серьезных размышлений — чтобы форму не терять. Короче, не пугайте интроверта самоизоляцией.

3. Самый большой стресс теперь — это поход в магазин.

4. Изоляция от опасного вируса совпала с генеральной сезонной уборкой, когда надо шкафы разобрать, зимние вещи спрятать подальше — надоели! и добыть с полок что-нибудь полегче и понарядней.

Тут без музыкальной поддержки не обойтись.

Иногда, правда, с моими предпочтениями, происходит нечто странное. А все YouTube виноват — предлагает послушать-посмотреть то, чего раньше я и не встречала. Вот, к примеру, в конце прошлого лета подсела на монгольский рок, что для меня самой загадка. Где я, которой в условиях карантина до запрета на выход из дома осталось всего ничего, и где рок?! Монгольский. Но ведь смотрю же до сих пор, слушаю. Что-то природно-свободное есть в этих брутальных парнях, плюс горловое пение с его захватывающими вибрациями, что к первооснове всего сущего возвращает, ну и картинка в некоторых клипах волнующе самобытна. Плюс бонус: так как в моем организме явно агрессии не хватает, то очень скоро выяснилось, что под звуки монгольского рока особенно хорошо пыль изводить и с кошачьей шерстью бороться.

Короче, помогли мне монголы со шкафами и прочими объектами справиться, причем в рекордно короткие сроки.

5. Известно, что на повторах, на ритме основаны и музыка, и стих, и красота храмов и много чего еще. В частности, фотография, в которой чередуются геометрические формы, пятна, линии, точки; удачно расположенные, они превращают фото в художественное произведение. Ритм дает движение, он универсален, потому как присутствует везде — в пульсирующем биении сердца, в дыхании, в чередовании сезонов, в смене эпох. А в прозе? И там тоже. Ритм, хотя в прозе он не так очевиден, присутствует в любом произведении, он есть и в развитии сюжета, в построении фразы, абзаца, главы, в смене ситуаций и так далее.

«1. Звуки бежали вместе с минутами. Ряд минут составлял время. Время текло без остановки. В течение времени отражалась туманная Вечность.

2. Это была как бы строгая женщина в черном, спокойная… успокоенная.

3. Она стояла среди присутствующих. Каждый ощущал за спиной ее ледяное дыхание.

4. Она обнимала каждого своими темными очертаниями, она клала на сердце каждому свое бледное, безмирное лицо».

Это Андрей Белый и его ритмическая проза, точнее, вторая симфония, которая драматическая.

6. Абсурд — лукавая изнанка смысла.

Позвонила свекровь и, немного смущаясь, сказала, что ей пришло уже несколько сообщений от знакомых с настоятельным призывом закрыть окна, вроде как ночью вертолеты начнут распылять над городом дезинфицирующее вещество от вируса.

---

* Заразки — в данном случае это короткие тексты, написанные во время карантина за один раз, то есть сразу и быстро.

«Да ну, бред» — засомневалась я, но форточки на всякий случай затворила. Мало ли…

Я же с пандемией раньше не встречалась.

Вообще понимание того, что ты находишься в состоянии полной неопределенности и не можешь контролировать собственную жизнь, побуждает интерес к поиску дополнительной информации.

Ага, думаешь, дай-ка я вот эту статейку почитаю, автор — профессор, кандидат наук, может, что и прояснит. Не прояснил. Зато подвернулся ролик с каким-то незнакомым заморским доктором, который уверенно сообщил, что скоро мы почти все умрем, если не будем мыть руки. Нет, говорит другой авторитетный товарищ, вирус этот ерунда, просто очередной передел мира, а те, кто боится заражения, ешьте чеснок и имбирь. В комментариях кто-то мрачно пошутил, что это второй этап пенсионной реформы. Держитесь, господа!

Нахватавшись всякого-разного из интернета, где свобода слова доведена порой до абсурда, взяла себя в руки и переключилась на видео про котиков, хотя без мирового заговора и козней злых сил жить, наверное, уже не так интересно.

7. Когда с проблемой не могут справиться, то начинают наказывать всех, кто о ней говорит или не подчиняется правилам. Это я о штрафах. Тотальное недоверие друг к другу.

8. Крамольная мысль: а вдруг коронавирус есть, то есть живет и «здравствует», только если о нем говорят и пишут.

Пока что среди знакомых нет ни одного заболевшего.

9. Холодно. Солнце в пустом небе одиноко болтается. Деревья еще ажурно-голые, но почки держат уже наготове. Порывистый ветер развлекается с пылью, то кружит ее вдоль дороги, а то, резко меняя направление, щедро сыпет в глаза.

Спасибо карантину, что велел дома сидеть. Пусть пыль, вирусы и аллергены без меня по улицам шастают, а я найду чем себя занять.

10. Слово — это звук. Точнее, соединение звуков и смысла. В тайных глубинах смысла слов неплохо разбирается Арефьева, Ольга. Певица, музыкант, поэт, иногда паяц и лицедей. Яркая, живая, у нее десятки лиц, она совсем не силиконово-игрушечная, а тонко и светло устроенная, ее интересно слушать во всех жанрах и стилях, будь то джаз, рок, регги или народная духовная песня. Иногда это просто какое-то запредельное язычество. Она невероятно искренна и артистична. Стихи, правда, не для всех. Праздно-мимопроходящие вряд ли услышат. А жаль. Песни ее бывают глубоки и почти всегда афористичны. И голос, пластичный, немного пронзительный, но Ольга виртуозно им владеет.

Хрупкая и одновременно невероятно мощная энергия.

11. Между мной и ноутбуком втиснулся Вилька. Боднулся в руку, намекая, что он тоже не против похода в интернет. Включила для него специальный кошачий ролик, где лесные птицы к деревянной кормушке слетаются. Сидит, смотрит, голову то в одну сторону клонит, то в другую, интересно же, как потусторонняя жизнь устроена. Продвинутый кот. Наверное, потому что молодой. Вот старичку Тигру все эти девайсы ни к чему, ему бы от всех спрятаться под покрывалом и вздремнуть до следующего приема пищи. Трехцветная толстушка Триша тоже одинаково равнодушна и к виртуальной мухе, что с назойливым жужжанием мечется по экрану, и к вечно голодным мышам, и уж тем более к юркой веревочке-дразнилке, которая только у Вильки вызывает восторг. У Триши — особая миссия. Одним глазом, голубым, она прямо из Космоса принимает вселенскую информацию, другим, желтовато-зеленым, пытается передать ее домашним землянам (с другими обитателями планеты она незнакома). Мне время от времени удается что-то уловить, но, видимо, с искажениями, из-за чего кошка смотрит на меня с легкой укоризной. Она как опытный контактер терпелива и мудра.

12. В изоляции явно не хватает движения. Ни тебе прогулок в парке, ни поездок-путешествий по окрестностям, и есть реальная угроза, что к лету придется джинсы на размер больше покупать. Попробовала покружить по улочкам между частными домами — неинтересно и как-то глупо слоняться без всякого дела да еще в маске, да с подозрением глядя на редких прохожих. Буду лучше по квартире ходить, в полной безопасности, но получилось это как-то вяло, без энтузиазма. Может быть, тапки тому виной? Точно! Меняю домашнюю обувь на новые кроссовки (их все равно надо разнашивать) и сразу стало веселей. Довольная собой топаю туда-сюда, коты в удивлении за мной таскаются. Хватило нас минут на десять, потом опять скучно стало и диван все время на пути попадается, манит мягкими подушками. А сила воли? Имеется, конечно, но какая-то слабенькая, видимо, мотивации не хватает.

Вот если бы на ходу можно было читать…

Стоп! Именно для таких случаев и существуют аудиокниги, как я сразу не догадалась.

Для начала выбрала «Записки психиатра, или Всем галоперидолу за счет заведения» Максима Малявина. Очень успокаивающая книга, очень.

И дело пошло. Хожу. Слушаю. Полезное с приятным объединяю.

13. Вроде бы жизнь наладилась, Люди и не к такому привыкают. А тут всего лишь самоизоляция. Правда, со всеми сопутствующими и вытекающими. Вот они-то и приманили меланхолию с хандрой.

А тут еще Арефьева со своей «Птицей серой» окунула меня, не спрашивая, в тоскливую бездну блюза, с тотальным его одиночеством и грустью сразу обо всем. Улетела родная стая на юг (в Калифорнию). «На юг

по чужой земле, на юг по чужой траве, на юг по чужой воде, на юг!». И остались мы, птицы серые, совсем одни на земле неласковой, невеселой. Да. Печалька.

Блюз — это вовсе не музыка, это состояние души.

«Твое небо — в пустых глазах, твои песни — в глухих ушах, твои крылья забыли взмах, твое сердце сжимает страх».

Простые вроде бы слова, незатейливые, но сердце рвет, сжигает кожу...

14. Потом блюз другими мелодиями сменился. Да и карантин не вечный. Ограничения некоторые отменили, но как-то путанно, неоднозначно. Парк для прогулок открыли, но ввели масочный режим. Плавать в бассейне можно, а вот в библиотеки — ни в коем случае. Торговые центры — под запретом, зато в гипермаркеты — пожалуйста. Просто взрыв мозга какой-то!

Спасибо интернет разъяснил: «Для тех, кто запутался, что именно продлили до 31-го, а что отменили с 12-го мая. Так вот: теперь работать и свободно гулять не только можно, но и нельзя». Н-да.

15. Узнала много новых слов:

Думскроллинг — долговременное чтение негативных новостей.

Ковидиот — человек, недооценивший опасность вируса.

Локдаун — принудительная изоляция.

Карантье — люди, сдающие собак в аренду для прогулок.

16. Листаю «Опавшие листья» Розанова и неожиданно понимаю, что мои несерьезные «заразки» — это тоже эссеистика, в которой картина складывается из зарисовок, мыслей, заметок. Память услужливо подсказывает, что в подобном стиле писали Монтень («Опыты»), Олеша («Ни дня без строчки»), Эпштейн («Клейкие листочки»), Боровиков («В русском жанре. Из жизни читателя»), Блез Паскаль («Мысли») и многие другие.

От перечисления имен такая мыслебоязнь сделалась, что несколько дней файл с «заразками» не открывала, благоразумно взяв паузу для раздумий, тем более что данный жанр мозаичной эссеистики предполагает некую необязательность и даже незавершенность.

«Кто никуда не плывет, тому не бывает попутного ветра» напомнил мне Монтень, вернув обратно равновесие и желание продолжить игру со словами и смыслами, хотя уложить все элементы переживаемой и наблюдаемой жизни в единую, причем постоянно меняющуюся картину, не так уж и просто.

Вообще мозаичная эссеистика — это еще один способ самопознания, своенравный и достаточно свободный, если удастся отключить внутреннего цензора.

17. Заполошно мчатся дни, сбиваясь в такие же быстрые недели. Не догнать. Я безнадежно отстала — читаю новости четырехдневной давности. В современном мире с информацией прямо беда, ее стало столько, что всю невозможно потребить и переработать.

Обычно мне как-то удавалось с этим справляться, но сейчас, в условиях небывалого кризиса, тесно сросшегося с пандемией, ощущение тревожащей неопределенности заставляет все чаще проглядывать новостные ленты, хотя полезности в том, скорее всего, никакой нет. Чужие мнения, обзоры, истории ненужным мусором оседают в сознании, мешая быстро и ясно мыслить, и хочется уже покоя. Как там у Саши Черного: «Создатель мой! Спасибо за весну! Я думал, что она не возвратится,— Но... дай сбежать в лесную тишину от злобы дня, холеры и столицы!»

Вот. Именно. Сбежать. Но в лес тоже нельзя. Карантин.

Выход один — информационная диета.

Надо, деловито думаю я, составить ее из одних полезностей, то есть никакого негатива и бездумных гуляний от ссылки к ссылке. Новости так вообще не смотреть, особенно впрок,— по любому ведь узнаю, если что важное случиться. Да, и непременно заменить ролики с чужими котиками на реальное общение с котами домашними.

Как же это оказалось сложно — диету соблюдать,— интернет постоянно искушает, а разум мой несовершенен и эгоистичен. Излишняя информация то там, то тут прорывает выстроенные мной границы.

18. Когда все вокруг движется быстрее и быстрее, надо замедлиться и расслабиться. Кто же спорит?! Но где взять для этого силы, одного желания недостаточно, только и думаешь, о чем бы еще потревожиться.

Мы сами себе темница…

19. На одной из тропинок парка какая-то синичка, зависнув на секунду прямо перед лицом, дала понять, что не против утащить с моей руки еду, предназначенную для белки. Я протянула руку и она, вежливо потоптавшись лапками на моей ладони, выбрала среди семечек крупную крошку грецкого ореха и упорхнула, потом снова вернулась, и так не один раз. Запомнив место, я стала ее навещать, не всегда, правда, успешно — иногда синицы не было «дома».

Однажды она прилетела не одна, а с птенцом, уже крупным и вполне себе подвижным. Он уселся рядом на куст и в ожидании еды громко попискивал. Мама-синичка, получив от меня лакомство, устроилась рядом с ним, придерживая лапками орех, отщипывала от него кусочки и совала крикуну в раскрытый клюв.

Чудесный подарок лета.

20. Страхи, связанные с вирусом, поутихли, и большинство людей предались привычным летним забавам, но из-за ограничений — неподалеку от дома. Самые смелые отправились путешествовать за пределы города.

Вот и мы решили попить чаю из термоса в каком-нибудь симпатичном месте. В Одоеве задерживаться не стали, сам городок со своими ржавыми крышами и обвалившейся штукатуркой по-прежнему сер и скучен, хотя какое-то движение наметилось: несколько старинных домов восстановили, от развалин храма убрали фигуру Ленина, теперь он стоит среди деревьев справа, указывая дорогу в «светлое будущее» все в том же направлении. И только виды со смотровой площадки неизменно хороши.

Зато Дубна порадовала. Здесь восстановили усадьбу промышленников Мосоловых, основавших в восемнадцатом месте чугунно-плавильный завод, вокруг которого и возник поселок. Живописный пруд, ухоженный парк, набережная, и сияющий свежей краской усадебный дом с четырьмя парадными фасадами — все сохранило колорит маленького атмосферного городка.

Да вот незадача — музей из-за карантина закрыт и нет никакой возможности на чугунные отливки взглянуть и с историей поселка познакомиться.

Тем не менее видами полюбовались, чай выпили и отправились дальше, в Крапивну, что долгие года была заповедником руин, словно время со второй мировой войны в здешних местах остановилось. Тем не менее и тут перемены к лучшему наметились: от ротонды на смотровой площадке деревянная лесенка к речке спускается, купеческий дом неподалеку как новый сделался — бело-голубой, с ажурным балкончиком, глазу приятный. Собор Николая Чудотворца в лесах стоит. Но в целом картина все той же убогости и разрухи — полуразрушенные дома, размытые дорожки, косые заборы.

Провинциальная повсеместная никомуненужность. Увы.

21. Июльский рассвет — желто-дымчатый, зябкий и какой-то короткий, зато закат порадовал — лилово-розовый на бирюзе медленно темнеющего неба.

Природа щедра и даже порой расточительна, но не все ее создания приятны человеку. Вот как, скажите мне, как доходчиво объяснить комару, что фумигатор для него смертельно опасен. Зудит и зудит, паразит, не обращая никакого внимания на достижения бытовой химии.

22. Поставив жизнь на паузу, листаю не без легкой грусти альбом «Хорошо в Изборске», привезенный из поездки несколько лет назад. Автор — псковский художник Александр Стройло. На каждом развороте картинка и короткий рассказ к ней, и то и другое немного лукавое, чуть-чуть наивно-смешное и бесконечно мудрое.

Там действительно очень хорошо.

Как, впрочем, и в любом путешествии. Немного свободы и разум с его скучным «надо» притих, расслабился, возвращая тебе себя, искреннего и открытого миру, а некоторая неопределенность в пути только бодрит и даже обещает приключение.

В Изборске, бывшем городе, а теперь просто поселении, чья родословная от Рюрика началась и где история с природой объединились, все так и было. Сначала белая крепость на Жеравьей горе, Никольский храм, смотровая башня Луковка, подземелье и тайные ходы, потом холмы с перелесками, древнее Труворово городище, старинный крест и напоследок двенадцать ключей, что шумными водопадами сбегают с обрывистого склона прямо в живописное озеро, где лебеди, не теряя царственной осанки, выпрашивают у туристов хлеб…

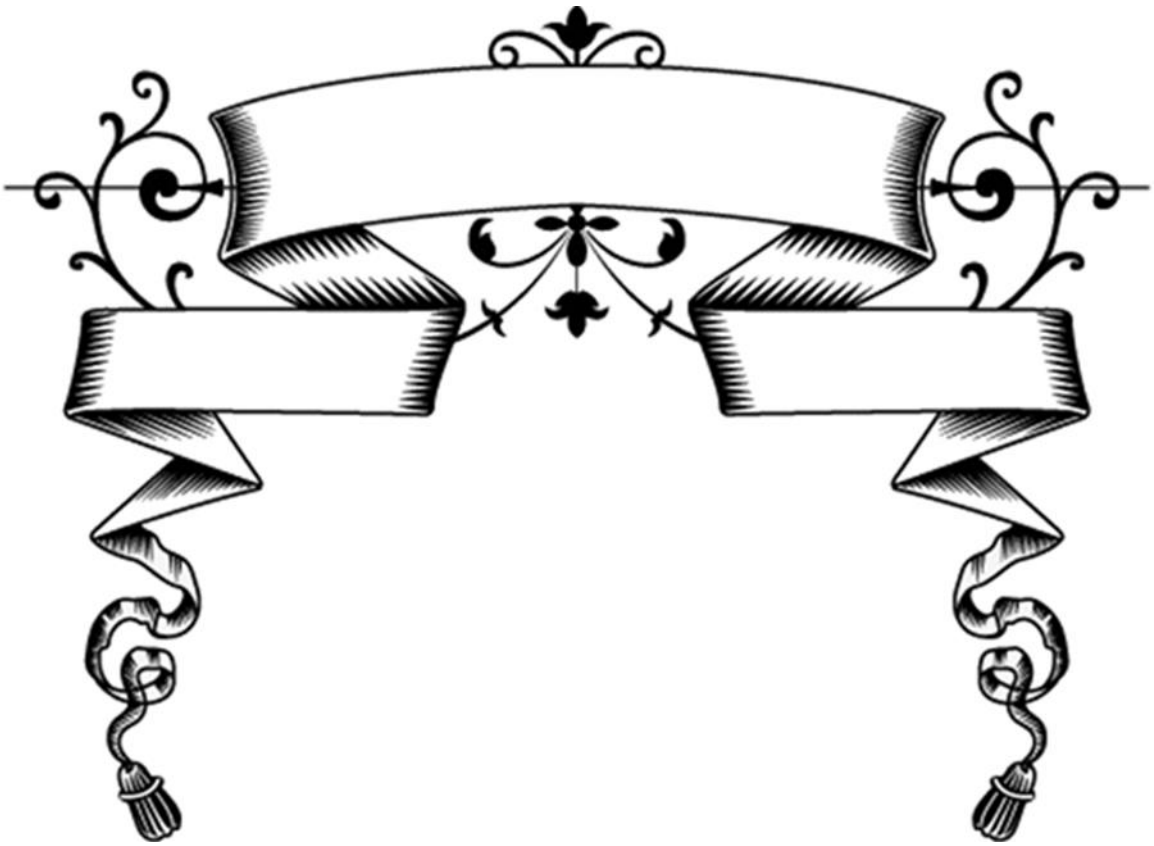
Место, куда хочется вернуться снова.

23. На бересклете уже повисли розово-оранжевые сережки с черным глазком, а на шиповнике алеют плоды. Красочный мятеж лета против осени, которая тоже, но потом, возьмет свое, устроив фейерверк из пурпурных и золотых листьев.

24. Осень. Вирус. Прилипчивый и высоко заразный. Возможно, снова карантин, ломая повседневность, разгонит нас по домам. Лично я — против. Но что я могу?! Слишком силы неравны. Тем не менее кое-какие варианты имеются. Подсказка в известной фразе: если тебе не нравится картина мира — создай свою собственную. Для человека, склонного к сочинительству, это не проблема: хоть в прошлое могу отправиться, хоть в будущее, или вообще придумаю такой мир, какого никогда не было — разумный и справедливый. Ошибиться при наборе текста в ноутбуке не страшно, всегда исправить можно, не то что в реальной жизни, в которой снова осень, вирус, масочный режим.

25. Сегодня занята чрезвычайно важным делом — пытаюсь убить в себе идиота согласно рекомендациям Андрея Курпатова из наполовину прочитанной книги «Чертоги разума». Разыскать его удалось довольно быстро — вот он, любуйтесь, бессмысленно блуждает между моими словами и мыслями, совершенно не замечая реального мира, старательно пережевывает одни и те же проблемы и тратит на это бесперспективное занятие достаточно много времени. А вот прикончить балбеса я пока не готова, как-то жалко, свой ведь. Ищу пути к отступлению — может, не надо так радикально? Подлечить, скорректировать, поправить и пусть себе живет. Но и топтаться на месте тоже не хочется, поэтому двигаюсь дальше, то есть к следующей странице, откуда узнаю, что причина человеческой глупости и поверхностных знаний кроется в прижимистом характере мозга, энергию он, видите ли, экономит, то есть напрягаться и совершать лишние мыслительные движения ему лень. И?!

И вообще мне кажется, что разум и сознание живут сами по себе, без моего участия. Даже как-то обидно! А тут еще автор наседает и говорит, что «всякие наши представления о собственном величии объясняются лишь нашей невероятной ограниченностью».



РОССИЙСКОЕ РОДОСЛОВИЕ

ВАЛЕНТИН ОГНЕВ
СЕРГЕЙ О. КРЕСТЬЯНКИН
ЕВГЕНИЙ ТРЕЩЕВ
ВАЛЕРИЙ МАСЛОВ

Валентин ОГНЕВ

г. Щекино Тульской области

Огнев Валентин Михайлович родился в 1956 г. в Липецкой обл. Им подготовлены и в районных СМИ Тульской и Липецкой обл. напечатаны четырнадцать публикаций по краеведческой тематике. Является автором книг: «Храм Казанской Божией Матери села Ламское», «Край родной дикого поля», «Край родной с. Ламское. Голицыны», «Край родной. От Смутного времени…» Принимал участие в проекте «Синодики Тульской губернии. Ефремовский уезд». В сборниках № 2, 3, 4 «Областные церковно-краеведческие чтения при ТДС», Становлянского краеведческого музея Липецкой обл. напечатаны работы на различную тематику. В книге воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним …», вышедшей в 2015 г., напечатан рассказ «Увековечим память» и в этом же году издана книга «Край родной. Великая Отечественная война». В 2019 г. в книге «Тульские усадьбы. Времена и нравы» напечатан рассказ «Село Ламское. Голицыны», в литературно-художественном альманахе «Ковчег» — «Тульская земля и Оптина Пустынь. Схиархимандрит Ксенофонт». В сборнике материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 205-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова, напечатана работа «Современные краеведческие находки «Память о М. Ю. Лермонтове». Постоянный автор журнала «Приокские зори» и альманаха «Ковчег».

СЛУЖИЛЫЙ РОД ОГНЕВЫХ

В этой публикации хочется рассказать, о служилых людях Огневых, состоявших на службе государству российскому в различные годы. И начать хотелось бы из глубины прошедших столетий.

В связи со строительством Ельца в конце XVI начале XVII веков шло заселение Елецкого стана Елецкого уезда, земель Дикого поля. В писцовой книге письма и меры Леонтия Погожева да подьячего Кириллы Семенова 136, 137, 138 годов записан починок, что была пустошь под Юрьевым лесом в Отскочной кулиге под березовой лядой. В 139 (1630/1631) году «по Государевой Михаила Федоровича и всея Руси грамоте за приписью дьяка Венедикта Махова» на этом участке получают землю Обросим Потапов сын Меркулов, Мартын Киреев сын Огнев, Мишка Агапов сын Алтухов, Обакум Нефедов сын Кочкин, Пантелей Ондреев сын Брыксин. Среди первозаселенцев, несших службу по охране южных границ Московского государства, был боярский сын Мартын Киреев Огнев, т. е. входил в число «служилых людей по отечеству» и нес обязательную службу, за которую получил поместье. Его племянник Логин Степанович нес службу в выборном полку.

В ходе реформ Петра I в 1699 году правительством был издан Указ о замене военной службы детей боярских специальным налогом. Оставшиеся в службе дети боярские получили статус дворян. Большинство же их — по бедности, зависевшей от измельчания поместий, или по нежеланию нести службу вместе с низшими разрядами служилых людей вошло в сословную категорию однодворцев, т. е. ушли «на землю». Род Огневых также вошел в сословие однодворцев, стали хлебопашцами. Впоследствии в итоге перетекли в крестьянство, получив официальное название «казенные крестьяне» или «государственные крестьяне». В связи с Генеральным межеванием, населенные пункты, где проживали Огневы административно перешли в Ефремовский уезд.

Но Огневы всегда стояли на защите своей Родины, несли воинскую службу и в военное время, и в мирное. Во время наполеоновского нашествия на русскую землю в действующей армии воевали Ефим Никитович, Аким Григорьевич, Фома Семенович Огневы. С 1819 года Тимофей Павлович, с 1834 года Федор Данилович и с 1841 года Герасим Иванович несли рекрутскую службу.

В годы Крымской войны (1853—1856 гг.) на полях сражения воевали из рода Огневых Иван Ильич и два брата Александр Андреевич и Григорий Андреевич. Оба брата после окончания войны возвратились домой. Но во время боевых действий получил ранение Александр.

Семья Александра была большая, родилось восемь детей. Последним ребенком был сын Тимофей 1870 года рождения. Он воспитывался как и все дети в крестьянских семьях. В восемнадцать лет Тимофей женился на Самсоновой Анне Андреевне, урожденной деревни Калакино Ефремовского уезда. Первым ребенком у них была дочь Марина, рожденная в феврале 1891 года, которая умерла в младенчестве.

Вдекабре 1892 года Тимофей Александрович был призван на действительную службу, в его семье к тому моменту ожидали рождение ребенка, и в январе 1893 года у него родился сын — Антоний (Антон). О рождении сына Тимофей Александрович узнал, находясь на службев в 35-м драгунском кавалерийском Белгородском полку, старшим унтер-офицером, каптенармусом. После окончания срока службы Тимофей возвратился в свою деревню Поганец Ефремовского уезда к семье.

В деревне Вишневая Становлянского района Липецкой области (бывшая д. Поганец) многие жители со слов своих дедов и бабушек, рассказывают о Тимофее Александровиче: «Тимофей со своей семьей проживал в родовом доме «Красиньковых». (Так по-уличному называют членов семьи Огневых, проживающих

на родовой усадьбе). Жили они не богато. Поэтому, как и другие жители, он подрабатывал в городе. Тимофей много лет проработал городовым где-то в населенных пунктах в районе села Кологривова (в настоящее время это Орловская область). Домой он приезжал в отпуск на санях розвальнях в белом полушубке. После его отъезда через определенное время в семье рождался ребенок. Семья Тимофея была большая».

Рассказ жителей о семье Тимофея Александровича подтверждается и сведениями о рождении, отраженными в метрических книгах Николаевской церкви села Никольское (Пономарево) Ефремовского уезда. У Тимофея Александровича и Анны Андреевны родилось одиннадцать детей, три ребенка умерли в младенчестве.

Кроме выше указанных источников в Тульском Государственном архиве сохранились архивные дела, в которых раскрываются более полные обстоятельства жизненного пути Огнева Т. А. В материалах фонда: «Ефремовское уездное полицейское управление г. Ефремов Тульской губернии» нашлись подтверждения словам жителей деревни, рассказывающим о нем и о его семье.

Первое упоминание о Тимофее Огневе как сотрудника Ефремовской уездной полиции встречается в документах 1907 года. А в требовательной ведомости на выдачу содержания конно-полицейским урядникам Ефремовской полицейской команды за май 1910 года стоит подпись Огнева Тимофея в получении жалованья в сумме тридцати девяти рублей двадцати четырех копеек. Из этого документа видно, что он служил в Ефремовской полицейской команде урядником, а не городовым, как говорят жители д. Вишневая.

Должности урядников существовали для усиления полиции в уездах и для надзора за действиями сотских и десятских на местах, в крестьянское самоуправление урядник вмешиваться не мог. В 1903 году вместо выборных от крестьянства десятских и сотских, которые отбывали полицейскую службу в порядке повинности, были учреждены штатные должности сельских стражников.

Каждый из урядников получал в заведование в пределах стана участок — волость, в границах которого обязан был проживать и совершать его регулярные объезды.

Урядник содержал собственную лошадь. Его вооружение, как правило, включало револьвер, укороченную драгунскую винтовку и драгунскую шашку. Урядник получал жалованье. Дополнительно ему ежегодно выплачивалось определенная сумма денег на пошив обмундирования, на содержание лошади, на ремонт шашки, квартирные, но, несмотря на все эти составляющие факторы, деньги все же были небольшие.

Обязанности урядника отличались обширностью и разноплановостью задач, которые в ту пору относили к вопросам «охраны спокойствия и безопасности».

Урядник Тимофей Огнев был закреплен за Дарищенской волостью, с центром в селе Дарищи Ефремовского уезда Тульской губернии (сейчас Новодеревеньковский район Орловской области). Он осуществлял «охрану спокойствия и безопасности» на территории населенных пунктов волости. Для выполнения должностных обязанностей урядника, Тимофею Огневу пришлось проживать на съемной квартире, а его семья проживала в Дмитриевской волости, примерно в тридцати километрах от села Дарищи. На оплату съемных квартир урядникам выдавались квартирные. Сумма квартирных составляла пять рублей в месяц.

Каждый урядник работал на своем определенном участке и у каждого были свои взаимоотношения с населением. Одни относились к своим обязанностям добросовестно, другие халатно, превышали свои должностные полномочия. В архиве встречаются дела по рассмотрению жалоб от граждан волостей о неправомерных действиях урядников. Отдельные неправомерные действия сотрудников полиции подтверждались. Их увольняли с работы, в отношении отдельных возбуждалось уголовное производство.

Проводилась проверка и в отношении урядника Огнева. Сохранился в архиве проверочный материал по прошению крестьянина Алтухова Алексея о неправильных действиях урядника Ефремовского уезда Огнева. Материал рассматривался с 24 ноября 1911 года по 18 января 1912 года. По несвоевременному исполнению прошения Алтухова имеется рапорт пристава Гилярова Ефремовскому Уездному исправнику от 12 января 1912 года: «Во исполнении личного поручения доношу Вашему Высокоблагородию, что промедление в исполнении предписания Вашего от 27 ноября 1911 г. за № 2852 положенного на таковом же Тульского Губернского Правления от 25 того же ноября за № 6247 по жалобе кр. с. Залеского Дарищенской вол. Алексея Алтухова произошло по причине отсутствия урядника Дарищенской волости Огнева, от которого требовалось объяснение по содержанию прошения Алтухова командированного в числе других с 8 декабря на охрану при проезде Его Императорского Величества Государя Императора».

В этот же день Ефремовский Уездный исправник титулярный советник Толпыго составляет свой рапорт и 13 января 1912 года направляет его в Тульское Губернское Правление. Вот что писал он в своем документе: «Во исполнение предписания от 25 Ноября 1911 года за № 6247 изложанного надписью на прошении крестьянина села Залескаго, Дарищенской волости, Ефремовскаго уезда Алексея Дмитриева Алтухова, жалуещагося на урядника по Дарищенской волости Огнева об уклонении его от составления пратокола по его заявлению, о нанесении ему Алтухову 2-го Октября 1911 года пабоев, в с. Залесском в доме односельца Алексея Сафонова Самойлова, крестьянами того же села Сергеем Егоровым и Алексеем Павловым Самайловыми и крестьянином села Дарищ Василием Михайловым Агеевым и о краже у него во время драки денег 1 руб. 40 коп. Имею честь донести Губернскому Правлению, что жалоба просителя Алтухова, мною, на основании 21 пункта приложения к циркуляру Губернского Правления от 11 июня 1909 года за № 4018 оставлена без последствия, так как сам проситель и указываемый им в прошении свидетель Прасолов за учиненныя ими буйства и драку в то время в доме Самойлова решением Дарищенского Волостного суда присуждены к

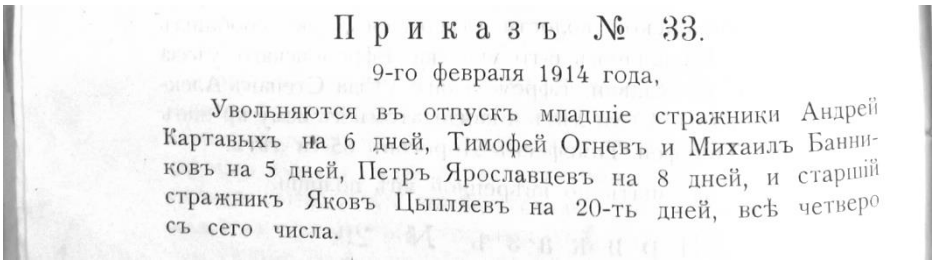
аресту при Волостном Правлении по 15 суток и что Алтухов сделал заявление уряднику Огневу о причинении ему побоев уже после отсылки протокола в Волостной Суд о его буйстве, рассчитывая тем повлиять на потерпевшего домохозяева Самойлова, чтобы прекратить возбужденное против него дело. По заявлению Алтухова, урядником Огневым была выдана ему бумага на имя Уездного врача об освидетельствовании причиненных ему повреждений, каковые по заключению врача относятся к разряду легких побоев, а потому он Алтухов мог об этом непосредственно подать жалобу в Волостной суд, так как подобного рода дела возникают по жалобе потерпевших и могут оканчиваться примирению. Составленный урядником Огневым протокол о краже денег 1 руб. 40 коп. у Алтухова препровожден в Дарищенский волостной суд, о чем для объявления Алтухову вместе с сим предписано приставу 1 стану Ефремовского уезда». Действия урядника Тимофея Огнева руководством полицейского управления признаны правомерными.

Урядник Огнев продолжал работать в Ефремовской уездной полиции. Но в требовательной ведомости на выдачу содержания конно-полицейским урядникам и стражникам Ефремовской полицейской команды за май 1913 года обнаружено, что за порядковым № 65 списка урядников и стражников, в разделе стражников, значится Огнев Тимофей, сумма к выдаче по пометке карандашом «до 12 мая урядником: жалованья 11 руб., квартирные — 1 рубль 83 копейки, фуражные — 7 рублей 83 копейки», по пометке карандашом «с мая стражником: жалованье — 15 руб. 84 коп., к выдаче — 36 рублей 50 копеек». Имеется расписка в получении денег: сумма указана прописью и подпись: «получил Огнев».

С этого момента Огнев Тимофей служит конным стражником. Стражники числились в 7-м отряде конно-полицейской стражи Ефремовского уезда Тульской губернии. Какова причина перевода Тимофея из урядников в стражники в требовательной ведомости и других документах не указывается.

По сохранившимся приказам Ефремовской уездной полиции можем понять, как проходила служба Тимофея Александровича Огнева в должности стражника. 31 июля 1913 года на основании приказа Ефремовского исправника стражники Ефремовского полицейского управления направлялись на станцию Сумароково в распоряжение Крапивенского исправника для охраны порядка во время следования поездов особой важности. В августе-сентябре 1913 года Тимофей Александрович трижды упоминается в приказах Ефремовского уездного исправника. Приказ № 52 от 17 августа 1913 года. § 2. «Младший стражник Тимофей Огнев упал с лошади и получил хотя и незначительные ушибы, но, тем не менее, требующее известного лечения, а потому полагать его больным». На излечении он находился до 12 сентября. Его выход на работу оформлялся опять же приказом (№ 73 от 12 сентября 1913 года § 6). В приказе говорилось, что «младший стражник Тимофей Огнев выздоровел, но для окончательного поправления здоровья освобождаю его от занятий на одну неделю». Но через два дня появился третий документ — приказ по Ефремовской уездной полиции № 75 от 14 сентября 1913 года § 3. В приказе говорилось, что «Младший стражник Тимофей Огнев увольняется в 7-ми дневный отпуск с сего числа». Это говорит о том, что после травмы полноценно службу он нести не мог и ушел в отпуск.

Выйдя из отпуска, Тимофей Александрович продолжал службу в 7-м отряде конно-полицейской стражи Ефремовского уезда. И в декабре 1913 года вновь отдельные сотрудники Ефремовского подразделения стражников направлялись на станцию Щекино Московско-Курской железной дороги для осуществления мероприятий по охране линии Московско-Курской железнодорожной дороги во время следования поездов особой важности. Среди них находился и стражник Огнев. 22 декабря 1913 года отряд Ефремовской полицейской стражи посетил Инспектор полицейской стражи по Тульской губернии генерал-майор Иелитта-Фон-Вольский, он обратил свое внимание на молодцеватый вид стражников, которые, несмотря на то что лишь только накануне возвратились из командировки со ст. Щекино Московско-Курской железной дороги, имели бодрый и веселый вид, хорошую выправку и образцовый строй. Проверяющий также отметил отличную обмундировочную часть всего отряда, полный безукоризненный порядок и образцовую чистоту казарменного помещения и вообще вся стража найдена «в блестящем порядке». За это проверяющий поблагодарил стражников. И в своем приказе № 155 от 22 декабря 1913 года Ефремовский уездный исправник объявил личному составу отряда стражников благодарность. В феврале 1914 года Тимофей Огнев уходил в пятидневный отпуск. А в 1915 году Тимофей с января по октябрь уже служил полицейским стражником, которые содержались за счет частных средств на Судаковском чугуноплавильном заводе.



Приказъ № 33.

9-го февраля 1914 года,

Увольняются въ отпускъ младшіе стражники Андрей Картавыхъ на 6 дней, Тимофей Огневъ и Михаилъ Банниковъ на 5 дней, Петръ Ярославцевъ на 8 дней, и старшій стражникъ Яковъ Цыпляевъ на 20-ть дней, всѣ четверо съ сего числа.

Фрагмент. ГУ ГАТО ф. 799 оп. 2 д. 21

В октябре 1915 года Тимофей Александрович увольняется со службы и уезжает по месту жительства семьи. После увольнения стал работать церковным сторожем. В 1916 году был призван на воинскую службу для направления на фронт. Проходил службу в 673 пешей Тульской дружине в должности командира отделения. Участниками Первой Мировой войны были Антон Тимофеевич, Изот Силаевич, Порфирий Иванович, Тихон Иванович, Федор Иудович Ог-

невы. В боях на этой войне в 1915 году погиб Петр Тихонович, в 1916 году пропал без вести Алексей Иудович и в 1917-м — Алексей Иванович.

В мае-июле 1916 года в России проводилась сельскохозяйственная перепись. В карточке переписи указывались характеризирующие сведения о хозяйстве крестьянина. И далее хочется привести эти сведения по хозяйству Тимофея Александровича.

Огнев Тимофей Александрович по списку домохозяев № 7, приписной, русский. Четвертное владение землей. Наличие населения в хозяйстве: мужчины — хозяин 45-ти лет, призванный в войска, сын 22-х лет, призванный в войска с начала войны, сын 17-ти лет трудоспособен, сыновья 14-ти, 7-ми и 5-ти лет. Женщины — жена 45-ти лет, трудоспособна, дочь 19-ти лет, трудоспособна, дочери 12-ти, 10-ти, 6-ти лет.

В 1915 году в хозяйстве Огнева Т. А. имелась одна корова и один поросенок до 4-х месяцев, а в 1916 году добавился еще и теленок.

Имел в пользовании пашни, своей надельной — 3,00 десятины. Сеял хлеба и прочие растения, в 1915 году: на своих надельных землях было засеяно 2,00 десятины и на арендованных землях — 1,0 десятина. На всех землях засеяно 3,00 десятины, в т. ч. на пару 1,00 десятина. Одна десятина своей надельной земли и одна арендованной засевались озимой рожью, с которой было собрано 162 пуда зерна. Овсом было засеяно 0,5 десятины, с которой собрано 30 пудов зерна, гречихи было засеяно 0,10 десятины, собрано 5 пудов зерна. Так же высаживался картофель на 0,30 десятины, которого собрано 60 пудов, и высевалась конопля на 0,10 десятины.

Посевы хлебов и прочих растений в 1916 году: на своих надельных землях засеяна 1,00 десятина на пару, всего под посевом 2,00 десятины.

В течение сельскохозяйственного года в хозяйстве получено и израсходовано продуктов продовольствия и фуража следующее количество. Намолочено ржи в 1915 году 162 пуда, куплено 27 пудов, 9 пудов взято взаймы и получено долгов. Таким образом, в хозяйство поступило за сельскохозяйственный год 198 пудов ржи. 160 пудов ржи было переработано и получено 145 пудов муки. Из полученной ржаной муки 125 пудов использовано на продовольственные нужды семьи, а на корм животных 20 пудов. Израсходована рожь и для следующих целей: 11 пудов зерна было использовано на посев, 9 пудов отдано взаймы и уплачено долгов. На момент переписи осталось 18 пудов зерна ржи. Гречки в 1915 году было собрано 5 пудов. 4 пуда было переработано на крупу, которой получилось 3 пуда. Вся крупа израсходована на продовольствие семьи. Один пуд гречки использован на посевы. В хозяйстве так же было собрано 30 пудов зернового овса, из которых 20 пудов было продано, а 10 пудов в 1916 году было использовано для посевов. Из 60 пудов собранного картофеля 30 пудов использовано на продовольственные нужды семьи, на корм животных 20 пудов. На момент переписи картофеля оставалось 6 пудов.

Семья Огнева Т. А. в течение месяца расходовала 5 фунтов сахара и 25 фунтов соли.

Тимофей Александрович длительное время работал с выездом за пределами своего населенного пункта, и из этого выходит, что все хозяйство лежало на плечах жены и подросших детей.

После революционных событий в 1918 году Тимофея Огнева на непродолжительное время избирали секретарем комитета бедноты деревни. С фронта возвратился его старший сын Антоний и его избрали комиссаром продовольствия Дмитриевской волости Ефремовского уезда. В данной должности он проработал 2 месяца и уволился по собственному желанию. В течение месяца Антония Тимофеевича призвали в Красную Армию. Дальнейшая его судьба неизвестна. В 1921 году мобилизовали в Красную Армию и другого сына, Афанасия. Афанасий с фронтов Гражданской войны вернулся. Но погиб при защите от немецких захватчиков города Ленинграда в апреле 1942 года.

Тимофей Александрович Огнев в связи с бедностью пользовался помощью государства, но и немало отдавал в виде различных налогов.

В 1919 году в Тульской губернии была введена обще-губернская карточная система для земледельческого населения. Карточки были двух видов: хозяйственные и личные. Хозяйственные предназначались для получения предметов потребления (керосин, деготь, гвозди и т. п.) и выдавались по одной на хозяйство. Личные карточки служили для получения предметов личного потребления (мужская, женская обувь, ученические принадлежности и т. п.). Тимофей Александрович единожды получил карточки: хозяйственных — 1, мужских курящих — 4, женских некурящих — 2, детских: мл. возраста — 1, ст. возраста — 4.

Семьям красноармейцев, признанным не имеющими достаточных средств для существования, выплачивалось государственное пособие на основании декрета от 26 декабря 1918 года. В 1919 году семья Антония Тимофеевича (родители, брат и сестры) трижды получила пособие.

Но существовало множество налогов. С крестьянской семьи взыскивался налог молоком, яйцами, шерстью. Существовали трудовой и гужевой налоги и др. Так за 3-й налоговый период (существовало 4) 1922 года три дня гужевого налога Огневу Т. А. были заменены на деньги в сумме 1020 рублей. Но оставались недоимки — два гужевых дня. Начиная с 1923 хозяйственного года, был введен единый сельскохозяйственный налог, заменивший различные натуральные налоги. Этот налог взимался частично продукцией, частично — деньгами. Позже (с 1 января 1924 года), после проведения денежной реформы, единый налог принял исключительно денежную форму. Сельскохозяйственный налог уплачивали владельцы приусадебных земельных участков и служебных земельных наделов в сельской местности. Объект обложения — земельный участок независимо от размера получаемого с него дохода. Единоличные хозяйства платили налог в уд-

военном размере.

Но худшим для семьи Огнева Тимофея Александровича оказалось то, что он попал в списки «лишенцев». В этом вопросе основную роль сыграла его профессия во время выезда с постоянного места жительства на заработки. Он же служил в царской полиции. А эта категория людей при новой власти была лишена избирательных прав. Лишались люди не только права голосовать или избираться в органы власти. На практике их жизнь сопровождалась множеством жестких ограничений, и была, мягко говоря, несладкой. Восстановление своих прав для граждан в те времена было нулевым.

Так и в 1927 году Тимофей Александрович в который раз был лишен права участвовать в избирательной кампании. Данное решение он решил обжаловать и писал заявление в избирательную комиссию Ефремовского РИКа о том, что лишение избирательных прав являлось незаконным. Указывал то, что семья была большая, жили бедно. И чтобы содержать семью, он устраивался на работу урядником и стражником. Сыновья участвовали в гражданской войне на стороне Советской власти. Просил не отказать в просьбе о восстановлении избирательных прав. По месту жительства сельский совет от 22/VII — 1927 года дал свое заключение, указав это на заявлении: «правильность настоящего заявления подтверждаю, что Огнев Т. Александрович вреда для общества никакова не делает, посему с/с против ничего не имеет в против установления голоса выше указанному гр-ну. Зам. пред. с/с И. Самсонов».

5 августа 1927 года (постановление президиума Ефремовского районного исполнительного комитета № 48) в восстановлении избирательных прав Огневу Тимофею Александровичу было отказано. В ходатайстве о восстановлении избирательных прав ему было отказано и Президиумом Тульского губисполкома от 1927 года (протокол № 23).

Но потомки Тимофея продолжали отстаивать интересы государства и народа. Один из сыновей — Алексей, 1908-го года рождения,— воевал против немецких захватчиков в 392-м стрелковом полку 73-й стрелковой дивизии, состоял в должности телефониста, погиб в 1943 году. За проявленное мужество в бою при овладении станцией Змеевка Свердловского района Орловской области был награжден медалью «За Отвагу». Другой сын — Иван, 1912-го года рождения, в 30-х годах работал в милиции в городе Ефремов. Уволился по болезни и умер 29 мая 1941 года. Проходил воинскую службу по призыву сын Ивана — Михаил. По призыву воинскую службу прошли сыновья Михаила — Валентин и Владимир.

После демобилизации из Вооруженных сил Валентин пошел по стопам прадеда и деда. Он посвятил свою жизнь борьбе с преступностью. Состоял на различных должностях в Щекинском управлении МВД, и в 2009 году с должности начальника милиции общественной безопасности — заместителя начальника РУВД в звании полковника милиции, вышел в отставку.

Хочется остановиться на одном важном и трагическом моменте рода Огневых. В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годы с полей сражений из двадцати девяти человек, призванных на воинскую службу, не возвратились пятнадцать.

В этой своей статье я рассказал о служилых людях из своего рода Огневых. Огневых — защитниках Отечества и Огневых — стражах порядка. И, несмотря ни на какой политический строй в стране, Огневы всегда были защитниками государства российского, а значит, защитниками интересов своего народа; народа, которому во имя его спокойствия и безопасности не одно столетие верно самоотверженно служили.

По архивным материалам РГАДА, ГУ ГАТО. 2020 год.

(В цитируемых архивных материалах сохранена оригинальная орфография и оригинальный синтаксис — Прим. редактора)

Евгений ТРЕЩЕВ

г. Щекино Тульской области

Трещев Евгений Иванович — член СПР. Действительный член ПАНИ. Член РВИО. Почетный работник общего образования РФ. Почетный работник газовой промышленности РФ. Почетный гражданин Чернского р-на Тульской обл. Автор тридцати одной книги, в том числе первых в Тульской обл. муниципальных учебников «История родного края» для 7-8 классов. Лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого, А. Г. Лаврика, «Левша» им. Н. С. Лескова. Лауреат и дипломант многочисленных литературных конкурсов и фестивалей. Награжден «Знаком ордена Доброты», семью медалями. Постоянный автор нашего альманаха.

ПАМЯТЬ

«Остановило время свой полет,
Иссохла старых сказок медуница,
И до конца никто уж не поймет,
Что озаряло наших предков лица».
В.Рождественский

Человеческая память очень избирательна и несовершенна. Часто события даже полувековой давности вызывают противоположные трактовки и споры. Наш жизненный опыт показывает, что в большинстве случаев забвение наступает уже через три поколения. Семейная история уходит вместе с людьми и вдруг через годы всплывает в памяти чем-то дорогим, но очень смутным и приблизительным…

Как-то мама показала мне золотой крестик и серьги, сказав, что драгоценности эти фамильные, передаются из поколения в поколение. Меня это заинтересовало, и я стал ее расспрашивать.

Оказалось, что золото это принадлежало когда-то моей прапрабабушке по материнской линии — дворянке Феоктисе Карловой.

В детстве я неоднократно от старших слышал, что в нашем роду не было крепостных. Этим гордились даже через сто лет после отмены крепостного права! Я удивлялся: кругом крепостные, а мы — свободные. Почему?..

Период в истории России с 1598-го по 1613-й год принято называть смутным временем. Он ознаменован стихийными бедствиями (похолоданием: вулканическая зима, неурожаем, голодом в 1601—1603 гг.), последствиями опричнины, польско-шведской интервенцией, глобальным социальным разладом в стране, разорением тысяч крупных и мелких хозяйств. К этому времени относятся первые упоминания о моих далеких предках по матери Карловых, которые мне удалось найти.

Основатель фамилии принадлежал к дворянскому сословию. В составленной князем П. Долгоруковым «Российской родословной книге» (1855) помещен список древних родов, служащих Московским Великим Князьям и Царям до 1600 года. Среди них присутствуют и Карловы.

В писцовую Книгу Шацкого уезда за 1617-й год внесен Шестак Карлов.

В «Послужном списке мещерян дворян и детей боярских за 1617 год» говорится: «Да по верстанию князя Василия Ивановича Буйносова-Ростовского, да диака Якова Демидова, Шестаку Карлову поместной ему оклад 250 чети, да денег 9 рублев и придано за службу за Пластиковскую и за Песоченскую 100 чети, да денег 3 рубли. И всего ему поместного окладу 350 чети, денег 12 рублев».

В списке служилых мещерян за 1638-й год указано: «По 200 чети. Илья Шестаков сын Карлов» (РГАДА.Ф.210. Разрядный приказ. Владимирский стол. Столбец 82).

В шестнадцатом — начале семнадцатого веков город Переславль-Рязанский стал одним из основных пунктов сбора пяти полков Украинского (потом Рязанского) разрядов. В их задачу входила защита южных областей государства от нападения крымских татар. К 1638-му году эти полки находились на линии Одоев — Крапивна — Тула — Венев, а к середине семнадцатого века — преимущественно на Белгородской засечной черте.

Двухвековое хозяйничанье степняков на юго-востоке нашей страны, постоянные набеги этих хищников расширили пустынную полосу земли между русскими поселениями и кочевыми ордами.

Но в XVI веке начинается обратное движение со стороны нашего народа на кочевников. Московское государство устройством укрепленных линий, построением городков и острожков выдвигает на юг и восток свое военно-служилое сословие. Мирному населению пока еще не было место в этой полосе, подверженной постоянной угрозе нападения.

В «Переписной книге переписи 1710 года в Азовской губернии: Шацкий уезд, Залесский стан» уже нет ни одного представителя рода Карловых.

К этому времени они все уже обживали более южные уезды государства.

Рубежами, пограничьем растущей России, в XV—XVI веках служили огромные пространства Дикого поля. Даже само понятие «граница» для этого времени было иным, нежели сегодня. Границы были неспокойны. Продолжались набеги ногайцев. Шли постоянные войны с мордвой, буртасами и казанскими татарами.

Карловы на протяжении длительного времени участвовали в охране южных границ в районе г. Тулы По материалам десятой ревизии (1857 г.) в Тульской губернии проживало пять семей Карловых, владеющих крепостными крестьянами (дворян или однодворцев). Часть представителей рода Карловых в начале семнадцатого века оказываются в Ельце, а потом часть из них получила земли на территории нынешней Орловской губернии.

В «Десятине верстальной» 1604—1605 годов записано: «По 3 рубли с отцова з братьею по 100 чети:— Лахтионко Иванов сын Карлов. Дано ему государева жалования три рубли. Порука по ним в службе и в денгах елчане Яков Тимофеев сын Меркулов, Данило Клементев сын Чалово, Дмитрий Назаров сын Сапелкин, Федор Иванов сын Чаплыгин (Л.36аоб.).

— Олеша Тимофеев сын Карлов. Дано ему государева жалования три рубли. Порука по нем в службе и деньгах елчане Федор Иванов сын Чаплыгин, Меркул Иванов сын Добриков, Яков Тимофеев сын Меркулов, Меншой Ондреев сын Насонов (Л36а,об.).

— Иван Иванов сын Карлов. Дано ему государева жалованья три рубли. Порука по нем по службе и денгах ельчане Микифор Ондреев сын Насонов, Кудин Киприянов сын Жегалов, Омельян Савостьянов сын Карташев, Гаврило Копытов сын Левонтьев, Русин Ширяев сын Куровского»(Л.42об)».

На юге Орловской области в Должанском (д. Лебедки) и Колпнянском (дер. Карлово, Паниковец, Густое, хут. Даронино) районах находятся большие «фамильные гнезда». Пять процентов населения Колпнянского района Орловской области носят фамилию «Карлов»(1914 г.).

В деревне Пониковец, находящейся в нескольких километрах от деревни Нижнее Карлово, проживали мои прадеды и прабабки по линии Карловых: Ефрем Леонтьевич и Фекла, Дементей Осипович и Феоктиса.

У Ефрема Леонтьевича и Феклы было четверо детей: Прасковья, Веденей, Митрофан, Константин (мой дед).

А у Дементея Осиповича и Феоктисы было шестеро детей: Александра (моя бабка), Прасковья, Мария, Глафира, Павел, Анна.

В Орловской губернии было мало крепостных крестьян, а были огромные районы, населенные преимущественно однодворцами. Всего в Орловской губернии в 1830 году проживало около 150 тысяч однодворцев.

Исторические документы показывают, что, как правило, представители родов, получивших в 17-м веке земли на Курщине, несколько ранее были испомещены на Орловщине. Примером могут служить однодворцы Карловы.

Крестьянский мир представлял тогда очень сложное явление. Это сословие не было однородным, оно состояло более чем из десятка категорий.

«Русские однодворцы в отличие от большинства крестьян Российской империи, помимо того, что они были свободными и владели землей, имели стабильные фамилии, уходящие своими истоками к 16—17 векам.

Моя прапрабабка по материнской линии Феоктиса Карлова, дворянка из деревни Паниковец Орловской губернии, вышла замуж по любви за моего прапрадеда — однодворца Карлова Дементея Осиповича, с которым прожила долгую и счастливую жизнь.

Родители Феоктисы умерли, когда она была еще ребенком. Попечителями были назначены два брата отца, которые прокутили поместье, доставшееся по наследству племяннице.

Как говорила моя мама, отец Феоктисы относился к старинному «столбовому» дворянскому роду.

Поскольку для действующих древних русских дворянских родов основным доказательством их древности являлось упоминание в так называемых «Столбцах» — средневековых списках о предоставлении поместий на время службы, то такие дворяне назывались столбовыми.

Необходимо учитывать, что по существующим в то время законам дворянин, женившись, передавал дворянское звание своей жене. Дворянка же, выйдя замуж за не дворянина, сохраняла свое дворянское звание, но оно не распространялось на мужа и детей.

«Прапрадед по матери был дворянин / И крепостным крестьянам господин. / Владел поместьем, были сад и дом. / Женился, счастье поселилось в нем. / Но вскоре умер он, потом жена. / Осталась дочь — малышка, сирота. / Девчушка выросла пригожа и стройна. / Но нет приданого, она разорена. / Мой прадед — парень удалой / Доволен был своей судьбой. / Земля, достаток в доме были, / Трудились, жили — не тужили. / Дворянка нравилась ему, / Заслал сватов, отвел к венцу. / И стала светлая дворянка / Работать в поле, как крестьянка. / Рождались дети и семья / Трудилась, крепла и росла. / Кровь благородная подчас / Еще бурлит, бушует в нас!» (Е.Трещев. Из родословной.)

Дочь Феоктисы и Дементея, Карлова Александра Дементеевна, вышла замуж за своего односельчанина Карлова Константина Ефремовича. Ее отца звали Дементей Осипович (д. Пониковец), отца мужа — Ефрем Леонтьевич.

Жили они в городе Екатеринославле, где муж (Константин Ефремович) работал кузнецом на паровом молоте. Хозяева завода его ценили, как опытного, знающего специалиста. Паровой молот достигал огромных размеров, и работать на таком гиганте было не просто. Здесь в Екатеринославле у них родилось шесть детей. Город Екатеринославль сегодня находится на территории Украины (назывался: с 1776-го г. по 1796-й г.— Екатеринославль, с 1796-го по 1802-й — Новороссийск, с 1802-го по 1926-й — Екатеринославль, с 1926-го по 2016-й — Днепропетровск, с 2016-го — Днепр). В начале двадцатого столетия, когда в городах начались волнения и погромы, дед и бабка купили землю на родине в д. Нижнее Карлово Орловской губернии и построили избу, а потом деревянный дом, который сохранился до наших дней.

После переезда семьи в деревню Константин Ефремович продолжал работать на заводе в Екатеринославле (общий трудовой стаж у деда составлял сорок шесть лет). Он получал очень приличную зарплату. По тем временам семья считалась обеспеченной. У них в деревне имелось три рабочих лошади и одна выездная, несколько коров. Все дети учились. Ходили в кожаной обуви. Лаптями не пользовались.

Глава семьи появлялся только во время отпусков. В деревне родилось еще четверо детей. Почти все их дети дожили до совершеннолетия, кроме одной дочери Екатерины, которая умерла в трехлетнем возрасте от болезни.

Дед разговаривал с императором Николаем II во время посещения тем Екатеринославля.

В далеком 1915 году однодневный визит Николая Романова (31.01.1915 г. по старому стилю) наделал переполох в Екатеринославле — все жители высыпали на улицы, желая лицезреть императора.

Около часа Николай провел в здании вокзала, пока ему выражали свое почтение отцы города и представители различных сословий. Далее он посетил Успенский собор, Потемкинский дворец, лазарет, исторический музей, госпиталь, вокзал, завод (ныне завод им. Петровского), где работал мой дед Константин Ефремович.

Завод считался одним из крупнейших предприятий страны, оснащенных самым современным на тот

момент оборудованием.

Император записал в личном дневнике: «…Поезд подошел к Брянскому Александровскому Южно-Российскому заводу, который я осмотрел не торопясь и с большим вниманием, видел работу доменных печей и производство рельс, стальных листов, брони и проволоки. Рабочих 9500 человек — все делается из наших материалов и вообще производит прекрасное впечатление…»

Уже в преклонном возрасте, живя в деревне, дед ездил в Екатеринославль по просьбе руководства завода, чтобы выковать какое-то крупное изделие, потому что других специалистов его уровня на заводе не было.

Детей Константина Ефремовича и Александры Дементеевны звали: Александр, Мария, Василий, Анна, Надежда, Николай, Екатерина, Таисия (моя мама), Павел, Иван.

Во время Великой Отечественной войны Орловская область была захвачена немцами в октябре 1941 года.

Бабушка Александра Дементеевна и ее дочь Надежда оказались в оккупации. Пришедшие в деревню немцы сразу же выселили их из дома в амбар, благо там имелась небольшая печурка.

Тетя Надя, вспоминая, рассказывала, что все полы в доме были застелены соломой, на которой восседали раздетые немецкие солдаты и давили на себе вшей. Были грязными, отощавшими и оборванными.

Через несколько дней они ушли и дом заняли тыловые части. Когда деревенский староста с полицейскими пришел забирать у Александры Дементеевны корову из-за того что у нее зять был секретарем райкома КПСС (муж дочери Марии) бабушка побежала к проживающим в доме немцам:

— Корову забирают!

Те выскочили из дома, схватили старосту и полицейских и хотели повесить их на дереве. Даже петли на шеи набросили. Ведь они каждый день пили молоко от этой коровы, а ее хотели забрать полицейские. Конфликт интересов!!!

С 5 июля по 25 августа 1943-го года на Курско-Орловской дуге не стихали ожесточенные бои. Это было одно из величайших сражений в истории войн, которое продолжалось пятьдесят дней.

Земля стонала от разрывов снарядов, авиационных бомб и грохота танков.

В небе непрерывно находились сотни самолетов, шли ожесточенные воздушные бои.

Бабушка Александра вспоминала, что когда немцы бежали, в деревню вошли наши части — сибиряки. Хорошо одетые и вооруженные. Наступающие войска кардинально отличались от тех, которые отступали через деревню в 1941-м году (голодные, изможденные, плохо вооруженные).

Через десять лет после окончания войны мы — детвора находили, особенно после дождя, на грунтовых дорогах и в обвалившихся окопах на северной окраине деревни россыпи патронов и гильз, множество осколков.

Моя мать, Таисия Константиновна (27.11.1915 — 29.01.2014), в 1938-м году вышла замуж за моего отца — Трещева Ивана Трофимовича (23.05.1911 — 14.10.1961). У них в 1939-м году родилась дочь Ангелина. Я появился на свет уже после Великой Отечественной войны, в 1948-м году. Моих родителей уже на этом свете нет. Но жизнь продолжается.

В 1972 году я женился на своей однокласснице Родионовой Валентине Ивановне (07.11.1947 — 15.08.2020) и у нас родился сын Дмитрий (05.03.1975 — 03.08.2017). Валентина, моя первая и единственная любовь, скончалась у меня на руках.

Мой сын, Трещев Дмитрий Евгеньевич, окончил Тульский государственный университет. Инженер. Работал генеральным директором ООО «Щекинстройпроект». Автор двадцати двух печатных работ, в том числе четырех поэтических сборников.

Страшно видеть и переживать уход из жизни самых близких тебе людей: «И даже в краю наползающей тьмы, / За гранью смертельного круга, / Я знаю, с тобой не расстанемся мы. / Мы память, мы память. / Мы звездная память друг друга» (Р. Рождественский).

У меня есть внук Владислав (1999 г.р.) — студент МИИТ, внучки: Мария (2004 г.р.) и Анастасия (2008 г.р.) — учащиеся лицея. Моя гордость, любовь и радость!

Родина, родители, родственники, родные. Что объединяет эти слова? В них общий корень — род.

Человек с древнейших времен в первую очередь ощущал себя членом рода. Все имело свой мистический смысл.

Непрерывная связь поколений — вот тайная нить, которая связывает день сегодняшний с днем вчерашним, с нашим прошлым: «Земля, где предки на погосте — / Родная, близкая земля. / В траве, в деревьях их частица / Живет и бережет тебя. / Сменялись тихо поколенья: / Пришел — ушел. И не зови. / Но в дар потомкам оставляли / Полет души, огонь в крови…» (Е. Трещев).

Сергей О. КРЕСТЬЯНКИН

г. Тула

Член СПР и АРЛ. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Лауреат литературной премии им. Л. Н. Толстого. Востребован среди российских и западных читателей. Систематически приглашается для выступлений в России и Белоруссии, а также с переводчиком в городах Германии, Польши, Финляндии. Зав. отделом прозы альманаха «Ковчег» и его постоянный автор.

«ТВОРИТЕ ДОБРЫЕ ДЕЛА» (из воспоминаний о И. М. Крестьянкине)

«Чаще общайтесь с родными и близкими, особенно с родителями. Выделяйте для них какое-то время. Им порой так не хватает вашего внимания, хотя они могут и не говорить об этом». Так сказал нам с отцом Иван Михайлович Крестьянкин, когда мы решили проведать нашего родственника, всю жизнь посвятившего себя служению Богу и обитающего в Печеро-Псковском монастыре.

Было это в середине 90-х годов. Время тяжелое. Страну развалили. Выживали, кто как мог.

С Иваном Михайловичем мы переписывались. Я писал часто и большие письма. Делился новостями и событиями, передавал приветы от наших родственников, посылал ему свои новые рассказы. Он отвечал гораздо реже и в основном ближе к праздникам. Но радовался нашим успехам, хорошо отзывался о моих произведениях. Все-таки писать ему было, наверное, трудновато, ввиду своего почтенного возраста — как-никак восемьдесят с лишним лет. Порой конверты от него приходили подписанные разными почерками.

Мы с отцом долго собирались, все никак не удавалось поехать — какие-то обстоятельства возникали неожиданно и поездку откладывали. Но, наконец, я взял на работе три выходных дня, и мы отправились в путь.

Добрались до Пскова относительно быстро — слегка подремали и мы — на месте. До электрички, на которой нам нужно было ехать в Печеры, оставалось достаточно времени и поэтому мы побродили по городу, рассматривая достопримечательности.

Хоть я и послал Ивану Михайловичу письмо, что мы с отцом собираемся его навестить, но, думаю, вряд ли он успел получить мое послание.

Приехав в монастырь и поднявшись на второй этаж, где жил И. М. Крестьянкин, мы увидели возле его кельи множество народа, жаждущего поговорить со знаменитым старцем и получить его благословение. Увидев такую картину, мы подумали, что не скоро удастся пообщаться со своим родственником, такой популярностью он здесь пользовался. Но, проделав немалый путь, не уезжать же обратно. Из кельи архимандрита Иоанна Крестьянкина вышел средних лет монах, и мы через него попросили передать, что приехали проведать родственники. Вскоре дверь отворилась, и вышел сам Иван Михайлович. Он окинул взглядом всех находящихся в коридоре людей. Это был взгляд словно какого-то сказочного персонажа — доброго волшебника. На такие мысли навевала, конечно же, борода и по-детски открытая непосредственная улыбка. Слегка сощуренные подслеповатые глаза излучали столько тепла, что, казалось, оно заполонило весь коридор, спустилось на первый этаж и уже выплескивается на улицу.

Раздался гомон голосов, народ ринулся к старцу и сгрудился перед дверью. Мы стояли чуть поодаль, наблюдали эту картину и не мешали людям. Иван Михайлович заметил нас, узнал, качнул рукой, приветствуя. Мы с отцом кивнули в ответ и стали ждать, что будет дальше.

Из кельи вышел тот же самый монах с небольшой коробкой доверху заполненной различными конфетами — и шоколадными, и ирисками, и карамелью. Крестьянкин взял коробку, протянул маленькой девочке, стоящей впереди и погладил ее по голове.

Мужчины и женщины наперебой стали его о чем-то спрашивать, что-то говорили, передавали какие-то подарки. Старец каждому что-то ответил, дал какой-то совет, напутствовал и благословлял. Добившись своего, верующие с просветленным взглядом отходили в сторону, забирали свои сумки, пакеты, кофты и довольные, успокоившиеся уходили прочь. Их место занимали другие. Но уже вскоре поток жаждущих обратить на себя внимание знаменитого проповедника иссяк, и мы остались одни.

— Иван Михайлович, вы пользуетесь огромной популярностью,— сказал мой отец, Олег Александрович.— У вас столько много поклонников со всей России. Я слышал, здесь города называли, откуда люди приехали.

— Да,— заулыбался пожилой монах, обнимая своего племянника, а затем и меня.— Как у народного артиста.

Старец рассмеялся своей шутке.

— Да вы проходите в мои покои, что на пороге-то разговаривать.

— Не тяжело каждый день столько народу принимать, общаться? — поинтересовался отец.— Все-таки возраст…

— Тяжело, конечно,— вздохнул монах,— но что делать… Я же не артист какой-то, чтобы капризничать. Хоть девятый десяток идет полным ходом, но надо трудиться. А, потом, нельзя обижать людей, многие издалека приезжают. Каждого надо встретить добрым словом.

Нас усадили на диванчик, а старший Крестьянкин расположился напротив в маленьком кресле обтянутом белым материалом.

И пошли задушевные разговоры.

Ивана Михайловича интересовало все. Как мы живем? В каких условиях? Чем занимаемся? Где трудимся? Кого из родных видим? С кем общаемся? Переписываемся? У кого родились дети, внуки, правнуки?.. Многих он помнит, о некоторых наших родственниках доходила скудная информация. Представители его поколения, близкие родные, пока были живы, изредка присылали письма. Теперь уже никого не осталось, а с молодежью он и не знаком, да и письма писать они не любители, наверное. Но все равно всех вспоминает и молится и о тех, кто уже ушел, и об их детях и внуках, порой даже не зная, как тех зовут.

— Как вы видите — живу в уединении,— всплеснул руками хозяин кельи.— Только ты, Сергей, и пишешь. Хоть какая-то весточка и новости узнаю о своих родных в третьем, четвертом поколении.

Иван Михайлович положил мою руку в свою ладонь, стал гладить ее сверху, как будто успокаивал, снимал все отрицательное, нехорошее и заряжал своей мощной энергетикой.

— У тебя очень хорошие рассказы,— неожиданно, обращаясь ко мне, сказал он.— Я не беру сейчас литературную сторону. Не мне об этом судить. Но самое главное — это доброта, которая присутствует во всех твоих произведениях. Доброта, переживание и сострадание к людям и животным. Это очень немаловажно для пишущего человека, который хочет о чем-то рассказать, чем-то поделиться с читателями. У тебя есть свой взгляд на окружающий мир, и чувствуется большое доброе сердце. Продолжай дальше, совершенствуй свой стиль. И, скорее всего, рассказы найдут отклик в душах людей. Тем более, в наше смутное время очень не хватает таких добрых, светлых повествований. Огромное государство развалили. Россия сейчас в трудной ситуации.

Иван Михайлович задумался, продолжая поглаживать мою руку, а затем произнес:

— Я не прорицатель, но скажу так. Нашей стране сложно. Но это — великая страна. Пройдет какое-то время — лет десять и она вновь окрепнет и станет сильной и мощной державой. И те, кто от нее отсоединились, вернутся. Нельзя так резко оборвать связи, сложившиеся исторически. Это окажутся другие связи на новом уровне. Государства, которые мечтают о мировом господстве, конечно, будут недовольны и всячески станут расшатывать устои России. Но она устоит и окрепнет еще больше. Русские всегда недовольны своим правительством. Но когда угроза поступает извне, то наш народ сплачивается и всем миром отстаивает свое государство. В этом — сила нашего народа. Только так Россия выстаивала перед общим врагом уже не единожды. А нам остается набраться терпения и верить, что появятся другие руководители, которые смогут вернуть государству былую мощь и славу. Я постоянно молюсь об этом.

Надо отметить, что это было сказано в середине 90-х годов…

Несколько часов мы беседовали со своим родственником на разные темы. Показывали фотографии, дарили сувениры, угощали тульскими пряниками.

В таком преклонном возрасте Иван Михайлович сохранил ясный ум и прекрасную память. А самое главное, как бы ни было трудно, и в какие бы сложные ситуации не попадал, он остался добр к людям и для каждого находил заветное слово.

За разговором, как известно, время совсем не замечаешь, а тем более с таким интересным собеседником, как наш родственник. Мы стали собираться, чтобы не опоздать на поезд, да и Ивану Михайловичу, как нам казалось, требовался отдых. Но он вызвался нас немного проводить. Хоть тело и ослабело с годами, но сила духа осталась крепка. Спускался по лестнице не так бойко, как раньше, опираясь на мою руку.

Выйдя из здания, мы прошли недолго по аллее и Иван Михайлович остановился. Дальше дорога стала забираться круто вверх.

— А, смотрите, как здорово получается — три поколения Крестьянкиных сегодня собрались,— задумчиво произнес монах.— Вы — молодцы, что приехали. Даст Бог, еще свидимся. Приглашаете в гости? Спасибо. Но ехать мне тяжело, да и одежда только монашеская — другую не ношу. Последний раз выбирался лет двадцать назад на юбилей к своему брату Константину. (Константин Михайлович Крестьянкин — преподаватель института Культуры и гример Орловского драматического театра, родной брат И. М. Крестьянкина. Примечание автора). Верьте в свои силы и в людей. Творите добрые дела. За добро добром вам воздастся. И у вас все получится. Все будет хорошо.

Мы обнялись на прощание с нашим замечательным родственником и стали подниматься к воротам одни. Уже у самого выхода обернулись и увидели, что Иван Михайлович никуда не ушел, а стоит на том же месте, смотрит вслед и слегка помахивает рукой, словно передавая нам с отцом свою энергетику, делясь своими силами и вселяя в нас надежду на будущее.

Мы помахали в ответ и вышли за ворота.

Был конец августа, погода стояла ветреная, холодная. Накрапывал дождик. Но лишь только мы с отцом переступили порог монастыря, ветер затих, дождь прекратился, и в просвете облаков показалось солнце.

Зачирикали воробьи.

Сразу стало как-то тепло и спокойно на душе. *Wetter, Германия*

Валерий МАСЛОВ

г. Тула

ВЕЧНОЙ МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО ПАМЯТЬ

Краткая справка. Разгулова Дарья Ивановна, профессионал, технолог общественного питания. Годы жизни 13 марта 1911 — 10 сентября 1997 года. Родилась в селе Синявка Тамбовской области. Одна вырастила и воспитала троих детей. Прошла путь от рядового повара столовой до заведующей производством, директора комбината питания крупного оборонного завода города Донского, обслуживающего несколько тысяч человек. Проживала в г. Донском Тульской области.

Награждена медалью «Ветеран труда», Почетной грамотой Администрации Тульской области, медалью «За трудовую доблесть». Участница Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

Мы почему-то привыкли считать, что прославить город, область может только человек, облеченный властью, особым талантом, занимающий высокие должности. «Неужели только великие мира сего достойны оставаться в истории?» — с горечью воскликнул когда-то древнегреческий мыслитель Геродот. И был абсолютно прав: любой человек, не зависимо от занимаемого им поста, достоин людской памяти, если он прожил честную жизнь и стремился делать добро людям.

Именно такой была Разгулова Дарья Ивановна, моя мама. Если охарактеризовать ее двумя словами, то это была великая труженица. Она до восьмидесяти лет, до самых последних своих дней продолжала посильно трудиться, стремиться быть не в обузу, а, наоборот, полезной детям и окружающим ее людям.

Она всегда говорила: вечного ничего нет. Вечной может быть только людская память. А для того, чтобы остаться в ней, надо трудиться и приносить пользу окружающим, тем, кто живет рядом с тобой.

Видимо, поэтому эта деревенская женщина из глухого тамбовского села Синявка, закончившая всего несколько классов сельской школы, оказала на меня такое сильное влияние. Она всегда поражала своим умом, начитанностью, способностью найти выход из любого самого трудного положения.

Мы жили в городе Донском, без отца, в семье — четыре человека. И мама, чтобы прокормить детей, вела домашнее хозяйство: имела кур, свинью, корову. Надо признаться, что я приносил ей только беды. В школе учился хорошо, даже был поощрен поездкой на новогоднюю елку в Кремль. А вот по хозяйству был не очень приспособлен. Однажды, возя тряпкой по полу и изображая, что мою его, получил от нее небольшую трепку. И с тех пор понял, что мыть надо тщательно, не обходя углы комнаты.

Другой пример был для меня не менее поучительным. Скотина требовала прокорма, я, хоть и был еще маленьким, пас корову, рвал на пустырях траву. Однажды, как обычно, после школы я пас корову Красотку, а та, улучив момент, забрела на колхозное поле. Тут же появился объездчик и заставил меня вести его к дому. В результате — штраф за потраву колхозных посевов. Другая моя беспечность — и я потерял взрослого поросенка, которого выпустил из сарая «погулять». И за все эти беды расплачивалась мама. Но справедливости ради надо сказать, что за такие проступки она меня никогда не наказывала.

А с коровой по кличке Красотка маму связала, можно сказать, судьба. В годы войны, когда в далекой тамбовской деревне Синявка жить от голода стало совсем невмоготу, Дарья Ивановна решила переехать в Тулу, где были наши родственники. Но «переехать» — слишком громкое слово. Мама со всеми своими небогатыми пожитками и коровой пешком прошла несколько сот километров от Синявки до Тулы. Как ей это удалось без денег и еды — знает только она одна. Сила воли, упорство, недюжинный ум и смекалка, забота о детях — вот ее главные помощники в жизни.

Силу духа Дарьи Ивановны, ее особую ауру я постоянно ощущал на себе. Бывало, провинишься в чем-либо, зайдешь в комнату, где она находится, и чувствуешь в атмосфере особое напряжение. Флюиды, исходящие от этого сильного человека, не раз заставляли меня изменить свое мнение, удерживали от дурных поступков. От мамы я научился никогда не унывать, верить, что завтра жизнь еще не кончается, что всегда из самых трудных положений есть выход. Она не тратила зря время на нытье и причитания, а работала, трудилась. Помню нашу соседку, тетю Нюру Колокольникову, которая, чтобы выпросить три рубля взаймы, полдня отвлекала маму своими разговорами. Дав ей деньги и проводив гостью, мама говорила: «А ведь она могла бы за это время те три рубля и заработать. Пошла бы в школу или на завод и убрала помещения».

Эта ее фраза стала моим правилом на всю жизнь: никогда не просить взаймы, а постараться заработать самому. Поэтому самым главным человеком в жизни для меня была и остается моя мама — Разгулова Дарья Ивановна. Она прожила очень нелегкую жизнь.

В маме меня всегда поражали ее сильный дух и воля. Она приучила меня к порядку, и я на всю жизнь унаследовал от нее привычку держать жилье в чистоте, не разбрасывать вещи и так далее. В ней было какое-то особенное чутье, которое не позволяло никому ее обмануть. А когда она сердилась на меня, то я физичес-

ки ощущал особое напряжение, создаваемое вокруг ее мощным энергетическим полем.

Житейская мудрость сочеталась в Дарье Ивановне с природной смекалкой. Бывало, расстроишься из-за чего-нибудь, а мама и говорит:

— Зачем горевать? Погода и та меняется: с утра дождь, а к обеду ведро.

Она не раз наставляла меня и на другую жизненную ценность. «Лучше нет дружка, чем родимая мамушка»,— приговаривала она. И была права. В любой критической ситуации мама была готова отдать за своих детей все. И это были не красивые слова, а действия.

А уж труженица Дарья Ивановна была такая, что и не придумать. До самого последнего дня она еще продолжала работать на даче. Бывало, приеду к ней, а она рассказывает:

— Сегодня я была на даче.

— Да как ты туда прошла, занесло дорогу!

— А я катма, по сугробам!

Вот такая она была неугомонная.

И всегда радовалась каждой своей заработанной копейке, возможности отдать ее детям, хотя мы уже в этом не нуждались. Она ушла на пенсию, но не могла просто отдыхать.

Стала разводить и выращивать цветы и продавать их на автобусной остановке. Приходилось ей очень тяжело, конкуренция была жестокая. У штатных торговцев цветами все было поставлено на поток: теплицы, сортовой материал, машины для подвоза. А мама сама корпела над цветочками на огороде в открытом грунте, затем на себе несла их домой. А уж из дома в пять утра, чтобы занять место, везла на тележке.

Но была очень рада, когда удавалось что-то продать.

— Вот, сегодня на хлеб и сахар заработала,— радовалась она, показывая мятые бумажки и мелочь.

Я мог обеспечить маму не только хлебом и сахаром, но никогда не был против того, чтобы она продавала свои цветы. Это был ее образ жизни, она нашла смысл своего существования, была полезной детям, да и обществу тоже.

Очень многому я научился у своей мамы: стойкости духа и оптимизму — она никогда не жаловалась, что ей плохо; аккуратности и пунктуальности — мама, к примеру, никогда не могла опоздать на поезд или разбросать по дому вещи; умению жить и радоваться в любой обстановке.

И еще одна хорошая черта отличала эту женщину. Она старалась никогда не обращаться к врачам, как бы плохо ей не было. Мне на всю жизнь запомнилась ее ироничная, но в чем-то очень даже верная, шутка:

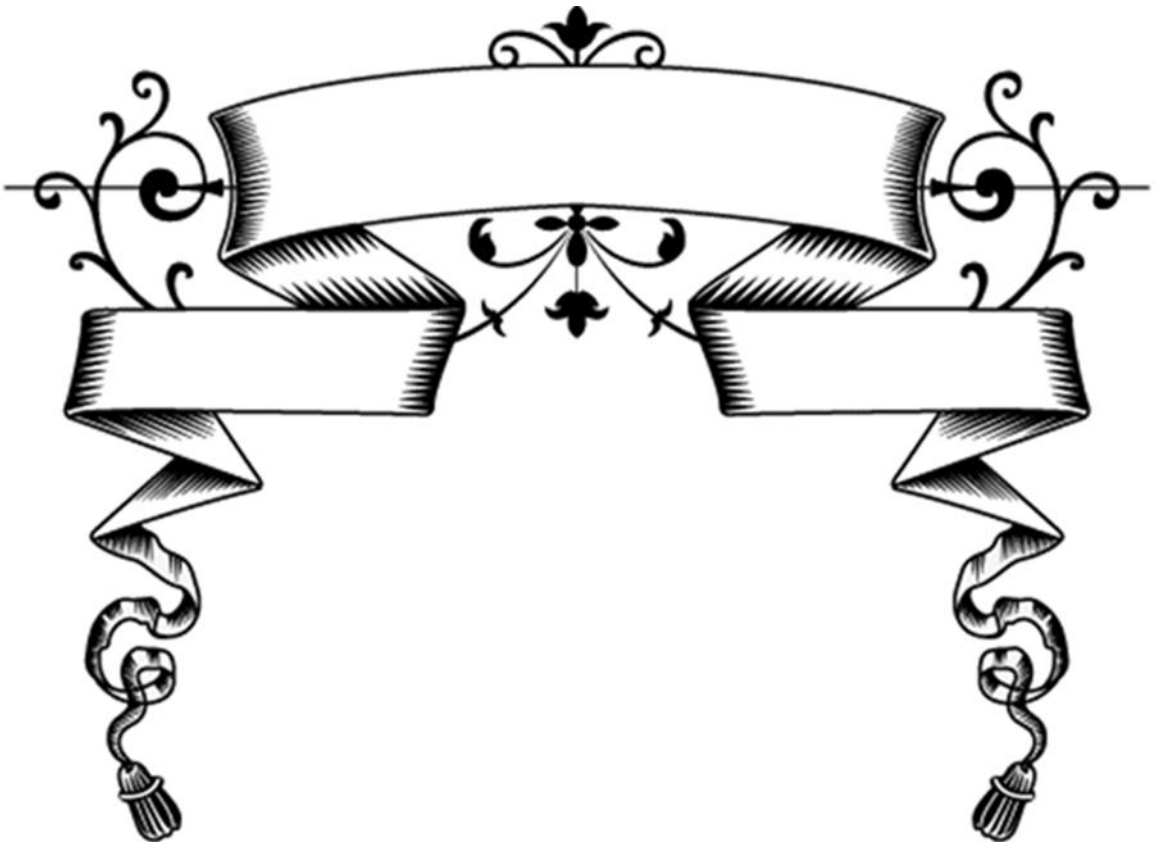
— Врачи отличаются от адвокатов только одним: те грабят, а эти грабят и убивают.

На могиле Разгуловой Дарьи Ивановны стоит красивый, большой памятник из мрамора. С барельефа смотрит на окружающих до боли знакомый профиль. Золотыми буквами горит ее имя.

Наша соседка, побывав на могиле мамы, завистливо промолвила:

— Господи, за что ей такая память?!

А я подумал: если бы все матери в нашей стране были такими, мы, пожалуй, жили бы иначе и не удивлялись, откуда вокруг столько равнодушных людей? И, словно в подтверждение моих мыслей, на сайт «Проза. Ру», где размещен этот очерк, пришел такой отзыв: «Дайте нам лучших матерей, и мы станем лучшими людьми»,— сказал философ.— Вечная память Разгуловой Дарье Ивановне!!! «Гениальные матери Планеты».



ДЕТЯМ И О ДЕТЯХ

ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА
АЛЕКСЕЙ БУТУСОВ
ВЛАДИМИР ГУЛЯЕВ
ЮЛИЯ ВОЕВОДИНА
ВЛАДИМИР КОЛАБУХИН
НИНА ГАВРИКОВА
ЕВГЕНИЙ АСТАШКИН
КИРА КРЕСТЬЯНКИНА
ОЛЬГА КАРАГОДИНА
ОЛЬГА АНДРЕЕВА
ГАЛИНА ЗЕЛЕНКИНА
ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА
ДИНА ЮДИНА

Людмила АЛТУНИНА

г. Тула

Людмила Дмитриевна Алтунина (урожд. Егуекова), журналист, прозаик, поэт, член СЖР и АРЛ, родилась и выросла в Горном Алтае, в семье инженера, землеустроителя, геолога, охотника и рыбака. Там же окончила общеобразовательную среднюю школу, затем — факультет журналистики Казанского госуниверситета и высшие редакторские курсы ВИЖ (Москва). Около сорока лет посвятила журналистике. Работала на радио и в печатных СМИ. Много лет была редактором вузовской многотиражной газеты ТулГУ и руководителем отделения журналистики студклуба этого вуза. Печатается в региональных, российских и зарубежных журналах и альманахах, в т.ч. тульских; автор и соавтор более десятка книг. В 2019 г. вышла ее книга прозы «Чайка с того света…», представленная на соискание премии им. Л. Н. Толстого. Это — первая книга авторского литпроекта «Лики России», состоящего из нескольких книг, над которыми она работает сейчас. Неоднократный победитель литконкурсов разных уровней, включая всероссийский. Награждена многими почетными грамотами регионального и федерального уровней, нагрудным знаком «За заслуги перед университетом». Ее имя занесено в энциклопедию ТулГУ, в «Тульский биографический словарь. Новая реальность», в биографический словарь «Писатели земли тульской», в энциклопедию тульской журналистики. Ветеран труда. Член редакционного совета и зав. отделом литературного альманаха «Ковчег» (Тула) и член тульских православных литобъединений. С конца 70-х гг. живет в Туле, но связей со своей малой родиной — Горным Алтаем не теряет. Новеллы, представленные в данном издании,— продолжение повествований о малой родине автора, опубликованных в предыдущих выпусках альманаха. Наш постоянный автор.

ИГРЫ НАШЕГО ДЕТСТВА

(ИЗ ПОВЕСТИ О ДЕТСТВЕ «НА ЗОЛОТОМ КРЫЛЬЦЕ…»)

«На золотом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной. Кто ты будешь такой? — говори поскорей, не задерживай добрых и честных людей»,— громко и выразительно произносил слова считалочки кто-нибудь из нас, детей, тыча каждого, обступившего его кружком, пальцем в грудь.

Эта считалка у нас была самая любимая, наверное, потому что в ней были и царь, и царевич, и король, и королевич. И каждый из нас выбирал именно их, а не сапожника или портного, ведь, как нам казалось, куда интересней и значимей быть, скажем, королевичем, чем обычным портным или сапожником. И называя себя царевичами или королевичами, мы на краткий миг именно таковыми и ощущали себя. Были у нас и другие считалки, но чаще мы выбирали именно эту. А если уж приближались сумерки и скоро надо было разбегаться по домам, чтобы наподдать жару и припугнуть самих себя, предпочитали самую короткую, но страшную считалку: «Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана, мужиков резать, баб давить — все равно тебе галѝть», но в любых иных ситуациях именно первой считалке отдавали мы свое детское предпочтение.

— Король! — кричал кто-то.

Считалочка продолжалась и из круга выходил тот, на кого выпадал король. Вадѝть или галѝть, как мы называли при игре в прятки того, кто оставался последним, выпадало невезучему. Куда ведь интересней было прятаться — по-нашему, заныка́ться так, чтобы тебя ни в жисть не нашел водящий. А спрятаться было где на нашей раздольной Зеленой улице да еще среди вековых кедров, посаженных, как говорили деревенские старики, давным-давно попами — первыми христианскими миссионерами, приехавшими из центра России прививать алтайцам-язычникам православие, что им и удалось. Высокие, статные, пышные кедры с вызревавшими на них к осени шишками с вкусными ядрами — кедровыми орешками, за которыми лазили пацаны, росли на территории нашей начальной Зеленой школы. Она располагалась в просторном добротном деревянном светлом здании с огромными окнами. Тут же, в соседнем новом здании,— большой спортивный зал, где проходили занятия физкультурой, а после занятий ученики проводили все свое свободное время, занимаясь разными видами спорта. Школа находилась рядом с нашим домом. В эту школу мы с братом и пошли в первый класс. Здесь, как почти все наши ровесники, мы и получили начальное образование. Ныне этой школы нет — снесли. На ее месте — жилые дома и магазин. От пышной кедровой рощи остались два захудалых кедра, которые, похоже, вскоре тоже погибнут.

…И вот, сломя голову, мчусь я среди кедров по мягкой высокой траве-мураве школьного кедрового лесочка. Мчусь так, что только пятки в ягодицы влипают, к загодя выбранному месту, чтобы надежно спрятаться. И со всего хода ныряю под высокие кроны какого-то цветущего лиловыми пахучими цветочками растения,— позднее узнала — пустырника,— полукругом облепившего толстый ствол кедра. Меня больно жалит свирепая катунская крапива. Такая, наверное, растет только в Сибири. Став взрослой, я потом нигде больше не встречала такой жалючки. Те места на руках и ногах, где обстрекала меня крапива, вмиг покрываются пузырями, которые сильно саднят и чешутся, но я замерла и почти не дышу, уверенная в том, что уж

здесь-то, в зарослях с крапивой, водящий не станет меня искать и долго помается, прежде чем я сама выпрыгну. Я-то из своего укрытия хорошо вижу водящего и, напряженно следя за ним, жду момента, когда он повернется ко мне спиной, вот тогда я выпрыгну и опрометью подбегу к тому дереву, у которого он стоял с закрытыми глазами, когда мы прятались, а потом громко оповещал: «Раз, два, три, четыре, пять. Я иду искать. Кто не спрятался, я не виноват. Кто за моей спиной стоит, тому трижды галѝть» и отправлялся на поиски спрятавшихся. Так вот, едва он отвернется и пойдет в ином направлении, не глядя в мою сторону, выпрыгну, пусть хоть и снова ожалюсь крапивой, зато, опередив водящего, подлечу к тому дереву и «застукаю» его первой. Тогда водящему придется вместо меня водить второй раз, когда мне достанется участь быть водящей.

А пока сижу в укрытии, отслеживая каждый шаг водящего. Он всех, кроме меня, уже нашел. И все стоят и наблюдают за его поисками, а тот, кто знает, где я спряталась, громко кричит, когда он направляется в мою сторону: «Сито, сиди!». Ему многоголосьем вторят все остальные. А водящему подсказывают: «Горячо! Горячо!» — это значит, что он идет на поиски в правильном направлении. Если удаляется от моего места укрытия, ему кричат: «Холодно! Холодно!», и он меняет направление поисков и так будет продолжаться до тех пор, когда он не услышит: «Совсем горячо! Горячо!» и, наконец: «Жарко!». Это означает, что водящий вплотную приблизился к моему укрытию, остается наклониться, остерегаясь крапивы, раздвинуть заросли и, обнаружив там меня, кинуться к дереву — месту водящего, и, постучав по нему ладонью, заорать во все горло: «Застукал! Застукал!» Но пока я не найдена, жду своего момента, чтобы выпрыгнуть за спиной водящего. Сегодня таковым является Борька Каланаков. Он не имеет нюха на спрятавшихся, как, скажем, бойкая Лариска Зяблицкая. Та вмиг каждого отыщет. У нее, как говорили мы, отменный нюх, хоть она и не дочь охотника, как, например, я.

— Холодно! — вторят ребятишки водящему, а следом мне: «Сито, беги!»

И я бегу во всю прыть. Водящий, спохватившись, мгновенно оборачивается и тоже во весь дух, чтобы опередить меня и первым застукать, бежит к дереву водящего, но мне повезло: опередила его и застукала первой. Борьке придется водить вместо меня. Он, вижу, этому вовсе не рад, а даже всерьез расстроен. Он вообще чуть что — в слезы, хоть и старше нас, семилеток, которым в этом году предстоит пойти в первый класс. Борька нервный и плаксивый, в отличие от его старшего брата Сашки, по прозвищу Белоголовый: до того у него светлые волосы, что он похож на седого. А у Борьки кличка «Каланок». Он плачет, если проигрывает ребятам в игры, в городки или в кости, или в «Пристенок», когда пацаны мечут о стенку монетки. Сашка его сначала успокаивает: «Не нюнь! Это ж игра. И каждый может проиграть». Потом строжится: «Что ты опять заныл, как девчонка?! Перестань счас же! А то получишь у меня». Если и это не действует, и Борька продолжает ныть, размазывая грязными руками слезы по щекам или вытирает их рукавом вельветовой старенькой курточки, продолжая всхлипывать и сквозь слезы обвинять кого-то в том, что тот играл не по правилам, Сашка дает ему хорошую затрещину и велит «катиться домой» и больше не включает его в следующую игру. Борька отбегает на безопасное от брата расстояние, Сашка швыряет в след ему подвернувшиеся под руку мелкие камешки или кусочки сухой земли со словами: «Вали отсюда домой, нюня» и, включившись в игру с ребятами, забывает про Борьку, а тот сидит на полянке, на краю ямки, их которой хозяйки лопатами копают свежую маслянисто-черную зернистую землю для подсыпки в огуречные, дынные или помидорные лунки для урожайности.

Эта земля считается особо плодородной, неистощенной, и наша мама тоже брала ее отсюда. Широкая зеленая поляна с двумя громадными лужами по бокам, которые в начале лета были еще чистыми и прозрачными, как озерки, и на их дне нежно покачивались узкие стебелечки травы и просматривались всякие разноцветные стекляшки от битой посуды. Мы плавали в этих лужах на ваннах и надутых черных баллонах от тракторных и машинных колесных шин, гребя самодельными деревянными широкими лопаточками, вырезанными из дощечек вместо настоящих весел. Здесь же плавали, ныряли, добывая какой-то корм, и прожорливые утки с утятами, и злые гуси с маленькими, еще пушистыми гусятами. Когда гуси были на воде, они нас не трогали, но, выйдя на полянку, не давали детворе проходу: гонялись за нами, стремглав убегавшими от них. Случалось, догнав, гуси больно щипали своими красными, словно железными клювами и сильно хлестали широкими крепкими крыльями. Особенно их боялись малыши, ведь взрослые говорили, что гуси могут маленького ребенка защипать и забить крыльями до заикания и даже до смерти. Мы, те, что постарше, тоже страсть как боялись гусей, пуще, чем собак, а потому пробегали около них с прутом в руках, выставив вперед руку с растопыренными «козой» двумя пальцами, направленными в сторону грозно шипящих гусей, и приговаривали: «Гусь-гусачок,— вот тебе сачок. Иди рыбку полови. На меня не налетай, не бей, не щипай; знай себе — гуляй, травку щипай. Я твоих не трону гусенят. Сам пасти их был бы рад». И, как нам казалось, гуси от этой наивной детской присказки и выставленной им навстречу «козы» успокаивались и не налетали столь оголтело и яростно на проходящего мимо них ребенка. Но вообще-то мы старались обходить злых сибирских наших гусей, особенно когда они с гусятами, стороной. Иной раз, накупавшись, идя домой с речки нашей Маймы, завидев в переулке гусей, обходили их даже по другой улице, сделав немалый крюк.

…А потом в лужах на поляне заводились шустрые, похожие на гвоздики с круглыми шляпками головастики, вертикально ввинчивавшиеся в начинавшую покрываться зеленью, как плесенью, воду. Но мы все равно плавали в ваннах, а мальчишки — больше на баллонах, даже и на перегонки, пока лужи не становились совсем мелкими и вовсе пересыхали, обнажая донные сокровища — разные битые черепки. Их мы с

подружками охотно подбирали для игр в куклы и домики, устраиваемые нами в саду, на чердаке или на той же поляне, на косогоре, на шелковистой зелено-сочной траве, прямо возле луж.

Те громадные глубокие и чистые лужи с зеленой травой-муравой и битыми черепками на дне, как ни странно, мне до сих пор снятся. Просыпаюсь после такого сна с какой-то легкой и светлой грустью, с ожиданием нечаянной радости и чего-то хорошего, еще несбывшегося, сулившегося в детстве…

НА ПОКОСЕ

Покос для сельского жителя, как и посевная, и уборочная,— особая горячая пора. К нему готовятся загодя, как к празднику, сознавая вместе с тем, что ждет тяжелый труд, зачастую поджимаемый погодными сроками: управиться с сенокосом надо пока стоит ведро — солнечно и сухо. Накосишь сено, пойдут дожди, и пропадет оно: почернеет, сгниет. А если даже удастся, вырвав солнечные сухие денечки, все-таки состоговать, накидав в сенные пласты соль, испорченное дождями сено, то такое сено коровушки поедают неохотно да и малокалорийное оно, и не вкусное, не душистое, пахнущее гнилью. Скотинушка любит духовитое сено, вовремя заготовленное: вовремя — это с июня, с Троицы, и лучше до августа, пока травы не перезрели и сочными, душистыми ложатся под косой.

Наши родители всегда держали коров, значит, были и телята, и сена приходилось заготавливать много. В зарод (стог), как говорят на Алтае, для одной коровы надо накосить не менее сорока больших, хорошо утоптанных, то есть утрамбованных ногами, копен (копна — сухое сено, сложенное в большую кучу для стогования).

Родители косили и стоговали сено вручную. Летом помогать на покосе приезжала наша старшая сестра Валентина из Барнаула, куда она уехала учиться из Кош-Агача, самого удаленного в Горном Алтае (ныне Республика Алтай) райцентра на границе трех государств — Монголии, Китая и Казахстана, где все мы, дети, родились. В Барнауле Валя вышла замуж, родила сына Гену и осталась жить навсегда, не забывая, однако, Горный Алтай, где жила наша семья. Еще в помощники нанимались соседи, особенно когда отец работал в Алтайской геологоразведочной экспедиции и уезжал на все лето на изыскательные работы, проводившиеся в Горном Алтае. Здесь ведь много разных добываемых полезных ископаемых, включая даже редкие ртуть, вольфрам, молибден и золото. Помогал на сенокосе и сосед дядя Володя Плотников, пока помоложе был и еще в силе. Он — участник, помнится, трех войн: Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной. От ранений у него одно плечо было выше другого, и ходил он как-то бочком, как бы едва заметно прихрамывая, но косарь и стоговальщик сена в зарод был отличный, опытный. А стоговать надо уметь, не каждый сможет, не имея опыта: навильник сухого сена надо подать не абы как, не боком, а плашмя, чтобы он плотно лег, и стоговальщик, принимающий пласт наверху зарода, смог его хорошенько уложить и утромбовать ногами. Плохо сложенный стог может раздуть ветром, промочить дождем, и сено сгниет — весь тяжкий труд по его заготовке пойдет насмарку.

Когда по возрасту дядя Володя уже не смог помогать нам на покосе, его заменили муж с женой, которые по найму многим помогали на селе в покосных делах. Фамилии их и имени мужа не помню, жену звали Шура. Певунья, плясунья и веселушка она была отменная, а муж ее хорошо играл на гармошке, которую и на покос брал с собой. Вечерами, после работы, он усаживался на пенек у костерка, на котором готовился нехитрый покосный ужин и непременно ароматный травяной чай, с азартом растягивал меха своей видавший виды старенькой, но голосисто звонкой гармошки и запевал русские народные песни сильным красивым голосом, голосистая Шура и все остальные взрослые тоже голосисто подхватывали. И мои родители тоже хорошо пели, как и многие в Сибири, где любят петь и знают цену хорошей настоящей песне. И как поют — заслушаешься! В компаниях обычно запевалой был папа, мама подхватывала, потом все остальные включались.

Мы с братом Володей, старше меня тремя годами, слушали замечательное пение косарей под звездами, под дымком, стлавшимся по вершине горы, с ароматами, исходившими и от скошенного подсыхающего сена и от свежих росистых трав, особенно от буйно разросшегося рядом пуговичника, как сибиряки в простонародье называют пижму, поскольку ярко желтые, с особым мятным запахом соцветия ее похожи на небольшие пуговицы. Пели слаженно, задушевно и мелодично. Песня то бурной рекой, то серебристым ручейком лилась под звездным небом, над горой, покосом, уносясь и затихая где-то далеко, на вершинах дальних, едва чернеющих в сгущающейся темноте горных отрогах. Даже в наших детских душах от пения того становилось как-то сладко и хорошо, хотелось вслед за песней также улететь в дальние дали и ответно сделать что-то хорошее, дарящее, как льющееся это пение, светлую радость и сердечную теплоту и истому. Мы, дети, сидели рядом со взрослыми у костра или лежали на сухой душистой копне сена и слушали, вглядываясь в чернеющее небо, на котором всходила из-за горы ярко оранжевая луна и одна за другой появлялись звездочки. И вскоре весь небосвод, по которому от края до края пролегал бледный таинственный Млечный путь, был усеян крупными мерцающими звездами. Ясно и по-доброму глядела прямо на нас с небес немигающая Венера, так любимая мамой и мной. Было хорошо и покойно на душе, и жизнь казалась такой славной и вечной, и все — бессмертными, не предполагая даже, что пройдет совсем немного времени и вот этих людей, так замечательно и задушевно поющих в горах у костра, уже не будет на этой земле, как и наших родителей...

…Готовиться к покосу родители начинали задолго: косы, отбойники для них, грабли, вилы, веревки, с помощью которых на конях возили копны, разные ножи, ножовки, топоры, а также походную кухонную утварь, специально предназначавшуюся для покоса, съестные припасы, легкую светлую хлопчатобумажную одежду, чтобы не жарко было на солнцепеке косить,— легкие шаровары на резинках у щиколотки, чтобы сухая трава не забивалась под них и не колола ноги,— легкую парусиновую обувь, которая была в ту пору в ходу и многое другое. Кстати, покосные грабли и вилы были у нас вовсе не железные, как представляется, наверное, сейчас читателю, а легонькие деревянные, специальные, сделанные отцом еще по осени и основательно просушившиеся под крышей бани за зиму и весну. Вилы были двурожки, чтобы просто поддевать сено и трехрожки с длинными тремя рогами и длиннющей гладкой ручкой — такие предназначались для стогования. Чтобы сделать такие вилы, надо было выбрать высокое, стройное ровное молодое, но крепкое, прочное ивовое или осиновое дерево с ровными ветвистыми сучьями — рогами. Грабли тоже были деревянные: большие для мужчин, поменьше — для женщин и совсем маленькие — для нас с братом. Уже лет с восьми — десяти мы помогали родителям на сенокосе ворошить подсохшие рядки скошенной травы, чтобы она хорошо просохла со всех сторон. В жаркий день переворачивать их приходилось по нескольку раз, причем так, чтобы не растрепать, а, перевернув аккуратно на другую сторону, чтобы рядок оставался ровным — так легче потом будет сгребать сено граблями и, поддевая вилами, укладывать в копешки, в чем мы тоже участвовали.

…И вот все готово к сенокосу. Настал день выхода на него. С утра пораньше мы уже готовы отравиться в не ближний путь, поднимаясь по пыльной дороге в горы, на нашу сенокосную делянку. Мы с братом — в широких сатиновых шароварах и светлых ситцевых рубашках, на головах у нас белые панамки, чтобы солнцем не напекло. Мама в штапельном легком платье в мелкий цветочек,— в шаровары и светлую ситцевую кофточку она переоденется уже на покосе,— волосы спрятаны под белой косынкой. Мама специально надевает широкое платье с юбкой-татьянкой, чтобы поднимаясь по перевалам с горы на гору, мы, изрядно усталые, могли уцепившись за ее подол, почти тащиться, а не идти. После сенокоса мама будет зашивать платье, приговаривая: «Все бока вы, ребятишки, у моего платья пообтянули, но выдюжила ткань, только по швам разошлось, зато вы, цепляясь за мой подол, до места дотащились». И впрямь, вцепившись в мамину юбку, уставшие и разморенные, мы полпути едва тащились по пыльной горной дороге под палящим солнцем. Руки-то у мамы заняты огромными алюминиевыми бидонами; в одном — молоко, в другом — прохладная приятно-кисловатая пахта — отработка после сбивания из сметаны сливочного масла, хорошо утоляющая жажду и вместе с тем сытная: попил и есть расхотелось. Еда на дорогу, баклажка с водой и прочее — в рюкзаке, за ее плечами. У нас с братом в руках — тоже ноша, правда, в отличие от маминой, нетяжелая. Мы — готовы. Итак,— в путь! А он — вовсе не близкий.

Покос наш,— выделенный отцу совхозом большой участок разнотравья на косогорах и в низине, у горного ручья,— находился довольно далеко, в горах, у дальней горы Становой (так народ называет ее), вытянувшейся на горизонте — километров за пять, а то и больше от нашего дома. Издали казалось, что она нереально далеко и дойти или доехать до нее вообще невозможно, но мы шли туда пешком и доходили. Редко, когда отцу удавалось заполучить в совхозе лошадь с телегой,— все лошади и телеги задействованы были, в первую очередь, на совхозных работах,— уборочная и сенокос в хозяйстве тоже были в разгаре.

Отец накануне сенокоса уже побывал на нашей делянке, соорудил там шалаш, в котором прохладно и уютно, пахнет сеном, свежей древесиной и березовыми листьями; определил и устроил место для костра, заготовил сушняк для костра; отвез на коне грабли, вилы и прочий громоздкий инвентарь, кухонную утварь, припрятав их там в укромном надежном месте где-нибудь в кустах, у ручья, прикрыв их клеенкой от дождя, а сверху травой, чтобы постороннему глазу не видно было. Чаще всего он и сам там оставался ночевать и еще до нашего прихода, с утречка, пока роса на траве не высохла,— не зря говорится: «Коси, коса, пока роса»,— уже прошел с косой несколько рядков, издающих, высыхая под солнцем, сладкий приятный аромат. Великолепно пахнет скошенное в горных лугах разнотравье!

…Грунтовая пыльная дорога до Становой идет все в гору и в гору, выше и выше, то поднимаясь на очередную высоту, то опускаясь с нее. С обеих сторон ее обступают высокие, выше человеческого роста, кукурузные поля, сменяющиеся уже набравшей колос пшеницей, а потом горными увалами, сплошь покрытыми разными цветами и травами. Мы выходим очень рано, чтобы до солнцепека успеть пройти большую часть пути. Будем останавливаться передохнуть, попить водички у горных ручьев и родников, умыться и понюхать цветы, чтобы силы прибавились. Так нам говорила неунывающая наша, всегда веселая, жизнерадостная, с песней и стихами на устах, с приплясочкой наша любимая старшая сестра Валя, когда мы сильно уставали и, казалось, уже нет сил идти по жаре.

— Людочка, Вовочка,— звала она нас с братом,— свернув с дороги в сторону какого-нибудь пригорка, идите скорей сюда!

Мы подбегали к ней. Валя, улыбаясь и весело запрокидывая голову, обхватывала куст цветущих диких роз,— не помню как именно назывались эти высокие, кустами растущие цветы с резными листьями и нежно-розовыми соцветиями, но мы называли их именно так — розы,— и, уткнувшись в них лицом, глубоко вдыхала их едва уловимый нежный аромат, бодро и озорно говорила нам:

— Нюхайте, ребятишки, нюхайте розы, как я. Их аромат придаст вам силы. Смотрите, какая я стала сильная. Мне все — нипочем! До покоса бегом добежать могу. Догоняйте меня!

И Валя, смеясь и дурачась, пускалась бежать по дороге, на ходу нюхая сорванную розочку. Мы следовали ее примеру и пускались с розочками в руках вслед за ней. А она со смехом, со всего маху падала в траву и устремляла взгляд в небо: «Ребятишки, делай как я: падайте в прохладную траву и смотрите в небо, на облака, и катайтесь на них. Я поехала вон на том, похожем на лошадку, видите?! Догоняйте меня в небе! Эгеге!» И мы тоже нюхали цветы, весело падали в траву и, катаясь на облаках, пускались за Валей вдогонку. И усталость уходила, и силы прибавлялись. И, подпевая Вале: «Идем, идем веселые подруги, страна, как мать, зовет и любит нас. Везде нужны заботливые руки и наш хозяйский зоркий женский глаз…», бодро маршируем рядом с ней, вложив свои рученьки в ее крепкие горячие ладони, уже не цепляясь за мамин подол. И вот так с Валиными песнями, шутками, дурачествами мы забывали про усталость и добирались до покоса. Теперь-то я понимаю, что все это делала она, моя дорогая сестричка, годившаяся нам с братом по возрасту в мамы, будучи намного старше, жалея нас, чтобы подбодрить, поддержать, прогнать нашу усталость. И ей это удавалось. А когда на очень сильной жаре мы совсем выбивались из сил и еле волочили ноги, да и мама сильно уставала с тяжелой-то поклажей в руках, хотя вида не подвала, Валя делала вот что. Она все так же резвясь, смеясь, с шутками, выдергивала из маминых рук бидоны, поднимала их в очередную горку, ставила их там, на верху, в тенечке, под широкими листьями придорожных лопухов или под деревьями и, спустившись к нам, сажала Володю на свою горбушку, меня брала на руки перед собой и так поднимала нас наверх горы, усаживая там отдохнуть в тени придорожных кустов. Потом снова сбегала вниз к медленно поднимающейся в гору маме, перебрасывала рюкзак с маминых плеч на свои и «брала маму на буксир», как это называла Валя, как бы шутя, подталкивая сзади маму в спину, облегчая ей подъем в гору. И откуда у нее только силы брались, столько в ней было энергии, азарта, веселости, молодого задора! Поистине энергия, сила юной жизни в ней била неиссякаемым лучезарным ключом.

Уже давно нет ни мамы, ни Вали в живых, зато те наши покосные дни так живо встают в памяти, и в этих днях оживают и мама, и сестра. И всякий раз, встречая где-либо дикую розу, вспоминаю, как говорила нам старшая сестра о том, что аромат цветов дает силы. И всякий раз, когда где-то в пути, да и не только в пути, сильно устаю, нюхаю цветы, а если есть такая возможность, падаю в траву и смотрю в небо, на плывущие облака, «катаясь» на них. Это и впрямь дает мне силы, а может, это память моего золотого детства дает мне силы?!

28. 08. 2020

Евгений АСТАШКИН

г. Омск

ДЕЛО СЛУЧАЯ

Если раньше самым желанным предметом были сдвоенные труды, когда можно столько времени «гонять балду», ибо учитель давал какие-то необязательные задания или вообще занимался своим делом, изредка покрикивая на пацанов, чтобы сильно не шумели, то теперь все расслаблялись на уроках физкультуры. Там можно поиграть в баскетбол или волейбол. Но сначала обязательная разминка — несколько кругов вокруг зала.

Здесь Вадим совершенно случайно удивил всех, причем — трижды.

Раз физрук для разнообразия устроил мини-соревнования: кто быстрее всех из парней доскачет на одной ноге до противоположной стены спортзала и обратно. Парни в трико выстроились на старте, физрук дал отмашку. На первых же секундах Вадим без видимых усилий вырвался вперед. Противоположной стены он достиг, когда другие только одолели середину зала. Вернулся он на прежнее место с нереальным отрывом.

Физрук ничего не мог понять: доходяга, на занятиях не блещет, ноги явно не спортивные — и вдруг такое. Он не знал, что и сказать, хотя на него требовательно смотрели недоумевающие одноклассники. Если бы всех обогнал упитанный и высоченный Коваль, это бы ему простилось. Он всегда такой вежливый, выдержанный, аккуратно подстриженный, безупречен в одежде,— угадываются дворянские гены. Но он пришел вторым.

Когда парни отдышались, измождено прижимая ладони к коленям, и уже хотели натягивать волейбольную сетку, явно задетый за живое физрук снова всех выстроил, словно его не устраивал результат:

— Давайте повторим бег на одной ноге…

Снова все смешно рванули с подпрыгом, теперь каждый старался из последних сил, чтобы «нивелировать» достижение этого хлюпика. Но все тщетно. Вадим скакал в трех метрах впереди и даже оглядывался на ходу с затаенным пренебрежением: мол, куда вам. Девчата галдели у застекленной стены, пытаясь в меру разумения комментировать между собой только что увиденное.

Физрук опять тяжко ломал голову над этим феноменом, а ребята с запозданием стали натягивать сетку, чтобы успеть разбиться на команды и хоть один разок сразиться в волейбол.

На следующей неделе не успокоившийся физрук снова всех заставил скакать на одной ноге. Теперь он стоял вместе с девчатами, чтобы сбоку наблюдать за Атмакиным: что-то тут не то. Когда Вадим вперед всех

коснулся рукой стены и сделал реверс, физрук встревожено закричал:

— Ногу! Смени ногу!..

Атмакин неохотно перешел на правую ногу и тут же словно застопорился — все, грохоча кедами по дощатому полу, пронеслись мимо него, а он безнадежно отстал.

— Понял! — радостно выдохнул физрук.— Он не менял ногу…

Подошел к расшифрованному Вадиму и стал задавать профессиональные вопросы:

— В детстве был перелом правой ноги?

Вадим утвердительно кивнул.

— Ходил на костылях? Ясненько. После травмы у тебя правая нога стала намного слабей, зато левая неестественно развилась…

Одноклассники сразу успокоились и потеряли интерес к Вадиму: ишь какой, захотел всех провести…

В следующий раз в спортзале не успели убрать расстеленные маты, видно, до этого тренировались борцы. Физрук послал ребят парно сносить тяжеленные маты в угол зала. От нечего делать Вадим прошелся по пружинившим матам, потом, сам от себя не ожидая, резко оттолкнулся ногами, перевернулся в воздухе и благополучно приземлился на пятки в сидячем положении. Он сам обалдел от этого, словно долго тренировался. Все ринулись повторять его трюк, но грузно шлепались спиной или отбивали себе копчик.

— А ну-ка, еще раз! — потребовал от Вадима крепыш Нурлан, чтобы посмотреть, как это делается.

Вадим с силой поднырнул себе под ноги — только с таким бесстрашным замахом можно успеть перевернуться в воздухе. Остальные не решились сильно отталкиваться и поэтому у них ничего не получалось, только потирали ушибленную поясницу или что-то другое…

В третий раз Вадим удивил одноклассников во время игры в волейбол. Когда подошла его очередь делать подачу, он, почувствовав прилив куража, с чрезмерной силой и почти незаметной подкруткой пушечным ядром запустил мяч почти над самой сеткой, и его не смогли отбить — мяч отлетел за линию игры. При следующей подаче все уже нетерпеливо гудели, ожидая от него изюминки. Он снова резанул мяч, который невозможно было отбить…

При школе работала секция вольной борьбы. Вадим никуда не записывался, но однажды Бигенов, с которым теперь они вместе возвращались домой, уговорил сходить за кампанию на секцию, где он занимался. Просто посмотрит. У Вадима не было никакого интереса снова плестись в свой спортзал, чего он там не видел? Но Нурлан не отставал, даже налил ему чая, чтобы тот не заглядывал к себе домой.

На секции резвились самые мускулистые парни с восьмого по десятый класс. Нурлан тоже хотел выглядеть предельно мужественно — чтобы с ним все считались. В этот день на спаррингах присутствовало десять человек. После разминки начались схватки. Все попеременно боролись с победителем. Здесь уже сложился свой рейтинг. Первое место прочно держал почти «квадратный» Жанзак из параллельного класса, сын прокурора. С ним было бесполезно — на соревнованиях никто из его соперников не мог продержаться больше восьми секунд.

Второе место с переменным успехом удерживал Исламов из десятого класса, тоже непомерно широкоплечий. Он брал ловкостью и выносливостью. Тулегену иногда удавалось одолеть его, и он очень этим гордился, выходя на второе место по школе. Сегодня он был в приподнятом настроении, видимо, хотел перед одноклассником продемонстрировать свою удачу, но все равно был уложен на лопатки.

К концу тренировок Бигенов, словно в насмешку, стал подталкивать Вадима на неразумный ход:

— Ну-ка, попробуй схватиться с Исламовым, может, тебе больше повезет…

Исламов не без интереса уставился на Атмакина, одетого в школьный костюм.

— Давай, переодевайся, в раздевалке есть запасное трико,— не отставал Бигенов, видно, хотел полюбоваться, как Вадима будут мотылять по дерматину.

— Да я и приемов никаких не знаю,— отговаривался Атмакин из вежливости. Он уже заметил нездоровый блеск в глазах Исламова, видно, тот не прочь намять ему бока, да и Нурлан все время подмигивает ему провокационно.

Теперь и другие подключились к уговорам:

— Давай, поборись, не корову же проиграешь…

Уже совали под нос Вадиму форму, и он обреченно махнул рукой: ладно, черт с вами! Быстро переоделся, физрук предупредил его: схватка по правилам длится две минуты, он засекает время.

Вадим решил хотя бы продержаться это время, просто всячески уходить от захватов. Участники спарринга пожали друг другу руки и разошлись. Исламов стал пританцовывать вокруг беспомощно поворачивающегося Атмакина, приноравливался, какой прием предпочтительней пустить в ход. Вадим уклонялся от его рук, сбрасывал их, держа дистанцию. Как ни старался Исламов, он не мог подобраться к осторожничающему противнику. Вадим слепо подчинялся своей интуиции, и она не подводила его. Наконец Исламову удалось обхватить его руками, и он стал мотать его из стороны в сторону, Вадиму чудом удавалось сохранить равновесие. Зрители оживились, то один, то другой разражался нутряным первобытным междометием. Перешли в партер, Исламов уже дожимал новичка. Вадим не ожидал, что за две минуты можно так выдохнуться, силы его катастрофически таяли. Исламов уже по-другому обхватил его — со спины, упираясь животом в его темя.

И тут до Вадима донесся голос физрука, явно болеющего за него:

— Если он сейчас догадается взять в замок…

Вадим думал, что у него безвыходное положение, но слова физрука оказались хорошей подсказкой. Время уже истекло, но борцов не разнимали, ожидая, что через считанные секунды все и так закончится.

Вадим прекрасно сообразил, что делать. Он зажал под мышками руки противника и резко подался назад, лишь бы хватило сил. Исламов легче, чем ожидалось, перелетел через него и сразу оказался на лопатках.

Бигенов был явно ошарашен таким исходом, растерянно оглядывался, улавливая чужую реакцию на это, которая его явно не радовала. Все обсуждали чудесное избавление казалось бы обреченного новичка.

Едва Атмакин пришел в себя, к нему азартно подскочил сын прокурора.

— А ну, давай с тобой!..

Жанзак принял его всерьез — вот что самое смешное. Никто не подумал, что Вадиму просто улыбнулась удача, а такое случается редко. Вадиму дали немного отдышаться, Жанзак все это время пристально изучал его.

Едва борцы поприветствовали друг друга, Жанзак своей поистине стальной правой кистью молниеносно схватил Вадима за тощее запястье, дернул на себя и своим коронным приемом через бедро шваркнул его боком на мат. Вполне хватило и трех секунд. Лишь после этого Жанзак стал удовлетворенно собираться домой с видом эпосного борца-самородка Хаджи Мукана. Он опять всем продемонстрировал, что круче него в пределах видимости никого нет. Он и не сомневался в таком результате, но лучше выбить почву из-под возможных разговоров, что кто-то, возможно, проворнее этого бесспорного чемпиона.

Самое интересное, физрук через Нурлана потом передал, что Атмакин тоже может записаться на секцию вольной борьбы. Вадим равнодушно махнул рукой:

— Да какой из меня борец…

***

Что за дурь такая? Здоровенные лбы нашли новую забаву. Теперь со всех ног бегут на большой перемене в угол двора к заросшему кленами пролому, где в траве натоптана глинистая полянка, и начинают какую-то посконную игру. Выбранный по жребию выставляет подмышкой вывернутую ладонь, кто-то хлопает по ней своей. Нужно отгадать кто. Разгаданный в свою очередь становится «мальчиком для битья», такая вот коловерть. Выкопали же откуда-то эту забаву, про которую Атмакин не ведал и мальцом. У самого Вадима не было особой охоты впадать в детство, но раз сам Коваль не гнушается этим и даже выказывает определенное довольство, то и ему не след откалываться от коллектива.

Любопытные серые вороны отлетают подальше от сборища и со стороны наблюдают за неприкрытой дурашливостью почти взрослых парней. Биологичка намедни просветила: все это бабушкины сказки, что вороны с сороками могут протянуть сто лет. Они в дикой природе живут столько, сколько им, девятиклассникам, сейчас, не более того.

Как здесь скучно в отношении пернатых! Вдобавок к этим птицам увидишь лишь голубей и воробьев. Карканье, гульканье и чириканье — вот и весь репертуар. Правда, на речку иногда откуда-то залетают степные чайки и пытливо кружатся над водой в поисках мелких рыбешек на отмелях. Хоть бы какая-нибудь умница догадалась завезти сюда за пазухой парочку синичек для разнообразия, может, прижились бы,— на площадках элеватора и зимой бывают бурты хлеба, который уже некуда прятать в иной урожайный год.

«Мальчик для битья» оборачивается, все суют ему под нос кулаки с поднятым вверх большим пальцем, но он старается определить стукнувшего по глазам, они обязательно выдадут: сразу видно, чья кошка стащила сало…

После энной по счету игры в эти побивалки Атмакина стало разбирать желание почубучить — это стучался в груди внутренний протест против такого дебильного времяпрепровождения. Когда разгаданный Махоня выставил свою вывернутую ладонь, прижав ее к спине, Вадим так саданул по ней своей хваталкой, что рыжий едва не потерял равновесие. Озадаченно оглянулся:

— Вот это да!..

Все заливаются от хохота, поводя перед собой кулаки с жестовой вывеской «O'key!». Шарит, шарит глазами Махоня: у кого столько дури в бицепсах? Наверное, у Бигенова. А вот и нет!..

Снова поворачивается спиной. Свежий ударище от всей души. Кто это так мочит? Ребята уже задыхаются от хохота. Неужели Коваль? Не по дружбе эдак. Нет, не он…

В третий раз Махоня уже несколько рассерженно пялится на Сидорчука:

— Ты, что ли?..

Опять промах. Да что такое, в самом деле?..

Всех «ударников» перебрал рыжий, дольше других находился в нежелательной позе. В конце концов, уставился на узкоплечего Вадима:

— Неужели?..

Пришлось Атмакину становиться жертвой. Резанул в уши дробный звонок от школы, и тут же кто-то как врежет Вадиму прямо по ребрам — видно, промахнулся в спешке. Конечно, Махонина щедрость…

Отомстили за все. Ну да ладно…

***

Когда класс вдоволь поплутал в лабиринтах тригонометрий-стереометрий, всегда ровная и тактичная Анна Сосламбековна пошла на эксперимент. Она объявила на уроке:

— Хочу предложить вам необычную контрольную. У меня есть задача, предназначенная для вузов. У вас будет возможность испытать себя. Тот, кто первым решит задачу, получит годовую оценку выше на целый балл. У кого «троечки», получит «четверку» в табеле, хорошист станет отличником. С этой задачей справится только тот, кто усвоил синусы и косинусы. Готовы?

Она стала рисовать на доске сложную проекцию, а школьники, вырвав сдвоенные листы из серединки тетради, подписывали их.

Все эти синусы, а заодно и функции, вызывали у Атмакина стойкое отторжение. Не переваривал высшую заумь и поэтому не особо вникал в это. Не для него — и баста! Раньше он что-то ухватывал из точных наук, не сказать чтобы совсем «не бельмеса», а теперь плелся бездорожьем, больше нажимая на литературу, историю и обществоведение.

Но сейчас в его груди клацнули контакты, настраивая его на высшую степень готовности, как перед взлетом на ракете. Состязательность подстрекала на прорывы, перспективы поразить ближних захватывали. Дают такой шанс! Неплохо бы утереть всем нос. Он даже об оценках не особо пекся. Здесь прозревается что-то заоблачное, горние выси, которые ты волен покорить. Вот только как быть с этими паршивыми синусами? Как их обойти?..

Все, погружаемся в транс, надо квази-квази сосредоточиться, все сейчас расщелкаю! Стал вникать в чертеж, который скопировал в свой листочек. Надо определить вот этот угол. Цейтнот щекотал нервы, полная концентрация! Он уже никого не видел вокруг, лишь эти треугольники. Надо войти внутрь этого чертежа, потрогать руками абстрактное построение, внутри все будет очевиднее…

Через несколько минут, равнозначных парам световых лет, он прозрел: а ведь можно пройтись окольными путями и перешагнуть через эти синусы. Очень длинно, двойное применение старой доброй теоремы Пифагора, масса промежуточных вычислений. Очень примитивно, ясно, что в вузах это решается иначе. Вот только хватило бы времени…

Отстранившись от всего сущего, выводить и выводить ручкой столбики цифр, приближаясь к заветной цели. Покосился на склонившую голову Ахатову, эта вовсю балуется с косинусами, она точно решит задачу. Если он не опередит. Главное, чтобы ответ совпал.

До звонка совсем мало, последнее усилие, последний надрыв.

Атмакин поднял голову. У Анны Сосламбековны вопрос в черных зрачках: перетрудился — или?..

Он громко назвал цифру.

— Такой ответ?

Учительница замерла на миг, заглянула в свою тетрадку. На ее лице заиграло сложное выражение: вот он, момент полной неожиданности. Середнячок вдруг опередил всех.

— Действительно…— медленно произнесла учительница.

Что такое с полным правом испытать торжество? Очень сильные эмоции. Снайперское попадание за пределами видимости цели. И это он, а не кто-нибудь! Вокруг зазудел воздух, словно от коллективного выдоха. Все оторвались от своих записей и уставились на него. Непредсказуемый типаж. А, может, это досадная случайность или он просто подтасовал?..

Анна Сосламбековна тоже должна была убедиться в истинности произошедшего. Прошла в его сторону, взяла листок и вернулась к своему столу, углубившись в его неряшливые каракули. Даже Коваль отодвинул свой листок — зачем утруждаться, раз все равно опоздал? Все ожидали вердикта учительницы.

Анна Сосламбековна, конечно, вникла в извилистые ходы Атмакина и вынуждена была признать с некоторой оговоркой:

— Вообще-то можно решить и так…

Какой-то болью отдался в перепонках звонок. Лишь Сауле продолжала что-то писать, не обращая ни на кого внимания. Это не ускользнуло от внимательной Анны Сосламбековны. Она подошла к Ахатовой и участливо спросила:

— Ты, наверное, заканчиваешь?..

Это было щедрой форой вдумчивой ученице. Сауле выдохнула почти страдательно:

— Две секунды…

И вскоре облегченно откинулась на спинку стула. Учительница взяла ее листок и, черкнув по нему взглядом, удовлетворенно произнесла:

— Да, именно так решают это в институте…

И повысила голос в уже гомонящем классе:

— Все-таки сдайте листочки, кто уверен в себе. Хочу посмотреть, кто еще был на верном пути. Это зачтется…

С тех пор учительница геометрии, а заодно и математики, по-особенному поглядывала в сторону Атмакина. А через пару недель стала отбирать кандидатов на районную олимпиаду по математике. Она принялась перечислять фамилии тех, кто, по ее мнению, сможет достойно показать себя:

— Ахатова, Коваль, Малинина…

Оглядела класс, видно было, что нужен еще один человек. Встретилась взглядом с Вадимом и завершила:

— Ну, еще Атмакин…

Вадима словно ужалила гюрза. Надо бы отказаться, но неудобно было протестовать. Вот и попался, это же не стереометрия. Будут ненавистные функции крутить ему кукиши. За то, что он их знать не хотел. Неужели учительница думает, что он и там всех удивит?..

Районная олимпиада проходила в просторном читальном зале местной школьной библиотеки. Съехались лучшие ученики — по паре от каждой сельской школы. Набралось больше тридцати человек. Все с серьезными лицами, рассматривают друг друга, оценивают.

Анна Сосламбековна раздала сдвоенные листочки, на которых надлежало каждому написать свою фамилию, и зачитала задание. Конечно же, со сплошными функциями…

Рядом за столом тяжко задумалась над развернутым тетрадным листом Юля Малинина, кусает изящно очерченные губки. За ее спиной уже что-то быстро строчит Ахатова, мстительно жмуря глаза. Вполне уверенно машет авторучкой и Коваль. Удивительная гармония внешнего и внутреннего — никогда не повысит голоса, не замечен в мелком интриганстве или двурушничестве, всегда ровное настроение. Наверное, ни разу не пропускал занятий даже по болезни,— они его обходят стороной.

Иногородние вундеркинды тоже по уши сосредоточенны, раскручивают математические хитросплетения. Им некогда оглядываться по сторонам, важно не подкачать в отстаивании чести школы и привезти с олимпиады красивую грамоту. Один Атмакин томится, сознавая свое полное бессилие. Эти функции не объедешь на хромом мерине.

Все, довыпендивался, можно даже не решать. Атмакин тупо сверлил взглядом свой листок. Смалодушничал, сразу не отказался, вот и получай фашист гранату. Нечего и пытаться напрягать извилины, ничего не поможет, если вакуум в голове, если ты ни в зуб ногой. В классе всех выручала Ахатова, давала списывать домашние задания по точным наукам, Вадим тоже не гнушался этим. Он даже у матери как-то спросил, что она знает о функциях. Она, проведшая школьные годы в глухой деревне, мало чем могла помочь. Только ворчала, что в их время программа была гораздо проще, а сейчас забивают бедным детям головы черт-те чем…

В голову лезли дурные мысли. А вот если бы забитая елетроечница Гуля Хасенова быстрее всех решила ту институтскую задачку? Все точняк попадали бы со стульев…

Наверное, Анна Сосламбековна испытала законное чувство обиды и разочарования за свою оплошность, когда раскрыла работу Атмакина. Его листок был девственно чист. Блестящий результат самострела…

***

Ромка Чесноков из параллельного класса, с мощной грудью кузнеца, в сильных минусовых очках, изредка заглядывал к «бэшникам» на большой перемене. У него был наготове живодерский фокус-покус, созерцание которого выдерживала не каждая нервная система. Вынимает из нагрудного кармана медицинскую иглу среднего калибра, нацеливает на свою левую мохнатую руку и спрашивает у первого, попавшегося на глаза:

— Куда воткнуть?

Это тот недоношенный случай, когда на ответ никто не отваживается; или не до всех доходит сразу, хотя шея не как у жирафа. Помедлив, Роман со сжатыми губами грубого покроя начинает медленно вонзать иглу в свою ладонь.

— Хватит! — пищит кто-то сердобольно.

Чесноков, усмехаясь, продолжает давить на иглу, пока не показывается с тыльной стороны ее заостренный наискосок конец. Игла прошла мимо костяшек.

— Убери! — истерично машет руками комсорг Ахатова в неизменном школьном фартуке и малиновым значком на груди в виде знамени.

— И не больно? — интересуется хладнокровный Перегуда. На сельской ферме, где работают его родители, он, наверное, видал и убой скота, ему привычно.

Чесноков, ничего не проясняя на счет испытываемых эмоций, начинает вытаскивать иглу. На ней ни капли крови, на руке тоже.

— Могу проткнуть вот здесь…

Роман начинает вдавливать иглу между лучевых костей предплечья — до самого упора.

— Не страшно? — как на робота смотрит на него Гузун.

— Можешь попробовать сам,— протягивает ему иглу Чесноков.

Желающих повторить фокус не находится. Вадим изучающее смотрит на свои худые руки: как бы эта игла пронзала его ладонь?.. Никому и в голову не приходит простая мысль: почему Чесноков не обеззараживает иглу хотя бы одеколоном? Да и откуда он у него? Не будет же с собой в школу таскать флакон…

Вместо этого рискованного фокуса Нурлан Бигенов придумал от нечего делать состязание в силе мускулов. На перемене он перехватил между столами Сидорчука и предложил побороться на руках — армрест-

линг по-научному. Не постеснялся чужих бородавок и с удовольствием прижал к крышке стола руку гундоса. Потом окликнул Жамбурбаева:

— Иди сюда…

Ибрагим шутнул в своем стиле:

— А какой приз победителю?

— Я тебя бесплатно завалю,— самонадеянно ответил Бигенов.

Он не долго с ним нянчился. Внезапно у всех присутствующих проснулся зуд попробовать и свои силенки. Выстроилась целая очередь возле Бигенова. Едва отходил очередной проигравший, на его место резво бухался на стул следующий. Бигенов, выросший на домашнем кумысе, не сомневался, что одолеет всех одноклассников. И действительно оказался сильнее Перегуды, Задоркина, Гузуна.

У проигравших лелеялась надежда, что Махоня проучит разошедшегося Нурлана. Позвали его из коридора. У Махони бицепсы были пообъемней, он без особого труда вырвал титул у Бигенова. Парни, удовлетворенные таким окоротом, стали шарить глазами: кто еще остался не испытанным? Коваль. Но он не спешил присоединяться, рылся в своем фирменном портфеле, вполне пригодном и для министра средней руки. К такому дворянчику нужен особый подход, у него свои приоритеты.

Целая делегация стала его провоцировать помериться мускулами с победителем. Даже подтолкнули к нему Махоню. Дело осложнялось тем, что они приятельствовали. Коваль не стал сопротивляться, снял пиджак. У него предплечье оказалось выше, стал брать на излом. Махоня начал потихоньку левой рукой хвататься за крышку стола. Ему сразу:

— Не честно!

Тот убрал конечность, раз ее не положено задействовать в помощь. Сцепленные руки ходили маятником: то один пересиливает, то другой. С трудом Махоня почти до предела пригнул руку приятеля, Коваль расслабил мышцы под провальное буханье кисти о крышку стола — ему надоело пыжиться в этой глупой затее.

Вечно сутулящегося Атмакина никто не воспринимал всерьез, на него даже не обращали внимания, когда он стоял в толпе болельщиков. Жамбурбаев ради смеха окликнул доходягу:

— Ну-ка, сразись с Махоней!..

Дружный перескок скользких улыбочек с лица на лицо. Всех это позабавило. До звонка еще оставалась пара минут, и Вадим без особого настроения уселся напротив Степки. Тот без тени сомнения решил сразу давануть как следует, чтобы покончить со всем этим. Вадим не ожидал такого напора, спохватился, когда его рука едва не прилипла к столешнице. Стало обидно за себя. Он уперся насмерть и не отдавал Махоне оставшихся сантиметров. Как ни напрягал рубаха-парень свои веснушки, больше он не мог продвинуться ни на миллиметр.

— Боевая ничья? — кто-то спросил озорно.

Вдруг рука Атмакина стала медленно приподниматься. Еще, еще, и все вернулось в исходное положение. Недоуменные переглядывания. Тут уже и девичьи лица нарисовались над плечами парней. И вот все видят, что мощная рука Степки начинает обратный ход. Что-то нереальное. Он тужится, не желая терять сложившийся имидж негласного вожака, но ничего не может поделать — его рука уже под углом в сорок пять градусов в сторону проигрыша.

Когда Вадим припечатал к столу руку Махони, ему стало даже жалко его — такое у того было потерянное выражение в глазах. У всех других зевак лица одновременно деформировались в недоумении. Такого никто не мог даже предположить.

Прозвенел звонок, и все стали усаживаться на свои места.

— Как ты так? — непонимающе моргал на Вадима Сидорчук, критически оглядывая немощные на вид руки соседа-безотцовщины, его узкие плечи.

— Будешь с двенадцати лет рубить на зиму дрова, поневоле накачаешь мускулатуру…

На следующий день Чесноков опять заявился в их класс со своей излюбленной иглой. Жамбурбаев указал ему глазами на худышку Атмакина:

— Не хочешь с ним помериться на руках? Он вчера всех нас заборол…

Чесноков скомкал свои бесформенные губы, ни в грош не ставя такое громкое сообщение. Это так плоско шутит Ибрагим. А тот прицепился к нему на полном серьезе:

— Давай, давай!..

Встали с Атмакиным поперек чужого стола. Рука у Чеснокова оказалась литой, чугун, однако. Но сразу раздавить Вадима он не смог, потревоженность сверкнула в его серых глазах сквозь представительные линзы. Минуты три они пыхтели, не в силах разрушить вертикаль. Борьба оказалась не зрелищной, даже скучной. Застыли и все тут!..

— Помочь тебе? — Жамбурбаев с хитрецой поднес свою смуглую до густой палевости руку к Вадимовой.

— Я сам! — самонадеянно откликнулся Атмакин и вдруг, словно у него открылось второе дыхание, стал клонить руку этого неповоротливого кряжа, освобожденного от уроков физкультуры из-за своей близорукости. Худая рука пригвоздила не в пример более мощную.

— Ничего себе! — донесся до Вадима чей-то впечатленный выдох.

На следующей же перемене в их класс тяжелой походкой с показной расшвыркой ног вошел Жанзак:

танк — грязи не боится. Взглядом снайперски остановился на Атмакине. Многообещающе приблизился к его центральному столу и брезгливо извечному гундосу Сидорчуку:

— Кыш отсюда!..

Значит, весть о победах этого доходяги уже разнеслась по всей школе.

— А ну! — властно ударил Жанзак локтем о стол, пристально глядя на Вадима.

И, особо не мешкая, как и в вольной борьбе, стал с невиданным напором давить руку Атмакина, чуть не выворачивая ее. Вадим сопротивлялся до последнего, боясь, что лопнут сухожилия, и все-таки не дал уложиться титану в его олимпийские восемь секунд.

Жанзак покидал класс упоенно, по-медвежьи: он в школе действительно самый-самый…

Алексей БУТУСОВ

г. Ярославль

Бутусов Алексей Владимирович родился 2 ноября 1988 г. в д. Карабихе Ярославской обл. Окончил Ярославский педагогический колледж и ЯГПУ им. Ушинского по специальности «Русский язык и литература». Работает в школе по специальности с 2009 года, является руководителем детской литературной студии «Проба пера» и автором программ внеурочной деятельности по литературному творчеству. Пишет для детей. Публикуется в альманахе «Образ» (2019, 2020) В 2019 г. на средства государственной стипендии выпустил книгу «Однажды в Сингапуре». Предлагает несколько рассказов из нее.

ЗЕЛЕНОЕ ЧУДИЩЕ

Ирина Борисовна открыла дверь класса и обомлела. Перед ней сидело двадцать пять ее учеников, лица и руки которых были сплошь в ярко-изумрудных точках.

«Ветрянка. Заболели. Все разом!» — как в страшном сне, мелькнула мысль в голове бедной учительницы.

— Ирина Борисовна, давайте в нашу компанию! — протараторила Элька. Она держала в руках ватные палочки и банку зеленой гуаши. И перед тем как учительница опомнилась, девочка поставила ей на руках несколько зеленых точек.

Этого дня Варя ждала с нетерпением. День рождения Руслана. Не Саши, не Леши Коржикова и даже не Полины — а Руслана. Его вихрастая челка с первого класса не давала Варе покоя. Так бы взяла ножницы да обстригла! А тут еще Ирина Борисовна посадила его прямо перед Варей, теперь хочешь не хочешь, а смотри на его ровную спину с правильной осанкой, на его коротко остриженные волосы, которые спереди превращались в эту самую презабавную челку. А еще иногда он повернется к Варе и так незаметно для всех подмигнет ей. И тогда так хорошо становилось на душе! «Он самый лучший, а я у него единственная»,— гордилась внутри себя девочка, но никому об этом не рассказывала. Гулять с ним было безумно интересно, только вот беда: если в компании шагала Элька Тронова или Аленка — шоколадная девчонка, то Варя переставала быть «единственной».

Руслан сразу начинал рассказывать Эльке, как полезно стоять на голове, а Аленке — что, если все небоскребы Москвы поставить друг на друга, можно достать до Луны. Именно таких задушевных разговоров с другими девочками и боялась Варя, когда узнала, что на свой День рождения Руслан пригласил весь класс. Такое, чтобы кто-то пригласил прямо всех-всех-всех без исключения, было в 4 «А» впервые. Все приглашали, как правило, лишь тех, с кем дружат, или у кого дружат родители.

Мама Руслана уже договорилась с базой отдыха: детям снимут целый домик, где аниматоры проведут заводной квест, а потом можно будет пострелять в тире, поваляться в сухом бассейне, попрыгать на батуте и, конечно, будет дискотека. И, может, именно с Варей Руслан будет дольше танцевать, чем с остальными девочками? А потом поздно вечером, уже когда стемнеет, он именно ее пригласит чуть-чуть прогуляться?

Варя зачеркивала клеточки в календаре. Считала дни и каждое утро, просыпаясь, сокрушалась, что это утро еще не то. И вот однажды наступило то утро. Еще сквозь сон Варя обрадовалась и, улыбнувшись, открыла глаза. Почему-то глаза открылись с трудом. Болела голова, и во всем теле было ощущение какой-то странной тяжести. Девочка привстала на кровати и тут же снова легла: ее, словно магнитом, тянуло обратно к подушке. Тут она случайно глянула на свою руку. Рука была вся в красной сыпи. Варя обнаружила, что красная сыпь и на животе, и на ногах, и даже — ужас! — на лице.

— Конечно же, ветрянка,— уверенно сказала мама, зайдя в комнату и увидев дочь.—Вот это и свершилось. Вызываем врача!

— Не надо врача, все пройдет само,— начала было Варя, но мама уже набирала детскую поликлинику.

«Само» почему-то не проходило. Девочку знобило, ей не хотелось даже двигаться. Градусник под

мышкой показывал почти тридцать девять. Вместо Евгении Юрьевны — доброго, внимательного педиатра — приехала незнакомая, строгая, ослепительно белая и очень торопливая докторша.

— Две недели никаких контактов с людьми,— отрезала она.— Ни с кем не общаться кроме семьи. В семье все переболели ветрянкой?

— Все, все,— закивала мама.

Две недели. Никаких контактов! Варя только сейчас вдруг осознала этот ужас: не только сегодня она пропустит желанный день рождения, а целых четырнадцать дней будет сидеть тут, в полном одиночестве. А белая докторша тем временем продолжала строго говорить маме:

— Что ж она у вас в садике-то не переболела? В ее возрасте болеют уже тяжело. И осложнения могут быть. А рубцы от волдырей на лице вообще на всю жизнь могут остаться!

На этой веселой ноте докторша ушла, а Варя еще долго сидела с широко раскрытыми глазами, а потом упала лицом на подушку и зарыдала.

— Выше голову, Киса,— бодро сказала мама с пузырьком зеленки в руках.— Ну-ка, снимай майку, будем на тебе зеленые узоры рисовать.

Мама торопилась на работу: у нее сегодня был просто дикий день, но, тем не менее, она ни одного прыщика не пропустила. Варя долго стояла одна перед зеркалом. На нее глядело жутко-зеленое существо с оплывшим от слез лицом, лохматыми волосами и почему-то красными ушами. Ни в одном американском фильме ужасов она не видывала таких монстров. В том, что она останется такой на всю жизнь, она уже не сомневалась.

«Руслан! Я заветрянилась. Я теперь чудище. Прощай!» — всхлипывая, написала она сообщение и забралась с головой под одеяло.

Весь класс, отпросившись у Ирины Борисовны с последнего урока, ехал в большом красивом автобусе. У каждого на сиденье висел воздушный шар, в салоне играла музыка. Руслан сидел вместе с Элькой Троновой и на ушко рассказывал ей анекдоты.

Варя открыла глаза. Сон. Слава Богу. Она тяжело вздохнула: температура не спадала.

Класс расположился на уютной поляне возле базы отдыха. Внизу, под горой, струилась прохладная река. Ребята ели торт и играли в «мафию». «А теперь — танцы»,— сказал ди-джей — и внезапно зазвучала нежная мелодия. Руслан встал и направился прямо к Аленке — шоколадной девчонке. Обнял ее за талию, и они закружили в танце.

Варя открыла глаза. Снова сон! Взглянув на часы, поняла, что праздник уже начался! Они, конечно же, вовсю отмечают, а ее никто и не вспомнит. Варя снова глянула в зеркало и ужаснулась. Волдыри стали еще больше, с какой-то мутной жидкостью внутри. Раздался громкий звонок в дверь. Варя слезла с кровати и открыла. На пороге стоял Руслан. Напрасно Варя пыталась себя ущипнуть: это был уже не сон. Руслан держал в руках цветущий кактус. Варя настолько удивилась, что даже забыла на минутку о том, что она чудище.

— Ну как ты, ветрянище? — улыбаясь, спросил мальчик, протягивая ей колючее создание.— Понимаешь, я так торопился, что даже не успел купить тебе цветы. Пришлось взять из дома мамин кактус.

— Зачем цветы?

— Ну, девушкам же цветы дарят, и я вот…

— А ты почему не с ребятами? Не на базе отдыха? — спросила девочка и вдруг поспешно закрыла лицо руками.

— Да ты что хоть,— рассмеялся мальчик.— Подумаешь, ветрянка? Да я, если хочешь знать…

— Я теперь на всю жизнь чудище,— всхлипывая, бормотала Варя,— так что кактус можешь подарить Эльке!

— Вот глупындра! — как можно небрежнее постарался сказать Руслан.— Ветрянка? На всю жизнь? Через неделю и следа не будет. А ты и такая красивая,— добавил он, отведя взгляд в сторону.— Даже еще лучше.

Девочка подняла глаза.

— Правда?

— Как и то, что день рождения я свой перенес на две недели,— сообщил Руслан.— Как раз ты к тому времени поправишься.

— Как? — девочка не поверила своим ушам.— Ради меня? Зачем?

— Весь класс — так весь класс.

— А что ребята на это сказали?

— Сначала было обиделись на меня. А потом, потом они такую штуку затеяли!

— Руслан, а ведь я заразная,— перебила его вдруг девочка.— Ко мне никому нельзя подходить близко. Докторша строго запретила.

— А я болел уже ветрянкой, мне можно,— гордо сказал Руслан и подошел к девочке совсем близко. Мне и так можно! — тут он неожиданно для себя чмокнул Варю в зеленую горячую щеку.

— У тебя теперь губы в зеленке,— рассмеялась девочка и добавила:— Ой, что же я тебя не поздравляю?

— Нет-нет, я же сказал: я еще не родился,— серьезно ответил Руслан.— Я рожусь ровно через две недели.

Варин телефон пиликнул. Девочка открыла сообщение. На экране выскочила удивительная фотография. Весь класс, включая Ирину Борисовну, был в зеленых пятнах на лице и на руках. Они все улыбались и махали Варе рукой. Внизу фотографии мелькало послание:

«Варя, выздоравливай. Ты видишь — мы с тобой!».

БЕЛКА НА ЛЬДИНЕ

По тропке, ведущей к реке, шагали трое мальчишек. У самой кромки воды еще лежали большие глыбы льда. Иногда они откалывались и, выплывая на середину реки белоснежными кораблями, ослепительно сверкали на солнце. Пахло теплой землей и паленой травой.

Ребята шли молча, скучающе глядя вдаль.

— Совершить бы сейчас какой-нибудь подвиг! — внезапно проговорил Семен.

— Какой же?

— Вот если огонь от травы подползет к деревне,— мальчик посмотрел на дымящееся вдали поле.— Представьте: загорится дом. Все кричат, мечутся! Паника! А я — прыгаю в открытое окно и из горящего дома выношу маленького ребенка, помогаю выбраться бабушке старенькой и еще кота хватаю за шкирку по пути.

— А я бы хотел, чтобы кто-нибудь упал в реку,— горячо воскликнул Максим.— Я бы в один миг его спас!

Ваня, третий мальчик, молчал.

— Или напали бы на нашу деревню враги,— продолжал Семен.— Я бы мигом с ними разобрался! Взял бы охотничье ружье деда…

— А я бы хотел, чтобы случилось землетрясение,— мечтал Максим.— Или, в крайнем случае, наводнение. Все бы перепугались, а я так спокойно: «Без паники! Выходим по одному …»

Ваня молчал. Ему нечем было похвастаться.

Мальчики спустились к воде и стали смотреть на проплывающие льдины.

— Белка, глядите! Белка! — внезапно закричал Семен, показывая на льдину.

На льдине, плывущей по самой середине реки, сидела рыжая белка. Она была неподвижна: бедняга сидела, скрестив лапы. Помощи ей ждать было неоткуда.

— И правда, белка. Как же она там оказалась? — удивился Максим.

— Надо позвонить в МЧС,— нашелся Семен.

— Да ее уже через две минуты унесет! Слушайте, а белки точно не умеют плавать?

Ваня не ответил нечего. Он быстро скинул с себя куртку и ботинки.

— Эй, ты что? — недоуменно спросил Максим.

Раздался громкий всплеск. Не теряя ни секунды, Ваня плыл навстречу льдине. Ледяная вода обжигала его и пронзала сотнями иголок. Холод сковывал руки и ноги, но мальчик об этом не думал. «Только бы успеть доплыть до середины реки, пока льдину не унесет прочь, только бы успеть». Он не слышал криков ребят с берега, не видел ничего кроме пушистой белки, словно окаменевшей на сумасшедшей льдине.

«Ну, холодно, ну и что же,— ободрял себя Ваня, отчаянно работая руками и сражаясь с быстрым течением.— В прошлом году купался до сентября. В святой источник окунался, там вода вообще ледяная».

До льдины оставалось около метра. Течение сносило. Силы были на исходе, а нужно было плыть еще обратно. Ваня сделал последний мощный рывок, коснулся льдины и, ухватив белку за какой-то безжизненно болтающийся хвост, стремительно развернулся к берегу.

Внезапно на его лице появилась улыбка. «Ну и дела,— подумал он.— Засмеют ведь меня». Но расслабляться было некогда. Он греб руками что есть силы, а расстояние до берега, как в страшном сне, почему-то не уменьшалось. Ваня уже не чувствовал ни рук ни ног, но в то же время отчаянно, превозмогая силы и боль, продолжал ими двигать. Он понимал, что расслабь он сейчас хоть чуть-чуть мышцы — и ему уже будет их не напрячь снова, и тогда… все.

Зубы стучали. Руки не слушались. Ваня чувствовал, что и сознание его начинало туманиться. Внезапно он увидел берег, всего в каких-нибудь двух метрах.

Максим и Семен, отчаянно крича, протягивали ему руки. Ваня не помнил, как выбрался из воды. Все тело его было словно деревянным.

Откуда-то бежал дядя Саша, тракторист. За ним семенила пятилетняя Вика.

— Живой! Ну, слава Богу,— улыбался дядя Саша, с силой растирая Ванину спину своими широкими ладонями.— Ну, Василий Теркин… Ничего, ничего, согреешься сейчас. Чаю горячего, под одеяло — здоровее прежнего будешь. Зимой в прорубь нырять будем.

— Моя белка! — вдруг закричала Вика, выхватывая у Вани из рук плюшевую игрушку.— Это Димка решил подшутить и посадил ее на льдину! А Ваня ее спас!

Белка смотрела своими стеклянными глазами на хозяйку. Наверное, она в этот момент тоже была благодарна своему спасителю от всей своей плюшевой беличьей души.

Я КАПА

На скамейке у ржавых почтовых ящиков, которыми давно никто не пользовался, сидела Капа и глуповато улыбалась.

— Я Капа,— сообщила она Дане, продолжая улыбаться.

— Я знаю,— ответил Даня.

Его мысли были заняты совсем другим. Он только что поссорился с Лизой. Даня предложил Лизе прокатиться, но Лиза не захотела. На самом деле Даня хотел показать Лизе свои заповедные места, куда он ездил всегда только один.

— Не хочу,— сказала Лиза,— нет там ничего интересного. И вообще, трястись с тобой на велосипеде по буеракам не входит в мои планы. Во всяком случае, не сегодня.

Даня нарочито громко хлопнул калиткой и взялся за руль велосипеда, дожидавшегося у забора.

Лиза с Дашей и Настей хихикали за калиткой, весело посматривая.

Капа сидела на скамейке одна, с ней никто не хотел знаться.

— Да она же умственно отсталая! — криво улыбаясь, как-то ответила Лиза на вопрос Дани, почему девочки не берут Капу в свою компанию.— Что, не знал? Да она даже три плюс четыре не сложит, хоть и в седьмой перешла. Тетя Люба сказала, что ее в этом году перевели в класс для дураков.

Капа сидела на скамейке и улыбалась.

— Хочешь, прокачу? — предложил Даня. Предложил назло Лизе, но даже не посмотрел в Капину сторону.

— Ага,— весело отозвалась Капа.

— Садись на багажник.

Капа не заставила себя упрашивать. Она быстро уселась верхом, и они поехали. Сначала Даня решил просто сделать круг по деревне, на виду у девочек, но дорога шла под гору, ветерок обдувал лицо, а Капа почти ничего не весила. И он погнал в поля, по всем колдобинам, даже не притормаживая. Капу приплюхи только веселили. Она весело хохотала, держась за седло и растопырив ноги. Стебли травы хлестали ей по ногам, но она не замечала. Даня притормозил, поехал медленнее. Пошли его места — бескрайние ромашковые и васильковые поля. Заехав подальше в поле, он остановил велосипед. Капа соскочила с багажника.

— Протрясло? — спросил Даня, неловко заглядывая в синие, немного косоватые глаза девочки.

В глазах светилось столько же веселья и простодушия, сколько было его разлито в ярком июльском небе.

— Я Капа,— серьезно сказала Капа и засмеялась.

— Я знаю, что ты Капа,— улыбаясь, отвечал Даня. Ему тоже отчего-то стало весело.

— Ой, какое чудо! — воскликнула Капа, вдруг заметив густую россыпь васильков.

— Это васильки,— сказал Даня.— Нравятся?

— Ага! Очень красивые!

Капа легла на траву и долго рассматривала ближайший василек. Тогда Даня решился свозить ее на пруд, чтобы показать свою главную тайну. Домчались быстро, велосипед положили в траву и сквозь заросли сухого ломкого камыша пробрались к воде.

— Смотри, только тихо,— предупредил Даня.

Метрах в пяти от них в камышах стояла цапля. Она стояла на одной ноге, подняв и подогнув другую. Стояла совершенно неподвижно, и только выбившееся перо чуть трепетало на плече. Внезапно цапля сделала движение клювом, немного приоткрыв его. Раздался звук, как если бы кто-то постукал друг о друга двумя пустотелыми бамбуковыми палочками.

— Ва-а-у! — восхищенно прошептала Капа.

Их спугнула гроза, невесть откуда взявшаяся. Вдруг небо над камышами потемнело, и его перерезала широкая розовая молния. Где-то в отдалении заворочался гром.

— Надо сматываться,— заговорщицки шепнул Даня.

— Ага,— радостно согласилась Капа.

Они выбрались из зарослей камыша. Туча стремительно разрасталась. Даня поднял велосипед.

— Прыгай.

Капа села на багажник, и они поехали. Но туча опередила. Первые капли уже упали в дорожную пыль.

— Едем на старую колокольню,— крикнул Даня, обернувшись.

— Едем,— эхом отозвалась Капа.

По пыльной дороге бежали грязевые потоки. Дождь лил уже вовсю. На старой колокольне с провалившейся крышей жили галки. Они устроили переполох. На колокольню вела почти истлевшая деревянная лестница.

— Лезем,— весело предложил Даня.

— Лезем,— тут же отозвалась Капа.

И они полезли. Не на самый верх, а только до первой площадки. Но и это оказалось довольно высоко и небезопасно. Зато здесь было сухо.

Вкруг колокольни хлестали молнии. Дождь лил как из ведра. Серой пеленой заволокло горизонт. Деревня, поля, дальний лес — все скрылось за этой мутной серой пеленой. Но Даня не чувствовал себя отрезанным от мира, и его не страшили молнии. Ему было весело.

— Я Капа,— сообщила Капа, заглядывая ему в глаза.

Волосы Капы подрастрепались, кончики торчали мокрыми сосульками. На вздернутом веснушчатом носу сидела светлая дождевая капля. Ресницы глупо хлопали, как на резиночке. Мальчик засмеялся.

— Чокнутая! — сказал он, смеясь.

— Ага,— подтвердила Капа и тоже засмеялась, залилась тоненьким колокольчиком.

— Вниз! — внезапно скомандовал Даня, и ринулся с колокольни.

Девочка последовала за ним. Они выскочили под проливной дождь, подняли велосипед и понеслись по полевой дороге к деревне, увязая в грязи и разбрызгивая лужи.

Капа тоненько визжала, а Даня пел во весь голос: «Врагу не сдается наш гордый “Варяг”. Пощады никто не желает!» Так они и ворвались на деревенскую улицу. Под навесом стояли девочки и с полным недоумением смотрели на них.

— С кем поведешься, от того и наберешься,— насмешливо крикнула Лиза.

Даня притормозил у навеса, серьезно посмотрел ей в глаза и сообщил:

— Я Даня.

ВЫБОР

— У ребенка обязательно должен быть выбор,— говорила мама папе.

Артур случайно услышал разговор родителей из-за двери кухни.

— Я вчера смотрела по Интернету курсы психолога Кузина, так вот, он настаивает — цитирую: «Ребенка надо постоянно ставить в ситуацию выбора. Чтобы он рос сознательным и умел за свои решения отвечать».

— Ну, тогда флаг тебе в руки,— сказал папа.— А я пошел варить кофе.

Мама что-то ему ответила и уверенной походкой вошла в комнату к Артуру.

— Артур, ты уже взрослый,— глядя в вихрастую макушку сына, вертящегося на кресле, сказала она. — Тебе уже десять лет, и ты должен уметь делать выбор. Мы с папой посовещались и решили тебя спросить: что ты хочешь — новый смартфон или…

— Новый смартфон! — Артур даже вертеться перестал.

Наконец-то и у него будет нормальный телефон, а не этот кнопочный артефакт, которому самое место в краеведческом музее! Можно будет теперь днями и ночами напролет «рубиться» в танки, смотреть прикольные «видюхи», накачать много-много музыки, а может, зарегистрировать свой канал на «Ютубе»? И наконец-то Артур сделает себе страничку «ВКонтакте», а может и на «Фейсбуке» — там все серьезные люди сидят. И ученые, и политики. Теперь мальчишки все увидят, что и он «в тренде»! Мама между тем продолжала что-то говорить Артуру.

— … Так что ты хорошо подумай. Наш тур на озеро Байкал будет длиться десять дней. Если ты выберешь телефон, то эти дни проведешь дома с бабушкой. Так что решай.

Неужели мама думает, что он будет что-то решать? Смартфон — это же мечта! А озеро… Ну, что озеро? Даже не море.

На другое утро Артур стал счастливым обладателем «Самсунг Гэлэкси», одной из самых передовых моделей этого года. Две камеры, беспроводная зарядка, а цвет-то какой! Серебристо-металлический, блестящий. В руки взять — гладкий, прохладный. А стоимость… О, да если мальчишкам сказать, они упадут! Ни у кого такого крутого гаджета нет.

— Ровно столько, сколько стоит путевка на Байкал,— нарочито четко сказала мама.

Но Артур ее не слышал. Он держал в руках «Самсунг Гэлэкси» и не сводил глаз с экрана. На Байкал мама с папой улетели в тот же вечер. На все прощальные наставления мамы мальчик лишь поспешно «агакал» и «угукал», завороженно глядя на меняющиеся картинки. И хорошо, что родители уехали: можно «сидеть» в новом смартфоне часов до четырех утра. Бабушка слова не скажет. Лишь бы кушал внучек как следует.

Весь вечер и почти всю ночь Артур провел в обществе нового друга. Он зарегистрировался сразу во всех соцсетях и мессенджерах, сделал-таки свой канал на «Ютубе» и выложил туда сюжет, как кот Вася лижет себе живот. Потом Артур долго играл в «Воздушные бои 3D», «Умные гонки» и в «Крысы онлайн». Артур даже не понял, как заснул: наверное, это произошло во время очередного боя с крысиным боссом. Когда мальчик проснулся, солнце уже висело так высоко в небе, что его даже не было видно из-за крыши дома. Артур схватил смартфон. «Прилетели. У нас тут уже день»,— пришла СМС-ка от родителей. Артур отправил в ответ смайлик с сердечком и, пока не увидела бабушка, не завтракая, выбежал на улицу. Ближе всех живет Витя. Кстати, у него тоже до сих пор кнопочный телефон. Вот обзавидуется!

Вскоре Артур оказался у Витиного дома. Ему показалось, что ноги вбежали на пятый этаж быстрее своего хозяина. Он настойчиво и отрывисто три раза позвонил в дверь.

— А Витя уехал.— Дверь открыла Витина мама. Стройная, светловолосая.— К бабушке в Самару.

— Как?! А это где?

— Далеко. Там и сейчас жарко! Горы Жигулевские — вообще красотища. Он там с дедом на катере по Волге катается.

Ну ладно. Витя уехал, но ведь Даня тоже живет неподалеку! И у него тоже нет такого шикарного телефона! Артур добежал до Даниного подъезда и набрал номер на клавиатуре домофона. Тишина. Неужели спит?

— Ты в седьмую квартиру? — поинтересовалась седая бабушка на скамеечке.— Так они все в Анапу вчера уехали. На Черное море.

— Понятно,— вздохнул Артур. Настроение слегка подпортилось.

У Егора трубку домофона поднял дед и сообщил, что Егорка уехал в лагерь на три недели. Саша улетел в Турцию. Ваня Попов отправился с бабушкой в круиз на теплоходе.

Уехали все. Артур стоял посреди детской площадки, пустынной, скучной, один со своим суперкрутым смартфоном и не знал, куда себя пристроить. По небу ползли тяжелые низкие облака. И тут вдруг его осенило: у него же есть теперь своя страничка «ВКонтакте»! Конечно же, он сейчас похвастается друзьям, а они тут же начнут писать: «да ты че!», «ни фига се!», «скок стоит?»

Артур настрочил всем одно и то же сообщение: «Привет! Что нового? У меня — смартфон “Самсунг Гэлэкси”!» Но, как ни странно, в ответ — тишина. Потом, наконец, написал Даня. «А-а». Просто одно слово «А-а». Даже не слово, а букву! Понятное дело, он там купается в Анапе весь день. Какое там писать. К вечеру прислал смайлик Егор. Наверное, у него такая насыщенная программа в лагере — и дискотеки, и квесты, и песни у костра, и ночные подушечные бои — не до пустяков. Потом пришла фотография от Вани: он стоит на фоне огромной-огромной каменной женщины — до самого неба. Все где-то были. Как-то жили. Артур вздохнул. Впереди был долгий, пустой день. Хоккей по телевизору только вечером. А сейчас — пустота. Мальчик почему-то почувствовал себя обманутым, брошенным. Он сел на качели и от нечего делать забил в Интернете «Озеро Байкал. Фото». И обомлел. На экране появилась глубокая синева, окруженная рыже-зелеными скалами. На другом фото каменной дугой огибал воду залив, по склонам росли кряжистые сосны. А вот еще фото. Камера сквозь поверхность воды заглянула в зеленую глубину. Далеко на дне можно рассмотреть белые валуны, скользящих над ними рыбок.

Артур оторвался от экрана, окинул взглядом пустую детскую площадку: столик, песочницу, ржавый спортивный лабиринт. Показал кулак пробегающей в отдалении собаке.

— Артур, дедушка приехал! — послышался громкий голос бабушки с балкона.

— Дедушка Витя?

— Ну, а кто же еще.

— Бегу.

Артур сунул телефон в карман бриджей и пустился к дому. Двоюродный дед Виталя, высокий, сухонький, рыжебородый, сидел на кухне за столиком и пил чай с маковыми рогаликами. У плиты кудахтала бабушка. Она всегда принимала брата как важного гостя и за первые пять минут спешила выложить ему все новости за последний месяц.

— А что Артурик,— хитро улыбнулся дед,— поехали со мной на пасеку? Как раз пора мед собирать. Научу тебя обращаться с пчелами.

— Жди, поедет он с тобой,— отозвалась бабушка,— у него теперь новый телефон, день и ночь в нем сидит. До пасеки ли?!

— Придется выбирать,— сокрушенно сказал дед Виталя.— Телевизора на пасеке нет, телефон не ловит — лес кругом. Какая связь?! Зато около дома лоси ходят. Повезет, так бобров увидим на плотине.

— Разве молодежь этим соблазнишь, Виталь? — вздохнула бабушка, помешивая в кастрюле.

Но Артур ее не слушал. Он был уже у себя в комнате и собирал рюкзак в дорогу.

Кира КРЕСТЬЯНКИНА

г. Санкт-Петербург

Крестьянкина Кира неоднократно занимала призовые места в районных, городских и областных конкурсах как прозаик. Является победителем в 2010 и 2011 гг. городского конкурса «Ступени» в номинации проза. Печатается в альманахах: «Иван-Озеро», «Ковчег», «На крыльях «Пегаса», «Сказки пряничного городка», «Пегасик», журналах: «Приокские зори», «Детский городок». Постоянный автор нашего альманаха..

НЕОБЫЧНЫЕ МИНИ-РАССКАЗЫ КИРЫ КРЕСТЬЯНКИНОЙ

ЖЕЛАНИЕ

Аля сидела на крыльце и запускала мыльные пузыри. До чего красивые! Переливаются на солнце и быстро улетают, подгоняемые неведомой силой. Ей хотелось бы быть такой же невесомой. Тогда бы она поднялась высоко-высоко, и все-все бы рассмотрела вокруг! И вот тогда, вы уж не сомневайтесь, она бы отыскала его! А он бы прижал ее к себе крепкими ручищами и сказал, что ужасно скучал! Она помнила все сказки, которые он читал ей перед сном. Колючую бороду. И запах табака, вперемешку с его собственным домашним запахом. Помнила так, будто виделась с ним вчера. Три года. Три года прошло, как он ушел в море, но с тех пор от него нет никаких вестей.

Размышляя таким образом, Аля смотрела на пузыри, кружащие над ней. «Если вот этот пузырь перелетит через калитку, он скоро вернется» — загадала она. Потом закрыла баночку пузырей, встала с крыльца, отряхнула свой синий сарафан и пошла в дом.

Вдруг, за спиной у нее скрипнули петли, кто-то входил в калитку. Резко обернувшись, Аля застыла от удивления. Но это длилось лишь несколько секунд. «Папа!»

ДИНА

— Дина! Дина иди сюда! Дина, ко мне! Бессовестная, ты почему меня не слушаешь? Ко мне!

Мальчик безуспешно старался догнать большую черную собаку, которая, почувствовав свободу, неслась сломя голову. Возле дерева она остановилась и усиленно стала копать землю. Тут ее, наконец-то, и смог догнать мальчик.

— Что же ты за собака такая? — схватил он ее за ошейник.— Фу, что ты там нашла? Брось.

Но пес не обращал на юного хозяина внимания, а только продолжал свои раскопки. Вдруг из-под земли что-то показалось. Мальчик отпустил пса и сел на корточки, чтобы рассмотреть находку. Это был странный артефакт с надписью на непонятном языке. Продолговатый предмет василькового цвета с круглым набалдашником, потрепанный нахождением в земле, конечно. Мальчик покрутил его в руке и вдруг увидел, что непонятная надпись засветилась и превратилась во вполне читаемую «обладатель сего, да будет богат, коли сумеет его сохранить».

У мальчика перед глазами стали мелькать видения. У него свой дом, машина, куча денег и возможность купить все, что он только пожелает. Не надо ничего делать, знай, храни себе этот предмет, да ни о чем не думай. Собака громко залаяла и потянула мальчика за рукав. Он потряс головой и бросил артефакт на землю. Тот тут же превратился в змею и уполз под корни дерева.

— Дина, что это было? — Испугался мальчик.— Или мне все это показалось? Все, не убегай больше.— Мальчик пристегнул к ошейнику собаки поводок и медленно побрел с ней к дому.

КТО ГЛАВНЫЙ?

— Как ты можешь быть такой спокойной? Тебя совсем не волнует, где он?

— А должно? Захочет — придет.

— Да как так-то? Ты должна держать его в ежовых рукавицах. Ты же женщина, ты главная! Пусть по струнке ходит.

— Не придумывай. И так все хорошо. Он тоже личность. И ему нужно пространство и некоторая свобода.

— Мне этого не понять.

— Да, пожалуй. Лучше пей чай и бери вишневое варенье. Я его сама готовила. Тут за окном раздалось мяуканье. Хозяйка дома пошла открывать дверь. Большой рыжий кот прошествовал в кухню и сразу же сунул мордочку в мисочку с едой.

— Я же говорила, проголодается — придет,— улыбнулась женщина.

Ее подруга фыркнула и принялась за чай. Все-таки взгляды на воспитание у них отличались.

КАША

— Да что ты туда положила? Кирпичи?

— А хоть бы и так, то что?

— Да ничего, просто скажи, куда тащить твой рюкзак, и пошли.

— Я и сама могу.

— Вот этого не надо. Я же сказал, что провожу. И с сумкой помогу.

— Ладно. Тут недалеко.

Да, не просто в нашем мире оставаться джентльменом. Похоже, они уже потихоньку вымирают, как динозавры. Девушки уже давно не слабый пол и могут дать фору любому, кто посмеет усомниться в их силе.

Он пыхтел от напряжения, но продолжал нести ее огромный рюкзак. «Да что же у нее там такое»,— думал он. А девушка беззаботно шла рядом, приговаривая: «Почти пришли. Сейчас завернем за угол и будем на месте».

— Ну что ж. Спасибо, что проводил.— Она подцепила сумку одним пальцем и повесила на плечо.— Чао.

— Да что ты такое?..

— Я просто всегда ем кашу по утрам,— бросила девушка на прощание, подмигнула и скрылась за калиткой.

РЫЦАРИ

Это был сложный поход. Уже несколько часов кряду они не покидали седла, лошади устали и еле брели, рыцари проклинали свои доспехи и судьбу. Что за блажь нашла на правителя? Отправить их в новые земли без точных указаний. Можно было послать и гонца, с такой задачей тот бы справился. Зачем лучшей части войска заниматься столь простым и непонятным делом?

Да, вопросов было много, но у правителя свои никому неведомые цели, правды ты все равно не узнаешь, не станешь ведь уточнять, что да как у него самого? Знай себе, выполняй приказ и никаких возражений и даже собственных мыслей.

В детстве все было иначе, да? Когда мальчишки бегали по полю с деревянными мечами и щитами, было весело. Игра была окутана флером романтики. Юноши мечтали о Прекрасной даме, ради которой будут совершать подвиги. Хотели защитить родные земли и постоять за государя. На деле все оказалось куда прозаичнее и грустнее. Ни Прекрасной дамы, ни романтики, ни государя, которого хотелось бы защищать. Сплошные рыцарские будни.

РЕШЕНИЕ

Маленький комочек счастья. Такой мягкий, пушистый, теплый, славный. Он такой милый и уязвимый. Хочется защитить его от всего мира. Глажу щенка по голове. Глаза застилают образы будущего.

Он грызет тапки, по утрам стягивает одеяло и оглушительно лает, когда просится гулять. В разгар игры переворачивает миску с водой, прыгает на кровать, мешается под ногами и тащит вкусненькое, научившись открывать холодильник. Вбегает в комнату после прогулки, оставляя кругом грязные пятна от лап.

А затем я вижу, как он кладет мне голову на колени, заглядывает в глаза, просит погладить, утешает и скулит, когда мне плохо. Грустит, когда меня нет, и радуется, виляя хвостом, как пропеллером, когда видит меня вновь. Вижу, как он рядом, в любой момент моей жизни, смотрю со стороны, как мы каждый день часами гуляем по городу. И понимаю, что взять эту кроху из приюта было лучшим решением в моей жизни.

Владимир ГУЛЯЕВ
г. Барнаул, Алтайский край

БИЧ

Кукареканье петуха на первых нотах стало хрипловатым. Всего несколько дней назад Вовка не замечал этого, а просыпался он, как говорят, с первыми петухами. Выходил на улицу, окунал голову в бочку с водой, которая стояла возле колодца в огороде, и окончательно просыпался. В это время баба Аганя, подоив корову, уже несла огромное ведро, до краев заполненное парным молоком, а Вовка ловким движением сдергивал с гвоздя дедову большую фронтовую алюминиевую кружку и запускал ее в ведро. Теплое молоко небольшими глотками отправлялось внутрь, а не успевшее проглотиться струйками стекало по подбородку и, щекоча, заползало под майку. Бабушка ласково говорила:

— Вовка, дай я хоть ведро-то поставлю! Ты прям как теленок маленький, нетерпеливый!

Но он, допив молоко и водрузив на место кружку, уже снимал персональный бич с забора и шел в загон выгонять корову Зорьку, чтобы отвести на гору в стадо. Эту обязанность он принял на себя самостоятельно и исполнял ее ежедневно: утром отгонял Зорьку, вечером встречал. Там же он познакомился с деревенскими пацанами, и ему нравилось, как они ловко щелкали бичами.

У каждого был свой бич и свой «щелк»: у одного резкий и короткий, у другого продолжительный и глухой, а у кого-то с оттяжкой! Вовка тоже хотел научиться этому, и тогда дед сплел ему бич, вырезав из ветки черемухи удобную короткую ручку, увенчав ее кожаным набалдашником.

И началась Вовкина учеба «бичевания».

Но все оказалось не так просто как виделось со стороны.

Бич не подчинялся.

После первого «молодецкого» взмаха, получив приличный хлест от плеча до места ниже поясницы, через всю спину, Вовка отбросил рукоять и отскочил в сторону. А бич, как живой, еще некоторое время извивался в дорожной пыли, как бы стараясь доползти до него, а может, Вовке это и показалось, и слезы предательски выкатились на щеки.

Растерев влагу на лице пыльной ладошкой, он медленно двинулся к бичу:

— Ничего! Ничего, я тебя одолею, приручу…

Второй хлест с шипящим свистом снес с его головы фуражку, и бич опять еще некоторое время извивался в пыли. Фуражка, называемая «сталинка», корчилась от боли в кустах крапивы. Петух, приоткрыв клюв, как бы улыбаясь, и наклонив голову набок, казалось, с любопытством и иронией наблюдал в сторонке за Вовкиными «танцами», возможно даже и изучал некоторые его движения и выпады. Вовка погрозил ему кулаком. Услышав сзади смех, он обернулся. К нему подходил дед:

— Ты, казак, с бичом-то поговори, подружись, а то он так тебе полосок на спине нарисует, тельняшки не надо будет. Че ж ты им как палкой-то машешь, он же — би-и-ч. Ненароком и без глазу оставить может.

«Без глазу» Вовке оставаться нисколечко не хотелось. Дня три он таскал бич, перекинув его через плечо, и присматривался к деревенским пацанам, изучал, как они держали свои бичи, как взмахивали, как подрезали, и откуда получался щелк.

Пацаны Вовкин бич оценили в первый же день и, уважительно поглаживая рукоятку, сказали:

— Да, дед Вася, молодец!.. Он умеет здо́ровские бичи плести.

Потом они показали Вовке свои навыки обращения с бичами, по́щелкали Вовкиным бичом, щелк получался отменный. После их обучения и у Вовки стал получаться отличный щелк.

Это было давненько, недели три назад. А сегодня он почувствовал, что по утрам стало немного прохладней, появились капли росы, туманная влажность висела в воздухе.

«Вот оно, отчего петух захрипел на первом «Ку»! — подумал Вовка.

Бич тоже был немного влажноват. Но это было не важно, важно было то, что приближалась осень, заканчивались каникулы. Вовка аккуратно снял бич с плетня, немного стер с него влагу о полу рубахи, затем с деловым видом вывел за рог из хлева Зорьку и погнал ее привычной дорогой к стаду.

Каникулы, как сладкое холодное мороженное: ждались долго, закончились быстро, но вкус еще остался.

Прощание с деревней в последние дни каникул были бурные: деревенские друзья с удочками, ежедневно, с первыми петухами уже стояли у калитки их дома. Зорьку в стадо последнюю неделю отводила мать, а Вовка выскакивал к друзьям и они неслись к реке на рыбалку. Ерш клевал отменный!.. Жирный и большой, хоть и сопливый. А еще чебак и подъязок! Завтрак семье был обеспечен, а иногда и обед тоже.

А после рыбалки они, вооруженные рогатками, окружали деревенские конюшни и стреляли по воробьям, так, для развлекалки, или совершали коллективные набеги на кукурузные и гороховые поля, пакостить не пакостили, но наедались до «отвала». Потом, всей ватагой, они лежали на взгорке и смотрели на широкую Обь…

Вечером перед отъездом собралась вся родня. Мужики все время о чем-то разговаривали с отцом, женщины пели песни, ребятня, человек двадцать, а может больше, все двоюродные и троюродные братья и сестры играли то в лапту, то в казаков-разбойников, благо спрятаться было где.

…Петух стоял на изгороди и, казалось, с достоинством и внутренней радостью посматривал в Вовкину сторону, как бы зная, что завтра тот уедет, а он опять станет главным на этом дворе…

ЗАКОНЧИЛИСЬ КАНИКУЛЫ

Скоро летний отдых станет далеким воспоминанием. И первое время по утрам, дома в Норильске, будет казаться, что еще можно немного понежиться, отворачиваясь от теплых и ярких лучей солнца, проникающих сквозь щелки между шторами и заставляющих открывать сонные глаза. Но «Пионерская зорька» из радио звонким веселым голосом взбодрит, вытащит из кровати, поставит на ноги и заставит делать зарядку. До школы оставалось несколько дней, а до отъезда из деревни всего-то ночь.

«Все, закончились каникулы. Вроде бы совсем недавно только приехали, а завтра утром уже — ту-ту. На поезд, самолет... Интересно, а пацаны уже приехали или нет? Несколько дней еще поносимся по городу до школы!» — уже засыпая, думал Вовка.

Утром следующего дня Вовка по привычке выскочил в огород умыться в бочке с водой. Колодезная вода в ней была прохладной, немного нагревшись днем, за ночь она сильно остывала, на траве и листьях на огуречной грядке и ягодных кустарниках блестели капли росы, и утреннее солнце уже не так грело как летом. С реки тянуло влажной прохладой и уже не было того желания, как утренним летом, бегом пробежаться по теплой мягкой траве до реки и, держась за лодку окунуться с головой. В последние две недели лета были тоже свои приятные моменты, особенно отсутствие комаров и заметное уменьшение количества слепней и оводов, которые два первых летних месяца просто доставали своим присутствием и активностью. И вот сегодня это все будет уходить в прошлое и становиться воспоминанием, по мере того как сначала автобус с каждой минутой, с каждым километром, потом поезд и самолет увезут их на расстояние в три тысячи километров отсюда.

Но там тоже не очень плохо, в Норильске, который Вовке уже стал родным и близким.

Деревенские пацаны, ставшие ему за короткое лето друзьями, пришли проводить Вовку; некоторые по-деловому попрощавшись, степенно стояли в сторонке держа руки в карманах, трое на велосипедах какое-то время сопровождали автобус, медленно двигающийся по деревенской улице, оставляя за собой клубы выхлопных газов и пыли.

Всю дорогу до Барнаула Вовка смотрел в окно, мимо мелькали березовые околки, а на полях с созревшей пшеницей и кукурузой полным ходом шла уборка урожая; кое-где поля уже чернели после вспашки, подготавливаемые для посева озимых — про все эти виды работ Вовка узнал за каникулы. Теперь-то он мог многое рассказать своим норильским друзьям и одноклассникам и про прополку грядок в огороде, и про сенокос, и про разнотравье за рекой, про поля засеянные горохом и кукурузой, про рыбалку и деревенскую жизнь, про то, как они стреляли воробьев и лазали по ярам, добывая птичьи яйца из гнезд. Оказывается, много чего они сделали этим летом, а вначале Вовке думалось, что и рассказать-то будет нечего, а вот поглазев в окно на бескрайние поля до горизонта, он понял: «Лето-то не зря прошло! Оно, конечно, некоторые норильские пацаны отдыхали в пионерских лагерях, ну а кто-то и в деревнях у родственников, и узнали о деревенской жизни не меньше его. Все равно каждый по-своему провел эти каникулы, пусть даже и в деревне, но они не могли быть одинаковыми — деревни-то разные, поэтому им будет, чем поделиться друг с другом».

Автобус въезжал в Барнаул. За все лето они были в нем раза два в гостях у родственников. Немного походили по городу, в парке побывали, покатались на каруселях, мороженное ели, но Вовке не очень понравилось — не было той свободы как в деревне, да и жарко было от асфальта и душно в автобусах. В трамвае понравилось. Там было посвободнее, да и сам по себе трамвай напоминал короткий поезд: колеса красиво и бойко перестукивали на стыках рельсов, чуть скрежетали на поворотах, как бы выражая легкое недовольство, вагон слегка приятно покачивался, и еще было в этом трамвае, что-то такое — интересное и трудно-объяснимое для Вовкиного понимания. По сравнению с Норильском город был больше размером и с большим количеством частных домов, как в деревне, родственники тоже жили в своем доме. Переулки и улочки там были узкие, а дома стояли близко друг к другу, поэтому эта «деревня в городе» не казалась уютной, и оттого Вовке было трудно представить размеры самого города, не говоря о том, чтобы обойти его пешком — и недели не хватит! То ли дело в Норильске — за один день он с друзьями обходил все улицы, и они даже не уставали. Ну, конечно, старый город в эти походы не входил.

Вскоре показался железнодорожный вокзал.

Разместившись в своем купе и разложив по местам вещи, семейство сидело в ожидании отправки поезда.

По вагону, так же как и в Красноярске, ходили лотошницы. От лотков пахло вкусными пирожками. Но родители ничего не покупали: в продуктовой сумке лежали свои, домашние пирожки с ягодой, картошкой и два больших пирога с рыбой, банка с солониной и кастрюля с рассыпчатой картошкой.

Уже завтра вечером они будут в Норильске.

Вовка уже представлял себе, как он сразу же оббежит своих друзей…

Поезд дернулся раз, другой и перрон с вокзалом медленно стали удалятся.

Вовка молча смотрел на меняющиеся пейзажи и говорил про себя: «До свидания, Алтай! До свидания, деревня и друзья! На следующий год я обязательно приеду снова!»

(события 1967 года)

Ольга КАРАГОДИНА

г. Москва

Родилась в Москве. В 1981-м г. окончила МБТ по специальности «Библиотековедение». Работала библиотекарем, секретарем-референтом, методистом. Пишет прозу, бардовские песни и исполняет их. С 2009 г. работает оргсекретарем в АРЛ. Член МГО СПР. Наш постоянный автор.

ЖУЛЬКА

В детстве мои родители, когда уезжали в отпуск, отвозили меня к дедушке и бабушке в подмосковный город Подольск, где те жили в частном секторе в небольшом домике на десяти сотках земли. В саду росли яблони, сливы, две вишни, вдоль забора сидели огромные кусты белой, красной и черной смородины и парочка — колючего крыжовника. Дедушка держал несушек, и каждое утро на завтрак заставлял всех выпивать по свежему, еще теплому яичку — прямо из-под курочки. Особенно дедушка радовался, когда появлялся голыш — яичко в пленке, без скорлупы. Его дед прятал, собрав в шапку приблизительно десяток яиц, потом предлагал каждому на ощупь вытащить свой завтрак. Счастливчиком считался тот, кто вытаскивал голыша.

У дедушки с бабушкой водились свои любимцы. Бабушка обожала черно-белого пушистого кота Ваську, дед не чаял души в русском спаниеле Жульке, которого ему подарили его ученики. Всю жизнь дед учительствовал, а после войны был назначен директором школы.

Жулька частенько скандалил с Васькой. Кот жил в доме, и каждый день исправно ходил на улицу, где его поджидал спаниель. Жульку держали в будке, однако на цепь сажали редко. Очевидно, в душе песик завидовал Ваське, жившему при хозяевах в доме — в тепле, сытости, ласке, и за это исправно загонял кота на высокое дерево, где тот испуганно раскачивался на тяжелых ветвях с полчаса, а то и больше, пока бабушка не обнаруживала это безобразие и не звала деда на выручку. Васька ругался с Жулькой, дед ругался с бабушкой.

Мы с Жулькой были друзьями — не разлей вода. Все мое шкодство всегда проходило с участием спаниеля. Втихаря я выпускала из курятника кур, а потом бегала ловила их, чтобы снова загнать, понятное дело, Жулька постоянно был моим верным помощником. Почти каждый вечер меня отчитывали за непослушание, охали, куры-де с моим приездом стали плохо нестись. Ясное дело: когда тебя десять раз на дню гоняют по всему участку, да еще и с собакой — тут не до яиц. Васька слушал, как меня ругают, философски жмурился и тер мордочку лапкой: «Мур-р…» Проходит, мол, все, пройдет и это. Мне было шесть лет.

В выходной приехали мама с папой. Мы решили все вместе — дед, папа, мама, я и Жулька — сходить за грибами в лес. Утром собрались рано, еще только начало светать. Взяли корзинки, выпили чаю, свистнули Жульку и пошли. У последнего по улице дома все обратили внимание, что наш песик куда-то исчез. Дед начал его присвистывать, но Жульки и след простыл, а что такое поводок спаниель вообще не знал.

Через несколько минут раздался пронзительный женский визг, а в дырке под забором показалась Жулькина морда. Он яростно лез, крепко держа зубами дохлого цыпленка. Через мгновение пес уже подал дичь деду в руки и расплылся в широченной улыбке. Следом щелкнула калитка — перед нами возникла разъяренная фурия. Женщина орала благим матом, почти на ультразвуке:

— Задрал куря! На моих глазах! А ну, платите! На привязи надо держать свою собаку.

Дед полез в карман, протянул бабе деньги, взял Жульку за загривок и сделал вид, что треплет его в наказание. Пес взвизгнул немного, хотя морда светилась от счастья. Баба быстро схватила деньги, вырвала из рук деда цыпленка и растворилась за калиткой. Мы отправились дальше.

Дед подсмеивался и хвалил Жульку:

— Молодец, Жулик! Правильно мы тебя назвали. Хороший охотник, грамотно птичку взял. Без шума и пыли. А тетка бульон себе сегодня сварит.

Потом почему-то дед отстал. Не помню, то ли зашел к кому попутно, то ли еще что, но мы с родителями ушли вперед. Жулька носился челноком — добежит до нас, и обратно деда искать.

Вскоре мы вышли к трассе, где со страшной скоростью проносились машины. Деда сзади не было, и мы вместе с Жулькой быстро перебежали дорогу. Жулька нырнул в кусты и исчез. Остановились подождать деда. Через некоторое время он показался с корзинкой по ту сторону дороги и замахал нам рукой. Жулька

выскочил из кустов и пулей вылетел к нему навстречу…

Машина, которая сбила собаку, даже не притормозила. Нелюдь за рулем поддал газу и стал растворяться вдали. Посередине оживленной трассы, отлетев туда от сильного удара, теперь лежал недвижимо наш пес, мой бело-черный Жулька, любимый дружочек, под которым медленно растекалась лужа крови…

С диким, не детским криком я бросилась к песику, мама схватила меня и держала изо всех сил. На дорогу выбежал папа и, схватив Жульку на руки, вынес его оттуда. У пса текла кровь из ушей и из носа, но он был жив. Потрясенный дед, прошедший всю Великую Отечественную войну на передовой, стоял теперь со слезами на глазах. Папа осторожно передал Жульку в руки деда. От боли пес взвизгнул и неожиданно прокусил ему руку насквозь.

Дедушка положил спаниеля на траву в кусты и сказал, что нужно скорее идти домой за тележкой, чтобы аккуратно перевезти раненого домой. Я наотрез отказалась отходить от Жульки, и тогда дед с прокушенной рукой, из которой капала кровь, пошел сам. Жулькина голова покоилась у меня на коленях. Он даже не скулил, но слабел с каждой минутой. Я гладила его по голове и умоляла, чтобы он не умирал. Тогда я еще верила в чудеса, надеялась, что кто-то там, на небесах, услышит меня — надо только очень сильно захотеть,— и собака обязательно выживет, и мы снова будем вместе гонять Ваську и кур. Я захлебывалась слезами, мама боялась за мою психику, отец мрачно ходил вокруг и курил папиросы одну за другой, приговаривая, словно читал молитву: «Нельзя было переходить трассу, надо было здесь деда ждать…», почему-то обвиняя во всем маму: «Это все ты! Ты! Пошли, перейдем дорогу…»

Сколько прошло времени, никто не помнит. Пришел дед с перебинтованной рукой и с тележкой, внутри которой все было обложено старыми мягкими подушками. Он попытался приподнять безжизненное тело Жульки, тот слабо вскрикнул. Дед бережно потрогал его бока и покачал головой:

— Похоже, переломаны ребра и повреждены внутренние органы, боюсь…— глядя на меня, дед не договорил, только глубоко, по-мужски, вздохнул и положил собаку в тележку. Хотя я и так все поняла. Всю обратную дорогу мы молчали.

Дома Жулька практически не шевелился, но еще дышал. Некоторое время он лежал у меня на коленях и боролся за жизнь. Я гладила его до последней минуты. Потом меня оттащили от собаки, а дед унес Жульку.

Он так и не сказал мне, где его похоронил.

Детское горе — самое ужасное на свете. Дед не мог жить без собак — после Жульки были другие, я их тоже любила, играла с ними, только мой черно-белый друг так и остался в памяти маленьким бело-черным псом с длинными ушами, лежащим у меня на коленях и пытающимся слабым языком лизнуть мою руку.

Юлия ВОЕВОДИНА

г. Серпухов Московской области

ВОЛШЕБНЫЙ НАПИТОК

Это лето выдалось солнечным и урожайным на грибы и ягоды. В один из таких летних дней маленькая Ляля и ее бабушка взяли корзинку, ведерко и пошли в лес. По пути они весело разговаривали, любовались красотой природы, наблюдали за бабочками, деревьями и растениями. Вдруг Ляля остановилась и замолчала.

— Что с тобой, милая? — участливо спросила бабушка.

— Не могу, бабушка, дальше идти. Устала. Пить хочу, спать хочу. Сил нет совсем.— Девочка обняла бабушку и попросилась на ручки.

Та в ответ ласково погладила внучку по золотистым кудряшкам и улыбнулась.

— Есть у меня с собой волшебный напиток. На ручки брать тебя не буду, а то обе устанем, а вот напиток дам попробовать,— сказала бабушка и вынула из корзинки небольшой красивый термос, открыла крышку и налила в нее немного содержимого.

Ляля попробовала, посмотрела на бабушку и попросила еще. После того, как девочка попила, бабушка налила немного себе в ладонь и умыла внучку. Малышка встряхнула головой и весело засмеялась.

— Бабушка, а ведь силы вернулись, жажда прошла, и спать мне больше не хочется.— И девочка поскакала по тропинке, напевая веселую песенку.

Набрав полное ведерко ягод и корзину грибов, бабушка и внучка вернулись домой. Дома их ждали пес Шарик, кот Васька, курочки и домашние дела. Бабушка хлопотала по дому, а Ляля играла во дворе. Вдруг девчушка заметила, что Шарик совсем невеселый, Васька не хочет с ней играть, а курочки притихли.

— Ой, а это что?! — девочка подошла к грядке с цветами: листочки пожухли, лепестки не блестят на солнышке и стебельки наклонились к земле,— они вянут…

— Бабушка!!!! — закричала Ляля, вбегая в дом.— Бабушка, во дворе что-то не так!

Вместе они вышли во двор. Бабушка поняла, что случилось, и снова предложила внучке все исправить

волшебным напитком. Девочка с радостью согласилась. Из термоса налили напиток в миски Шарика и Васьки, курочкам. Потом бабушка дала Ляле желтенькую леечку, чтобы полить цветы. И — о, чудо! Пес весело завилял хвостом и звонко залаял, кот замурлыкнул и стал умываться, курочки всполошились, закудахтали, а цветы подняли свои головки и стебельки, листочки воспрянули и заблестели под яркими лучами палящего солнца.

— Чудеса! Чудеса! — восхищенно повторяла Ляля.— Что же это за напиток такой волшебный, бабушка? — спросила внучка.

— Пойдем со мной, расскажу и покажу.

Взяв Лялю за руку, бабушка подвела девочку к колодцу.

— Смотри! Видишь, полный колодец волшебного напитка?

— Как же так? Это же обычная колодезная вода,— растерянно произнесла Ляля.

— Обычная-то, обычная, а вот ведь и волшебная,— ответила бабушка.— Ты же сама видела: вода и силы дает, и сон прогоняет, и жажду утоляет, и от жары спасает. И всему живому, и растениям она необходима.

— Ну, бабушка, ну ты волшебница, и вода в твоем колодце тоже волшебная. А я — внучка волшебницы,— засмеялась девочка и, взяв в руки свою желтенькую леечку, побежала дальше творить чудеса.

КАК ЛЕТО С ОСЕНЬЮ ПОДРУЖИЛИСЬ

Пришла в нашу деревню Осень, да не простая Осень, а золотая. Листву разноцветную расстелила по округе, дождичками прозрачными помыла дорожки. Хозяйничать начала. Осень пришла, а Лето спит в лесу под деревьями. Спит себе сладко и не знает, что пришло время уходить, покидать деревню. Кое-где следы спящего Лета еще остались. Рассердилась Осень и давай Лето будить: то ветром сильным, то дождем проливным. Проснулось Лето, посмотрело по сторонам — а там уже вовсю Осень хозяйничает. Расстроилось Лето и говорит Осени: «Не гони меня так скоро, дай на твою красоту полюбоваться». Согласилась Осень, разрешила, но ненадолго. И вот побежали они вместе по окрестным дорожкам, полям и лесам: цветы летние с листвой осенней перемежаются, грибы в лесу, кое-где ягоды еще спеют, солнышко ярко светит, природа под его лучами нежится. Хорошо Лету с Осенью гуляется, весело, дружно. Но прошло несколько дней, пригорюнилось Лето, устало. Остановилось оно за рекой, вдохнуло осеннего воздуха, собрало в поле последние летние цветы на память и улетело легким облачком за далекие поля и леса. Загрустила Осень, заплакала дождем, а Лето в ответ улыбнулось, пошептало Солнышку на ушко что-то — и появилась в небе яркая Радуга. Обрадовалась Осень, поняла, что это Лето шлет ей свой привет, помахала ему в ответ красивым листопадом и пошла готовиться к встрече с Зимой.

Ольга АНДРЕЕВА

г. Тула

Родилась в г. Туле 17. 11. 1959 г. Окончила механический факультет ТПИ в 1982 г. С 1987 г. преподает. Обучала детей лепке. С 1997 г. — учитель в школе изобразительного искусства «Морозко» в г. Москве. Занимается возрождением тульской игрушки. Имеет звание народного мастера России. Член СХР. Наш постоянный автор.

СКАЗКА О ВЛЮБЛЕННОМ ТРАМВАЕ

Теплым весенним днем из старенького депо одного небольшого, но очень уютного и милого городка, выехал новенький, блестящий, красный трамвай.

Он весело бежал по стальным рельсам и постукивал в такт весенней капели.

Мимо летели высокие и низенькие домики, и все приветливо кивали ему своими крышами. Вслед , чирикая, летела стайка взъерошенных воробьев. Деревья приветствовали его и покачивали ветками с набухшими почками. Весело! Радостно! В воздухе пахнет ВЕСНОЙ!

На первой остановке села шумная группа ребятишек со своими воспитателями.

— Наверное, едут в парк, а может и в музей,— подумал Трамвайчик.

Вагоновожатая объявила следующую остановку, и трамвай побежал вперед навстречу к новым знакомым и новым впечатлениям.

Он летел легко, пассажиры сменяли одни других. То это была ватага озорных подростков со скейтами, явно едущих в парк кататься по просохшему асфальту. Это были и домохозяйки с сумками и пакетами, студенты с папками, молодые мамаши с колясками, деловые горожане с досками и инструментами. В общем, все как всегда. День подходил к вечеру, и на одной остановке в вагон вошла дама довольно преклонных лет.

На голове у нее была роскошная черная шляпа со страусиными перьями, одетая в строгое длинное гипюровое платье, на плечах-накидка из тушканчика.

В одной руке держала ридикюль, густо расшитый бисером, а в другой — расчудесную, крупную, белую птицу. В вагоне, птица энергично встрепенулась, захлопав крыльями, радостно прокричала: «Привет всем!»

— Что это? Кто это? — подумал Трамвай, и его железное сердце застучало сильно-сильно, и красные гладкие бока задрожали.

Вагоновожатая подпрыгнула на своем кресле и начала ласковым голосом успокаивать своего компаньона:

— Это всего лишь наша актриса Изольда Лессовая со своим верным другом попугаем Глорией. У нас эту неразлучную парочку знают все горожане от мала до велика. В театр спешат, на спектакль.

Но трамвайчик ничего слышать не мог. Он был весь погружен в свои видения, а видения эти были — ГЛОРИЯ! Наш железный друг с мощным стальным сердцем ВЛЮБИЛСЯ.

Так бывает, особенно ВЕСНОЙ.

Улицы мелькали за стеклами трамвая, остановки сменяли одна другую.

Трамвай подъехал к театру и остановился. Изольда Карповна поспешила к выходу, но двери в салоне не открылись. Наш железный вагончик набравшись храбрости, решил заговорить с актрисой.

— Многоуважаемая дама, разрешите пригласить вашу дивную спутницу со мной на прогулку по городскому парку?

— Я полагаю, милостивый государь, что не мешало бы для начала спросить у самой моей спутницы. Согласна ли она?

Глория смущенно отвернула свою милую головку и тихо пролепетала: «Я никогда одна еще нигде не была и немного волнуюсь. А вы мне позволите, Изольда Карповна?» — обратилась птица к своей хозяйке.

Лицо старушки странным образом вытянулось, глаза широко раскрылись, сумочка незаметно соскользнула у нее с запястья, и она, подумав немного, проговорила:

— Ну, я право, не могу возражать, но только при одном условии, что моя дорогая девочка ровно в шесть вечера будет в театре, в моей гримерке.

— Даю честное трамвайное слово, что минута в минуту ваша компаньонка будет в указанном месте.

И с этими словами двери трамвая с тихим шипением открылись, и странная парочка будто растаяла за ними, оставив ридикюль лежать на полу салона.

Двери закрылись, и трамвай не пошел, он полетел над рельсами. Его стальное сердце пело, и он мысленно представлял завтрашнюю прогулку в парке. Музыка звучала в его голове так громко, что все пассажиры могли ее слышать. Они улыбались и понимали, что в этом помещении запахло ВЕСНОЙ.

Трамвайчик не мог дождаться окончания соей рабочей смены, он словно лошадка в цирке все бегал и бегал по замкнутому стальному кольцу и очень хотел, чтобы поскорее настало ЗАВТРА!

Солнце закатилось за небольшие домики, и трудовой, счастливый, первый день молодого специалиста закончился. Весело он бежал в свое депо, где мог умыться, выспаться и набраться сил для чудесного ЗАВТРА!

Доехав до своего трамвайного дома, с широкой улыбкой на лице он предстал перед своими собратьями.

— А что это ты сияешь как ясно солнышко? — хриплым голосом поинтересовался старый трамвай.

— Влюбился! Влюбился! — зашумели вагончики, уже отдыхавшие в депо после смены.

— Ну, ну, что разгалделись,— прикрикнул на них старейший.

— Это верно?— обратился он к юному коллеге.

Тот от смущения стал еще краснее, и его стальные бока опять задрожали.

— Да ты так не волнуйся, приятель. Любовь — дело ХОРОШЕЕ! — задумчиво произнес босс.

— Я тоже, когда-то был таким как ты, влюбился.

— И кто же был предметом вашей симпатии? — полюбопытствовали вагончики.

Закрыв свои потускневшие глаза и немного откинув назад голову, старожил произнес нараспев:

— Милая, желтенькая, маленькая РЕНОШКА!

— И что?— заинтересовался наш малыш.

— Ну, покатались, покатались мы с ней с неделю, а затем она включила третью скорость и исчезла с моего маршрута. А что я мог ей предложить? Катание по кругу и только, ведь наши стальные рожки крепко нас держат на маршруте. Вот так и бегаю по сей день бобыль бобылем! Ни семьи, ни детей!

— А кто она? — поинтересовался старик.

— Она самая красивая, изящная, восхитительная!

— И она?

— Белая и крылатая!

— Трамвай на воздушной подушке? — дружным хором запели коллеги .

— Она — попугай. И у нее самое красивое имя — ГЛОРИЯ! —восхищенно произнес молодой специалист №234.

— Да, приятель! Похоже, ты правда совсем с катушек съехал! Как можно было влюбиться даже не в машину, а в одушевленное существо! Ну, ты и попал! — произнес старейший № 55.

Но 234-ый никого не слышал, он был погружен в свои мысли, и думал лишь о том, как бы порадовать Глорию, что ей подарить на прогулке?!

Незаметно для себя он уснул. Во сне он видел Глорию, и как она, усевшись у него на голове, весело летела с ним по аллеям городского парка, а цветущие деревья нежно дотрагивались до них и махали им в след зелеными ветвями.

В лапах у птицы был большой и сладкий АНАНАС!

— АНАНАС! — воскликнул 234-ый и проснулся от собственного крика.

Утром, как обычно, все трамваи принимали душ. Оператор включал мощные щетки и огромные лейки для утреннего туалета всех жителей депо.

Приняв утренние водные процедуры, молодой трамвайчик, осмелившись, решил заговорить с оператором:

— Уважаемый, а не смогли бы вы мне купить ананас.

— А ты что, теперь ананасами питаешься? — поинтересовался оператор.

— Это не для мня. Это для моей мечты,— робко ответил №234-тый.

— Хорошо! Куплю! — согласился оператор.

И влюбленный малыш стал ждать оператора с ананасом. Его железное сердце билось с удвоенной силой.

И вот он! Идет. В руках несет желтый с зеленым хвостиком АНАНАС!

— Спасибо! Спасибо! — затараторил трамвайчик.— Ты даже себе представить не можешь, как ты меня выручил, мой уважаемый оператор!

— Да мне же не трудно, обращайся, когда будет надо,— ответил оператор.

И тут наш трамвайчик, посмотрев на часы, которые висели на стене вагонного депо, заторопился на встречу со своей мечтой, в городской парк.

До начала рабочей смены и выступления Глории у него была куча времени.

— Ах! Как же хорошо жить в нашем стареньком городке,— подумал №234 и выбежал из депо, забыв, что его рожки должны крепко держаться за электрические провода, по которым идет живительная сила к его железному сердцу. Ну, о каких рожках можно думать, если все мысли только о встрече со своей мечтой — ГЛОРИЕЙ!

И эта мечта дала ему крылья. Он полетел над землей, ничего не замечая на своем пути. А люди смотрели ему в след и удивленно кричали:

— Смотрите! Смотрите! Летучий трамвай! Трамваи полетели,— звучало со всех сторон.

Трамвай парил над рельсами, над тротуаром. Мелькали улицы, сменяя одна другую, и вот впереди заветные чугунные ворота — парадный вход в парк, к своей мечте, к встречи с Глорией!

Он промчался по центральной аллее. Прохожие от неожиданности разбежались с тротуара и повскакивали на зеленеющие газоны.

— Простите! Простите! Извините, что напугал,— кричал взволнованный трамвайчик, спешивший на встречу с предметом своего обожания.

И вот он заметил маленькую белую птичку, сидевшую на спинке парковой скамейки.

— Пришла! Пришла! Глория! — запел железный вагончик, и песня его эхом раздалась из парковых динамиков.

Глория вздрогнула и, увидев красный блестящий трамвайчик, тихо произнесла:

— К чему так много шума, мой железный приятель? Будьте скромнее, ведь вы и так слишком заметны!

— Я, я не хотел обращать на себя внимания. Простите, это как-то само собой получилось.

— Хорошо, не будем больше об этом. Давайте поговорим о чем-нибудь прекрасном,— предложила птица.

— Ах, да! О прекрасном! Загляните, пожалуйста в мой салон, там у меня есть, что-то прекрасное для вас, многоуважаемая Глория.

Птичка вспорхнула в салон, и О! ЧУДО! На полу салона лежала расшитая бисером маленькая сумочка Изольды Карповны. Глория взяла сумочку в клюв и вынесла ее наружу.

— Прекрасно! Чудесно! Великолепно! Вот это подарок! А мы-то ее обыскались. Не знали, где еще ее искать.

— Какая сумочка! Я вам приготовил АНАНАС! — изумленно произнес наш старый знакомый.

— Ты даже себе представить не можешь, что это за удивительная вещь! — загадочно произнесла пернатая актриса.

— Хочешь увидеть, что сейчас будет? — спросила она опешившего собеседника.

— Ага! — чуть слышно произнес 234-ый.

Попугайка осторожно поднесла свой клюв к блестящей защелке ридикюля.

Щелк! И сумочка открылась, и из нее медленно стал появляться молочный туман. Он становился все больше и больше, окутывая собой всех и все, что было поблизости. Трамвайчик закашлял. Из глаз-фар по-

текли слезы. Он чихнул и оглядевшись по сторонам обомлел от увиденного. У него самого почему-то отпали рожки, в своем теле не ощутил биения любимого железного сердца. Дома уменьшились в размерах. Стали не больше трех этажей. Улицы мощены гладким булыжником. По обочинам мостовой изредка виднелись уличные фонари на деревянных ногах, а он сам запряжен лошадьми и едет по КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ МОСКВЫ!

— Ого! — подумал трамвай, поворачивая голову в изумлении и в поиске своей приятельницы.

А Глория, усевшись в кабине вагоновожатого, радостно покрикивала:

— Вперед, пристяжные, вперед!

Остановок не было, а пассажиры на ходу то входили, то выходили из салона.

Дамы в длинных платьях, мужчины в сюртуках и котелках. Были и студенты в форменной суконной одежде, едущие на встречу к знаниям. Были и мужики с мешками, явно спешившие на рынок.

— Что это? Где мы? — заикаясь, прозвонил №234-й.

— В Москве! В Москве, мой милый друг, в начале двадцатого века,— радостно пропела Глория.

— И я теперь кто?

— Ты конка, милейший!

— А где же мавзолей?

— Так Владимир Ильич Ленин (Ульянов) еще жив и готовит государственный переворот.

— Какой переворот?

— Великую Октябрьскую социалистическую революцию, малыш. Слышал об этом хоть что-нибудь!

— Да, так немного. А где захоронения у кремлевских стен?

— Пока кремль не стал ареной для политических амбиций.

— И мы теперь останемся в этом времени и не увидим всего того, к чему так привыкли?

— Не беспокойся, трусишка! То ли еще будет! — с этими словами Глория вновь приоткрыла ридикюль, и из него опять начал струится густой туман. Но на этот раз птица быстро его захлопнула. Туман все ж успел сделать свое дело — окутал всех и все, что попало в его объятия, и сам красный вагон, и несколько замешкавшихся пассажиров не успевших выйти из вагона.

И вновь у трамвайчика закружилась голова, запершило в горле и заслезились глаза.

После того, как туман рассеялся, 234-ый почувствовал под собой ледяной холод. Пронизывающий влажный ветер окутал его корпус. Трамвай увидел, что мчится он по рельсам, проложенным прямо по льду какого-то озера. Рожки у него по-прежнему не выросли, но в теле было ощущение бьющегося сердца.

«Хорошо хоть сердце вернули»,— подумал наш путешественник.

В салоне взволнованно заговорили пассажиры:

— Что происходит? — спросил гражданин в очках и клетчатом пальто.

— Куда мы едем?— заголосила женщина средних лет с гусем в корзине.

— Позвольте, поинтересоваться, милейшие, как мы сюда попали,— спросил, пробудившийся от сна профессор Московского университета. В руках у него была бордовая авоська с маленькими зелеными пузырьками.

— Да что же это такое? Мороз, а я в парусиновых ботинках. Мне в музей надо,— вступил в разговор худощавый художник, державший скрученный в рулон холст.— Я ж картину должен доставить сегодня до двенадцати часов. Комиссия придет, а картины не будет. Все пропало! Все пропало!

— Господа! Господа! Давайте успокоимся и будем рассуждать логически,— предложил профессор.

— Какое логически,— парировал художник,— за окнами холод, вечер и мы неизвестно где. Вокруг ледяная пустыня. Кошмар! Кошмар!

— Вот у меня кошмар,— вступила в разговор женщина преклонных лет с гусем в корзине.— Мне гуся продать на рынке надо.

— А вы, мамаша, не на Сытный ли ехали? — осведомился мужик с мешком, сидевший на заднем сиденье.

— Теперь не доедете,— усмехнулся художник.

— Господа! Господа! Давайте успокоимся и решим, что нам делать?

Мороз обнимал все стальное тело нашего путешественника, но внутри трамвая была вполне сносная, комфортная атмосфера.

— Позвольте, что это у меня в носу? Дыра, а в ней горящие дрова. Я все понял. Я — печка на колесах. Вот это класс! — молвил 234-й.

— Нет, ты паровик. Работаешь как паровоз. Дрова сгорают, пар идет, тепло поступает к твоему сердцу. Оно стучит. Колеса вращаются.

— Я даже и представить себе не мог, что такое было возможно.

— Возможно все! Ты же по льду Ладожского озера едешь.

— А где это?

— В Петербурге, мой юный друг.

— Говорящий трамвай! — ахнула женщина преклонных лет.

— Мы в Питере! Обалдеть! — вторил мужик с мешком.

— Господа! Господа! Давайте успокоимся. Ну, подумаешь, говорящий трамвай. Если хорошенько по-

размышлять, то и такое возможно,— продолжал профессор.— Я где-то читал, что в конце 19-го века по Ладожскому озеру, зимой, прокладывали трамвайные линии прямо по льду.

— Ага! Знать мы в Питере, уважаемые. Лихо завернул нас трамвай.

— Молоток! — прокричал мужик с заднего сиденья.

Трамвай летел по заметенным снегом рельсам. На остановках входили люди в шубах, запорошенных белыми снежинками. У некоторых в руках были подарки. А один пассажир вошел в салон с пушистой, зеленой елкой.

Те, кто уже ехал в салоне с удивлением взглянули на тех, кто только что вошел.

— Господа! Господа! Давайте успокоимся и поразмыслим логически над сложившийся ситуацией.

— Позвольте, над какой ситуацией,— проговорил пассажир с елкой, вошедший в трамвай в Питере.

— Видите ли, уважаемый,— вступил художник.— Мы ехали по своим делам. Кто куда. Ехали по Красной площади.

— Так это же в Москве?!— произнесла дама с подарочной коробкой в руках.

— Давайте успокоимся, господа,— предложил профессор из Москвы,— и поговорим с нашим трамваем.

— В своем ли вы уме, многоуважаемый,— обратился к нему гражданин с елкой.— Могут ли трамваи говорить?!

— Вот вы и проверьте,— предложил профессор человеку с елкой.

— Уважаемый трамвай, скажите нам, пожалуйста, куда мы все едем, и что с нами будет дальше?

— Право, я и сам не знаю, что будет и куда мы попадем в ближайшее время.

— И что же будет дальше?! — хором произнесли все пассажиры трамвая.

— Дальше будет…— и Глория вновь приоткрыла сумочку Изольды Карповны.

Вязкий туман снова заполнил собой все пространство, окутывая собой всех и все. Профессор покачнулся и выронил авоську из рук. Пузырек упал из сетки, и его содержимое разлилось по полу салона. Трамвай вновь закашлял. У него защипало в горле и в глазах. Он зажмурился и стал ждать, что же произойдет, и куда он и вся его подросшая компания попадут на этот раз.

Туман еще не прояснился, но уже успел вступить в реакцию с жидкостью из зеленого пузырька. И все пошло по незапланированному сценарию.

Туман приобрел зеленоватый оттенок, и у него появился слегка уловимый горьковатый аромат. Вдохнув этого воздуха, все пассажиры нашего путешественника разом впали в сладкий сон. Заснули даже стоящие на задней площадке граждане с чемоданчиком. Туман вновь начал рассеиваться. За окнами трамвая постепенно вырисовывался довольно необычный пейзаж. Вокруг было темно. Воздух сжат. Кое-где, на разном расстоянии виднелись мерцающие огоньки. 234-й со всех сторон был объят горными массивами.

Издалека доносился приглушенный стук. Казалось, кто-то играет весьма недурную мелодию на ксилофоне.

Первым проснулся профессор, за ним художник и благородного вида гражданин с елкой. Очнувшись от сна, Глория прокричала:

— Какой ужас! Все не так! Не так! Мы должны были попасть совершенно в другое место.

— Так! Так!— довольно сердитым голосом произнес мужик с мешком.— Вот кто всему виной, по чьей вине я болтаюсь в этом вагоне, а не торгую на своем рынке, на который по вашей милости, досточтимая птица, я вряд ли попаду.

Тут проснулись все наши путешественники, и поднялся невообразимый гвалт. Только один профессор пытался сохранять невозмутимое спокойствие, и как мог успокаивал разволновавшуюся публику.

— Господа! Господа! Давайте успокоимся и подумаем логически, что мы можем сделать в сложившийся ситуации?

— А что тут сделаешь? — заорала баба с корзиной. Мы все — заложники нашего трамвая.

— Вот именно, трамвая!— задумчиво произнес профессор.

— Я полагаю, нам надо покинуть салон нашего транспортного средства и что-то сделать для нашего возвращения домой,— предложил художник.

— Что-то сделать?! — отстраненно, нараспев проговорил профессор.

— Так и сделай, хоть что-нибудь! — в отчаянии закричал мужик с мешком в руках.

— Кто со мной? — скомандовал художник.

Профессор оживился. Студент-очкарик, подхватив его под руки, устремился к выходу. Художник выскочил из вагона вместе с ними.

Смельчаки огляделись вокруг. Перед ними царственно возвышались скалистые горы. Впереди виднелся темный и глубокий туннель, который проглатывал стальные рельсы.

— Придется идти по шпалам,— предложил профессор.

— А у меня, кстати, фонарик в кармане завалялся,— радостно сообщил студент.

— Давайте познакомимся, коли мы попали в такую историю,— предложил художник.

— Я, Василий Морозов,— сообщил студент.

— Ко мне можете обращаться, Михаил Платонович! — важно парировал профессор.

— Аполлинарий,— чуть слышно выговорил художник.

— Теперь мы знакомы. И нам только вперед! — скомандовал профессор.

Перед входом в туннель они немного замялись. Холодный ветер дунул им в лицо. Музыка стала немного громче.

— Василий! Доставай свой фонарик. Будешь нашим светочем,— продолжал ученый.

— А у меня с собой коробочка художественного угля. Думаю, надо оставлять нам метки, как в детской игре «Казаки-разбойники», чтоб вернуться назад,— предложил художник.

— А, вы — голова, батенька.

Включив фонарик, поставив первую метку, они вошли в туннель. Гладкие, отшлифованные своды туннеля обнимали их. Под ногами еле слышно похрустовали мелкие камешки. Вдали игриво подмигивали цветные огоньки.

Музыка становилась все отчетливее. Пройдя вперед несколько метров, они попали в небольшую круглую комнату, из которой выходили три длинных и узких коридоров, а рельсы, как веер, раскинулись по всей комнате. В каждый коридор убегала своя ветка неизвестной дороги.

— Я предлагаю идти на звук,— сказал Михаил Платонович.

— А может — к свету? — предложил Василий.

— Давайте сделаем так. У меня есть монетка. Я подброшу ее. Выпадет орел — идем на звук, решка — на свет,— вставил Аполлинарий.

— А может, нам разделиться? — выпалил Василий.

— Нет! — властно выкрикнул профессор.— Нам нельзя разделяться. Все пропадем. Вместе, может, и выкрутимся из этой истории.

Художник достал монетку. Немного потряс ее в ладонях и подбросил вверх. Пятачок со звоном ударился о каменный пол, отскочил, как мячик, и покатился в один из коридоров круглой комнаты.

— Вот все и решилось. Монетка указывает путь,— подытожил профессор.

Смельчаки побежали за ней вслед. Узкий коридор был достаточно мрачен, но в конце его мерцали разноцветные огоньки. Пробежав некоторое время вперед, наши герои подбежали к обрыву, где были вынуждены резко затормозить. Разноцветные огоньки превратились в огромные переливающиеся, цветные шары. Сквозь их цветное мерцание угадывались размытые очертания великолепнейших воздушных мостов, арок, анфилад, галерей и ротонд. Музыка окутала наших героев, словно пуховое одеяло. В воздухе летал легкий, чуть уловимый мятный аромат. От всего увиденного путешественники просто остолбенели. Не успели они прийти в себя, как в атмосфере почувствовали некоторое дрожание и из бесформенного клуба плотного воздуха появилась фигура хорошо одетой, невысокой, хрупкой дамы весьма преклонных лет. На ней было длинное, строгое, черное платье. Завершала этот наряд широкополая шляпа со страусиными перьями.

— М-да,— выговорил профессор.

— Обалдеть! — воскликнул студент Василий.

— Да, прекратите же, наконец, удивляться,— произнесла дама в шляпке.

— Позвольте поинтересоваться, кто вы ? И что это за место? — спросил художник.

— Я, Изольда Карповна! Ну, впрочем, вам, как мне кажется, мое имя ничего не скажет.

— А, не вы ли это осенью 7-ого года давали концерты в Русском цирке Братьев Никитиных? — осведомился профессор.

— Я! — кокетливо произнесла Изольда.

— Тем лучше, что кто-то меня знает. Слушайте внимательно, что скажу.

— Нет! Нет! Оставайтесь на месте и не до чего не дотрагивайтесь! — остановила студента, попытавшегося взобраться на ближайший камень, громко воскликнув, женщина.— Я догадываюсь, как вы здесь оказались. Это все проделки моей крестницы Глории. Она, думаю, не хотела всех вас вовлечь в эту историю, ну, что ж, коли все так закрутилось. А, что это за жидкость была в Ваших пузырьках, уважаемый Михаил Платонович? — обратилась она к профессору.

— Это всего лишь янтарная кислота.

— Понятно. А много ли человек едут в 234-ом?

— Около двадцати, и смею заметить, что кто-то из Москвы, а кто-то из Санкт-Петербурга,— парировал студент.

— И, полагаю, из разного временного промежутка,— вставил профессор.

— Вы, Изольда Карповна, нам таки не открыли то место, где мы находимся? — поинтересовался художник.

— Это Семигорье. Прошу вас никуда без моего ведома не ходить. Можете попасть туда, откуда вернуться будет очень сложно.

— Я, если позволите, продолжу то, что не закончила. Вы говорите, в пузырьке была янтарная кислота. Так-так. Для того, чтоб каждому из пассажиров вернуться в свое место и время, необходимо набрать желеобразной массы, которая плавает на поверхности горного озера. Эту массу положить в ридикюль Глории, и после того, как она начнет произносить заклинание — каждый, назвав свое имя, место и время жительства, попадете обратно к себе.

Цветные шары радостно подскакивали. Изольда на некоторое время задумалась.

— Я же был уверен, что из любой ситуации обязательно найдется выход,— радуясь произнес художник.

— Только есть одно условие,— продолжала Изольда.— Вы втроем принесете массу и вместе вернетесь в салон 234-ого .

— А где же нам найти это озеро,— осведомился студент.

— На пути по этому коридору вы встретите знаки, которые составят слово. Подсказки надо искать очень внимательно,— с этими словами Изольда растворилась в цветных шарах. Музыка стихла.

Все волшебное пространство исчезло, как и обрыв, преградивший дорогу путникам. Вновь под ногами зашуршали камушки. Тройка смело отправилась вперед на поиски горного озера. Фонарик освещал им дорогу. В тишине раздавались их торопливые шаги. Неожиданно луч от фонаря осветил какой-то блестящий предмет. Подойдя ближе, путники увидели удивительный камень, золотистого цвета, в форме бублика. Студент Василий подбежал к нему, но споткнулся. Чтоб удержаться на ногах, он с силой нажал на этот камень. Послышался странный гул, и в стене коридора тяжело и со скрипом открылась каменная дверь. За ней виднелись серые, мрачные ступени, убегавшие в неизвестность.

— Василий, иди вперед и освещай нам дорогу, громко произнес профессор.

— Аполлинарий, ты будешь замыкать наш строй, и не забывай ставить стрелки, а то назад не попадем,— с азартом продолжал ученый.

Смельчаки вступили на каменную лестницу. В тишине раздался звук их шагов. Холод и страх неизвестности несколько тормозили спуск.

Лестница шла вниз, и, где она заканчивалась, было не понятно. Неожиданно послышалось журчание воды. Подземная река преградила движение по лестнице и поглотила каменный спуск.

— Кто умеет плавать? — поинтересовался художник с некоторой иронией.

— Да-с? Задача вероятнее всего не имеет решения,— вслух размышлял профессор.

— Что ж мы будем делать ? — произнес студент.

Несколько минут путники стояли в растерянности. Внезапно над рекой появился густой зеленоватый туман. Он возник ниоткуда, прямо перед путниками. Масса становилась гуще, насыщеннее. Из нее стало вырисовываться какое-то изображение. Оно приобретало все более конкретные формы, и через короткий промежуток времени над рекой повис мост. Он странным образом образовывал две соединяющиеся арки.

Туман исчез.

— Так, так! Очень интересно, а куда же ведет этот мост, если он упирается в стену? — спросил студент.

— Позвольте, господа, а ведь это знак! Если на него посмотреть не так, как мы сейчас смотрим, а со стороны реки, то получается лежащая буква «З» — земля. Вот так-то, батеньки. Идти придется по этому мосту и надо довериться происходящему,— продолжал профессор.

Группа отчаянных вступила на мост. Он слегка покачнулся. Странники удержали равновесие.

— Всем стоять! — скомандовал профессор.— Василий, иди и не останавливайся. Ничего не бойся. Просто иди и иди. Не оборачивайся. Мы будем следом.

Студент осторожно сделал несколько шагов вперед. Остановился. Подумал и сделал прыжок с одной арки на другую. Мост вновь покачнулся. Студент, постояв несколько секунд, продолжил движение вперед и растворился в стене, в которую упирался мост.

— Теперь моя очередь,— сам себе скомандовал профессор.

Профессор проделал весь тот путь, что и Василий, и так же, как он, растворился в стене.

Все увиденное сильно впечатлило и напугало художника. Он решил, что ему будет лучше подождать их у входа в подземелье. Осторожно сошел с моста. Поднялся по лестнице. Вышел через каменную дверь. И хотел было двинуться к выходу по своим стрелкам. Но не увидел их. В панике он побежал куда глаза глядят. Бежал он достаточно долго. Запутавшись, окончательно выбившись из сил, Аполлинарий решил отдохнуть. Присел на землю и стал думать, куда идти. В тишине, в темном, холодном, каменном коридоре в голову лезли самые мрачные домыслы. Среди безумного роя мыслей особенно четко всплыла одна: «Если намочить палец и поднять его вверх, можно почувствовать движение ветра, а ветер там, где выход!»

С этой радостной мыслью художник вскочил на ноги. Послюнявил палец и поднял его кверху. Через некоторое время он ощутил легкое дыхание ветерка.

— Вперед навстречу ветру! — обрадовался художник.

Через полчаса сила ветра усилилась. Появился робкий луч света. Собрав все силы в кулак, художник побежал навстречу свету. И вот он — долгожданный выход. Но что-то не так. Где горный пейзаж? Где красный вагон трамвая? Ничего этого не было. Перед глазами художника возникла совсем другая картина. Под высоким холмом, на котором оказался Аполлинарий, уютно расположилась небольшая деревенька, с невысокими домишками, крытыми соломой. Стены домов были замазаны глиной и покрашены чем-то белым.

Художника удивил один факт — на улицах этой деревеньки не было электрических столбов. «Ну, может, сюда еще не провели электричество»,— подумал художник и спустился с холма вниз, в деревню.

Вечерело. Он постучал в первую попавшуюся избу. Дверь довольно скоро открыл мужчина лет сорока или пятидесяти. На нем была холщевая длинная рубаха, подпоясанная густо покрытым орнаментом поясом.

— Не пустите переночевать путника, отец,— обратился Аполлинарий к незнакомцу.

— Гость в дом — Бог в дом,— добродушно ответил хозяин и жестом пригласил странника в дом.

Обстановка дома более чем скромная. Печь, длинный деревянный стол и несколько длинных, довольно широких лавок. В красном углу над столом икона Божьей матери. Перед ней чадила лампадка. На бревенчатой стене в светце горела лучина. От этого все предметы в доме казались сказочными.

За столом хлопотала жена хозяина. Одета тоже в длинную самотканую рубаху и подпоясана узорчатым поясом.

Художник перекрестился.

— Мир вашему дому,— произнес он.

— Милости просим. И отведайте с нами, чего Бог послал,— ласково предложила хозяюшка.

Она поставила на стол чугунок, из которого шел легкий дымок. Пахло очень вкусно. Еда была простой, но несколько непривычной. Теплая, пареная репа, выпеченный в печи ржаной каравай — это вся снедь, которая была на столе. Овсяный кисель завершал вечернюю трапезу.

Спать положили путника на широкую лавку, подложив под голову ему свернутый овчинный тулуп.

С первыми лучами солнца Аполлинарий поднялся. Поблагодарил хозяев за приют и ужин, и хотел было идти дальше.

— Да куда ж ты мил человек путь держишь?— спросил хозяин.

— Сам точно не знаю. Думаю мне надо к Синегорью,— ответил художник.

— Это версты две — три на север от нас. Как выйдешь, так напрямки и иди. На холм взойдешь, там речка течет. Ты вброд ее перейди. Помни, чтоб солнышко справа всегда от тебя было,— посоветовал хозяин дома.

— Иди с Богом, сынок,— перекрестила его хозяйка.

Поклонившись им в пояс, художник отправился искать то место, откуда он вышел. Через некоторое время он увидел речку. Брод было найти делом нехитрым. Художник смело побежал по мели. Выбежал на другой берег, споткнулся о валун, который не заметил впопыхах, и, упав на землю, потерял сознание.

Тем временим, профессор и студент продолжили свой путь к подземному озеру. Они огляделись и поняли, что дальнейший путь им предстоит пройди вдвоем.

— Сдрейфил! — произнес студент.

— Не будем судить его, мой юный друг,— ответил профессор.— Идти придется нам вдвоем, если хотим выбраться из этой истории.

В полумраке они прошли вперед. Где-то на расстоянии ста шагов показалась мраморная галерея, в центре которой виднелся неясный контур, напоминающий каменный колодец. Подойдя ближе, они действительно увидели заброшенный колодец. С нескрываемым любопытством они заглянули вовнутрь. Там вместо воды был плотный зеленый туман. Как на мягкой подушке на нем лежала змея, свернувшаяся в виде буквы «З» — земля.

— Да с! Непрост наш путь домой,— обреченно произнес профессор.

— Михал Платонович, придется нырять, другого выхода нет,— подытожил Василий.

— Предлагаю взяться за руки, и на счет «Раз, два, три!» — прыгаем,— твердо сказал профессор.

Зеленый туман, мягким облаком окутал смельчаков. Приземление их было плавным и бесшумным. Яркий свет ослепил путников. Перед ними лежал великолепный зеленый пейзаж: поля, укрытые разноцветным ковром из цветов и душистых трав. Прозрачная река огибала холмы, и бежала вперед к удивительным деревянным домам, искусно укрытым тончайшей резьбой.

Большие белокрылые птицы парили над головой. В нескольких шагах от себя они почувствовали легкий яблочный аромат. Дружно повернув голову в сторону запаха, они увидели яблоню весьма необычного вида. Она вся, со стволом, кроной и ветвями, всем своим обликом напоминала букву «Р».

Михал Платонович и Василий решили побаловать себя сочными, красными яблочками. Они подошли к яблоньке, как вдруг она сделала покачивающиеся движения и медленно шагнула вправо.

— Ого-го! — удивленно произнес студент.— Шагающее дерево. Кому скажу — не поверят!

— Так ведь это наш следующий знак. Посмотри — это буква «Р», и она нас куда-то зовет,— констатировал профессор.— Следуем за ней!

Храбрецы проворно последовали за убегающей яблоней. Мимо, как тени проплывали люди в длинных белых одеждах, с льняными, длинными волосами. Все как один высокие, стройные и улыбчивые.

Проследовав за своим новым проводником, через полчаса, по ощущениям путников, яблоня неожиданно остановилась в центре зеленого луга. Вокруг нее, в радиусе тридцати метров, внезапно вспыхнул ослепительно белый свет, в лучах которого яблоня растаяла, как дым. Путники остановились в оцепенении и в ожидании того, что последует далее. И оно не заставило себя долго ждать. Вдруг поднялся сильный ветер, закружил, завертел все, что попалось ему на пути. Необъяснимым образом превратился он в огромную воздушную воронку. Покружив немного на одном месте, он просочился в землю. Как только все утихло, наши смельчаки к своему удивлению увидели на том месте, куда просочилась воздушная воронка, огромное кольцо. По краю его плотно друг к другу лежали блестящие голубые камни. Они искрились, светились и даже издавали чуть слышную приятную мелодию. Завороженные необычайной мелодией путники устремились к недавно возникшему образованию.

— Да, ведь это буква «О»! Посмотрите, Михал Платонович! — восторженно прокричал студент.

— Наш последний знак,— задумчиво произнес профессор.— Надо сказать, озера я, милостивый государь, здесь не вижу. Ну-с, милейший, давайте подойдем ближе, может там, что и разглядим.

Осторожно, озираясь по сторонам, они устремились к последнему знаку. По мере того, как расстояние между путниками и кольцом сокращалось, камни меняли свой цвет, становясь то лиловыми, то нежно бирюзовыми. Музыка, издаваемая камнями, становилась все громче и громче.

Подойдя вплотную к заветной цели, они внутри ничего не увидели.

В отчаянии путешественники окаменели. Безысходность читалась на их лицах. Мимо вновь, словно тени, проплыли фигуры людей в белых одеждах. Как шелест ветра до наших смельчаков донеслось: «Потрите камни! Потрите камни!» Будто очнувшись ото сна, профессор и студент неистово накинулись на камни. Кто ладонями, а кто и полой своей рубашки начали они тереть эти образования. Чем больше трудились Василий и Михаил Платонович, тем тише становилась музыка, но становился все слышнее какой-то неясный гул. И когда музыка утихла вовсе, отчетливо стал слышен шум воды. Из-под земли появились струйки прозрачной, кристально чистой влаги. Она прибывала так быстро, что смельчаки даже не смогли перемолвиться между собой. Перед ними плескалось глубокое и прозрачное озеро. На его поверхности, будто лебеди, плыли белые пушистые облака. Наши герои хором выдохнули с облегчением: «Дошли!»

— И так, уважаемый Василий, с одной задачей мы с вами справились. Теперь перед нами следующая — достать эту облокообразную субстанцию и поместить в какую-нибудь емкость,— задумчиво произнес профессор.

— А могут ли облака содержать жидкость? — поинтересовался студент.

— Верно! Верно! Надо выловить несколько облаков,— констатировал Михаил Платонович.

— Эврика! У меня случайно оказалась мыльница! — радостно выкрикнул Василий.

— Ее-то мы и используем в качестве контейнера,— парировал профессор.— Надо найти длинную палку,— продолжал он.

Оглядевшись по сторонам, путники заметили небольшие заросли рогоза на другом берегу озера. Быстрой походкой они устремились в их сторону.

Очутившись рядом с высокими и довольно острыми листьями камышовой травы, Василий смело ринулся в воду. Осторожно раздвигая руками плотные стебли травы, студент уверенно продвигался в перед. И вдруг перед самым его лицом очутились ясные, прозрачные и очень большие глаза. Студент вскрикнул от неожиданности. В этот момент с резким шумом из зарослей выпорхнула птица с красивой женской головой. Сделав несколько кругов над озером, она опустилась на берег. Василий стоял как вкопанный и не отрывал глаз от этого зрелища.

— Молодой человек, Вы видели, видели это ?! — взволновано крикнул Михаил Петрович.

— И, и, и, это что за явление? — дрожащим от неожиданности голосом произнес студент.

— Не может быть! Не может быть! Виль-русалка! Жи-ва-я!!! — безостановочно бормотал профессор.

— Кто такая Виль-русалка?

— Я всегда был уверен, что это мифическое существо из легенд и сказок.

— Ну уж, прямо-таки из сказок! — вмешалась в разговор русалка.

— Милостивая государыня. Вы Бога ради нас простите, что невольно побеспокоили Вас,— продолжал Михаил Петрович.

— Не извиняйтесь, господа. Я сама вышла к вам навстречу, так как могу помочь выбраться из того положения, в котором вы оказались,— ласковым, серебристым голосом произнесла чудо-птица.

— Это очень милостиво с вашей стороны,— ответил профессор.

— Что ты стоишь! Иди и сломай рогоз, ведь нам необходимо достать облако из воды,— обратился он к студенту.

— Не надо беспокоиться,— произнесла русалка.— Возьмите кусочек облака,— продолжила птица, и подала на крыле белую желеобразную облачную массу Михаилу Платоновичу.

— Мыльницу! Скорее мыльницу! — возбужденно прокричал профессор.

Необходимая добыча была надежно помещена в импровизированный контейнер и с осторожностью водружена в карман брюк Василия.

— А теперь, мои смельчаки, следуйте за мной и ни куда не сворачивайте,— взлетая в небо прокричала Виль-русалка.

Бережно держа емкость с драгоценной массой, путники поспешили за птицей. Под ногами они не ощущали ни кочек, ни колючей травы, ни мелких камней. Все их мысли были лишь от том, чтоб не выпустить из виду Виль-русалку. Не замечая никаких преград, смельчаки что есть силы бежали вперед, через каменные преграды, по холодным пещерным галереям, перепрыгивая через провалы, подземные реки. Только вперед! И вот перед ними забрезжил яркий свет. Он струился мощным, ровным потоком из аркоподобного скального проема. Оказавшись на гладкой, покрытой шелковой травой поверхностью, выйдя из пещерных лабиринтов, наши герои с облегчением выдохнули.

— Кажется, выбрались,— переводя дыхание после долгого бега, вымолвил Василий.

— Вышли-то, мы вышли, только вопрос — где? — оглядываясь по сторонам, произнес Михаил Платонович.— Мне эта местность совсем неизвестна.

— Профессор, русалка нас куда-то зовет,— возбужденно, слегка задыхаясь, прокричал Василий.

— Так не будем медлить, мой юный друг! — скомандовал Михаил Платонович.

Через некоторое время они оказались на холмистой, покрытой низкой травой, местностью.

Русалка не улетела, а села неподалеку, в пределах видимости путников.

Оглядевшись по сторонам, храбрецы заметили почти рядом с собой тело художника, лишенное чувств. Быстро, подбежав к потерянному путнику, они наклонились над ним удостовериться — жив или не жив?

И в тот самый момент, когда смельчаки оказались над Аполлинарием, со лба Михаила Платоновича скатилась крупная соленая капля пота и удачно приземлилась на глаз художника, тот очнулся и с удивлением произнес:

— Где я ? Как вы меня нашли ? Куда пропала деревня?

— Нашли мы тебя не без помощи русалки, а ты давай поднимайся, нас заждались попутчики и наш 234-й, на котором мы все ехали, если ты помнишь, милостивый государь,— достаточно громко и четко выговорил Михаил Платонович.

— А вы нашли то, за чем мы отправились?— робко поинтересовался беглец.

— Нашли, нашли. Вот в этой мыльнице наше всеобщее спасение,— несколько надменно произнес студент.

— Негоже так разговаривать, уважаемый Василий,— пожурил профессор.

— Вы уж меня простите Бога ради за малодушие, милостивые государи,— виновато продолжал их незадачливый товарищ.

— Об этом, батенька, мы поговорим чуть позже,— произнес Василий.

— И так, господа, сейчас не об этом. Наша задача на настоящий момент— попасть туда, откуда вышли,— размышлял вслух Михаил Платонович.

Он повернул свою кудрявую, лысеющую голову в сторону своих путников. Глаза его выражали немой вопрос. И как по команде все странники одновременно, не сговариваясь, обернулись к Виль-русалке.

— Помоги нам еще раз, милостивая государыня,— хором выдохнула наша тройка.

— Именно для этого я здесь,— звенящим, как серебряный колокольчик, голосом пропела Русалка.

Она взмахнула огромными яркими крыльями и стремительно поднялась ввысь. Воссоединившаяся группа путников вновь последовала за своей спасительницей. Цель была близка. Эта мысль гнала вперед смельчаков, не замечая ни камней, ни кочек, ни скалистых стен, ни тумана, которые следовали за ними. Путеводной звездой была Русалка. Только она вела их к цели.

Через некоторое время путники поняли, что попали на ту самую площадку, с которой начали свое приключение. Эмоции переполняли наших героев, и они от радости обнялись, а у профессора на глазах появились слезы.

Русалка тихо опустилась на выступ скалы опять в пределах видимости, и стала чего-то ждать.

— Друзья, смотрите — наш 234-й! — проорал студент.

Все дружно, быстрым шагом направились к ожидавшему их трамваю.

Войдя в освещенный салон, они попали в крепкие объятия пассажиров. Те радостно похлопывали по плечам, обнимали, крепко жали им руки, и только слышалось со всех сторон: «Ну, что? Узнали, как нам выбраться отсюда?»

— Да! Да! Очень бы хотелось выбраться из этой круговерти! — пробубнил мужик с мешком, ехавший на Сенной рынок.

— Господа! Господа! Давайте успокоимся, и я вам расскажу, что мы узнали, как нам всем вернуться в свое время и место,— выговорил доктор наук.

— Говорите, уважаемый профессор, не томите нас, пожалуйста,— вымолвила дама, ехавшая с девочкой.

— Нас сюда завела попугаевка. У нее на шее вы все заметили небольшой ридикюль. Вот они-то нам и нужны,— продолжал Михаил Платонович.

— А мы, что-то не видим здесь нашей белой птицы,— хором удивленно произнесли студент и художник.

— Все дело в том, милостивые государи, что пока вы отсутствовали, кое-кто устроил в нашем салоне очень бурные разборки,— вмешался в разговор гражданин с елкой.

— Так, так, очень любопытно! Продолжайте,— с некоторым волнением и предчувствием чего-то неприятного вымолвил профессор.

— Мне бы не хотелось конкретно указывать ни на кого, но, как вижу, этого не избежать,— продолжал пассажир с елкой.

— А я и не собираюсь прятаться. Этой безмозглой курице еще раньше надо было голову открутить! Из-за нее я болтаюсь невесть где и несу денежные убытки. А кто их мне вернет, не подскажете!? — проорал мужик с мешком.

— Я полагаю, что здесь произошел конфликт! — констатировал профессор.

— Да уж, конфликт! Этот гражданин после вашего ухода завелся и стал придираться к птице и трамваю. В общем, слово за слово, началась словесная перебранка, а затем наш неугомонный торговец изловчил-

ся и хотел накинуться на попугайку, но та выскользнула у него из рук, стремглав выпорхнула из дверей и скрылась в неизвестном направлении,— продолжал свой рассказ мужчина с елкой.

— Михал Платонович, позвольте мне искупить вину перед вами! Я найду беглянку! — выпрыгивая из вагона, прокричал Аполлинарий, устремляясь вновь в сторону горных хребтов.

В салоне вновь началась ругань пассажиров с мужиком, у которого был мешок с товаром.

— Господа! Господа! Давайте соблюдать спокойствие и благоразумие,— посоветовал попутчикам Михаил Платонович.— Наберемся терпения и будем ждать возвращения художника.

А наш отважный искатель, не успев выскочить из вагона, столкнулся взглядом с Виль-русалкой. Ее глаза выражали откровенный вопрос, но Аполлинарий понял его, вступив с птицей в бессловесный диалог, в результате которого она вспорхнула ввысь и увлекла за собой своего собеседника.

Летела птица достаточно быстро, но художник не отставал от нее. Ему не было ни страшно, от того что он может заблудиться и не вернуться в вагон, а следовательно и в Москву, в свою мастерскую, к картинам, друзьям, ко всему тому, к чему так давно привык, ни холодно. Он не чувствовал камней под ногами, ему надо было найти Глорию и оправдаться в глазах Михаила Платоновича и Василия. Русалка неожиданно прервала свой полет и приземлилась на могучей, огромной, вековой сосне, которая своими мощными корнями крепко держалась на краю горного ущелья. Резко затормозив перед сосной, художник остановился и стал осматривать препятствие, которое его остановило. На самой макушке сосны он увидел русалку и маленькую белую птицу с красивым хохолком на голове. «Глория!» — пронеслось в голове Аполлинария.

И только он так подумал, как Виль-русалка растаяла, как дым, будто ее и не было вовсе.

— Глория! Глория! — начал звать птицу художник.

Попугайка дрожа сидела на макушке сосны, крепко держась за ветку, и не могла от страха произнести ни слова.

«Что же делать? Как мне быть?» — мысли путались в его голове.

— Не робей! Поднимись на сосну и достань птицу! — услышал он голос русалки.

Взглянув вверх на макушку сосны и вниз в ущелье у Аполлоши душа ушла в пятки, а сердце учащенно забилось.

— Не робей! Ползи вверх! — скомандовал себе художник и, не глядя на землю, чтобы не было безумно страшно, подтянулся за ветку, и стал подниматься к макушке сосны. Под его ногами некоторые ветки обламывались и с треском падали на дно ущелья. От этого шума сердце Аполлоши колотилось с ускоренной силой, но он продолжал подниматься вверх. Время для нашего храбреца будто остановилось. Ему казалось, что поднимался он более часа, хотя на самом деле прошло всего четверть часа, не более. И вот, наконец, перед ним возникла белая дрожащая фигурка Глории. Она выглядывала из-за густой хвои белым перьевым комочком. Художник протянул руку и крепко сжал лапки попугайки. Глория не сопротивлялась, она была даже благодарна художнику за свое спасение.

— Я предлагаю вам, милостивая сударыня, перебраться на мое плечо,— обратился к ней с просьбой Аполлинарий.— А то я не смогу спуститься, держась одной рукой за ветки, а в другой держа вас.

Глория крепко вцепилась лапками в плечо своего спасителя. Сумочка покачиваясь висела у нее на шее, и они медленно стали спускаться вниз.

А художника приводило в ужас ущелье, расположенное непосредственно у корней сосны, но руки цепко держались за ветки. Плечо болело от впившихся когтей птицы, ветки сосны кололи лицо, шею, но он мужественно продвигался к намеченной цели. А цель — земля, трамвай и мастерская в Москве, где его ждут друзья, родители и любимое искусство. И вот, наконец, под ногами он почувствовал твердую почву.

— В какую сторону двигаться теперь? — как молоточком, простучала мысль в голове Аполлинария. И в этот самый момент какая-то невидимая сила стала подталкивать вперед. Наш смельчак полностью подчинился незримой воле и только успевал перебирать ногами, переходя от быстрой ходьбы к бегу, придерживая рукой вцепившуюся в плечо перепуганную Глорию и спасительную для всех ее сумочку.

Через четверть часа вдали забрезжил красноватый силуэт трамвая.

— Почти у цели,— с облегчением выдохнул художник, и невидимая сила, гнавшая его вперед, вмиг исчезла.

Аполлинарий ускорил свой бег, и через несколько секунд он был уже на подножке вагона, где его с огромным волнением ждали все пассажиры.

— Ура! Ура! Ура! Смельчаку! Гип-гип ура!!! — одновременно вырвалось приветствие из уст всех пассажиров .

— Ну! И что же будет с нами дальше? — еле сдерживая гнев, произнес мужик с мешком, ехавший на задней площадке трамвая.

— Многоуважаемая Глория, позвольте мне на минуточку воспользоваться Вашей сумочкой,— обратился профессор к только что вернувшейся из побега птице.

— Что вы с ней церемонитесь! Надо, так и возьми сам,— громко произнесла баба с гусем под мышкой.

— Господа! Господа ! Давайте, успокоимся и доверимся тому, что будет делать Михал Платонович,— обращаясь к публике, произнес студент.

— Михаил Платонович, расскажите всем нам, как мы сможем вернуться туда, где были до поездки в

нашем волшебном трамвае?

— С огромным удовольствием. Мы, как вам известно, отлучались из салона на некоторое время. Из нашего путешествия принесли необходимое вещество. Оно-то и поможет нам вернуться в свое время и в свое место,— продолжал профессор.— Я положу эту субстанцию в сумочку, и все вы, закрыв глаза, сразу же представляете то место, где были до поездки. Надеюсь, что все меня правильно поняли и услышали. Просто другого шанса у нас не будет, милостивые господа! — констатировал Михаил Платонович.

Все пассажиры замерли в ожидания дальнейших действий профессора.

Глория виновато протянула сумочку Михаилу Платоновичу, Василий протянул мыльницу с желеобразной массой. Быстрыми движениями профессор раскрыл мыльницу и вылил ее содержимое в ридикюль попугайки, сразу резко его закрыв.

— Глория, начинай свое волшебство!— скомандовал московский ученый.

Птица начала тихо произносить заклинание, а все пассажиры закрыли глаза и замерли в ожидании чуда. Красный железный трамвайчик тоже последовал их примеру.

Вновь салон заполнился зеленоватым туманом, и послышалась мелодия из лопающихся воздушных шариков. Прошла треть часа, но наш 234-й не спешил открывать глаза, а стал прислушиваться к звукам, которые окружали его. Было слышно тихое журчание, шипение и какое-то бульканье.

— Глория! Глория! Куда мы попали? — пропищал трамвай и открыл глаза.

Увиденное привело в оцепенение. Вокруг была вода, дно покрыто песком и ракушками, различные водоросли пытались опутать колеса трамвайчика. Мимо проплывали большие и маленькие рыбы. Странные предметы, покрытые илом, лежали на дне, а трамвай каким-то невообразимым образом двигался в этой среде, даже почему-то делал остановки, открывая и закрывая двери. В салон же входили, вернее, вплывали улитки, головастики и вот чудо — РУСАЛЫ и РУСАЛКИ!

Салон был пуст. В нем осталась лишь попугайка, а пассажиров как будто бы и не было.

— Глория! Глория! Я утонул! Мне конец! Я подводный трамвай! — обреченно произнес наш любимчик.

— Ты не утонул. Ты в царстве самого Водяного.

— У нас не принято кричать, от этого на реках и озерах волнения происходят,— хором залепетали речные нимфы.

— Глория — наша самая младшая и любимая сестра,— шепотом произнесла юная нимфа, с длинными, как шелк, зелеными волосами, немного похожими на водоросли.

— Она сейчас с отцом, в его хрустальном дворце, уж очень долго они не виделись,— сказала другая, тоже прекрасная нимфа, одна из дочерей Водяного.

— А могу ли я с ней встретиться? Мне так хотелось бы вернуться в свое депо, а отправить домой может только она — ГЛОРИЯ!

— Скажи, подводный трамвайчик, уж не влюбился ли ты в нашу сестрицу?

— Да это и так видно, что влюбился,— пропели другие нимфы, ехавшие в салоне 234-ого.

— Конечно, влюбился, а то как бы он здесь оказался,— хором произнесли нимфы постарше, тихо хихикая.

— Осмелюсь вас спросить, прелестные нимфы, как Глория может и летать, дышать воздухом, и плавать? — поинтересовался красный вагончик.

Нимфы засуетились. Заволновались. Образовав круг, стали о чем-то горячо спорить. Через несколько минут из круга вышла самая старшая нимфа и обратилась к подводнику:

— Мы посовещались с сестрами и решили, что ты тот, кто нам нужен!

— Нужен! А для чего? — робко произнес трамвайчик.

— Понимаешь, много лет назад в нашем речном царстве произошла такая история.

— Глория была очень юной, премиленькой нимфой.

— А мы иногда выходим из своих вод, и любим порезвиться на зеленой траве.

— В тот теплый, июньский день все мы сестры вышли на берег погреться на солнышке, и поплясать по зеленной травке. Глория тоже пошла с нами. Это была ее первая прогулка.

— Нам было очень хорошо. Мы пели, танцевали на берегу, и не заметили, что за высоким рогозом спрятался юный рыбачок. Он следил за нами, не отрывая глаз. Глория так разрезвилась, что не заметно для всех оказалась рядом с рыбаком. Их взгляды встретились. Сердца обоих забились в такт так сильно, что мы, услышав их биение, от неожиданности остановились и замерли.

А Глория обняла юношу и поцеловала. Вот так она и повстречала свою первую и самую светлую ЛЮБОВЬ!

— Что же было потом?

— Это и есть наша самая печальная история,— ответила одна из сестер.

— Глория стала почти каждый вечер исчезать из замка.

— А приходила только под утро.

— И вот однажды она пришла к отцу и объявила: «Я ухожу к людям, и стану женой Волхова».

— Никогда не бывать нимфе замужем за землянином,— грозно произнес Водяной, и стукнул своим трезубцем о дно речное,— продолжала рассказ старшая из сестер.

— Мы все попрятались кто куда.

— Но не ушли, а продолжали ждать, что же будет дальше? — вторила ее самая любознательная сестрица.

— Станешь удерживать, улечу как птица из родного гнезда, а без Волхова мне жизнь не мила! — пригрозила Глория отцу.

— Надо было видеть нашего отца в ту минуту.

— Лица на нем не было.

— Весь затрясся, щеки багровыми стали,— молвила первая рассказчица.

— Ну и будь говорливой птицей, лети из родного гнезда! — в сердцах произнес отец, и стукнул два раза трезубцем об пол.

— И наша малышка Глория превратилась в милого, белого попугая. Вылетела из объятий нашей реки и отца. Полетела к своему любимому.

— А Волхов увидев белую попугайку, не сразу понял, что это Глория.

— Поняв, что он стал причиной ее бед, замкнулся в себе. Стал чахнуть, чахнуть и от тоски умер.

— Глория наша покружила над родной рекой, над могилой любимого и улетела в дальние края,— со слезами на глазах договорила самая любопытная нимфа.

— Мы прибежали к отцу и давай его уговаривать: «Прости, батюшка, свою неразумную упрямицу. Она еще несмышленая. Прости ее и верни в родные пенаты, а мы исполним для тебя твою самую любимую песню?»

— Наши уговоры подействовали на отца, и он, отпустив свои обиду и гнев, заплакал и сказал: «Я, к моему сожалению, сам отменить свое СЛОВО не смогу. Это может сделать не живое существо, не мертвое. Оно должно быть не одушевленное, но с огромным любящим Сердцем. Оно должно полюбить Глорию в том обличии, в котором она будет находиться, и пожертвовать собой ради нее!»

— Пожертвовать собой?! — дрожащим голосом произнес трамвайчик.— Но я еще так юн.

— Как жаль. Мы-то думали, что ты и правда влюбился в нашу сестрицу — с досадой проговорили речные нимфы.

Трамвайчик задумался на некоторое время, и через недолгое молчание произнес:

— Хорошо, я готов помочь моей любимой. Что для этого мне надо сделать? Да, у меня есть еще один вопрос: «Что это за сумочки у всех вас на поясе?»

— Они даются всем царским дочерям при рождении.

— Значит, тот ридикюль, что у Глории, ее, а не Изольды Карповны?

— Изольда Лессовая — наша крестная мать, она хранительница лесов и полей.

— Понятно. Ну, так что же мне предстоит сделать? — полный решимости спросил 234-й.

— Мы знаем, что на вершине Оттай-скалы, есть Бали-камень, он Вили-ручей перекрывает.

— Камень отодвинь. Воды набери. Напои ею Глорию и сам выпей.

— И на могилку Волхова остатки вылей.

— И Глория вновь собою станет. Волхов оживет. Ты свою жизнь за них отдашь!

— Только надо дождаться полнолуния,— посоветовала самая любопытная из нимф.

— А когда настанет полнолуние? — осведомился стальной смельчак.

— Через три дня,— хором произнесли царские дочери.

— Три дня. Всего три дня мне жить, а увидеть мою любимою я смогу? — тихо поинтересовался безответно влюбленный трамвай.

— Мы покажем тебе дорогу к нашему дворцу, и окно комнаты, в которой жила и, думаем, что и сейчас будет жить наша непутевая сестрица — молвили две очень веселые и милые нимфочки.

— Так чего же мы ждем?! Давайте не будем медлить, и вы мне покажите мою ГЛОРИЮ!

Нимфы вновь собрались в круг. Пошептались. Поспорили, чем вызвали некую рябь на поверхности реки, и своей дружной ватагой окружили 234-й и потащили его в направлении, где уже много столетий стоял их прекрасный подводный дворец.

Пока они плыли таким странным кортежем, одна из сестер, самая старшая, вплыла в салон к нашему подводнику и тихо прошептала:

— Возьми мою сумочку, и не спорь! Мне она теперь не очень то и нужна. У меня есть местный жених русал, и у нас скоро свадьба, а тебе она поможет остаться в живых и вернуться в свое депо.

— А как же тогда я смогу спасти вашу сестрицу?

— Сможешь! Главное камень отодвинуть, воды проточной набрать и сделать далее все так, как мы тебе сказали!

— А что, умирать не обязательно?

Нимфа загадочно посмотрела на смельчака, и молча протянула ему свой ридикюль, быстро выплыв из салона, чтоб никто не смог заметить ее отсутствия.

Сумочка осталась висеть в кабине железного путешественника, а вся большая процессия довольно быстро перемещалась в направлении царских хором.

— Глория! Глория! — стучало в сердце 234-ого, и он трепетал всем своим огромным железным телом, в очередной раз волнуя речную гладь.

И вот вдали показались великолепные очертания подводного замка. Высокие башни, словно огромные деревья, поднимались вверх из речной пучины. Стены, украшенные ракушками и речным жемчугом отбрасывали солнечный свет, проникший на дно реки, так далеко, что на несколько метров вокруг палат было светло так, как и на берегу в летний день.

И вот перед отважным странником возник восхитительный, искрящий разноцветными камнями, дворец речного царя. Местные улитки и каракатицы как верные стражи торжественно охраняли вход в покои речного владыки — Водяника. Чудесное пение, издаваемое ракушками из покоев властелина, мягко обволакивало все пространство вокруг царственных чертогов. Очарованный увиденным, словно околдованный сладкой мелодией, трамвайчик замер перед стенами водяного владыки, как вкопанный.

— Ну и долго ты так собираешься стоять? — игриво толкнула плечом влюбленного безумца старшая из нимф.

— Ой! Ой! А где же моя Глория? — очнувшись от оцепенения, чуть слышно произнес искатель приключений.

— Скоро появится вон на том кружевном балконе,— проговорила младшая из нимф.

Я уже отправила рачка к ней с тем, чтоб он уговорил ее выйти из комнаты,— проговорила озорная нимфочка.

Доброе и отважное сердце-мотор нашего 234-ого замерло в ожидании встречи с предметом своей любви.

И вот он — долгожданный миг. На балконе появилась белоснежная фигурка Глории. Она смотрела куда-то вдаль, не замечая никого и ничего. Постояв некоторое время под балконом, глубоко вздохнув, 234-й медленно отправился прочь от дворца, в сторону берега, интуитивно определяя дорогу. И вот толщина водной глади стала все тоньше и тоньше, и яркое солнце нежно коснулось своими теплыми лучами железного корпуса отважного путника. Очутившись на берегу и осмотревшись по сторонам, наш смельчак задумался: «Где же мне искать Отгай-скалу и Били-камень?»

И пока он стоял и думал, перед ним тихо опустился туман. Из него таинственной походкой вышла Изольда Карповна и направилась прямо навстречу бедолаге.

— Ну-с, уважаемый, и что же мы стоим? — загадочно поинтересовалась дама неопределенного возраста, входя в салон краснобокого.

— А разве я могу двигаться без рельс? — робко произнес трамвайчик.

— Ты и не такое можешь! Поверь мне, отважный рыцарь. Главное — верь в себя, и тогда многое станет тебе подвластным. А теперь вперед, мой железный друг, я буду твоим капитаном!

— Вперед, капитан! — решительно произнес влюбленный.

Трамвай, словно птица, поднялся в небо. Невероятная легкость пьянила и немного покачивала грузное тело безумца. Усыпанные цветами, шелковые поля, раскидистые серебристые деревья плавно проплывали под ним. А вот и горный массив, будто седой вековой страж этих мест, гордо возвышается над рекой и равниной. Скалы становятся все ближе и ближе. Огромное каменное плато уверенно приближалось к летящему страннику.

— Жми на тормоз! Мы почти у цели! — скомандовала дама.

Трамвай резко нажал на тормоз. От резкого толчка сумочка, висевшая в кабине 234-ого, оторвалась от спинки кресла, на котором висела. Сделала невероятный воздушный кульбит и упала прямо в руки Изольды Карповны.

— Ого! — удивленно произнесла дама.— А это значительно облегчит нашу задачу! Спускайся, мой юный друг!

Огромная стальная машина уверенно спикировала вниз и плавно коснулась каменной площадки. Осмотревшись по сторонам, наш смельчак не увидел ни ручья, ни камня, перекрывшего его течение. Но ему был хорошо слышен хрустальный шум, возможно, горного потока.

— Я полагаю, нам туда? — повернув свою железную голову в сторону доносившегося гула, поинтересовался отважный искатель приключений.

— А ты догадлив, мой юный путник! Продолжим наш путь.

Через несколько минут трамвай с единственным пассажиром остановился прямо на краю горного ущелья. Говорливая речка шумела и искрилась.

— Ох-ох-ох! — невольно вырвалось у трамваюшки.

— Смелей, мой юный друг, не трусь! Нас ждут великие дела! — громко скомандовала Изольда Карповна.

Она наклонилась над сумочкой, вновь прошептала свое заклинание, и трамвай как легкий воздушный шарик поднялся вверх и плавно поплыл над глубоким, горным провалом. Но тут вдруг поднялся сильный ветер. Он стал раскачивать железный вагон, как листок на ветке дерева. 234-й закружило, он чуть не потерял сознание, но в этот момент повелительница лесов и полей вскинула руки к небу и стала кричать: « Ом! Ом! Ом!» И ветер, как послушный щенок, стал затихать, затихать и совсем затих, вроде его и не было вовсе.

Вот оно, заветное место! Показалось прямо под колесами нашего героя.

— Мы у цели! Спускаемся! — продолжала командовать Изольда Карповна.

С шумом грузная машина опустилась на ровную, горную площадку, по которой, спускаясь весело с горы, бежал звонкий ручей. А вот и Отгай-камень, перекрывший его быстрый бег, наполовину торчал из воды, которая образовалась вокруг него за все это время.

— Да, непростая задача!? — подумал железный смельчак, глядя на представшую его взору картину.— Ну, да ладно, обещал сестрам спасти Глорию, значит — спасу!

Тараном двинулся наш трамвайчик на Отгай-камень. Вода опять заполнила его салон и кабину. Мотор работал с трудом, постоянно выплескивая воду из своего тела.

Удар! Еще удар! Камень прочно стоит на своем месте. Собрав все свои силы, разозлившись на булыжник, упрямец неистово ринулся в очередной раз на своего соперника. Изольда Карповна, стоявшая недалеко от этого места, проделывала руками какие-то невероятные пассы. И вот, камень покачнулся, покачнулся и с грохотом покатился в сторону ущелья. Докатившись до его края, он завис над ним, будто птица раскрывшая крылья над своими птенцами. Река, сделав глубокий вздох облегчения, мощным потоком ринулась вниз по горе, весело журча и искрясь в лучах яркого солнца.

Наш смельчак зачерпнул воды из холодного потока в ведерко, которое всегда висело на его боку, ну так, на всякий случай, и вопросительно взглянул в сторону Изольды Карповны. Она повернула голову влево, как бы указывая направление дальнейшего движения. Вдалеке, в долине, у подножья горы Радуни возвышался небольшой, земляной холмик. На нем, сидела какая-то белая птичка. Разглядеть ее было невозможно. Влюбленный герой вместе с лесной волшебницей направился именно в эту сторону. Приблизившись, 234-й чуть не лишился чувств от удивления. На единственной могилке этой местности сидела белокрылая Глория. Солнце плясало на макушке Радунь-горы, ветер ласково гладил перья попугайки. Луч озорного солнца пощекотал железные бока огромной машины. Трамвайчик очнулся от легкого оцепенения, тело его дрогнуло и из ведра водопадом вылилась живая влага и на могилку, и на Глорию. В этот момент послышался страшный гул. Каменное плато стало подпрыгивать. Гора сделала несколько качкообразных движений, и то место, где было захоронение Волхова, резко провалилось вниз, оставив вместо себя глубокую яму. Ни тела Волхова, ни Глории не было.

— И что теперь? — растерянно произнес трамваюшка, повернув свое большое тело к Изольде Карповне.

— Ныряй в яму! — скомандовала дама.

— Была, не была, пусть погибну, но любимую спасу! — с этими мыслями железный прыгнул в образовавшуюся бездну.

Как долго летел трамвай вниз, он не помнил. Почувствовав почву под колесами, он огляделся по сторонам. Тьма окутала его, как мягкий меховой плед. 234-й включил фары. Свет мощною струей ударил в твердь. Вокруг, блистая мрамором, нашего героя окружали глухие стены. Длинный, сводчатый туннель убегал в неизвестность. Храбрец, долго не раздумывая, помчался навстречу тайне. Он оказался в круглой зале. Черный мрамор, украшавший все помещение, отражал колонны, подпиравшие мозаичный свод. В центре возвышался железный трон, спинку которого украшали железные змеи, летучие мыши и коты. Трон был пуст.

В помещении никого не было. Но что это? Откуда-то из глубины послышались тяжелые, глухие шаги. И вот в свете фар возникла фигура высокого и очень крепкого человека. Железные доспехи искрились от света, попадавшего на них. На голове величаво сиял обильно украшенный рисунками животных, царственный шлем. На правом плече лежал, вцепившись когтями в доспехи, молодой лев.

— Как ты посмел нарушить покой моих владений? — эхом раздался грозный голос хозяина подземелья.

— Я ищу белого попугая и юношу по имени Волхов,— уверенным голосом произнес наш смельчак.

— Я вижу ты — храбрый малый! — продолжал богатырь.— А зачем тебе они? Попавшие ко мне, здесь остаются навсегда. Ты знаешь, с кем говоришь?

— Не имею чести знать!

— Я — Флинц, владыка подземных недр и царь умерших. В моей власти все и вся, что здесь находится. Те, которых ты ищешь, у меня!

— Мог бы ты им дать свободу?

— Могу, но с одним условием.

— Скажи, чего ты желаешь?

— За две их жизни, одну твою,— хитро улыбаясь произнес Флинц.

— Хорошо! — уверенно произнес 234-й.

— Будь по-твоему,— властно произнес владыка.

И как только трамвай вымолвил свое желание, перед ним появился красивый юноша и милая, румяная, зеленовласая девушка. Глядя в ее глаза, трамвайчик понял, что это и есть его возлюбленная Глория. Чары отца пали, и она вновь стала той, которой была до ссоры с речным царем.

— Прости меня за все, мой смелый спаситель, если сможешь,— кланяясь в пояс произнесла речная нимфа.— Мы тебя никогда не забудем.

С этими словами молодые люди, держась за руки, направились вперед, туда, откуда струился слабый, солнечный свет. Они шли долго, не оборачиваясь, пока не исчезли из виду. Растворились окутанные легким,

но плотным туманом. Этот туман, словно сильный воздушный поток, вынес их к свету, к подножью горы Радуни, прямо в объятья крестной Изольды Карповны. А Отгай-камень в этот миг вздрогнул, покачнулся и покатился в обратную сторону. Словно мячик из крокета, прыгнул в яму и заткнул своим огромным каменным телом тот самый вход в царство владыки Флинца…

Пыль и мелкие камни дождем обрушились на голову и корпус нашего смельчака. Трамвайчик закрыл глаза и сделал последний вздох. Его смелое сердце остановилось.

Глория залилась горькими слезами. Она рыдала на плече любимого, а ее старая крестная, смахнув слезинку со щеки, раскрыла ридикюль, и начала сначала шепотом, затем все громче и громче произносить волшебное заклинание…

… Теплым весенним днем из старенького депо одного небольшого, но очень уютного и милого городка, выехал новенький, блестящий красный трамвай.

Он весело бежал по стальным рельсам и постукивал в такт весенней капели.

Мимо летели высокие и низенькие домики, и все приветливо кивали ему своими крышами. Вслед, чирикая, летела стайка взъерошенных воробьев. Деревья приветствовали его и покачивали ветками с набухшими почками. Весело! Радостно! В воздухе пахнет ВЕСНОЙ!

13 мая 2018 года, г. Тула

Владимир КОЛАБУХИН

г. Ярославль

Колабухин Владимир Гаврилович родился 5 июля 1937 г. в подмосковном г. Коломне. По образованию — юрист, по профессии — журналист. Автор нескольких книг прозы и стихов. Дипломант ряда отечественных и международных литературных конкурсов. Золотой лауреат германского международного конкурса «Лучшая книга года» (2015, 2017 гг.). Член СРП.

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ХРАБРЕЦ

Маленький Андрюша
Ел большую грушу.
Но лишь сел он с ней на стул,
Слышит —
Рядом грозный гул.
Мать кричит ему:
«Андрей!
Убегай от ос скорей!»
Он скосил чуть-чуть глаза
И в ответ ей так сказал:
«Что ты, мама, я не трус,
Никого я не боюсь!»

ИГРУШКИ

В нашей маленькой квартире,
Словно в лучшем «Детском мире»,
Там и тут одни игрушки:
Куклы, танки, сабли, пушки…
Днем они спокойны очень,
Но совсем другие к ночи:
Только я лицом в подушки —
Оживают вдруг игрушки.
И до самого утра
Все идет у них игра:
То Косой в трубу дудит,
Паровоз в ночи гудит,
То Лиса с Медведем — в прятки,
То запляшет Слон вприсядку,
То ружье стрельнет, то пушка,
То бабахнет вдруг хлопушка…
А моя сестренка Катя
Крепко спит в своей кровати.
Утром Катю разбужу,
Обо всем ей расскажу.
Может, не поверит мне:
Мол, привиделось во сне.
Жаль, конечно, если так…
Но мне в толк не взять никак:
Что здесь было этой ночью?
Я не спал, и это точно!

В МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ

В инее лохматом
Чутко дремлют липы.
Малыши лопатками
Ворошат снежок:
«Вот бы сделать Бабу!..»
Только снег со скрипом,
Только он не лепится,
Словно порошок.
А мороз все пуще
Щеки жжет и уши…
Вздрагивают липы,
Блестками горя.
Удивленно сыплют
Серебристым кружевом:
Все же получилась
Баба у ребят!

ПОДРУЖКА

У меня есть кукла Настя.
Вот уж счастье — так уж счастье!

Днем я с ней гулять хожу,
На ночь сказку расскажу,
Утром снова разбужу
И за столик посажу.
Вместе завтракать мы будем,
Вместе сны свои обсудим.
Я сошью ей платьице —
Пусть она нарядится.
А потом пойдем опять
Мы по улице гулять.
Хорошо мне вместе с Настей
В ясный день и день ненастный:
Мне красивая игрушка
Стала дивною подружкой.

ЕЖИК

С кочки,
Словно с полки,
Под ноги — прыг-скок!
Выкатился колкий
И живой клубок.
Ох, клубочек рыжий,
Опусти иголки,
Я ведь не обижу —
Отдохну у елки.
Развернулся ежик,
Зашуршал в травинках…
Много встреч хороших
На лесных тропинках.

ВЕСЕЛЫЙ МУЗЫКАНТ

Это кто там в огороде,
За окном моим, с утра
С развеселой скрипкой бродит?
Будит всех: «Вставать пора»!
Дверь с размаху отворяю,
И уже я во дворе.
Ба! Да это же играет
Музыкант, знакомый мне.
Он одет во фрак зеленый.
На груди — зеленый бант…
На пенек присел у клена
Длинноногий этот франт.
А вокруг на физзарядку
Собрались его друзья:
Две лягушки с дальней грядки,
Два жука, два муравья.
То к земле они пригнутся,
То закрутятся волчком…
Ну а струны чуть не рвутся
Под неистовым смычком.
Вот и я расправил плечи,
На руках прошелся вдруг…
Ай да наш скрипач-кузнечик:
Всех увлек в широкий круг!

КОТ И ВОРОБЕЙ

Бегал кот вдоль ворот.
За хвостом своим кружился.
Замер вдруг, насторожился,
По траве прополз немножко,
Притаился под окошком,
И глаза все зеленей:
Возле лужи — воробей
Чистит перышки на грудке
После утренней побудки.
И врага не видит кроха.
Не было бы крохе плохо!..
Кот все ближе, ближе, ближе
К воробьиному пушку,
Рыжий ус свой жадно лижет,
Изготовился к прыжку.
Ах, разбойник! Ах, злодей!
Прыгнул кот, но воробей
У него под самым носом
Проскочил к родным березам.
На сучок вспорхнул, не тужит.
Кот с прыжка — в большую лужу
Под березой угодил.
Все, кто рядом проходил,
Посмеялись над котом:
«Поделом!»

РАДУГА

Дождь прошел,
И предо мной —
Многоцветие дугой.
Я к нему бегу-бегу,
Но догнать все не могу.
А была я рада бы
Подружиться с радугой.

Галина ЗЕЛЕНКИНА

г. Кодинск Красноярского края

ЖАРОК-ОГОНЕК

В стародавние времена жил в одном селе молодой пастух по имени Никита. Все девушки села втайне мечтали выйти замуж за красивого синеглазого юношу. Но Никита со

всеми сельскими красавицами был одинаково приветлив. Такое поведение молодого помощника вызывало удивление и недоумение у старшего пастуха деда Анисима.

— Неужели тебе из наших сельских красавиц ни одна не нравится? — задал он однажды вопрос Никите.— Настенка Федорова чем тебе не пара?

— Она хорошая девушка, но я не люблю ее,— ответил юноша и так тяжело вздохнул, что у деда Анисима озноб пробежал по коже.

— Может быть, ты ждешь, когда тебя полюбит ледяная принцесса? — поинтересовался он.

Никита с любопытством взглянул на старшего пастуха и покачал головой.

— Не слышал про такую принцессу,— ответил он.— Расскажите…

— Можно и рассказать, только радости от этого не прибавится,— сказал дед Анисим и поведал юноше легенду о ледяной принцессе, которую слышал еще от своего деда.

— Далеко от нашего села, если пешком идти, то полгода пути будет, в глухой тайге есть одна сопка, на вершине которой находится вход в подземелье. Вход туда прикрыт огромной каменной глыбой, сдвинуть которую пытались многие богатыри, но никто не сумел. Дело в том, что после третьей попытки каждый из них превращался в камень. Поэтому путь к вершине сопки усыпан большими камнями. По ним-то и можно определить верный путь к входу в подземелье. Но с каждым годом желающих освободить из ледяного плена принцессу становилось все меньше и меньше. И вот уже скоро век, как никто не осмеливается рисковать своей жизнью ради куска льда. По крайней мере, так еще в детстве мне дед рассказывал.

Анисим остановился, чтобы перевести дух.

— А кто эта принцесса? — спросил Никита.— И кто ее превратил в лед?

— Какой ты нетерпеливый,— заметил старый пастух и продолжил рассказ.

Однажды король Айсман, правитель страны Вечных Льдов, надумал жениться и приказал своим верным служанкам Пурге, Вьюге и Метели найти ему невесту, да такую, чтобы краше в мире не было.

Разлетелись подруги в разные стороны: Пурга на запад, Вьюга на восток, а Метель на юг,— и через несколько дней каждая из них возвратилась с добычей.

Когда красавицы очутились перед троном короля Айсмана, то каждая повела себя по-разному. Белокурая Ядвига, едва взглянув на ледяное чудовище, упала в обморок. Брюнетка Лейла выхватила из-за пояса кинжал и вонзила себе в грудь. И только рыжеволосая Виринея с любопытством рассматривала короля, ожидая, что же будет дальше.

«Ты должна выйти за меня замуж»,— произнес тот так холодно, что красавицу зазнобило.

«Но я не хочу замуж»,— возразила Виринея.

«А твоего желания никто и не спрашивает,— ответил ей король Айсман.— Ты же не принцесса!»

«Принцесса! Принцесса! Принцесса!» — повторило эхо, и король был вынужден согласиться, что девушка и впрямь похожа на принцессу.

«Отныне будем называть тебя принцессой Виринеей»,— произнес король Айсман тоном, не терпящим возражений, и подошел к девушке, чтобы рассмотреть ее поближе.

Служанки последовали его примеру и стали кружить вокруг Виринеи до тех пор, пока она не упала на ледяной пол без сознания.

«Так-то лучше»,— произнес король Айсман и приказал Вьюге привести к нему старую ведьму по имени Стужа Лютая.

«Чего изволите, ваше величество?» — услышал король скрипучий голос ведьмы, внезапно появившейся перед его троном.

«Хочу, чтобы ты превратила принцессу Виринею в ледяную статую,— произнес король Айсман.— Мне нужна послушная жена, а не спорщица».

«Это не дело, а безделица,— ответила Стужа Лютая и подошла к лежащей на ледяном полу Виринее.— Поднимите ее и держите, чтобы не упала»,— приказала она Вьюге и Метели, и те послушно исполнили ее приказание.

Ведьма взяла Виринею за руки и стала дуть на нее. Дыхание Стужи Лютой на лету превращалось в ледяные сосульки, которые, впиваясь в тело девушки, покрывали ее тело тонким слоем льда. Спустя несколько минут принцесса превратилась в ледяную статую. Вьюга, Пурга и Метель, установив ее рядом с троном короля, разлетелись по своим делам, оставив короля Айсмана наедине со Стужей Лютой.

«А если я передумаю и захочу освободить принцессу Виринею из ледяного плена, то что я должен сделать?» — поинтересовался король у старой ведьмы о способе оживления девушки.

«Ты не сможешь этого сделать даже с моей помощью»,— ответила та.

«Это почему же? — удивился король Айсман.— Кто может заколдовать, тому по силам и расколдовать».

«Разрушать всегда легче, чем создавать»,— заметила Стужа Лютая.

«А есть такой волшебник, которому по силам оживить Виринею?» — спросил король Айсман, уже пожалев, что поступил так опрометчиво.

«Этого волшебника зовут Любовь»,— ответила старая ведьма и удалилась восвояси.

Король Айсман решил хоть как-то искупить свою вину, поэтому он приказал своим служанкам отнести ледяную принцессу в пещеру, что расположена внутри таежной сопки, и вход прикрыть большим камнем, трижды прочитав над ним заклинание, которое рекомендовала Стужа Лютая.

«Это, чтобы никто не смог увидеть принцессу Виринею и причинить ей вред,— объяснил он Вьюге, Пурге и Метели, зачем они каждая по разу должны прочитать заклинание.— А когда вернетесь, то организуете мне свадьбу с белокурой Ядвигой»,— произнес король Айсман, глядя в упор на своих ветреных служанок.

Заметив, что Вьюга и Пурга отнеслись к его сообщению неодобрительно, он решил пояснить свое решение.

«Должен же я на ком-нибудь жениться,— произнес он бесцветным голосом.— Хотя если честно сказать, то принцесса Виринея мне нравилась больше, но ничего не поделаешь. Каждый сам делает выбор».

Служанки завернули ледяную принцессу в шелковый ковер и, бережно придерживая ношу с трех сторон, полетели на юго-восток от страны Вечных Льдов, туда, где в глухой тайге находилась высокая сопка, внутри которой им приказано было спрятать принцессу Виринею от посторонних глаз. Они и сделали, как им было велено. А иначе и легенды бы не было.

Старый Анисим замолчал и посмотрел внимательно на своего помощника. Ему показалось, что Никита был занят своими мыслями и не слушал его. Но он ошибся.

— Так вот как зовут ту рыжеволосую девушку, которую я уже несколько раз видел во сне,— произнес юноша и глубоко вздохнул.

— Виринея — редкое и красивое имя,— заметил старший пастух.

«Придется мне искать себе другого помощника»,— подумал Анисим и благословил Никиту на поиски ледяной принцессы.

Едва забрезжил рассвет, Никита вышел из дома и отправился на поиски ледяной принцессы по маршруту, указанному старшим пастухом. Он хорошо запомнил слова Анисима о том, что самое трудное в пути — это в одиночку пройти через дремучий лес, чтобы выйти к широкой таежной реке.

Когда после месяца пути Никита наконец-то вышел на берег реки, то радоваться уже не было сил от усталости. Он упал в траву и заснул. Разбудили его чьи-то голоса. Он вскочил на ноги и посмотрел на реку. Большая баржа шла в нужном ему направлении.

«Если повезет и баржа попадется попутная, то путь сократишь втрое. На барже-то плыть веселее, чем идти вдоль берега, обходя буреломы и скалы»,— вспомнил он напутствие старого пастуха и стал громко кричать и размахивать руками, чтобы привлечь внимание людей, находящихся на барже. Его заметили, и весельная лодка с гребцом направилась в его сторону.

— Возьмете? — спросил он гребца, который причалил на несколько метров дальше, чем предполагал Никита.

— Быстро садись! — крикнул гребец, огромного роста детина с окладистой бородой рыжего цвета.— Стал бы я так надрываться, если бы капитан не приказал.

На этой барже Никита провел около месяца и сошел на берег вместе с бригадой плотогонов.

— Пятый по счету от начала улицы — дом Митрича,— сказал Федор, тот самый гребец, что доставил Никиту на баржу.— Попроси его показать дорогу к знахарке Агафье, которая от всех болезней излечивает.

Юноша тепло попрощался с людьми, которые за время долгого пути стали ему как родные, и отправился к дому Митрича.

Тот, выслушав просьбу Никиты, не стал торопиться исполнять ее.

— Сначала в баньке попаришься, переночуешь у нас, а рано утром и отправимся к Агафье,— ответил он и отвел юношу в баньку.

А жена его Авдотья тем временем одежду Никиты выстирала и возле дома на веревку повесила. А парню рубаху и штаны Митрича в предбанник занесла и крикнула, чтобы после бани надевал чистую одежду, которую она на лавке оставила.

Выйдя из парной, Никита увидел на лавке в предбаннике клетчатую рубаху и тканые штаны серого цвета.

«Должно быть, это одежда Митрича»,— подумал он, натягивая штаны, которые оказались ему впору, чего не скажешь про рубаху. Плечи у парня оказались шире, чем у Митрича, поэтому Никита накинул рубаху на спину, а рукава завязал на шее. В таком виде он и вошел в дом.

— Так и знала, что рубаха мала будет! — всплеснула руками Авдотья, увидев полуобнаженного гостя.

— На улице тепло,— ответил юноша, подходя к уже накрытому столу, куда его любезно пригласила хозяйка дома.

После сытного ужина Митрич с Авдотьей уложили Никиту отдыхать на лежанку, а сами отправились почивать на сеновал.

Чуть свет Митрич разбудил гостя, и, наскоро позавтракав, они отправились к старой знахарке Агафье, которая жила в лесу, в десяти верстах от дома Митрича.

Подойдя к маленькому домику Агафьи, путники увидели ее сидящей на крыльце.

— Заходите в дом,— пригласила она гостей.— Самовар готов, перекусите и отдохнете. В ногах правды нет!

Спустя некоторое время отдохнувший Митрич отправился в обратный путь.

— А теперь рассказывай, зачем пожаловал,— бесцветным голосом произнесла старая знахарка, усаживаясь на табурет возле прибранного стола.

Никита заметил, как она достала из кармана передника маленький стеклянный шарик и положила его на середину стола.

— Если неправду скажешь, то шарик покраснеет,— предупредила она юношу.

Когда Никита подробно рассказал все, что слышал от старого пастуха Анисима, то знахарка долго сидела молча, глядя на стеклянный шарик. Затем она встала и направилась в чулан, откуда принесла небольшой глиняный сосуд, запечатанный восковой печатью, и тонкую холщовую сумку с длинной ручкой.

— Я дам тебе сосуд с живой водой,— сказала Агафья.— Брызнешь из него по несколько капель на лоб, грудь, ноги и руки Виринеи, она и очнется.

— А как же я попаду в подземелье? — поинтересовался юноша.— Там же камень…

— Чтобы освободить вход в подземелье, надо расколдовать камень,— ответила Агафья.— А это может только жарок-огонек.

— А где мне найти его? — спросил Никита.— В ноги ему поклонюсь, помощи попрошу.

— Ты и так будешь каждому цветочку кланяться, пока букет из двадцати пяти полураспустившихся жарков-огоньков не нарвешь,— заметила старая знахарка.

— Так это цветок? — удивился юноша.— А я подумал было, что колдун или богатырь такой.

— Цветы тоже бывают волшебными,— ответила Агафья.— Просто не каждому человеку они свое волшебство дарят.

Затем знахарка вывела Никиту за дверь и указала рукой направление, где надо искать цветочную поляну.

— Только не сбейся со счета,— предупредила она юношу.— Ты должен сорвать ровно двадцать пять цветков. Если ошибешься, то цветы потеряют волшебную силу.

— Я постараюсь,— пообещал Агафье Никита и быстрым шагом направился в лес.

Цветочная поляна находилась недалеко от дома старой знахарки, и юноша быстро нашел ее. Увидев оранжевое море из цветов, он остолбенел от восхищения. Такой красоты не доводилось ему видеть прежде. Легкий ветерок раскачивал стебли цветов, и со стороны казалось, что цветы танцуют загадочный танец в такт дуновению ветра.

«Похоже и впрямь, что они волшебные»,— подумал Никита, осторожно пробираясь между цветами, отыскивая среди них полураспустившиеся и осторожно срезая стебли заговоренными знахаркой ножницами.

Чтобы не сбиться со счета, юноша после каждого срезанного цветка завязывал узелок на веревочке, что дала ему Агафья, и постоянно пересчитывал узелки. Когда срезанных цветов оказалось нужное количество, он перевязал стебли цветов веревочкой, как советовала знахарка, и аккуратно уложил цветы в сумку, в которой уже лежал сосуд с живой водой.

— Я сделал все так, как вы велели,— сообщил он Агафье, переступив порог ее дома.

— Проходи в кухню,— пригласила знахарка юношу.— Чаем напою и расскажу, как снять проклятие с камней.

— Я думал, что там один камень заколдован,— произнес Никита, с удивлением глядя на Агафью.

— Когда ты приблизишься к вершине сопки, то увидишь широкую тропу, вдоль которой с каждой стороны будет по шесть камней средней величины. Ты должен будешь на каждый камень положить по одному цветку. Когда подойдешь к входу в подземелье, то бросишь оставшиеся тринадцать цветков на большой камень со словами: «Проклятие, снимись! Камень, в снег превратись!»

— И все? — удивился Никита.

— Все,— ответила Агафья.— А богатыри помогут расчистить вход в подземелье.

— Какие богатыри? — удивился юноша.

— Те, которых ты жарком-огоньком освободишь из каменного плена,— ответила старая знахарка и, взяв под руку Никиту, вывела его из дома.

На крыльце юноша увидел старые растоптанные лапти большого размера и стал их разглядывать.

— Нечего на них смотреть! — произнесла Агафья строгим голосом.— Обувай прямо на сапоги. Как до сопки долетишь, то дернешь за завязочки, лапти и остановятся. Да поспешай, все хорошие дела надо успевать делать до захода солнца.

Едва только Никита справился с завязками, как неведомая сила подняла его в воздух и понесла над лесом к высокой сопке, видневшейся вдали. Долетев до тропы, ведущей к вершине сопки, юноша дернул за завязочки лаптей и плавно опустился на землю. Почувствовав под ногами твердую землю, он быстро снял лапти и привязал их к голенищам сапог. Затем Никита достал из холщовой сумки двенадцать цветков и стал подниматься вверх по склону, не забывая положить по цветку на лежащие вдоль тропы камни. Помня наказ старой Агафьи, он шел быстрым шагом без оглядки к вершине сопки.

Подойдя к огромному камню, закрывавшему вход в подземелье, Никита достал из холщовой сумки оставшиеся там тринадцать цветков и бросил их на камень, трижды прокричав заклинание.

Увидев, как огромный камень стал разламываться на две половины, юноша отскочил в сторону. И вовремя, так как один снежный ком, образовавшийся из первой половины камня, с треском и шумом покатился вниз по склону сопки, а второй снежный ком залепил вход в подземелье.

«Как же мне теперь освободить вход? — подумал Никита со вздохом.— Никакого ведь инструмента нет под рукой».

— Не переживай! Мы тебе поможем! — услышал юноша за спиной мужские голоса и оглянулся.

Увиденная картина его обрадовала: по тропе один за другим поднимались двенадцать богатырей.

Не прошло и нескольких минут, как вход в подземелье был расчищен.

Никита со слезами на глазах поблагодарил богатырей и каждому из них поклонился в пояс.

— Прощай, Никита! — ответили те хором.— Нам пора возвращаться в свое время.

И не успел юноша и глазом моргнуть, как богатыри один за одним исчезли, словно растворились в воздухе.

— Каждому свое! — воскликнул Никита и смело шагнул через расчищенный проход в подземелье.

Пройдя на ощупь несколько метров по узкому коридору, он очутился в небольшой пещере, мало освещенной тусклыми лучами света, пробивавшимися сквозь поры земли.

«Поэтому Агафья и предупреждала, что надо успеть до захода солнца»,— подумал юноша, подходя к длинному широкому камню, где на шелковом ковре лежала ледяная скульптура женщины.

Достав из холщовой сумки сосуд с живой водой, Никита окропил ею лоб, грудь, руки и ноги девушки, как ему и говорила старая знахарка. Стоя рядом со статуей, он во все глаза смотрел на нее, ожидая чуда. Но чуда не произошло, статуя не ожила.

«Она наверняка пить хочет»,— подумал юноша и вылил из сосуда оставшуюся живую воду на полуоткрытые губы ледяной принцессы.

— Я думала, что ты не догадаешься,— услышал он вдруг за спиной голос старой знахарки и резко повернулся на звук.

Но в сумеречном свете коридора трудно было уже разглядеть что-либо, и юноша подумал, что ему послышался голос Агафьи.

Когда Никита повернулся лицом к ледяной принцессе, то увидел живую рыжеволосую девушку, которая сидела на каменном ложе и с удивлением разглядывала все вокруг.

— Кто ты и где я? — спросила она, глядя в упор на незнакомого ей юношу.

— Пойдем на свет, Виринея,— вместо ответа произнес Никита и, взяв девушку вместе с ковром на руки, вышел из подземелья.

— Солнышко садится! — воскликнула Виринея и захлопала в ладошки, как ребенок.

— Спешить надо,— заметил Никита и, завернув девушку в шелковый ковер, перевязал полученный рулон в двух местах веревочкой с узелками.— Так мне будет удобнее тебя нести.

Юноша обул лапти на свои уже изрядно поношенные сапоги, потом присел и, положив рулон на согнутые колени, затянул завязочки на лаптях.

Но, вопреки его ожиданиям, лапти понесли его в другую сторону, и вскоре он увидел реку, по которой плыл на барже, а потом и дремучий лес, через который шел, чтобы попасть на берег реки.

«Эти лапти умеют уплотнять время»,— подумал Никита, увидев с высоты птичьего полета знакомое пастбище.

Ему стоило больших усилий, чтобы изловчиться дернуть руками за завязочки лаптей, не уронив при этом завернутую в ковер Виринею.

Когда Никита опустился на зеленую траву недалеко от старого пастуха Анисима, тот от неожиданности трижды перекрестился.

Юноша снял лапти, и они в тот же миг исчезли с его глаз.

«Видно, Агафья позвала их обратно»,— подумал он, освобождая девушку из шелкового кокона.

— Познакомься, Анисим, это Виринея,— представил Никита девушку подошедшему к ним старшему пастуху.

— Та самая ледяная принцесса? — не поверил старик и взял Виринею за руку.

Рука у девушки была теплая.

— Меня Никита расколдовал,— ответила с улыбкой девушка.— Без помощи жарков-огоньков это было бы невозможно.

— Это волшебные цветы,— сказал Анисим, пряча улыбку в седую бороду.— В них сила любви и добра заключена.

Спустя некоторое время Никита и Виринея сыграли свадьбу. В центре свадебного стола стоял оранжевый букет из двадцати пяти цветков.

Говорили, что какая-то старая женщина, пожелавшая остаться неизвестной, передала его в подарок молодоженам.

Но мы-то знаем, кем была эта женщина. Не правда ли?

Нина ГАВРИКОВА

г. Сокол Вологодской области

Родилась в г. Соколе. На пенсии по инвалидности, занимается кружевоплетением, пишет стихи и прозу. Член Академии российской литературы, ЛитО «Сокол» и МСТС «Озарение». Награждена медалью за заслуги перед МСТС «Озарение». Руководитель МДЛК «Озаренок». Победитель районного и областного конкурса «Золотая Юнона». Публикуется в журналах, альманахах и коллективных сборниках. Имеет три авторских сборника стихов и рассказов. Постоянный автор нашего альманаха.

ПОДАРОК ВНУКУ

Матвей рос любознательным ребенком. Он, как и все дети, любил перед сном слушать сказки. Обычно книги читал дедушка Федор, мамин папа, который жил вместе с ними.

Отца Матвея звали Никитой, маму — Оксаной. Никита работал водителем-дально-бойщиком, приедет домой на день, два, отдохнет и снова в рейс. Домой возвращался с новыми игрушками для сына, а как-то раз привез азбуку-раскраску. С порога схватил малыша на руки, унес в зал, усадил на колени, раскрыл книгу:

— Вот смотри, сынок, арбуз нарисован — это буква А…

Сначала Матвей совсем ничего не понял. Папа так торопился, что за несколько минут перелистал все страницы. Утром отец вновь отправился в рейс. Матвей же начал старательно раскрашивать цветными карандашами букву за буквой. В это время мама повторяла сыну названия букв. На удивление ей малыш все быстро запомнил и начал сам подбирать слова. Правда, они имели медицинский уклон.

— А — артрит. У — УЗИ. Мэ — мигрень. Бэ — бронхит. Гэ — гастрит.

Оксана удивилась, откуда ребенок все знает?! Дедушка рассудил так.

— Что слышит, то и повторяет. Ты даже дома не можешь переключиться, постоянно трещишь о работе и о разных болезнях.

— Феноменально! — Оксана расцеловала сынишку и начала объяснять, как буквы составлять в слоги, а потом в слова. Жалко, что ей много времени приходилось проводить на работе. Оксана — тренер ЛФК в санатории. Молодая женщина все силы отдавала любимому делу и зачастую приходила домой, когда малыш уже спал.

В ее отсутствие бывало и такое! Дедушка Федор, читал сказку, читал да и засыпал. Глаза его сами собой медленно закрывались, голова плавно опускалась на грудь. Он громко сопел и что-то невнятно бормотал. Матвей в такие минуты на цыпочках прокрадывался в спальню родителей. Забирался на компьютерное кресло, раскрывал мамины книги, рассматривал картинки, составлял буквы в непонятные слова.

Однажды Оксана вернулась с работы пораньше.

—Что ты тут делаешь?

Матвей, пойманный врасплох, признался:

— Дедушка задремотал, а я… а я… а я читал.

— Это книги для взрослых.— Мать закрыла медицинскую энциклопедию и убрала на книжную полку.

— Кто это задремотал? Я задремотал?! — Послышались шаги дедушки.

— Давно ты мои книги читаешь? — повысила голос Оксана.

Матвей вжался в кресло, испуганно смотрел широко раскрытыми серыми глазами то на маму, то на книги. Дедушка добрел до стола, поднял внука на руки, прижал кудрявую белокурую голову к широкому плечу.

— Не смей кричать на ребенка! Ишь, переполошилась! Подумаешь, ее книги малыш полистал, он же не порвал их и никакую государственную тайну никому не разболтал.— Дед погладил внука по спине, отнес в кроватку.

В ту ночь Оксана долго пробыла в детской, не зная, что делать, как поступить?! Она зачем-то перевернула коробку с игрушками, переставила мягкие игрушки, машинки, танки, стоящие на полке. Заглянула под кроватку сына — своих книг в детской она не нашла, как в прочем и других подсказок тоже. Оксана недоумевала, что же все-таки могло так увлечь сына в медицинских пособиях?!

На следующий день она разложила книги на столе. Попросила Матвея показать, что ему понравилось.

— Вот!— оживился малыш, раскрыв учебник по физической культуре, ткнул пальчиком.— Зарядка!

Он слез на пол, показал упражнения, изображенные на рисунках. Забрался обратно в кресло, вытащил из книги листы, сложенные вдвое, развернул их, подал Оксане. Сам ловко спрыгнул вниз.

— Гимнастика! Лечебная!— Безукоризненно выполнил ряд следующих упражнений.— Ее надо делать после инсульта. А после инфаркта надо разрабатывать кисть больной руки.— Он поднял карандаш, лежащий на столе, зажал его между ладонями и потер. Затем этот карандаш взял за кончики тремя пальцами обеих рук и покрутил его вперед и назад.

Оксана смотрела с изумлением — трудно, конечно, поверить, что ребенок в четыре года, только изу-

чив буквы, осознано читал профессиональную литературу, не просто читал, но и правильно применял знания на практике.

— Откуда ты это знаешь?

— Глазами запомнил! — серьезно ответил малыш.

С этого дня Оксана разговаривала с сыном исключительно как с взрослым человеком. Она рассказывала ему о всевозможных диагнозах и их последствиях, иногда делала акцент на конкретные заболевания, при этом более подробно объясняя, на какие группы мышц, какие нагрузки можно давать, а от каких лучше отказаться. Матвей внимательно слушал, запоминал и со знанием дела отвечал на поставленные ею вопросы. «Может, это гены?! — терялась в догадках Оксана?! — Ее-то мама (бабушка Матвея) — хирург со стажем».

…Приближался день рождения Матвея. Никита поинтересовался, что привезти в подарок? Малыш крепко обнял за шею и во всеуслышание заявил:

— Шкелет!

— Что-о-о? Шкелет? — переспросил Никита. Поставил ребенка на пол, с изумлением посмотрел на жену и тестя.— Зачем?

Оксана — стройная, высокая, белокурая женщина на вопрос мужа загадочно улыбнулась, приподняв правое плечо:

— У нас с тобой, возможно, растет будущий хирург или травматолог. Знаешь, ни один из них не может обойтись без глубоких знаний анатомии человека. Название костей в этом разделе медицины первоочередное дело.

— Вот это заявка! Да где ж я его возьму-то?! Скелеты на дороге не валяются и так просто в магазинах не продаются. Может, другой подарок выберешь?! — присев на корточки, отец с мольбой в глазах обратился к сыну.

— Шке-е-елет,— намеренно нарушая звукопроизношение, поставил точку в разговоре малыш, демонстративно повернулся и ушел в детскую.

Дедушка Федор от пожелания внука аж вспотел, на лбу выступила испарина, вспомнилось детство. Он тогда учился во втором классе. Будущая жена Мария сидела за первой партой, он — за второй. Как-то раз Федор не сделал домашнее задание, решил попросить у одноклассницы тетрадь, чтобы списать, дернул ее за косу. Машка среагировала моментально: развернулась и хлобыстнула его учебником по голове. И Серафима Петровна тут же навела порядок в классе, взяла его за ухо и отвела в лаборантскую. А там, в углу возле окна возвышался огромного роста скелет человека.

Федя ухмыльнулся, хозяином прошелся по комнате, деловито осмотрел плакаты и карты, развешанные вдоль стен. Весело подмигнул скелету, скорчил насмешливо рожицу. Потом, нарочито громко насвистывая любимую мелодию, вальяжно развалился на стуле, стоявшем в углу около дверей.

Но!.. Время шло, звонок с урока давно прозвенел, а он так и оставался в заточении. Веселость сменилась унынием. В ожидании учительницы второклассник много раз заглядывал в замочную скважину, прижимался ухом к дверям — да все тщетно. Видимо, о нем забыли. «Может, и ночевать придется здесь»,— затосковал Федор. Переставил стул на середину комнаты, сел на него, как на коня, уперся локтями в спинку, а кулаками в подбородок. Парню казалось, что уже наступил вечер, что в слегка затуманенное окно заглянула луна. А еще показалось, что теперь сам скелет подмигнул ему черной глазницей. Федор испытал такой страх, что никому из людей не пожелал бы ни разу в жизни испытать подобное. Он неуклюже попятился назад, прижался спиной к холодной двери, начал изо всех сил колотить и кричать, чтоб его выпустили.

А в это время одноклассники голосистой ватагой прибежали к тете Тоне (маме Федора, прабабушке Матвея). Весна в тот год пришла рано, на улице стояла теплая солнечная погода. Семья Федора жила в центре деревни в деревянном бараке. Тетя Тоня под окнами своей квартиры полоскала белье и сразу же развешивала на веревки, растянутые от стены дома к березам.

— Федьку к шкелету посадили! — ребята старались перекричать друг друга.

— Куда? К шкелету? — не сразу поняла, в чем дело тетя Тоня.

— В лаборантскую… к шкелету,— уточнил Алексей, друг Федора.

Невысокого роста, крепкого телосложения женщина схватила из таза прополосканное, отжатое полотенце, крепко сжала в кулаке, подняла вверх, будто замахнулась на кого-то, побежала в школу. Школьники бросились врассыпную, да любопытство взяло верх, и они понеслись следом. В школе мама Федора первым делом заглянула в класс, где учился сын. Широко распахнув дверь, она, не отпуская высоко поднятой руки, обратилась к учительнице:

— Где мой сын? Что с ним?

Второклассники забрались на трубу теплотрассы, проходившую вдоль стены, и, как мухи в солнечный день, облепили окна. Им было интересно узнать, испугался Федька скелета или нет? Серафима Петровна в тот момент сидела за столом, проверяла тетради.

— Антонина Федоровна, здравствуйте! Успокойтесь, пожалуйста! Федор хотел сорвать урок, поэтому наказан, сидит в лаборантской.

— Со шкелетом?! Тьфу,— бросила на парту мокрое полотенце мама Федора и поспешила исправиться: — Со скелетом?

— Ну, почему сразу со скелетом? Там у нас хранятся учебные пособия.

— И скелет! — закончила фразу Антонина Федоровна.— А вы подумали о психике ребенка? Остаться в восемь лет наедине со скелетом? Да ему там минута месяцем покажется, а час годом. Вы себя представили на его месте?! Ваше сердце от страха не затрепетало бы, как осиновый лист на ветру?! Сейчас же выпускайте моего ребенка из вашей лаборантской. И прошу впредь не самоуправствовать! Я — мать пятерых детей и сама знаю, когда и как их наказывать!

Здание школы напоминало букву П. Класс, где учился Федор, находился в правом крыле, а лаборантская — в левом. После уроков школа опустела, все шаги и голоса стали разноситься эхом по изогнутому коридору здания. Услышав сердитый голос мамы, Федор притих. Он не знал, что будет дальше, но на всякий случай спрятался под большой географической картой. Серафима Петровна отперла дверь, включила свет. Федор сидел, затаив дыхание, не шелохнувшись, да торчавшие из-под плаката ботинки выдали местонахождение. Мамина теплая рука нашла его под бумажным покрывалом. Отодвинув в сторону большой лист, Федор выпрямился, ему вдруг почему-то стало нестерпимо жарко, щеки и уши раскраснелись. Мама нежно обняла:

— Знаешь, скелет — это лишь учебное пособие, он совсем нестрашный. Вот, посмотри!

Взяла за руку Федора, хотела подвести к скелету, но тот упрямо упирался! Он не хотел больше ни видеть, ни трогать это мерзкое существо. Тогда мама встала сзади, шаг за шагом неторопливо подводила сына все ближе и ближе к скелету, при этом терпеливо объясняя, что это лишь муляж, что кости его не настоящие, что они сделаны из гипса, и детский страх растворился в материнской любви. Федор пересилил себя, осторожно дотронулся пальцами до кисти скелета. Посмотрел на маму и, решительно осмелев, взял и легонько тряхнул гипсовую руку, будто поздоровался. «А скелет вовсе не такой уж и ужасный!» — отметил для себя тогда Федор.

Мальчишки все это время следили за происходящим в окна школы. Когда Федор с мамой вышли на крыльцо, одноклассники обступили:

— Федька — герой! Федька шкелета не боится!

На следующий день Мария сама подошла к Федору и протянула тетради с выполненными заданиями. А он и не отказался, хоть накануне все уроки сделал сам! Для Федора было не только приятно, но и важно осознать, что Мария-отличница обратила на него особое внимание!

Сколько лет прошло с того дня? Полвека?! Нет, гораздомбольше! Подсознание вновь вернуло то острое детское чувство: к грудине, будто головешку горящую поднесли, а кожу спины, словно невидимые руки, разрывали на части. Дедушка Федор шумно выдохнул.

— Эхе-хе-хе! Детский страх — неприятная штука! Уж вроде забыл, а он вот опять дал о себе знать.— И никому ничего не сказав, побрел в гараж за велосипедом, решил съездить на малую родину, побывать в эпицентре своих воспоминаний.

Тихое осеннее утро. Дедушка Федор выехал на проселочную дорогу, свежесть осеннего воздуха бодрила. В небе, недавно освободившемся от мрачных лохматых туч, парил одинокий ястреб. Ветер-озорник бойко пересчитывал оставшиеся листья деревьев. Серая ворона, задрав голову, горделиво вышагивала поперек дороги. Заметив велосипедиста, она, громко захлопав крыльями, поднялась над лесом, и вскоре скрылась из вида.

Деревня выглядела сиротой. Молодежь разъехалась по разным городам. Родителей-стариков почти никого не осталось в живых. Правда, нескольких долгожителей, которым уже за девяносто лет, привозили на лето, но осенью дети их вновь забирали в свои квартиры. Школа, детский сад, магазин, почта, баня — все давно закрыто. Федор проехал по пустынной улице. Школа находилась на окраине. Туда на велосипеде не добраться, тропинка заросла бурьяном. Дедушка прислонил железного коня к почерневшему столбу, дальше побрел пешком. Он издалека увидел заброшенное здание школы. Стекла окон, как зубы в пасти акулы, торчали острыми осколками в разные стороны. Федор пробрался к парадному крыльцу, которое успело врасти в землю. Открыл висевшую на одной петле дверь. Запах гнили, плесени, сырости вырвался наружу. Он, осторожно ступая по прогнившим половицам, прошел по широкому коридору в левое крыло. Добравшись до цели своего визита, остановился, осмотрелся. Двери в классы, как и раньше во время уроков, плотно закрыты. Потолок коридора во многих местах провис и мог в любой момент рухнуть вниз. Он, чуть приоткрыв дверь, заглянул в лаборантскую. Комната оказалось пустой, карты и плакаты, видимо, вывезли в другие школы, а старый знакомый оставался на посту.

— Ну, здравствуй! Как ты тут?! Я за тобой! — Федор раскрыл-таки дверь, прошел к окну.— Ой, да ты и ростом-то ниже меня.— Дедушка не без интереса разглядывал кости скелета, они действительно были из гипса. Правая рука упала на пол, пальцы кисти наполовину раскрошились. Вдруг дед спохватился, он же не подумал взять с собой ни пакета, ни сумки, ни мешка. Почесал затылок, соображая как же все-таки своего «друга» донести до велосипеда, а потом еще и довезти до гаража.

В одном из классов Федор нашел обрывок картона, выцветшую старую штору, обрывки веревки. Вернулся в лаборантскую. Попробовал разобрать скелет по частям. Сначала с крючка снял череп, отсоединил кости ног и левую руку, аккуратно сложил все на штору, завязал узлом, чтобы ничего не растерять. Попробовал отцепить от постамента позвоночник с ребрами, да, видимо, шпунты от времени так сильно приржавели, что не трогались с места. Дед обернул ребра плакатом, обвязал остатками веревки. Пришлось в одной руке нести постамент, в другой — узел с костями. Ступая по шатким половицам, как по минному полю, вы-

брался наружу.

Оказавшись на свежем воздухе, Федор откашлялся, опустил поклажу на землю. Присел на сломанную ветром березу, вспомнился выпускной. Всю ночь они с Марией провели вместе. Он молчал, лишь заворожено наблюдал за своей спутницей, а Мария же, наоборот, безудержно рассказывала о своих планах: о том, что мечтает продолжить династию и стать врачом, и не каким-то там фельдшером, как мама, а настоящим хирургом! Она хотела дарить людям радость, возвращать их к жизни. Все сбылось! Мария окончила институт. Федор, отслужив в армии, предложил расписаться. Выйдя замуж, получила свободный диплом, осталась работать в городе и жить вблизи от деревни.

— Скольким людям помогла вернуть потерянное здоровье, а себя-то вот и не сберегла,— по-стариковски заворчал дедушка Федор.— Что и говорить, разве раковую опухоль интересует должность или профессия, уж если заберется в человека, то пиши — пропало. Да и сами врачи виноваты — других лечат, а на себя рукой машут.

Вспомнилось, как ждали появления первенца, как радовались. Счастье, как спичка, вспыхнуло и погасло! Дочь Оксана родилась здоровой, а вот Марию спасти не удалось. Ему же пришлось отказаться от походов в море и начать вести оседлый образ жизни, пришлось устроиться работать на комбинат слесарем.

Громко кряхтя, дедушка Федор поднял с земли поклажу.

Около столба он нашел еще одну веревку, которой привязал к раме постамент. В багажник, прикрепленный к переднему колесу, положил бесформенный узел с костями и пешком отправился в обратный путь.

Спустя час добрался до города и, понурив голову, устало шел по улице и катил велосипед, ветер растрепал плакат, привязанный к постаменту, оголив пожелтевшие ребра скелета. Автомобилист из встречной машины высунулся в окно, притормозил:

— Гражданин, что это у вас привязано к раме?

Дедушка Федор шутливо отмахнулся:

— Скелет моего врага! Будешь много спрашивать, таким же станешь!

Автомобилист побледнел, нажал на газ, скрылся за поворотом.

Дедушка Федор добрался до гаража и только хотел открыть ворота, как услышал гул машины и рев сирены. Обернувшись, остолбенел: сзади него стояла полицейская машина, кто-то прохрипел в громкоговоритель:

— Велосипед к стене, руки вверх!

Дедушка Федор наклонил велосипед на гараж, поднял руки, которые оказались на водостоке крыши. Один из полицейских поспешил проверить у дедушки Федора наличие оружия. Другой — осмотрел велосипед, разрезал веревку, поставил постамент, разорвал плакат, оголив позвоночник и ребра скелета. Снял с багажника бесформенный узел. Кости рассыпались по асфальту. Тут же подскочил тот самый автомобилист:

— Ничего не пронимаю. Что это?

Дедушка Федор вдруг узнал в горе-автомобилисте одноклассника:

— Шкелет — это, Леха, учебное пособие!

— Федька, ты что ли?! А я сразу-то тебя и не узнал, давно не виделись.

— Узнал, не узнал. Зачем притащил этот хлам в город, хулиганов пугать надумал или вместо чучела решил использовать? И вообще, кто ложный вызов оплатит? — подошел полицейский с громкоговорителем в руке.

— У внука скоро день рождения, хотел подарок сделать. Матвей хочет продолжить династию врачей, в четыре года уже такое знает, что многие врачи-профессионалы удивились бы!..

— Это не Марии ли Александровны внук, сын Оксаны Федоровны?

— Так точно, он! Да только вы-то, откуда его знаете?

— Как не знать? Ваша жена оперировала мою маму, а дочь поставила на ноги тещу после инсульта. Считаю, что Матвея пора отправить в Москву на телепередачу «Лучше всех», пусть Галкина, да и всю страну удивит своими познаниями. А скелет мы ему найдем настоящий!

— Что вы, что вы, не надо настоящего.

— Ой, простите, не так выразился, конечно, не настоящий. Я хотел сказать, что более современную модель подберем. А сейчас прощу прощения. Работа! — полицейская машина скрылась из вида.

Алексей, приехавший в отпуск к родственникам, так обрадовался встрече, что помог дедушке Федору собрать, отреставрировать и покрасить их общего старого «друга». Он даже признался, что в детстве немного завидовал бесстрашному Федору, сам-то так ни разу не побывал в этой лаборантской.

В день рождения Матвея, дедушка Федор с самого утра привел внука в гараж, показал подарок. Малыш осмотрел скелет со всех сторон и запрыгал:

— Теперь я могу его взять в садик, показать ребяткам!

— Нет, пожалуй, в детский сад не надо. Детки еще не готовы к подобной встрече! — не одобрил желание внука дед.

Только они вернулись домой, как во двор въехала полицейская машина. Никита вместе со знакомым полицейским достали из багажника большую картонную коробку, поднялись в квартиру. Матвей сначала даже немного растерялся, так как второй подарок оказался лучше первого, это была усовершенствованная модель, которая к тому же могла при помощи пульта поднимать руки и сгибать ноги. Но… теперь у малень-

кого Матвея живут два скелета: один — старенький, залатанный, еще помнящий юного дедушку Федора, отважно оставшегося с ним однажды один на один, и потому памятный и бережно хранимый, второй — современный, сверкающий своими совершенными металлическими шарнирами, с его помощью Матвейка познает такой интересный ему мир анатомии.

Людмила ПЕНЬКОВА

г. Тула

НЕ ПЛЮЙТЕ НА ЗЕМЛЮ, ОНА ВЕДЬ ЖИВАЯ

Дело было в городе Счастьедар, который считал себя самым счастливым городом. «Почему, если не секрет, ты называешь себя счастливчиком? — спрашивали его. «Не секрет,— с радостью отвечал город. Люди, которые являются моими жителями, горожанами — несказанно красивые люди! Они красиво думают, доброжелательно общаются между собой и совершают красивые поступки — заботятся о моем здоровье, привлекательности, чистоте и уюте. Благодаря их вниманию, я такой светлый, лучистый, радостный. Согласитесь, приятно пройтись по улицам красивого, ухоженного города! Красота не может оставлять равнодушными никого! Она вызывает улыбки на лицах людей, а улыбки наполняют их жизнь радостью, делают ее более яркой и праздничной! В этом и заключается мое счастье!»

Надо сказать, горожане, действительно, любили свой город, бережно и уважительно к нему относились, старались делать его с каждым днем еще краше! Эти люди были высококультурными. Никто из них не позволял себе обижать другого человека. Никто из них не позволял себе плевать на землю. Им было непонятно, как можно так необдуманно, несправедливо поступить по отношению к нашей очаровательной родной планете Земля — плевать ей в лицо! Она такого немилосердного отношения к себе не заслуживает! Мы — все земляне, дети нашей Земли. Она, конечно же, чувствует боль и огорчение — в таких случаях. Земля ведь живая!

В городе было так чисто, что, если бы вы даже очень постарались найти на его улицах и площадях, хоть единственную соринку, вы бы зря потратили время! Каждый житель знал, что — для мусора есть урны! Словом местные люди дорожили чистотой и уютом того края, где проживали.

В ста километрах от города Счастьедар находился другой город.

Город назывался Можлуч от слов «можно лучше». Жители Можлуча по разному относились к своему родному городу. Люди высококультурные берегли его красоту и чистоту, и таких горожан было подавляющее большинство. Другие, к счастью немногочисленные, обладали низкой культурой поведения в обществе, а потому мусорили, не стесняясь, открывали свой рот и для неблагозвучных слов, тем самым мешали городу быть самым счастливым среди всех остальных городов. Городов, в которых проживали бы сплошь и рядом только грязнули, к счастью, не бывает. Не бывает потому, что все они не выжили бы в таких непригодных для жизни условиях.

Однажды, как это случается в сказках, неизвестно каким ветром, в город Счастьедар занесло жителя из города Можлуч. Человек оказался из того числа людей, кому безразлична красота и чистота. Совершенно не задумываясь о том, что делает, он, докурив сигарету, швырнул окурок себе под ноги и, плюнув прямо на тротуар, хотел продолжить путь, но не тут то было! Город, который все это видел, мгновенно прореагировал на некультурное поведение гостя. Он счел его действия неуважительными по отношению к себе, а значит своим землякам-горожанам. Молниеносно на месте плевка появилось ведро с водой. Откуда ни возьмись, на руках нарушителя приземлилась швабра, она как будто прилипла к его рукам и тащила за собой к ведру. Владу, а гостя звали именно так, ничего не оставалось делать, как повиноваться ей. Он не только отмыл тротуар на месте своего плевка, швабра заставила его освежить территорию на пятьдесят метров вокруг. Это для того, чтобы урок был хорошо усвоен. А урок такой — согласно главному закону нашей родной Вселенной — закону притяжения, невозможно причинить зло другим людям, не причинив его и себе тоже. Владу пришлось подчиниться швабре, другого выхода у него не было.

На этом неожиданности для Влада не закончились. Окурок, невольно собравший недовольные взгляды возмущенных прохожих, прямо с земли снова оказался во рту того, кто его выбросил. О, как же Владу было отвратительно неприятно держать в зубах окурок, по которому прошлась не одна пара обуви пешеходов. К тому же окурок еще и пронзительно покрикивал: «Почему ты не опустил меня в урну, я тебя спрашиваю?! Заставил краснеть перед людьми! Всему же свое место, пойми! Цветам — клумбы и цветочные магазины, пешеходам, переходящим проезжую часть дороги — пешеходный переход, шапке — голова и так дальше. Ты понял меня?!» Окурок так плотно сидел между зубами курильщика, словно склеил собой верхний ряд зубов с нижним, поэтому Влад смог только искренне кивнуть головой в ответ. В следующее мгновение стиснутые зубы разжались, и он поспешил отправить говорящий окурок в урну. Оттуда донесся голос его бывшей сигареты: «Вот теперь я на своем месте! Спасибо!»

Влад почесал затылок: «Вот это приключения! Расскажу в своем городе, не поверят!» Он огляделся по сторонам, без преувеличения, вокруг царила красота и чистота! Влад впервые почувствовал, как это приятно замечать красоту, радоваться ей, не нарушать ее течение, а значит, самому быть частичкой этой красоты! Он некоторое время стоял и смотрел на прохожих, которые шли по тротуару, вымытому его руками, и ему было совсем не безразлично то, как люди относятся к чистоте и порядку.

Город приветливо приглашал теперь уже высококультурного гостя Влада в любой из своих живописных уголков.

Пространство города — это общая территория для всех людей, его населяющих. По состоянию города судят о людях, которые являются его жителями, горожанами. Любить свой город, значит поддерживать в нем порядок, сохранять и умножать его красоту, при этом, проявляя свои лучшие человеческие качества — любовь к окружающему миру, милосердие, доброту, уважение.

Не плюйте на Землю, она ведь живая,
Добрая, щедрая и не чужая!
Счастья желает нам, мира и света
Лучшая в космосе наша планета!
Любите свой город, не засоряйте,
Быть краше других городов помогайте!
Ведь города сердце, конечно же — люди!
Давайте об этом всегда помнить будем!
Быть грубым, неряшливым плохо вдвойне
Тебе самому и, конечно, стране!

Людьми, в ком культура вообще не видна,
Бесспорно, не может гордиться страна.
Старайся порядок во всем соблюдать,
Слова для общенья с людьми подбирать.
Слова сорняки засоряют пространство,
Ругательства — тоже плоды хулиганства!
«Получишь лишь то, что другому отдал»,—
Мудрец всем напутствие светлое дал!
Иными словами — «Что сеял — пожнешь!»
Получишь добро, коль его отдаешь!

О СКАЗКАХ

Ни один человек не вышел в жизнь из детства, не узнав, что такое сказка. Сказка, вовлекая в свое волшебство, очаровывает нас и уносит на крыльях захватывающих событий в мир небывалых чудес. Только в сказках птицы, звери, цветы, звезды, облака, разговаривают, как люди, дают мудрые советы, а люди умеют летать, как птицы, прыгать в котел с кипящей водой и становиться еще краше, мчаться на сером волке, как на стремительном быстроногом скакуне.

В сказках всегда прославляются ум, смекалка, трудолюбие, отзывчивость, бескорыстие. В них высмеиваются жадность, хвастовство, безделье, равнодушие.

Сказки очень хотят, чтобы все мы люди, уже с самого детства понимали: сердце, сияющее чистотой и любовью, побеждает зло, рассеивает его призрачные силы. Доброта, сострадание, милосердие являются яркими лучами солнца любви и никогда не позволят темноте сгустить свои краски настолько, чтобы одержать победу.

А еще сказки очень выразительно говорят нам о красоте окружающего мира, о его участии в нашей с вами жизни. Они красноречиво дают нам понять, что все мы: люди, птицы, животные, звезды, цветы, моря и горы являемся частичками Вселенной. Вселенной мудрой, творческой, любящей нас.

Все мы знаем из реальной жизни, как животные и птицы могут привязываться к человеку, с преданностью и нежностью настоящего друга смотреть нам в глаза: здесь уже не нужны слова, чтобы услышать, что рассказывает их любящее сердце.

Цветы тоже не остаются в стороне: активно участвуют в нашей жизни, не только украшая ее, но и сопереживая человеку. Они способны повышать наш иммунитет, лечить, очищать воздух. Ученые выяснили, что цветы общаются между собой на своем цветочном языке. Слуховой аппарат человека устроен так, что мы не слышим разговор цветов. Не будем грустить по этому поводу. Своей сказочной внешней красотой и волшебным ароматом каждый цветок рассказывает о своей внутренней красоте. Всем известно, что без внутреннего сияния не бывает и внешнего.

А самое главное, сказки уверены, что мир, в котором мы живем тоже волшебный. Они стремятся разбудить в нас с вами умение видеть знаки волшебства в реальной жизни. Одним из них является улыбка. Да! Да! УЛЫБКА! Ее понимают все люди нашей удивительной и прекрасной планеты Земля, где бы они ни жили и на каком бы языке ни разговаривали.

Дорогие друзья! Давайте же чаще улыбаться, улыбаться сказкам, солнцу, цветам, друг другу. Улыбка — это отраженное на нашем лице солнышко. Она имеет свойство размножаться и притягивать к себе светлые волшебные силы Вселенной. Без сомнения, наши улыбки добавят красоты и света окружающему миру.

Дина ЮДИНА
г. Тула

В ДОМЕ

В доме теперь счастье —
В доме теперь дочка!
И не в моей власти
Слезы сдержать в строчках.
Слезы от осознанья
Жизни смешной и хрупкой!
Слезы от восхищения
Чуть заметными зубками!
Первая ложка каши,
Сморщенный дочкин носик,
Ночи в обнимку наши —
Счастье в дом приносят.
В доме теперь чудо!
В доме теперь сказка!
Переполох всюду —
Стоит открыть глазки.
Взяли мы в руки книги —
Доченька в восхищении!
Солнце оставит блики
В комнате на мгновение.
Пальчик чего коснется —
Все ему незнакомо.
Слезок поток прольется
Будто гроза. Да с громом!
Дом для того и нужен,
Чтобы в нем строить счастье
И ежедневный ужин
Делать все с той же страстью!

КОСЫ

Косы заплетала мама дочке,
Знали руки как и что плести:
— На плечах твоих пусть ангелочки
Просидят весь день, чтобы спасти.
Завяжу банты, чтоб ты смеялась.
Яркие! Ступай смелее, дочь!
Мне когда-то о тебе мечталось
В звездную волнующую ночь.
Сколько было нас на свете белом…
Как далек исток этой реки…
Пусть порой мы жили неумело —
На земле дороги нелегки.
Улыбаясь, в пряди бант вплетала
Мама милой доченьке своей.
И весна над миром расцветала,
И светило солнце все сильней.

СОКРАЩЕНИЯ

СПР — Союз писателей России
СРП — Союз российских писателей
СЖР — Союз журналистов России
РСПЛ — Российский союз проф. Литераторов
МСПМИ — Международный союз писателей и мастеров искусств
ЛНР — Луганская народная республика
СП — Союз писателей
ИСП — Интернациональный союз писателей
ТГПИ — Тульский государственный педагогический Институт (ныне ТулГПУ)
МААНОИ — Международной академии авторов научных открытий и изобретений
ЛО — Литературное объединение
ТДС — Тульская духовная семинария
ТулГУ — Тульский государственный университет
ВИЖ — Всероссийский институт журналистики
МБТ — Московский библиотечный техникум
МОГИ — Московский обл-й гумманитарный инст-т
ТПИ — Тульский политехнический инст-т (ТулГУ)
МСП — Международный Союз писателей «Новый Современник»
РСП — Российский союз писателей
ОМЛО «Муза» — Областное музейно-литературное объединение «Муза»
АРЛ — Академия российской литературы
РМСП — Российский межрегиональный союз писаТелей
СЖ — Союз журналистов
РО — Региональное отделение
МПО — Московская писательская организация
ПАНИ — Петербургская академия наук и искусств
ТО — Творческое объединение
ЦИПК — Центральный институт повышения квалификации
МЛО «Клио» — Молодежное литобъединение «Клио»
РВИО — Российское военно-историческое общ-во
ЯГПУ — Ярославский государственный педагогический университет
ЛитО — литературное объединение
СХР — Союз художников России

ЮБИЛЕИ

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ:

Ордена Г. Р. Державина всероссийскому журналу «Приокские зори» с 15-летием!

Тульской писательской организации Союза писателей России с 60-летием!

Литературному объединению «АЛЛО» г. Алексина Тульской области с 90-летием!

Творческому объединению «Каменка» (с. Архангельское Каменского района Тульской области) с 25-летием!

Государственное учреждение культуры Тульской области
«Региональный библиотечно-информационный комплекс»
Тульская областная научная библиотека

ДИПЛОМ
«ВЫБОР ЧИТАТЕЛЯ»

награждается
дипломант виртуального книжного фестиваля
«Тульский библиогид»

Редакция журнала
«Приокские зори»

за книгу

Литературно-художественный альманах «Ковчег» (2019)

Генеральный директор
ГУК ТО «РБИК»
Ю.В. Иванова

Тула. 26 сентября 2020 года

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА..... 4

Владимир Николаевич КРУПИН (г. Москва)……... 5

Двенадцать духовных наставлений преп. СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО……... 8

Преподобный СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ. Н. ЯРОВСКАЯ..... 9

Ольга РОЖНЕВА (г. Пермь)..... 14

Поучения преподобного АМВРОСИЯ ОПТИНСКОГО..... 18

Русские писатели и деятели науки и искусства о культуре и нравственности..... 19

Сергей Тимофеевич АКСАКОВ…… 19

Федор Иванович ТЮТЧЕВ…….. 19

Николай Васильевич ГОГОЛЬ…… 20

Николай Константинович РЕРИХ……. 21

Александр Иванович СУБЕТТО (г. Санкт-Петербург)……. 22

К ДЕСЯТИЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ «КОВЧЕГА»…… 28

Ольга ВОСТРИКОВА. «Тульские бренды»…… 29

Игорь КАРЛОВ. «И «Ковчег» плывет…»…… 30

Людмила АЛТУНИНА. «Ковчегу» — 10. Виват! Живи и здравствуй!»…… 31

Евгений ТРЕЩЕВ. «К юбилею альманаха «Ковчег»…… 33

Елена ГАДЕНОВА. «С юбилеем «Ковчег»!……. 35

Людмила ПЕНЬКОВА. «Литературно-художественный альманах «Ковчег» — юбиляр!» ……. 36

ПРОЗА……... 38

Яков ШАФРАН (г. Тула)…….. 39

Владимир ГУЛЯЕВ (г. Барнаул, Алтайский край)……... 40

Магдалина ГРОСС (д. Истомино Балахнинского р-на Нижегородской обл.). …... 42

Павел ПОДЗОРОВ (г. Бобруйск, Белоруссия)…… 46

Михаил СМИРНОВ (г. Салават, Башкирия)……... 47

Владимир ГЕРАСИМОВ (г. Тюмень)…….. 51

Ляман БАГИРОВА (г. Баку, Азербайджан)…… 58

Евгений СКОБЛОВ (г. Москва)……... 61

Геннадий МАРКИН (г. Щекино Тульской обл.)…… 63

Алексей ЯШИН (г. Тула)……. 65

Вячеслав МИХАЙЛОВ (г. Москва)…… 70

Наталья ШЕСТАКОВА (г. Брянск)……. 76

Галина СОЛОНОВА (г. Сельцо Брянской обл.)…… 79

Лариса СЕМЕНИЩЕНКОВА (г. Брянск)……... 81

Олеся МАМАТКУЛОВА (г. Алексин Тульской обл.) …….. 86

Николай ЗАЙЦЕВ (г. Талгар Алма-Атинской обл., Казахстан)……... 89

Олег СЕВРЮКОВ (г. Москва)……. 88

Людмила ПОПОВА (г. Москва)……. 89

Владимир ВЕЩУНОВ (г. Нижний Новгород)…… 92

Петр ЛЮБЕСТОВСКИЙ (КУЗНЕЦОВ) (г. Сельцо Брянской обл.)……... 96

Галина МАМЫКО (г. Симферополь)…….. 100

Валентина МАЦНЕВА (с. Архангельское Каменского р-на Тульской обл.)…….. 103

Игорь КАРЛОВ (г. Москва)…….. 106

Николай МАКАРОВ (г. Тула)…….. 107

ПОЭЗИЯ..... 111

Наталия ПАВЛОВА (г. Венев Тульской обл.)…… 112

Ольга БОРИСОВА (г. Самара)……..... 112

Тамара ГРИЦЕНКО (п. Заокский Тульской обл.) ……. 114

Олеся МАМАТКУЛОВА (г. Алексин Тульской обл)…….. 116
Евгений ШЕПЕЛЕНКО (г. Самара)…… 117
Сергей ФИЛИППОВ (г. Москва)……. 118
Анна МИКАЕВА (г. Отрадный, Самарской обл)……..…… 119
Валерий СУХОВ (г. Пенза)…….…… 119
Татьяна ПАНОВА (г. Красноярск)…….…….…… 121
Юлия КОЛОБКОВА (с. Архангельское Каменского р-на Тульской обл.)…….. 121
Валентина ПИНАЕВСКАЯ (г. Тула)……..…… 122
Николай ТИМОХИН (г. Семей, Казахстан) ……..…… 123
Яков ШАФРАН (г. Тула)……..…… 124
Юлия ВОЕВОДИНА (г. Серпухов Московской обл.)……..……. 126
Борис РЯБУХИН (г. Москва)……...…… 126
Алена АЛЕЩЕНКОВА (г. Москва)…… 127
Марина ЩЕНЯТСКАЯ (г. Белгород) …….…… 128
Сергей РЕДКОВ (г. Тула)…….…… 129
София МАКСИМЫЧЕВА (г. Ярославль)……... 130
Любовь БОНДАРЕНКО (г. Свердловск, ЛНР)..…...……. 132
Любовь САМОЙЛЕНКО (г. Тула)……..…… 133
Эдуард ГЕОРГИЕВСКИЙ (г. Тула) ……..…….…… 133
Елизавета БАРАНОВА-ВЕСИНА (г. Тула)……..…….. 135
Владислав БУСОВ (г. Кашира Московской обл.)……..… 135
Валерий ДЕМИДОВ (г. Тула)……...……... 137
Ирина МАЦНЕВА (с. Архангельское Каменского р-на Тульской обл.)……..… 140
Галина ЗЕЛЕНКИНА (г. Кодинск Красноярского края)……..…… 141
Надежда МИЛЛЕР (г. Санкт-Петербург)……..……. 143
Любовь САМОЙЛОВА (с.Архангельское Каменского р-на Тульской обл.)..…… 144
Лариса ЧАСОВСКАЯ (РОЕВА) (г. Щекино Тульской обл.)…… 145
Нина МЫЛЬНИКОВА (г. Новомосковск Тульской обл.)……. 146
Тамара САМОХИНА (с. Архангельское Каменского р-на Тульской обл.)..…..... 146
Людмила ПЕНЬКОВА (г. Тула)…….. 147
Владимир ГУЛЯЕВ (г. Барнаул)……..…… 148
Наталья АРТЕМОВА (п. Медвенка Курской обл.) ……...…… 150
Валерий ВИНОГРАДОВ (г. Алексин Тульской обл.)……... 151
Ольга ПРИСТУПЕНКО (г. Азов, Ростовская обл.) ……...……... 152
Виктор МЫЗНИКОВ (г. Тула)…..…… 153
Леонид ЗОЛОТУХИН (Заокский р-н Тульской обл.)…… 154
Наталия СИЛАЕВА (г. Серпухов Московской обл.)……..... 156
Анна БАРСОВА (А. БАРСЕГЯН) (г. Екатеринбург)…….……... 157
Лариса ЛЕБЕДЕВА (д.Яблонево Каменского р-на Тульской обл.)…… 157
Ирина КОНОВАЛОВА (с. Архангельское Каменского р-на Тульской обл.)..…... 158
Ольга АРТЕМОВА (п. Медвенка Курской обл.)…….……. 158
Дина ЮДИНА (г. Тула)……...……. 159
Василий ТАРАКАНОВ (г. Алексин Тульской обл.)……..…… 160
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА, РЕЦЕНЗИИ…….. 163
Алексей ЯШИН (г. Тула)…….. 164
Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА (г. Орел)……. 167
Сергей ОДИНОКОВ (г. Тула)…….……. 172
Вячеслав АЛТУНИН (г. Тула)……. 174
Евгений АСТАШКИН (г. Омск)……...…….. 178
ПУБЛИЦИСТИКА..... 183

Валерий МАСЛОВ (г. Тула)…….…… 184
Сергей ОВЧИННИКОВ (г. Щекино Тульской обл.)…….. 186
Яков ШАФРАН (г. Тула)……...……... 189
Любовь БОНДАРЕНКО (г. Свердловск, ЛНР)…...…...……. 191
Александр ПЕТРЕНКО (г. Краснодар)…… 193
Николай ТИМОХИН (г. Семей, Казахстан)…….…….. 198
Ирина ШУЛУПОВА (г. Тула)…….……. 201
Татьяна РОГОЖИНА (г. Тула)…….…… 204
РОССИЙСКОЕ РОДОСЛОВИЕ……... 209
Валентин ОГНЕВ (г. Щекино Тульской обл.)..……. 210
Евгений ТРЕЩЕВ. (г. Щекино Тульской обл.)……..…… 214
Сергей О. КРЕСТЬЯНКИН (г. Тула)……... 218
Валерий МАСЛОВ (г. Тула)……. 220
ДЕТЯМ И О ДЕТЯХ..... 223
Людмила АЛТУНИНА (г. Тула)…….……. 224
Евгений АСТАШКИН (г. Омск)…….. 228
Алексей БУТУСОВ (г. Ярославль)……...……... 234
Кира КРЕСТЬЯНКИНА (г. Санкт-Петербург)…….. 240
Владимир ГУЛЯЕВ (г. Барнаул, Алтайский край)……. 242
Ольга КАРАГОДИНА (г. Москва)……... 244
Юлия ВОЕВОДИНА (г. Серпухов Московской обл.)…….……... 245
Ольга АНДРЕЕВА (г. Тула)…….. 246
Владимир КОЛАБУХИН (г. Ярославль)……..……... 261
Галина ЗЕЛЕНКИНА (г. Кодинск Красноярского края)…… 263
Нина ГАВРИКОВА (г. Сокол Вологодской обл.)……... 267
Людмила ПЕНЬКОВА (г. Тула)..…… 271
Дина ЮДИНА (г. Тула)……. 273
СОКРАЩЕНИЯ……. 273
ЮБИЛЕИ……..…… 274

УЧРЕДИТЕЛЬ АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»:

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

АЛЬМАНАХ «КОВЧЕГ» С 2020 Г. ВЫХОДИТ ПОД ЭГИДОЙ
АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»:

ЯКОВ ШАФРАН — главный редактор и составитель
СЕРГЕЙ КРЕСТЬЯНКИН — зав. отделом прозы
НИКОЛАЙ ТИМОХИН — зав. отделом поэзии
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА — зав. отделом публицистики и литературоведения
АЛЕКСЕЙ ЯШИН (от «Приокских зорь»)
ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН
ГЕННАДИЙ МАРКИН
ВАЛЕРИЙ ДЕМИДОВ

АЛЬМАНАХ ОСНОВАН В 2011 ГОДУ
ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ГОД

12 +
В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», альманах предназначен для людей старше 12 лет.

(произведения раздела «О детях и для детей» читаются детям младше 12-ти лет взрослыми людьми)

В макете обложки образцом явилось фото автора Ирсен:
http://fotki.yandex.ru/users/tvoi-druzia/view/405071/?page=1

В иллюстрациях использованы гравюры Юлиуса фон Карольсфельда из «Библии в картинках» («Die Bibel in Bildern»). Изданно в Лейпциге в 1852—60 гг. (из Интернета):
стр. 3 — «Нагорная проповедь». Графика. Гравюра.
стр. 37 — «Иисус и грешница». Графика. Гравюра.
стр. 110 — «Иисус Христос благословляет детей». Графика. Гравюра.
стр. 162 — «Крещение Иисуса Христа». Графика. Гравюра.
стр. 182 — «Проповедь Павла в Афинах». Гравюра.
стр. 208 — «Вознесение». Графика. Гравюра.
А также:
стр. 222 — «Мадонна в облаках». Агостино Карраччи. Графика. 1582 г. (из Интернета).

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

КОВЧЕГ

ВЫПУСК 11

Произведения, опубликованные в альманахе, даны преимущественно в авторской редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакторы: Л. Д. Алтунина, С. О. Крестьянкин,
Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран
Корректоры: Л. Д. Алтунина, С. О. Крестьянкин,
Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран
Компьютерный набор: авторы
Компьютерная верстка, изготовление оригинал-макета
и дизайн обложки: Я. Н. Шафран
Оформление: В. В. Радько, Я. Н. Шафран
Составление: Я. Н. Шафран

Издатель — всероссийский ордена Г. Р. Державина
литературно-художественный и публицистический журнал
«Приокские зори»

Контакты гл. редактора: e-mail: bonyans@yandex.ru тел. 8-953-443-14-69

Альманах выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров

Дата выхода в свет 01.07.2021 г.
Формат 60x84 1/8. Усл.-печ. л. 16,28
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Заказ № 106

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Полиграфинвест»
300028, Тульская область, Тула, Сурикова 20
Тел.: (4872) 71-02-92

ISBN 978-5-6045542-4-1

9 785604 554241 >